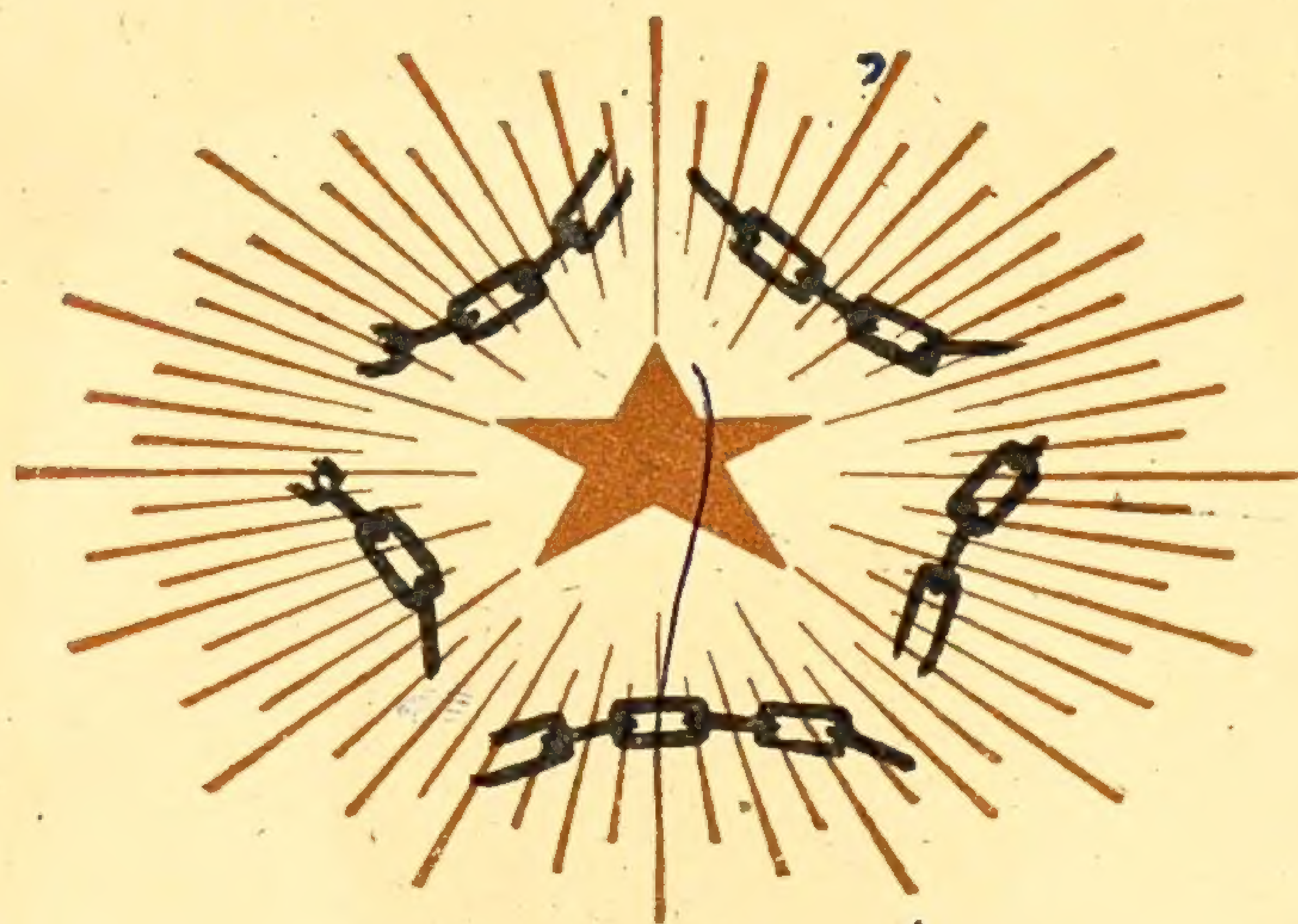
РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ /БОЛЬШЕВИКОВ/

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. И. НЕВСКОГО

II

ГРУППА «ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА»

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЛЕНИНГРАД

1924

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)

ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ СБОРНИК

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. И. НЕВСКОГО

ТОМ ВТОРОЙ

ГРУППА „ОСВОБОЖДЕНИЕ ТРУДА“

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1924

Гиз. № 6907. Ленинградский Гублит № 4963. Отпеч. 5.000 экз.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В прошлом году в сентябре исполнилось сорок лет, как в Женеве появилось извещение об издании «Библиотеки современного социализма» (25 сентября 1883 г.), т.-е. извещение, в котором говорилось об образовании новой революционной социалистической организации, носившей название группы «Освобождение Труда».

Этой организации выпало на долю сыграть колоссальную роль в деле как теоретического обоснования, так затем и практического развития и укрепления русской социал-демократии и русского рабочего движения, а, стало быть, и той партии, из которой выкристализовалась наша коммунистическая партия.

Мало того, группа «Освобождение Труда» сыграла крупную роль и в международном рабочем движении, так как теоретик и основоположник ее Г. В. Плеханов, будучи одним из самых блестящих учеников К. Маркса и Ф. Энгельса, немало ценных вкладов внес и в общую, мировую сокровищницу пролетариата. Но не только в области теории научного социализма очень много сделал Г. В. Плеханов, а именно потому, что лучше чем кто-либо другой владел диалектическим методом Маркса, он очень много дал и в области развития русской мысли вообще.

Потому ясно, что изучить причины, условия, обстановку, по которым и при которых произошло возникновение группы «Освобождение Труда», является неотложной обязанностью всех, кто не остается равнодушным к самым животрепещущим вопросам современности, ибо наше настоящее очень многое унесло с собой из этого «освобожденческого» прошлого, и понять это прошлое — значит понять многое и в настоящем.

Как всякий читатель понимает, мы не претендуем на исчерпывающее изучение истории группы «Освобождение Труда». Эта задача невыполнима не только сейчас, но еще долго будет не выполнена, прежде всего по той причине, что до сих пор не опубликованы хотя бы документы о важнейших моментах истории группы.

Не опубликованы не только документы, но даже нет воспоминаний, кроме немногих статей т. Дейча и первого тома мемуаров П. Б. Аксельрода.

Этими причинами и объясняется то обстоятельство, что мы ограничили рамки и задачи нашего издания. Предметом нашего сборника является один важнейший и основной вопрос: определить те условия и обстановку в революционной среде, при каких и из каких рождалась группа «Освобо-

ждение Труда», т.-е. тот теоретический сдвиг в революционной идеологии, который возник на основе экономического преобразования нашей страны, на основе того процесса, который вызвал две новые силы России,—пролетариат и буржуазию.

Этим и объясняется и состав нашего сборника и период, который охватывается нашим материалом.

Мы не даем картины развития группы от 1883 по 1903 год; мы даем материалы, которые характеризуют эпоху и группу только до середины 90-х г.г. примерно, т.-е. до того момента, когда под напором развивающегося рабочего движения и молодых социал-демократов, попадавших за границу из России, группа стала менять характер своей работы.

Статья т. Сергиевского с огромным документальным материалом рисует ту обстановку в революционной среде, которая создалась в России с 1883 приблизительно по 1894 г.г. Разрушение старых народнических организаций, возникновение новых социал-демократических кружков, выработка новой революционной идеологии, влияние на русских социал-демократов группы «Освобождение Труда», обратное воздействие русских организаций на группу, взаимоотношения группы и этих организаций,—вот тема этой статьи.

То же самое явление отчасти выясняет и сообщение т. Э. Корольчук, давшей материал о «русских социал-демократах» конца 70-х годов.

Воспоминания т. Дейча являются материалом в сущности такого же характера, так как они рисуют как идейную ломку старой идеологии, так и деятелей, главным образом, предшествующей эпохи.

«Черный передел» — тот промежуточный этап, который прошли Плеханов и его товарищи по пути к социал-демократии. Чтобы полнее охарактеризовать этот этап, мы и даем в числе материалов мало кому известный (даже некоторым чернопередельцам) материал: комплект «Зерна», второго органа чернопередельцев.

С опубликованием «Зерна» и документов, печатаемых Е. Н. Ковальской по «Южно-русскому союзу» в Киеве, это составит, пожалуй, полный комплект печатных памятников, вышедших из-под пера чернопередельцев.

К документам, рисующим идеологию того периода, из которого вышел «Черный передел» и группа «Освобождение Труда», относятся и три прокламации, принадлежащие перу Плеханова еще того периода, когда он был народником; в эту группу материалов мы относим и листок о казанской демонстрации.

Отрывки из переписки Аксельрода, Засулич и Дейча — также материал, рисующий положение и взгляды чернопередельцев накануне их сдвига в сторону социал-демократии.

Вопросу об эволюции самих членов группы мы уделяем мало внимания как потому, что эволюция Плеханова до известной степени изучена, так и потому, что, как теоретик, представляет большой интерес еще кроме Плеханова только П. Б. Аксельрод.

В качестве иллюстрации эволюции его взглядов мы и даем материал по его полемике с И. Н. Присецким и речь в Хуре.

Нечего говорить, что письма В. И. Засулич представляют сами по себе ценность, как материал для биографии этой удивительной героини народничества и неутомимой труженицы в группе «Освобождение Труда».

Быть может, читатель посетует на обилие документов, характеризующих русские революционные кружки 80-х и 90-х годов, но ближайшее ознакомление с этого рода документами покажет ему, что без картины, какую представляли русские революционные кружки этой эпохи, нельзя многого понять и в истории самой группы.

Думается, что необходимость появления нашего сборника понятна сама собой, и остается только извиниться перед читателем, что он выходит так поздно вследствие поступления в редакцию все нового и нового материала, а также вследствие сложности подготовки его к печати.

В. Невский.

Ленинград.
27 марта 1924 г.

В. И. Засулич.

П. Б. Аксельрод.

Л. Г. Дейч.

Группа „Освобождение Труда“

в период 1883—1894 г.г.

I.

«Его записка»,—говорит черносотенная великосветская дама А. В. Богданович в своем дневнике 29 января 1880 г. по поводу записки графа Игнатьева,—«его записка о нижегородской ярмарке очень дельно написана, видно, что он с большой наблюдательностью отнесся к этому делу. Обе записки, и Игнатьева, и Гейнса, рисуют в черном положение России. Первый предлагает меры для ярмарки, второй, чтобы уничтожить нигилистов, предлагает: 1) дать рабочему люду занятия, сделать то, что сделал Наполеон в Париже: начать разные сооружения, и главное — устроить ирригацию в южных губерниях, которым угрожает голод; 2) снять налог на соль, а чтобы возместить казне эти 12 миллионов, наложить на керосин и на минеральные масла, а также на ввозные товары; 3) устроить больше реальных школ; 4) переменить губернские учреждения, уничтожить губернских советников, вице-губернаторов, а создать обер-полицийместеров и отдать усиленную полицию в руки губернаторов, власть которых необходимо усилить» [1]).

Очевидно, давление новых экономических отношений на всю общественную жизнь уже тогда, в начале 80-х годов, было настолько ощутительно, что даже в великосветских салонах обсуждали вопрос об «уничтожении нигилистов» мероприятиями не только полицейского сыска, но и мерами экономического же характера.

Действительно, к концу 70-х годов процесс капиталистического развития России определился уже настолько, что даже самые правоверные народники вынуждены были признаваться, что старый, дорогой их сердцу, общественный строй трещит по швам. Победы капитализма над старинным укладом натурального хозяйства приходилось этим сторонникам самобытного развития России отмечать еще раньше. Так, Николай — он еще в 1870 г. в журнале «Слово», анализируя данные о кредите, признает, что кредит и железные дороги «ускоряют обращение натурального хозяйства в денежное». Признавая это, Николай — он далее выражается так: «Денежное же хозяйство — хозяйство товарное — есть хозяйство капиталистиче-

---

[1]) «Дневник А. В. Богданович». Три последних самодержца. Стр. 24. Изд. Л. Д. Френкель. Москва, 1924 г.

ское; следовательно, и кредит и железные дороги ускоряют переворот хозяйственных условий производства, при которых производители являются собственниками орудий производства, в такие условия, где производители становятся наемными рабочими» [1]).

Мало того, тот же самый Николай — он в другом месте той же работы, откуда взята только что приведенная цитата, с грустью заявляет, что даже в земледелии, где растет и цветет милая народническому сердцу русская община, « ... течение капиталистическое, однако, видимо пересиливает».

Нечего говорить о том, что если даже такие люди, как Николай — он, вынуждены были признавать неумолимые факты жизни, то наблюдатели более внимательные и вдумчивые, как, например, Плеханов, еще будучи народником, как увидим ниже, старались не только упрямо твердить заученные народнические формулы, но, наблюдая новые факты экономической эволюции России, пытались осмыслить их и сделать из них, быть может, и не согласные с своей теорией, но логически неизбежные выводы.

А факты эти, а это «течение капиталистическое», действительно, ломало те, казалось, незыблемые устои, на каких люди, подобные Николаю — он'у, пытались построить новый мир всеобщего братства и счастья.

Было бы напрасной тратой времени доказывать ту мысль, что, несмотря на тяжелый кризис 80-х годов, охвативший всю Европу, включая и Россию, русский капитализм продолжал свое победное шествие вперед: все это основательно доказано в многочисленных работах и частного и общего характера, — в бесчисленных земско-статистических исследованиях, в трудах того же Николая — он'а и В. В. и, наконец, в таких исследованиях, как работы Туган-Барановского и В. Ильина-Ленина (1).

Гораздо важнее подчеркнуть, что уже тогда, в конце 70-х и начале 80-х годов, это давление изменившихся экономических условий начинали чувствовать все группы и классы населения, реагируя каждый по-своему на новые явления хозяйственной жизни.

Класс крупных земельных собственников, не отдавая себе отчета, что за процесс совершается пред его глазами, в лице таких своих представителей, как граф Игнатьев и его присные, одной рукой сочинял проекты «уничтожения нигилистов», а другой отсыпал щедрые подачки классу капиталистов и мечтал о прекращении голода путем организации ирригационных работ.

Огромная крестьянская масса, жившая, по мнению народников, старыми «устоями», под невыносимой тяжестью пут этих феодально-крепостнических устоев, с одной стороны, и под новым капиталистическим прессом—с другой, глухо волновалась и бунтовала. Но это движение носителя общинных заветов было, за очень редким исключением, стихийным и неорганизованным; нагайкой и свинцом отвечали графы Игнатьевы на эти разрозненные попытки нищающего и обездоленного крестьянства.

Как же относился ко всем этим фактам, — торжествующему шествию капитализма вперед, реакционным попыткам правительства «уничтожить

---

[1]) Цитирую по «Нашим разногласиям» Г. В. Плеханова, стр. 275 и 279, I том соч. изд. Госизд. Петербург, 1920 г.

нигилистов» при помощи ирригационных работ и помощи русской буржуазии, и, наконец, стихийному брожению крестьянства, как относился ко всему этому новый класс, созданный тем же самым капитализмом, которого этот новый класс как будто бы не хотел признавать, как относился к этой новой жизни класс мелкой городской буржуазии, — все эти идеологи, вся это мелко-буржуазная интеллигенция 70-х и 80-х годов?

Ведь к концу 70-х годов этот класс в России становится уже настолько значительным фактором, что его замечают и отмечают решительно все вдумчивые наблюдатели русской жизни и в первую голову сами представители этого класса. В самом деле, если в 50-е и 60-е годы городская мелкая буржуазия нового капиталистического общества только еще формировалась, если только очень проницательные наблюдатели умели выделить типические фигуры из пестрой толпы, появлявшейся в наших городах, если Молотовы, Кирсановы и Лопуховы в 60-е годы были сравнительно новым явлением, «новыми людьми», то к концу 70-х годов и в особенности в 80-е и 90-е годы это уже был многочисленный класс, с бесконечным множеством групп и слоев, но в общем и целом многочисленный класс, созданный и необходимый растущему капиталистическому государству. Этому капиталистическому обществу, этому промышленному и торговому капиталу нужны были не только рабочие и крестьянство, поставлявшее этих рабочих, ему была нужна и целая армия людей свободных и полусвободных профессий, — инженеры, техники, агрономы, юристы, конторщики, бухгалтеры, счетоводы, статистики, ученые, приказчики, наконец, просто развитые и интеллигентные надсмотрщики, — вся эта бесконечно разнообразная толпа всяческих квалификаций, навыков, выучки и уменья, без которой не может двигаться капиталистический аппарат в своих фабриках, заводах, конторах, бюро, банках, словом, в сотнях и тысячах учреждений, где требуются, на-ряду с забитыми рабами, и интеллигентные представители труда.

Этот любопытный и поучительный процесс образования и формирования во второй половине XIX века класса мелкой и средней буржуазии еще ждет своего исследователя, но и без того следы его образования и его влияние на русскую жизнь мы замечаем повсюду.

В этом отношении очень важны, например, те изменения, какие можно наблюдать на поверхности политической жизни России в течение всего XIX века — изменения в составе русской революционной интеллигенции. Петрашевцы уже очень сильно отличаются от декабристов. Среди петрашевцев дворяне-помещики составляли уже ничтожное меньшинство, здесь преобладают уже дети чиновников, разночинцы, среди них имеются уже и представители мещанства. По мере развития буржуазно-капиталистических отношений ряды революционной интеллигенции пополняются новыми людьми — поповичами, мелкими чиновниками, мещанами. Революционные организации 60-х годов очень характерны в этом отношении. В 70-х годах этот процесс пошел еще дальше: в процессах 193-х и 50-ти «новые люди» — мелкие чиновники, разночинцы, мещане составляют уже большинство. На скамье подсудимых появляется крестьянин и даже рабочий.

Вытеснение этого слоя представителями пролетариата, это—еще более поздний процесс, яркий и заметный уже с 90-х годов прошлого века [1]).

Совершенно не играет существенной роли, что в те или другие моменты революционной борьбы 60-х и 70-х годов яркими идеологами революционной интеллигенции являлись не представители мелкой буржуазии, — в общем и целом тот слой идеологов, революционеров 70-х и 80-х годов, который с таким блеском и шумом выступил на историческую арену, все же был слой нового класса, класса мелкой и средней буржуазии. Как мы это увидим ниже, этим обстоятельством и объясняется очень многое в действии, в борьбе и в идеологии этих «новых людей» старой царской России.

Как же отнесся этот слой, эти идеологи к тем пертурбациям, какие переживала в то время Россия, к тем изменениям, какие испытывала русская жизнь под давлением развивающегося капитализма?

Известно, что теоретики, народники-экономисты, признавая факт развития российского капитализма, были, однако, глубоко убеждены, что России суждено развиваться по своим особенным, свойственным только ей, законам.

Рельефно выразился этот взгляд в словах того же Николая — он'а, который, правда, уже в 90-х годах, с отчаянием восклицал: «Наше историческое прошлое оставило нам в наследство общину, которая под давлением капитализма и порожденных им условий производства и обращения, отделения обрабатывающей промышленности от земледелия, не в состоянии обеспечить своим членам средств существования. Поэтому при существующих условиях ей грозит неизбежная гибель. Но, вместе с тем, общинное землевладение есть одно из основных материальных условий производства, на котором может быть построено здание будущего общественного хозяйства» [2]).

Таким образом, капитализм, это — факт, он разрушает общину, и все-таки... только эта община есть основа нашего общественного хозяйства.

Так рассуждал, как известно, не только один Николай — он, так рассуждало подавляющее большинство народников 70-х годов, так рассуждал Бакунин, родоначальник нашего русского бунтарства, идейный отец наших бунтарей-народников 70-х годов.

Это воззрение русских революционеров народников на русскую общину, как на исходный пункт прогрессивного экономического развития России, которое приведет нашу страну, минуя стадию капитализма, к светлому царству коммунизма, и на общинника-крестьянина, как носителя коммунистических идей, это воззрение и вытекающие из него последствия в области революционной практики достаточно известны и в высшей степени хорошо охарактеризованы самими деятелями эпохи 70-х годов (Г. В. Плеханов, О. В. Аптекман, Н. А. Морозов, Л. Г. Дейч и многие другие).

---

[1]) См. по этому вопросу у М. Н. Покровского в IV томе его истории, а также наши «Очерки по истории Р. К. П.», т. I, изд. «Прибой», Ленинград, 1924 г., стр. 83 и дальше.

[2]) См. Николай—он. «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства». П. 1893 г.

Мы не будем останавливаться на характеристике этого мировоззрения, нас интересует эволюция этого мировоззрения к народовольчеству и социал-демократии. Но прежде чем обратиться к этому вопросу, необходимо вспомнить, что уже в 70-е годы все тот же неумолимый экономический процесс вместе с созданием крупной и мелкой буржуазии создавал и их антипода—пролетариат, и что представители этого класса точно так же начинают появляться на арене политической борьбы. Правда, они появляются в виде исключения, они не характерные, не типичные деятели революционной драмы 70-х и 80-х годов; на авансцене политической борьбы попрежнему действуют «критически-мыслящие личности» мелко-буржуазной интеллигенции, но они, представители пролетариата, все чаще и чаще дают о себе знать, они уже тогда выявляют себя как яркие и талантливые представители армии, борющейся с самодержавием, и, что самое главное, они уже тогда выступают с совершенно особенной, необычной, идущей вразрез со всеми народническими традициями программой.

Читатель понимает, что речь идет о «Южно-российском союзе рабочих» Е. О. Заславского и в особенности о «Северно-русском союзе» В. Обнорского и С. Халтурина.

В программе, выработанной Е. О. Заславским, говорится о том, что союз объединяет рабочих «для будущей борьбы с установившимся экономическим и политическим порядком» [1]), а программа «Северно-русского рабочего союза» ясно и определенно солидаризировалась с социально-демократическими партиями Запада и, ставя своей задачей «ниспровержение существующего политического и экономического строя», выдвигала достижение таких требований, как представительный образ правления, как свобода слова, собраний, союзов и т. п., словом, выдвигала необходимость политической борьбы за политическую свободу.

Эта последняя программа настолько отличалась от народнической, землевольческой программы, что, как известно, встретила довольно суровый прием со стороны землевольцев, стоявших на утопической позиции — немедленной социальной революции и отвергавших борьбу за политическую свободу на том основании, что экономическая революция, которую совершат народники, будет иметь своим неизбежным следствием и политический переворот.

Новый слой, пролетарские элементы, вошедшие в движение в 70-е годы, привнесли, стало быть, и новые идеологические моменты в ту теоретическую концепцию, которая была выработана всем предшествующим революционным периодом.

Таким образом еще задолго до раскола партии «Земля и Воля» среди революционеров-народников существовали такие элементы, которые свидетельствовали о наличии условий, подготовивших раскол.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что условия этого раскола подготовлялись давно и постепенно, и что эволюцию взглядов переживали не только В. Обнорский и С. Халтурин, но и другие народники.

---

[1]) См. программу союза в наших «Очерках по истории Р. К. П.», т. I, приложение.

II.

Эволюция взглядов Плеханова прослежена довольно хорошо, и нам здесь остается только кратко повторить, что уже сделано другими исследователями отчасти в давно вышедших работах, отчасти в недавно появившихся исследованиях [1]).

Еще в начале 1879 г. Плеханов дал статью в третьем номере нелегального журнала «Земля и Воля» (№ 3, январь 1879 г.) под заглавием «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России».

Соглашаясь с положением Маркса, что коль скоро общество напало на след естественного закона своего развития, оно уже не в состоянии ни миновать этих форм своего развития, ни изменить их каким бы то ни было путем, Плеханов дальше рассуждает так: на Западе общество уже напало на след естественного закона своего развития, и это произошло именно тогда, когда там разрушалась община, и ей на смену появилась сначала феодальная, а затем и буржуазная частная собственность. Общинный принцип был замещен индивидуализмом, а этот последний по внутренней необходимости своего развития подкопал феодализм с помощью капитала и могучих средств, которыми капитал владел. Но этот же самый индивидуализм в силу внутренних своих противоречий, которые наиболее ярко выступают в капитализме, подготовляет и гибель буржуазного строя.

Сама техника производства подготовляет людей к коллективизму, соединяя огромные массы рабочих в заводах и фабриках, воспитывая в рабочих массах общие привычки и дух солидарности и борьбы. Таким образом на Западе капитализм был естественным предшественником социализма... «Но,—заявляет далее Плеханов,—мы полагаем, что ход развития социализма на Западе был бы совершенно другой, если бы община не пала там преждевременно». Пояснивши затем, в чем заключается принцип общинного землевладения, Плеханов утверждает, что у нас община не пала, сохранилась и заключает в себе предпосылки к непосредственному переходу в социализм. «Поэтому,—говорит Плеханов,—пока за земельную общину держится большинство нашего крестьянства, мы не можем считать наше отечество ступившим на путь того закона, по которому капиталистическая продукция была бы необходимою станцией на пути его прогресса».

Развивши далее обычные народнические взгляды, Плеханов делает вывод, что перед партией «Земля и Воля» стоят те же самые задачи, разрешить которые пытались «титаны народно-революционной обороны», — Булавин, Разин и Пугачев.

Как видно отсюда, Плеханов, признавая основные положения учения Маркса, будучи последователем его теории, когда речь шла о Западе, оставался утопистом-социалистом, как только речь заходила о России.

---

[1]) См. Ю. Стеклов. «Историческая подготовка русской социал-демократии», «Борцы за социализм». Москва, 1919 г. «Эволюция чернопередельчества».

Особенно, В. Ваганян. «Г. В. Плеханов. От народничества к марксизму» «Под знаменем марксизма», 1923 г., №№ 2—3 и далее № 6—7, № 8—9, № 10 и № 11—12.

См. также литературу о «Черном переделе» в наших «Очерках по истории Р. К. П.», стр. 553.

Правда, никто лучше Плеханова не понимал того огромного значения, какое капитализм мог иметь даже в России для революционного движения, но это все же не мешало ему стоять попрежнему наполовину на утопической позиции. Он еще твердо держится того Бакунинского взгляда, что Россия может перескочить через капитализм прямо от общины в светлое царство социализма. У Плеханова, как он сам характеризует свое мировоззрение 70-х годов, мирно уживались рядом с материалистическими взглядами Маркса чисто идеалистические взгляды Бакунина и Лаврова [1]).

Взгляды эти, однако, постепенно изменялись и уже через год после статей, напечатанных в «Земле и Воле», в двух новых статьях Плеханов возвращается опять к этому вопросу об общине и о путях экономического развития России. Мы разумеем его статью в первом номере журнала «Черный Передел» и статью об общине в январской книжке «Русского Богатства» 1880 г. Здесь мы попрежнему встречаем эту смесь положений Маркса с положениями чистого народничества. Он признает, что экономические отношения являются основой всех остальных, что они являются коренной причиной не только всех явлений политической жизни, но «и умственного и нравственного склада его членов»; считая вместе с тем, что основы революционного народничества остаются незыблемыми, Плеханов, однако, не так уже категорически настаивает на способности русской общины послужить исходной точкой дальнейшего прогрессивного развития. Больше того, он признает, что «при известной комбинации отрицательных влияний» разрушение общины, действительно, неизбежно. Разрушение общины было неизбежным фактом на Западе, для России это считалось необязательным; теперь же, задавая себе этот вопрос, в своем ответе он не исключает возможности, что и в России община исчезнет. Правда, на Западе община исчезла давно, еще задолго до развития крупной капиталистической промышленности, в России же, если община и погибнет, то погибнет, «повидимому, уже в борьбе с капитализмом».

Эти взгляды уже трудно было согласовать со старыми взглядами, целиком взятыми у Бакунина, который, разделяя материалистическую теорию Маркса, делал из этой теории тот вывод, что революционерам нет никакого дела до политики.

Между тем Плеханов, рассуждая об исчезновении общины в борьбе с капитализмом, видит в самом капитализме зародыши будущего социалистического строя. «Капитализм,—говорит он,—подготовляет почву социализму и является его необходимым предшественником».

Раз так, то стоило только принять положение, что и в России налицо крупно-капиталистическое развитие хозяйства, как отсюда вытекали сами собой довольно ясные политические выводы.

Но Плеханов, сам много работавший среди пролетариата, еще в статье № 4 «Земли и Воли» (февраль 1879 г.) признавал, «что наши крупные промышленные центры представляют нам скопления десятков, иногда даже сотен тысяч рабочего люда», и что агитация и организация среди пролетариата является насущнейшей задачей народников. Предположить же

[1]) См. его «Предисловие к русскому изданию» Туна «История революционного движения в России». Петербург. Изд. Рутенберг, 1906 г.

хотя бы возможность исчезновения общины в борьбе с капитализмом, знать, что в наших промышленных центрах скопляются новые могучие революционные силы, сотни тысяч рабочих, это означало признать уже многое из того, что с неизбежностью должно было привести к марксизму. Если же прибавить к этому тот практический опыт, какой проделали в рабочей среде Плеханов и его товарищи, то станет понятным, что необходим был чисто внешний толчок, чтобы в корне пересмотреть свои взгляды.

Сам Плеханов считает «марксистские» взгляды чернопередельцев «марксистскими» взглядами Бакунина.

«Их марксистская точка зрения,—говорит он,—на самом деле была не более, как точкой зрения Бакунина» [1]).

Этот взгляд Плеханова на свою собственную эволюцию можно принять с известным ограничением. Не все чернопередельцы и не в течение всего чернопередельческого периода держались точки зрения, только что охарактеризованной словами Плеханова.

Уже осенью 1880 г. во взглядах Плеханова замечается дальнейшее уклонение от ортодоксальных взглядов Бакунина и как раз по самому основному вопросу, по вопросу о политической борьбе.

Раз мыслимо исчезновение общины в борьбе с капитализмом, раз возможно развитие этого самого капитализма, то мыслимо и то общественно-политическое развитие, которое неизбежно на основе капиталистических отношений. Плеханов так и ставит вопрос, говоря о том, что «общество увидит, наконец, всю глубину пропасти, на край которой привело его правительство, и, движимое чувством самосохранения, добьется необходимых реформ. В противном случае Гордиев узел современной безурядицы будет разрублен топором крестьянина». Но возможен и другой исход: переход власти к буржуазии, буржуазная революция. Как же относится к этой буржуазной революции Плеханов, все так же отрицательно, как относились народники? Далеко нет. Вот что он говорит по этому поводу: «Конечно, не нам, отрицающим всякое подчинение человека человеку, оплакивать падение деспотизма в России; не нам, которым борьба с существующим режимом стоила таких страшных усилий и стольких тяжелых потерь — желать его продолжения. Мы знаем цену политической свободы и можем пожалеть лишь о том, что русская конституция отведет ей недостаточно широкое место». Говоря далее, что на этом требовании сойдутся все честные и уважающие себя люди России, Плеханов призывает не забывать и о конечной цели революции — социализме.

Так думал Плеханов в сентябре 1880 г., а уже менее, чем через полгода, он выражается еще яснее и определеннее. В своем письме в редакцию «Черного Передела», напечатанном в третьем номере этого журнала (т.-е. в марте 1881 г.), Плеханов пишет: «Абсолютизм, разбитый и дряхлый, как его коронованный представитель, понимает всю непрочность своего положения и, растерянно озираясь, он ищет поддержки.

Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, какою ценою и где найдет он эту поддержку. Вырастая под его покровительством, вскормленная его

---

[1]) См. предисловие к «Истории революционного движения в России» Туна. Петербург, 1906 г., Изд. Рутенберга, стр. 20.

заботами, наша буржуазия начинает уже расправлять свои крылья. Она чувствует свою силу, понимает свое значение, и, вчерашняя раба, она подсказывает сегодня программу «мирного развития», а на завтра готовится взять в свои руки все управление государством.

Не политической агитацией в так называемом «обществе» можно, если не отвратить, то сократить ее господство. Общество — не народ. В огромном большинстве своих представителей — оно эксплоататор народа, верхний европеизированный слой той самой буржуазии, против которой мы должны бороться. Приблизить час ее падения могут только успехи социально-революционной пропаганды, агитации и организации.

Поэтому задача «Черного Передела» может считаться оконченною лишь тогда, когда вся русская социалистическая партия признает главною целью своих усилий создание социально-революционной организации в народной среде, при чем требование политической свободы войдет как составная часть в общую сумму ближайших требований, предъявляемых этой организацией правительству и высшим классам. Другую часть этих требований составят насущные экономические реформы, вроде изменения податной системы, введения правительственной инспекции на фабриках, сокращения рабочего дня, ограничения женского и детского труда».

Как видно из этого отрывка, разница между этими воззрениями Плеханова и воззрениями, идеалом которых еще два или год назад были титаны народно-революционной обороны Пугачев, Разин и Булавин, — огромная.

Когда Плеханов и его товарищи Стефанович, Дейч, Засулич, в начале 1880 г., спасаясь от преследований полиции, переходили границу, их взгляды еще оставались старыми. «В идейном отношении,—говорит Плеханов,—мы оставались последовательными народниками, и никогда прежде идеи революционного народничества не выступали в таком стройном виде, какой они получили в ту пору» [1]).

Но стоило только Плеханову за границей поближе из первоисточника познакомиться с идеями научного социализма, как это ортодоксальное народническое миросозерцание потерпело крах.

«Чем более знакомились мы с теориями современного научного социализма, тем более сомнительным становилось для нас наше народничество, как со стороны т е о р и и, так и со стороны п р а к т и к и. По крайней мере, о себе я могу с уверенностью сказать, что уже ко времени выхода второго номера «Черного Передела», т.-е. летом того же 1880 г., я был уже едва ли не наполовину с о ц и а л-д е м о к р а т о м» [2]).

Но мы видели, что это превращение народника Плеханова наполовину в социал-демократа могло совершиться только потому, что еще задолго до выхода этого второго номера «Черного Передела» взгляды Плеханова изменяются в двух самых существенных пунктах народнической теории, — по вопросу об общине, о ее способности стать исходной точкой дальнейшего развития и по вопросу о роли, значении пролетариата в революции; действительно, Плеханов уехал за границу в начале 1880 г., а в начале же этого

---

[1]) Почему и как мы разошлись с редакцией «Вестника Народной Воли». «Искра», № 54.

[2]) Там же.

года, именно в январе, в первой и затем во второй книжке «Русского Богатства» появилась статья Плеханова «Поземельная община и ее вероятное будущее», та самая статья, в которой высказывались соображения, что и в России община может исчезнуть в борьбе с капитализмом, и что в таком случае исходную точку дальнейшего развития нужно искать не в общине, а в чем-то другом, именно в том самом капитализме, который несет вместе с отрицательными явлениями и борьбу пролетариата за свое освобождение.

Стало быть, с одной стороны по вопросу о политической борьбе не так уж далеко был Плеханов по своим взглядам от народовольцев в те времена, и, стало быть, причины разделения «Земли и Воли» в 1879 г. на две фракции лежали где-то глубже, чем это кажется с первого взгляда; а с другой стороны, январь 1880 г., когда была напечатана статья об общине, не так уж далек от лета 1879 г., когда произошел разрыв, тем более, что ведь не явились же взгляды Плеханова об исчезновении общины внезапно, как Венера из пены морской.

Прежде чем ответить, в чем тут дело, обратимся к другой интересной фигуре группы «Освобождение Труда»—П. Б. Аксельроду, и проследим его эволюцию.

III.

Аксельрод подробно рассказывает об этой эволюции в первом томе своих воспоминаний.

По его словам выходит так, что, оставаясь до первого марта 1881 г. все еще непримиримыми народниками, чернопередельцы после первого марта 1881 г. и в России и за границей настолько изменили свои взгляды по вопросу о политической борьбе, что только второстепенное значение, какое придавали народовольцы работе среди пролетариата, мешало чернопередельцам соединиться со своими старыми товарищами [1]).

Необходимо проследить, каким же путем, в каких пунктах старого народнического мировоззрения произошел сдвиг во взглядах Аксельрода, приведший его к такой эволюции, какую он переживал в период первого марта 1881 г.

Еще за полгода до раскола «Земли и Воли», именно в конце 1878 г., Аксельрод написал статью: «Переходный момент нашей партии» (напечатана в 8—9-м номере «Общины») (2). В это время партия «Земля и Воля» переживала кризис, переходный момент, когда все увидели, что те надежды, какие возлагались на поселения в народе, в деревне, не оправдались. Известно, что неудача, постигшая народников, зависела не столько от преследований правительства, сколько прежде всего от того, что мелкий собственник, крестьянин, охотно слушая агитаторов народников о прирезке земли, о ненужности царя и даже бога, переставал понимать народника, когда тот ему рисовал райское житье при коммунизме и коллективном владении землей [2]).

---

[1]) П. Б. Аксельрод. «Пережитое и передуманное». Берлин, 1923 г., т. I, стр. 385.

[2]) См. Аптекман. «Земля и Воля» 70-х г.г., а также Предисловие Плеханова к Туну: «История револ. движ. в России», стр. 35.

Ясно, что тяжелые неудачи, постигшие народников, заставили их критически взглянуть на весь предшествующий период своей деятельности. Мы имеем многочисленные свидетельства о результатах этого пересмотра, и в них, как в зеркале, отражаются те социально-экономические группировки и отношения, какие воздействовали на самих народников. Такие деятели, как Стефанович и Степняк, видели причину своих неудач в том, что народники безоговорочно переносили идеи и приемы борьбы западно-европейских социалистов на русскую почву. Между тем, русский народ, крестьянство не может воспринять эти идеи, они чужды ему; русский крестьянин темен, верит в бога, возлагает свои надежды на царя; но это, однако, не означает, что он безнадежен в смысле усвоения идей социализма. Дело в том, что в самом народе существуют социалистические черты, воспитанные его тысячелетней общинной жизнью. Эти социалистические черты — убеждение, что земля ничья, что она принадлежит тем, кто ее обрабатывает, т.-е. народу, и ненависть к государству. Вот эти-то черты и есть то, что должно лечь в основу программы русских социалистов, это и есть то народное знамя, под которое должны стать и русские социалисты. Отсюда вытекают и те цели, которые должны поставить себе русские социалисты: 1) переход частной земельной собственности в собственность народных общин, каковы они есть в настоящее время, 2) самостоятельность мирских громад в управлении всеми общественными делами, т.-е. уничтожение государства. Вот две великие народные задачи, которые станут задачами настоящего времени и всех русских социалистов, если они захотят всмотреться в условия жизни своего народа. Так разрешал вопрос Стефанович в своей статье «Наши задачи на селе» [1]), и мы видим, что это все та же старая Бакунинская точка зрения, отрицавшая значение политического момента в предстоящей революции. Точно так же по этому вопросу высказался и Степняк, провозгласивший, что главная причина неудач заключается в том, что идеи и приемы западно-европейского социализма безоговорочно переносились на русскую почву, и что пора «сбросить с социализма его немецкое платье и одеть его в сермягу».

Так или почти так ставили вопрос и многие другие. Когда зимой 1877 — 1878 года народники съехались в Петербурге и когда под влиянием происходившего возбуждения в обществе (после выстрела Веры Засулич) было приступлено к пересмотру программы, основы ее остались незыблемы: «экономическое освобождение народа при посредстве народа, как необходимое условие реализации политической свободы» [2]). Но тогда же, по предложению В. Осинского, был поставлен и новый вопрос — вопрос политический.

Как известно, этот новый вопрос был разрешен не в пользу Осинского, но знаменательно то, что рассказывает О. В. Аптекман о попытках Осинского провести признание политической борьбы контрабандным путем, когда он предложил несколько раньше напечатать в землевольческой типографии прокламацию киевских конституционалистов к русскому обществу

---

[1]) Ст. была напечатана в «Общине», № 8—9, 1878 г.

[2]) О. В. Аптекман. «Общество «Земля и Воля»—70-х г.г.». Петр., изд. «Колос», стр. 294.

и его предложение совместно с ними издавать революционный орган. Второе из этих предложений было отвергнуто категорически, а по поводу напечатания листка было вынесено компромиссное решение, — напечатать, но заявить, что народники не солидарны с развиваемыми в листке взглядами.

Стало быть, не так уж благополучно обстояло дело с тем необыкновенным согласием во взглядах, о котором говорят почти все деятели 70-х годов: логика вещей и ход экономического развития заставляли уже тогда, уже в 1878 году, многих народников ставить вопрос о борьбе политической. А этот ход вещей сводился к тому, что буржуазия, крепнущая и организующаяся, выдвигала на очередь дня вопрос о конституции: об этом свидетельствует «Летучий Листок» (3), написанный Михайловским, об этом говорили земские адреса в Харькове, Полтаве и Орле, об этом свидетельствовало и возбуждение среди учащейся молодежи, этом авангарде мелкой и средней буржуазии, настроение студентов и курсисток, наперебой, как свидетельствует Плеханов, предлагавших свои услуги революционерам [1]), об этом, наконец, говорила и попытка земцев-либералов столковаться с землевольцами (предложение Ювенальева и Осинского). В. Осинский, предлагая народникам договориться с либералами, только лучше, только полнее других отражал буржуазную, политическую сущность тогдашнего революционного и оппозиционного движения. Т. Дейч в своей печатаемой ниже статье говорит, что склонность южных бунтарей прибегать к актам «дезорганизаторской» деятельности, т.-е. попросту к формам борьбы политической, зародилась на юге раньше вследствие особых специфических услови (этнографический состав населения, близость трех университетов, прошла история юго-западного края и т. п.); может быть это и так (хотя, чем меньш могли влиять на северян больше десятка высших учебных заведений Петербурга и Москвы, отстоящих друг от друга на 600 верст, не ясно), но дело не в этом, дело в том, что если бы даже В. Осинский или кто-нибудь другой из южан-революционеров не поставил вопроса о политической борьбе зимой 1878 г., он был бы поставлен северянами или восточниками или западниками, ибо он был поставлен самой жизнью, а подавляющее большинство народников-революционеров хотя и исповедывали евангелие утопического социализма, были по самой природе своей буржуазными революционерами, радикалами в европейском смысле этого слова, как выразился Плеханов о Желябове. Они выражали интересы организующейся и добивающейся конституции буржуазии, но, выражая эти стремления, они были представителями левого крыла этой буржуазии, якобинского ее крыла, и в этом их бессмертная заслуга. Доказательства в пользу этого мнения мы приведем ниже. Стало быть, уже в недрах самой «Земли и Воли», в силу классового состава действующих лиц, существовали причины, которые привели к расколу на съезде 1879 г. Там на съезде только определилось два течения, — одно, которое потом вылилось в настоящее буржуазно-конституционное течение 80-х годов и эволюционировало от мелко-буржуазного утопического социализма к либеральной буржуазии, и другое, которое эволюционировало

[1]) Г. В. Плеханов. «Русский рабочий в революционном движении». В «Соц.-Дем.» Плеханова, №№ 3 и 4, и затем русские издания.

от того же мелко-буржуазного утопического, крестьянского социализма к социализму пролетарскому, научному.

Но прежде чем привести этому доказательства, посмотрим, как же реагировал другой основоположник группы «Освобождение Труда» П. Б. Аксельрод на кризис в своей партии.

Рассматривая в своей статье историю предшествующего периода, Аксельрод находит много ошибок в прошлой деятельности народников и подчеркивает, что главная ошибка заключается в якобинском взгляде на народ, взгляде, по которому народ только материал для революционера. «Анархистам же,—продолжает он,—пришлось посмотреть на народ не как на пушечное мясо, а как на силу, призванную на великое дело сознательного разрушения существующего строя и столь же сознательного созидания нового порядка на совершенно новых основаниях» [1]. Кроме этой, так сказать, теоретической ошибки была совершена и ошибка практическая: за дело пропаганды и организации народа взялась неподготовленная молодежь, ожидавшая быстрых и блестящих успехов там, где требуется работа целых поколений. Отсюда следовала еще одна ошибка, именно, что революционная деятельность представлялась не как нечто сложное, состоящее из разнообразных функций, а как однородная деятельность пропаганды и агитации в народе. Критикуя прошлую деятельность в народе, Аксельрод выдвигает следующие положения: 1) целесообразное распределение сил и объединение этих сил, 2) организация местных народно-социалистических партий, 3) организация масс и выработка убежденных социалистов из народа и 4) организация социалистической прессы.

Но все эти положения представляют мало интереса, ибо везде почти во всей статье Аксельрод остается типичным бакунистом-анархистом; только в двух примечательных местах своей работы он протестует против установившихся ходячих мнений, вооружается против мнения Стефановича, что народникам повредило подражание западно-европейским социалистам; как раз наоборот,—утверждает он,—именно незнакомство с методами борьбы западно-европейских социалистов и является причиною зла; далее он высказывается и против другого основного положения Стефановича, взятого последним у Бакунина, а именно, что общинные идеалы русских крестьянских масс и суть идеалы современного социализма. Он обращает внимание своих товарищей как раз на то обстоятельство, «что самый принцип общинного землевладения может весьма легко выродиться во взаимную конкуренцию общин и в новый вид монопольной собственности, придав в то же время государственному строю такую устойчивость (в смысле консервативном), о какой современные государства и мечтать не смеют» [2].

Это указание на опыт западно-европейских социалистических партий, как на образец революционной работы среди масс, и скептицизм к незыблемости общины и составляют те пункты, которые, как и Плеханова, очень резко отличают и Аксельрода от остальных их товарищей еще до раскола 1879 г.

[1]) «Община», № 8—9, 1878 г.
[2]) Там же.

Аксельрод еще в 1874 году в Берлине познакомился с западно-европейским рабочим движением и с тех пор никогда не порывал этой связи, и именно эта связь и оказала огромное влияние на все его миросозерцание.

Это становится заметным уже в тех статьях, какие он печатал за границей в течение 1881 — 1882 годов и по каким можно судить, как шаг за шагом факты именно западно-европейского рабочего движения производили одну брешь за другой в его народническо-анархическом миросозерцании.

В течение 1881 года в журнале «Вольное Слово» (4), выходившем в Женеве, Аксельрод печатал «Письма о рабочем движении», и на этих письмах можно наблюдать влияние, о котором только что сказано.

Характерно уже вступление к этим письмам в № 4 «Вольного Слова». Обрисовав современную эпоху истории человечества как эпоху переходную и указав, что в такие эпохи почин возрождения человечества берут на себя наиболее угнетенные классы, Аксельрод говорит: «Рабочее движение является таким образом как бы воплощением всей совокупности сознательных стремлений и усилий нашей эпохи к переходу на более высокую ступень цивилизации» [1]). Во втором письме, помещенном в пятом номере «Вольного Слова», говоря о французском рабочем движении, Аксельрод рисует ход европейского рабочего движения и показывает, как на почве чисто экономической борьбы за достижение своих ближайших требований рабочий класс втягивается в борьбу политическую, и как эта двоякого рода борьба постепенно приводит пролетариат к мысли о борьбе за демократизацию государственной власти.

«Демократизирование политических учреждений с целью сделать из государства орудие эмансипации трудящихся классов — такова более поздняя форма борьбы труда с капиталом. По мере развития сословного сознания в рядах пролетариата, и борьба его с капиталистами все более и более принимает двоякую форму — борьбы непосредственно экономической и борьбы политической. И повсюду первым шагом при выступлении пролетариата на политическую арену является требование всеобщего, прямого и равного избирательного права».

Правда, в этих письмах Бакунинский анархизм дает еще себя чувствовать повсюду. Так, в следующем письме Аксельрод, говоря все о том же французском рабочем движении, предпосылает введение, трактующее о роли немецкой социал-демократии, и делает ошибочное предсказание, что немецкая социал-демократия, бывшая гегемоном европейского рабочего движения в 70-е годы, в 80-е уступит это место французским анархистам и синдикалистам. Но, вместе с тем, он не высказывается решительно ни за французских социалистов, ни за французских анархистов. «Очень может быть,—говорит он,—что метод анархистов (или, вернее, «абстенционистов») окажется в будущем более соответствующим целям рабочего движения. Но каковы бы ни были относительные недостатки избирательной агитации во имя реформ, приведенных в предыдущем письме, она, несомненно, подготовляет умы значительных масс народа к восприятию социалистического идеала, способы осуществления которого будут выясняться по мере роста численности и сознания передовых отрядов пролетариата».

---

[1]) «Вольное Слово», № 4, 1881 г.

1-ая страница

2-ая страница.

3-я страница.

Метрическое свидетельство Г. В. Плеханова.

(Из собраний Музея Революции).

Реформы же эти — были требования программы французской рабочей партии.

Как видит читатель, уже в 1881 году взгляды Аксельрода по многим вопросам были очень далеки от тех традиционных взглядов революционного народничества, какие им высказывались еще в «Общине» 1878 г.

Для того, чтобы уяснить себе, почему же произошел раскол «Земли и Воли», в силу каких причин вскоре же после раскола был поднят вопрос и чернопередельцами и народовольцами о соединении, и почему это объединение не произошло, обратимся к изучению трех в высшей степени важных документов, относящихся к 1881 году. Документы эти — речь Аксельрода на социалистическом конгрессе в Хуре, статья И. Присецкого в «Вольном Слове» и ответ на нее Аксельрода (5).

IV.

Аксельрод выступал на конгрессе в Хуре с речью, в которой коснулся и характера русского революционного движения, и отличия его от западноевропейского рабочего движения, и причин, разделивших «Землю и Волю».

По мнению Аксельрода: «Наше правительство не опирается на какой-нибудь, хотя бы консервативный, класс общества. Развившись из исторических условий, оно в настоящее время опирается только на массу чиновников и солдат, представляя собой разбойничью шайку, высасывающую жизненные соки страны и беспощадно подавляющую всякую оппозицию, из какого бы класса общества она ни исходила».

Представляя себе так упрощенно существо русского самодержавия, Аксельрод полагал, что борьба ведется между двумя организованными группами—висящим в воздухе правительством и «Исполнительным Комитетом», как центром борьбы против общего врага. По его мнению выходило так, что Исполнительному Комитету помогали «недовольные элементы всех классов общества», и в этом и было главное отличие русского революционного движения от западного, где боролся класс рабочих против класса капиталистов.

«Движение наше,—говорит Аксельрод,—не носит, таким образом, характер организованной сословной борьбы, хотя и у нас, как и всюду, существует антагонизм между разными общественными классами».

Признавая, стало быть, существование и в России классовых противоречий, Аксельрод в силу своих старых народнических взглядов не видел, что и борьба «Народной Воли» с самодержавием была борьба классовая, борьба буржуазии с классом феодалов, крупных помещиков.

Итак, между русским и западно-европейским движением пока нет точек соприкосновения, но они скоро возникнут: «Бисмарк постарается довести и немецких социалистов до употребления динамита и т. п. по отношению к своим угнетателям, и тогда тесный союз между ними и русскими социалистами сделается вопросом необходимости».

Говоря о «Народной Воле» и «Черном Переделе», Аксельрод так объясняет причины разделения «Земли и Воли»: «Разница между ними состояла, по крайней мере прежде, в том, что «Народная Воля» требовала сосредоточения деятельности в городах, на почве антиправительственной борьбы —

пуская в ход как террор, так и пропаганду, между тем как «Черный Передел» напирал на сосредоточении сил в деревне и на возбуждении духа протеста в крестьянстве — также путем пропаганды и террора — например, против особенно ненавистных народу своей эксплоатацией правительственных и частных лиц».

Вот и вся разница, а что касается социализма, то и народовольцы и чернопередельцы одинаково преданы социализму.

«Только немногие члены «Народной Воли», как, например, героический Желябов, особенно настаивали на агитации преимущественно радикально-политического характера, в виду соображений чисто практических, именно: возможно скорого ниспровержения деспотизма и проложения пути к большему развитию народных сил».

Ну а раз так, раз нет принципиальных разногласий, то настанет скоро время, когда снова и «Народная Воля» и «Черный Передел» объединятся.

«Это тем более вероятно, что фракция «Народной Воли» на деле давно уже энергично принялась за организационную работу среди городских рабочих и взывает к молодежи о необходимости приняться за агитацию в крестьянстве. Она ясно высказалась за устремление революционных элементов на подготовление народного восстания. С другой стороны, «Черный Передел» признал необходимость специально политической борьбы для избавления народа от гнета абсолютизма».

Все это с внешней стороны было верно, и не только Аксельроду, но и Плеханову казалось, что объединение еще возможно; жизнь же, ход вещей диктовал другое: разногласие между группой Плеханова и «Народной Волей» было глубже, чем тогда казалось: оно коренилось в тех классовых соотношениях, тенденции которых выражали обе фракции «Земли и Воли», или, вернее, тенденции которых выражали будущие народовольцы и будущие «освобожденцы».

Это было еще не ясно выражено попытками Осинского вступить в союз с либералами, это резче было заявлено Желябовым на Воронежском съезде, когда он высказал свое отношение к стачечной [1]), стало быть, классовой борьбе рабочих, это, наконец, очень определенно было высказано Присецким в его статье в «Вольном Слове». В этой замечательной статье народоволец И. Присецкий, тоже страстно желавший объединения «Черного Передела» и «Народной Воли», высказывает такие мысли, которые яснее ясного показывают ту линию, по какой шла эволюция одной части народничества, и что за стремления выражала эта часть.

Дав краткий исторический обзор революционного движения, Присецкий так формулирует задачи момента (6): «Теперь уже для всех ясно, что вопрос о конституционном режиме стоит на очереди. Разрешение его неми-

---

[1]) «Стачечник ведет двоякую борьбу,—сказал А. И. Желябов,—он ведет классовую борьбу с фабрикантами и политическую борьбу с полицией; и я буду поддерживать его именно потому, что он борется с этой последней». Сказать это мог,—добавляет Плеханов, приведя слова Желябова,—именно только радикал в западноевропейском смысле. Социалист, отбросивший предрассудки утопического периода, понимает, что политическая борьба тоже может стать классовой и даже должна стать классовой, чтобы иметь шансы на успех». Тун, изд. Рутенберг. Петербург, 1906 г., стр. 43.

нуемо, и оно будет если не в этом году, так еще через несколько лет. Деспотизм находится в агонии; от общества, от всех, населяющих Российскую империю, зависит теперь, сколько времени продолжится эта агония». Какие же силы, какие классы могут сказать свое последнее слово в пользу завоевания революции? « ... если бы все социалисты, поняв важность переживаемого Россией момента, оставили споры в основах и присоединились на время к «Народной Воле», если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за попранные права России, дело значительно подвинулось бы вперед». (Разрядка моя. В. Н.)

Читателю ясно, что искать опоры в земствах и городах, это значит опираться на определенный класс, класс буржуазии.

Это было ясно для Желябова, это еще ясней для Присецкого. Он так и определяет тот народ, к интересам которого апеллировали и народовольцы и чернопередельцы.

Нас обвиняют,—рассуждал он далее,—что мы грешим против формулы «все для народа, все посредством народа». Ничуть не бывало! А что такое народ? задает он вопрос, и так отвечает на него: «Что подразумевается под словом народ? Вся ли нация, совокупность ее интеллигентного, промышленного и рабочего классов, или только один рабочий класс? Если вся нация, то, конечно, нечего и говорить, мысль верна, так как, понятно, все должно делаться для блага всей нации. Но, если «умысел другой тут был», если здесь говорится только об одном рабочем сословии, что все нужно делать исключительно для него, если интересы рабочих отделяют от интересов интеллигенции, то, право, так и начинает пахнуть Аксаковским мракобесием.

Ибо, как не понять, что при настоящем устройстве общественной жизни, организации производства, все, что ни делается для интеллигенции, делается и для народа. Это слишком ясно, чтобы распространяться об этом. Теперь, что означают слова «посредством народа»? Если посредством опять-таки одного рабочего люда, то мысль будет абсурдна. Никто не сомневается, что рабочим полезно, чтобы свобода слова была обеспечена. Но, однако, я думаю никому и в голову не придет требовать, чтобы рабочий класс, мало сознающий всю пользу свободы слова, был поставлен ее стражем и даже требователем. Таким образом, фразу: «Все для народа и посредством народа» необходимо выразить так: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». В таком случае деятельность «Народной Воли» будет вполне соответствовать этому требованию. Желая свободы и права для всей нации, она стремится опереться на интеллигентную часть нации, как наиболее заинтересованную в этом деле» [1]).

Здесь все договорено до конца, и все темные стороны вопроса разъяснены: «Народная Воля», это—партия, стремящаяся опереться на интеллигентную часть нации, а мы выше говорили, что представляла уже тогда интеллигентная часть нации.

---

[1]) См. в приложении статью И. Н. Присецкого.

Небольшая экскурсия в область статистики разъяснит суть дела лучше, чем длиннейшие рассуждения. Начиная с 60-х годов, классовый состав революционеров менялся в сторону демократизации, от дворянства к рабочему классу и крестьянству, но еще в начале 90-х годов дети дворян, чиновников, духовенства, купцов, разночинцы составляли огромную часть революционеров, число же рабочих было очень не велико, и только с конца 90-х годов рабочие и интеллигентный пролетариат составляют большинство революционной армии.

Это видно из следующих цифр.

Из всего числа привлеченных по «политическим преступлениям» с 1891 по 1896 г.г. рабочих было в 1891 — 87 чел., 1892 — 78, 1893 — 42, 1894 — 90, 1895 — 154 и 1896 — 375. С этого времени рабочие уже целиком преобладают в движении (если исключить студенческие волнения).

Точно так же и по тем сословиям, откуда выходил революционер, видно, что только с конца 90-х годов наблюдается заметное преобладание выходцев из мещанства и крестьянства; так, из числа привлеченных было:

	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897
мещан	112	210	175	233	255	354	488
крестьян . . .	64	149	155	181	326	538	1097

До этого времени, т.-е. в 80-е годы, преобладали в революционном движении не рабочие, не крестьяне и не дворяне, а дети мелких чиновников, духовенства, купцов и мещан, т.-е. тот слой городской мелкой и средней буржуазии, главным образом, учащиеся, та интеллигенция, к которой и обращается Присецкий.

В конце 70-х годов из всего числа привлеченных по политическим преступлениям дворяне составляли еще почти треть (остальные приходились на долю чиновников, поповичей, мещан и крестьян), а к концу 90-х годов подавляющее число революционеров выделялось из мещанства и крестьянства, при чем добрая доля приходилась уже и на рабочих и ремесленников. 70-е, 80-е и даже почти все 90-е годы это были годы вовлечения в революционное движение буржуазно-демократической интеллигенции, шедшей в революции вплоть до ее поражения в 1905 г.

Понятно, почему Присецкий обращал свои взоры именно сюда и разъяснял слово народ словом нация, а интересы народа отождествлял с интересами интеллигенции всех классов народа: дело-то в том, что и в 70-е и 80-е годы интеллигенты-рабочие и крестьяне считались десятками и сотнями, а интеллигентов-буржуа были уже десятки и сотни тысяч.

Но, как мы сказали выше, и в 70-е годы в революцию вступает рабочий, к началу 80-х годов число передовых рабочих, несомненно, растет, и это дает себя знать по мере роста рабочего движения, а к концу 90-х годов, когда рабочее движение становится массовым, носитель революции меняется, становится иным.

Таким образом еще концу 70-х годов в нашем революционном движении обозначаются две классовые прослойки — буржуазная и пролетарская, а соответственно этому и в идеологии движения должно быть было две струи — буржуазно-демократическая и социалистическая. Так оно и было. Сначала все это, при нерезко обозначившейся классовой дифференциации,

окрашивалось одной идеологией утопического социализма, а затем, начиная с конца 70-х годов, обозначаются две струи — эмансипация от утопического крестьянского социализма, мелко-буржуазного революционного народничества к буржуазно-демократическому либерализму и от того же мелко-буржуазного, крестьянского, утопического социализма к социализму пролетарскому, от народников-утопистов Плеханова, Осинского, Аксельрода, Желябова, Засулич, Присецкого и других через радикалов Желябова, Присецкого, Перовскую и т. д., с одной стороны, к буржуазным демократам Якубовичам, Корба, социалистам-революционерам, кадетам, и с другой,— к социал-демократам Плеханову, Аксельроду, Засулич, Дейчу и всей русской социал-демократии.

Понятно, почему должен был произойти раскол в «Земле и Воле»: это был результат той классовой диференциации, какую переживала страна, и того влияния, какое оказывала эта классовая диференциация на самое революционную среду. Понятно точно так же, что и вопросом, по которому произошел раскол, должен был быть вопрос о терроре и вопрос о политической борьбе. Буржуазно-демократическая интеллигенция, составлявшая главный кадр революционеров, выдвинула как главную суть своей идеологии — идею «критически-мыслящей личности», действие, борьба которой творит историю. Понятно, что революционеры, как Присецкий, желавшие опереться на эти «критически-мыслящие личности», на ничтожную часть народа, на буржуазную интеллигенцию, не могли рассчитывать на поддержку масс народа, и потому им приходилось рассчитывать на свои силы, на геройские подвиги единичных героических личностей, отсюда — террор, отсюда идея о натиске на правительство кучки самоотверженных личностей; понятно, что революционеры, желавшие опереться на рабочий класс и крестьянство, понимавшие под термином народ именно пролетариат и крестьянство, рассчитывали на действия масс, а действия масс, как небо от земли, отличаются от героических террористических актов отдельных личностей.

С этой точки зрения, конечно, неправильно рассуждает О. В. Аптекман, когда видит причины разногласий в индивидуальных свойствах даже таких крупных личностей, как Плеханов или Тихомиров; это обстоятельство, конечно, играло некоторую роль, нон астолько ничтожную, что, будь вместо Плеханова и Тихомирова другие деятели, процесс разделения происходил бы, быть может, менее бурно, но он все равно произошел бы. Л. Г. Дейч совершенно справедливо видит в подобных рассуждениях О. В. Аптекмана, сводящих причины раскола к характеру действующих лиц, не научное объяснение важнейшего исторического события, но сам же Л. Г. Дейч становится на ту же позицию, когда объясняет причины неудачи переговоров «Черного Передела» с «Народной Волей» об объединении [1]).

Несомненно, что образ действий Тихомирова и Ошаниной заслуживает всяческого осуждения, но, право же, не имеет никакого значения то обстоятельство, что Тихомиров не желал, чтобы Л. Г. Дейч участвовал в общем

---

[1]) См. О. В. Аптекман. «Черный передел», статья в изд. Истпарта «Черный передел», орган соц.-федералистов». Петр., 1922 г., и Л. Дейч, «О сближении и разрыве с народовольцами», «Пролетарская революция», № 8 (20), 1922 г.

деле или то обстоятельство, что тогдашний лидер «Народной Воли» называл Дейча обидной кличкой («ехидное животное»).

Объединения Плеханова, уже к концу 80-го года сделавшегося наполовину социал-демократом, не могло состояться с людьми, которые, как Присецкий, мечтали опереться на земства и города или, как Тихомиров, проповедывали захват власти.

Об этом рассказывает и сам Л. Г. Дейч, когда говорит, как в феврале 1882 г. писался ответ на письмо «Исполнительного Комитета» о захвате власти [1]). Прочтя это письмо, Плеханов сразу понял, что ни о каком союзе речи быть не может. «Ведь это совершеннейшая бессмыслица, на которую невозможно ответить!—сказал Плеханов, прочтя это письмо.—Это выше моих сил!»—воскликнул он, кладя на стол листок почтовой бумаги. Это оказалось по силам Л. Г. Дейчу, но так или иначе и из письма Дейча ничего не вышло. Раскол был неизбежен. Переписка Плеханова с Лавровым подтверждает это.

В феврале 1882 г., как пишет Л. Г. Дейч, было получено письмо от «Исполнительного Комитета» с планом захвата власти, а ранней весной этого же года Плеханов писал Лаврову о том, что хотя они, чернопередельцы, и послали Исполнительному Комитету ответ, в котором разногласия не оттеняются, но что это сделано в надежде, что народовольцев удастся склонить на надлежащую дорогу. Плеханов, однако, прибавлял, что их надежда «связана с большим или меньшим количеством шансов неудачи». В этом же письме он выражает опасение, что ему едва ли удобно будет оставаться редактором предполагаемого журнала, затевавшегося тогда «Вестника Народной Воли», так как весьма возможно, что чернопередельцам придется снова стать в оппозицию к «Народной Воле». Указывал Плеханов и на свои разногласия с Кравчинским. « ... Он,—писал Плеханов,—что-то вроде прудониста, я—не *понимаю* Прудона; характеры наши тоже не совсем сходны: он—человек, относящийся в высшей степени терпимо ко всем оттенкам социалистической мысли, я готов создать из «Капитала» Прокрустово ложе для всех сотрудников «Вестника Народной Воли» [2]).

Человек, собиравшийся создать «Прокрустово» ложе из «Капитала» Маркса для всякого товарища по организации, не мог быть в одной организации с людьми, которые подменяли понятие «народ» понятием «интеллигенция». Идейно Плеханов уже до получения письма от «Исполнительного Комитета» в феврале 1882 г. был на недосягаемом расстоянии от «Народной Воли», да и его товарищи, пожалуй, тоже уже идейно порвали с народовольцами: по крайней мере Дейч, этот главный организатор группы «Освобождение Труда» (как Плеханов ее идейный руководитель), говорит, что уже летом 1882 г. у него возникла мысль «о заложении организации, названной потом группой «Освобождение Труда».

Что касается Аксельрода, то и он уже в 1881 г. испытал настолько сильно влияние марксизма, что дальнейшая его эволюция в сторону науч-

---

[1]) См. указанную выше статью Л. Г. *Дейча* в № 8 (20), 1922 г. «Пролет. рев».

[2]) «Дела и дни», кн. 2-я, Петербург. Письма Г. В. Плеханова к П. Л. Лаврову, стр. 90.

ного социализма Маркса была несомненна. Это очень хорошо видно по его ответу на статью Присецкого. Действительно, опровергая буржуазную «философию» Присецкого, Аксельрод рассматривает современное общество как классовое буржуазное общество [1]). «Каждая страна, каждая нация,—говорит он,—подразделяется на два главных класса, интересы которых коренным образом расходятся. Эксплоататоры и эксплоатируемые — вот термины, достаточно рельефно характеризующие глубокий антагонизм, разделяющий каждую нацию на два враждебных лагеря». В таком классовом обществе не может существовать какой-то одной внеклассовой интеллигенции, а каждый класс выдвигает из своих недр свою собственную интеллигенцию. Поэтому отождествлять интересы народа, т.-е. трудящихся классов, с интересами всяческой интеллигенции есть дело нереволюционное, ибо формула Присецкого: «все, что делается для интеллигенции, делается для народа», в классовом обществе означает: все делается для того класса, интересы которого данная интеллигенция выражает. Так как только там, где рабочий класс долго и упорно боролся за свои политические гарантии, он и пользуется ими, нужно обращаться не к какой-то интеллигенции, представляющей из себя смесь разнообразных классовых групп, а к рабочим и крестьянам «во имя их классовых интересов, в сфере политической и экономической».

Расшифровывает Аксельрод и классовую сущность тех слоев, на которые призывал опереться Присецкий. «. . . Что такое наши земские и городские учреждения?»—спрашивает он и дает такой ответ: «Это—представительные собрания привилегированных в имущественном или профессиональном отношении классов». Правильно оценивает Аксельрод и классовую, буржуазную сущность народовольческой программы Присецкого. «Таким образом,—говорит он,—предложение автора привлечь к революционному движению во имя политической свободы одну только «интеллигентную часть нации» при внимательном рассмотрении сводится к тому, чтобы опереться в революционной борьбе исключительно на высшие и средние классы» . . . Проходит через всю статью Аксельрода и признание того положения, что завоевание политической свободы есть необходимейшее условие для успешной борьбы рабочего класса за свое полное политическое и экономическое освобождение. В статье, конечно, имеются еще элементы старого мировоззрения, но несомненно одно: в ней имеются многие элементы марксизма и признание того, что именно Маркс и Энгельс являются теоретическими обоснователями революционной борьбы пролетариата за свое освобождение.

Таким образом мы видим, как постепенно изменялись взгляды двух теоретиков группы «Освобождение Труда», и как уже к концу 1881 г. они стояли на верной дороге к марксизму.

Эволюция взглядов В. Н. Игнатова нам неизвестна, что же касается Л. Г. Дейча, этого главного организатора группы, и В. И. Засулич, то, как он говорит сам, и его мировоззрение под могучим воздействием гения Плеханова тоже эволюционировало постепенно к марксизму примерно в тот же период времени [2]).

[1]) См. в приложении статью П. Б. Аксельрода.

[2]) Об В. Н. Игнатове у Л. Дейча—«Пролет. рев.», № 9 (21), 1923 г.

При таких условиях момент окончательного разрыва был только вопросом времени. Он и наступил осенью 1883 г., когда появилось извещение «об издании «Библиотеки Современного Социализма», что фактически было извещением об образовании новой организации — группы «Освобождение Труда» (25 сентября 1883 г.).

V.

На фактической стороне раскола «Земли и Воли» и образовании группы «Освобождение Труда» мы останавливаться не будем: первое рассказано многочисленными участниками движения 70-х годов, а второе—Плехановым, Аксельродом и неоднократно Дейчем.

Напомним только главнейшие даты этой истории.

Летом 1879 г. «Земля и Воля» раскололась на две организации: «Народную Волю» и «Черный Передел»; в январе 1880 г. Плеханов, Дейч, Засулич и Стефанович уехали за границу; в 1880 г. Плеханов переехал в Париж и сблизился с Лавровым, а Дейч, Засулич и Стефанович, оставшиеся в Швейцарии и сносившиеся с Россией, под влиянием, с одной стороны, успехов народовольцев, а с другой стороны, слабости собственных организаций, решили начать переговоры с народовольцами о присоединении к «Народной Воле»; летом 1881 г.. Стефанович с этой целью уехал в Россию, где вскоре и вошел в «Народную Волю»; осенью того же года Плеханов возвратился в Швейцарию и под влиянием известий от Стефановича об успешной пропаганде среди рабочих в России также решился последовать примеру своих товарищей и принять участие в изданиях, намечавшихся народовольцами (народовольцы наметили его одним из редакторов «Вестника Народной Воли»; другие два — Лавров и Кравчинский); в феврале 1882 г. было получено письмо «Исполнительного Комитета» с изложением идеи о захвате власти; летом, после разгрома «Исполнительного Комитета», за границу приезжают уцелевшие народовольцы и в их числе Тихомиров; с этого же времени намечается разрыв чернопередельцев с «Народной Волей», осложненный личными недоразумениями между представителями двух фракций. Двусмысленное поведение Тихомирова и обостренные отношения его с Дейчем ускоряют разрыв, а отказ напечатать статью Плеханова «Социализм и политическая борьба» без Тихомировского примечания и требование народовольцев «разбиться на атомы», т.-е. вступить в ряды «Народной Воли» не как целая организация, а индивидуально, окончательно разделяют на две враждебные группы бывших товарищей.

В то же время Плеханов и его друзья не переставали работать над изучением научного социализма, и прежде всего, конечно, сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Уже в 1880 г. Плеханов внимательно изучал, по словам Аксельрода, книгу Энгельса «Herrn Durings Umwälzung der Wissenschaft», что тому же Аксельроду удалось сделать несколько лет спустя [1]).

Затем Плеханов предпринял перевод «Манифеста коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса для «Социально-революционной библио-

[1]) См. П. Аксельрод, «Пережитое и передуманное», послед. главы.

теки», редакторами которой официально были Л. Н. Гартман, П. Л. Лавров и Н. А. Морозов.

В 1881 г. Плеханов печатает в «Отечественных записках» статью «Новое направление в политической экономии» и, наконец, летом 1882 г. в Женеве выходит под фирмой «Социально-революционной библиотеки» «Манифест коммунистической партии» с предисловием Плеханова. В этом предисловии Плеханов уже определенный марксист и социал-демократ.

Указывая, что русское социалистическое движение вышло на путь открытой борьбы с абсолютизмом, Плеханов говорит, что блестящее произведение Маркса «может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой. Люди, склонные к первой из упомянутых крайностей, убедятся в том, что «всякая классовая борьба есть борьба политическая», и что отказываться от активной борьбы с современным русским абсолютизмом значит, косвенным образом, его поддерживать. С другой стороны, «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующего класса зависит будущность нашего движения, которую, разумеется, невозможно приносить в жертву интересам данной минуты.

Основания этой организации рабочего класса могут быть заложены уже в настоящее время» [1]).

В 1883 г. фактический основатель группы «Освобождение Труда» Л. Г. Дейч перевел «Наемный труд и капитал» К. Маркса, и это произведение на русском языке вышло летом этого года.

В том же 1883 г. Плеханов, Аксельрод и Дейч готовили свои оригинальные работы для «Вестника Народной Воли». Аксельрод дал свою статью «Социализм и мелкая буржуазия», и она была напечатана в первом и втором номерах журнала в 1883 г. и 1884 г., а Плеханов напечатал в первом номере «Вестника Народной Воли» только одну статью: «Н. Я. Аристов, А. П. Щапов», и на этом совместная работа чернопередельцев и народовольцев закончилась: «Социализм и политическая борьба», работу, подготовлявшуюся для «Вестника Народной Воли», Плеханов выпустил уже под фирмой группы «Освобождение Труда».

При основании группы осенью 1883 г. в Женеве налицо находилось четверо чернопередельцев: Плеханов, Аксельрод, Засулич и Дейч; пятый член «Черного Передела», В. Н. Игнатов, больной жил в Кларане, но и он целиком был солидарен со своими товарищами, исчерпавшими все средства и пути для соглашения с «Народной Волей». Выступлением чернопередельцев с извещением об издании «Библиотеки Современного Социализма» и образованием группы «Освобождение Труда» и начинается новая эра в истории русского революционного движения, — кончилась доисторическая эпоха, начиналась новая, социал-демократическая.

---

[1]) Предисловие к русскому изданию «Коммун. Маниф.». Собр. соч., т. I, Петербург, Госиздат, 1920 г., стр. 73.

Главным, идейным руководителем новой организации, как это признают все остальные ее основатели, являлся бесспорно Плеханов. На его долю выпало счастье заложить прочный фундамент научного социализма и первые основы рабочей социалистической партии в России. Ближайшим его помощником в деле теоретической разработки был П. Б. Аксельрод, который, как мы видели, почти одновременно пришел к отрицанию старой утопической догмы и шагнул к научному социализму Маркса и Энгельса.

Практическим же работником, организатором группы был, без сомнения, Л. Г. Дейч; человек со славным революционным прошлым, как и Плеханов, с огромными революционными связями, с огромной инициативой, с боевым темпераментом, с практическим навыком и уменьем организационно привлекать необходимых людей и средства, так сказать, организатор по природе своей,—Л. Г. Дейч и был создателем не только группы в Женеве, но приступил к созданию таких же групп и в России (7). Неожиданный арест его (во Фрейбурге в начале марта 1884 г.) немецкими властями и выдача русскому правительству, суд и ссылка на каторгу надолго оторвали его от работы, и, без сомнения, этим отчасти объясняется то печальное обстоятельство, что в течение 80-х годов при огромном идейном влиянии группа «Освобождение Труда» была очень слабо связана с Россиий, тем более, что никто другой Дейча заменить не мог: В. Н. Игнатов вскоре умер, в 1884 г., да он и не мог, вследствие своей болезни, принимать активного участия в работе, а В. И. Засулич одна также не в состоянии была заменить такого большого организатора, как Дейч. С июня 1884 г. Дейча заменил Саул Гринфест; но и он не мог укрепить связей группы с Россией. Его поездка в Россию в конце 1883 года также не увенчалась успехом, и с весны 1885 года Гринфест, повидимому, перестает играть роль в жизни группы (8).

Необходимо отметить здесь, что В. Н. Игнатов все же оказал огромную услугу русскому рабочему движению: он дал свои личные средства в распоряжение группы и, кроме того, насколько позволяли ему его слабые силы, принимал участие и вообще в работе своих товарищей.

А в России, между тем, росло рабочее движение и закладывались первые подлинные социал-демократические рабочие организации.

Организация «Черного Передела» скоро погибла, она как-то незаметно сошла на нет. Об этом говорят почти все ее участники, однако, такое заключение едва ли можно принять без оговорок. Размеры настоящей статьи не позволяют детально исследовать этот вопрос, но несомненно одно, что из тех первоначальных организаций, которые имели чернопередельцы в столицах и провинции, не все члены ушли к народовольцам или вышли совсем из движения,—многие продолжали работу среди пролетариата, и отчасти из этих чернопередельческих рабочих кружков вышли и выросли первые деятели социал-демократии в России [1]).

VI.

С арестом Л. Г. Дейча связи с Россией, бывшие у группы «Освобождение Труда», постепенно стали рваться. Группа замыкается в своем

[1]) См. предисловие к напечатанному нами здесь «Зерну».

узком кружке; притока новых членов нет, а с отходом от работы С. Гринфеста организационная работа группы почти замирает. В 1885 г. группа «Освобождение Труда» завязала оживленную переписку с Благоевской группой, но аресты членов этой последней порвали и эту ниточку, связывавшую Плеханова и его товарищей с русскими рабочими организациями. Эти связи возобновились уже только в конце 80-х и начале 90-х годов, когда в России выросли первые социал-демократические организации, и когда социал-демократические деятели, главным образом молодые, двинулись за границу [1]).

Что же делала группа в эти годы второй половины 80-х годов, когда она была отрезана от непосредственной работы в России?

Она делала ту замечательную работу, которая и положила теоретический фундамент русской социал-демократии и русского рабочего движения.

Вот что выпущено группой «Освобождение Труда» за период с 1883 г. по 1888 г., когда собственно и начинается приток свежих, молодых социал-демократических сил за границу: в 1883 г. в сентябре вышло извещение об издании «библиотеки научного социализма»; затем в собственной типографии, по сути дела организованной Л. Г. Дейчем, вышла работа Плеханова (25 октября 1883 г.): «Социализм и политическая борьба»; весной 1884 г. перевод «Развития научного социализма» Ф. Энгельса, с приложением «теории насилия» из «Herrn Eugen Durings Umwälzung der Wissenschaft», в июле 1884 г. Плеханов закончил и выпустил в свет в 1885 г. (в начале) «Наши разногласия»; в июле же этого года (1884 г.) вышла Плехановская «Программа социал-демократической группы «Освобождение Труда»; в сентябре 1884 г. вышла брошюра Аксельрода «Рабочее движение и социал-демократия» (с приложением «Об издании рабочей библиотеки»); в начале 1885 г. вышел перевод с предисловием Плеханова книжки Дикштейна «Кто чем живет»; в апреле—К. Маркса «Речь о свободе торговли» (с приложением «Об издании библиотеки современного социализма»); в 1886 г., в переводе В. Засулич, «Нищета философии» К. Маркса; в 1887 г. «Лассаль, его жизнь и деятельность» Плеханова; в январе 1888 г. брошюра «Чего хотят социал-демократы» с предисловием и примечанием Плеханова и с приложением «проекта программы русских социал-демократов» и, наконец, в августе — «Социал-демократ», книга I, Литературно-политический сборник.

Мы не перечисляем мелких статей и заметок, напечатанных Плехановым и Аксельродом отчасти отдельными брошюрами, отчасти в виде заметок в различных заграничных революционных органах [2]).

Капитальными работами огромного теоретического и практического значения для русского рабочего движения были, бесспорно, две работы Плеханова: «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия». Здесь была дана беспощадная критика народнической утопической теории и программы, изложены основные положения учения Маркса, вскрыта

---

[1]) Историко-революционный архив, 3 д., № 47, т. IX, 1889 г. О цюрихских революционных кружках.

[2]) См. указатель заграничных соц.-дем. изданий на русском языке, 1883—1905 г. Сост. под ред. Ю. К(аменева), Париж, изд. 1913 г. и след.

бланкистски-утопическая сущность народовольческой идеологии и намечены общие контуры и основы программы социал-демократической рабочей партии России.

Без сомнения, прав тов. Рязанов и все последующие исследователи, отмечающие несовершенство первых двух набросков программы русской социал-демократии; это верно, на них отразился тот переходный момент, в какой они создавались: безнадежные попытки, как это ясно теперь нам, войти в соглашение с «Народной Волей», хаос в самих русских революционных организациях, невыясненность некоторых вопросов и для самой группы и, несомненно, оторванность группы от создавшихся уже в России социал-демократических кружков — вот причины этого несовершенства. Легко теперь говорить, что группа за эти годы не сумела создать популярной рабочей литературы, не перевела на русский язык главнейших произведений Маркса и Энгельса, не поставила периодического органа; требовались гигантские силы, — воля, убежденность в своей правоте, материальные средства и люди, чтобы все это создать да еще при такой страшно неблагоприятной атмосфере, когда, начиная с русских колоний и кончая виднейшими социалистами Запада, все считали единственными революционерами в России народовольцев, и когда недоверие и даже враждебность по отношению к группе прорывались повсюду: и со стороны западных товарищей, и в полемике русских революционеров.

Плеханову приходилось, в буквальном смысле слова, завоевывать почти каждого видного западного социалиста поодиночке.

И как известно, он выполнил это блестяще. Он завязал личные связи с Гедом и Лафаргом еще в 80-е годы, переписывался с Энгельсом, а к концу его жизни не было такого деятеля-социалиста, который бы не считал за честь повидаться или списаться с Плехановым.

И в то же время группе приходилось делать свою основную работу: выковывать основы программы русской социал-демократии и критикой расчищать утопический сор, который накопился от предыдущих периодов революционного движения и буквально мешал двинуться хоть на шаг вперед. И все это должна была сделать маленькая группа без средств и людей.

Правда, стихийный рост рабочего движения, о чем свидетельствовала Морозовская стачка, делал свое дело и на родине: там до социал-демократизма додумывались совершенно самостоятельно, шел свой самобытный процесс (это является предметом работы т. Сергиевского, и мы его не затрагиваем), и скоро должно было настать время, когда эти два течения — теоретическая работа Плеханова за границей и практическая и теоретическая работа социал-демократов в России—должны были слиться в один мощный поток; но все это произошло уже значительно позже, а пока что Плеханову приходилось проводить борозду на непочатой почве. Правда, ему деятельно помогали его товарищи, Аксельрод и Засулич, но все же главная работа выпадала на долю Плеханова.

Да и нельзя сказать, чтобы группа не делала попыток к изданию популярной литературы для России. Смотря на свою работу как на создание такой литературы, которая могла бы прежде всего быть руководящим материалом для социал-демократической интеллигенции, группа «Освобо-

ждение Труда» наметила на-ряду с изданиями «библиотеки современного социализма» и издания «Рабочей библиотеки», куда должны были войти вещи, из которых русские социал-демократические рабочие могли черпать основы социал-демократической теории из первоисточника. Об этом ясно говорит и Аксельрод в своих воспоминаниях.

К концу 80-х годов, между тем, революционная Россия представляла совершенно иное зрелище, чем в 1883 г., когда группа начинала свою работу. В Петербурге уже был опыт создания социал-демократических организаций (группа Благоева, Точисский) и существовал центр, из которого выросла Брусневская группа; в Москве, несомненно, уже тоже намечались первые социал-демократические группировки; в Киеве работал социал-демократ Абрамович, он был связан с Западным краем, где также работали одиночки социал-демократы; Харьков уже заканчивал свой переходный период (Мельников и Пёразич); в Одессе действовал Д. Б. Рязанов; разъехавшиеся по разным городам чернопередельцы и благоевцы тоже пытались создать новую организацию (Пенза,—Благославов, Теплов), в Дерпте существовала также социал-демократическая группа, словом, во многих местах шла интенсивная работа по выяснению тех путей, по каким должно развиваться рабочее движение, и как должна быть построена программа новой партии и сама партия.

Без сомнения все это вырастало в хаосе разложения старой народовольческой и народнической организации и идеологии, в атмосфере небывалого натиска реакции на революцию, в атмосфере враждебного отношения интеллигентного буржуазного общества, разочаровавшегося в народовольцах и пытающегося компромиссами добиться уступок самодержавия.

✓ С конца 80-х и в начале 90-х годов отчасти под влиянием преследований полиции, отчасти ища ответа на свои мучительные сомнения, русские социал-демократы тянутся за границу и там завязывают связи с группой «Освобождение Труда». Еще раньше, конечно, группа связывается с учащейся молодежью за границей и с эмиграцией.

Следы этого влияния, повидимому, остались в той организации, какая была образована группой «Освобождение Труда» осенью 1888 г. Мы говорим о «Русском Социал-Демократическом Союзе». К сожалению, об этой эпохе истории группы «Освобождение Труда» нет почти никаких сведений, и приходится ждать, пока старые эмигранты поделятся своими воспоминаниями.

Все, что известно об этом «Русском Социал-Демократическом Союзе», это одно — именно, что состав первоначальной организации был несколько расширен, вошли новые люди, но сколько человек и кто именно—неизвестно. Судя же по тому, что в течение 1889 г. ни из-под пера Плеханова, ни из-под пера Аксельрода не вышло ничего выдающегося, равного по силе двум первым работам Плеханова, можно заключить, что и образованный «Русский Социал-Демократический Союз» мало помог делу.

Более или менее выдающимся произведением этого года была брошюра Плеханова, вбившая последний гвоздь в гроб политического мертвеца Тихомирова («Новый защитник самодержавия или горе г. Тихомирова»).

Из литературы, которую можно назвать агитационной для широких масс, группа издала речь П. Алексеева с предисловием Плеханова да «Очерк

истории международного общества рабочих», часть I, В. Засулич; остальные произведения—это были либо мелкие заметки, либо библиография, да и то печатавшиеся в таких заграничных органах, которые были мало доступны, либо вовсе недоступны для русских революционеров (например, «Отношение революционной интеллигенции в России к борьбе за политическую свободу», «Знамя», рабочая газета, издававшаяся в Нью-Иорке).

Только с 1890 г. снова начинается более заметная литературно-пропагандистская деятельность группы, да и то в этом году вышло только три книги «Социал-Демократа», один «Листок социал-демократа» (об истязаниях Сигиды) да популярно-агитационная брошюрка В. Засулич «Варлен перед судом исправительной полиции».

Правда, три сборника «Социал-Демократа» являлись ценнейшим вкладом в русскую социал-демократическую литературу; там напечатаны такие статьи Плеханова, как его «Наши беллетристы-народники», «Н. Г. Чернышевский», много рецензий, работа В. Засулич «Революционеры из буржуазной среды» и т. п., но за всем тем и здесь живой связи с русской действительностью не было. Лучшим доказательством этой мысли служит, например, та черта «Социал-Демократа», что, имея очень хорошую хронику рабочего движения на Западе, журнал молчит о стачечном и вообще рабочем движении в России. А между тем рабочее движение в России росло, уже работали социал-демократические кружки, и социал-демократы шли в Сибирь и в одиночные тюрьмы для отсидки. Следующий 1891 г. был еще более бедным в области издательской деятельности группы, если не считать доклада Брюссельскому интернациональному конгрессу (на французском языке), в Россию едва ли проникшего, то 1891 г. ознаменовался выходом в свет только одной брошюрки Плеханова «Ежегодный всемирный праздник рабочих».

В 1892 г. вышел последний четвертый номер «Социал-Демократа», «Всероссийское разорение» и «О задачах социалистов в борьбе с голодом в России» Плеханова, его же «Русский рабочий в революционном движении» и переводы двух работ Ф. Энгельса: «Людвиг Фейербах» и «Развитие научного социализма». Кроме того, вышла агитационная брошюра: «Первое Мая 1891 г.» (с приложением адреса Н. Шелгунову) и отрывок из воспоминаний Дебагория-Мокриевича.

Впервые в четвертом номере «Социал-Демократа» появляются, хотя и отрывочные, сведения о рабочем движении в России; чувствуется и по брошюре «Первое Мая 1891 г.», что начинают устанавливаться связи группы с Россией. Но 1892—1893 г.г. в этом отношении были вообще переломными в истории группы, ибо, по словам Д. Б. Рязанова, в результате тех столкновений, какие происходили у группы с молодой оппозицией, в 1893 г. образовалось издательство «социал-демократической библиотеки».

Что же это были за молодые группы, как они появились и образовались за границей? По словам Д. Б. Рязанова, первый конфликт возник у группы с Соловейчиком и Слепцовой в 1887 — 1888 г.г. До этого, если и возникали трения, то это были трения эмиграционного характера и быстро ликвидировались внутри. Оппозиция же Соловейчика была уже не эмиграционного, а российского характера. К сожалению, и об этом периоде истории почти

нет известий современников, и потому приходится обращаться к документам архивного характера.

Прежде всего, кто такие были вышеназванные Соловейчик и Слепцова?

Надежда Николаевна Слепцова (9) была в описываемое время уже не новичком в революционном движении. Дочь генерала (действительного статского советника), курсистка-бестужевка, она вступила в движение еще в 1884 г. и была привлечена по делу революционной пропаганды среди военных, по известному делу мичмана Н. Шелгунова.

Кружки эти, как теперь известно, находились в связи с партией «русских социал-демократов» («Благоевская группа») [1]. Что это были за связи, пока, до специального исследования по этому вопросу, трудно сказать, но несомненно, что члены Благоевской группы, как, например, Шатько и другие, не только имели связи с военной группой, но и пытались пропагандировать там свою программу [2]. Программа самой военной группы представляет тоже в некоторых отношениях замечательный документ. Не подлежит сомнению, что программа эта испытала на себе влияние благоевцев. Однако, как ни интересен сам по себе вопрос о характере этих кружков, в данный момент важно отметить одно: это связь Н. Слепцовой, хотя и отдаленную, с первой социал-демократической группой. Неизвестно, была ли уже в России Слепцова социал-демократкой, но в 1887 г. в Цюрихе мы ее застаем в группе социал-демократической молодежи. Там она и встретилась с Соловейчиком и стала его женой (в 1887 г.).

Рафаил Соломонович Соловейчик был сын купца первой гильдии, довольно состоятельного, занимавшегося поставкой дров на армию в Гродненской губ. Окончив реальное училище в Москве в 1884 г., в августе этого же года Соловейчик уехал учиться в Цюрих, где и поступил в Политехникум. В 1888 г. окончил его и в конце этого же года возвратился в Россию [3].

В это время в Цюрихе собралось довольно значительное число эмигрантов и учащейся молодежи. Здесь, между прочим, жили: П. Б. Аксельрод, Исаак Ефрон, Комаров (Говорухин), Исаак Бринштейн (Дембо), Софья Гинзбург.

До 1887 г. (судя по показаниям многих молодых людей, привлеченных по делу Дембо) [4], вся эта молодежь объединялась в одном ферейне, носившем название «Славия»; это была читальня, образованная еще в 70-х годах. Каждый русский или вообще славянин, внеся $1\frac{1}{2}$ франка в месяц, мог быть членом этой читальни. Кроме того, была там и кухмистерская и, наконец, «Славянский социал-демократический клуб» (в 1887 г. председателем был Френкель).

Библиотека заключала до 400 томов книг, почти все известные русские и иностранные газеты также получались читальней.

---

[1]) «Еженед. Записки», Истор.-рев. арх. 1887 г. 16—23 февр. и 1886 г. 4—11 августа.

[2]) Ежен. Зап.» за 1887 г., см. показ. Григорова и Шейдевандта и 4 д., № 47, т. IV, 1889 г., л.л. 154—157.

[3]) Истор.-рев. арх. 4-е дел., № 60 1889 г. и 3-е дел., № 2, ч. 2-я, 1890 г. По бум. розыскн. сод.

[4]) Истор.-рев. арх., 3-е делопр., 47, т. III. 1889 г. и 4-е дел., 127, 1889 г.

В 1887 г. все эти организации слились и образовали одну, объединявшую всех живущих в Цюрихе эмигрантов и учащихся [1]).

Учащаяся молодежь жила весело и шумно: устраивались вечера с чтением рефератов и докладов, организовывались балы с целью сбора денег как в пользу революционеров, так и в пользу своей организации, велись споры на злободневные темы. Все это молодежи не мешало учиться и самоопределяться в политическом отношении.

В 1887 г. мы здесь находим среди молодежи уже резкие и определенные группировки на народовольцев и «освобожденцев», т.-е. сторонников группы «Освобождение Труда».

В группу «освобожденцев» входили, между прочим, следующие лица: Израиль Гельфонд, Рафаил Соловейчик, Надежда Слепцова, Димитрий Матвеев, М. Коников, Георг Пасанник, Мария Гинзбург, Перес, А. Попов, Гавриил Кафьянц, Григорий Гуковский, Елизавета Лурье, Вера Козакевич, Израиль Рубинштейн, Бишлер, Матис, Давид Барад, Вера Розенштейн, Гросман, Борис Кричевский, Каэтан Добкевич, Леон Селитренный, дев. Вейнтрауб, Шлиома Франкфурт [2]) (10). Позже, с конца 80-х годов, в Цюрихской группе принимает участие Яков Кальмансон, игравший роль в начале 90-х годов в «Обществе борьбы с голодом».

Жил здесь недолго и Порфирий Инфантьев [3]) (благоевец).

Многие из перечисленных молодых людей прошли уже первоначальную революционную школу в России. Так, Порфирий Инфантьев имел несомненное касательство к группе Благоева; он окончил Троицкую гимназию и, еще будучи в Троицке, был распропагандирован учителем Голубевым. Поступив в петербургский университет, он жил в Петербурге с 1884 по 1885 г. и вращался среди своих земляков троичан-благоевцев. В 1885 г. уехал в Женеву и бывал в Цюрихе.

То же самое можно сказать и о Димитрие Матвееве: он тоже из того же троицкого кружка. А Инфантьев, как это доказано т. Н. Л. Сергиевским, и устраивал транспорт литературы для благоевцев.

Точно так же и Соловейчик, несомненно, приезжая в Россию, встречался с российскими социал-демократами, именно с теми из них, которые работали в Вильне, Минске и Киеве (кружок Абрамовича) [4]).

Вся эта молодежь искала за границей не только руководства со стороны таких ветеранов революции, как Плеханов, но домогалась и определенного участия в практических делах.

Трудно теперь судить, по каким поводам возник конфликт между группой и молодежью, но, повидимому, главной причиной являлась ото-

---

[1]) Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 127, 1889 г. «О сыновьях д. с. с. Болеславе и Витольде Рымашевских», л. 22.

[2]) Группа народовольцев была тоже довольно многочисленна. В нее, например, входили: Дембо, Рудевич, Мандельштам, Борис Рейнштейн, Людвиг Нагель, Бек, Софья Шенцис, Филиппео, Левентис, Шефтель, Варнеховский и друг.

См. 4-е дел., № 127, 1889 г., Истор.-рев. арх., л.л. 37 и 38.

[3]) Истор.-рев. арх., 4 д., № 225, 1889 г. О бывшем студ. с.-пет. унив. Порфирии Инфантьеве, а также д. 47, т. I и II, 1889 г.

[4]) Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 97, 1889 г. О киевском и нежинском революционных кружках.

О Матвееве, 3-е дел., № 1052, 1892 г.

рванность группы от развертывающегося в России движения. Д. Б. Рязанов говорит по этому поводу следующее: «Молодые» товарищи требовали для себя известных прав как в области организационной, так и в области литературно-издательской. Насколько мне известно из рассказов, «молодые» требовали, чтобы литературе для рабочих отводилось и больше средств, и больше места среди изданий группы «Освобождение Труда». Организация первого русского «Социал-демократического Союза» несомненно явилась уступкой требованиям «молодых» [1]. По словам опять же Д. Б. Рязанова, «к первой оппозиции принадлежал и Парвус, приехавший в Швейцарию еще осенью 1887 года и принявший после очень деятельное участие в дискуссии 1888 года».

Что все это, действительно, так, видно из документов [2]. Как раз в 1888 году в Цюрихе и происходили страстные дискуссии «стариков» с «молодыми». С рефератом выступал сам Плеханов, и ему возражали, кроме Парвуса, Рафаил Соловейчик и Надежда Слепцова. К сожалению, о содержании и характере этих дискуссий в документах никаких следов не осталось. Молодые, однако, не ограничивались одними возражениями «старикам», они и сами выступали с докладами и планами действий. К сожалению, и об этих планах и о характере докладов судить тоже не представляется возможным. Есть, однако, указания, что «молодые» предлагали именно те поправки к деятельности группы, о которых говорит Рязанов, хотя из названия доклада, читанного Соловейчиком, этого и не видно: Соловейчик читал, как раз в 1888 году, доклад на тему «фабричное производство в России». В той дискуссии, которая возникла между «молодыми» и «старыми», принял участие довольно обширный круг народа, и в результате обсуждения, по предложению народовольцев Дембо, Рудевича, Гнатовского и Говорухина, в Цюрихской колонии решено было образовать «Социалистический литературный фонд» [3], как раз для издания популярной социалистической литературы. Сначала, до сентября 1888 г., во главе редакции стоял П. Л. Лавров, он же считался и кассиром, и все деньги, собранные в Цюрихе, отправлялись ему. Но в сентябре 1888 года под напором «освобожденцев» фонд разделился: деньги для этого фонда собирались со всей колонии, и «освобожденцы» потребовали своего участия в этом деле. По этому вопросу происходили очень бурные собрания Цюрихской колонии; «освобожденцы» сначала требовали, чтобы в редакции был не только Лавров, но и Плеханов, когда же народовольцы отказались, то прения на одном из собраний приняли такой бурный характер, что молодой «освобожденец» Григорий Гуковский нанес оскорбление действием председателю собрания [4] народовольцу Ясинскому. После этого «Социалистический литературный фонд» был разделен на две части: народовольческую и освобожденскую.

---

[1]) «Под знаменем марксизма», 1923 г., № 11—12. Д. Рязанов. Вступительные замечания к письмам Г. В. Плеханова и Фр. Энгельса.

[2]) Истор.-рев. арх., указанное выше дело, 4-е дел., № 127, 1889 г., л. 59, и 4-е дел., № 47, т. II, л. 213, 1889 г.

[3]) Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, т. V. Здесь показания Григория Гуковского.

[4]) Указанное выше дело. Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, т. V, л.л. 56 и 57, 1889 г., и 4-е дел., № 47, т. IV, л.л. 154—157, 1889 г.

Как видно из документов, на собраниях этого «фонда» обсуждались вопросы, что необходимо издать или напечатать и кому поручить выполнение той или другой работы [1]).

Несмотря на скудость данных, стало быть, можно все-таки установить, что именно под давлением «молодых» группа пошла на уступки и намеревалась свою издательскую деятельность приблизить к российской действительности. Выгоды от этого получались обоюдные: русские кружки должны были получить популярную литературу, а группа—связи с этими кружками. Второе из последствий протеста «оппозиции» стало выполняться немедленно. Уезжавшие в Россию товарищи брали с собой адреса для переписки с группой, литературу и по приезде в Россию, обогащенные теоретически, пропагандировали идеи группы и связывали ее с Россией. Примером такой связи может служить та связь, которую завязал Соловейчик.

Забрав с собой адреса и небольшое количество литературы, Соловейчик в конце 1888 г., окончив политехникум, возвратился в Россию прямо в Гродно к своему отцу. Там он стал налаживать «границу», т.-е. переправу литературы в Россию, а, быть может, просто воспользовался готовой уже границей. Во всяком случае в дело он ввел не только чужих, но и близких ему людей. У отца Соловейчика служил приказчиком некий Шлема Клейнборт. По роду своей службы он должен был разъезжать по всей губернии и, конечно, бывал на границе. Его-то и избрал в качестве передаточной инстанции Соловейчик. Клейнборт должен был войти в сношения с И. П. Кравцом, служившим в качестве письмоносца в пограничном местечке Гониондзах. (Оригинальный заработок в еврейском местечке: Кравец давал свой адрес для писем евреям, уезжавшим в эмиграцию и вообще за границу, получал от них письма к их родным и по соглашению с ними за небольшую плату доставлял письма на дом.) Брат этого И. П. Кравца, Абрам Я. Кравец, давно уже учился за границей и жил в Париже, Цюрихе и Берне. И. П. Кравец имел хорошие связи с контрабандистами. К одному из таких контрабандистов он и обратился. Это был некий Исер Зелькер.

Зелькер, получивши транспорт литературы, доставил его Кравцу, Кравец переправил его Клейнборту на ст. Соколку С.-Петербургско-Варшавской дороги, а этот последний отправил литературу уже просто посылкой на имя Исаака Гинзбурга, родственника Соловейчика (двоюродного брата), жившего в Киеве. Одну из таких посылок, весом около пуда, Соловейчик получил благополучно и своевременно ее передал в кружок Абрамовича. На другом же транспорте он провалился вследствие того, что жандармы перлюстрировали его переписку с Клейнбортом [2]). Ко времени прихода второго транспорта Соловейчик уже завел хорошие связи с Минском, Одессой и Херсоном, сам побывавши в этих местах. Под видом поисков места (да он, действительно, как раз подыскивал себе службу) Соловейчик и поехал в эти города. В Одессе он связался с Григорием Александровичем Файнштейном (учился в Цюрихе, в июле 1888 г. возвратился в Россию и отбывал воинскую повинность в Одессе в Модлинском полку), а в Херсоне с некиим Барским,

---

[1]) Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, т. II, л. 213, 1889 г.

[2]) Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 60, 1889 г., о купеческом сыне Р. Соловейчике и друг.

который дал адрес для получения литературы на имя Каневского, жившего на водочном складе Левита [1]).

Получивши благополучно первый транспорт в начале 1889 г., Соловейчик, ожидая второго, давал письменные инструкции Клейнборту, как человеку в высшей степени благонадежному в глазах полиции. Но беда уже стерегла несчастного Соловейчика: жандармы со злорадством читали его переписку с Надеждой Слепцовой и, пользуясь этим, получили возможность взять под наблюдение переписку всей Цюрихской колонии с Россией.

Дав возможность созреть плоду, они арестовали и Соловейчика и всех прикосновенных к этому делу лиц: Клейнборта, Файнштейна, И. Кравца, Каневского, Бродского, а затем, установивши связи Соловейчика, и множество других лиц.

Во время обыска у Соловейчика (31 марта 1889 г.) жандармы нашли: «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса, 3 экземпляра, «Кто чем живет», 4 экземпляра, «Чего хотят социал-демократы», 3 экземпляра, «Соцал-демократ», 1 экземпляр, «Социализм и политическая борьба», 3 экземпляра, «Наши разногласия», 1 экземпляр, «Речь о свободе торговли» К. Маркса, 1 экземпляр, «Рабочее движение и социал-демократия», 1 экземпляр, «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность» Плеханова, 1 экземпляр, «Развитие научного социализма» Ф. Энгельса, 1 экземпляр, «Программа работников» Ф. Лассаля, 1 экземпляр, «Нищета философии» К. Маркса, 1 экземпляр, и его же «Наемный труд и капитал». Все это было оставлено Соловейчиком для своего собственного обихода в своей работе, так как он и сам, несомненно, думал заняться практической пропагандистской деятельностью среди пролетариата.

Соловейчик сидел в тюрьме, а жандармы, пользуясь взятыми связями и адресами, читали трогательные письма Н. Слепцовой, обеспокоенной долгим молчанием Соловейчика. Трогательной лаской, нежностью и тоской недобрых предчувствий веет от отрывков писем бедной эмигрантки, которая то мечтает, что ее «милый», наконец, устроится на заводе, и они вместе будут работать среди пролетариата, то, чуя своим любящим сердцем недоброе, заявляет, что в случае беды она пойдет за ним в далекие края ссылки, то просто после деловых строк напоминает ему: «не забывай и люби».

А жандармы, читая эти интимные излияния молодой пылкой любви, ухмылялись и наматывали клубок бесконечных имен, кличек и связей . . . пока, наконец, перепутавши все партии и направления, а, может быть, и преднамеренно, связали дело Соловейчика с делом Дембо, о взрыве в Цюрихе.

Соловейчик ничего не знал, как вдруг его, Файнштейна, Кравца, Исаака Гинзбурга и даже несчастного Клейнборта срочно телеграммой департамента полиции вытребовали в Петербург и посадили в Трубецкой бастион.

Заодно они привлекли к делу и множество постороннего народа, не имевшего к делу Соловейчика никакого отношения или имевшего

---

[1]) Истор.-рев. арх., 3-е дел., №446, 1888 г., об устройстве строгого негласного наблюдения за деятельностью проживающего в Херсоне Файнштейна.

отдаленную связь по сношению Соловейчика с кружком Абрамовича. Так как Соловейчик жил в Цюрихе и, естественно, был знаком не только с «освобожденцами», но и с народовольцами, то его и приплели к делу Дембо.

По делу Соловейчика непосредственно пострадали: Соловейчик, Иосель Дуговский, Григ. Файнштейн, И. Кравец, Г. Каневский, Ш. Клейнборт, И. Гинзбург, Гр. Кушнерев (служащий юго-зап. ж. д., его одесский адрес нашли у Соловейчика), Г. Кравец и Е. Каган. Двое последних отделались тюрьмой, так как абсолютно никакого отношения к делу не имели, остальные поплатились жестоко: Файнштейн получил $3^1/_2$ года одиночного заключения в «Крестах», М. Каневский, И. Кравец, Ш. Клейнборт и И. Гинзбург по 6 месяцев и Г. Кушнерев 4 м.

Дело о Слепцовой, А. Кравце, Барском и некоем Левкесе пришлось приостановить, как о находящихся за границей, точно так же, как и о И. Зелькере, который немедленно, узнавши об аресте Клейнборта и И. Кравца, бежал в Америку [1]).

Соловейчик получил тоже $3^1/_2$ года «Крестов», но жандармы так взялись за него, что уже в Трубецком бастионе он безнадежно душевно заболел. В его деле имеются отчеты врача бастиона Вильямса о ходе его болезни. Читая эти, исполненные цинизма издевательства над больной человеческой душой и вспоминая, что в то же самое время другая тоскующая душа не знает, что ее полные тоски и любви послания попадают не в руки любимого человека, а в руки палачей, проникаешься даже теперь жгучей ненавистью к этим решеткам, затворам и камерам и к этим палачам царского режима.

Соловейчика вскоре перевели в больницу Николая Чудотворца для душевнобольных. По отбытии наказания Соловейчик покончил с собой.

Что касается Н. Слепцовой, то, узнав об участи мужа, она выжидала окончания его дела, а когда дело повернулось так трагически, что она ничем помочь не могла, она, конечно, осталась за границей.

В связи с делом Соловейчика выясняется, что не только в Цюрихе, но и в других городах Западной Европы молодые эмигранты к концу 90-х годов стали образовывать кружки сочувствующих или сторонников группы «О. Т.». Был такой кружок, повидимому, в Берлине. По крайней мере, Григорий Гуковский, освобожденец, также привлеченный и по делу Соловейчика и по делу Дембо, говорит в своих показаниях о своих связях с немецкими берлинскими рабочими, среди которых он жил, работал и собирал деньги в пользу группы «О. Т.», и рассказывает о своей солидарности с программой группы «О. Т.». Имел Гр. Гуковский связи и с Аксельродом. Судя по тому, что, будучи еще в Цюрихе, откуда он и переехал в Берлин, Гуковский принадлежал к группе Соловейчика, он и в Берлине тоже развивал свои оппозиционные взгляды [2]).

Более или менее подробных и полных сведений об этих группах за период конца 80-х годов за границей мы к сожалению не имеем.

---

[1]) О Соловейчике и о связях его с Одессой и Херсоном и другими городами см. Истор.-рев. архив, 7-е дел., № 167, 1889 г., 3-е дел., № 446, 1888 г., 3-е дел., № 392, 1889 г., 3-е дел., № 1058-269, 1890 г., и 3-е дел., № 995-280, 1890 г.

[2]) О Г. Гуковском см. Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, т.т. IV и V, 1889 г.

Несомненно, однако, одно,—именно, что к концу 80-х г.г. престиж группы за границей стоял уже очень высоко: заграничные социал-демократы считают ее представительницей русского рабочего движения, и как таковая, она в лице Г. В. Плеханова и была представлена на международном Конгрессе в Париже в 1889 г.; в 1891 году группа ограничилась представлением только печатного доклада Конгрессу (в Брюсселе) от «литературно-политического обозрения «Социал-Демократ», так как никаких полномочий от русских организаций группа не получила,—отсутствие связей с Россией давало себя чувствовать (11).

VII.

Следующим конфликтом Плеханова с группой «молодых» было столкновение с Тышко-Грозовским и Розой Люксембург.

Здесь причины конфликта для нас уже более ясны. Д. Б. Рязанов указывает, что на почве практической это было отсутствие у группы популярной социал-демократической литературы, за издание которой энергично и взялись «молодые» под фирмой «Социал-демократической библиотеки» и с помощью «Русского Социал-демократического Союза». На почве же принципиальной яблоком раздора послужили более сложные вопросы.

Первым вопросом был вопрос о роли буржуазии и в частности буржуазной интеллигенции в предстоящем перевороте. Организуя зимой 1891—92 г.г. в Цюрихе «Общество борьбы с голодом», группа высказала взгляды, недружелюбно встреченные соц.-дем. в России (12). Особенно резко высказался по этому вопросу Плеханов во время большого голода в России в 1892 году в своей брошюре «Всероссийское разорение». Здесь, в конце книжки [1]) Плеханов, выдвинувши три практических требования: 1) «немедленно найти средства» для продовольствия голодающих крестьян и безработных пролетариев, 2) «помочь русскому крестьянству восстановить свое земледельческое хозяйство» . . и 3) «сверху донизу переделать нашу финансовую систему», предлагал для осуществления этих мер объединиться всем «честным русским людям». Именно он говорил, что должны «все честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, немедленно начать агитацию в пользу созвания Земского Собора, долженствующего сыграть роль Учредительного Собрания, т.-е. положить основы нового общественного порядка в России».

Как известно, эти мысли Плеханова были встречены неодобрительно в среде российских социал-демократов [2]). Ему пришлось даже разъяснять во второй работе по поводу голода («О задачах социалистов в борьбе с голодом в России»), что совершенно напрасно некоторые русские товарищи в указанных нами выше местах его «Всероссийского разорения» увидели «мысль об отказе от классовой борьбы» и от социализма в сторону чистой политики [3]).

---

[1]) «Всеросс. разор.». Женевское изд. 1892 г., стр. 36 и 37.

[2]) См., например, М. Лядов, «История русской социал-демократии». Спб. Изд. 1906 г.

[3]) См. стр. 74 «Писем». Жен. изд. 1892 г.

Плеханов подробно разъяснял, как нужно понимать его обращение ко «всем честным русским людям». Но как бы он ни объяснял это обращение, нужно сказать, что у русских товарищей было и без «Всероссийского разорения» много поводов, чтобы выяснить вопрос, как же относится группа «О. Т.» ко «всем честным русским людям».

Если обратиться к ближайшему сотруднику Плеханова, П. Б. Аксельроду, которого эволюцию мы проследили до окончательного сформирования группы «О. Т.», то и в его работах 80-х и даже 90-х годов вопрос об отношении «ко всем честным русским людям» трактуется еще более неправильно, чем у Плеханова во «Всероссийском разорении». В своей брошюре «Рабочее движение и социальная демократия», изданной в Женеве в 1885 году, стало быть, уже тогда, когда группа «О. Т.» окончательно отмежевалась от народовольцев, в предисловии, Аксельрод, говоря о необходимости приступить к организации рабочей партии, между прочим, высказывает следующие мысли:

«Искренние друзья народной самодеятельности из высших и средних классов не замедлят, без сомнения, поддержать усилия рабочей интеллигенции на этом пути.

Чем энергичнее она будет преследовать эту цель, чем смелее и неустаннее она будет стремиться к достижению ее, тем больше будет расти число революционеров из так называемой у нас интеллигенции, которые почтут за честь состоять членами рабочих кружков и действовать ради них и от их имени. Несомненным последствием деятельности рабочей интеллигенции будет в конце концов то, что все искренние и сознательные социалисты, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна социалистическая рабочая партия, в состав которой будут входить, как теперь в Германии, все действительные друзья трудящихся классов населения» [1]).

Нечего, кажется, разъяснять, что мечта Аксельрода о помощи друзей «из высших классов» пролетариату в деле образования рабочей партии была остатком его народнических утопических верований; нечего также говорить, что другой народнический пережиток, — мысль о создании такой одной социалистической рабочей партии, которая составилась бы из всех революционных кружков России и в которую вошли бы «все друзья трудящихся классов», эта мысль, несмотря на то, что уже в первой половине 900-х годов жизнь разбила иллюзии Аксельрода (было несколько «социалистических» партий и даже у пролетариата их было две — меньшевики и большевики), остается в произведениях Аксельрода и позже. Так, в статье «Задачи рабочей интеллигенции в России», напечатанной в единственном номере «Социалиста» и изданной отдельным оттиском в Женеве в 1889 г., Аксельрод, толкуя все о том же вопросе, необходимости создания рабочей партии в России, между прочим, делая ссылку на свою брошюру 1885 г., из которой мы только что привели здесь цитату, говорит: «В последнее время наша революционная молодежь начинает сознавать, что одних только собственных сил ее далеко недостаточно для сколько-нибудь успешной борьбы с пра-

[1]) «Рабочее движение и социальная демократия», Женева, 1885, стр. XV.

вительством. Многие или по крайней мере некоторые из ее представителей поняли, что для обеспечения успеха этой борьбы необходимо заручиться деятельным сочувствием и серьезною поддержкою со стороны фабричных рабочих. Пусть же развитые представители последних спешат воспользоваться этим настроением революционной интеллигенции для создания, при ее помощи и совместно с нею, самостоятельного рабочего движения в России. И чем энергичнее и упорнее будут они преследовать свою цель, тем скорее теперешнее, далеко не лестное, мнение образованных людей о наших рабочих уступит место сочувствию и уважению к ним. Вместе с увеличением рабочих кружков и объединением их в один союз, будет расти и готовность революционеров из других классов не только помогать делу этих кружков, но и вступить в них членами. Окончательным последствием деятельности нашей рабочей интеллигенции по указанному пути будет то, что все искренние и сознательные социалисты революционеры, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна социалистическая рабочая партия, в состав которой будут входить все действительные друзья трудящихся классов населения» [1]).

Как видим, если даже оставить в стороне народническую терминологию Аксельрода («социалисты-революционеры») [2]), в самой постановке и разрешении вопроса и здесь остается все тот же старый народнический утопический дух: из всех революционных кружков и всех друзей трудящихся классов, по мнению Аксельрода, составится единая рабочая партия России.

И это не случайность. Эта мысль остается вообще присущей Аксельроду и впоследствии. Он ее развивает и в 1896 г. в своем послесловии к брошюре «Об агитации», он так же высказывается и в работе «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» в 1898 г., он, как известно, и на втором съезде солидаризировался с резолюцией об отношении к либеральной буржуазии, расходившейся с мнением Ленина и Плеханова.

В указанном послесловии к брошюре «об агитации», он в заключение говорит: «. . . одной из важнейших задач русской социал-демократии является приобретение пролетариату союзников и симпатии в среде тех слоев населения и их идеологических представителей, которые терпят от общественно-политического строя современной России и заинтересованы в ее прогрессивном движении. Эта задача является одним из важнейших моментов, которыми должна определяться тактика русских социал-демократов, потому что игнорирование ее может повлечь за собою, если не истощение сил движения, то крайнее замедление их роста и развития. Развившаяся же в 80-х годах привычка относиться как к историческим quantités negligeables ко всем явлениям русской жизни, непосредственно не входящим в круг взаимных отношений капиталистов и рабочих, — эта привычка заключает в себе обратную тенденцию: тенденцию к поли-

---

[1]) «Задачи рабочей интеллигенции в России». Женева, 1889 г., стр. 16. Конец цитаты взят Аксельродом из «Рабоч. движ. и соц.-дем.».

[2]) Нельзя смешивать этот термин с тем названием, которое носила партия Чернова: «социалистами-революционерами» назывались социалисты всех партий в 80-е годы.

тическому изолированию нашего пролетариата» [1]). Это учение Аксельрода об «изоляции» пролетариата в случае пренебрежения им движения буржуазии против самодержавия по сути дела есть то же самое учение о рабочей партии из всех друзей трудящихся классов, но только в замаскированной форме.

В брошюре «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» Аксельрод, истолковывая программу группы «Освобождение Труда», совершенно справедливо указывает, что и в этой программе основатели группы придавали огромное значение роли пролетариата, как руководителя всех слоев населения, враждебных самодержавию. Совершенно правильно толкуя первую программу группы, Аксельрод и здесь продолжает развивать старые мысли о привлечении социал-демократией «всех истинных друзей прогресса в России, как бы отрицательно они ни относились к теориям и окончательным целям социальной демократии» [2]).

Как видят читатели, опасения русских социал-демократов были далеко не напрасны, если по важнейшему основному вопросу, разделившему российскую социал-демократию уже в 1898 г. на два враждебных лагеря, и Плеханов и его ближайший соратник высказывались первый только неясно, а второй весьма ясно, но неприемлемо для социал-демократии.

Это обстоятельство тем важнее, что вместе с тем в группе царило единодушное мнение насчет того, что в России и социал-демократии-то никакой не существует. По крайней мере еще в третьей книжке «Социал-демократа», стало быть, в 1890 г., Плеханов заявлял: «мы погрешили бы против истины, если бы сказали, что последователей Маркса и Энгельса много даже у нас в России. Нет, у нас только еще началось распространение марксизма. В России есть ученые, понимающие теоретическое значение научного социализма; но почти нет марксистов-агитаторов, нет людей, посвятивших свои силы практическому делу организации политического просвещения пролетариата» [3]) (13). Это, конечно, неверно. Именно ученых, теоретиков-марксистов, в России было очень мало: только что выступал со своими статьями П. Н. Скворцов, только что развивался безвременно погибший Н. Е. Федосеев, еще только формировали свое мировоззрение Ленин и Мартов. Зато марксистов-агитаторов, достаточно усвоивших учение Маркса, чтобы приняться за практическую работу, и принявшихся за нее, было уж не так мало. Достаточно указать на «партию русских социал-демократов» в Петербурге, действовавшую еще в 80-е годы, на кружок Точисского там же, на брусневцев в Петербурге, в Москве, Туле, Харькове, на Абрамовича в Киеве еще в 1889 г., на Соловейчика, на Рязанова в Одессе, наконец, на рождавшиеся группы в других городах, например, в Пензе, как станет очевидным, что приведенное мнение проистекало оттого, что группа «Освобождение Труда» просто растеряла свои связи с Россией после ареста своего незаменимого практика-организатора Л. Г. Дейча и до самого конца 80-х годов или, вернее, до начала 90-х годов новых связей не установила.

---

[1]) «Об агитации» с послесловием П. Аксельрода, стр. 43, 1896 г.

[2]) «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов». Женева, изд. Союза русских соц.-дем., 1898 г., стр. 13.

[3]) «Социал-демократ», № 3, Женева, 1890 г., стр. 98.

Связи эти появились только тогда, когда представители русских социал-демократических организаций, выросших отчасти независимо от влияния группы, явились за границу. Тут и произошел конфликт: группа попрежнему думала, что этих представителей нужно учить азбуке, а они требовали чего-то большего, ибо они часто самостоятельно выучивались этой азбуке. Можно на это сказать: они плохо усвоили эту азбуку, и их нужно было переучивать. Бывало и это. Но, во-первых, и сама группа не сразу отшлифовала свою теорию: ведь между первой программой группы и программой 1887 г., как это указывал еще Д. Б. Рязанов[1]), большая разница; а, во-вторых, ведь и на то, что сама группа впадала в противоречия, указывали те же русские социал-демократы. Взять хотя бы Лассальянскую программу «партии русских социал-демократов» (группы Благоева): разве благоевцы при всех своих теоретических погрешностях не кивали головой на признание группой террора в первой программе и разве лассальянские ассоциации не были общи и первой программе группы и программе благоевцев?

Взгляды Аксельрода на процесс формирования партии, разве это не были грехи все против той же теории Маркса и нет ли сходства во взглядах Аксельрода на роль буржуазии в революции с некоторыми взглядами позднейших «экономистов» по этому вопросу? Дело, значит, здесь не в теории,—авторитета Плеханова и вообще всей группы вплоть до возникновения рабочедельчества и рабочемысленства среди русских социал-демократов никто и не оспаривал. Дело в том, что наехавшие из России социал-демократы, хотя и не прочь были, по крайней мере некоторые из них, переучиться, требовали, кроме того, и признания и за ними, практиками, некоторого значения в общем деле. Только что сказанное относится к тем первым конфликтам, которые происходили до конфликта с экономизмом, конфликта, выросшего из другой почвы, чем конфликты 80-х и начала 90-х г.г.

Как бы то ни было, Тышко и Роза Люксембург в вопросе об издательстве группы были на стороне «молодых», и это, конечно, поставило их сразу во враждебные отношения к Плеханову. Дело осложнилось еще отношением Плеханова к польским социалистам. Как рассказывает тов. Мархлевский[2]), и это подтверждается историческими документами, Роза Люксембург первая показала буржуазный характер P. P. S. и ее программы. Плеханов же тогда поддерживал (на Цюрихском конгрессе) P. P. S. Таким образом, стремление энергичного Грозовского вместе с Б. Кричевским начать издание популярной социал-демократической литературы, в которой так нуждались в России, осложнилось вопросом о представительстве Розы Люксембург на конгрессе от Польши: разлад между Тышкой и Плехановым сыграл решающую роль, и мандат Р. Люксембург не был признан[3]).

Разлад этот, впрочем, не помешал «молодым» развить довольно большую издательскую деятельность. Они издали за пять лет следующую литературу: «Первое мая 1892 г.»—четыре речи с предисловием Б. Кричевского, Б. Кричев-

---

[1]) Н. Рязанов. «Материалы для выработки парт. прогр». Т.т. I и II, изд. группы «Борьба», Женева, 1903 г.

[2]) Ю. Мархлевский. «Письма Р. Люксембург и Л. Иогихеса». «Комм. Интернационал», № 3.

[3]) См. Д. Рязанов. «Под знаменем марксизма», 1923 г., кн. № 11—12.

ский: «Борьба английских рабочих за свободу» и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу», К. Маркс: «Наемный труд и капитал», пер. Б. Кричевского и его же пер. «18-е Брюмера Луи Бонапарта», К. Каутский: «Основные положения с.-д.» («Эрфуртская программа», перевод и предисловие Б. Кричевского); издания группы «Популярной библиотеки: «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Рабочая революция», «Международный конгресс», «Как министр заботится о рабочих», два издания, «Что сделали русские цари для народа», «Рабочий день», Н. Ленин: «Объяснение закона о штрафах», «10-летие Морозовской стачки», с послесловием В. Засулич, «С. Петербургский рабочий листок № 2». (В этом списке нет полемической литературы, которая относится уже к периоду борьбы «Экономистов» с группой «Освобождение Труда».)

Группой за этот период было издано гораздо больше всякого рода литературы, но это произошло опять-таки под давлением тех «молодых», которые требовали более интенсивной работы в этом направлении, дали группе связи с Россией и наполнили издания группы свежим жизненным материалом.

В 1893 г. в издании «Русско-социал-демократического союза» вышли: П. Аксельрод «Задачи рабочей интеллигенции в России» и Г. Плеханов «О социальной демократии в России» (на польском языке), в 1894 г. вышел Ф. Энгельс: 1) ответ Ткачеву, 2) послесловие к нему пер. В. Засулич и предисловие Г. Плеханова и «Рабочий день» (переделка с польского), но это последнее издание была уже работа «молодых»: переделку сделал В. Курнатовский из брошюры С. Грабского, польского социал-демократа [1]).

В начале 1895 г. был основан «Союз русских социал-демократов». Этим союзом под редакцией группы «Освобождение Труда» были выпущены три двойных номера «Работника» (1 — 2, 3 — 4 и 5 — 6, вышел уже в мае 1899 г.), десять номеров «Листка «Работника», брошюры Д. Кольцова (Гинзбурга) «Царское правительство и рабочие», «Машина» (обе статьи из «Работника»), Кольцова же две брошюры (первая из «Работника»), «Три закона» и «Закон 2-го июня 1897 г.», Плеханова, — «Новый поход против русской социал-демократии», Аксельрода, — «К вопросу о современных задачах и тактике русских социал-демократов» и «Историческое положение и взаимное отношение либеральной и социалистической демократии в России», Л. Мартова—«Современная Россия», Е. Кусковой и С. Прокоповича— «Мартовская революция в Германии в 1848 г.», Кусковой же—«Стачка лжи», С. Дикштейн—«Кто чем живет», «Материалы для характеристики положения русской печати», два выпуска, «Тайные документы к закону 2 июня» с предисловием, брошюра «Об агитации» с послесловием П. Аксельрода, Ф. Лассаль—«О сущности конституции», прокламация о закрытии Вольно-Экономического общества («Простые меры русского правительства»), Н. Ленин — «Задачи русских социал-демократов» и Г. Плеханов—«В. Г. Белинский».

Здесь перечислена литература, вышедшая до «Работника» № 5 — 6, когда фактически группа «Освобождение Труда» устранилась от редакции

[1]) По свидетельству В. Перазича. По свидетельству т. Ерманского переделку брошюры Грабского осуществили Ерманский и Курнатовский.

изданий, и когда конфликт между «экономистами» и группой обострился до крайности [1]).

Под влиянием каких же причин группа «Освобождение Труда» должна была пойти на образование «Союза русских социал-демократов» в 1895 г.?

VIII.

Мы видели, что конфликт группы и молодых, в лице Тышко и Р. Люксембург, не разрешил тех задач, которые встали перед русской социал-демократией во всей широте и глубине: обслуживание развивающегося массового рабочего движения, бурные проявления которого были не за горами.

Нужно было ожидать, что новые молодые силы должны притекать за границу все больше и больше и все теснее и теснее связывать русское социал-демократическое течение с группой «Освобождение Труда». Так это и было.

Русские социал-демократические кружки, начиная с конца 80-х годов, множились и развивались. Не связанные с заграницей русские социал-демократы хотя и с трудом, но очень часто самостоятельно вырабатывали свое миросозерцание. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, и хотя это не входит в задачу нашей статьи, однако, в связи с теми отношениями, которые завязывались между Россией и заграницей, необходимо сказать хотя бы несколько слов.

Социал-демократическое мировоззрение явно начинало охватывать не только революционные кружки Петербурга к концу 80-х годов, но и деятелей кружков провинциальных. Вот что, например, пишет один из прикосновенных к Киевскому и Нежинскому кружку Абрамовича: «Таким образом, отряхнув с себя пыль традиционного прошлого свободой, наш мужик, естественно, соприкоснулся в жизни не с юридической стороной ее, а с экономической; экономический принцип, как бы ни старались игнорировать его, делается преобладающим над всеми другими принципами народной жизни. Политика, наука, искусство, все нравственные и материальные силы человека так или иначе подчиняются ему. Он воодушевляет все лучшие предприятия нашего века, он дает цвет и направление историческим событиям; им же измеряется и сила, и слабость, и прогрессивность народов. Словом, эта, т.-е. экономическая, сторона народа всегда отделяется или выделяется из всех других сторон для развития формы и содержания» [2]).

Это звучит не так-то уж хорошо, по-марксистски, но само собой понятно, что автор за эзоповским языком скрыл то, что понятно всякому марксисту.

Самодержавие же само постаралось, чтобы эти первые русские социал-демократы, рассылаемые по разным городам, распространяли новое учение и находили себе новых учеников. В виде примера можно привести те связи, которые, например, существовали у Пензы, Саратова и Петербурга. В Пензе еще в конце 80-х годов жил один из первых участников благоевской группы, В. Благославов, и нет ничего удивительного в том, что в числе прочих и он

---

[1]) См. Ю. Каменев. «Указатель загр. соц.-демокр. изданий».

[2]) Истор.-рев. арх. Указанн. выше дело 4-го дел., № 97, л. 133, 1889 г.

оказал влияние на пензенскую молодежь. По крайней мере установлена связь его с Тепловым [1]) и с Л. К. Агринской, тогда еще курсисткой в Петербурге. Агринская же в Петербурге вращалась в кружке молодежи, среди которой находились и многие сделавшиеся впоследствии социал-демократами, например, З. П. Невзорова (Кржыжановская, член «С.-Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса»). В одном из своих писем к Агринской З. П. Невзорова спрашивает (от 9 января 1891 г.) Агринскую, где они, т.-е. тот кружок, в котором вращалась Агринская в Петербурге, собираются для чтения Маркса. В Пензе, как это видно из документов, существовали кружки самообразования и развития, где работал Благославов. Судя по тем же документам, такие же кружки существовали и в Саратове. Характеризуя пензенскую работу, В. Благославов говорит: «. . . Если кто и суетится, так одна молодежь, а взрослые (врачи, учителя et cet.) вымирают на все лады. Вот Саратов иная статья. Там наблюдаешь жизнь, серьезную жизнь разных поколений . . .»

Что эта была за жизнь, мы подробно не знаем, но мы знаем, что Благославов был в первой группе социал-демократов в Петербурге, что и Агринская, связанная с ним, и ее муж Теплов сделались социал-демократами, что З. П. Невзорова была связана с пензяками («экономистами», как были они известны тогда; не следует смешивать с позднейшими «экономистами» конца 90-х годов), и что именно путем такой товарищеской связи и шло распространение социал-демократического учения в России, среди учащейся молодежи [2]).

Как же вырабатывала эта молодежь свое мировоззрение? Если среди такой молодежи оказывались люди, подобные Благославову, как это было в Пензе, дело шло сравнительно легко; если же близко не было подобных людей, как это случилось в Одессе с Д. Б. Рязановым, молодым людям приходилось работать самостоятельно. Вот что, например, рассказывает именно Рязанов о выработке своего миросозерцания на вопрос жандармов при допросе: «Когда впервые я познакомился с учением социалистов? В России или за границей? Через кого и каким путем в обоих случаях, и что побудило меня потом заняться этим учением настолько, что сделало меня научным социалистом? Познакомился впервые с социализмом в России из книги Чернышевского «Что делать?». Первые понятия об истории социалистических учений почерпнул из книги Д. Щеглова «История социальных систем»; мне тогда было 15 лет. От кого я получил ее, я объяснить не могу. Следует припомнить время, в какое я воспитывался. Время это было время деятельности «Народной Воли», когда революционные идеи слишком были распространены, и когда эти идеи, конечно, не могли не залетать в гимназии. В 1886 г. я был уволен из пятого класса за неуспехи в греческом языке. Выйдя из гимназии, я не бросал занятий. Занимался я по истории политической экономии, отчасти по юриспруденции (специально изучением первобытных учреждений). Никто не руководил мной при выборе книг для чтения.

---

[1]) Истор.-рев. арх., О.о., № 232, 1900 г., о сыне кр. б. ст. Н. Александр. Инст. Павле Фед. Теплове.

[2]) О В. Благославове и Л. К. Агринской. Истор.-рев. арх., 3-е дел., №: 937, 1891 г., «о дочери тит. сов. Л. К. Агринской».

Я наводил справки как в каталоге систематического чтения, изданном Распоповым, так и в других справочных изданиях. В 1889 г. я поехал за границу, где и продолжал изучать историю и политическую экономию, но уже пользовался литературой и на иностранных языках (французском и немецком преимущественно). Тогда же я прочел сочинения Маркса и Энгельса. И за границей никто не руководил моим чтением» [1]).

Современный молодой коммунист, знающий, что представляет из себя книга Д. Щеглова, из которой почерпал сведения ныне лучший знаток истории социализма Д. Б. Рязанов, давший уже несколько классических изданий Маркса и Энгельса к услугам нашей молодежи, современный счастливец, молодой коммунист, может сказать: вот и права была группа «Освобождение Труда», когда она не хотела прислушиваться к «молодым», изучавшим историю социализма по Щеглову. Дело, однако, в том, что такие молодые люди, как Рязанов, от Щеглова переходили, как видим, к изучению Маркса в подлиннике, а кроме того ведь они приезжали за границу от настоящей живой работы среди рабочих, чего у группы «Освобождение Труда» не было. И прав, конечно, отчасти тот же Д. Б. Рязанов, когда он характеризует группу «Освобождение Труда», как «литературную фракцию» [2]).

Да кроме того, если русские социал-демократы не могли еще в конце 80-х годов похвалиться выдержанностью своих воззрений, то ведь и за границей в то же время противоречия, которые замечались между первой и второй программой, поселяли значительную сумятицу в головах молодежи. Вот что, например, по этому поводу пишет какой-то социал-демократ из-за границы к поднадзорной Э. О. Гордон (от 23 августа 1887 г.) в Холмогоры: «. . . В настоящую минуту более всего здесь, за границей, как говорят в России, также заняты программными вопросами. Большинство, как мне известно, находит, что старая программа неудовлетворительна, и требует известных поправок. Существующая социально-демократическая программа также не считается удовлетворительною и к ней относятся даже враждебно . . .» [3]).

И заграницей, стало быть, молодежь бродила ощупью и искала ответы на проклятые вопросы, и не вся она шла за группой «Освобождение Труда». Это подтверждается и рассказом тов. Хинчука, рисующего положение дел Бернской колонии в начале 90-х годов. «В Берне,—говорит он,—образовался кружок из 12 — 13 человек. В этот кружок вошли я, Шлихтер с женою, тогда еще Лувищук, и другие. Настроение было бодрое, боевое. Из этого кружка только я и Шлихтер с женою приняли точку зрения «Наших разногласий» или группы «Освобождение Труда» [4]).

Но как бы то ни было, приток свежих сил из России влиял на группу. В первой половине 90-х годов за границей уже много молодых русских социал-демократов; кроме уже упомянутых Хинчука, Шлихтера, Рязанова, необходимо назвать Кузнецова из Нижнего, Лейтайзена из Екатеринослава,

[1]) См. приложение к работе Н. Л. Сергиевского.

[2]) Дело одесского жанд. упр., № 160, 1891 г., см. также прилож. к статье Сергиевского.

[3]) Истор.-рев. арх., 4 дел., № 97—1889 г.

[4]) См. «Пролет. рев.», № 7, 1922 г.

В. Д. Перазича, В. Курнатовского (правда, только переходившего на сторону социал-демократов), П. Ф. Теплова, Теслера и многих других.

В. Д. Перазич попал туда (в Вену) после отсидки в Крестах по харьковскому делу Ю. Д. Мельникова. По его словам, правильно организованной фракции до приезда Теплова в Вене не было. Отдельные социал-демократы (в частности и Перазич) связывались с немецкой социал-демократией, посещали рабочие собрания и, конечно, собирались вместе, спорили, читали рефераты, собирали деньги на революционные цели и в том числе и на группу «Освобождение Труда». Особенной энергией отличался в этом отношении сам Перазич.

Связи с группой «Освобождение Труда» у венских социал-демократов, так же, как и у берлинских, были. В. Д. Перазич рассказывает [1]), что ему пришлось даже сделать для Плеханова перевод нескольких глав из «Святого Семейства» Маркса, ни одного экземпляра которого не мог нигде достать Плеханов, и редкий рукописный экземпляр которого Перазичу удалось получить у одного немца.

С приездом Теплова дело изменилось, и он очень быстро организовал среди венских социал-демократов из России кассу, большая часть средств которой шла на дела русской социал-демократии [2]).

Теплов, вообще, играл большую роль в жизни заграничной социал-демократии и в том расколе, который потом разыгрался в конце 90-х годов между Плехановым и «экономистами», и потому хотя в данной статье вопроса об экономизме мы касаться не будем, скажем несколько слов об этой интересной фигуре нашего движения.

Павел Федорович Теплов родился в 1867 г. Учился он сначала в земской фельдшерской школе, затем в земледельческом училище и в Ново-Александрийском институте. Еще будучи в Пензе, в конце 80-х и начале 90-х годов он участвовал в пензенском кружке, несомненно социал-демократическом, известном под именем пензенских «экономистов». (Быть может этот кружок носил тот характер переходного типа, каким отличались многие кружки этого периода) [3]).

В кружке этом участвовали кроме уже упомянутой Л. К. Агринской (впоследствии жены Теплова) еще следующие лица: ученицы Пензенской губернской фельдшерской школы: Н. Ф. Абрамова, Е. Г. Сюзюмова и Л. М. Майорова, жена В. Благославова (тогда помощника секретаря Пензенского окружного суда) О. П. Благославова, дочь нотариуса Анна Готовцева, ученик фельдшерской школы Леонид Сарычев и П. Ф. Теплов.

В 1891 г. Теплов уехал за границу и жил там, ведя деятельную работу как по самообразованию, так и по собиранию социал-демократических сил и по установлению связей с русскими социал-демократическими организациями.

Из его переписки с Л. К. Агринской [4]) видно (об этом подробно рассказывается в работе Н. Л. Сергиевского), что он завязал связи с Петербургом,

---

[1]) Личное сообщение.

[2]) См., например, истор.-рев. арх., О.о., № 304, 1898 г.

[3]) Указ. выше дело, О.о., № 232, 1900 г.

[4]) Истор.-рев. арх., 3-е дел., № 937, 1891 г. См. в прилож. к работе Н. Сергиевского переписку Теплова с Агринской.

Пензой и другими городами (например, с Москвой) и наладил дело доставки литературы в Россию.

На чьей стороне оказался Теплов, когда разыгрался конфликт между Плехановым и Грозовским, неизвестно, но вскоре после этого мы видим его с Б. Кричевским, с которым он потом работал вместе в «Рабочем Деле».

В начале же и в первой половине 90-х годов и петербургские социал-демократы связываются с группой «Освобождение Труда», — П. А. Красиков, А. Н. Потресов и В. И. Ленин ездили заграницу к Плеханову. Приток и воздействие таких молодых сил и заставляет группу «Освобождение Труда» созвать первый съезд представителей заграничных групп социал-демократов, который и происходил в начале 1895 г., и где был основан «Союз русских социал-демократов».

Кто был представителем на этом съезде, от каких групп и сколько было всех таких представителей — неизвестно. Есть туманные указания в жандармских архивах, но, в виду невозможности проверить их, ничего положительного об этих данных сказать нельзя [1]).

Основанием «Союза русских социал-демократов» в начале 1895 г. и заканчивается первый период истории группы «Освобождение Труда».

Подведем теперь итоги всему сказанному в нашей статье.

Революционное движение конца 70-х годов закончилось кризисом и расколом летом 1879 г. Происшедший раскол был неизбежным следствием развития тех общественных сил, которые выдвигались на политическую арену экономическим развитием страны. Крепнувшая буржуазия выделяла многочисленные слои радикальной мелкобуржуазной интеллигенции, которая уже более не могла мириться с самодержавием.

Попытки этой интеллигенции оформить свое классовое миросозерцание вылились сначала в программах мелкобуржуазного утопического социализма и вполне отражали стихийное настроение многомиллионного крестьянства.

Дальнейшая капиталистическая эволюция разбила утопические иллюзии радикальной интеллигенции, а процесс, создавший пролетариат и пролетарское движение, создавал и условия, с одной стороны, для выработки теоретиков пролетарского социализма, а с другой—для создания героев и борцов за буржуазную конституцию под знаменем утопического социализма, радикалов в европейском смысле слова. Так произошла эволюция, смысл которой заключается в том, что одна часть революционной интеллигенции 70-х и 80-х годов эмансипировалась от мелкобуржуазного социализма в сторону либеральной буржуазии (зародыш у Присецкого, Якубовича, Корбы и т. п.), а другая—в сторону научного социализма Маркса и Энгельса (14).

Эта эмансипация началась у Плеханова еще в период распада «Земли и Воли» и закончилась решительно к 1882 г., у его товарищей примерно к тому же периоду.

---

[1]) В деле Истор.-рев. арх., № 420, 3-е дел., 1893 г., говорится, будто на этом съезде были: от Цюриха—Теплов, Курнатовский, Каган, дев. Слепян, Шмулевич, Полинковский; из Карлсруэ—Петерс, Баранов и Юшлевич; из Мюнхена—Яновский и Планков. Трудно предположить, чтобы на таком съезде не было представителя от группы «О. Т.». Да, впрочем, и дата этого съезда указана 8—11 августа?

Осенью 1883 г. начинает жить социал-демократическая организация — группа «Освобождение Труда», и закладывается первый теоретический фундамент рабочей партии и программы в России.

Господство реакции в России и развал «Народной Воли», потери, понесенные в связи с этим как группой, так русскими революционными организациями надолго, до конца 80-х годов, отрывают группу от создающихся в России социал-демократических организаций.

Первые русские социал-демократические организации отчасти вырастают из чернопередельческих рабочих кружков, отчасти самостоятельно, отчасти из народнических и народовольческих организаций [1]).

По мере роста рабочего движения и роста таких социал-демократических кружков в России усложняются задачи русских социал-демократов, и является потребность приблизить теоретическую работу к потребностям практики.

Между тем группа «Освобождение Труда» и за отсутствием связей с Россией и за отсутствием средств и сил не в состоянии удовлетворить этих запросов, этой потребности.

Приток свежих молодых сил за границу в конце 80-х годов дает группе «Освобождение Труда» связи с русскими социал-демократическими кружками, а домогательство этих кружков принять участие в работе группы создает первый конфликт «молодых» с группой (Соловейчик и Слепцова) и основание «Русского социал-демократического Союза».

В начале 90-х годов в силу тех же причин возникает новый конфликт между группой «Освобождение Труда» и «молодыми» (Грозовский и Р. Люксембург) и возникает «Социал-демократическая библиотека» (1893 — 1895 г.). Приток новых сил начала 90-х годов и укрепление связей с Россией и приводит к созданию «Союза русских социал-демократов» в начале 1895 г.

Таким образом, собственно, в конце 1894 г. завершается первый период жизни группы «Освобождение Труда», период теоретической выработки основ программы партии.

Группа «Освобождение Труда» изложила для русских социал-демократов основы учения Маркса, произвела критику революционных идеологий с точки зрения этого учения, наметила путь дальнейшего развития революционного движения в России и поставила вопрос о создании российской рабочей социалистической партии.

Разрешить этот последний вопрос удалось уже во второй период истории группы «Освобождение Труда», когда созрели в России такие крупные силы, как Ленин и Мартов, и такие сильные организации, как «Союзы борьбы» и комитеты Р. С. Д. Р. П., уже после Минского съезда в ожесточенной борьбе с экономизмом и либеральной буржуазией.

Но это уже второй период истории группы (1894 — 1903 г.г.).

В. Невский.

---

[1]) См. ниже вступительные замечания к «Зерну».

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Николай—он, Н. Ф. Даниельсон, известный экономист-народник, много писавший по вопросам экономического развития России; переводчик К. Маркса. Главная его работа «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», Спб., 1893 г. Вел переписку с Марксом и Энгельсом.

В. В., В. П. Воронцов, народник-экономист. Главная его работа «Судьбы капитализма в России», Спб., 1883 г. К средине 80-х годов мысль о том, что капитализм сделал уже очень прочные завоевания в России, стала распространенной даже в революционной народнической среде. В интересной и мало кому известной брошюре (хранится в библиотеке Истор.-революц. арх. в Ленинграде), напечатанной нелегально в России не позже 1887 г., с целью ознакомления революционной публики, стоявшей на распутьи и желавшей ориентироваться в том хаосе, который царил на развалинах «Народной Воли», неизвестные авторы собрали всякого рода статьи, рассматривавшие вопрос о развитии и дальнейшем направлении революционного движения. (Вот содержание брошюры: «От издателей», «Переходный момент нашей партии» П. Аксельрода, «Социализм и народничество», «Очерк развития социально-революционного движения в России», N, «Социализм в революционном движении интеллигенции 70-х годов (историко-критический этюд».) В статье «Социализм и народничество» неизвестный автор, анализируя современную экономическую жизнь, приходит к такому заключению: «По отношению к крупной капиталистической промышленности не подлежит, конечно, сомнению, прежде всего, самый факт ее существования...» (стр. 47); мало того, тот же автор признает, что «по отношению к нашему капитализму можно выставить то, что он является фактом растущим» (стр. 51). Но, признавая это, автор далее утверждает, что когда вопрос ставится о будущей роли капитализма в русской жизни, то «здесь уже все является предметом спора». Признавая даже факт распадения общины («Вообще существование самого процесса распадения общины, повидимому, признается всеми...»—говорит автор на стр. 60) и принимая во многих частях учение Маркса, которое автор излагает, он (автор), однако, сомневается, что процесс перехода от капитализма к социализму будет очень длителен... и потому приходит к заключению, что единственно пригодной программой для России может быть только народническая. Впрочем, программа эта рисуется как эклектическая смесь программ народнической и социал-демократической. Автор говорит по этому поводу: «Само собою разумеется, что интересы рабочего пролетариата никоим образом не могут игнорироваться народническою партиею, и требования социал-демократической программы, если отбросить их исключительный характер, должны входить, как составная часть, в общую народническую программу, но они не могут стоять в ней на первом плане, так как главное ядро рабочей массы народа составляет еще до сих пор и будет еще долго составлять не рабочий, а крестьянин, и потому народное направление долго еще будет означать, главным образом, направление крестьянское» (стр. 87).

Интересно сравнить это желание автора соединить социал-демократов с народниками и взгляд П. Б. Аксельрода по вопросу о создании рабочей партии, как этот взгляд

выразился в 1885 и даже в 1889 году. Вот что, например, Аксельрод говорит в книжке «Задачи рабочей интеллигенции в России», вышедшей в 1889 г.: «Окончательным последствием деятельности нашей рабочей интеллигенции по указанному пути будет то, что все искренние и сознательные социалисты-революционеры, какого бы звания и происхождения они ни были, войдут в общий рабочий союз; вместо теперешних революционных кружков, из которых каждый действует за народ и от имени народа, образуется одна социалистическая рабочая партия, в состав которой будут входить «все действительные друзья народа» (стр. 16).

Если даже П. Б. Аксельрод после таких работ, как «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Плеханова, приглашал всех друзей народа в одну рабочую партию, то чего же было ожидать от народников?

2) «Община»—журнал, издававшийся в течение 1878 г. за границей, в Женеве. Вышло 9 объемистых номеров. По словам П. Б. Аксельрода («Пережитое и передуманное», стр. 200 и 201), этот журнал явился преемником «Работника», издававшегося в 1875—1876 г.г. группой Ралли. Редакция «Общины» состояла из двух человек—эмигрантов из группы «Работника», Ралли и Н. И. Жуковского, и Д. А. Клеменца и П. Б. Аксельрода. Вместо уехавшего Клеменца в редакцию вступил С. Кравчинский. Направление журнала было анархическое.

3) «Летучий Листок» № 1 был написан Н. К. Михайловским и издан подпольно в апреле после выстрела В. Засулич в Трепова. См.: «Революционная журналистика 70-х годов», изд. Басилевского, 1895 г. Paris, стр. 111—113. О взглядах Михайловского на революционное движение см. наши «Очерки по истории Р. К. П.», изд. «Прибой», т. I, стр. 91.

4) «Вольное Слово»—еженедельное издание. Издавалось в Женеве эмигрантом, украинофилом-федералистом Драгомановым тетрадями в $1/4$ листа. Издавалось на деньги русского министерства внутренних дел при участии агента 3-го отделения Мальшинского.

В 1881 году, когда в «Вольном Слове» печатались статьи П. Аксельрода, вышло всего 22 номера. Об участии в этом органе Аксельрода см. последнюю главу его «Пережитое и передуманное», Берлин, изд. Гржебина, 1923 г. Об отношении к революционерам Драгоманова см. в «Пролет. револ.», № 8 (20)—1923 г. в статье Дейча «О сближении и разрыве с народовольцами (к истории возникновения группы «О. Т.»). О Мальшинском и об отношениях к нему и Драгоманову Аксельрода см. в книге «Из архива П. Б. Аксельрода» материалы по истории русск. рев. движения. Берлин. Изд. 1924 г. Стр. 45—61.

5) Речь П. Б. Аксельрода на социалистическом конгрессе в Хуре напечатана в № 13 «Вольного Слова» за 1881 г., см. также «Пережитое и передуманное» П. Б. Аксельрода, стр. 381, глава XVI.

6) Статья И. Н. Присецкого была напечатана в № 10 «Вольного Слова» за 1881 г. См. у Аксельрода в XVI главе «Пережитого и передуманного», а также наше приложение.

Иван Николаевич Присецкий родился в 1858 году. Учился в полтавском кадетском корпусе и в военном инженерном училище. Не окончив курса, Присецкий примкнул к революционному движению. В 1881 году мы находим его за границей в качестве ярого приверженца «Народной Воли». В 1883 году он был арестован в Киеве и в 1885 г. выслан в административную ссылку в Восточную Сибирь, а по отбытии ссылки в 1889 г. возвратился в свое имение (в Полтавской губ., Зеньковского уезда). С этого момента начинается легальный период его деятельности и осуществление тех идей, которые он высказал в печатаемом ниже письме в «Вольном Слове»,—работал в земстве, был гласным и прошел в первую Государственную Думу по списку конституционно-демократической партии. Умер 12 сентября 1911 г. в Крыму, на собственной даче в Алупке (См. Я. Имшенецкий в сборнике: «К десятилетию первой Гос. Думы», изд. «Огни», Петроград, 1916 г., стр. 201—203).

Об эволюции народовольчества к либеральной буржуазии, именно о заявлениях Якубовича и Корбы на суде, а также о «Социалисте» и «Свободной России» см. у Г. В. Плеханова в его предисловии к «Истории революционных движений в России» проф. Туна, Петербург, изд. Рутенберг, 1906 г., стр. 49—53.

7) О роли Л. Г. Дейча, как мы очертили ее в тексте, высказывается и редактор книги «Из архива П. Б. Аксельрода» (Материалы по истории русского революционного

движения, т. II. Русский революционный архив. Берлин, 1924 г., стр. 85—6). Он приводит следующую выдержку из второй, уже подготовленной к печати части воспоминаний П. Б. Аксельрода: «На плечах Л. Дейча лежали все материальные и административные заботы, связанные с существованием группы. С неистощимой энергией он завязывал знакомства, которые могли в каком бы то ни было отношении оказаться полезны для нас, изыскивал финансовые источники, возился с типографией, вел переписку с различными городами, где была революционно-настроенная молодежь, заведывал распространением наших изданий, — вообще, вел всю административную работу группы. Через него шла также вся деловая переписка между мною и женевскими товарищами».

8) О роли Саула Гринфеста см. в названной выше книге «Из архива П. Б. Аксельрода» стр. 85 — 108. Саул Гринфест, принимавший участие в революционном движении с конца 70-х годов, организовал в 1880—81 г.г. в Минске вместе с Рольником и Гецовым типографию «Черного Передела». В конце 1882 г. все они эмигрировали; в Цюрихе они явились к П. Б. Аксельроду. Гринфест примкнул к группе и, как это видно из его переписки с Аксельродом, недолго исполнял роль организатора в группе. Аксельрод считает, что на этом поприще С. Гринфест не мог заменить Л. Дейча. Это, конечно, верно; так, напр., в конце 1883 года Гринфеста командировали в Россию для укрепления связей группы с русскими революционными кружками. По словам Аксельрода, миссия Гринфеста не дала почти никаких результатов не только потому, что в революционном движении в России уже начинался разброд, но и потому, что сам Гринфест «оказался не на высоте возложенной на него задачи и не сумел разыскать те революционные элементы, которые в то время еще оставались в России».

Это, может быть, и верно, но, как это выясняется из переписки С. Гринфеста, были и другие причины, мешавшие группе связаться с Россией. Прежде всего не совсем верно то, что будто бы в России совсем уж плохо обстояло дело с революционным движением. Судя по письму С. Гринфеста к П. Б. Аксельроду от 24 июня 1884 г., еще летом этого года группа имела связи с революционной организацией (быть может, чернопередельческой) в Петербурге. По крайней мере Гринфест приводит в своем письме к Аксельроду письмо, полученное из Петербурга (см. письмо второе на стр. 91 книги «Из архива П. Б. Аксельрода»). В этом письме, действительно, рисуется развал, наступивший в России. Но, однако, эта существующая в Петербурге организация не только существует, но и обещает усиленную помощь издательству группы «Освобождение Труда».

«Дело издания нашей библиотеки встретило здесь чрезвычайное сочувствие: обещают доставить способы провоза, литературное сотрудничество, предлагали уже материальные средства 400 руб., если я ручаюсь за надежность завязывающихся отношений»... Так пишет неизвестный русский корреспондент.

Были связи у группы и с каким-то соц.-демократическим или чернопередельческим кружком и в Вильне, как это видно из того же письма С. Гринфеста. Были, повидимому, связи и с другими городами, как, напр., с южными (Дрезденский-Слободской, — студент Дрезденского политехникума, повидимому, имел такие связи), но все дело в том, что связей этих группа не могла ни использовать, ни закрепить. Прежде всего, у группы не было людей. Петербуржцы летом 1884 г. писали: «....А еще лучше, если приедете сами. Я полагаю, что Ваше присутствие в России теперь было бы весьма кстати и даже необходимо в виду желательной разработки и окончательного утверждения в головах путей революции, принятых группой «Освобождение Труда» (стр. 92 «Из архива П. Б. Аксельрода»). Послать, однако, группа никого не могла. Почему же группа не могла никого выделить для поездки в Россию? Просто потому, что группа замкнулась в самой себе и почти никого не принимала в свою среду, в свою маленькую тройку, — Плеханова, Аксельрода и Засулич. До 90-х годов или по крайней мере в течение 80-х годов в группу был принят на равных правах с тройкой только один новый член — С. Ингерман. По этому поводу редактор книги «Из архива П. Б. Аксельрода» пишет (на стр. 86) следующее: «.... он (С. Гринфест) смотрел на группу «Освобождение Труда» как на кружок единомышленников, который должен непрерывно расширяться путем привлечения новых членов; себя он считал полноправным членом этого кружка и стремился вводить в него всех, кто только заявит о своем сочувствии принципам группы. Между тем, основатели группы смотрели на себя как на литературную ячейку, которая должна вербовать сторонников и создавать вокруг себя соответствующую периферию, но не растворяется в этой периферии и сохраняет свой строго замкнутый характер. Этот взгляд прово-

дился настолько последовательно, что за все время существования группы в нее был принят лишь один новый член — С. Ингерман, — а о приеме С. Гринфеста не было даже и речи».

Все это, быть может, так, но дело-то в том, что ведь и периферии-то по сути даже к концу 80-х годов не было создано. Эта периферия все еще в хаосе и разброде, и не разберешь, марксистская или народовольческая эта периферия.

Группа охраняла чистоту своих принципов и не пускала Гринфеста в свое «святая святых» и, однако, та же группа по первому же замечанию того же Гринфеста вносит исправления в свою программу. В письме к Аксельроду от 24 июня 1884 г. Гринфест пишет по поводу программы, выработанной группой и печатавшейся в типографии в Женеве, где жил Гринфест: «Мы думаем отпечатать ее, думаем так же, как Вы, печатать в виде проекта. Я думаю, что некоторые места следует яснее формулировать, яснее высказать взгляд группы на крестьянство, на аграрные нужды его. В программе, напр., сказано в числе ближайших требований: «пересмотр аграрных отношений» — фраза слишком общая» (из архива П. Б. Акс., стр. 94). Как совершенно правильно замечает редактор писем Гринфеста, эта общая фраза была заменена «более полной формулировкой»: «радикальный пересмотр наших аграрных отношений, т.-е. условий выкупа земли и наделения ею крестьянских обществ. Предоставление права отказа от надела и выхода из общины тем из крестьян, которые найдут это для себя удобным и т. п.».

«....Пункт о сочувствии «Народной Воле»,—замечает еще Гринфест в том же письме (стр. 94), — в ее террористической борьбе с правительством следует, по-моему, тоже изменить. Во-первых, слово «сочувствие» не удовлетворяет русскую публику, во-вторых, «Народная Воля» не представляет более собою партии, она не живет, а доживает, гораздо лучше будет, если группа выскажет свой взгляд на политический террор без всякой зависимости от «Народной Воли». Программе нашей следует придать не кружковое значение, а рекомендовать ее всем русским социалистам-революционерам, в том числе и народовольческим кружкам, так как все они не имеют теперь никакой программы и сознают это». Как известно, и этот пункт программы был изменен в направлении, указанном Гринфестом. Казалось бы после этого, что группа не побоится поближе сойтись с такой «периферией», как С. Гринфест, который вносит весьма существенные поправки даже в программу группы. И, однако, этого не было. А между тем, как это видно все из тех же писем Гринфеста, самой-то группы людей, способных организовать свою периферию, и не было. По крайней мере к организаторским способностям Г. В. Плеханова С. Гринфест относится весьма скептически. Это видно из письма С. Гринфеста от 10 июня 1884 г., где он о Плеханове пишет: «Жорж очень мало думает о переорганизации группы; будь теперь несколько сот франков в кассе, он считал бы положение группы вполне удовлетворительным. Очевидно, он рассчитывает вполне на свою практичность, но я абсолютно не доверяю ей. Одно странное явление набрасывает тень на Жоржа, как на практика, это то, что он нравится людям только в начале знакомства, а как только поближе познакомятся с ним, то он перестает им нравиться и даже еще хуже»....

Итак, Дейча не было, Плеханов не был организатором, Аксельрод бился в тисках нужды, денег у группы не было, а она и не думала о расширении.

До какой степени группа была стеснена в деньгах, видно все из тех же писем Гринфеста, который, напр., в письме от 9 октября 1884 г., между прочим, пишет Аксельроду: «Я просил Вас, хотя был уверен, что не удастся Вам, одолжить где-нибудь на две недели 100 фр., через две недели Дрезденский (Слободской) обещал прислать несколько денег»....

Бедственное положение группы в финансовом отношении особенно ярко рисуется в письме Гринфеста от 30 ноября 1884 г.

Только с начала 90-х годов группа в финансовом отношении несколько оправилась, когда доктор Гурьев (шурин д-ра О. Веймара, осужденного на каторгу в 1880 г.) дал денег на издание «Социал-демократа», да и то четвертая книга именно из-за отсутствия средств вышла спустя два года после начала издания (февраль 1890 и весна 1892 г.). Еще раньше, в 1888 г. вышел литературно-политический сборник «Социал-демократ» на деньги радикального адвоката Кулябко-Корецкого.

Группа, стало быть, билась, как рыба об лед. Финансовое положение ее было очень тяжело и в первую половину 90-х годов; так тов. Ерманский рассказывает, что когда он

собрал несколько десятков франков в пользу группы в начале 90-х г. и привез их Плеханову, то его встречали как какого-то Креза.

Почему же в таком случае группа не пыталась включить новых членов и не сорганизовала периферию? Потому, что, быть может, она боялась затормозить выработку нового мировоззрения, а отсутствие организатора лишало ее как периферии, так и связей с Россией.

9) Сведения, сообщенные нами в нашей статье о Н. Слепцовой и Р. Соловейчике, равно как о некоторых других эмигрантах, находятся в разных делах и по преимуществу в делах, связанных с известным взрывом бомб в Цюрихе, во время которого погиб эмигрант Дембо.

Дело Дембо, вернее, связь этого дела с социал-демократической эмиграцией 80-х годов сводится к следующему:

Еще в 1884 году в Петербурге возникли военные кружки, т.-е. кружки военной учащейся молодежи. Одним из главных организаторов и руководителей этих кружков был Марк Брагинский и мичман Николай Шелгунов. Цель этих кружков очень хорошо видна из программы, обсуждавшейся и принятой на этих кружках (см. «Еженедельные Записки» Ленингр. Истор.-рев. арх. за 1886 год, от 4 по 11 августа). «Мы социалисты,— говорится в параграфе первом этой программы,—и конечная наша цель—осуществление социалистического строя в общественных формах. Мы считаем, что этот строй не только наиболее справедлив, но неизбежно вытекает из условий нашей исторической жизни». Во втором параграфе той же программы мы читаем: «Для успеха революции, в ней должны принимать участие все силы, заинтересованные в разрушении старого и создании нового общественного строя. Под словом «заинтересованные силы» мы понимаем те слои общества, которые выигрывают при разрушении старого строя. Мы считаем, что главное участие в революции должны принять наиболее эксплоатируемые слои общества, т.-е. простой народ, рабочие и интеллигентные пролетарии; но мы вполне допускаем, что могут явиться также революционеры из других слоев, не заинтересованных и прямо враждебных делу революции, хотя в таком случае эти лица не будут истинными представителями своей среды, как самостоятельного класса. Относительно войска можем сказать,—мы рассчитываем на его помощь, потому что оно есть часть народа и при нынешнем положении дел оно не представляет замкнутости и не теряет связи с народом».

Как видно из этого отрывка программы, в ней, как деятель революции, является рабочий класс. Несомненно, что именно это место программы военных кружков появилось в результате воздействия благоевцев (членов «партии русских социал-демократов») на военные кружки. В специальном исследовании, посвященном благоевцам, мы, совместно с тов. Сергиевским, подробно покажем это, а сейчас скажем только, что один из членов военных кружков прямо указывает на это влияние. Подпоручик Василий Шейдевандт, член военных кружков, давший откровенные показания, между прочим, показывал: «... Так как еще бывая в кружке говорилось о том, что наша программа близко подходит к программе социал-демократов и следует познакомиться с ними поближе, то указанное лицо и было представлено от этой фракции». Этим лицом, о котором говорит Шейдевандт, был Павел Шатько, член благоевской группы. Как выясняется из показаний инженера-технолога Николая Григорова, тоже благоевца, он, другой инженер-технолог Василий Данилов (и, может быть, еще один благоевец Петр Мефодиевич Редько) были на том собрании в Академии Наук (у одного из молодых людей, давших для этого помещение), где благоевцы и представители военных кружков обсуждали программу благоевской группы (в мае 1886 г.). Об этом определенно говорится в показаниях Григорова: «...Шелгунов тоже не скрывал своих симпатий к тому направлению (т.-е. благоевскому. В. Н.), говорил, что у него есть товарищи, более или менее разделяющие его взгляды в этом отношении, и обещал познакомить меня с ними. («Еженед. Записки», 1887 г., от 16 по 23 февраля.) Состав же одного из военных кружков был таков: мичман Николай Шелгунов, Марк Брагинский, Лев Бобровский, мичман Чернявский, артиллерийский офицер Эссен, ст. Александр Редько и, может быть, Петр Редько. Братья Редько были благоевцы.

Марк Брагинский и Николай Шелгунов были хорошо знакомы с Над. Ник. Слепцовой, и на ее квартире и происходили иногда собрания руководящего кружка. Таким образом Н. Н. Слепцова и была знакома с благоевцами и с их программой. А судя по тому, что читалось в этих кружках, можно с уверенностью сказать, что здесь-то и полу-

чила Н. Н. Слепцова первые начатки социал-демократического учения. Читались же там следующие книги: «Наши разногласия» Г. В. Плеханова, «Научный социализм» Ф. Энгельса, «Наемный труд и капитал» К. Маркса, «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Коммунистический Манифест».

Н. Н. Слепцова была, конечно, знакома и со многими военными молодыми людьми, в том числе и с офицером Димитрием Бруевичем (см., например, обвинительный акт в № 4 «Соц.-демокр.», 1892 г. и в деле «О мещанке Софье Гинзбург, поручике Иване Чижевском и Петре Душевском» (Истор.-рев. арх., 3 делопр., д. № 47, т. VIII, 1889 г.), Лукой Гаевским и друг.

Лука Гаевский познакомил Петра Душевского с Димитрием Бруевичем, а тот пригласил его зайти к Н. Н. Слепцовой, где в 1886 году Душевский и встретился с Софьей Гинзбург.

Таким образом и завязался тот узел, который жандармы начали распутывать уже только после взрыва в Цюрихе. Дело о военных кружках окончилось в 1887 г., при чем Н. Н. Слепцовой удалось до суда уехать за границу.

За границей, как уже сказано выше, в 1887 году, именно в Цюрихе, была довольно многочисленная русская колония. Жил в этой колонии и Исаак Бринштейн под фамилией Дембо и Александр Дембский, оба эмигранты, бежавшие за границу, при чем Дембо привлекался жандармами еще по делу 1 марта 1887 года.

В числе знакомых Дембо и Дембского была Софья Гинзбург, слушательница Бестужевских курсов, товарка и знакомая Н. Слепцовой, бывавшая у нее (в течение 1882—1885 г.г.). В 1885 году С. Гинзбург уехала за границу и там вошла в «Кружок народовольцев в Цюрихе», который поставил своей задачей убить Александра III. Вот что по этому поводу рассказывает Борис Исаевич Рейнштейн, бывший в те времена народовольцем (ныне коммунист, член Коминтерна).

«Летом 1886 года выехал в Швейцарию, с целью уяснить себе и оформить социалистическое мировоззрение и вернуться для революционной работы в Россию. В Швейцарии в ту пору бушевала борьба между защитниками революционного народничества—народовольчества—с одной стороны, и основоположниками социал-демократии—Плехановым, Аксельродом, Засулич и другими членами и приверженцами группы «Освобождение Труда»—с другой. Это была эпоха, когда революционное движение стояло на распутьи между народовольчеством и марксизмом. Я вскоре стал на точку зрения социал-демократии по вопросу о перенесении центра тяжести в революционной борьбе с крестьянства на промышленный пролетариат, по вопросу об ударности работы пропаганды, агитации и организации пролетариата, о необходимости издания марксистской литературы, и проч., но все же не входил в контакт с приверженцами группы «Освобождение Труда» вследствие их индифферентного, если не открыто враждебного отношения к террору. А по моим тогдашним убеждениям, при режиме самой черной реакции Александра III, конца 80-х годов, когда всякое проявление революционной борьбы молча душили, и ни одна газета не могла даже пикнуть, систематический террор, ряд террористических актов был необходим не как средство, достаточное для свержения самодержавия, а как средство, стимулирующее работу агитации и организации промышленного пролетариата.

На такую же приблизительно точку зрения, сочетания социал-демократической пропаганды с террором, становились тогда и некоторые прибывшие в Швейцарию молодые эмигранты после провала покушения 1-го марта 1887 г., в связи с которым были казнены Александр Ульянов (брат Ленина), мой товарищ по Екатеринодару Пахом Андреюшкин и другие. В числе бежавших в Швейцарию в связи с этим провалом были Говорухин из Петербурга и из виленской группы террорист Исаак Дембо (Бринштейн), Гнатовский (Прекер), Шарль Раппопорт и другие. Весной 1887 г. у нас создалась в Цюрихе организация под именем «Кружок молодых народовольцев», ставившая целью продолжать террористическую борьбу и одновременно издавать и пересылать в Россию социалистическую литературу.

В ожидании возможности вернуться в Россию я занялся переводом марксистской литературы и перевел Маркса «Восемнадцатое Брюмера Луи Бонапарта» и Каутского «Экономическое учение Карла Маркса». Этот перевод книжки Каутского появился в Швейцарии в 1888 г. под фирмой «Кружка молодых народовольцев», как первое издание этой книжки на русском языке. Одновременно мне приходилось работать по отправке

транспортов нелегальной литературы в Россию. (В заграничном изд. «Из архива П. Б. Аксельрода», на стр. 35, в примечании седьмом указывается, что группой цюрихской молодежи была издана еще брошюра: «Введение к критике философии права Гегеля» К. Маркса с предисл. П. Лаврова. Ошибочно там же указано, что брошюра «Экономическое учение К. Маркса» Каутского была переведена Тарасовым (Русановым): перевод был сделан Б. Рейнштейном. В. Н).

Летом 1888 г. я начал работать в Берне, потом в Цюрихе с народоволкой Софьей Гинзбург, по изучению техники приготовления метательных снарядов. В Цюрихе к этой работе был нами привлечен тов. Исаак Дембо (Бринштейн). После нескольких опытов в окрестностях Цюриха Гинзбург уехала в Петербург подготовлять покушение на Александра III. Чтобы продолжать опыты, тов. Дембо привлек к работе члена польской организации «Пролетариат» Александра Дембского, тогда стоявшего на интернационалистской точке зрения. В марте 1889 г., когда они производили опыты в лесу около Цюриха, произошел случайный взрыв, смертельно ранивший Дембо и тяжело Дембского. В связи с этим из Швейцарии были изгнаны ряд русских эмигрантов и по выходе из больницы и Дембский».

Не только изгнаны, как говорит тов. Рейнштейн, но и арестованы. На обысках при этом были найдены разные адреса, заграничные и русские, а так как при этом в России 31 марта 1889 г. была арестована и Софья Гинзбург, то жандармы произвели огромные аресты (С. Гинзбург была арестована вследствие несчастной случайности: в Петербурге в магазине она забыла портмоне и в нем набросок прокламации, в которой говорилось о применении террора к Александру III).

Таким образом и была привлечена к этому делу масса народа, в том числе и эмигранты «освобожденцы». (С. Гинзбург была приговорена к смерти, которую заменили пожизненным заключением в Шлиссельбурге, где она и покончила с собой.)

В связи с привлечением многих «освобожденцев» учащихся к делу Дембо мы и находим в этих делах материалы, рисующие жизнь «освобожденской» эмиграции.

Материалы эти находятся в делах Истор.-рев. архива в Ленинграде: 4 делопр., д. № 47, 1889 г.; том I и II «О воззвании преступного содержания, свидетельствующего о существовании злоумышления против священной особы государя императора»; том IV и V «О преступных революционных кружках среди учащейся молодежи в Цюрихе»; в этих томах сведения о знакомстве Гинзбург со Слепцовой, показания Гр. Гуковского о жизни в Цюрихе и в Берлине и т. п.; показания офицера Чижевского о связях Слепцовой в России; т. VI «Об Александре Залкинде и других лицах», здесь показания офицеров по делу Н. Шелгунова и связь Шелгунова с благоевцами; т. VII «О Бунине, Бруевиче и других»; т. VIII «О мещанке Софье Гинзбург, Петре Чижевском, Петре Дуговском, Обвинительный акт по делу С. Гинзбург»; т. IX «О цюрихских революционных кружках» и т. X—дополнительная переписка. Кроме того, 4 дел., № 47, ч. I, т. I «Об Евг. Григорьевой, Михаиле Стояновском, Елизавете Гинзбург и других» и ч. I, т. II «Об образовавшихся среди цюрихской молодежи революционных кружках» и ч. I, т. III «О Петре Станиславове Витковиче и других лицах».

10) К сожалению, за неимением данных, мы не можем дать сведений о всех лицах, которых документы причисляют к «освобожденцам», и в литературе о многих из них тоже очень мало данных. Однако, о некоторых из этих лиц необходимо сказать несколько слов.

В № 4—5 «Рабочего Дела» (сентябрь—декабрь 1899 г.) помещен следующий некролог Г. Э. Гуковского: «В ночь с 17-го на 18-е мая покончил с собою в Среднем Колымске выстрелом из револьвера Григорий Эммануилович Гуковский. Припутанный к делу о цюрихских бомбах, он в 1889 году 17—18-летним юношей, был арестован в Аахене и препровожден в Россию, где был присужден к 4-летней высидке в петербургском «Кресте». 1894 год застал его там, и за отказ присягнуть Николаю II он был сослан по окончании срока высидки в Колымск на 5 лет. Искренний, живой и впечатлительный по натуре, Г. Э. принадлежал к числу тех людей, которые быстро завоевывают себе всеобщую симпатию окружающих. Еще в дороге он часто выражал свое беспокойство. Г. Э. по прибытии на место стал усиленно заниматься физическим трудом. Он был чуть ли не единственным из ссыльных, который занимался последним, как промыслом. Но отсутствие живой жизни давало себя, повидимому, чувствовать, и Г. Э. два раза пытался отравиться, но неудачно. В последнее время он не возбуждал более в товарищах ника-

кого беспокойства. Еще вечером 17 мая он весело беседовал со своими соседями, излагая им свои новые планы, и затем до двух часов ночи слышно было, как он возился на дворе с пилою и топором в руках. Утром 18 мая его нашли с накрытой подушкой головой (вероятно, чтобы заглушить выстрел) и опущенной левой рукой; правая с револьвером осталась на месте: смерть, очевидно, последовала моментально. В записке к исправнику, найденной на столе, он просил в его смерти никого не винить, а в записке к товарищам говорится только, что решился он на самоубийство потому, что не чувствует никакого желания дольше жить, так как не верит в свои силы; а жить, не участвуя активно в революционной деятельности, он не хочет. «Я всегда старался быть честным человеком; удалось ли это мне, пусть судят товарищи», так кончается его записка».

К этому необходимо прибавить, что Гуковский, не в пример некоторым из молодых своих товарищей, держался очень хорошо на допросах, и жандармы не выжали из него ни слова лишнего.

И. Гельфонд—Парвус. Вот что говорит Д. Б. Рязанов по поводу Парвуса в цитированном нами предисловии к письмам Г. В. Плеханова к Ф. Энгельсу («Под знаменем марксизма», 1922 г., № 11—12).

«... уже обративший на себя внимание статьями в «Neue Zeit» о Бем-Баверке и в «Vorwärts'e» о голоде в России, в действительности не принял никакого участия в работе новой группы. Он поместил только под фамилией Игнатьева в «Neue Zeit» подробный реферат о первомайских речах виленских рабочих, вышедших в издании «Социал-Демократической Библиотеки». С 1894 года он окончательно перешел в ряды немецкой социал-демократии. Только после приезда «молодых»—Ленина, Мартова, Потресова—он принял впервые участие в литературных органах российской социал-демократии» (стр. 9).

Б. Кричевский. О нем Д. Б. Рязанов говорит там же: «Главным литературным работником группы был Борис Наумович Кричевский (умер в Париже в 1919 г.). Ему принадлежат изданные группой переводы Маркса («Наемный труд и капитал», «18-е Брюмера») и Каутского («Эрфуртская программа»), а также две популярные брошюры («Борьба английских рабочих за свободу» и «Как бельгийские рабочие боролись за свободу»).

П. Ф. Теплов. После расхождения с группой «Освобождение Труда» в 1898 г. Теплов становится редактором «Рабочего Дела» (первый номер вышел в 1899 г.) вместе с Б. Н. Кричевским. Приехав в Россию по делам «Союза» в 1900 г., он попадает в руки жандармов и уходит в ссылку в Якутскую область на 5 лет. В 1904 году участвует в известной Романовской истории. Амнистия 17 октября 1905 года освобождает его, и он с тех пор до самой смерти в 1906 году является активным работником в профессиональном движении. Теплов много писал в нелегальной прессе под псевдонимом «Сибиряк». Ему принадлежит брошюра о студенческих беспорядках в 1899 г. и известная книга о Романовской истории. (См. некролог Теплова в № 12 «Голос социал-демократа», февраль 1908 г.)

О Ю. Раппопорте, изданном им одном номере журнала «Социалист» в 1889 г. и о связях с ним Плеханова и Аксельрода см. в книге «Из архива П. Б. Аксельрода», стр. 109—115.

11) До какой степени слабы были связи группы с революционными кружками в России, свидетельствуют материалы, опубликованные в книге «Из архива П. Б. Аксельрода» (см. стр. 231 и след.). Аксельрод, на котором лежала обязанность разработки вопроса о формах движения и тактики, хватался за каждый удобный случай, чтобы связаться с Россией. Когда Ганелин, примыкавший к группе и живший в Женеве, узнал в 1887 г. из письма своего одесского родственника, что одесские революционеры желают завязать сношения с группой, он тотчас же сообщил об этом Аксельроду, и П. Б. тотчас же написал большое письмо к одесскому революционному кружку. Письмо это по назначению не дошло и было в извлечении напечатано в американской газете «Знамя», издававшейся русскими эмигрантами Миллером, Капланом, Никольским, Столетниковым, Горвицем, Кранцем и др.

В этом письме ясно доказывается оторванность группы от русского движения. Аксельрод там между прочим пишет: «За исключением явно обнаружившегося стремления одного слишком рано погибшего кружка стать в критическое отношение к господствую-

щим у нас теориям и программам, я не слыхал ни об одной попытке среди революционной молодежи последних лет в таком направлении» (стр. 232).

Аксельрод здесь имеет в виду группу Благоева, которая завязала переписку с группой «Освобождение Труда»; но в России в это время существовали и другие кружки: в Петербурге кроме наследников Благоева (Андреев и др.) работал Точисский, существовала группа марксистов-технологов, в Киеве тоже формировались первые соц.-демократические кружки, да и в остальной провинции кое-где встречались группки соц.-демократов. Они существовали конспиративно, и нужны были люди, которые от имени группы собрали бы эти силы, а таких людей группа-то и не создала.

В высшей степени интересно письмо П. Б. Аксельрода к варшавским соц.-демократам (Константиновский, Шумов, Виткинд, А. Залкинд, Махарадзе, Микадзе и др.). Варшавский студент соц.-дем. Израиль Моисеевич Пескин (известный под именем Сомова), живя в 1893 г. в Бельгии, обратился к Аксельроду с письмом, в котором ставились вопросы современного соц.-демокр. движения в России.

В ответ Пескину П. Б. Аксельрод и написал письмо, воспроизведенное в кн. «Из архива П. Б. Аксельрода» (стр. 237).

Из этого письма видно, что теперь, в 1893 году, уже и группа знает, что в России идет довольно значительное соц.-демокр. движение; это ясно из следующих слов Аксельрода: «Ваше письмо нас, поэтому, еще раз убеждает в крайней необходимости съезда за границей из делегатов от действующих в России революционных кружков и членов нашей группы».

Зная это, Аксельрод далее упрекает русских товарищей за то, что они не связаны с группой и с западно-европейским рабочим движением.

«От наших рабочих кружков,—пишет Аксельрод,—еще ни разу даже адреса с выражением солидарности не послано было ни интернациональным конгрессам, ни национальным (напр., германским или австрийским), хотя это очень легко было сделать при посредстве группы» (стр. 239).

Этот упрек тем более странен, что сама группа встречала с недоверием и подозрительностью всякие попытки русской молодежи повлиять на содержание работы группы; кроме того, русские соц.-демократические кружки конца 80-х годов (как, например, в Казани Скворцов, Федосеев, Санин и др.) развивались независимо от группы: они изучали Маркса и Энгельса не по изданиям группы, которых группа в Россию не доставляла, а по первоисточникам.

Интересно письмо Аксельрода к варшавянам и потому, что в нем говорится уже о давно пройденной стадии движения в России: подготовки соц.-демократов из передовой интеллигенции (что, впрочем, не мешает Аксельроду правильно квалифицировать буржуазную интеллигенцию вообще). Говорить об этом, пожалуй, было уже поздно в то время, когда в Харькове и Киеве вырастали такие рабочие, как Ю. Мельников, а, напр., московская организация вынуждена была за отсутствием популярной рабочей литературы создавать и издавать ее собственными силами.

12) Стало быть, вопрос «о всех честных русских людях» для группы «Освобождение Труда» был не только теоретическим вопросом. Зимой 1891 — 92 г.г. Аксельрод приступил к организации «Общества борьбы с голодом». Как это видно из его переписки с Лавровым и из других документов (напр., из воззвания комитета Общества), это была попытка объединить все оппозиционные элементы в борьбе за конституцию.

«Общество задается целью поднять агитацию в пользу политической свободы, пользуясь современным кризисом в России. Оно имеет в виду содействовать созданию, переправке и распространению в России соответственной литературы среди всех слоев населения, обращаясь за помощью ко всем оппозиционным элементам».

Слова эти принадлежат одному из деятельнейших сторонников группы, секретарю «Общества борьбы с голодом» Якову Кальмансону, но и Аксельрод высказывался по этому вопросу очень ясно и определенно.

«....Со стороны революционеров было бы непростительной ошибкой,—писал Аксельрод 31 дек. 1891 г. комитету «Общества борьбы с голодом»,—вернее, преступлением перед собственным знаменем, если бы они не воспользовались кризисом, переживаемым теперь Россией, в интересах возбуждения конституционно-демократической агитации — в обществе и народных массах. Только такая агитация и может повести к избавлению рус-

ского народа от постигшего его бедствия и превратить голод в орудие освобождения нашей родины от царского и чиновничьего деспотизма, сковывающего развитие ее экономических, интеллектуальных и нравственных сил. Успех этой агитации будет, конечно, в значительной мере зависеть от степени энергии и целесообразности способов деятельности революционных групп в среде нашей интеллигенции и рабочих».

Народовольцы довольно сдержанно отнеслись к попытке соц.-демократов объединить «всех честных русских людей», а холодная встреча этих попыток и в России со стороны русских соц.-демократов скоро показала группе «Освобождение Труда», что голод и связанная с ним политическая агитация еще далеко не достаточное средство для завоевания конституции. И в этом вопросе сказалась оторванность группы от России. (Об «Обществе борьбы с голодом» см. стр. 117 — 132 «Из архива П. Б. Аксельрода»).

13) Только через семь лет Г. В. Плеханов пришел к заключению, что в России много социал-демократов, что программа группы «Освобождение Труда» победила в России и принята не только социал-демократическими кружками, но и народовольческими. Вот что он говорит по этому поводу в своей книжке «Новый поход против русской социал-демократии» (изд. «Союза русских социал-демократов», Женева, 1897 г.): «Программа социал-демократов? Она напечатана за границей, на станке, принадлежащем эмигрантам,—на нее ссылаться нельзя, хотя напечатанная там в виде проекта, она на деле принята всеми работающими в России социал-демократическими кружками» (стр. 27). В сноске к этому месту Плеханов добавляет: «И даже—ох, увы, древнее благочестие! — многими народовольческими, что особенно плохо действует на настроение г. «старого народовольца».

Итак, программа группы «Освобождение Труда» принималась даже народовольцами, а вместе с тем в 1898 году находились социал-демократы, утверждавшие, что никакой программы у русских социал-демократов еще нет. Мы говорим о споре «экономистов» (Б. Кричевского, Акимова и т. д.) с Плехановым, споре, в котором, конечно, правда была целиком на стороне группы «Освобождение Труда». Но правда была на стороне группы «Освобождение Труда», и в то же время оторванность группы от России в конце 80-х и начале 90-х годов и самостоятельное развитие русских социал-демократических кружков без руководства группы завело их в тупик оппортунизма и привело на деле к отрицанию революционной сущности социал-демократии.

14) К характеристике того направления, которое, несмотря на личный героизм его выразителей, эмансипировалось, как и народовольчество конца 80-х годов, от социализма и превращалось в либерально-буржуазное течение мысли, очень кстати привести здесь в параллель с письмом И. Н. Присецкого выдержки из прокламации Софьи Гинзбург, забытой ею в магазине.

«Мы будем уничтожать,—говорится в этой прокламации,—всякого представителя царской власти до тех пор, пока не явится возможность работать для народа законными путями: свободным словом в печати и свободной речью во Всероссийском Земском Собрании...

«... Наши стремления просты и легко достижимы: а) ограничение самодержавия Всероссийским Земским Собором, законодательным, выбирающим ответственных пред ним министров, и контролирующим все отрасли Государственного Управления и народной жизни; б) широкое местное городское и земское самоуправление; в) независимый суд. В отношении мер, неотложно необходимых, мы считаем на первом плане самое широкое распространение, без различия вероисповедания и пола, народного образования, во-первых, низшего земледельческого и технического; во-вторых, среднего с уничтожением классицизма, и, в-третьих, высшего общего и специального. Затем нужно отменить налоги, тяжело падающие на бедные классы общества. Сокращение численного состава армии и срока обязательной службы для солдат. Уничтожение паспортов. Бесплатное наделение безземельных и малоземельных крестьян казенными землями и лесом (фабр.). Средства к проведению реформ мы находим в сокращении массы ненужных расходов на армию и флот, строгой экономии в расходах и в продаже бесчисленных сокровищ никому ненужных дворцов, награбленных у народа» (Истор.-рев. арх., 4-е дел., № 47, ч. 1, 1889 г., л.л. 16 и 17).

Конституция, ни слова не говорящая о демократической республике и не идущая далее конституционной монархии, как нельзя лучше показывает, что даже употребление

бомб и самая героическая смерть буржуазного революционера не меняет, не может изменить его буржуазной сущности. По словам Б. Рейнштейна, С. Гинзбург приехала в Россию с письмом П. Л. Лаврова к Н. К. Михайловскому, с которым ей после больших препятствий и удалось повидаться. Михайловский, как утверждает Б. Рейнштейн, и был автором прокламации, найденной в кошельке С. Гинзбург. О деле С. Гинзбург и о связях ее с Лавровым см. также в «Голосе Минувшего», 1917 г., № 7—8.

В. Невский.

Приложения к статье В. И. Невского: Группа „Освобождение Труда“.

I.

Речь Александровича (П. Б. Аксельрода) на социалистическом конгрессе в Хуре.

Я присутствую здесь не в качестве делегата и не ожидал, что мне предложено будет рассказать о состоянии социалистического движения в России. Я поэтому и не приготовил никакого отчета по этому вопросу. Вследствие этого я ограничусь только кратким указанием причин непоявления на международном конгрессе делегата от русских социалистов. Это указание даст в то же время некоторое представление о состоянии и условиях социально-революционного движения в России.

Ближайшая и наиболее очевидная причина непоявления на этом конгрессе делегата от России заключается в положении русских революционеров после 13 марта. Страшные преследования делали невозможным для наиболее энергичных и влиятельных членов постоянное пребывание в одном месте; многим приходилось чуть не еженедельно менять свое местопребывание, и бывали случаи, когда нелегальный человек, приехав в какой-нибудь город, должен был немедленно уезжать, потому что местным товарищам невозможно было доставить ему сколько-нибудь безопасное убежище. Присоедините к этому массу арестов, высылок в Сибирь и т. п. — и вы легко поймете, что в социалистических группах должно было наступить временное расстройство и некоторое затишье в их деятельности. Очевидно, что первые усилия влиятельных членов должны были быть направлены, при таких обстоятельствах, на восстановление организации и деятельности революционных элементов и на пополнение их рядов. При такой напряженно-лихорадочной деятельности, окруженной столькими опасностями и трудно вообразимыми препятствиями, неудивительно, что революционным группам в России трудно было уделить долю внимания и усилий на отправку делегата на международный конгресс. Тем не менее не в этих внешних обстоятельствах заключается г л а в н а я причина отсутствия делегата от русских социалистов. Они во всяком случае могли бы прислать мандат тому или другому из известных им эмигрантов. Главная причина безучастия русских социалистов к интернациональным конгрессам вообще заключается в отсутствии практически осязательных точек соприкосновения между революционным движением в России, с одной стороны, и Западной Европы — с другой.

В России прежде всего отсутствует сколько-нибудь значительная организация рабочих, которая просто на почве повседневной борьбы с хозяевами имела бы прямые и очевидные выгоды от тесной связи с рабочими партиями Запада. Я не хочу этим сказать, что у нас нет социалистов среди рабочих. Наоборот, без преувеличения можно сказать, что в общей сложности в России найдется и теперь несколько тысяч рабочих с социалистическими тенденциями и во всяком случае способных при сколько-нибудь благоприят-

ных условиях образовать серьезную рабочую партию, хотя и не очень обширную в смысле западно-европейском. Но громадное большинство этих рабочих — люди обыкновенные, не герои, многие вдобавок семейные, — словом — они принадлежат все-таки к той категории, которая обозначается словом «масса». Невозможно требовать, чтобы все эти рабочие шли добровольно и сознательно на каторгу и на виселицы, — словом, чтобы они проявляли систематически такой стойкий героизм, на который способны исключительные личности. При всем том в главных центрах не раз возникали рабочие организации, состоявшие из федерации нескольких местных групп. Бывали даже попытки образовать союзы между организациями разных городов. Но при малейшем подозрении или событии, приводящем жандармерию в лихорадочное состояние, десятки преданнейших и инициативных рабочих высылаются административно в Сибирь, или арестуются на многие годы в тюрьму. Естественно, что при таких условиях трудно было, по крайней мере до настоящей минуты, возникнуть многочисленной рабочей организации, которая на почве стачек и т. п. легко поняла бы свою тесную связь с международным социально-революционным движением. По этим же причинам наиболее даровитые и героические натуры нашего рабочего класса пристают непосредственно к революционным группам из интеллигенции, в особенности к «исполнительному комитету». Движение наше не носит, таким образом, характер организованной сословной борьбы, хотя и у нас, как и всюду, существует антагонизм между разными общественными классами.

Несмотря на отсутствие у нас в буквальном смысле слова рабочей партии или крупных рабочих организаций, практическая связь между русскими социалистами и западноевропейскими все же могла бы установиться, если бы условия деятельности и в соседних странах настолько совпадали бы с нашими, что явилась бы необходимость в организации взаимной помощи — в путях сообщения (тайных) — для перевозок запрещенных вещей, писем и т. п. Правда, о всех таких вещах не разговаривают на международных конгрессах и организация подобных сношений устраивалась бы специальными группами на строго конспиративных началах. Но одно существование подобных практических связей настолько делало бы осязательной, для руководящих революционных групп России, солидарность или, еще точнее, прямую зависимость успеха их дела от общеевропейского революционного движения, что интерес к международным конгрессам возрос бы в очень значительной степени, и хлопоты и издержки на отправку делегата казались бы для всякого социалиста в России существенно полезными для нашего движения. Но характер и условия социалистического движения в пограничных государствах существенно отличаются от нашего. Правда, в Германии в последнее время вынуждены были выступить на путь тайной организации и пропаганды, и в этом обстоятельстве уже дана почва для практических связей с революционными группами в России. Но, во-первых, социалисты Германии еще новички на почве конспирации, а, во-вторых, разница между приемами их деятельности и нашими еще очень велика. Не говоря уже о значительной разнице в политическом гнете, не следует забывать, что в Германии и теперь даже правительство представляет собою все-таки агента экономически привилегированных классов и непосредственно опирается хотя бы на классе землевладельцев, а отчасти и крупной буржуазии. Первостепенную роль в подавлении низших классов играют все-таки политически организованные имущественные сословия. Правительственные лица не могут здесь считаться одни ответственными за преследования социалистов и подавление рабочего движения. Последнее является организованной борьбою низших классов против высших, и система террора против представителей власти, быть может, еще и в данную минуту была бы нецелесообразной в Германии. Впрочем, Бисмарк постарается довести и немецких социалистов до употребления динамита и т. п. по отношению к своим угнетателям, и тогда тесный союз между ними и русскими социалистами сделается вопросом необходимости. Но каково бы ни было отношение социалистов в Германии к подобным революционным действиям в России, последние являются необходимостью и не могут быть отрицаемы даже с принципиально-социалистической точки зрения. Наше правительство не опирается на какой-нибудь, хотя бы консервативный, класс общества. Развившись из исторических условий, оно в настоящее время опирается только на массу чиновников и солдат, представляя собою разбойничью шайку, высасывающую жизненные соки страны и беспощадно подавляющую всякую оппозицию, из какого бы класса общества она ни исходила. Искренних защитников у него нет или очень мало. Значительная часть общества индифферентна в борьбе революционных элементов с правительством. Недоволь-

ные же элементы всех классов прямо или косвенно содействуют революционным группам и специально «исполнительному комитету» — как центру борьбы против общего врага. Таким образом, борьба ведется собственно между двумя организованными группами — революционным меньшинством, с одной стороны, и правительством, с другой. Желая собственными силами подавить революцию ради своих личных интересов, правительство должно само и нести ответственность за все свои зверские деяния. Социалисты не требуют от него коренных социальных преобразований, понимая, что эта задача не по силам ему; только отречения от варварского самоуправства, препятствующего развитию общественной инициативы и организации народных элементов в сознательно и открыто защищающую свои интересы народную партию — вот единственное требование социалистов от абсолютистского правительства.

Итак, весь характер нашего движения существенно отличается от социалистического даже в Германии, несмотря на его нелегальную форму, и почва для тесной связи между ними пока еще отсутствует. Но мало того, в России даже не знают в точности, как немецкая социальная демократия и западно-европейская вообще относится к тамошним социалистам. Русская эмиграция, конечно, присмотрелась к рабочему движению Запада и живо интересуется им. Она сознает важность участия русских социалистов на международных конгрессах, даже помимо непосредственно практических результатов, просто с точки зрения обмена идей и упрочения моральной солидарности. Но живущие в России имеют только самые общие представления о ходе рабочего движения на Западе и его горячего сочувствия их борьбе. В Россию не пропускаются не только социалистические газеты, но и радикально-республиканские, даже «République Française» и т. п. органы проходят туда с замазанными чернилами страницами, на которых находятся сообщения, неудобные русскому правительству. Конечно, известия о таких громких проявлениях симпатии рабочих классов Запада к нашему движению, как агитация во Франции против выдачи Гартмана и по поводу Гельфман, доходят и в Россию, хотя и отрывочно. Но, к сожалению, подобные манифестации устраивались до сих пор только в одной Франции, и если бы такие факты чаще повторялись и в других свободных странах, то в России, конечно, живее чувствовали бы значение присылки делегатов на международные рабочие конгрессы в интересе упрочения взаимной солидарности, по крайней мере, моральной—до поры до времени. Как слабо сознание в России практического интереса в участии представителей от революционных групп на международных социалистических конгрессах, благодаря указанным мною причинам, вы можете видеть из следующего факта. Некоторые из моих товарищей, живущих за границей, обратились к группе «Ч. П.» в Питере с предложением поручить кому-нибудь из эмиграции представительство на конгрессе. Группа эта ответила, что хотя она не видит теперь практического значения в упомянутом предложении, она тем не менее дает полномочие на представительство мне, если мы находим это полезным. Я отклонил это предложение, не считая возможным являться представителем революционного движения в России, не получив обстоятельно формулированного мандата и отчета о состоянии движения; я не мог принять полномочия на представительство при таких условиях, тем более, что уже больше года с четвертью нахожусь вне родины. Как бы то ни было, этот факт характеризует господствующее настроение у нас по отношению к представительству на международных конгрессах, настроение, обусловливаемое указанными мною обстоятельствами. Один из предыдущих ораторов заметил, что желательно было бы знать отношение «исполнительного комитета» к разногласиям между «социальными демократами» и «анархистами». Я должен заявить, что при отрезанности русских социалистов от европейско-американского рабочего движения они не могут даже и знать об этих разногласиях или имеют о них, во всяком случае смутное, представление. Если можно говорить, при таких условиях, об отношении наших революционных групп к здешним социалистическим фракциям, то оно нейтральное и иным быть не может.

Скажу еще несколько слов о взаимных отношениях фракций «Ч. П.» и «Н. В.». Германский делегат заметил сегодня мимоходом, что разница между ними та, что первая стоит исключительно на почве пропаганды, вторая — на почве террора. Это неверно. При теперешних обстоятельствах в России невозможно революционным элементам ограничиться одной пропагандой, как ее здесь понимают. Разница между ними состояла, по крайней мере прежде (я напоминаю, что я давно из России и, следовательно, могу ошибиться относительно теперешнего положения дел), в том, что «Н.В.» требовала сосредоточе-

ния деятельности в городах, на почве антиправительственной борьбы—пуская в ход как террор, так и пропаганду, между тем как «Ч. П.» напирал на сосредоточение сил в деревне и на возбуждение духа протеста в крестьянстве также путем пропаганды и террора — например, против особенно ненавистных народу своей эксплоатацией правительственных и даже частных лиц. Приверженцы «Ч. П.» указывали особенно на то обстоятельство, что террор против крайне жестоких эксплоататоров народа произведет такое же возбуждающее действие на оппозиционное настроение народа и сделает провинциальную партию столь же популярною в его среде, как городской террор по отношению к интеллигентным слоям общества. Нельзя далее сказать, чтобы фракция «Н. В.» отличалась от «Ч. П.» меньшей преданностью социализму, как думают некоторые. По крайней мере относительно членов «исполнительного комитета» я могу с полным убеждением заявить, что они глубоко проникнуты социалистическими идеями. Мало того, многие из них, между прочим, Перовская и Кибальчич, даже в тактическом отношении сочувствовали «Ч. П.» и стояли в рядах «Н. В.» только в надежде общими усилиями скорее избавиться от абсолютизма, чтобы затем приняться за несравненно более симпатичную им работу среди народа. Только немногие члены «Н. В.», как, например, героический Желябов, особенно настаивали на агитации преимущественно радикально-политического характера, в виду соображений часто практических, именно: возможно скорого ниспровержения деспотизма и проложения пути к большему развитию народных сил. Словом, принципиально и все члены «Исполнительного Комитета» целиком стоят на почве социализма. Вообще не нужно упускать из виду, что тактика и программа «Н. В.» возникли не по наперед составленному плану или принципу, а постепенно, почти непроизвольно, под влиянием страшных преследований правительственных и крайней трудности образовать истинно народную партию при обстоятельствах, в которых очутились пропагандисты из интеллигенции. Чтобы ближе стать к народу, большинство искренних пропагандистов решилось в начале 70-х годов посвятить себя физическому труду. Но сразу сделаться хорошим рабочим, конечно, невозможно. Более терпеливые тратили по нескольку лет на изучение ремесла; натуры более стремительные отправлялись в среду крестьян без всяких профессиональных знаний, облекаясь только в народный костюм. Но те и другие, в большинстве случаев, не могли приобрести среди народа уважения, как люди практического дела в будничном, хозяйственном смысле слова. При этом, чтобы не возбудить подозрения властей относительно своего происхождения, необходимо было воздерживаться от удовлетворения одной из насущнейших потребностей интеллигентного человека — чтения книг, журналов, а то и газет. Рабочий, посвящающий свои досуги подобным занятиям,— личность очень подозрительная для русского полицейского или жандарма. При таких обстоятельствах неудивительно, что влияние пропагандистов в народной среде росло далеко не с такой быстротой, как многие надеялись, что в связи с варварскими преследованиями постепенно выработалась мысль о выступлении на путь более интенсивной борьбы, а затем и о временном концентрировании сил на борьбе за освобождение России от абсолютизма. О принципиальном отречении от социализма не может быть, следовательно, и речи, и с этой стороны нет различия между обеими фракциями. Но разница между ними проявилась, помимо вопроса о центре деятельности, по отношению к политическим требованиям: «Нар. В.» выдвинула политическим лозунгом созвание земского собора, «Ч. П.» высказался против этого требования, как несоответствующего разнообразию составных элементов чудовищно обширной империи. Невозможно представить себе такого парламента, который сколько-нибудь сносно мог бы регулировать разнообразные интересы столь разнообразного населения, — возражали из рядов фракции «Ч. П.», Поэтому центром тяжести политических требований должно быть требование общинной и областной автономии и свободных федераций населения разных местностей.

Повторяю еще раз, что я уже больше года из России, и все сказанное мною относится к прошедшему. По новейшим же сведениям можно заключить, что обе фракции сближаются между собою и быть может скоро сольются в одну организацию. Это тем более вероятно, что фракция «Н. В.» на деле давно уже энергично принялась за организационную работу среди городских рабочих и взывает к молодежи о необходимости приняться за агитацию в крестьянстве. Она ясно высказалась за устремление революционных элементов на подготовление народного восстания. С другой стороны, «Ч. П.» признал необходимость специально политической борьбы для избавления народа от гнета абсолю-

тизма. Обе фракции отказались от некоторых своих крайностей и весьма вероятно, что они скоро выступят на борьбу против современного строя соединенными силами.

В заключение считаю нужным указать на причины одного весьма странного обстоятельства. «Исполнительный Комитет» рядом героических усилий проявил свою деятельность. Группа «Ч. П.» ни одним крупным фактом не заявила о своем существовании. Непосредственная причина этого явления заключается, по моему мнению, в том, что наиболее опытные и предприимчивые в деле организации люди с самого начала разделения оказались в «Исполнительном Комитете» и, как показывает само название, группа, составлявшая его, уже до разделения представляла собою особую организацию. Группа же «Ч. П». образовалась из лиц, отчасти состоявших в одной общей организации с членами, вошедшими в фракцию «Н. В.», отчасти из лиц, не состоявших ни в какой организации. Им нужно было наскоро организоваться и выработать план действий в духе своей программы. Для этого, кроме внешних благоприятных обстоятельств, нужен был контингент особенно даровитых организаторов. Но ни того, ни другого не оказалось. Был, правда, в группе «Ч. П.» один член с выдающимися организаторскими способностями — Стефанович, но ему вместе с некоторыми другими членами пришлось по настоянию самих товарищей уехать за границу, так как опасались очень настойчивых поисков со стороны полиции. Вскоре арестована была типография «Ч. П.»—и на смену сравнительно опытных руководителей фракции должны были выступить люди, стоявшие до сих пор вне непосредственно-революционного дела, и только косвенно помогая ему. При таких чрезвычайных обстоятельствах, какие наступили в России после московского взрыва, нечего было и рассчитывать, чтобы эта молодежь могла в короткое время приобресть хотя бы ту опытность, какую выработали в себе многими годами практики лица, вошедшие в состав Исполнительного Комитета.

Вольное Слово, № 13, $\frac{\text{1 ноября}}{\text{19 октября}}$ 1881 г.

2.

Письмо И. П. Присецкого в «Вольное Слово».

> Les pays ne sont pas cultivés en raison de leur fertilité, mais en raison de leur liberté.
>
> Montesquieu.

> Мысли и дела их подобны звездам, которые дают мало света, потому что они далеки от земли.
>
> Бекон.

Милостивый Государь! Орган «Вольное Слово» по самому положению своему обязан способствовать выяснению общественной мысли в России, выяснению идей и целей нарождающихся партий, их отношений ко всему обществу вообще, и друг к другу в частности.—Не говоря о большой, но еще не сформировавшейся партии либералов, партии славянофилов и иных прочих партиях мирного прогресса, две партии социально-революционного движения останавливают на себе всеобщее внимание. Это — партия Народной Воли, или, как ее часто называют, партия террористов, и партия народников, или чистых социалистов.

Что породило их, каково их значение в истории русской жизни, каково отношение их друг к другу и ко всему обществу и пр. и пр. — вот вопросы, которые неминуемо должны были быть подняты на страницах Вашего органа. К сожалению, кроме замечания об ангельской кротости социалистов-пропагандистов, и, вскользь брошенного, неодобрительного отзыва о террористах, до сих пор, по этому вопросу, ничего не появилось в Вашем органе. Считая выяснение вопроса об истинном значении обоих течений нашей социально-революционной мысли очень важным, я решился, не претендуя на полноту и всесторонность, изложить несколько мыслей по этому вопросу.

Как известно, народническое движение считает свое начало с очень давних времен. Тяжелое экономическое положение русского народа не могло не отозваться в чуткой душе нашей интеллигенции. В 1856 — 61 годах она с юношеским жаром увлеклась идеей освобождения крестьян. Оно совершилось. Как совершилось, — другое дело. Продолжительная борьба утомила непривычные нервы. Русская интеллигенция задремала. И вот, посреди этой дремоты, лишь изредка прерываемой то Каракозовщиной, то Нечаевщиной, раздались раздирающие душу стоны парижского народа, бьющегося на баррикадах. Это была Парижская Коммуна.

Стоны и ужас массами расстреливаемых борцов за идею, их геройская самооборона и удивительная стойкость не могли не дойти до слуха дремавшей интеллигенции.

С ужасом она встрепенулась. Она прислушивается, дрожа, к этим ужасным событиям. Запах крови доносится до нее . . . Нервы напряглись . . . Но вот все замолкло . . . Зарево и тишина . . . Так внезапно, после долгой дремоты, возбужденные нервы не могут скоро успокоиться; они ищут пищи, мысль работает. Она обращает свои взоры к себе, к своей родине, недавно только освобожденной от крепостного права. И что же представляется ее глазам: тяжелые черные тучи носятся над русским народом. Горе голода, горе холода, горе непроглядной нужды, горе выбиваемых и вымораживаемых недоимок, горе преследований за веру, горе эпидемий, уносящих и старых и малых . . .

Отовсюду несся стон русского народа.

Но то не был геройский стон парижских коммунаров, вызывающий удивление и гордость, нет, то был стон, задавленный, боязливый, но тем более ужасный. Человек, раз прислушавшийся к нему, не мог его забыть, он всегда был с ним . . . Нужен был выход. Здесь начинается пролог социально-революционного движения. Образовались кружки молодежи с целью итти в народ, просветить его и приготовить к лучшему будущему. Сильная своим геройством, своей любовью к мужику, своим самоотвержением, неопытная, несведущая молодежь двинулась по всей России с проповедью социальной революции. Какой же умственный багаж был с ней? «Ничего иль очень мало». Много любви и мало науки, знания.— «Народ не развит, он не нуждается и не понимает высших требований цивилизованной жизни; чтобы интеллигенция могла жить интеллигентной жизнью, она должна проедать трудовые деньги народа, должна питаться его соками; чтобы один человек мог учиться и двигать прогресс, необходимо, чтобы, по крайней мере, 10 человек на него работали». Таковы были господствующие идеи нашей молодежи. Взволнованному юноше уже представлялось, сколько человек голодает, потому что он сыт; сколько человек он сделал несчастными лишь одним своим существованием. Образ замученного, забитого, с укором смотрящего на него мужика преследует его воображение. Где выход?!

Неужели он будет жить попрежнему?

Неужели он будет сознательно есть плоть и пить мужицкую кровь?! Подобная мысль приводила его в содрагание. Нет, более этого не будет! Отныне ни одна крошка хлеба не перейдет из мужицкого в его панский рот. В отплату же за все страдания, причиненные им мужику, он клянется посвятить всю свою жизнь на служение народу. Последовательная мысль юноши идет далее: «если наука, если цивилизация идет мимо мужика, не улучшая его положения, а только ухудшая его, то прочь ее, эту науку, прочь ее, эту цивилизацию»! И вот раздается везде крик: «долой науку, бросайте университеты, гимназии, беритесь за черный труд и проповедуйте народу социальную революцию». Среди молодежи, проповедывавшей о ненужности наук, находились еще люди, посвящавшие свои досуги чтению книг социалистического направления — о рабочем движении, о революциях и пр. и пр.

Что могли дать им эти книги, каким образом их ум, не привыкший к самостоятельной работе и к оценке исторических событий, мог воспринять ряд мыслей этих писателей? Нужно вспомнить, что это было за время тогда в Западной Европе. — Каково было направление мысли в западной социалистической литературе? В это время, на Западе, царило разочарование и недоверие к важности значения политических форм общественного устройства; то была реакция восторженной вере людей предыдущей эпохи, думавших, что с введением представительного правления все муки народа прекратятся, и зло исчезнет из мира. — Пылкие и восторженные ожидания не оправдались, новые формы много дали, но не оказались панацеей от всех зол, и вот возбужденная и разочарованная мысль, забывая все блага, принесенные новым режимом, видя только мрачные стороны

его, заявляет, что для простого народа политические формы общественной жизни не имеют никакого значения, что конституция и все блага свободы печати, личности и пр. приносят пользу только буржуазии и оставляют в стороне народ.

Более резкие идут далее: так как буржуазия прямой антагонист народа, то, следовательно, все, что способствует усилению и организации ее, способствует в то же время порабощению и угнетению народа. Такое направление социально-революционной мысли Западной Европы, добившейся уже свободы слова и потому не ценящей ее значения, как нельзя более соответствовало настроению нашей социалистической молодежи. К своим самостоятельным выводам о ненужности и вредности науки прибавилось капитальнейшее заключение о неважности форм государственного устройства, о ненужности и даже вредности представительного правления. «Распропагандировать народ, сорганизовать его, влить в него революционный дух, который, впрочем, предполагается уже в нем в потенциальном состоянии, вот задача и цель социально-революционной партии». Но такое положение дел долго не могло продолжаться. Грубая действительность сразу показала всю разницу между Западной Европой и Россией. В то время как в Западной Европе, в царстве конституционного режима и буржуазии, несдерживаемая правительственными мерами социалистическая пропаганда разрасталась и в силе и в интенсивности, когда французские и даже немецкие пропагандисты могли беспрепятственно собирать вокруг себя тысячи рабочих и проповедывать им свои идеи; в то время когда они могли наводнять всю страну своими брошюрами и газетами,—в это время в России открывались неистовые преследования и травля юношей, шедших с любовью к народу для проповеди социалистических идей, травля и преследования, напоминающие только первые времена христианства. Пошли аресты, обыски, процессы. Молодежь, при виде преследований, сплочалась и из разъединенных доброжелателей народа получились довольно прочно организованные кружки. Работа продолжалась, но вполне мирная, какая не запрещена ни в одной конституционной стране. Между тем, реакция росла, она наложила руку на печать, земства, школу . . . Деспотизм, казалось, чувствовал тайный смысл этого движения, понимал, что под оболочкой социально-экономического движения скрывается протест спутанного в пеленках возмужалого юноши. Он, казалось, чувствовал, что час деспотизму и произволу пробил, и тем яростнее ухватывался за свои прерогативы, чем яснее было, что они ускользают из его рук. Он выдвинул систему устранений; пошли в ход административные ссылки, Петропавловская крепость, грубое обращение с «политическими». Раздался выстрел Засулич. Кровь взволновалась у всех, и все помнят, как отнеслось общество к выстрелу в презренного Трепова. Реакция двинулась далее. Явились казни, — Ковальский был расстрелян. Ужас и негодование разнеслись по Руси. Работа в народе сделалась невозможною, и вот, все сильнее и сильнее, раздаются голоса свежих сил, требующих пересмотра основных положений программы революционной партии. Для многих стало или становилось ясным, что так дело далее не может итти, что, несмотря на страшные жертвы, понесенные революционной партией, чисто народное дело не подвинулось ни на шаг вперед, что есть «что-то», что мешает интеллигенции столкнуться с народом и уже довольно ясно обозначилось, что это «что-то» есть не что иное, как политический режим, отсутствие свободы личности, печати, самых основных прав человека. Задача для многих революционеров начала разъясняться. Если между народом и ими стоит немогущая быть обойденной преграда, деспотизм, то необходимо его уничтожить. И вот раздаются по многим местам, сначала боязливо, робко, как бы стыдясь самих себя, голоса, требующие борьбы с деспотизмом, борьбы за конституционный режим. Раз поставленный вопрос этот не мог уже более заглушиться. Многие из более выдающихся революционных деятелей, более реально относящихся к движению, ясно формулировали, что для принятия социализма нужна пропаганда, для пропаганды — свобода слова, печати, свобода же слова может существовать только при прочных конституционных гарантиях.

Вопрос был решен бесповоротно. Апостольские времена прошли, дорого Россия заплатила за них. Народники оставались еще, но их вялое, бездеятельное существование бледнело пред выступающей на горизонте новой общественной силой — партией Народной Воли.

Новой партии приходилось осмотреться, взвесить свои силы и силы противника, посмотреть своему врагу прямо в глаза. И странное, удивительное зрелище предстало пред нею: гнилой расшатанный деспотизм, своими костлявыми, старческими руками, своей бюрократией, держал в тисках молодую Россию. Тщетно старалась она выбиться

из его ужасных рук, костлявые пальцы все сильнее сжимались и грозили задушить обессиленный организм. Все общество, вся думающая и читающая Россия мучилась и стонала под давящим деспотизмом, почти вся печать, как она ни плоха (что совершенно зависит от цензуры—уничтожьте цензуру и завтра мы не узнаем нашей печати), находилась в открытой оппозиции. В оправдании Засулич, в аплодисментах чиновной публики, в требованиях земствами конституции, видно ясно, до очевидности, что старая оболочка общественной жизни умирает, что под ней уже выросла новая, не имеющая только силы сбросить старую. Необходима сила, которая помогла бы ей в этом. Такой силой, по мнению народовольцев, должна была сделаться их партия. Итак, партии «Народной Воли» приходится стать лицом к лицу с деспотизмом. Кто победит: этот ли мертвящий, отвратительный старец, призрак бывшей силы, или эта новая, юная, полная развивающихся сил молодая Россия? Ответ казался нетрудным. Свалить одного, другого тирана, вдохнуть энергию и жизнь в онемелый под влиянием продолжительных тисков общественный организм,—и цель достигнута. Разбуженное общество вступит в свои права, возьмет дело в свои руки, и «летопись окончена моя»! Таким образом, стал на очереди вопрос об уничтожении царя, как олицетворения деспотизма и самовластия. Борьба и опыт показали, что царя уничтожить можно [1]), что общество, под влиянием таких потрясений, пробуждается и начинает расправлять свои члены. Припомните голоса дворянских и земских собраний, печати и частных лиц. Борьба еще не кончена, она едва только еще начинается, и время покажет, справедливы ли мысли Народной Воли, что наше общество в состоянии вступиться за свои права и взять общественные дела в свои руки. Надо, однако, надеяться, что общество, выславшее на борьбу с деспотизмом столько своих героев — не погибнет, а если оно не погибнет, то должен погибнуть деспотизм.

Из этого краткого очерка развития мысли обеих социалистических партий можно ясно видеть, что raison d'être обеих состоит в невыносимо бедственном положении рабочего сословия, что обеими руководят социалистические идеи, что обе партии достаточно показали геройства и самоотвержения и, наконец, что внутренним двигателем их действий было полное отсутствие общественной жизни, затхлость и дряблость общественных форм, полная невозможность честному человеку взяться за какое-либо дело. Одни и те же внутренние мотивы руководили и направляли нашу молодежь и в борьбе с турком за братьев-славян и в войне с правительством за брата-мужика. Отсутствие возможности какой-либо целесообразной, разумной деятельности делало жизнь очень невзрачной для молодого человека. Жизнь страшно подешевела. К чему она, если ее нельзя употребить ни на одно разумное дело! Таким образом, причины, вызвавшие деятельность обеих партий, их цель, их шаги совершенно одинаковы, общи обеим. Но вот начинается различие и довольно существенное. В то время, как народники, хотя и признали за наукой права гражданства, право на существование, все еще продолжают отрицать значение форм общественного устройства; все еще продолжают, несмотря на фактическую бездеятельность, думать и верить, что возможно, при нынешнем режиме, вести пропаганду социалистических идей в народе, что возможно сорганизовать его и повести на бой со всем общественным организмом; в это время народовольцы, горьким опытом убедясь в невозможности пропаганды, сами посмеялись над своим прежним увлечением и решили, что так как одно из самых необходимейших условий для успешности социалистической деятельности есть свобода слова, обеспечение прав человеческой личности, то поэтому необходимо добиться их во что бы то ни стало. Раз конституция будет завоевана, раз свобода пропаганды будет гарантирована, временная цель партии будет достигнута, и она опять возьмется за свое прежнее дело — пропаганду социалистических идей в рабочем сословии.

Обратимся теперь к способам действий обеих партий. У обеих опять найдем много общего. Обе признают и требуют тайной организации своих сил, тайной пропаганды. Но каким образом могут народники надеяться на успех этой тайной пропаганды?! Если в Западной Европе обширная пропаганда, при свободе слова, печати, сходок, едва с трудом завоевывает внимание рабочих сословий, погруженных в свои мелкие интересы, то каким образом можно надеяться иметь успех, пропагандируя тайно

---

[1]) Покуда опыт показал только, что можно уничтожить одним насильственным действием личность царя, прекратить жизнь личности, власть же царя, самодержавие, еще никто не уничтожил и даже не ослабил.

[*Примечание ред. «Вольн. Сл.»*.]

среди наших неразвитых, забитых, безграмотных крестьян?! Если в Западной Европе, все попытки Интернационала организовать прочно рабочих, уже социалистов, почти всегда упорно разбивались об индифферентизм рабочего сословия, то каким образом наши народники надеются сорганизовать русский народ при его разбросанности, при его различии в правах, при враждебности друг к другу многих национальностей, входящих в Российскую империю, не говоря уже о традиционной вере в царя?! . . .

Другое дело народовольцы. Для них тайная организация, тайная борьба есть необходимость. В самом деле, когда в обществе уже созрели известные идеалы, известные требования, когда они не реализируются только вследствие задерживающей силы известной группы людей, тогда тайная борьба, удар, неизвестно откуда направленный, но всеми чувствуемый и внутри всеми одобряемый, наносит чувствительное поражение этой группе. Такова борьба с иноземным владычеством за национальное освобождение. Такова у нас борьба с отжившим свое время деспотизмом. Кто станет отрицать, что наше общество достаточно чувствует потребность в обеспечении прав личности, свободы печати и в представительном правлении? Правительственный деспотизм имеет против себя всех, поддерживается только недоразумением и несорганизованностью сил общества, его непривычкой к решительным шагам; здесь нужен решительный толчок, здесь необходима организация дела в отличие от необходимой для чистых социалистов организации пропаганды идей. Присматриваясь к революционной борьбе в России, нельзя не видеть, что делу освобождения ее от деспотизма наиболее вредила и вредит раздвоенность мысли у лучших сынов ее, противоречия у них между умом и чувством. Чтобы борьба велась интенсивно, страстно, необходимо идеализировать ее результаты, необходимо, чтобы они не были известны заранее в их телесной, реальной форме. Никогда результаты не могут соответствовать ожиданиям, а потому знание их наперед всегда отталкивает от борьбы много людей. Таково положение дел в России, в борьбе за свободу. На Западе, во время борьбы с отживавшим режимом, ум всегда шел рука об руку с чувством, ум сознавал необходимость изменения его и завоевания свободы, чувство тут же идеализировало эти свободы, окрашивало их всевозможными великолепными красками и, таким образом, вносило в борьбу энергию и страстность. В России мы замечаем совершенно обратное: исторический момент выдвигает на очередь вопрос о политической свободе, ум довольно ясно сознает необходимость изменения режима, невозможность дальнейшего развития при настоящих формах политического устройства; в это время чувство, подкрепляемое ложно понятыми историческими фактами, непрерывно охлаждает все порывы. «Что даст нам политическая свобода, представительное правление? Разве она освободит рабочего от нужды и рабства, разве она уничтожит нарождающийся пролетариат?! Конечно, нет. Она поспособствует только развитию капиталистического производства, она облагодетельствует только интеллигенцию. Стоит ли в таком случае социалисту вступать из-за нее в борьбу с правительством?! Конечно, нет!» Это-то противоречие между умом и чувством, между требованиями эпохи и опередившими жизнь требованиями мысли и чувства— более всего способствовали долгому шатанию революционной мысли из стороны в сторону и бесплодной гибели многих сотен лучших сынов России. — Но, пора, наконец, покончить со всем этим. Теперь уже для всех ясно, что вопрос о конституционном режиме стоит на очереди. Разрешение его неминуемо, и оно будет если не в этом году, так еще через несколько лет. Деспотизм находится в агонии; от общества, от всех, населяющих Российскую империю, зависит теперь, сколько времени продолжится эта агония. Если люди всех партий, всех образов мыслей, дружно примутся за общее всем дело, время этой агонии можно было бы считать всего лишь несколькими месяцами. Трудно действовать неорганизованным его силам, разбросанным по всей Российской империи единицам. Трудно, но не невозможно. К тому же этим делом уже занята организованная сила, показавшая свою способность к решительным и энергичным мерам. Если бы каждый человек, желающий укоротить агонию деспотизма, поставил себе задачей способствовать деятельности Народной Воли, облегчать ее трудное дело как материальными, так и другими средствами, если бы все социалисты, поняв важность переживаемого Россией момента, оставили споры в основах и присоединились на время к Народной Воле, если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за попранные права России, дело значительно подвинулось бы вперед.—«Но мы не можем работать наряду с народовольцами, они грешат против первой и основной заповеди социалистического катехизиса: «Все для народа и посредством народа!» говорят народники. Посмотрим

же, каков внутренний смысл этой заповеди? Как и все фразы, имеющие выражать очень многое, она дает возможность к превратным толкованиям. Что подразумевается под словом народ? Вся ли нация, совокупность ее интеллигентного, промышленного и рабочего классов, или только один рабочий класс? Если вся нация, то, конечно, нечего и говорить, мысль верна, так как, понятно, все должно делаться для блага всей нации. Но если «умысел другой тут был», если здесь говорится только об одном рабочем сословии, что все нужно делать исключительно для него, если интересы рабочих отделяют от интересов интеллигенции, то, право, так и начинает пахнуть Аксаковским мракобесием.

Ибо, как не понять, что при настоящем устройстве общественной жизни, организации производства, все, что ни делается для интеллигенции, делается и для народа. Это слишком ясно, чтобы распространяться об этом. Теперь, что означают слова «посредством народа?» Если посредством опять-таки одного рабочего люда, то мысль будет абсурдна. Никто не сомневается, что рабочим полезно, чтобы свобода слова была обеспечена. Но, однако, я думаю, никому и в голову не придет требовать, чтобы рабочий класс, мало сознающий всю пользу свободы слова, был поставлен ее стражем и даже требователем. Таким образом, фразу: «Все для народа и посредством народа» необходимо выразить так: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». В таком случае деятельность Народной Воли будет вполне соответствовать этому требованию. Желая свободы и права для всей нации, она стремится опереться на интеллигентную часть нации, как на наиболее заинтересованную в этом деле. Таким образом, одно из препятствий для совместной деятельности народовольцев и народников рушится само собой. «Но народовольцы — террористы. Мы не хотим иметь дела с убийцами. Нам противно всякое убийство!» слышим мы из другого лагеря. Полноте, так ли? Разве борьба с деспотизмом не правильная война, где с обеих сторон одинаковы шансы, как на успех, так и на смерть? Имеете же вы дело с генералом, который славен своими победами. Превозносите же вы Гарибальди, освободителя Италии, хотя на его душе более погибших жизней, чем на душе наших террористов. К тому же надо помнить, что основное положение деятельности народовольцев, это агитация в пользу завоевания насущнейших прав человеческой личности. Терроризм — это аксессуар, это — вынужденная бездеятельностью общества форма, а не сущность борьбы. От общества же зависит и изменить эту форму. Если бы все общество активно и энергично вступилось за свои права, терроризм группы революционеров не имел бы смысла и исчез бы сам собой. Еще несколько слов. Не раз приходилось мне слышать, что если бы не катастрофа 1 марта, то мы имели бы уже свою палату депутатов. Но, подумайте, какая была бы это палата?! Вспомните русский проект болгарской конституции, которую не приняло народное собрание. Наверно, мы имели бы половину депутатов, назначенных правительством, при высоком для остальной части депутатов выборном цензе. Разве может подобная конституция гарантировать свободу прений, личности, печати и пр. и пр.?

Великий, трудный момент переживает теперь наше отечество. От всех нас зависит теперь, чем разрешится этот ужасный кризис. Пусть же каждый взвесит свои силы и исполнит свой долг по отношению к родине. Пусть соединятся все честные люди под одно знамя—обеспечения прав человеческой личности, и дело свободы будет выиграно, деспотизм же отойдет в область истории.

И. П.

4 октября 1881 г.

Вольное Слово, № *10*, *11 октября / 29 сентября 1881 г.*

3.

Ответ П. Б. Аксельрода на письмо И. П. Присецкого [1]).

ВСЕ ДЛЯ НАРОДА И ПОСРЕДСТВОМ НАРОДА.

(Ответ на письмо И. П.)

Напечатанное в 10 № «В. С.» письмо за подписью И. П. о социально-революционных партиях в России содержит в себе, между прочим, некоторые ошибочные положения, настолько существенные с точки зрения «социалистического катехизиса», что нелишне

будет высказаться по поводу их и представителям из лагеря «чистых социалистов», к числу которых я имею честь принадлежать. Тон письма и общий характер отношения его автора к революционным группам в России ясно обнаруживает в нем человека, всецело преданного нашему революционному движению. Очевидно, он сам пережил, если не все, то некоторые фазы этого движения, перечувствовал горе и радости своих товарищей — участников в последнем, и лично работал на пользу его не из прекрасного далека или в роли «сочувствующего», а непосредственно на поле сражения, подвергаясь всем рискам, связанным с ним в России. Именно это-то обстоятельство и побуждает меня возразить на некоторые высказанные им положения, представляющие, весьма вероятно, происходящую реакцию некоторым односторонностям и крайностям, сопровождавшим наше сравнительно молодое революционное движение. Те же взгляды, но в устах недружелюбно настроенного или свысока третирующего революционное движение противника, хотя бы и из лагеря врагов существующего политико-социального строя, не могли бы и в отдаленной степени произвести такого впечатления на социалистическую молодежь, как в данном случае, когда они высказаны товарищем.

Автор начинает свое письмо беглым обзором возникновения революционного движения в России и констатированием ряда крайностей в нем, происшедших от того, что главный контингент его инициаторов и участников состоял из неопытной и теоретически только подготовленной молодежи, не унаследовавшей при этом от прежних поколений традиций серьезной революционной борьбы. Выступила же молодежь на борьбу с вековой неправдой и произволом потому, что «зрелое» общество или холопствовало перед властью, или показывало ей кукиш в кармане, или убаюкивало себя надеждой на непреодолимый ход органического прогресса, в особенности, если в обществе накопляются знания. Но в то время, когда солидные элементы общества, за весьма редкими исключениями, прозябали в такой нравственной дряблости, «взволнованному юноше уже представлялось, сколько человек голодает, потому что он сыт . . . Образ замученного, забитого, с укором смотрящего на него мужика, преследует его воображение». Констатируя этот факт, автору, конечно, не приходит на ум укорять молодежь за то, что она посреди всеобщего индифферентизма и холопства ринулась с скудным запасом сведений и опыта на борьбу за свои общественные идеалы, вместо того чтобы отсрочить это дело до того блаженного времени, когда она обогатится жизненным опытом и теоретической мудростью, рискуя при этом принять образ и подобие окружающей общественной среды. Когда человек тонет, и собравшаяся толпа только глазеет и вздыхает, то естественно, если какой-нибудь неопытный пловец, в порыве глубокого сострадания к утопающему, бросится в воду, рискуя не только не спасти его, но и самому погибнуть. И было бы по меньшей мере не великодушно бросать в такого человека упреками за то, что он не отсрочил спасения утопающего впредь до основательного изучения искусства плавания. Гораздо добропорядочнее и целесообразнее обратить свое негодование на эгоистические инстинкты окружающей толпы.

Я также вполне согласен с объяснением И. П. причин существования у нас политического террора. Хотя автор и не высказывается определенно относительно роли и значения этого средства в борьбе с русским абсолютизмом, но, без сомнения, он не фанатический приверженец его, как это видно из его замечания: «Если бы общество активно и энергично вступилось за свои права, терроризм группы революционеров не имел бы смысла и исчез бы сам собою». Таким образом, raison d'être политического террора вытекает, по его мнению, из пассивности массы общества по отношению к правительственному произволу. И это совершенно справедливо. Когда кругом все холопствует, то немногим, наиболее героическим натурам приходится взять на себя тяжелую задачу Прометея завоевать свободу для всех. И чем малочисленнее контингент таких борцов, тем интенсивнее они должны напрягать свои силы, тем страшнее должны быть их орудия борьбы, чтобы интенсивностью ударов вознаградить недостаток средств в количественном отношении. Мало того, действуя на свой риск, одни жертвуя своею жизнью в борьбе с противообщественными силами страны, такие борцы имеют право не руководствоваться мнениями бездеятельного, эгоистического большинства чаятелей благ в более или менее отдаленном будущем, когда какой-нибудь начальник города Глупова смилуется, наконец, над своими подданными и пожалует им конституцию для истребления «крамолы». Пусть общество, в лице земств, городских, судебных, университетских и т. п. учреждений, объявит серьезную и систематическую войну абсолютизму, тогда оно будет в праве требо-

вать от «Исполнительного Комитета» прекращения самовластной расправы с коронованными властителями страны, именуемой Российской империей. Впрочем, тогда и сам «Исполнительный Комитет» оставит систему террора, практикуемую им далеко не с таким легким сердцем, как это многим кажется [1]).

Но за этими пунктами начинается мое разногласие с И. П. По его мнению единственною целью революционного движения в России в настоящий момент должно быть достижение конституционных гарантий. А так как последние составляют настоятельную потребность всего русского общества, то, стало быть, все оппозиционные элементы должны объединиться в одно целое с революционными во имя борьбы против абсолютизма. Далее, в виду того, что рабочие массы не могут вдохновляться исключительно политическими требованиями, да еще в рамках либерального парламентаризма, — необходимо на время оставить народно-революционную деятельность и заняться организацией исключительно «интеллигенции». Автору, однако, не хочется попасть в противоречие с «основной заповедью социалистического катехизиса», «все для народа и посредством народа». Поэтому он дает этой формуле такое толкование: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле».

В своей реакции против прежнего, безусловно отрицательного, отношения к политическим реформам независимо от экономических, автор впадает в другую крайность, а именно, находит целесообразным и даже необходимым, чтобы революционное движение на время исключительно сконцентрировалось на борьбе за конституционные требования. Я не стану, однако, теперь полемизировать с автором по этому вопросу. Наоборот, согласимся на время с ним в этом пункте. Необходимо только не упускать из виду, что под конституционными гарантиями он подразумевает такие учреждения, которые обеспечивали бы за рабочими массами, наравне с имущественными, право или юридическую возможность группировать свои силы для отстаивания своих классовых интересов путем сходок, союзов, прессы и представительства в законодательных, административных и судебных учреждениях страны. В противном случае, сосредоточение революционной борьбы на завоевании политической свободы не имело бы смысла и с точки зрения автора, так как мотивом этого предложения является у него не что иное, как именно то обстоятельство, что «раз свобода пропаганды будет гарантирована,—временная цель партии будет достигнута, и она опять возьмется за свое прежнее дело—пропаганду социалистических идей в рабочем сословии».

Итак, если такова цель временного сосредоточения революционной борьбы в России на исключительно политических требованиях, то сам собою возникает вопрос: всегда ли и при всяких ли условиях борьбы с абсолютизмом в результате получается политическое равенство, а стало быть, и юридическая свобода рабочих масс составлять коалиции, представителей их—вести пропаганду в пользу учений, благоприятных полной социально-экономической эмансипации этих масс? Не зависит ли, например, результат борьбы за политическую свободу в громадной степени от того, какая роль выпадает в этой борьбе на долю именно рабочих масс? Для автора этого вопроса, повидимому, не существует, как это видно из его предложения оставить в течение периода конституционной борьбы рабочую массу в стороне и организовать только «интеллигенцию». Я, с своей стороны, считаю вопрос о степени и характере участия рабочих масс в борьбе за «консти-

---

[1]) Некоторых, в том числе и М. П. Драгоманова, приятно поразило заявление «Исполнительного Комитета» по поводу убийства Гарфильда. Меня лично, как и всякого, следившего без предубеждения за изданиями «Н. В.» и заявлениями «террористов» на процессах, заявление «Исполнительного Комитета» нисколько не удивило, так как отношение его к политическим убийствам давно установилось. *П. А.*

В статье г. Драгоманова не видно, чтоб известное заявление поразило его; там сказано только: «нам приятно было прочесть» и проч. Поразить это заявление, хотя и в другом смысле и притом вовсе не приятно, должно было только тех, кто из «прекрасного далека» проповедывал политические убийства, как нормальный и повсеместный принцип, и тем оказывал медвежью услугу, между прочим, и самим террористам теперь далеко «непрекрасной» России.

[*Примечание ред. «Вольн. Слова»*].

туционные гарантии» чрезвычайно существенным с точки зрения ее результатов для политического положения низших классов после победы над абсолютизмом. И в этом отношении я схожусь не только с фракцией «Ч. П.», но и «Н. В.», тенденции которой в этом пункте видны из прокламаций и листков «Исп. Комитета» и из самой «Н. В.», начиная с №3. Противоположная точка зрения И. П. составляет центральный пункт его письма, и все его соображения группируются так, чтобы доказать необходимость признания ее революционными группами руководящим принципом своей деятельности в настоящее время. Поэтому я сосредоточу свое главное внимание на рассмотрении вышеуказанного вопроса и точки зрения автора в нем.

Вот отрывок из письма, касающийся вопроса об элементах, на которые, по мнению И. П., должна опереться теперь социально-революционная борьба в России, и роли в ней рабочих масс.

«Если бы земства и города дружно подняли головы и возвысили голоса за попранные права России, дело значительно подвинулось бы вперед». Но . . . «народовольцы грешат против первой и основной заповеди соц. катехизиса: «Все для народа и посредством народа», — говорят «народники». Но что подразумевается под словом народ? . . . Если вся нация, то, конечно, нечего и говорить, мысль верна, так как, понятно, все должно делаться для блага всей нации. Но . . . если здесь говорится об одном только рабочем сословии, что все нужно делать исключительно для него, если интересы рабочих отделяются от интересов интеллигенции, то, право, так и начинает пахнуть аксаковским мракобесием. Ибо, как не понять, что при настоящем устройстве общественной жизни, организации производства, все, что ни делается для интеллигенции, делается и для народа . . . Теперь, что означают слова: «посредством народа?» . . . Я думаю, никому и в голову не придет требовать, чтобы рабочий класс, мало сознающий всю пользу свободы слова, был поставлен ее стражем и даже требователем. Таким образом, фразу: «все для народа и посредством народа» необходимо выразить так: «Все для нации и всякое дело посредством части этой нации, наиболее заинтересованной в этом деле». «Желая свободы и права для всей нации, она («Н. В.») стремится опереться на интеллигентную часть нации, как на наиболее заинтересованную в этом деле».

Заметим, прежде всего, что фракция «Н. В.» только в течение некоторого времени и то не в такой степени, как выражается автор, считала достаточным опереться только на «интеллигентную часть нации» (собственно, империи, в которой не одна нация, а несколько). Но скоро пришлось «Н. В.» отказаться от этой мысли. По очень понятным причинам, я считаю неудобным вдаваться в фактические указания на попытки вызвать в среде наших либералов сколько-нибудь серьезную оппозиционную организацию — вне пределов легальности. Ограничусь только констатированием того факта, что крайняя боязнь за свою персону, даже просто за свою комфортабельную обстановку, малодушное отступление перед первым препятствием, при первой неприятности, постигшей какого-нибудь общественного деятеля, или тревоге по поводу погрома, коснувшегося исключительно социалистов, неспособность «зрелой» интеллигенции к образованию в своей среде какой-нибудь тайной организации с определенным планом агитации в земских и т. п. общественных учреждениях — все это проявилось (я говорю о конце 79 г. и первой половине 80 г.) в такой степени, что «Н. В.» скоро разочаровалась в своих расчетах опереться на одну «интеллигентную часть нации», и, начиная с № 3, в ряде программ, воззваний к народу и призывов к социалистической молодежи приняться опять за агитационно-организаторскую деятельность среди рабочих и крестьянства все резче и резче констатировала необходимость привлечения рабочих масс к революционной борьбе теперь же, и даже немедленно. Нечего и говорить, что при всякой неудаче, постигавшей революционные попытки «Н. В.», и между прочим при аресте ее типографии, первыми отступниками являлись сочувствователи из либералов, между тем как социалистическая молодежь после каждого удара правительства еще сильнее закалялась для борьбы и еще энергичнее выступала не только в лице немногих, но и в массе, на помощь борцам.

Но вернемся к содержащимся в цитированном отрывке положениям. По мнению автора, формула: «все для народа и посредством народа» может быть признана руководящим принципом общественной деятельности только в том случае, если понимать ее в смысле: «Все для нации . . .». В применении к современному моменту русской жизни это означает, что революционное движение должно опереться не на рабочие массы, а на

«интеллигенцию», как на часть нации [1]), наиболее заинтересованную в завоевании политической свободы. Всмотримся же поближе в реальное значение «интеллигенции», как силы, долженствующей, по мысли автора, стать исключительной опорой борьбы за «конституционные гарантии».

Интеллигенция, как совокупность в разной степени образованных людей, является в настоящее время истолковательницей интересов и стремлений населения, руководительницей его во всех сферах жизни. Составляя органическую часть нации, теснейшим образом связанную по своему воспитанию, привычкам, своими умственными и материальными интересами с ее составными элементами, интеллигенция не может не быть проникнута страстями и даже предрассудками, порождаемыми сословным антагонизмом современного общественного строя. Даже философы и чистые теоретики примыкают, в общественных вопросах, к той или другой из общественных групп (классов, сословий), на которые подразделяется теперь повсюду население, и в большинстве случаев являются даже очень усердными защитниками, в сфере научной, интересов близких им по положению или воспитанию общественных элементов страны или нации. Смотря по тому, чьи интересы и стремления интеллигенция обобщает, формулирует и защищает в науке, прессе и общественных учреждениях, интеллигенция является консервативно-монархической, либеральной, социалистической и т. д. Интеллигенции же, как совокупности лиц, проникнутых исключительно идеальными стремлениями, живущих вполне вне классового антагонизма, в действительности не существует [2]). Если же общественное значение интеллигенции обусловливается именно ролью ее, как выразительницы и организатора разных слоев населения в виду защиты их интересов, если сама интеллигенция, соответственно антагонистическому составу последнего, состоит из разнокалиберных элементов, то она сама по себе, вне остальной массы граждан, то бишь, подданных, не может послужить опорою революционного движения против абсолютизма. Рассматривать интеллигенцию, как опору этого движения, можно только в том смысле, чтобы при ее помощи привлечь на его сторону ту массу населения, в которой она пользуется наибольшим влиянием. В противном случае, она по своей малочисленности, даже если соединить все ее оттенки, просто бессильна сослужить ту службу в борьбе за конституционные гарантии, которую от нее требует И. П. Вот тут-то и является крайне важный вопрос: в какой части населения наша интеллигенция может иметь или уже имеет наибольшее влияние? Или, иначе говоря: какие классы могут быть при ее посредстве привлечены к активному участию в борьбе с абсолютизмом? Категорически автор не ставит этого вопроса: да он и самого вопроса об отношении интеллигенции к массе не коснулся. Тем не менее, в его письме содержится ответ на поставленный мною вопрос. Рабочие классы, по необразованности своей, не могут понять пользы свободы слова и т. д.; их поэтому приходится оставить вне арены борьбы с абсолютизмом. Остаются, стало быть, привилегированные классы. Автор не говорит этого прямо, но они фигурируют у него под другими названиями. «Если бы земства и города дружно подняли свои головы» . . . заявляет он. «Если бы все общество дружно и энергично вступилось за свои права» . . . и т. д. Но что такое наши земские и городские учреждения? Это — представительные собрания привилегированных в имущественном или профессиональном отношении классов. Из кого эти собрания преимущественно состоят? Из культурных по своей м а т е р и а л ь н о й обстановке и по образу жизни элементов, добрая половина которых так же заслуживает названия «интеллигенции», как сама толпа Разуваевых, Колупаевых, Поляковых, Губониных и т. д., которых представителями они являются [3]). Наконец, общество в целом составе

---

[1]) По отношению к современным государствам вообще, а тем более к России, термин этот совершенно непригоден, но я буду употреблять его в виду того, что автор употребил его.

[2]) Это особенно проявляется в критические моменты общественной жизни, например, во время революций, когда наиболее абстрактные и, повидимому, беспристрастные мыслители вдруг превращаются в отчаянных реакционеров или, наоборот, в страстных защитников народа.

[3]) Конечно, в наших представительных учреждениях, как и в прессе, есть контингент честных и действительно интеллигентных демократов, изображающих собою нашу «extrême gauche». Но не имея твердой опоры в низших классах и находясь, по самому характеру своих стремлений, в антагонизме с привиллегированной толпой, они пока играют роль беспочвенных идеологов.

представляет собою опять-таки не что иное, как массу сюртучников и фрачников, т.-е. тот элемент привилегированных классов, который одевается, ест, пьет, устраивает себе удовольствия на манер цивилизованных европейцев. Эта-то часть нации и составляет так называемый культурный слой «русского народа». Интеллигенция, в смысле совокупности действительно образованных людей, является небольшим меньшинством «общества», и из этой интеллигенции наибольшим влиянием пользуются в культурной среде разновидных Разуваевых, крупных и малых Бобринских, Горвицев, коммерческих и иных дельцов—духовно родственные им Суворины, Аксаковы, Катковы и, пожалуй, еще «Голос» Краевского.

Таким образом, предложение автора привлечь к революционному движению во имя политической свободы одну только «интеллигентную часть нации» при внимательном рассмотрении сводится к тому, чтобы опереться революционной борьбе исключительно на высшие и средние классы, отчасти при посредстве их, официально признанных, руководителей в земских, городских и дворянских собраниях, отчасти при посредстве всей массы внешне облагороженных культурной обстановкой жизни.

Спрашивается теперь: можно ли рассчитывать, чтобы конституционные гарантии, завоеванные помимо активного содействия низших классов, обеспечивали за последними одинаковые с высшими классами политические права? (Мы говорим исключительно об юридических гарантиях и соответствующих им общественных учреждениях, оставляя совершенно в стороне вопрос о бесчисленных нарушениях политических прав рабочих, вследствие отсутствия экономической обеспеченности большинства народа). Нам стоит только припомнить, как были завоеваны конституционные гарантии рабочих классов в других странах, чтобы ответить на этот вопрос.

В Англии, при полной политической свободе высших классов, рабочие лишены были всяких «конституционных гарантий» вплоть до 1824 г. Полтораста лет спустя, после низвержения абсолютизма, английских рабочих массами сажали в тюрьму, осуждали на пожизненную каторгу и вешали за всякую попытку путем сговора, а тем более стачки, добиться от хозяев увеличения своей платы или прекращения особенно нестерпимых злоупотреблений. Конституционный режим либеральной буржуазии заставил рабочих прибегнуть к тайной организации «союзов сопротивления» и за принадлежность к ним наказывал рабочих с такою жестокостью, что вызвал с их стороны, в ответ на правительственный террор, террор «союзов сопротивления». В течение последнего десятилетия первой четверти XIX века в Англии ежегодно десять, двадцать и более рабочих осуждались на виселицу по обвинению в принадлежности к тайным союзам или за участие в стачке; тысячами они погибали в тюрьмах, на каторге и т. д. И вот, только когда борьба тайных рабочих обществ против правительственной и хозяйской жестокости достигла такой интенсивности и таких размеров, что навела страх на высшие классы, когда под влиянием этой организованной борьбы рабочих классов поднялись голоса в их пользу и из рядов более благоразумных и честных представителей буржуазии [1]), только тогда, наконец, пролетариату предоставлена была свобода сходок и ассоциаций. Но нужно было еще полвека энергических усилий со стороны последнего, чтобы его ремесленные организации признаны были «юридическими лицами», т.-е. гарантированными со стороны законодательства от расхищения своих фондов каким-нибудь бесчестным кассиром и т. п.

Таким образом, в Англии рабочий класс добился некоторых «конституционных гарантий» только после отчаянных усилий и бесчисленных жертв в борьбе с либеральным режимом, низвергнувшим абсолютную монархию уже в XVII столетии. Только после того как рабочие классы сами сделались «стражем и даже требователем» политической свободы, они добились ее в некоторой степени. Говорю — в некоторой, потому что английский пролетариат и до сих пор, цензовыми и т. п. условиями, почти устранен от представительства в парламенте и муниципалитетах и совершенно лишен возможности участвовать в избирательных судебных органах страны.

Во Франции нужны были революции 30, 48 и 71 г.г., чтобы рабочие добились сравнительно широкой политической свободы. Не прошло еще года, как отменен взнос залога для ежедневных изданий. Что касается до Австрии и Италии, то пролетариат не только

---

[1]) Не буржуазия, а джентри ратовала в Англии за политические права рабочих. [*Примечание ред. «Вольн. Сл.»*].

лишен там всеобщего избирательного права, но и самая свобода сходок, ассоциаций, прессы так ограничена, что ему приходится прибегать к тайной пропаганде и тайному распространению листков и прокламаций. Легальные же издания постоянно конфискуются, и в Австрии, например, из 10 номеров какой-нибудь рабочей газеты, по крайней мере, 6 — 7 являются в свет наполовину с белыми столбцами. К этому присоедините еще крупные залоги для ежедневных (кажется, даже и для еженедельных изданий) газет, и вы получите представление о «свободе пропаганды» эмансипационных идей в Австрии. Но и этою, в буквальном смысле слова, тенью свободы рабочие Австрии и Италии пользуются именно потому, что они немало жизней потеряли (хотя и в качестве пушечного мяса) в период борьбы с абсолютизмом и за национальное объединение (в Италии). Это обстоятельство не могло не повлиять хотя бы в некоторой степени на составление конституции этих стран. Принимая же во внимание, что рабочие не могли не сохранить традиции своего активного участия в борьбе с абсолютизмом (принесши гораздо больше жертв, чем имущественные классы), современные буржуазные законодатели, конечно, не могут рискнуть окончательно объявить пролетариат политически бесправным.

Относительно Германии напомним в двух словах, что и там общее избирательное право и другие политические права рабочих (бывшие) добыты не либеральной буржуазией, а наперекор ей, опять-таки революционной борьбой 48 — 49 г.г. (в которой, по обыкновению, на баррикадах и на открытом поле больше всего они проливали свою кровь) и агитацией, начатой в 63 г. Лассалем, да еще уступчивостью Бисмарка в виду того, чтобы привлечь низшие классы на свою сторону в деле «объединения Германии». Характерно, что и в Берлине, и в других промышленных центрах, где либералы господствуют в муниципальных учреждениях, рабочие до сих пор лишены представительства в них, благодаря цензовым условиям.

Если же мы обратимся к странам, вроде Румынии, где «конституционные гарантии» заполучены одними усилиями высших классов да дипломатическими влияниями, то мы увидим там народ почти столь же политически бесправным, как в деспотической России. А лишь только появились среди интеллигенции стремления воспользоваться конституцией в интересах народа, тотчас «города», в лице муниципалитетов, заговорили о необходимости преследований и ограничения свободы сходок и т. д. Правовое же положение народа характеризуется в Румынии тем, что законы о прислуге по варварству своему не уступают средневековым законам Англии.

Мы видим, стало быть, что наиболее серьезными политическими гарантиями рабочие массы пользуются там, где сами долго и многократно боролись всякими средствами за свои политические права. Страна, в которой они пользуются наибольшей политической равноправностью, — Швейцария, где они вот уже 50 лет не прекращают быть «стражем и даже требователем» политических свобод. В Австрии же и Италии, того и гляди, народу придется скоро еще раз выступить на баррикады, чтобы добиться хотя бы той свободы, при которой есть какая-нибудь возможность отстаивать свои интересы путем коалиций и пропаганды устной и печатной.

Таким образом, опыт всех цивилизованных стран опровергает положение И. П., что «все, что ни делается для интеллигенции», eo ipso, делается и для рабочих масс. Это, впрочем, очевидно и a priori. Каждая страна, каждая нация подразделяется на два главных класса, интересы которых коренным образом расходятся. Эксплоататоры и эксплоатируемые — вот термины, достаточно рельефно характеризующие глубокий антагонизм, разделяющий каждую нацию на два враждебных лагеря. Разве может существовать в таком общественном строе интеллигенция настолько внесословная, чуждая происходящей в нем борьбе за существование между разными элементами, чтобы все, что ни делается для нее (интеллигенции), делалось непременно и для всей нации — безразлично. Если же можно применить последнее выражение автора, то разве в том смысле, что «все, что ни делается для интеллигенции», делается eo ipso и для того класса, с которым она органически связана воспитанием и материальными условиями существования. Но так как громадное большинство интеллигентных сил не только в России, но и на Западе [1]), телом и душой связано

[1]) На Западе рабочий класс уже выдвинул самостоятельно из своей среды интеллигентный слой, являющийся его руководителем.

с привилегированными классами, то все умственные, промышленные и социально-политические завоевания, совершавшиеся под руководством или по инициативе первых, прежде всего шли непосредственно на пользу этих классов. Конечно, прогресс производительных сил, знания и политических учреждений до известной степени служит общему подъему культуры всего населения в стране. Но это уже крохи или остатки с обильного стола богатого барина, выпадающие на долю прислуги. Действительно же человеческое участие в хозяйской пище и комфорте прислуге достается только в том случае, когда она предъявляет на это свои права, в силу сознания ею своей роли, как главной изготовительницы этих благ. «Своя рубаха ближе к телу» — эта мудрая поговорка применяется во всевозможных формах с неумолимой логикой в обществе, основанном на антагонизме материальных интересов. И было бы противоестественно, чтобы «образованная» масса нации или, попросту, руководящие элементы эксплоатирующих классов, по собственному почину, помимо всяких внушительных заявлений со стороны эксплоатируемых, отреклась от этого лозунга антагонистического общества именно в сфере политической, предоставив последним средства борьбы против эксплоатации — этого жизненного источника имущественных классов.

Констатирование этого факта, красной, кровавой нитью проходящего через всю историю человечества, обоснование его и применение к делу эмансипации низших классов составляет великую заслугу Маркса, Энгельса, Лассаля и возникшей в 60-х годах международной ассоциации рабочих. «Все для рабочих масс и посредством рабочих масс» — таков руководящий принцип общественной деятельности на пользу народа, логически вытекающий из констатированного современной наукой антагонизма материальных интересов во всех существующих и существовавших человеческих обществах. Лозунг: «все для нации», даже с прибавкой: «посредством заинтересованной в этом деле нации», при всей своей внешней идеальности, оказывался до сих пор на деле прекрасным орудием в руках привилегированных классов или их руководителей увлекать рабочие массы на дело загребания жара своими руками на пользу первых. Среди волков жить, поволчьи и выть. Там, где класс капиталистов ввозом «дешевых рук» из Китая или из Италии, или еще менее культурных стран обрекает на голодную смерть своих сограждан, где ради обогащения немногих готовы лишить остальную часть «нации» всякого участия в культурных завоеваниях современной эпохи, — не может быть и речи о применении принципа: «все для нации и всякое дело посредством части нации, заинтересованной в этом деле». Как это ни грубо материалистично на первый взгляд, а все-таки, до тех пор пока будет господствовать современный антагонизм из-за материальных интересов, приверженцам народа необходимо всеми силами бороться против иллюзии «национальной солидарности» и во всех общественных вопросах, не исключая и вопроса о политических реформах, неуклонно руководствоваться мыслию о существующем антагонизме общественных классов.

И. П. полагает, что это «пахнет аксаковским мракобесием», упустив из виду, что «народ» Аксакова — это московские мясники, ястребы — хищники в чуйках, сермягах, да, пожалуй, и в сюртуках, если только они веруют в царя, православие и о конституции не мечтают. Совсем иной смысл получает формула: «все для народа и посредством народа» (рабочих масс) в устах социалистов, для которых, во-первых, рабочий вопрос связывается с целым цивилизационным переворотом, а, во-вторых, религиозные суеверия народа, национальные предрассудки и т. п. наследия эпохи варварства и многовекового рабства ничуть не рассматриваются как особенности народной жизни, на которых можно или даже следует построить эмансипационное движение рабочих масс [1]).

При таком взгляде на рабочий вопрос формула: «все для народа и посредством народа» на деле сводится, eo ipso, к работе и на пользу всей «нации», потому что она означает установление равенства условий для всего населения страны относительно материального благосостояния, политической свободы и интеллектуального развития. А так как никто, кроме рабочих масс да ничтожного числа идеологов, не может быть страстно

[1]) Среди русских революционеров попадались одно время единичные личности, которые не прочь были примириться и с «народным царем» — во имя «народничества». Но эта отрыжка славянофильской чепухи улетучилась, кажется, совершенно в наших рядах.

заинтересован в установлении такого равенства, то они и должны составлять главную опору и активный элемент всякого общественного движения, имеет ли оно ближайшею целью политические изменения или экономические.

Некоторые из русских революционеров склонны ставить «русскую интеллигенцию» на особом положении. Она чуть не поголовно проникнута социалистическими воззрениями; стоит только избавиться от оков абсолютизма, высказывают некоторые, и она почти вся станет на сторону народа, не отступит перед самыми радикальными реформами и т. д. Положения интернационала, выработанные «на Западе», не имеют поэтому для нас такого практического значения.

Не отрицая того факта, что наша интеллигенция (т.-е. действительно образованный слой общества) в гораздо большей степени, чем буржуазная интеллигенция Запада демократична, не мешает, однако, обратить внимание на два обстоятельства: во-первых, искренно демократичная интеллигенция составляет все таки меньшинство в общем составе образованной части нашего общества, а, во-вторых, аналогичное явление мы встречаем и в истории других стран, в эпохи борьбы с абсолютизмом. Но большинство этой «демократической интеллигенции», обыкновенно вслед за первым поражением своего врага, изменяло народу и становилось в ряды того класса, с которым оно по положению и по личным интересам теснее всего связано. Немногие же, глубоко преданные низшим классам, представители интеллигенции оставались одинокими посреди всеобщего хора ликований новых властителей страны или шли на баррикады умирать вместе с обманутым в своих надеждах на новый режим народом.

Без всякого сомнения, в рядах русской интеллигенции немало честных и глубоко преданных народным интересам людей. Помимо революционных групп, у нас, особенно в прессе, есть люди, справедливо пользующиеся глубокой симпатией и уважением в рядах социалистической молодежи. Но какую силу изобразят они собою в момент заполучения в России конституционных гарантий, если, следуя совету И. П., рабочие массы не будут играть никакой роли в борьбе за эту конституцию? Народ не организован не только в массе, но и в лице наиболее активных элементов. Народное сознание не затронуто доконституционной революционной борьбой, мысль народа не подготовлена хоть в некоторой степени к совершающемуся политическому перевороту, — словом, тот общественный элемент, который представляет собою естественную опору истинно демократической интеллигенции, окажется стоящим где-то вдали, на заднем фоне, без всякого сознания своего значения и в полном неведении относительно усилий на его пользу истинных его друзей. Последние логикой событий обречены будут на роль бессильных идеалистов, пророков в пустыне.

Зато, с другой стороны, толпа всевозможных хищников и дельцов, — в чуйках и сюртуках, — «культурных» и некультурных, — быстро сорганизуется и образует крепкий оплот для своей интеллигенции. Суворины, Марковы, Озмидовы, Молчановы, Новосельские, Рененкампфы . . . выплывут на поверхность политической и общественной жизни, в качестве естественных трибунов и вождей «разуваевского» класса. Перспектива эта представляется для меня до такой степени неизбежной, в случае полного игнорирования народа в теперешний момент, что, если бы не осталось иного выбора, кроме политической бездеятельности или сосредоточения революционного движения исключительно в сфере привилегированных классов, то социалистические элементы должны бы, по-моему, выбрать первую.

Но в таком случае, скажет И. П., революционные группы действительно обречены на бездеятельность, потому что при своей необразованности народ политическими требованиями не может заинтересоваться, а пропаганда радикального экономического преобразования немыслима при отсутствии свободы слова и т. д. Я глубоко убежден, что автор ошибается в том и другом.

Прежде всего, посмотрим, насколько оправдывается русскою жизнью взгляд И. П. на индифферентизм рабочих масс к политическим реформам. В России не меньше 15 милл. населения преследуется за веру и терпят всевозможные формы полицейского и бюрократически-поповского гнета. Далее, остальная масса крестьянства страдает от невыносимых поборов духовенства и в такой же, а то и еще большей степени от полицейского произвола — исправников, становых, урядников и т. д. Разве в этом положении народа, иллюстрируемом изо дня в день бесчисленными и разнохарактерными фактами, нет твердой точки опоры для агитации среди крестьян и вообще низших классов в пользу

свободы совести, применения принципа избрания и сменяемости населением членов администрации, суда и служителей церкви? А ненависть народа и страх перед солдатчиной, разорение крестьянского хозяйства вследствие крайне тягостных налогов и повинностей, — правительственных и земских, — разве эти явления в народной жизни не способны страстно заинтересовать массу в требовании предоставить ей непосредственное влияние, путем обсуждения и голосования, на установление и сбор налогов и на организацию военных сил, — заменою, например, постоянного войска системой всеобщего вооружения и обучения военному делу, не отрываясь от домашнего очага. Далее, усердное и систематическое преследование автономных учреждений и традиций всего казачества, очень и очень недовольного этим обстоятельством, насильственная руссификация разных национальностей запрещением употреблять родной язык в школах и т. п. полицейскими вторжениями в жизнь местного населения, — все это, вместе взятое, представляет весьма осязательные зацепки для агитации во имя областной, общинной и индивидуальной свободы и права соседних областей самостоятельно федерироваться для удовлетворения их общих и местных потребностей. Наконец, право составления коалиций для отстаивания своих интересов настолько конкретно и непосредственно связано с материальным положением промышленных рабочих, что, без всякого сомнения, значительная часть их гораздо страстнее отнеслась бы к агитации в этом направлении, чем масса наших «культурных» земцев относится к вопросу о политической свободе.

Таким образом, в нашей народной, т.-е. мужицко-рабочей среде, оказывается немало очень осязательных исходных пунктов и для агитации в пользу политических реформ, и, заметьте, гораздо более радикальных, чем способны требовать или, вернее, вымаливать наши земства и города. Необходимо только знать специально наиболее яркие и гнетущие формы правительственных насилий в каждом районе и уметь находить соответственную, всем понятную, исходную формулу для агитации, — и я убежден, что рабочие массы окажутся и у нас гораздо более серьезным «стражем и даже требователем» свободы слова и т. д., чем наше общество, т.-е. окрашенный лоском европейской культуры слой нашей демократической буржуазии.

Однако, может заметить И. П. по поводу последнего моего заключения, нигде народные массы не восставали против абсолютизма исключительно во имя политических реформ. Повсюду главным импульсом массовых движений являлись социально-экономические требования. Крайне невероятно, чтобы именно в России массы страстно взволновались под влиянием исключительно политических импульсов. Выступить же с пропагандой коренных экономических требований невозможно теперь, потому что «каким образом могут народники надеяться на успех этой тайной пропаганды», если в Западной Европе обширная пропаганда при свободе слова . . . едва, с трудом, завоевывает внимание рабочих».

Указание на последнее обстоятельство кажется И. П. несомненным доказательством полной безуспешности социалистической пропаганды в среде наших рабочих классов. Замечу прежде всего, что он, под влиянием односторонних наблюдений одного момента в социалистическом движении Запада, неверно оценил действительные его размеры и влияние на массу рабочих. Рабочее движение в Германии, Франции и Испании имеет массовый характер и в основе своей, даже в лице умеренных организаций, носит принципиально социалистический характер. Даже в Бельгии и Голландии к социалистам примыкают десятки тысяч рабочих, хотя не все они в одинаковой степени сознательно относятся к п р и н ц и п а м социализма. В Англии же больше $^1/_2$ миллиона рабочих организованы в «союзы сопротивления», к л а с с о в ы й характер которых проявляется в периодических стачках. Автор, очевидно, принял за слабость то затишье и вялость в рабочем движении, которые наступают в одной, а то и в нескольких странах — или после таких кровавых подавлений пролетариата, как в 71 г. во Франции и 73 г. в Испании, или в период сильного экономического кризиса, или после очень крупных стачек, в случае неудачи. Наконец, если рабочее движение на Западе не приняло еще размеров национальных движений, то это объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, существованием еще в большинстве государств весьма многочисленного класса, хотя и номинально, но все-таки самостоятельных мелких собственников и производителей-крестьян, ремесленников, мелких торговцев и т. п., — во-вторых, тем, что рабочие массы, потерявшие в течение многих веков феодального и буржуазного господства всякое представление об общности в организации производства и распределения и затем

несколько десятков лет боровшиеся под руководством буржуазных партий за конституцию, республику, национальное объединение . . . , сами заражены тенденциями и доктринами буржуазных теоретиков и публицистов и с трудом освобождаются из под их влияния. В то же время в Ирландии, где социально-экономические условия развились до того, что их изменение сделалось очевидной и сознанной большинством населения необходимостью, где, с другой стороны, приверженцы status quo — лендлорды — резко обособлены от низших классов, — на наших глазах возникло обширное народно-революционное движение, объединившее даже протестантов и католиков.

Положение рабочих масс в России в двух очень существенных пунктах аналогично ирландскому. И у нас есть очень определенное аграрное требование, только гораздо более радикальное, чем в Ирландии, и страстно волнующее громадное большинство земледельческого населения. Наше крестьянство еще в большей степени, чем ирландские фермеры, свободно от политического и интеллектуального влияния своих эксплоататоров. Это, конечно, не специально природная добродетель низших классов в России, а результат исторических обстоятельств, и, если хотите, даже обусловливается культурной отсталостью страны. Но теперь этими особенностями можно воспользоваться для агитации среди крестьянства и рабочих во имя их классовых интересов — в сфере политической и экономической. По тем же причинам, по которым автор считает возможным вести конституционную агитацию в «обществе», на мой взгляд, возможно вести и среди низших классов в сфере социально экономической. «Когда в обществе уже созрели известные идеалы, известные требования, когда они не реализируются только вследствие задерживающей силы известной группы людей, тогда тайная борьба, тайный удар . . . , всеми чувствуемый и всеми одобряемый, наносит чувствительное поражение этой группе». Такова у нас борьба с деспотизмом.

Я решительно не понимаю, почему бы ту же меру не приложить и к аграрному движению среди крестьян. «Кто станет отрицать, говорит И. П., что наше общество достаточно чувствует потребность в обеспечении прав личности» . . . А кто станет отрицать, спросим мы, что крестьяне «достаточно чувствуют потребность» в увеличении своих наделов, в освобождении от чрезмерных поборов, от постоянного насильственного вмешательства в их жизнь петербургско-московской бюрократии при посредстве своих бесчисленных агентов? Странная вещь: когда дело касается вопроса о политической свободе, то И. П. удовлетворяется «тайным ударом» и одной агитацией в пользу уже «созревших требований», нисколько не смущаясь трудностями пропаганды в пользу идеи политической свободы в более широком и радикальном смысле, например, федеративной республики, полной автономии всех народов, входящих в состав империи. Он совершенно рационально считает необходимым сосредоточить конституционную агитацию среди «общества» на таком требовании, хотя и умеренном, но которое уже созрело в сознании большинства и которое по этому самому удобнее всего может служить исходным пунктом массовой агитации. Но как только дело касается народно-революционной деятельности, он сосредоточивает все внимание на невозможности теперь вести «пропаганду социалистических идей в народе», как будто у нас нет социально-экономического требования, настолько же «созревшего» в сознании рабочих масс, как требование представительного правления в обществе. Сознание последними своего права на землю, уверенность в близком осуществлении этого права, — все это констатировано множеством исследователей и наблюдателей народной жизни. Пропаганда социалистического миросозерцания — одно дело, агитация в народе во имя очень определенного, конкретного и всеми сознаваемого требования передела земель — другое дело. И без сомнения, «удар неизвестно откуда и кем нанесенный, но всеми чувствуемый и внутри всеми одобряемый», направленный на особенно жестокого эксплоататора, в роде Бобринского или усмирителя чигиринцев, Гессе, произвел бы по крайней мере такую же агитацию среди рабочих масс, как специально политическое убийство на наше «общество», представители которого осмеливались только умолять о конституции не иначе, как с уверением, что она необходима для истребления «крамолы». У нас ежедневно совершаются бесчисленные насилия над народом со стороны правительственных агентов и помещиков или хозяев промышленных заведений. И все они оставались до сих пор безнаказанными.

Если бы параллельно с антиправительственным террором, вызванным справедливым негодованием на жестокие преследования социалистов, с такой же отвагой и энергией организован был террор против непосредственно ненавистных народу зверских его мучителей, то, без всякого сомнения, революционная партия довольно скоро вызвала бы еще более серьезное и страстное волнение в рабочих массах, чем до сих пор среди «общества». Если наше, богатое материальными средствами, знаниями и т. д., общество нуждается во внешней силе для подъема его оппозиционного духа, то тем естественнее, что «безграмотное, забитое крестьянство» нуждается во внешнем толчке, который поднял бы его дух, самодеятельность и дал бы наиболее революционным натурам его импульс и лозунг для организованной борьбы.

Я и в данную минуту с полнейшим сочувствием отнесся бы ко всякой группе систематических пропагандистов социалистических идей во всем их объеме. Но, как *лозунг* народно-революционной деятельности для массы революционеров, теоретическая пропаганда не может иметь места *теперь*, когда мы, очевидно, переживаем канун крупного политического переворота в России, когда «известные требования» настолько созрели в крестьянстве, и брожение в низших классах настолько сильно, что даже и они, несмотря на свою забитость и неграмотность, заколыхались и в форме бунтов, поджогов, стачек и антиеврейских беспорядков весьма недвусмысленно заявили о своем настроении. При таком положении вещей нельзя отрекаться от агитационной деятельности в рабочих массах, вследствие их невосприимчивости к социалистическим идеям. Теперь вопрос сводится к тому, чтобы внести конкретный всенародный лозунг в частные, разрозненные движения или, вернее, обобщить частные мотивы «беспорядков» в несколько простых и ясных требований *политического* и *экономического* характера, приспособляясь в форме и в частностях к местным особенностям со стороны национального состава населения и его положения [1]). Такой крупный факт, как антиеврейские беспорядки, мог бы при некотором усилии организованных социалистических групп сделаться началом социалистического *классового* движения во имя «*земли и воли*» для трудящихся масс. Нужно было только в Киеве, например, направить толпу в кварталы *капиталистов*-евреев, да на банки, где сосредоточены капиталы высших классов всех национальностей. Разумеется, при таком направлении «беспорядков» дальнейший ход движения неминуемо привел бы к столкновению лицом к лицу бунтующей массы с имущественными элементами вообще и их естественным союзником — правительством. Теперь же, к общему стыду нашему (социалистов), волнения против «жидов» так и застряли на ступени слепой вражды масс против целой *нации*, оставив по себе разоренными, главным образом, десятки тысяч пролетариев и мелких лавочников. «Русь», «Новое Время» и т. д. могут теперь «народничать» еще на одну тему, — проповедуя племенной антагонизм — в интересе Разуваевых православной веры [2]).

Но революционеры могут еще многое сделать для внесения большей системности и целесообразности в народные волнения, которые, несомненно, будут повторяться все чаще и чаще, и, кто знает, быть может, расти в интенсивности и размерах. Нельзя или,

---

[1]) К украинцам уже обращались с прокламациями; но и татары около Казани, например, бунтовали недавно; затем, бессарабцы, например, еще менее понимают русский язык, чем татары.

[2]) Я далеко не поклонник народных восстаний в форме повального грабежа и насилия над массою граждан. Мне лично несравненно симпатичнее народные движения в форме восстаний французских рабочих, начиная с 48 г. Несомненно, что и социалистический переворот будет на Западе отличаться тем же характером в поведении масс относительно не стоящих во главе контр-революции элементов. Но раз, благодаря многовековому рабству и невежеству масс в России, народные протесты могут проявляться пока только в такой грубой форме, социалистам остается, насколько возможно, вносить в эту стихийную форму движения принципиально экономическую подкладку, направляя его на *действительные центры* народной эксплоатации. Если теоретики и публицисты «разуваевщины» не стесняются подстрекать массу на подобные действия — из-за племенной ненависти, то тем более социалисты в праве и даже обязаны направлять эти вспышки народного негодования на пункты, в которых рельефнее всего выступал бы *классовый антагонизм* современного экономического и политического строя.

по крайней мере, до чрезвычайности трудно теперь укрепиться революционерам в деревнях. Но в их рядах немало энергических и отважных людей; а с этими качествами возможно многое преодолеть и теми или иными способами проникнуть и в крестьянство. Не следует упускать из виду, что в такой момент напряженных ожиданий, толков и брожения, какой теперь переживают все слои населения в России, массы очень чутки и восприимчивы, — и многие приемы агитации, хотя бы и «налетом», могут иметь большое значение, если только она исходит из фактов местной жизни.

Но это уже вопрос практических деталей, а мое положение вдали от поля действия обязывает меня к сдержанности в этом отношении. В моем положении я должен ограничиться только констатированием того факта, что как современное настроение рабочих масс в России, так и вся совокупность их политического и экономического положения крайне благоприятны для того, чтобы подготовить их к сколько-нибудь сознательно-активному участию в предстоящих событиях во имя нескольких простых и ясных требований экономического и политического характера. Самоотвержения и энергии, необходимых для этого, хватит у наших товарищей . . . , если только они убедятся в необходимости жертв и усилий в этом направлении. Излишне и даже вредно было бы «идеализировать» результаты этой деятельности. Достаточно не упускать из виду, что чем сильнее будет участие истинно народных элементов в общем составе реформирующих строй империи факторов, тем больше шансов отклонить направление равнодействующей всех этих преобразовательных усилий в сторону интересов «безграмотных и забитых». Но и помимо соображений о размерах непосредственно материальных результатов есть и другие, не менее важные по своим последствиям, соображения в пользу своевременного привлечения масс, как класса эксплоатируемых, к участию в политической и социальной перестройке империи. Я подразумеваю — заложение прочного фундамента крестьянско-рабочей партии в России, в состав которой войдут не только ныне действующие нелегально революционеры, но и социалистические элементы, по тем или другим причинам наполняющие теперь поры «культурного» общества, стоя в стороне от революционной борьбы. Наконец, самоотверженными и энергическими усилиями на дело агитирования среди низших классов во имя требований, аналогичных по своей конкретности с требованием земского собора, наиболее интересующим высшие классы,—можно у нас укрепить за социализмом такую же традицию, как во Франции за республиканизмом, а в Италии за революционной партией на пользу объединения и независимости от Австрии. Рядом героических усилий эти партии завоевали себе такой нравственный авторитет, что и теперь социалистам приходится тратить много сил, чтобы освободить рабочих из под влияния преемников этих партий, пользующихся авторитетом только благодаря обаянию лозунга, с которым у всех соединяются традиции героизма и неустанной энергии. В статье: «За что старика обидели» . . . г. Драгоманов замечает, как, по иронии истории, социалистическая молодежь завоюет свободу розничной продажи для «Голоса» и «Нового Времени», конституционные гарантии для Кони et C., и как эти, в виде признательности за такие услуги, будут ссылать в Сибирь и преследовать опять таки тех же социалистов. Весьма и весьма вероятно, что это так и будет, и в этом отношении мы разделим судьбу всех крайних партий в периоды первого их выступления на историческую арену. Но если все усилия русских социалистов будут совершаться под знаменем одних конституционных требований нашей буржуазии (как предлагает И. П.), мы можем сделаться предметом такой «иронии истории», какая едва ли приходилась когда-нибудь на долю другой крайней партии. Враги социализма воспользуются всем нравственным величием наших героев для борьбы против социализма. К счастью, революционные группы продолжают, попрежнему, бороться даже в сфере политической—под знаменем социализма, и, судя по доходящим за границу сведениям, внимание к агитации среди рабочих и крестьян опять начинает возрастать во всех оттенках нашей революционной партии, и, повидимому, уже и теперь занимает видное место в ее деятельности.

П. Аксельрод.

Вольное Слово, № 19, 1881 г. 1/13 декабря.

Группа „Освобождение Труда“ и марксистские кружки.

1883 г. был критическим в истории русских революционных партий, образовавшихся в конце 70-х годов, т.-е. народовольческой и чернопередельческой. В этом году разразился кризис в партии «Народной Воли»; в ее среде образовалась фракция «молодых», организационно не отделившаяся от своей метрополии, но идеологически резко расходившаяся с ней и сыгравшая в ней роль разлагающего фермента. Что касается чернопередельчества, то последнее к тому моменту идеологически уже не существовало, но формальное уничтожение его последовало лишь с 1883 г., когда заграничное его представительство образовало социал-демократическую группу «Освобождение Труда».

Этот идеологический разгром революционных партий 70-х годов, конечно, не случаен. Объясняется он в отношении чернопередельчества, например, не тем, что Плеханов и остальные «заграничники» — чернопередельцы примкнули к социал-демократизму. Молекулярные социально-экономические силы настолько источили старый экономический базис страны, что хозяйство ее начало принимать иной облик; соответственно этому потребовалась и новая революционная идеология взамен потерявшей всякие шансы анархо-славянофильско-самобытнической. Одновременно с возникновением заграницей группы «Освобождение Труда» в Питере из среды тех же чернопередельцев выделяется группа, известная под названием «группы Благоева», тоже социал-демократическая, но, в противоположность заграничной группе с ее преобладающим уклоном к марксизму, вторая группа имела уклон к лассальянству.

Повидимому, возникновение в Питере социал-демократической группы было не единичным фактом. Кроме питерской появились и другие. По крайней мере, один из историков, Акимов-Махновец, утверждает, что «социал-демократическое движение в России возникло как естественный продукт общественной жизни; оно не было создано каким-нибудь отдельным лицом или отдельною группою лиц; оно появилось одновременно и самостоятельно в разных концах России, как новая фаза в развитии старого, почти полувекового социалистического движения. Объективно возможность его развития, несомненно, определялась появлением и усилением рабочего класса среди других слоев русского народа, субъективно

же представители нового социалистического учения почерпали теоретические тезисы своих взглядов частью из опыта предшествующей деятельности революционного народничества — в этом отношении социал-демократическое движение было уже целиком и полностью подготовлено к концу 70-х годов [1]) — частью же из немецкой и польской литературы. В середине 80-х годов, т.-е. ко времени окончательной гибели народовольческих организаций, мы находим уже целый ряд социал-демократических групп в России, а именно: в Петербурге, Москве, Харькове, Киеве, Казани, Нижнем-Новгороде, Варшаве, Риге, Вильне, Минске и др.; кроме того, в Швейцарии образовалась русская социал-демократическая группа «Освобождение Труда», ставшая теоретическим выразителем этого движения. Так как она одна могла говорить среди наступившей в самой России тишины после поражения «Народной Воли», то многие, и в том числе она сама, считали ее родоначальницей всего социал-демократического движения в России» [2]).

Однако, двумя годами ранее Акимов о моменте появления социал-демократической идеологии в русской революционной среде говорит следующее: «Под влиянием западно-европейской литературы социал-демократические идеи возникли почти одновременно в различных концах России среди социалистов. «Маркс открыл внутренние причины исторического движения человечества; оставалось только взглянуть с его точки зрения на русские общественные отношения, — писал Плеханов в примечании к стр. 79 «Л. Фейербаха». — Это и сделали социал-демократы, часто совершенно независимо один от другого приходившие к одним и тем же взглядам на русскую жизнь». И действительно, уже в конце 80-х годов и в самом начале 90-х мы находим маленькие кружки лиц, желавших стать на точку зрения марксизма, в Петербурге, Дерпте, Риге, Вильне, Минске, Москве, Нижнем Новгороде, Казани и Одессе. Затем, через посредство отдельных лиц движение было занесено в Харьков, Киев, Саратов, Уфу, Екатеринослав, Елизаветград, Самару и, наконец, растеклось по всей России» [3]).

Итак, в первой своей работе (1906 г.) он относит появление марксистских кружков в России к концу 80-х годов, а во второй (1908 г.), изучивши вопрос поближе, он уже утверждает, что кружки эти существовали в большинстве крупных городов еще к середине 80-х годов и появились одновременно с заграничной группой. Чем же объяснить такое противоречие в утверждениях историка? В то время (1906 — 1908 г.г.) историю можно было писать лишь на основании предания и отрывочных печатных данных, попавших так или иначе в нелегальную литературу. Других возможностей не было. Черпая свои сведения преимущественно из предания, Акимов, естественно, мог допускать первоначально неправильные утверждения, а потом, пополняя свои знания новыми рассказами современников, он отка-

---

[1]) Это обстоятельство часто забывают, а между тем многие из первых социал-демократических групп назывались даже ново-народническими (Примечание Акимова-Махновца).

[2]) Вл. Акимов-Махновец. «Первый съезд Российской С.-Д. Раб. Партии», «Минувшие Годы», 1908 г., № 2, стр. 128.

[3]) В. Акимов (Махновец). «Очерк развития социал-демократии в России», 1906 г., изд. О. Н. Поповой, стр. 88.

зывался от своих первоначальных утверждений; новые сообщенные ему данные вынуждали его переносить момент образования идеологии к более раннему сроку. Я вовсе не предполагаю сравнивать обе эти цитаты по содержанию во всем объеме, ибо остальные утверждения автора не противоречат между собой, а дополняют друг друга и едва ли могут вызвать какие-либо сомнения.

Однако, утверждение Акимова, что одновременно с группой «Освобождение Труда» в России возникли социал-демократические кружки в нескольких городах, вызывает протест Л. Дейча, одного из основоположников заграничной группы.

В своей статье «О былом и небылицах» он говорит: «По прочтении этих строк, я первое время был чрезвычайно поражен: «каким образом, — думал я, — мог В. Махновец до такой степени извратить былое». По его утверждению, выходит, будто группа «Освобождение Труда» возникла лишь в средине 80-х годов, когда во многих городах России уже существовали социал-демократические кружки. Как социал-демократ, он не мог не знать, что в действительности группа эта возникла в 1883 г. и что тогда на родине не было еще ни единого социал-демократического кружка» [1]).

Дейч, конечно, неправ, когда он утверждает, что Акимов будто бы относит момент образования заграничной группы ко времени «уже» после образования внутри России социал-демократических кружков. Акимов, как видит читатель из приведенной его первой цитаты, вовсе не оспаривает того, кто первый сказал «а». О первородстве он не спорит. Он говорит о том, что объективные условия развития хозяйства страны послужили стимулом к возникновению новой идеологии, которую он отмечает в целом ряде городов России. История, к сожалению, не записала, кто первый облек в словесную форму эту идеологию, ибо не только тогда, но даже теперь не имеется такого аппарата, который уловлял бы и фиксировал любое словесное изложение новых идей. А известно, что не всякая новая идея поступает на типографский станок обязательно от автора идеи. И то обстоятельство, что Акимов во многом оказался действительно неправым, не является основанием отрицать все им сказанное без всяких доказательств.

Дейч не привел доказательств того, что в перечисленных Акимовым городах действительно не было социал-демократических кружков. И голословно отвергнув утверждение его, в качестве ultima ratio ссылается лишь на крылатое словечко Плеханова о «свидетельстве неочевидца». Слов нет, словечко очень хорошее, ядовитое, но не всякий, произносящий его, прав.

Что касается Минска, который Акимов называет в числе городов, в коих был будто бы социал-демократический кружок, то в данном случае Акимов, повидимому, не совсем прав. По крайней мере И. Гурвич говорит: «Назвать наши первые рабочие кружки 1884 — 1886 г.г. социал-демократическими в отличие от народовольческих едва ли было бы правильным. Акимов в своем «Очерке развития социал-демократии в России» называет Абрамовича социал-демократом. Совершенно верно в отношении ко времени его ареста в 1889 г., но я не решился бы утвердительно сказать то же самое

[1]) Л. Дейч. «О былом и небылицах», «Пролетарская Революция», № 3 (15), 1923 г., стр. 43 и 44.

о том периоде, к которому относится образование им первых рабочих кружков в Минске. Группа «Освобождение Труда» только что тогда образовалась. Личных связей с нею... у Абрамовича в бытность его в Париже в 1883—1884 г. не установилось».

Да, Акимов не прав, но лишь отчасти. Минские вожди не были социал-демократами, но работа их, как ее описывает Гурвич, по существу не отличалась от работы позднейших марксистов и являлась фактически уже социал-демократической.

Значительно объективнее к этому вопросу относится другой основоположник группы — Г. В. Плеханов, который в своем письме (1893 г.) к польским издателям истории Туна говорит: «После 1 марта 1881 г. партия «Народной Воли» быстро клонится к упадку. В конце первой половины 80-х годов организованное революционное движение перестало существовать в России. Его цикл был закончен. Революционная интеллигенция обнаружила геройское самоотвержение; она совершила блестящие подвиги, но ее силы были окончательно истощены, между тем как реакция росла и крепла. Наступившее затишье было благоприятно для русской революции, по крайней мере, в одном отношении: оно давало уцелевшим от погрома революционерам повод и время подвергнуть критическому обзору всю предыдущую историю их движения. Когда все приходилось начинать заново, ничего не могло помешать обновлению наших революционных теорий. Всякий революционер, не принесший своей «критической мысли» в жертву «великим теням», невольно спрашивал себя, — что такое собственно был тот «социализм», под знаменем которого совершалась до сих пор наша борьба. При некотором знакомстве с западно-европейской социалистической литературой легко было увидеть, что во всех своих видах и разновидностях представлял он собою самую плоскую переработку утопического социализма. А раз была обнаружена его теоретическая несостоятельность, нетрудно было понять, в чем заключался источник его практической слабости» [1]).

А в примечании к стр. 79 «Л. Фейербаха», Плеханов говорит еще определеннее. «Маркс открыл внутренние причины исторического движения человечества; оставалось только взглянуть с его точки зрения на русские общественные отношения. Это и сделали социал-демократы, часто совершенно независимо [2]) один от другого приходившие к одним и тем же взглядам на русскую жизнь».

Итак, уже «в конце первой половины 80-х годов» каждый революционер «не принесший своей критической мысли в жертву великим теням», отвергал старый социализм и, пытливо обозрев русские общественные отношения, приходил к выводам марксистским «часто совершенно независимо один от другого», стало быть независимо и от группы «Освобождение Труда». Да и нужно ли это доказывать, раз нам известно из свидетельства [3]) Благоева,

---

[1]) Плеханов. «О социал-демократии в России». Приложение 2-е к «Истории революционных движений в России» Туна, Гос. изд-во, 1920 г., изд. 2-е, стр. 273.

[2]) Разрядка моя (Н. С.).

[3]) Д. Кольцов. Конец «Народной Воли» и начало социал-демократии. А. Тун. «История революционных движений в России», Госиздат, 1920 г.

что к социал-демократизму он и его товарищи пришли еще в 1883 г., т.-е. одновременно с группой «Освобождение Труда».

А если в Питере в 1883 г. существовала группа социал-демократов, в газете которой Плеханов уже в следующем году писал, то как можно утверждать, что социал-демократических кружков «на родине не было ни единого?» Дальше мы увидим, что данная группа была даже и не единой в России. У нас нет пока доказательств, что во всем том списке городов, который указывает Акимов, действительно были к середине 80-х годов социал-демократические кружки. Возможно, что после изучения политических дел большинства судебных палат России это утверждение Акимова оправдается. Но и кроме крупной организации группы Благоева, просуществовавшей, несмотря на ряд разгромов, с 1883 по 1888 г.г., была другая группа, может быть менее долговечная, но не менее эффектная. Эта группа была в Москве.

И нельзя сказать, что современники не знали о ее существовании. Если о ней забыли потом, то только потому, что она скоро, а именно начиная с весны 1884 г. была разгромлена и так основательно уничтожена властями, что в последующие годы после своего разгрома ни в чем литературно не проявлялась. Однако, первое время, когда она еще существовала, о ней знали. По поводу выпущенного ею письма «К товарищам» писал Л. Тихомиров в «Вестнике Народной Воли» № 4, в статье «Запросы жизни», полемизируя с марксизмом автора. О том же письме говорит Д. Кольцов в своей статье «Конец Народной Воли и начало социал-демократии». И, наконец, Бурцев в книге «За 100 лет» перечисляет на стр. 123 части II выпущенную этой организацией литературу. Итак, люди 80-х годов знали о существовании уже и этой московской организации. Стало быть и вторая указанная Акимовым социал-демократическая группа существовала, была современникам известна и лишь потомками забыта так основательно, что получилось впечатление как будто бы она и не существовала. Случилось это единственно потому, что стараниями известного в истории борьбы с революцией жандармского генерала Середы она была с корнем вырвана в течение 1884 г. и в числе нескольких десятков человек разослана по тундрам Сибири по примеру участников группы Благоева; последней посчастливилось, она пережила первую группу на три года, и о ней сохранились воспоминания в памяти потомков.

Эти две столичные социал-демократические организации были наиболее мощные, оставили по себе литературные памятники, ибо у них было больше возможностей, чем у слабых провинциальных групп, впрочем, не преминувших, надо думать, разделить участь «благоевцев» и москвичей в сибирской тайге и тундрах. Царское правительство торжествовало, движение было задавлено, не поддержано низами, еще не созревшими для массового выступления, и только одна заграничная группа, огражденная швейцарскими законами от поползновений царя и его жандармов, продолжала существовать, публично говорить и свободно разрабатывать вопросы марксизма. Прав, или не прав Акимов, когда он говорил: «так как она (т.-е. группа «Освобождение Труда») одна могла говорить среди наступившего в самой России тишины..., то многие, и в том числе они сами, считали ее родоначальницей всего социал-демократического движения в России»?

Заслуги перед революционным движением группы «Освобождение Труда» и, главным образом, ее теоретика Г. В. Плеханова по части разработки марксизма и приложения его к «российской действительности», наконец, в технической помощи русским социал-демократам путем перевода, коментирования и выпуска брошюрочной марксистской литературы в период, когда в России во время террора Александра III никак нельзя было сорганизовать на более или менее продолжительный срок типографии, — не подлежат спору и никогда не вызывали никакого сомнения. Но не следует извращать исторической перспективы, нельзя отрицать наличия к моменту образования группы «Освобождение Труда» марксистской идеологии в революционных сферах России и практических попыток утверждения ее и образования марксистской партии. Если бы этого факта не было, если бы группа не почерпала, по крайней мере, нравственных сил из этого наличия, то она сама повисла бы в воздухе. была бы нежизненна и погибла бы, как погибла не одна нежизненная революционная идеология.

Ведь группа «Освобождение Труда» в своем первом обращении об издании «Библиотеки Современного Социализма» говорит: «Успех первого предприятия этой группы зависит, конечно, от сочувствия и поддержки со стороны действующих в России революционеров. Поэтому она и обращается ко всем кружкам и лицам в России и заграницей, сочувствующим вышеизложенным взглядам [1]), с предложением обмена услуг, организации взаимных сношений и совместной выработки более полной программы для работы на пользу общего дела». Как будто из приведенного места вытекает, что группа знала о существовании в России и заграницей кружков и лиц, сочувствующих ее взглядам; мало того, она даже предлагала совместно выработать программу. Так что же Дейч утверждает, что в сентябре 1883 г. он обращался с таким предложением не к реально существующему, а к пустому месту? Я пасую перед таким остроумием и не только «очевидца», но даже хоть и не автора, но все же подписавшего это обращение.

II.

Так как московская группа литературно выступила ранее «благоевской» и, как видно из примечаний (приложение № 1-ый к настоящей статье), даже ранее группы «Освобождение Труда» приступила к популяризации марксистской литературы, то прежде всего я и буду говорить о ней.

История нам не оставила точных данных о составе марксистского ядра этой группы, мы не можем перечислить всех его членов, ибо оно составляло лишь часть конгломерата с народовольцами, а может быть и с остатками народничества. Но и, кроме того, нам не известно, как велика была периферия основного ядра, приемлющая марксистскую или социал-демократическую идеологию. Повидимому она была все-таки довольно солидна. За это говорят следующие факты. Группа энергично издавала марксистскую литературу, следовательно, она имела обширный круг читателей. Ее литература имела широкое распространение по России. Следовательно, она

[1]) Разрядка моя (Н. С.).

имела большую агентуру распространителей этой литературы. Группа установила непосредственную связь с заграницей, как видно из предисловия издателей, для провоза заграничной литературы группы «Освобождение Труда». Следовательно, это была солидная и сильная организация, обладавшая большими связями. А засим у нас имеется свидетельство, из которого можно сделать вывод о размерах группы. При аресте Дейча у него отобрано было письмо от питерских товарищей, которые о московской группе говорят так: «Союз с московской группой более чем вероятен, есть масса знакомых среди студентов и студенток; некоторые из них и теперь занимаются с рабочими» [1]). Из этого следует, что в Москве был не кружок, а целая группа и при том группа, в которой только у питерцев «масса знакомых студентов». Засим из этого следует, что у членов этой группы есть связи с рабочими, с которыми члены «занимаются». Поэтому естественно, что питерский единомышленник женевской группы придает серьезное значение ожидаемому союзу с московской группой. Но и, кроме этого, редакция этой части такова, что можно сделать вывод, что московская группа в момент написания письма (т.-е. не позднее марта 1884 г.) являлась организацией самостоятельной, не связанной с женевцами (очевидно, письмо писано до установления непосредственной связи) и образовавшейся самопроизвольно.

Итак, состав марксистского ядра группы пока неизвестен.

Но нам известно, что в ее числе были два марксиста — Людвиг Янович и В. Т. Распопин, оба погибшие в ссылке: Распопин умер от туберкулеза уже в 1887 г., а первый дожил до 900-х годов. Кто кроме них был марксистом — нам не известно, но такие должны были быть. Если выпуск группой марксистской литературы и не служит неопровержимым доказательством ее марксизма, то ее выступление с письмом «к товарищам», печатаемым ниже в приложении № 1-ый, не оставляет никакого сомнения в том, что это действительно была группа марксистская. Поэтому и ее популяризация марксистских брошюр приобретает совсем не то значение, какое имело издательство некоторых тоже марксистских брошюр бунтарями и народовольцами.

Названному письму предпосылается предисловие «от издателей», в котором последние, полемизируя с народовольцами, решившими «оставить всякую мысль о социализме, ибо история выдвинула» для них «на первый план борьбу за политическую свободу», говорят: «К величайшей нашей радости, некоторые кружки сами сознали в последнее время всю необходимость серьезной социалистической литературы», чему доказательством служит литографирование Энгельса («Утопический и научный социализм») и Плеханова («Социализм и политическая борьба»); а по поводу самого письма издатели говорят, что последнее «укрепит в них (т.-е. в этих кружках) зародившуюся мысль о необходимости как для нашей революционной молодежи, так и для более интеллигентных рабочих, серьезной социально-политической подготовки». Одним словом, издатели против буржуазного радикализма народовольцев и являются сторонниками того

---

[1]) Д. Департамента Полиции. О. О. 753, 1906 г., лист. 12. А также приложение № 2-ой.

революционного направления, которое получило свое выражение, между прочим, в брошюре Плеханова «Социализм и политическая борьба». Нужно заметить, что издатели печатали это письмо в январе 1884 г., т.-е. тогда, когда Распопин уже был арестован, а Л. Янович, надо думать, был уже в Варшаве или уже собирался туда; точно также выбыл из строя и третий, подозреваемый мною в единомыслии с этими двумя — Баранов. Марксистская головка была уже срезана. Этим и объясняется нечеткость и расплывчатость цитируемых мест вводной статьи «от издателей». Так как ко времени выпуска этого письма остались, очевидно, одни лишь «сочувствующие», неспособные печатно формулировать и защитить свое миросозерцание, то они, как видно из начала самого письма, и обращаются к автору с просьбой дать «более или менее подробные разъяснения относительно цели и значения» предпринятого группой «Освобождение Труда» издательства брошюр «Библиотеки Современного Социализма».

Издатели, конечно, не обратились бы с такой просьбой, если бы у них не было уверенности в том, что автор является сторонником того революционного направления, к которому стала склоняться заграничная группа и которому сами издатели сочувствуют. И, действительно, автор совершенно определенно выявляет в письме свое полное согласие с основными положениями, развитыми в брошюре Плеханова «Социализм и политическая борьба», где, — по его словам, — воззрения группы «Освобождение Труда» изложены с чрезвычайной ясностью. «Кроме того, — добавляет он, — в предисловиях к брошюрам «Манифест Коммунистической партии» и «Наемный труд и капитал» основная точка зрения также намечена в общих чертах». В целях краткости изложения мнения автора посмотрим, что же говорил Плеханов в предисловии к «Манифесту», на которое и сам Плеханов, и туземные марксисты 80-х г.г. постоянно ссылались и которое цитировали. Здесь Плеханов говорит (цитирую по «Сочинения Г. В. Плеханова», том I, Госиздат. 1920 г., стр. 73): «Манифест» может предостеречь русских социалистов от двух одинаково печальных крайностей: отрицательного отношения к политической деятельности, с одной стороны, и забвения будущих интересов партии — с другой». А далее, на той же странице: «Манифест» показывает, что успех борьбы каждого класса вообще, а рабочего в особенности, зависит от объединения этого класса и ясного сознания им своих экономических интересов. От организации рабочего класса и непрестанного выяснения ему враждебной противоположности его интересов с интересами господствующих классов зависит будущность нашего движения». Итак, автор письма заявляет себя социал-демократом, солидарным с группой «Освобождение Труда». Если внимательно вчитаться в ту часть письма, которая говорит о целях и значении распространения идей научного социализма, предпринятого группой «Освобождение Труда», то можно сделать прямой вывод о признании автором даже «революционной бациллы», прокламируемой группой в последние годы и поддержанной против рабочедельцев В. И. Лениным. И, однако, Д. Кольцов[1]), критикуя автора письма, говорит, что «з его взглядах есть кое-что, напоминающее экономизм конца 90-х годов». В доказательство

[1]) А. Тун. «История революционного движения в России», Госиздат. 1920 г., стр. 254—255.

этого он приводит цитаты, свидетельствующие только об отрицательном отношении автора к революционному авантюризму — столь одиозному в тот исторический момент. Правда, что автор в отличие от группы «Освобождение Труда» слишком критически и даже скептически относится к роли «социалистической интеллигенции», когда упоминает о ней, каждый раз, оттеняя свое отношение, прибавляет «так называемой»; он мыслит ее не как компактную массу, способную выступить в союзе с пролетариатом на защиту социалистических интересов. Он предвидит ее раскол и присоединение правого крыла к эксплоататорам, чему порукой служит уже и тогда наступившее равнодушие к вопросам социализма среди интеллигенции, а левого к пролетариату, в союзе с которым оно будет добиваться удовлетворения ближайших требований и интересов масс.

Это отрицание «так называемой социалистической интеллигенции» в такой ранний период (письмо было написано в декабре 1883 г.) является крайне характерным. Стало быть еще тогда «социалистическая интеллигенция», как самостоятельная сила, некоторыми кружками, примыкающими к марксизму, уже отрицалась, т.-е. критика этого понятия началась раньше, чем заграницей, где еще в программе 1884 г. она фигурирует как деятельная самостоятельная сила и только в программе группы «Освобождение Труда» 1887 г. она уже не встречается.

Автор говорит, что в России назревает и близок переворот. Как произойдет этот переворот, кто в нем примет деятельное участие, он, однако, не указывает определенно. Но из общего смысла письма можно сделать вывод, что предстоящий переворот он мыслит как буржуазную революцию, совершать которую будет весь народ, восставший против архаического дворянского государства. Он не отрицает необходимости и для социалистических элементов принять участие в предстоящей революции в интересах масс. Но для того, чтобы в период революции сознательно и рационально действовать на поприще удовлетворения «реальных требований данной минуты» с таким расчетом, чтоб не упускать интересов «будущего», т.-е. чтоб это удовлетворение не отдаляло наступление социализма, — социалистическим элементам, которые он представляет в виде партии, состоящей из демократической интеллигенции и городских рабочих, необходимо «серьезно приняться за систематическое выяснение основных понятий современного социализма» и «подвергнуть беспощадному и всестороннему пересмотру все прошлое и настоящее русских революционеров». «Только партия, — говорит он, — вполне усвоившая точку зрения современного социализма, сумеет возвыситься до такого ясного сознания своих основных тенденций и условий их осуществления, что не станет преждевременно брать на свои плечи задачу, далеко превышающую ее силы, и ради немедленного достижения ее пускаться на непозволительные компромиссы не только с враждебными народу элементами, но и с самой народной массой, когда она выступает как реакционная сила». Следовательно, автор является сторонником организации партии, одухотворенной учением научного социализма, т.-е. партии социал-демократической, которая могла бы взять на себя в период переворота роль руководителя и регулятора восставших народных масс.

Другой критик автора, Л. Тихомиров, разбирая поднятый автором вопрос о близости переворота, говорит, что для него непонятно, как же и при

помощи кого будет совершена революция. Для него, идеолога и пропагандиста захвата власти кучкой самоотверженных радетелей народа, казалось непонятным, как же может произойти переворот без участия его и его последователей, т. е. без бомб и динамита.

Я воздерживаюсь от дальнейшего разбора «письма к товарищам», ибо это завело бы меня очень далеко. Оно печатается в настоящем сборнике и потому всякий интересующийся может с ним подробно познакомиться. Но я должен заметить лишь, что письмо это является любопытным памятником для изучения истории революционных идей вообще и русского марксизма в частности [1]).

Письмо это является первым значительным документом московского кружка. Нам неизвестно, кто является автором этого письма, но из обстоятельств дела видно, что он находится поблизости от кружка, хотя и не может непосредственно наблюдать революционные сферы, одним словом оторван от строя. С одной стороны — близок, с другой стороны — оторван. Да не в тюрьме ли он? Как раз в период написания письма в московской тюрьме сидел Распопин. Не является ли Распопин автором этого письма? [2]).

Вторым и не менее значительным обстоятельством является обнаружение программы группы «Освобождение Труда», писаной почерком второго члена кружка Л. Яновича [3]).

Программа эта была обнаружена через несколько месяцев после начала дела о кружке при следующих обстоятельствах. При разборке уборной в общежитии Петровской академии 25-VII — 1884 г. был найден узел, содержавший 14 нелегальных печатных, литографированных, гектографированных и рукописных нелегальных документов, между которыми находились программы нескольких партий и в том числе «Программа социально-революционной группы «Освобождение Труда» [4]). Расследование установило, что узел этот принадлежал

---

[1]) Читатель увидит, по изучении письма, что оно напоминает собою лавризм, рафинированный лишь от идеалистически-рационалистической шелухи. Повидимому оно представляет собою изложение идеологии того, что Плеханов называл «упадочным лавризмом», между прочим и тогда, когда он писал ответ на брошюрку Стеклова: «Отказываемся ли мы от наследства». Если это так, то корни русского марксизма надо искать не в 1883 году, а в конце 70-ых годов, когда появились эти марксисты, известные П. Аксельроду в период его бунтарства.

[2]) Бурцев в своей «За 100 лет» тоже делает предположение, что автор этой брошюры Распопин, но он абсолютно не указывает никаких соображений, которые заставили его сделать это предположение.

[3]) Л. Янович, один из крупнейших членов партии «Пролетариат», поляк по происхождению, крупный собственник, получил образование в Петровско-Разумовской Академии. Имущество свое, поскольку успел до ареста, обратил на нужды партийные; при задержании, чтоб дать товарищам бежать, воспользовавшись замешательством чинов полиции, произвел нападение на одного из них и ранил его револьверной пулей. Осужденный военным судом на каторжные работы, отбывал наказание в Шлиссельбургской крепости, а потом был сослан в дальние улусы Якутской области. Здесь, измученный почти 20-ти летней тюрьмой и ссылкой, покончил жизнь самоубийством. Янович, обладавший всесторонней и глубокой эрудицией, представлял собою человека высоко талантливого, незаурядного организатора и в то же время отличался поразительной скромностью.

[4]) Дело деп. пол., 4, № 872, 1884 г., лист 2.

Л. Яновичу, который в это время уже был арестован в Варшаве по делу «Пролетариата». Янович признал принадлежность узла себе, а также и то, что программа им, Яновичем, составлена и написана в 1883 г. [1]). Написана она была «на трех почтовых листах в 1/8 долю», как говорит донесение московского жандармского управления 5-VII — 1884 г., № 3075 [2]). Итак, эта программа была составлена Яновичем и, по всей вероятности, в ноябре — декабре 1883 г., тогда Янович был еще в Москве и организовал Общестуденческий Московский Союз. Повидимому, она действительно была им не только написана, но и составлена, ибо если б она представляла собой список «Извещения об издании «Библиотеки Современного Социализма» группы «Освобождение Труда», как с первого взгляда можно было бы предположить, то, во-первых, жандармы не имели бы основания доискиваться, кто составил найденную ими программу, так как извещение было им вне сомнения известно, во-вторых, у Яновича не было основания брать на себя тяжесть составления программы, если бы это был лишь список «извещения», в-третьих, какое же основание было называть это извещение «программой», в-четвертых, наконец, она была написана на 3 листах, т.-е. вмещала в себе, в зависимости от почерка, от 6 до 8 тысяч букв, а «извещение» вмещает в себе всего только до 4 тысяч, а стало быть оно могло быть изложено всего на 2-х листах среднего почерка. Программа эта должна храниться, как видно из описи дел о «Пролетариате», в «Дознании о революционном издании, найденном у Яновича на 26 листах», составляющем 24-й том дела о «Пролетариате» [3]). Подобный же документ был найден уже значительно позднее, а именно в 1891 г. у Кобелева в Казани при раскрытии жандармами Казанского революционного архива. Протокол осмотра от 4-5 декабря 1891 г. гласит об этом документе следующее: «пункт 89 сильно подержанная и от употребления по перегибам разорванная рукопись на листе бумаги, пожелтевшей от времени, обыкновенными чернилами под заголовком: «Программа социально-революционной партии «Освобождение Труда» [4]).

Как видит читатель, эта программа написана уже на целом листе писчей бумаги. Следовательно, в ней от 8 до 10 тысяч букв. Документ этот тоже старый («пожелтевший от времени»), распадающийся на сгибах, очевидно, слежался и относится, надо полагать, ко времени тоже до выпуска группой «Освобождение Труда» своей программы. Последняя программа содержит 12½ тысяч букв и не уместилась бы на листе бумаги, и уже во всяком случае называть ее программой «социально-революционной партии» никак было нельзя.

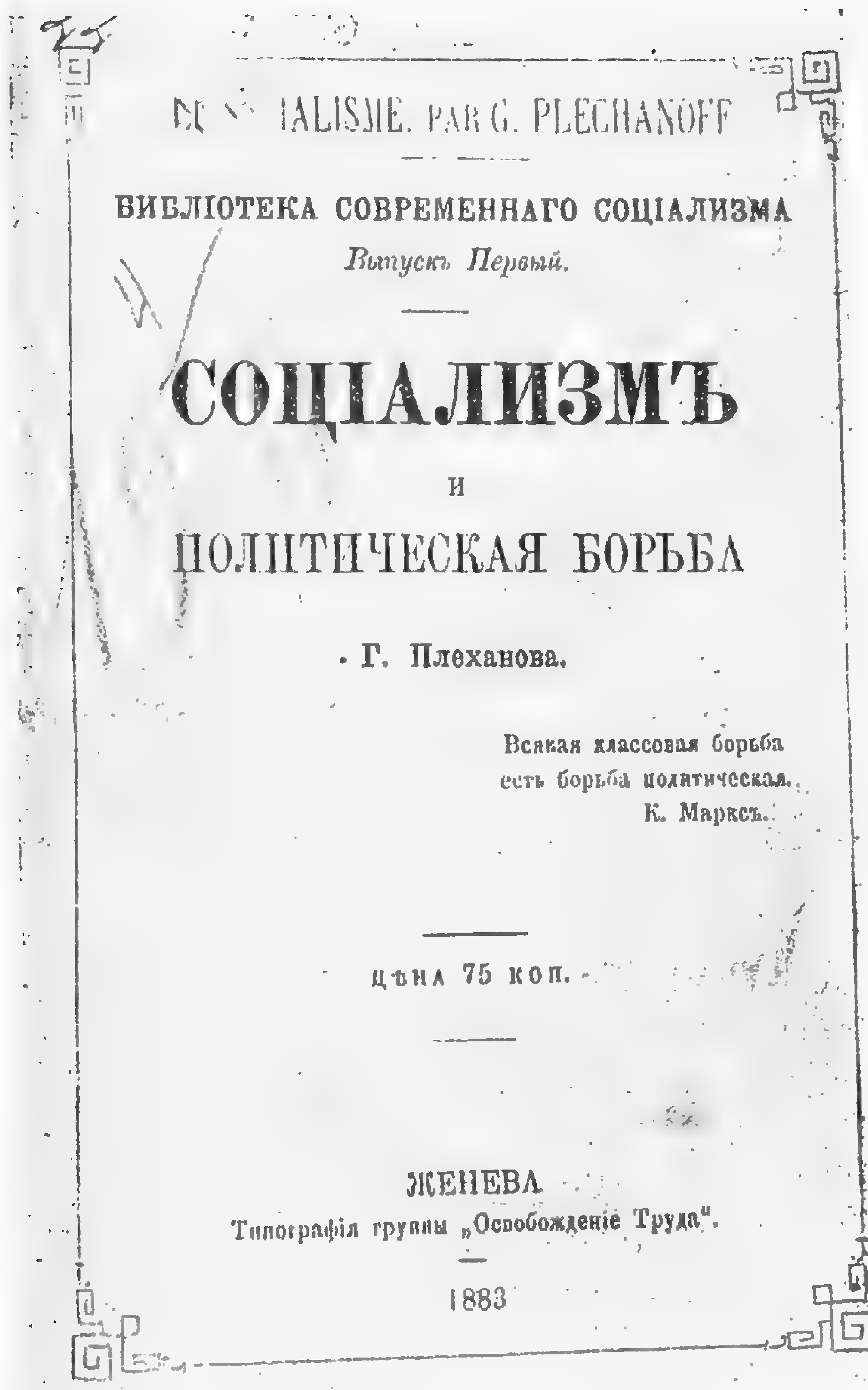
Казанская программа могла быть таких же размеров, как и московская, ибо неизвестно, был ли исписан лист кругом, или текст занимал всего 3 страницы, т.-е. столько же, сколько текст московской.

Из всего этого вытекает следующее. До выпуска программы группы «Освобождение Труда» в России, в кружках, сочувствующих этому революционному направлению, делались попытки выработать программу группы, при чем одна из попыток принадлежит Л. Яновичу. Группа «Освобождение

---

1) Дело деп. пол., 4, № 872, 1884 г., лист 10.
2) То же дело, лист 2.
3) Дело деп. пол., 4, № 450, т. 2, 1882 г., лист 20.
4) Дело деп. пол., 4, № 292, 1891 г., лист 38.

Стр. 96.

[illegible]IALISME. PAR G. PLECHANOFF

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННАГО СОЦІАЛИЗМА

Выпускъ Первый.

СОЦІАЛИЗМЪ

и

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Г. Плеханова.

Всякая классовая борьба
есть борьба политическая.
К. Марксъ.

ЦѢНА 75 КОП.

ЖЕНЕВА
Типографія группы „Освобожденіе Труда".

1883

Обложка брошюры Г. В. Плеханова.

Труда» в своем «извещении» призывает сочувствующие кружки к «совместной выработке более полной програмы»,и московский кружок, получивший это извещение непосредственно по его опубликовании, немедленно приступает в лице Яновича к составлению программы еще в ноябре — декабре 1883 г. Плеханов в письме к П. Л. Лаврову 22-VII 1884 г. пишет: «Ни я, ни мои товарищи не имеем пока окончательно выработанной и законченной от первого до последнего параграфа программы»[1]), а 25-VII того же года, т.-е. ровно через 3 дня в Москве уже находят программу, написанную московским кружком еще в ноябре — декабре 1883 г., когда по свидетельству московских жандармов происходили оживленные дебаты между народовольцами и «народниками», повидимому, склонявшимися к социал-демократизму, ибо бунтарское народничество в этот период уже изжило себя. И, конечно, московская и казанская попытки были не единственными и были небезызвестны группе «Освобождение Труда», ибо Плеханов страницей раньше пишет о том, что революционная молодежь находится на распутьи и вырабатывает программы.

Московский кружок к моменту появления «извещения» группы «Освобождение Труда» выпустил целый ряд марксистских брошюр и занимался уже издательством рабочей библиотеки. Им напечатаны были переводные брошюрки о заработной плате. Дознание о деле осветило лишь его издательскую деятельность, но совершенно не исследовало область его связей с рабочими. Но последняя, несомненно, была, как потому, что кружок издавал брошюрки для рабочих, так и по характеру его связей, в том числе и с знаменитым организатором московских рабочих, Телаловым, с которым поддерживал связь Баранов, а отчасти и другие. Взятое у Дейча письмо свидетельствует также о связях московской группы с рабочими.

Кружок этот был уничтожен жандармами с корнями. Распопин и Янович умерли в ссылке, а Баранов по окончании срока ссылки эмигрировал в Америку. Проследить судьбу остальных не удалось как потому, что сведения о них в Департаменте обрываются, так и потому, что нам неизвестен персональный состав марксистской части кружка. Но есть некоторые указания на связь с ним лиц, привлеченных по делу Сергея Капгера. Последний жил совместно с Апполинарием Бородзичем, который, по сведениям жандармов, еще с 1884 г. вел пропаганду среди рабочих на заводе Доброва и Набгольц под кличкой «Павел Петрович».

---

[1]) Сочинения Г. В. Плеханова, том I, Госиздат., 1920 г., стр. 170. О том, когда и как происходила выработка программы группы «О. Т.», имеются также данные в недавно выпущенном в Берлине издании «Из архива П. Б. Аксельрода». В письме 24 июня 1884 г. к П. Б. Аксельроду С. Гринфест говорит, что одновременно с этим письмом он посылает корректуру программы, которую просит просмотреть и сделать отметки об изменениях и дополнениях, вносимых Аксельродом. Кроме этого Гринфест, указывая на неопределенность и расплывчатость некоторых пунктов проекта программы, предлагает свою редакцию, применительно к которой, как видно из сопоставления этой части письма с текстом программы 1884 г. и происходит изменение первоначального проекта. Надо заметить, что Гринфест не был членом группы, а был лишь техническим работником ее. И тем не менее он, оказывается, имел влияние на более точное и определительное редактирование программы. Этот факт наряду с тем, что третий член группы (Аксельрод) получает проект лишь в корректуре, бросает свет на то, как составлялась программа группы.

Бородзичем было составлено «Введение в историю и политическую экономию», содержащее в себе «программу мыслей и фактов, которые необходимо сообщать рабочим при развитии их в социально-революционном направлении» — говорят жандармы; указаны даже самые приемы действий, например, «для неразвитых членов кружка следует предварительно прочесть две-три лекции известного содержания» и, кроме того, приведены все источники и материалы»[1]). Вместе с Бородзичем был привлечен по тому же делу пропаганды среди рабочих того же завода токарь Иван Михайлович Соколов, который вместе с Бородзичем по свидетельству рабочего завода Гусева (Ананьева) «внушали свидетелю, что положение народа бедственное, указывали на рост нищих, утверждая, что средством против этих зол являются потребительные общества, рабочие ассоциации по примеру Западной Европы»[2]). Из дела видно, что Бородзичу была небезызвестна программа группы «Освобождение Труда» и другая ее литература. Сопоставляя это обстоятельство с характером пропаганды кружка среди рабочих, можно предположить, что это дело является одной из попыток жалких остатков московского социал-демократического кружка. Дело это было ликвидировано жандармами также в связи с розысками террористов (в связи с делом Германа Лопатина). Появляющиеся в России социал-декмораты один за другим гибли по мере того, как правительство искореняло террористов; они не успевали даже выработать стройную идеологию, как правительство хватало их по знакомству с каким-нибудь из террористов и ввергало в сибирскую тайгу. Говорить определеннее об этом деле Бородзича не представляется возможным, так как основное дело о кружке уничтожено и сведения о нем я почерпнул лишь из дел в той или иной мере соприкасающихся с ним.

III.

Если московская группа выступила еще в 1883 г. под совершенно чистым знаменем научного социализма и оказалась марксистскою без всякой примеси, а от группы «Освобождение Труда», выступившей тогда с программной брошюрой «Социализм и политическая борьба» и «извещением», отличалась лишь тем, что, избегая агитационного элемента, ставила себе задачи исключительно пропагандистские, то образовавшаяся в том же 1883 году группа в Питере, известная под именем «группа Благоева», а сама себя называвшая «партия русских социал-демократов», — никак не может быть названа марксистской. Эта группа уже давно известна и историками не

---

[1]) Обзор важнейших дознаний за 1886 год.

[2]) Дело деп. пол., 3, № 453, т. I, 1893 г. Из дела 3, № 224, 1884 г. видно, что Соколов, до 81 года служил на фабрике Морозова в Орехове-Зуеве, а затем работал на различных фабриках в Шуе, Рязани и т. д., потом вновь в 1884 г. появляется в Орехове, но не надолго, и в конце года перебирается в Москву, где поступает опять не надолго на завод Доброва; между тем он не порывает связей с Ореховым. Из дела 3, № 427, 1882 г. видно, что он сносится с группой рабочих Орехова, которые, как видно из посланного ему письма, писаного химическими чернилами, на собрании читают его заявление, которое и одобряют. Так как эта связь Соколова относится к периоду знаменитого Ореховского бунта, а сам Соколов был не бунтарь и знал о европейском рабочем движении, то возникает вопрос, не оказал ли влияния на характер Ореховского движения именно этот самый Соколов. Соколов был сослан в Восточную Сибирь.

забывалась. О ней знали историки социал-демократы — Лядов с Акимовым, о ней же писал со слов одного из членов группы Д. Благоева один из старейших социал-демократов, а в свое время бывший центровик народовольчества Д. Кольцов. И немудрено, что эта группа оставила более глубокий след в памяти потомков. Ведь она ознаменовала себя выпуском двух номеров газеты «Рабочий», разошедшейся по всему лицу земли русской в нескольких стах экземплярах. Тем не менее перечисленные историки имели об идеологии ее очень смутное представление. Ее идеология становится ясной лишь с 1918 г., когда Б. Николаевский нашел в архиве бывшего департамента полиции программу благоевцев и опубликовал ее [1]). В настоящее время найдены доклады министра внутренних дел, освещающие деятельность этой группы вплоть до окончательной ликвидации ее в 1887 году. Опубликованию этих документов будет посвящен особый сборник, а пока в настоящем сборнике публикуется переписка группы с заграничными центрами в целях освещения ее отношений и связи с группой «Освобождение Труда».

Из переписки, публикуемой здесь, видно, что группа для связи с заграницей первоначально даже не имела своих адресов, а заводила ее через народовольцев в течение января — февраля 1885 года. Первое письмо «Рабочей группы» партии «Народной Воли» указывает на то, что сношения «группы Благоева» сейчас же попали под наблюдение департамента в России, а заграницей под надзор известного провокатора Геккельмана. Таким образом группа начала свое публичное существование при зловещих ауспициях . . . . Следующее письмо, подписанное Лавровым и Тихомировым, устанавливает, что народовольческий центр, относясь совершенно отрицательно к группе «Освобождение Труда», не возражал против совместной работы с группой «русских социал-демократов». А далее печатаемый доклад Рачковского от 9/21 марта 1885 г. устанавливает, что Тихомиров поручает Сергею Иванову, посылаемому в Россию, войти в сношение с благоевцами. Сопоставляя этот факт с тем обстоятельством, что Сергей Иванов действительно посещал в Питере благоевцев, что видно из обзора 1886 года, — нужно притти к выводу, что это намерение Тихомирова было Ивановым выполнено, но каковы были результаты этих разговоров — неизвестно. Это же донесение Рачковского указывает также на то, что первый номер «Рабочего» уже к марту месяцу поступил в нескольких экземплярах заграницу, произвел фурор и явился крупным козырем в борьбе группы «Освобождение Труда» с Тихомировым. Следующее донесение Рачковского указывает на продолжение переговоров между благоевцами и рабочей группой «Народной Воли» по поводу совместного издательства «Рабочего». Хотя донесениям Рачковского нельзя придавать безусловной веры, но, принимая во внимание то обстоятельство, что благоевцы в своем письме к группе «Освобождение Труда», опубликованном Николаевским, определенно говорят о наличии переговоров с рабочей группой, с которой они нашли точки соприкосновения по практическим вопросам, что программа рабочей группы не противоречила программе работы благоевцев, — нужно заключить, что эта версия Рачковского вполне вероятна.

[1]) «Былое», 1918 г., № 13, стр. 38—52.

Если же Д. Благоев, который в этот период уже выбыл из строя, ни словом не обмолвился об этом обстоятельстве в переписке с Д. Кольцовым, то, во-первых, он мог и не знать о таком обороте дел, а, во-вторых, он и вообще уклонился от описания попыток благоевцев договориться с рабочей группой за период до его высылки заграницу.

Дальше идет переписка благоевцев уже по самостоятельным от «Рабочей группы» адресам непосредственно группе «Освобождение Труда». Дурново, возвращая начальнику почты и телеграфа перлюстрацию, из которой установлена необходимость наблюдения за перепиской благоевцев по адресу Опперман, обращается с просьбой задержать и прислать кем-то пересылаемую в Швейцарию бандероль, включающую книгу, являющуюся ключом для переписки. Книга эта оказалась январским № 1885 года «Русской Мысли»; она была действительно поймана начальником почты и прислана Дурново [1]). Так департаментом был раскрыт шифр благоевцев. При помощи поимки этой книги департамент устанавливает и адрес для переписки с группой «Освобождение Труда». Затем идет письмо «Специалиста» на имя Опперман от 7/IV 1885 г. (новый стиль), из которого видно, что связи благоевцев с группой «Освобождение Труда» уже настроились и что «Специалист» готовит транспорт, который и предполагает довести до Динабурга (Двинска), прося приготовить здесь явку и сообщить пароль. Далее «Специалист» пишет, что группой предполагается выслать статьи для второго номера «Рабочего». Ответное письмо печатается далее; в нем сообщается, что по адресу Опперман писать далее нельзя, а также обращаются с просьбой скорее выслать обещанные статьи для «Рабочего», чтобы изготовить до каникул следующий номер и разослать его по России с отъезжающими студентами.

Ответное письмо было представлено М. В. Д. и сопровождалось запиской Дурново от 11 апреля, в которой характерно мнение самого Дурново как о группе «Освобождение Труда», так и о питерских социал-демократах. Он, вопреки мнению Рачковского, предлагавшего покуда щадить социал-демократов, полагает, что социал-демократы опасны не менее народовольцев, ибо «эти люди с крайней легкостью переходят от одной программы к другой и почти всегда кончают террористическими замыслами, или стрельбой ради самообороны»; пропаганда же среди рабочих его не беспокоит. Далее Дурново пишет о письме представителя «Рабочей группы». Письмо это, печатаемое вслед за ответным письмом благоевцев, интересно в том отношении, что оно характеризует впечатление, произведенное в России брошюрой Плеханова «Наши разногласия»; здесь он указывает на полное бессилие местных народовольцев представить возражения против нападок Плеханова. Наконец, последнее письмо «Специалиста» в адрес Машковцева, в котором «Специалист» высказывает желание добраться до Питера. Очевидно, группа «Освобождение Труда» так же, как и Тихомиров, не прочь была бы войти в непосредственное знакомство с членами питерской организации для усиления идейного влияния на туземных социал-демократов. Последним печатается донесе-

---

[1]) Ср. Приложение 7, прим. 1-е.

ние Рачковского о выезде в Россию делегата от Плеханова с «группо-освобожденческой» литературой. Судя по времени выезда делегата, нужно заключить, что это был «Специалист», выехавший в Питер. Рачковский же полагает, что он выезжает в Москву, только на том основании, что это же лицо выезжало навстречу Дейчу в 1884 г. из Москвы. Это обстоятельство приоткрывает завесу над вопросом о московской организации. Как помнит читатель, в предисловии своем к письму «К товарищам» издатели сообщают о том, что они уже обеспечили доставку литературы из заграницы. Следовательно, они предполагали устроить получение транспортов не через польских товарищей, а настроили собственный транспорт, и только арест Дейча, а затем и разгром московской организации помешал выполнению их плана.

До сих пор нам было известно из свидетельства самого Д. Благоева [1]), что «группою Благоева» была установлена связь исключительно с заграничной группой «Освобождение Труда», что переписка касалась вопроса выработки программы и что, после высылки Благоева в марте 1885 г. заграницу, эта связь проходила через Благоева, жившего тогда в Болгарии. Между тем из опубликованных Б. Николаевским данных видно, что в январе 1885 г. «группа Благоева» пыталась договориться также и с заграничным центром партии «Народной Воли», а до этого происходили переговоры с «Рабочей группой» ее, о чем «благоевцы» пишут в своем обращении к «членам социально-революционной группы «Освобождение Труда» [2]). Печатаемая переписка эти данные дополняет. Оказывается, что переговоры с «Народной Волей» как заграничной, так и местной, продолжались и в последующие месяцы за январем. При этом со всеми ними, не исключая и группы «Освобождение Труда», петербургская группа вела переговоры как равный с равными, стараясь войти в соглашение на основах федеративных, по примеру того, как произошло соединение партии «Пролетариата» с «Народной Волей». Это означает, что петербургская группа вовсе не желала отказываться от своего собственного credo. Очевидно, она считала не только ошибочным credo Тихомирова, но и неудовлетворительным credo группы «Освобождение Труда». В этом отношении характерно замечание в письме к группе «Освобождение Труда» о роли и природе государства [3]).

Далее, утверждение Д. Благоева, что переписка касалась исключительно только программы, опровергается тем обстоятельством, что, например, письмо «Специалиста», т.-е. представителя группы «Освобождение Труда», касается исключительно вопроса о транспорте и материалов для очередного номера «Рабочего». Затем, письма эти приходили непосредственно из Женевы по петербургским адресам Опперман и Машковцева в апреле месяце 1885 г., т.-е. уже тогда, когда Д. Благоев жил в Болгарии, а не в Питере. И в свою

---

[1]) См. статью Д. Кольцова «Конец «Народной Воли» и начало социал-демократии». А. Тун. «История революционных движений в России», Госиздат. 1920 г.

[2]) «Былое», 1918 г., № 13, стр. 50. Обращаю внимание, что и «группа Благоева», по примеру Л. Яновича, называла заграничных социал-демократов «социально-революционной группой». Это общее название и для московских, и для казанских, и, наконец, для питерских социал-демократов наводит на размышления.

[3]) «Былое», 1918 г., № 13, стр. 49.

очередь перлюстрированные письма питерской группы адресовались в Женеву m-lle Bossetty. Следовательно, питерская группа поддерживала непосредственную связь с группой «Освобождение Труда» после высылки Д. Благоева заграницу. И эта непосредственная связь не прекращалась вплоть до первого серьезного разгрома группы, который произошел в конце 1885 г. Разгром начался именно с поимки письма в адрес Машковцева из Женевы, как это видно из обзора важнейших дознаний за 1886 год.

Кроме того публикуемая переписка и в особенности донесения Рачковского характеризуют то впечатление, которое произвело выступление группы «Освобождение Труда» и ее тактика нападения на старую революционную партию «Народной Воли» как на эмиграцию, так и на туземные революционные сферы. Поэтому появление в России социал-демократической группы было учтено обоими противниками, и каждый из них старался наперерыв прибрать к рукам новую организацию, идеологически слабо обоснованную и, как казалось им, неустойчивую. Но во всяком случае для группы «Освобождение Труда» это был очень серьезный козырь в борьбе с народовольчеством, ибо появление туземной социал-демократии подпирало позиции группы в борьбе с народовольческим врагом, оправдывала ее борьбу с «захватчиками» власти.

Посмотрим, какой же был состав питерской организации. Д. Благоев называет лишь 2-х членов организации: самого себя и В. Г. Харитонова [1]). Считая, что в организации было 15 — 16 человек, он между прочим упоминает о двух нелегальных чернопередельцах, не называя их по фамилиям. Б. Николаевский раскрывает фамилии этих чернопередельцев, пользуясь свидетельством бывших благоевцев, В. Г. Харитонова, Н. А. Бородина и др. Оказывается, что чернопередельцами были П. А. Латышев и В. Е. Благославов [2]), оба безусловно никак не нелегальные, а, напротив, занимавшие в то время совершенно определенное общественное положение под своими собственными фамилиями. Повидимому, Д. Благоев знал их под вымышленными фамилиями, из чего он впоследствии заключил, что они были нелегальными. Здесь при упоминании этих чернопередельцев выясняется и кто был автором программы питерских социал-демократов. Оказывается, что теоретиком организации был П. А. Латышев [3]), который выработал программу. Указано также, кто работал по технике и кто по пропаганде. Но совершенно не упоминается роль В. Е. Благославова. Старый чернопеределец, конечно, тоже играл какую-то роль в организации, и если о нем забыли рассказать Николаевскому, то только потому, что он ранее других выбыл из строя; он еще в 1884 г. был выслан в Пензу. Повидимому, он вместе с Латышевым составлял теоретическую силу организации, а так как он выбыл до окончательного редактирования программы, то о нем и не упомянули как об одном из авторов ее. Ничем иным нельзя объяснить привлечение его в организацию, так как если бы он выполнял какую-

---

[1]) См. ту же статью Кольцова.

[2]) «Былое», 1918 г., № 13, стр. 41.

[3]) Оказывается, что Латышев был не только теоретиком, но и пропагандистом. И. Попов рассказывает, что он встретил Латышева на рабочем собрании у Ботанического сада еще летом 1882 года. И. И. Попов. «Минувшее и пережитое», изд. «Колос», 1924 г., стр. 91 и 92.

нибудь функцию техническую или по пропаганде, то это было бы оговорено. Это упоминание о теоретиках организации и их роли в написании программы приобретает особое значение. Д. Благоев писал Кольцову, что, разошедшись с обоими крылами народничества, он сосредоточил свое внимание на штудировании Маркса. В результате этого штудирования могла появиться программа, подобная сообщенной Кольцову. Но после того как действительная программа организации оказалась розысканной, возникает вопрос, как в результате штудирования Маркса можно было притти к такой программе. Теперь, когда стало известно, кто являлся действительным автором программы, кто являлся действительными теоретиками организации, становится понятным и немарксистский характер программы.

Программа питерской организации, как видно из данных того же Б. Николаевского, вырабатывалась в течение 1884 года, т.-е. именно в тот период, когда всюду происходил пересмотр старой революционной веры, и именно в тот отдел этого периода, когда происходила выработка программы группы «Освобождение Труда». Это крайне характерное явление. Старые революционные боги повергнуты, происходит повсеместное искание революционной новой веры. При этом заграничные социал-демократы имели возможность сопоставить опыт закончившейся революционной борьбы на русской почве с протекающей революционной борьбой на Западе и при свете учения Маркса - Энгельса разобраться в выборе направления. Здесь же в Питере имели лишь русский опыт и ряд теоретических схем, одну из которых, казавшуюся им наиболее подходящей, они и приняли, приурочивая свой выбор в силу привычки к старому философскому обоснованию. А что основа была старая, доказательства этому будут приведены ниже. Пока же я отмечаю лишь то, что к социал-демократизму питерская организация подошла самостоятельно от группы «Освобождение Труда», и одновременно с последней формулировала свою программу; доказательством этого служит то обстоятельство, что результаты получились другие, чем заграницей, и, как видно было уже ранее, непосредственная связь с группой «Освобождение Труда» у них появилась лишь в марте 1885 г.

Питерская группа организовалась еще в 1883 г.[1]). С тех пор и до 1885 г. она занималась скромной работой среди питерских рабочих и, очевидно, подыскивала среди провинциальных революционеров себе единомышленников. На протяжении 1884 г. вместе с тем занималась выработкой программы. И только после того, как она выработала эту программу, после того как завязала связи с провинцией, она решилась выйти в открытое море, обратилась и к партии «Народной Воли», и к группе «Освобождение Труда». К последней, как это видно из письма к членам ее, она питала бо̀льшую симпатию, считая ее более родственной, чем «Народная Воля». Однако, несмотря на то, что она питала к группе «Освобождение Труда» бо̀льшие симпатии, она вовсе не признавала последнюю более авторитетной и вовсе не хотела стать в зависимость от идейного ее влия-

---

[1]) И. Попов в упомянутой книге утверждает, что группа социал-демократов организовалась еще летом 1882 г. Кто прав, Благоев ли, утверждающий, что группа образовалась в 1883 г., или Попов—покуда трудно сказать.

ния. Ее девиз был — свободная федерация. Признавая для себя возможным работать совместно с группой «Освобождение Труда» на федеративных началах, она также не считала возможным насиловать и волю провинциальных групп, идейно присоединившихся к ней; с последними она также хотела федеративных связей. Точно также и в своей политической программе она отрицала централистическое государство, считая единственно приемлемой федеративную форму. Но при этом в программе не раскрыто понятие этой формы ни по объему, ни по характеру. Такое пристрастие к свободной федерации в организационном вопросе, нужно думать, определялось не принципиальными моментами, а исключительно лишь практикой дела. После идейного разгрома партии «Народной Воли» с ее преувеличенным централизмом и гипертрофией власти центра, вполне понятна была реакция в местных и в особенности изолированно действующих группах против этого центро-властия. Местные группы требовали свободы, и питерская группа сделала эту свободу своим девизом. Это совершенно соответствовало интересам дела. Ступень развития рабочего движения оправдывала эту свободу, эти взаимоотношения между центром и периферией. Нужен был лишь идейный центр, снабжающий материалом для пропаганды, но еще не нужен был центр, рассылающий директивы. Ибо для этого движение еще не созрело, в этом начала ощущаться потребность лишь в 90-х годах.

Заканчивая характеристику отношений этих двух групп, т.-е. группы «Освобождение Труда» и питерской, я должен заметить, что свидетельство Д. Благоева о том, что переговоры о программе будто бы кончились тем, что питерская группа приняла программу и взгляды группы «Освобождение Труда»[1]), теми документами, какие у нас в настоящее время имеются в руках, пока не подтверждается. Напротив, все письменные памятники говорят об обратном. Даже номер второй «Рабочего», несмотря на то, что в нем уже оказались статьи Плеханова и Аксельрода, не изменил своего лица. Группа все еще держалась старого своего направления. Как же сам Д. Благоев характеризовал идеологию группы, когда он пытался показать, что ее социал-демократизм был не чужд Маркса? Он говорит, что взгляды группы «представляли смесь научного социализма с лассальянством и, если хотите, с лавризмом»[2]). Я не предполагаю в настоящей статье заняться анализом идеологии группы, что невозможно произвести без контекстирования программы со статьями в «Рабочем», а также и без разбора работы группы по тем данным, которые, по крайней мере, уже найдены. Поэтому такой анализ должен быть отложен до воспроизведения текста «Рабочего» и других материалов. Здесь я лишь подчеркнул основное, в чем отличалась идеология питерской организации от идеологии группы «Освобождение Труда». Это основное различие не осталось незамеченным и для самой группы; она в письме своем к членам группы «Освобождение Труда» говорит: «Мы не будем здесь касаться очевидного различия во взглядах на роль государства в достижении социалистического строя, так как это вопрос

---

[1]) А. Тун, то же издание, стр. 256.
[2]) Там же, стр. 256.

отдаленного будущего, а разногласия по этому поводу с практической стороны не важны; в ближайшем будущем, очевидно, группа «Освобождение Труда» признает за государством значение в вышеозначенном смысле» [1]). Каков же этот взгляд был у питерской организации? Он выясняется в следующих словах программы: «Необходимо устремить усилия на то, чтобы ускорить и облегчить этот процесс (т.-е. процесс обобществления труда, Н. С.), подготовить путь грядущему воцарению социализма, что возможно лишь путем вмешательства государственной власти в экономические отношения». И далее: «задачи государства должны заключаться в том, чтобы заменить капитализм индивидуальный производительными ассоциациями рабочих» [2]). Подчеркнутые фразы выдают с головой духовное родство питерской организации с Лассалем. Отсюда поэтому и разговоры о «железном законе» и пр. Правда, что страницей раньше они развивают положения, заимствованные из научного социализма, но лишь постольку, поскольку сам Лассаль их не отрицал. А в начальной характеристике идеи государства видны и следы взглядов на государство Лаврова. Однако, практически-программный центр тяжести находится именно в приведенных словах, которые являются лишь сколком с идей Лассаля. Это находится в решительном противоречии с теми положениями, которые приняла группа «Освобождение Труда». И если питерская организация в своем обращении к членам группы «Освобождение Труда», тем не менее, уличает группу в небезгрешности в отношении лассальянства, то такой упрек объясняется введением группой «Освобождение Труда» в свою программу пункта об ассоциациях и довольно подозрительного в том же отношении пункта о терроре, пункта, колеблющего ее марксистский взгляд на государство. Это внутреннее противоречие конкретных пунктов программы группы «Освобождение Труда» с общими положениями ее, отталкивавшее туземных марксистов более позднего периода от этой программы, как раз и оказалось точкой схода с питерской группой. В противном случае последняя не могла бы предпочесть группу «Освобождение Труда», ибо по своему взгляду на государство была значительно ближе к народовольцам и вообще к революционерам старого типа.

Факт появления и распространения идеологии «группы Благоева» не только представляет собою характерный пример блуждания социал-демократической мысли, но и является доказательством ничтожности идейного влияния группы «Освобождение Труда» в тот период на туземные революционные сферы. Если бы подобная идеология получила распространение в районе, не близком к Европе, не в столице, — это было бы еще не так удивительно, не так неожиданно. Но появление ее в столице, в пункте, с которым эмиграция была связана больше, чем со всяким иным пунктом России, представляет разительный пример. И нельзя сказать, чтобы Питер был не связан с группой «Освобождение Труда». Из ранее

---

[1]) «Былое», 1918 г., № 13, стр. 49.
[2]) «Былое», 1918 г., № 13, стр. 44.

помянутого уже письма, отобранного при аресте Дейча в марте 1884 года, видно, что в Питере были единомышленники группы «Освобождение Труда». К сожалению это письмо не сохранилось в архиве департамента полиции полностью, а лишь в выдержках, которые печатаются в приложении № 2. Но тем не менее и из этих выдержек ясно, что в Питере были не один единомышленник, а несколько. Корресподент пишет: «итак у нас имеются 2 вполне с нами солидарные кружка». Стало быть помимо этих 2-х «солидарных кружков» были еще «мы», т. е. во всяком случае не один человек. Эти «мы», повидимому, также спорили с народовольцами, ибо корреспондент говорит: даже самые ярые наши противники, т. е. самые глупые народовольцы говорят о «новом направлении», как о чем-то получившем право гражданства». Из этого следует, что «новое направление» было небезызвестно в Питере революционной интеллигенции и наверное рабочим, а далее корреспондент даже добавляет, что имеется «благоприятствующее нам общее настроение публики». Но корреспонденты не только говорили об этой симпатии питерской публики; они стараются распространить влияние «нового направления» даже на Москву, они указывают на вероятность союза с московской группой, т. е. с группой, которая издала письмо «к товарищам». Одним словом, корреспонденты Дейча нарисовали такую картину, за которой нужно было бы ожидать появления в Питере организации, солидарной с группой «Освобождение Труда». А в результате появляется совсем не солидарная с ней «группа Благоева». Что же это значит? Куда же подевались корреспонденты Дейча? Мы видели, как была разгромлена московская группа. Там главные действующие лица (Распопин, Янович и Баранов) были изъяты из обращения прежде чем раскрыта была периферия организации, и даже не по поводу своей основной деятельности, а случайно. Возможно, что и питерские корреспонденты также были изъяты, в связи с каким-нибудь знакомством с террористами, или по поводу какого-нибудь студенческого недоразумения. Очевидно далее, что питерские единомышленники группы «Освобождение Труда» были уничтожены так же радикально, как это произошло в Москве с группой Распопина и др. По крайней мере в период от 1883 года вплоть до ликвидации благоевцев нет в Питере ни одного дела, в котором можно было бы найти хоть крупицу самостоятельного влияния группы «Освобождение Труда». Говоря так, я пока не имею в виду самих благоевцев.

IV.

Группа Благоева просуществовала вплоть до первой половины 1887 г. Ее влияние в Питере было преобладающее; несомненно, также, она имела ответвления и в провинции. Но была ли ее идеология общей как для питерских кружков, непосредственно не входивших в центральную организацию, так и в особенности для кружков провинциальных, с которыми до отсылки заграницу программы группы, как видно из письма к группе «Освобождение Труда», она еще не успела договориться, — большой вопрос. Утверждать же, что группа Благоева впоследствии приняла программу группы «Освобождение Труда», у нас, кроме свидетельства

Благоева, не имеется оснований. Повидимому, программа последней тогда вызывала среди революционной интеллигенции сомнения и возражения. И одним из основных пунктов возражения был вопрос о «социалистической интеллигенции». Читатель помнит, как резко критиковал это понятие автор московского письма «К товарищам». Благоевцы об этом пункте не обмолвились ни словом ни в программе, ни в письме к группе «Освобождение Труда», хотя программа последней была в руках у них. Они как-то отмалчиваются по этому вопросу, но едва ли они были против. За это, казалось бы, говорит их лассальянство. Однако, М. С. Ольминский в сборнике «От группы Благоева к Союзу Борьбы», Госиздат, 1921 г., стр. 69, говорит: «Через эту казачью компанию произошла у меня связь с кружком Благоева, первого в Петербурге пропагандиста с.-д. идей и организатора первого кружка социал-демократов. Он в то время читал по квартирам, на студенческих собраниях рефераты в защиту марксистских идей. В памяти остался только тот факт, что Благоев, полемизируя против ходячих народовольческих взглядов, главным образом доказывал, что интеллигенция не составляет самостоятельного, отдельного класса; отсюда он и делал марксистские выводы. Насколько помню, в этой пропаганде Благоева и его кружка мы не видели особого принципиального греха; поэтому все время шел разговор о слиянии благоевского и народовольческого кружков, ведущих занятия с рабочими, так как в этой «специальной» области между нами, дескать, нет разногласий. Благоевцы от переговоров не отказывались, но от слияния уклонялись».

Повидимому, взгляд автора письма «К товарищам» на интеллигенцию разделялся многими кружками. Так, например, П. Точиский, кружок которого был связан с группой Благоева в 1886 — 1887 годах, как видно из данных архива департамента полиции, относился к интеллигенции крайне критически.

Андрей Брейтфус в своей статье «Точиский и его кружок» пишет: «Считая единственным революционным классом промышленный пролетариат, он находил, что в этот класс должны быть брошены все революционные силы страны, создан в нем революционный оплот, на почве экономической борьбы должно воспитать и приготовить его для политической борьбы. Но рабочий класс России находится еще на низкой ступени развития, его классовое сознание находится лишь в потенции. Поэтому без помощи интеллигенции ему не обойтись; последняя должна повести его, дать ему организацию, выявить его классовое сознание. Интеллигенцию он считал случайным гостем в революции, ибо понимал революцию как социальную. Он часто говорил: «Вы с нами до первого поворота, до первой конституции, которой добиваетесь от правительства и в которой нуждаетесь, а там наши дороги далеко разойдутся». Не реже он повторял слова Христа: «Прежде чем петух пропоет три раза, вы (интеллигенция) трижды отречетесь от меня (пролетариата)». Вообще он считал революционную интеллигенцию идеологом буржуазии и старался отсеять от нее лишь действительно революционное ядро. Поэтому он тем не менее привлекал к своей работе интеллигенцию en gros, но не забывал ставить ей на вид, что она терпима только до тех пор, пока

в среде рабочего пролетариата не создалась своя интеллигенция революционная [1])».

Другой пункт программы группы «Освобождение Труда», о терроре, тогда, повидимому, вызывал тоже сомнение. Группа Благоева, например, хотя и признавала террор, но применение его ограничивала столькими оговорками, что это признание сводилось на нет. Тот же кружок Точиского был решительно против террора. Данилова, например, говорит: «цареубийство считает даже вредным, так как оно не уничтожает существующих отношений между капиталом и трудом, но следующими репрессивными мерами может даже задержать развитие народа» [2]). Что Данилова не из страха перед жандармами отрицала террор, можно заключить из дальнейших слов ее показания. Далее она между прочим говорит, что она сочла бы нужным принять участие в восстании, когда выведенный из терпения народ поднимет знамя восстания. Сам Точиский еще резче квалифицировал террористов. Брейтфус в своих воспоминаниях «Точиский и его кружок» пишет о Точиском следующее: «Он говорит, что террор — рисовка, что адепты террора лишь жаждут славы, что террор в конце концов лишь средство завоевать власть для вырастающего класса буржуазии. Народ настолько темен, настолько еще несознателен, что не в состоянии воспользоваться результатами героической борьбы народовольческой интеллигенции; последняя, борясь во имя якобы народа, лишь могла бы помочь взять власть новым врагам народа. Но к великому огорчению и революционной интеллигенции, и алчной буржуазии, тянущейся к власти, террор и вообще все потуги революционной интеллигенции — лишь покушение с негодными средствами. Революция и радикальный политический переворот возможны лишь в результате глубинного движения народных масс, и именно той части народа, которая является действительно революционной по отношении к существующему строю. Точиский находил, что в России может быть пригоден для революции только пролетариат, и все революционеры сильно грешили и грешат, игнорируя этот класс, бросаясь то в крестьянскую, то в интеллигентную среду. Крестьянская масса, несмотря на свою многомиллионность, разъединена,

---

[1]) «Красная Летопись», № 7, стр. 326. Замечу между прочим, что М. С. Александров по вопросу о неустойчивости симпатии интеллигенции к революционной деятельности говорит: «В это время (т.-е. в 1891 г. Н. С.) на многочисленных петербургских социал-демократов произвела сильнейшее впечатление статья Веры Засулич... В статье доказывалось, на основании опыта западно-европейской истории, что молодежь из буржуазной среды революционна лишь до свержения абсолютизма, до удовлетворения политических требований буржуазии... Статья В. Засулич была принята, как теоретическое объяснение упадка русской интеллигенции. Было решено (рассказываю на основании частных бесед), что и впредь интеллигенция не будет поставлять идеологов рабочего класса... что... последние могикане (из интеллигенции) социал-демократизма в России... должны все силы употребить на создание Бебелей из рабочей среды, должны дать хоть самой небольшой кучке рабочих самое полное, глубокое и всестороннее социал-демократическое образование...» («Былое», ноябрь 1906 г., стр. 9 и 10). Как видит читатель, Точиский за 5 лет до Засулич говорил о том же самом, а за 3 года до Точиского говорил о том же автор письма «К товарищам», в чем читатель убедится, прочитав в приложении самое письмо. Автор письма так же, как и Засулич, ссылается на западно-европейскую практику. А свидетельство Брейтфуса подтверждается данными «Доклада», помещенного в том же № «К. Л.».

[2]) «Красная Летопись», № 7. Доклад департамента м. в. д., стр. 356.

не спаяна одними интересами. Кроме того, слишком низко стоящая в культурном отношении и в смысле классового самосознания, она не может стать авангардом революции» [1]).

Московское письмо «К товарищам» совершенно умалчивает о терроре, но, судя по общей идеологии его, можно было бы также ожидать от москвичей отрицательного отношения к нему. Одним словом, программа группы «Освобождение Труда», очевидно, не встретила решительной поддержки от тех лиц и кружков, которые начали переходить к марксизму и социал-демократизму. И в результате интеллигенция, потеряв веру в прежних народнических богов, не обрела в новых идейных ориентировках надлежащего успокоения. Поэтому период от 1883 г. по 1887 г. включительно характеризуется многочисленными исканиями, каждая группа, каждая ячейка старалась выработать свою программу. Толку из этого выходило мало, но факт налицо. Особенно рельефно этот разброд, эти искания выявляются в факте образования заграницей кружка, состоявшего из лиц, принадлежащих к различным фракциям и задававшегося «целью способствовать всеми зависящими от него средствами выяснению всех спорных вопросов, касающихся, как теоретической постановки различных программ, так и их практического применения и (если это окажется возможным и нужным) выработки новой программы» [2]). Этот кружок образовался в 1887 г. Он так и начинает свое обращение: «Последние два-три года нашего революционного движения характеризуются в весьма сильной степени разногласиями в понимании так называемых программных вопросов, разногласиями, встречающимися не только между различными более или менее определившимися фракциями, но и между отдельными кружками и группами, причисляющими себя к одной и той же фракции». В частности по отношении социал-демократической, как они называют, фракции они отмечают обобщенные оттенки следующих групп:

«5. Одни из них видят в ней (т.-е. в программе. Н. С.) требование перенесения центра тяжести борьбы с политической на чисто экономическую почву . . .

«6. Другие, стоя на точке зрения первых, но не видя в окружающей их действительности возможности практического применения своих принципов, думают, что в настоящее время . . . невозможна никакая революционная работа, кроме чисто культурной . . .

«7. Третьи, видя ближайшую свою цель в достижении политической свободы, думают, однако, что наряду с нею нужно преследовать и другую, не менее важную, заключающуюся в выработке среди рабочего класса социалистически и политически сознательных элементов . . . в борьбе, которая предвидится сейчас же после достижения политической свободы и будет уже непосредственно направлена к осуществлению социалистического строя.

«8. Кроме вышеназванных направлений существует еще несколько других, промежуточных».

Вот как современники характеризовали состояние умов тех кружков и лиц, которые сочувствовали или примыкали к группе «Освобождение

---

[1]) «Красная Летопись», 1923 г., № 7, стр. 326.

[2]) См. приложение № 12: «Вопросы для уяснения и выработки программы соц.-рев. партий в России».

Труда» или сочувствовали вообще социал-демократическому направлению. Естественно, что и практическую работу каждый из них вел применительно к собственному пониманию.

Эта брошюра вскоре же, конечно, стала известной департаменту полиции, ибо она стала попадать жандармам на обысках. Так в «Обзоре важнейших дознаний за 1887 г.» департамент пишет следующее:

«Особого внимания в этом же отношении заслуживает попытка некоторых, проживающих в Женеве эмигрантов, принадлежащих к так называемой партии «Освобождения Труда», которые, преследуя цели объединения разных революционных групп, прислали летом 1887 года в центральные города империи ряд программных вопросных пунктов с целью получить на них возможно большее количество ответов и мнений, которые и послужили бы основанием к начертанию общей программы для дальнейшей деятельности революционеров. Записка с этими вопросами была отгектографирована и распространена затем среди членов разных кружков в Одессе, Петербурге и других местах. В записке перечисляются существующие в революционной сфере направления «народовольцев», «народников», «освобожденцев» (труда) и др.; разногласие в понимании ближайших задач революции свидетельствует о том, что ни одна из известных в настоящее время программ не удовлетворяет вполне всем запросам времени и для примирения этой розни один из заграничных кружков, состоящий из членов различных фракций, задался целью способствовать выяснению спорных вопросов, касающихся как теоретической постановки различных программ, так и их практического применения, и просит русские революционные кружки высказаться возможно полнее и определеннее за и против каждого из этих направлений. Записка эта служила предметом многочисленных рассуждений, преимущественно среди кружков из учащейся молодежи, и при производстве обысков в Одессе, в декабре 1887 г., у студента Новороссийского университета Давида Кобермана найдена черновая рукопись на 22 листах, которая, по показанию названного студента, написана им в ответ на полученную из заграницы просьбу высказаться по поводу программных разногласий» [1]).

Как видно из данных обзора, программа эта была прислана в центральные города, а потом в гектографированном виде уже распространена в провинций [2]). Если она в центральных городах породила дискуссии, чему

---

[1]) Обзор дознаний, № 12, 1887 г., стр. 6.

[2]) Заграничный список брошюры был помечен маем 1887 г., а гектографированный оттиск ее был сопровожден следующим письмом издателей: «С.-Петербург, 11 октября 1887 г. Мы не согласны с нашими заграничными товарищами в том, чтобы указанная ими разноголосица была действительно таким «страшным злом», как им кажется. Во всяком случае, эта разноголосица не мешает первым трем группам сходиться на общей почве борьбы с абсолютизмом, а группам, помеченным в 5, 6 и 7 пунктах, совместно действовать путем пропаганды среди народа. Но как бы то ни было, несомненно, что некоторые затруднения действительно являлись следствием указанной разноголосицы. В виду этого, а также в виду прекрасной формулировки некоторых недостаточно разработанных вопросов и чрезвычайно удачной классификации существующих направлений, мы с удовольствием исполняем просьбу наших товарищей в надежде, что их обращение окажет русской молодежи значительную помощь в подведении теоретических итогов и в верной и прочной постановке будущей практической революционной деятельности». Д. департамента полиции, 3, № 495, 1887 г., лист. 18.

свидетельством может служить рукопись Кобермана, который, конечно, не один и не исключительно по собственной инициативе предпринял ответ на вопросы этой программы, то в провинциальных городах, где были представители тоже различных фракций и где также происходили поиски стройной программы, она должна была получить тоже отклик. У нас нет данных о силе реакции на эту программу как со стороны столичных, так и со стороны провинциальных объединений, но факт тот, что и провинция тоже реагировала на нее и предъявляла на нее требования; поэтому эта программа была типографски воспроизведена уже в самой России в какой-то неизвестной нелегальной типографии. Копия этой нелегальной брошюры и воспроизведена в приложении № 12.

Как пример дискуссий в провинции можно привести описание дискуссии в Минске.

«Осенью того же (т.-е. 1887. Н. С.) года до нас дошла из Швейцарии брошюра: «Программа для обсуждения программных вопросов». Это было чрезвычайно дельно, всесторонне и беспристрастно составленное резюме для всех вопросов, по которым в то время среди революционной молодежи существовали разногласия. Авторы программы рекомендовали образовать кружки для обсуждения и выяснения всех спорных вопросов. У нас эта мысль встречена была всеобщим сочувствием. Устроено было собрание, на которое явилось человек двадцать или тридцать. Прения велись на страшно анархический лад. Мое предложение избрать председателя и установить запись ораторов не нашло поддержки, как явная «Исааковская» ересь [1]). Половина вечера прошла в словесном турнире между Хургиным и Львом Марковичем Заком. Хургин отстаивал «захват власти», а Зак возражал, что «за этим делом нам надлежит обратиться к генералу Белову» (местному воинскому начальнику). Мне этот беспорядочный дуэт надоел, и я ушел, не дождавшись конца. В тот же вечер решено было по полицейским соображениям разбиться на меньшие группы. Таких групп образовалось три. Одна очень скоро перестала собираться. Другая, состоявшая из семинаристов и учителей, собиралась некоторое время, но вскоре обнаружилось, что дебаты колеблют основы народнической веры и приводят к безотрадным выводам. Вследствие этого, как передавал «Егорыч», решено было вовсе прекратить обсуждение программных вопросов и остаться при прежнем миросозерцании. Третья группа, собиравшаяся на моей квартире, довела обсуждение до конца. В ней участвовали, кроме меня, жены и сестры, Мерлинский, Шмулевич, Ефим Гальперн, с весны 1888 г. Абрамович и др. Мы собирались раз в неделю в течение полугода и в результате большинство из нас, включая Абрамовича, мою сестру и меня, приняло по всем программным вопросам социал-демократические формулы» [2]).

В департаментских делах имеются следы и другой такой же дискуссии, происходившей как раз в тот же период с осени 1887 г. по конец зимы. Дискуссия эта была насильственно прервана в феврале 1888 г. жандармами,

---

[1]) Гурвич приучал местную революционную публику к нормальному ведению прений, что очень не нравилось староверам-народникам, которые считали этот прием ересью, окрестив ее по имени Гурвича Исаака.

[2]) И. Гурвич «Первые еврейские рабочие кружки», «Былое», 1907 г., № 6, стр. 76—77.

переарестовавшими всю компанию. Дело происходило в Ярославле, и в нем приняли участие студенты местного лицея, бывшие семинаристы и отчасти уже бывшие люди — поднадзорные. Группа имела связи с Одессой, откуда получала «группо-освобожденческую» литературу, и с Вильной, откуда от того же Кивеля (Шмулевича) получила «дискуссионную программу». В дискуссии приняли участие обе фракции, но выяснить жандармам ничего не удалось потому, что, повидимому, обвиняемые в тюрьме до допроса успели сговориться. На это указывает их согласованное вранье. Однако, из происходившей дискуссии уже вылуплялся социал-демократизм. По крайней мере группа уже приступила в переводу марксистской литературы. Ею была переведена «Нищета философии», которая вместе с немецким подлинником и пропала при аресте [1]).

И. Гурвич не раскрывает, какие именно социал-демократические формулы были приняты в результате развернувшейся дискуссии, а именно: присоединились ли они к старой программе группы «Освобождение Труда», или они не считали ее достаточно социал-демократическою и внесли в нее поправки. Но, повидимому, старая программа потерпела поражение, ибо в результате всероссийской, а, может быть, даже и зарубежной дискуссии группе «Освобождение Труда» пришлось настолько изменить основы своей программы, что она решительно стала принимать характер марксистский. Дискуссия шла, несомненно, повсеместно, захватила не только 1887, но и 1888 год, как в Минске. Социал-демократическое миропонимание прояснилось в связи с ней, и теперь уже в кружках, примыкающих к социал-демократизму, не замечается приверженности к миросозерцанию, похожему на миросозерцание партии русских социал-демократов (группа благоевцев). После этой дискуссии социал-демократическая работа в стране оживилась, и уже в следующем году жандармы натыкаются на целый ряд марксистских организаций. Как пример можно указать Вильну, Киев, Ригу, Харьков, Казань, не говоря уже о Питере и Москве, где социал-демократическая мысль стала рельефно оформляться. Но и в провинции, даже самой глухой, появились совершенно определенные марксисты. Так, например, в Пензе департаменту полиции удалось если и не поймать, то во всяком случае нащупать марксистскую группу. Привлеченный по делу Сабунаева П. Крафт, например, говорит, что в Пензе в 1888 г. он встретил группу «экономистов», к которым он причислял и П. Теплова [2]). И действительно в Пензе в это время собралась группа, состоящая из известного уже В. Благославова, высланного сюда еще в 1884 г., П. Теплова, Н. Мотовилова, тоже высланного из Казани в 1887 г., и, наконец, прибывшего впоследствии Алабышева.

Новая программа группы «Освобождение Труда» после дискуссии решительно пообчистилась. А. Бубнов, характеризуя различия между программами группы «Освобождение Труда» 1884 и 1887 г.г., совершенно правильно подчеркивает значительное улучшение состава программы второго варианта и причину, по которой группа не могла сыграть роли практического органи-

---

[1]) Дело департамента полиции, 5, № 7638, 1888 г.

[2]) Характерно то, что Крафт назвал Теплова экономистом, каким Теплов и в действительности стал в конце 90-х годов.

затора. «Оба проекта почти в одинаковых выражениях формулируют основные положения социал-демократии. Общи для обоих проектов как требование прямого народного законодательства, так и пункт о государственной помощи производительным ассоциациям. Но имеются в них и крупные различия, свидетельствующие об эволюции взглядов самой группы. В проекте 1884 года чуть ли не первенствующее значение признается за «социалистической интеллигенцией», тогда как проект 1887 г., почти целиком устраняя пункты об интеллигенции, резко выдвигает положение, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих». Помимо этого, в проекте 1884 года твердо заявляется, что группа «признает необходимость террористической борьбы против абсолютизма», а проект 1887 года в том месте, где говорится об «общем решительном нападении» на правительство, добавляет лишь, что при этом рабочие революционные организации не остановятся и перед так называемыми террористическими действиями, если это окажется нужным в интересах борьбы. Таким образом, группа «Освобождение Труда», изживая и отбрасывая последние пережитки народничества, заканчивала целый период исканий и борьбы, характерный для рабочих кружков и революционных организаций предыдущего десятилетия. В то же время своей работой она заложила прочный теоретический фундамент для революционной пролетарской партии и в этом смысле является родоначальницей социал-демократии в России. Но группе «Освобождение Труда» не удалось сыграть роль практического организатора — для этого не было достаточно подходящих условий. Восьмидесятые годы были годами промышленного застоя и самой разнузданной, черной реакции. Рабочее движение было очень слабо» [1]).

Но и Бубнов, как и все те, кто до сих пор сопоставлял эти две программы, не обратили внимания на важнейшее, наиболее серьезное обстоятельство, которое решительно меняло характер программы. Уж не говоря о том, что в программе 1887 г. впервые указывается, что переход к социализму не может произойти иным путем, как только революционным, что диктатура пролетариата есть неизбежный путь к социализму, — в той же программе совершенно определенно, решительно ставится на первое место политический момент, выпячивается вперед — как задача рабочей партии — свержение абсолютизма. До сих пор русские социал-демократы считали, что сначала— организация, сплочение в партию, в «силу» такую, которая могла бы при падении абсолютизма — вследствие ли штурма самой этой «силы», или внутренней слабости абсолютизма, — заявить свои права, оказать maximum давления на реорганизацию власти и государства. Теперь, понимая всю слабость действующих в России рабочих социал-демократических кружков, представляющих, как говорит программа, лишь «зачатки будущей русской рабочей партии», — группа, тем не менее, без всяких оговорок, без всяких дальних слов призывает к революционной атаке власти. Она говорит: «Низвержение абсолютизма должно быть их первой политической задачей». Поэтому она бросает лозунг политической агитации — агитации, на которую в первом варианте программы были лишь слабые намеки, — как

---

[1]) А. Бубнов. «Основные моменты в развитии коммунистической партии в России» изд. «Прибой», Петроград, 1923 г., стр. 12 и 13.

главного средства политической борьбы рабочих кружков против абсолютизма. Это сугубое подчеркивание политического момента в 1887 году очень напоминает другой такой же момент, который партия переживала через 10 слишком лет в период борьбы с экономизмом. Что же это значит? А значит это то, что и тогда еще, в 80-х годах, группа «Освобождение Труда» вынуждена была уже вести борьбу против экономизма. Экономизм, как идеологическое течение, еще тогда существовал среди русских социал-демократов и еще тогда, в 1887 г., был отмечен брошюрой о программных вопросах в приведенных мною ранее в тексте настоящей статьи пунктах, касающихся течений внутри марксистских объединений. Кружок, например, Точиского, ранее мною упомянутый, был экономистский; надо думать, что пензенский кружок был тоже таким. Экономизм — течение очень древнего происхождения, и корни его надо искать вовсе не в 90-х и даже не в 80-х, а еще в 70-х годах. Он очень удобно устраивался под покровом программы 1884 г., потому что политический момент в ней был крайне слабо представлен, точнее сказать, совсем затушеван. Эта затушевка его была постоянным поводом для нападок народовольцев, которые перегибали палку со стороны политики, а социал-демократы в пылу полемики и борьбы по инерции — стремились перегнуть ее ближе с другого конца. Но если новой формулировкой программы экономизм можно было выгнать из-под прикрытия, ибо новая формулировка не оставляла никаких сомнений кажущегося оправдания его, то выгнать его из реальной жизни оказалось не так легко. Очевидно, он соответствовал степени недоразвития как самого российского капитализма, так и рабочего класса. Слова Маркса, что страна страдает не столько от развития капитализма, сколько от недостатка его развития, повидимому, еще не потеряли свою силу в отношении России для конца 80-х годов, как и для первой половины 90-х годов.

Нужно заметить, что только в программе 1887 года принципы, изложенные в знаменитой программной брошюре «Социализм и политическая борьба», оказались решительно и последовательно проведенными. Как известно, эта брошюра была принята в свое время народовольцами очень сочувственно. Нужно заметить, что в момент появления этой брошюры среди народовольцев было большое разложение; недовольные центром не прочь были пойти за новым евангелием. Поэтому на обысках у народовольцев в течение 1884 — 1885 годов очень часто попадала эта брошюра. Так как у группы «Освобождение Труда» не было тогда своих транспортов, то, стало быть, провозили эту брошюру народовольцы. И действительно в севастопольском транспорте 1884 года вместе с народовольческими изданиями была и эта брошюра в значительном количестве экземпляров [1]). Конструирование программы 1887 г. применительно к этой брошюре должно было привлечь растерявших свою веру народовольцев. Но та же программа другим своим концом отталкивала их. С точки зрения марксизма она оказалась построенной неизмеримо логичнее варианта 1884 г.; одиозные пункты о «социалистической интеллигенции», о терроре были выброшены. Это новшество, конечно,

---

[1]) Если эта брошюра не встречала возражения у туземных народовольцев и ими охотно читалась, то в отношении «Наших разногласий» этого сказать нельзя. Последняя брошюра абсолютно отсутствует на народовольческих обысках.

не могло нравиться народовольцам, но зато оно окрыляло туземных социал-демократов. Впрочем, о терроре все же осталось упоминание, к слову сказать, совсем не нужное и только путающее. Для народовольцев он формулирован был неудовлетворительно и нисколько их не прельщал, для социал-демократов он был ненавистен. Остался также, к сожалению, и другой лассальянский пережиток — пункт об ассоциациях. Но ведь тогда группе еще не была известна «Критика готской программы», а самостоятельно она не сумела додуматься до отрицания этого народнического фетиша.

В дальнейших главах мы рассмотрим, как же был принят туземными кружками призыв к штурму абсолютизма. А фактически, как известно, этот штурм начался лишь $1^1/_2$ десятка лет спустя.

V.

Группа Благоева была последняя наиболее мощная организация 80-х годов, поставившая своею целью пропаганду среди рабочих. Она завершила свой цикл в 1887 году, когда остатки этой группы были изъяты из обращения и разосланы по сибирским дебрям. Но это вовсе не значит, что работа среди русского пролетариата окончательно была парализована, как утверждали многие, в том числе и представители группы «О. Т.». Плеханов, например, в своем «Русский рабочий в революционном движении», окидывая ретроспективным взором прошлое рабочего в революционном движении, утверждает [1]), что «рабочие были только читателями этих журналов (т.-е.: «Рабочая газета», «Зерно», «Рабочий». Н. С.), редактировались же они «интеллигенцией»; но это было, что называется, только пол-горя. Во второй половине восьмидесятых годов перестали появляться в России и такие издания. Наступило, казалось, полное затишье. Но раз зажженный огонек мысли не погас в рабочей среде, как об этом свидетельствует даже легальная печать. Почти совершенно оставленный интеллигенцией, рабочий продолжал расти умственно и нравственно. Уже несколько лет тому назад Г. И. Успенский мог поздравить русских писателей с «новым грядущим читателем». Недалеко то время, когда «интеллигентных» противников царизма можно будет поздравить с новым, непобедимым п о л и т и ч е с к и м с о ю з н и к о м».

Сетования на апатию интеллигенции второй половины 80-х годов стали общим местом. Другой представитель группы «О. Т.» П. Аксельрод в своем «Ответ . . . .» говорит следующее:

«Вы желаете знать мой взгляд на цель и задачу, которую должна преследовать русско-заграничная литература. Вы считаете полезным знать мое мнение по этому вопросу, особенно теперь, в виду все более возрастающего, как вы говорите, среди революционной молодежи стремления к организации серьезной прессы заграницей. Нельзя не порадоваться этому явлению, представляющему теперь особенно крупный интерес, потому что он служит симптомом пробуждения нашей революционной интеллигенции от этой умственной спячки, в которую она впала со времени разрушения организации «Народной Воли». Как раз обратное

---

[1]) «Социал-демократ», книга 4-я, 1892 г., стр. 79.

8*

явление характеризует революционное движение последних лет, за исключением явно обнаружившегося стремления одного, слишком рано погибшего кружка, стать в критическое отношение к господствующим у нас теориям и программам, я не слыхал ни об одной попытке среди революционной молодежи последних лет в таком направлении. Можно было бы подумать, что в нашей революционной интеллиенции изсякла уже всякая способность к дальнейшему развитию в социалистическом направлении. Страх, отвращение ко всякой попытке проложить новый путь революционному движению, слепое, совершенно неосмысленное поклонение традиционным воззрениям, потерявшим уже на практике всякое значение, полнейшая неспособность даже сколько-нибудь понять новую точку зрения в вопросах о задачах и путях революционного движения — таковы печальные особенности умственного состояния нашей революционной среды в последние годы»[1]).

За эмиграцией вторила и туземная современная прогрессивная печать, жалуясь все на ту же инертность общества. Мало того, даже потомки не отстают от жалоб современников. С. Мицкевич, например, в своих «Очерках истории московской партийной организации» утверждает следующее:

«Пропаганда среди рабочих в Москве велась народниками еще в середине 70-х годов (вспомним процесс 50-ти и речь на нем рабочего Петра Алексеева); в конце 70-х и в начале 80-х годов были связи среди московских рабочих у народовольцев, но с начала 80-х годов и по начало 90-х, т. е. в течение 8 — 10 лет, в Москве не велось сколько-нибудь систематической пропаганды среди рабочих»[2]).

Между тем утверждения и тех, и других совершенно не соответствуют действительности. Изучение работы кружков 80-х годов не оставляет никакого сомнения в том, что работа среди как собственно фабрично-заводского пролетариата и на железных дорогах, так, наконец, и среди вообще пролетаризированных городских рабочих масс продолжалась на протяжении всего периода 80-х годов. Правда, что с разгромом крупных организаций (Народная Воля, группа Благоева) работа распалась на многочисленные мелкие кружки, мало заметные и жандармам, и революционным центрам, но она все-таки продолжалась.

В 80-х годах департамент полиции придавал очень малое значение работе среди пролетариата. Вспомните хотя бы замечание Дурново по этому вопросу в вышеупомянутом его докладе. Департамент обыкновенно сосредоточивал свое внимание на террористах, а не на рабочих пропагандистах. И тем не менее «Обзоры важнейших дознаний» пестрят фактами, указываю-

---

[1]) «Знамя«, New-York. 1-VI 1889 г., № 15. Эти слова Аксельрода составляют фрагмент из обширного ответа его на запрос Одесского с.-д. кружка Ганелина в 1887 г. (См. книгу, ранее уже упоминаемую в тексте и примечаниях «Из архива П. Б. Аксельрода» стр. 231 — 237.) Характерно между прочим то, что Аксельрод здесь говорит о группе Благоева как о давно погибшей, а между тем письмо им писалось тогда, когда еще продолжалась ликвидация группы и у одного из членов ее был найден материал для 3-ьего №-ра «Рабочего». Так мало знала эмиграция о том, что творится в России, и так много жаловалась на инертность туземной революционной интеллигенции.

[2]) Сборник «На заре рабочего движения в Москве». М. 1919 г., стр. 21.

щими на работу среди рабочих. Так, например, в 1887 г. обзоры отмечают пропаганду и даже агитацию (прокламации) в Петербурге, Москве, Тифлисе, Туле, Муроме и Егорьевске Моск. Губ. Это только пункты, в которых пойманы рабочие агитаторы и пропагандисты, а сколько дел фактически рабочей пропаганды скрывается под фирмой пропаганды среди интеллигенции или учащихся? Следующий год отмечает работу в Петербурге, Москве, Орехове-Зуеве, Шуе, Тифлисе, Баку, Ростове на Дону и, наконец, Людинове Жиздринского уезда. Сказанное в отношении 1887 г. в одинаковой мере относится и к 1888 году. Я не выделяю в этом списке дел народовольческих, ибо работа народовольцев мало чем отличалась от работы социалдемократов в младенческий период рабочего движения. Примером может служить хотя бы работа среди московских рабочих знаменитого рабочего организатора и агитатора Телалова в начале 80-х годов, а также и вообще «Рабочей группы» партии «Народной Воли»; поэтому, например, благоевцы обменивались услугами с «Рабочей группой», часто взаимно передавали кружки рабочих и вообще вели работу согласованно и по-товарищески.

Как пример последнего можно привести свидетельство М. С. Александрова, который в своей статье «Группа народовольцев (1891—1894 г.г.)» пишет: «Еще до своего первого ареста в декабре 1885 г. я имел два кружка петербургских рабочих: кружок наборщиков, полученный от только что образовавшейся социалдемократической группы (так называемая благоевская) и кружок на заводе Берда (Франко-Русский), полученный от «Союза молодежи партии «Народной Воли» [1]).

Характер работы среди пролетариата не изменился и с 1887 г., т.-е. с момента декларирования новой программы группы «О. Т.». Как пример для Западного края можно указать характер работы в Минске со слов И. Гурвича.

«Летом 1884 года — говорит Гурвич — в Минск приехал Эмиль Абрамович, проведший год в Париже по окончании гродненской гимназии . . . Он свел знакомство с типографскими рабочими, как наиболее интеллигентными, образовал кружок, стал с ними заниматься, сначала естествознанием, а сойдясь поближе, перешел к пропаганде социализма... Летом 1885 года я вернулся из Сибири и поселился в Минске. По приезде я по старому знакомству зашел к Хургину, который в то время был «генералом» в минском кружке. Он был народовольцем, я же до ссылки примыкал к чернопередельцам, а в ссылке сделался марксистом, хотя, должен сознаться, мой марксизм сильно отдавал старым народническим запахом... (Л. О. Рогаллер. Н. С.) познакомил меня с Абрамовичем и наборщиком Иосифом Резником . . . Каникулы близились к концу, Абрамович собирался в Дерптский университет и предложил мне взять на себя руководство его кружком, к которому принадлежал и Резник. Я согласился... На сходке я ознакомился с планом занятий, который был

[1]) «Былое», 1906 г., XI, стр. 6. М. С. Александров, повторяя факт передачи ему благоевцами этого кружка в сборнике Истпарта «От группы Благоева к Союзу борьбы», выражает свое удивление, как могли социал-демократы благоевцы передать ему, народовольцу, свой кружок. Разве ему были неизвестны взаимоотношения благоевцев и «Рабочей группы»? да и когда он получал кружок,—не удивлялся, ибо это было в порядке вещей, а в 20-м году удивился.

выработан Абрамовичем и продержался в кружках северо-западного края в течение более чем десятилетнего пропагандистского периода, предшествовавшего организации Бунда. Все кружки разделялись на три степени: 1) кружки грамотности... 2) кружки естествознания, 3) кружки социалистические... Пропаганда в рабочих кружках того времени ограничивалась анализом экономических оснований капиталистического строя и начертанием социалистического идеала. Политических вопросов касались мало. Благодаря этому политические понятия рабочих... представляли своеобразную смесь (бакунизма с якобинством. Н. С.). Напр., должность председателя отрицалась... Я ввел в обычай избрание председателя на каждое собрание и запись ораторов. Затем я стал... знакомить рабочих с началами самоуправления и парламентаризма... Представился случай обсудить на практике вопросы о централизации и федерализме (по вопросу об объединении библиотек ефимовцев и исаковцев. Н. С.)... Этот чисто практический курс конституционного права я старался пополнить теоретическими занятиями. Читали сообща Милля «о представительном правлении», сопровождая чтение комментариями о правах меньшинства и пределах власти большинства... О классовой борьбе в то время у нас велись только теоретические разговоры; практического значения, в виду малочисленности наших сил при раздробленности еврейских рабочих в мелких ремесленных мастерских, эти рассуждения не имели. Но уже был организован союз типогр. рабочих, принятый работодателями враждебно, хотя до конфликта не дошли [1]).

И в Вильне работа среди местного еврейского пролетариата не отличалась от минской. Акимов говорит следующее:

«Изучали русскую жизнь: раскол, общину, артель, капитализм; в 90-м году перешли к Лассалю и Марксу. Книгами пользовались из библиотеки легальных и нелегальных книг, собранной еще кружком народовольцев. Перед новыми социал-демократами стоял вопрос, каким образом приступить к непосредственной революционной деятельности. Сущность новой политической программы, воспринятой через Абрамовича, сводилась к тому, чтобы пробудить классовое сознание рабочих и тем вызвать к политической борьбе широкие слои пролетариата. У еврейских рабочих была тогда потребность изучать русский язык; революционеры стали им предлагать свои услуги, учили их грамоте, арифметике. Ради практики в чтении давали им «Беседы о природе» Зобова и между прочим рассказывали вообще по ботанике и зоологии; затем, сблизившись, читали своим ученикам романы: «Два брата», «Без исхода», «Хроника села Смурина», «Один в поле не воин», «Эмма», «Что делать» и сказки Щедрина. Раздавали книги эти и на дом. Наконец, когда кружок казался достаточно подготовленным, появлялся Дикштейн: «Кто чем живет». На второй очереди стоял «Наемный труд и капитал» Маркса. На него считалось нужным уроков двадцать, потому что требовались бесконечные комментарии. Вместо заключительного слова давалась «Программа Работников» Лассаля в напутствие ученику, который мог уже сам стать учителем.

---

[1]) Гурвич. «Первые еврейские рабочие кружки», «Былое», VI, 1907 г., стр. 65, 66, 67, 70, 71, 72, 73.

Кроме русских книг стали появляться изредка американские издания на жаргоне»[1]).

Как видим, метод работы в обоих пунктах Западного края оставался с народнического еще периода таким же, с незначительными лишь поправками, требующимися изменениями, происшедшими в миросозерцании. Не только призывы к штурму власти не получили развития, но и переход к широкой работе на почве экономических требований лишь только намечался (образование в Минске союза).

VI.

Выписки из Акимова и Гурвича, правду сказать, касаются еврейского пролетариата Западного края, преимущественно, стало быть, пролетариата ремесленного. Могут возразить, что по своей природе этот пролетариат таков, что иной, кроме культурно-пропагандистской, работы и не могло вестись. Но что касается пролетариата фабрично-заводского, то работа среди последнего могла бы быть агитационно-политической наряду с пропагандой социализма.

Посмотрим, какие формы имела работа среди последнего пролетариата. Вот ряд свидетельств группы интеллигентов, унаследовавших работу от благоевцев и начавших работу чуть ли не на другой день после ареста последнего из благоевцев.

В. Б. в своих «Воспоминаниях петербуржца о второй половине 80-х годов» говорит: «Мы условились собираться у Крутова по субботам. Кроме него участвовали все рабочие с Путиловского, Балтийского заводов и из порта. Бывали и некоторые другие . . . Систематических занятий не было; начал я было краткий курс русской истории, но так и не удалось довести до конца. Читали отдельные вещи из нелегальной литературы, не разбирая направлений, а больше вели разговоры на разные темы. Правильные и продолжительные занятия установить было довольно трудно. Пытались мы было выработать систематический курс, но большинство отнеслось к этому скептически, так как очень трудно было рассчитывать на то, что такой курс будет до конца пройден: слишком недолговечны были кружки при тогдашних условиях. Пришлось остаться при отдельных небольших курсах: краткие сведения по политической экономии (учение Маркса о ценности и прибавочной стоимости), сведения о рабочем движении на Западе, очерк истории культуры (происхождение классов, значение экономики в истории), история революционного движения в России, французская революция, о государственном устройстве на Западе и др.

«Центральный рабочий кружок составился естественным путем, рабочие туда не выбирались. В этом центральном органе никаких чтений не велось: задачи его были чисто практические, организационные; главным образом, устройство новых рабочих кружков и подыскивание для них интеллигентов. Таким образом, главная деятельность нашей рабочей группы сводилась к пропаганде, к развитию в рабочих политической созна-

---

[1]) В. Акимов (Махновец). «Очерк развития социал-демократии в России», 1906 г., стр. 11 и 12.

тельности. Отсюда, впрочем, не следует, чтобы мы игнорировали все другие способы борьбы; так, когда в начале 1891 года вспыхнула стачка в Порту (Новое Адмиралтейство), то наша группа приняла тут деятельное участие. Были выпущены нами две прокламации, одна к рабочим, другая к обществу. Группа собирала деньги для раздачи забастовщикам» [1]).

Характерно то, что и промежуточная группа, работавшая сначала параллельно благоевцам, а потом голубевцам и брусневцам, группа Точиского держалась того же метода. А Брейтфус, описывая собрание, на котором был утвержден устав «Товарищества санкт-петербургских мастеровых», выработанный и представленный на утверждение организации П. Точиского, говорит: «Проект прошел не в том виде, в каком его представил Точиский. Мною было внесено добавление, поддержанное Лазаревым, Аркадакской и Даниловой; добавление говорило: 1) о библиотеке нелегальной литературы, 2) о кассе помощи политическим ссыльным и заключенным рабочим. Точиский сильно протестовал, боясь большого увлечения «нелегальщиной», в которой видел больше вреда, чем пользы. Он говорил, что «нелегальщина» только будоражит голову, но не дает необходимых знаний и развития... Когда была устроена эта библиотека, он постоянно сдерживал меня (я был библиотекарем) и советовал не начинять рабочих этим материалом, а приучать их к серьезному чтению» [2]). Таким образом Точиский держался тактики не революционизирования рабочих, а внедрения в них знания и развития для того, чтобы приготовить из них вождей, способных руководить планомерной и систематической борьбой с существующим строем.

Другой из наследников благоевцев, В. Голубев, пишет: «Главной нашей работой была все-таки пропаганда, основной задачей которой было выяснение рабочим их положения, как рабочей силы, которая создает прибавочную стоимость. Отсюда переходили к выяснению капиталистических отношений, а затем к понятию о социализме. В качестве примера самодеятельности рабочего класса приводилась борьба рабочих на Западе. Однако, подходящей литературы, особенно для чтения самим рабочим, было очень мало, тем более, что народовольческой литературой прежних времен пользовались мы крайне неохотно, своя же социал-демократическая еще не народилась» [3]).

М. И. Бруснев, рассказывая историю одного из рабочих кружков той же питерской послеблагоевской оганизации, говорит: «В этом кружке велись занятия и по общему мироведению, и по истории и политической экономии; много времени отводилось на беседы на общеполитические темы, на положение рабочих, на вопросы организации рабочих и борьбы за лучшее будущее и проч. Исходя из постоянно ощущаемого недостатка в интеллигентах и из основного нашего принципа, что освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих, мы поставили себе главною и основною целью выработать из участников наших рабочих

---

[1]) «Минувшие Годы», № 2, 1908 г., стр. 191 и 196. Пора раскрыть эти инициалы (В. Б.). Они означают Виктор Бартеньев.

[2]) «Красная Летопись», 1923 г., № 7, стр. 329.

[3]) Вас. Голубев. «Страничка из истории рабочего движения» (памяти Н. В. Шелгунова). «Былое», XII, 1906 г., стр. 112.

кружков вполне развитых и сознательных социал-демократов, которые во всем могли бы заменить пропагандистов-интеллигентов. Согласно с этою целью, мы подробно разработали программу занятий для подготовки пропагандистов-рабочих. Программа эта была настолько обширна, что не могла быть применена для всех участников наших кружков. (Программа эта, несколько измененная, была впоследствии взята у меня при обыске в 1892 г.) Она предназначалась нами только для избранных и была, так сказать, нашей программой-максимум, наравне с которой существовала программа-минимум для занятий со всеми остальными членами наших кружков. Согласно с этим, мы распределили наши кружки на два разряда — высший и низший, при чем занятия в низшем разряде кружков, равно как и вербовка членов и организация кружков, были возложены на самих рабочих» [1]).

Описывая последний перед ссылкой период работы в рабочих кружках Питера, Вас. Голубев говорит: «К началу 1891 г. у нас снова было уже около 20-ти рабочих кружков. Направление пропаганды в кружках оставалось в сущности прежнее. Новым в чтениях с рабочими было — ознакомление их с политическим устройством европейских государств, а не только одна политическая экономия и рабочий вопрос, как в предыдущие годы. Кроме того, намечено было также две программы занятий — одна агитационного характера для малоподготовленных рабочих, другая — для более подготовленных, рассчитанная на более продолжительное время, включавшая в себя и естествознание, и историю культуры. В действительности, конечно, выполнялась только первая, так как продолжительность существования кружков была очень невелика. Развитие самодеятельности в рабочем движении поставлено было еще сильнее на первый план, чем прежде, а для этого нам снова пришлось взяться за организацию рабочих, имея в виду побольше обратить внимания на чисто экономическую борьбу рабочих» [2]).

Л. Красин, говоря о той же самой организации, которую принято называть брусневской, хотя фактически основы ее были положены еще до Бруснева Вас. Голубевым и В. Бартеневым, — пишет следующее: «До самого конца учебного года, т.-е. до весны 1890 г., я не припомню, чтобы в нашем кружке пришлось обсуждать какое-либо активное массовое выступление, в котором мне и моим слушателям приходилось бы принять непосредственное участие. Агитационные моменты нашей работы, таким образом, не получили еще тогда непосредственного практического применения. Это были семена, давшие всход впоследствии, в половине 90-х и начале 900-ых годов. Центром тяжести всей нашей работы того времени была, несомненно, пропаганда, так как организационная связь отдельных существовавших тогда в Петербурге кружков была также еще очень слаба, и первые зародыши совместных выступлений надо отнести к маю 1891 года и участию наших кружков в похоронах Н. В. Шелгунова. Зато пропаганда была поставлена

[1]) М. Н. Бруснев. «Возникновение первых социал-демократических организаций». «Пролетарская революция», № 14, 1923 г., стр. 20 и 21.

[2]) Вас. Голубев. «Страничка из истории рабочего движения» (памяти Н. В. Шелгунова), «Былое», XII, 1906 г., стр. 115 и 116.

с такой основательностью и даже академизмом, которых, вероятно, уже не наблюдалось в последующие годы. Мы рассуждали таким образом: чтобы сделать рабочего вполне восприимчивым к идеям социализма, чтобы подготовить действительных вождей рабочего класса, способных разобраться в трудной обстановке борьбы с капиталом и самодержавием, необходимо прежде всего познакомить их с основами естествознания и в особенности с теорией эволюции, переходя от эволюции планетных систем к эволюции органического мира и к эволюции человеческих обществ и их институтов» [1]).

Наконец, вот как характеризует работу человек, приставший к группе Бруснева уже в конце ее существования, — В. В. Святловский в статье «На заре российской социал-демократии»: «Я шел вечером с Лунеговым и одним из его соквартирантов в «кружок», на квартиру рабочего экспедиции, кузнеца Егора Афанасьевича Афанасьева, у которого должны были происходить «занятия». В довольно просторной комнате,—Егор в качестве кузнечного подмастерья, хорошо зарабатывал и имел не плохую квартиру, — уже собралось семь человек рабочих разного возраста. Сейчас же после нашего прихода началась лекция. Ее, к моему большему удивлению, читал рабочий Анюшкевич, занимавшийся в двух кружках преподаванием химии. Лекция была не первая, темою ее служил кислород. Изложение предмета сопровождалось небольшими химическими опытами, удачно произведенными. Все напряженно и внимательно слушали в течение полутора часов. По окончании лекции, очень удачной и обстоятельной, все были в приподнятом настроении; долго разговаривали. Из беседы выяснилось, что естествознание в кружке несколько хромало, так как руководители спешили перейти к политике. Рабочим же по некоторым предметам хотелось получить дополнительные и более обстоятельные сведения, так как вообще «учиться» желание было исключительно большое. Рабочие, между прочим, пожелали получить сведения о строении и древности земного шара, о древности человека. Я, как занимавшийся в Красноуфимском училище геологиею, взялся к следующему разу приготовить небольшую лекцию по этому предмету» [2]).

Так говорят воспоминатели, и не только руководители отдельных кружков, но и всей общегородской организации.

Что же говорят архивные памятники того периода? Возьмем на выдержку доклад М. В. Д. по делу А. Филимонова и Н. Богданова, т.-е. членов общегородского рабочего объединения, провал которых произошел в ноябре 1891 г.

«Рабочий Обуховского завода колпинский мещанин Федор Сухаревич показал, что с Александром Филимоновым он познакомился, посещая воскресную школу, устроенную фабрикантом Варгуниным, в селе Александровском, а затем при посещении Филимонова познакомился и с Богдановым. Еженедельно по вторникам и пятницам, отправляясь в школу, он заходил за Филимоновым по его просьбе, и они вместе шли в школу. По пути Филимонов иногда заводил с ним беседы на тему о положении

---

[1]) Л. Красин. «Дела давно минувших дней» (1887—1892). «Пролетарская Революция», № 3 (15), 1923 г., стр. 14.

[2]) «Былое», 1922 г., № 19, стр. 143.

рабочих; он говорил, что положение русского рабочего тяжелое и что это объясняется тем, что русские рабочие забиты фабрикантами и правительством, что положение рабочего в Западной Европе несравненно лучше потому, что там рабочие, как люди более развитые, понимают солидарность своих интересов и, постоянно усиливаясь, дают время от времени различными средствами почувствовать правительству свою силу; что одним из таких средств являлась манифестация 1-го мая, во время которой рабочие требовали установления законодательным порядком восьмичасового рабочего дня, и что, благодаря этому и другим предпринимаемым ими средствам, они добились того, что правительство принуждено было удовлетворить некоторые их требования, как, например, дало конституцию, свободу сходок, печати, вследствие чего им стало легче бороться с существующим экономическим строем. Поэтому, — говорит Филимонов, пора и русским рабочим стараться развивать себя, организоваться, устраивать стачки, добиваясь более широких прав: уменьшения числа рабочих часов, увеличения заработной платы; путем стачек стараться добыть для себя и политические права: учреждение конституции, основанной на общем избирательном праве, так, чтобы каждый рабочий мог из своей среды избрать депутата в правительственные учреждения и чтобы эти депутаты имели возможность при издании всякого закона соблюдать интересы своих избирателей. Далее, Филимонов объяснял ему, Сухаревичу, что права рабочих должны заключаться в том, чтобы каждый рабочий мог свободно и безнаказанно говорить согласно своим убеждениям, чтобы не было никакой цензуры и чтобы все преступления разбирались судом присяжных. Вообще же, чтобы добиться всего этого, нужно, — говорит Филимонов, — изменить существующий экономический и политический строй государства»[1]. Жандармы предъявили Сухаревичу, как они называют, воззвание, найденное у Богданова, начинающееся словами: «Очень жаль, товарищи». Жандармы, очевидно, тогда еще не знали, что это не воззвание, а одна из речей, произнесенных на питерской маевке 1891 г. Сухаревич признал, что сказанное ему Филимоновым соответствует содержанию этой речи.

Как видит читатель, Филимонов — этот старейший из рабочих социал-демократов, еще со времен кружка Точиского,—очень хорошо разбирался в социал-демократической программе, весьма умело и талантливо вел пропаганду этой программы перед серым рабочим. Но ведь здесь даже никакого намека нет на призыв к штурму абсолютизма, как нет его ни в помянутой маевке 1891 г., ибо она являлась простым парадом организованных и распропагандированных рабочих, ни в демонстрировании организацией рабочих на похоронах Шелгунова. Приведенные цитаты о бруснёвской организации из воспоминателей о ней, а также только что цитированного доклада свидетельствуют только о том, что метод работы был исключительно культурно-пропагандистский с налетом экономизма. Даже тогда, когда они шли от пропаганды к агитации, они еще не могли сойти с почвы экономизма (припомните свидетельство В. Б. о стачке в Новом Адмиралтействе).

---

[1]) Дело деп. пол., 3 делопр., № 643, 1897 г. См. также прилож. № 14.

Что же это было: злостный экономизм или невозможность выполнить программу, с которой пропагандисты в принципе соглашались? Плеханов сам потом, в примечании к предисловию к Туну, осуждая непонимание роли «революционной бациллы», проявленное экономистами, сказал: «Говоря это, я имею в виду собственно теоретиков экономизма, которые договаривались до выводов, совершенно несогласимых ни с основными положениями марксовой исторической теории, ни с общепризнанными задачами международной социал-демократии. Но экономисты, занимавшиеся практическим делом, нередко играли ту самую роль революционной бациллы, которая осуждалась теоретиками, и потому имели благотворное влияние на рост нашего рабочего движения. Я думаю, что уже пора отдать им эту справедливость» [1]).

В. Святловский, имевший возможность наблюдать работу группы Бруснева и сам принимавший в этой работе участие, пишет следующую апологию экономистам поневоле—брусневцам в помянутой ранее мною статье. «М. И. Бруснев направлял своих товарищей в том понимании рабочего дела и рабочего движения, которое казалось тогда единственно правильным и возможным. Как М. И. Бруснев, так и остальные наши интеллигенты, уже стояли на строго марксистской точке зрения и были вполне законченными социал-демократами, хотя, быть может, с преобладанием «экономизма» над «политикой». На их долю выпала Сизифова работа. Им приходилось заниматься, так сказать, с «азов», в полном духовном мраке и среди одуряющего невежества. Занятия естествознанием, а подчас и грамотой, вызывались не программными соображениями, а прежде всего тою необходимостью, которая создавалась условиями тогдашней рабочей среды. Отсюда понятно, что слагавшийся метод был не метод доктринерства или теоретического изменения, а был вызван и усвоен пропагандистами под влиянием окружавших обстоятельств. Большинство рабочих, — кроме поименованных выше наиболее сознательных личностей, — не только не было подготовлено к партийной работе, но не умело даже читать, просто боялось кружковых рабочих. Возвышаясь в отдельные моменты стихийного подъема против поработителей и эксплоататоров до сознательных и активных требований, рабочие в массе еще мало были способны скристаллизовываться в отдельные организации и продолжать деятельную работу в моменты перемирия между стачками. Надо перенестись в тогдашние условия, и, как сравнительно время ни близко (каких-нибудь тридцать лет), не следует модернизировать петербургскую рабочую массу конца удушливых 80-х годов. Вот почему брусневской группе, параллельно с занятиями политическими и экономическими вопросами, приходилось внедрять начатки общего образования и общего воззрения» [2]).

Приводя столь многочисленные выдержки из воспоминаний самих участников и руководителей работы питерских кружков, я стремился заставить самих их разсказывать, что работа их представляла культурническо-пропагандистский экономизм на всем продолжении периода с 1888 г.

---

[1]) Г. Плеханов. Предисловие к русскому изданию. А. Тун. «История революционных движений», Госиздат, 1920 г., 2-е изд., стр. 60.

[2]) «Былое», 1922 г., № 19, стр. 150 и 151.

по 1892 г. и решительно отличалась от того, к чему призывала программа группы «О. Т.» 1887 г. Дальше я заставлю их рассказать, почему они держались этого метода и какие трудности нужно было преодолевать, чтоб добраться до рабочего и втолковать ему элементы программы.

Нужно принять во внимание ту тяжелую полицейскую обстановку, в которой приходилось вести работу, нужно помнить ту среду, в которой эту работу приходилось проводить. Вот свидетельства воспоминателей о тех приемах, к которым приходилось прибегать, чтобы только проникнуть до рабочего.

Брейтфус в своей помянутой статье говорит: «Питерские революционеры встретили появление новой организации крайне радушно. Через Точиского и Лазарева были получены связи с рабочими на заводе Берда, где Точиский работал в качестве слесаря, а Лазарев в качестве молотобойца. Связи эти были использованы в полноте лишь впоследствии. Время это было тяжелое, когда связи с рабочими были потеряны, когда интеллигенция в среду рабочую проникать не могла. Дворники, перешедшие на службу полиции, зорко следили за каждым живущим в доме рабочим, и те, которые не занимались пьянством, брались на подозрение» [1]).

Свидетельства Брейтфуса относятся к началу второй половины 80-х годов. А Святловский, описывая уже 1891 г., говорит:

«Лунегов, сын интеллигентных родителей, забросив аттестат своей школы, поступил слесарем на какой-то механический завод, выдавая себя за простого рабочего. К моему приезду Лунегов уже совсем преобразился. Одетый как заправский петербургский рабочий, он жил где-то в комнате вместе с двумя молодыми рабочими — товарищами по заводу» [2]).

Этот прием, заимствованный еще от народников 70-х годов, оказывался не изжитым вплоть до середины 90-х годов даже в таких культурных центрах, как Москва.

С. Мицкевич в своей статье «Очерки истории московской партийной организации» говорит: «Много связей среди рабочих передал нам Андрей Карпузи, интеллигент, пошедший на завод в качестве рабочего-слесаря и работавший, помнится, на заводе у Вейхельта» [3]).

Нужно было и много данных, чтобы принять на себя миссию рабочего пропагандиста. Голубев в своей помянутой статье говорит: «От пропагандиста непременно требовалось знакомство с Марксом, знание рабочего вопроса и истории европейских революций. Требовалось немало и чисто личных качеств. Надо было быть «подходящим человеком» как с внутренней, так и с внешней стороны. «Подходящим» считался человек простой, умевший отнестись к рабочим душевно, внимательно, так как во главу пропаганды ставилось сближение с рабочими, а не агитация. Надо было и с внешней стороны хоть немного походить на рабочего, что представлялось важным и с точки зрения знакомства с нераспропагандированными рабочими, и с точки зрения чисто полицейских условий. Наконец, как

---

[1]) «Красная Летопись», № 7, стр. 328.

[2]) В. В. Святловский. «На заре российской социал-демократии» «Былое», № 19, 1922 г., стр. 142.

[3]) Сборник № 2. «На заре рабочего движения в Москве», Госиздат, изд. М., 1919 г.

это ни странно с точки зрения современности, но тогда приходилось считаться и с вопросом национальным и принимать во внимание националистические предрассудки мало развитых рабочих» [1]).

Само собой разумеется, что при таких полицейских условиях и в условиях обслуживаемой пропагандистами среды, приходилось прибегать к самой строжайшей конспирации в организации.

«Сам Точиский был крайне осмотрителен и осторожен с рабочими, он привлекал их к своему делу только после тщательных повторных проверок. При этом он даже избегал вовлекать в свое дело рабочих, уже задетых пропагандой, считая их испорченными революционным авантюризмом. Так по крайней мере, он относился к Нилу Васильеву, рабочему лет за 50, распропагандированному еще чайковцами или нечаевцами. Каждым промахом последнего он пользовался, чтобы подчеркнуть результат интеллигентской пропаганды. Он предпочитал вербовать свежих рабочих» [2]).

В той же организации Точиского, даже в центральной части его кружка конспирация была так тщательно проведена, что не только жандармы не могли определить, кто в нем участвовал, но даже сами участники не знали остальных, даже не знали, из какого завода или района были эти товарищи. Поэтому Брейтфус смог раскрыть только одну кличку Е. Афанасьева да и то только после случайной встречи с ним через 30 лет. Остальные клички рабочих, принимавших участие в центральном кружке, остаются и по сей час не раскрытыми. Та же самая конспирация была и в кружке Бруснева. Красин пишет:

«Я вступил в кружок Бруснева, Цивинского и других, но так как организация кружка была строго конспиративная, то о деятельности его во всем его объеме мне сообщалась еще очень немного. Из опасения провала всей организации вновь привлекаемые члены стояли в сношениях лишь с одним или двумя членами кружка, не зная ни адресов, ни прозвищ остальных членов. Это были первые социал-демократы, с которыми мне пришлось столкнуться. Конечно, о каком-либо стройном законченном мировоззрении, которое в то время (осень 1890 г.) несомненно было у Г. В. Плеханова и его товарищей, тут еще нельзя было говорить» [3]).

Эта конспирация не прекратилась и в позднейший период деятельности группы Бруснева. Так, Святловский, работавший только с 1891 г., говорит: [4])

«Занятия с кружком геологиею, новые знакомства в кругу рабочих и особенно жизнь на квартире столяра Василия Иванова дали мне возможность сблизиться с рабочими, а затем и приглядеться к целому ряду других рабочих кружков. Вскоре я узнал, что таких же интеллигентов, как я,

---

[1]) «Былое», 1906 г., XII, стр. 108. А. Карелин и В. Шелгунов, стоявшие в центре организации и постоянно встречавшиеся с Голубевым, узнали только в начале 900-ых годов, что занимавшийся с ними «Василий Семеныч» и был Голубев. До последней встречи они считали Семеныча рабочим.

[2]) Андрей Брейтфус. «Точиский и его кружок». «Красная Летопись», № 7, 1923 г.

[3]) Красин. «Дела давно минувших дней» (1887—1892). «Пролетарская Революция», 1923 г., № 3 (15).

[4]) В. В. Святловский. «На заре российской социал-демократии», «Былое», 1922 г., № 19, стр. 143 и 144.

в кружках вращалось несколько. Некоторых из них я знал только в лицо, других по имени, чаще же всего по конспиративной кличке. Я тоже, как и все, получил какое-то имя и отчество, но я его всегда забывал и на него обыкновенно и не отзывался. И Лунегов, и Егор Афанасьевич одно время приучали меня тщетно к какому-то конспиративному наименованию, но из этого ничего не вышло. В кружки, сходные с нашим, входило в общей сложности несколько сот петербургских рабочих, преимущественно крупных фабричных предприятий. Кружки были небольшие, по 7 — 8 человек; они собирались очень конспиративно. Вообще «конспирация» процветала. Я помню, что Лунегов, с первых же дней наших совместных странствований по рабочим квартирам, требовал от меня, чтобы каждый раз, когда мы проходили даже мимо городовых, мы меняли тему разговора. Иногда же, по данному им знаку, мы и совсем умолкали. Тех же правил придерживались мы и при дворниках под воротами, и в пивных, куда мы иногда заходили, — словом всюду, где были посторонние лица. Точно также и при рабочих из других кружков не было принято говорить о своих делах или на интересующие нас интимные темы. Относительно всех дел, касавшихся непосредственно организации, соблюдалась особенно строжайшая конспирация».

Заканчивая свою апологию брусневского культурнического экономизма, В. Святловский говорит:

«Культурничество... было, но не как ударная программа, а только как определенная часть большого дела, часть, которая имела свое место и время. Скороспелость осуждалась. Сознательное усвоение классового мировоззрения и революционного марксизма требовало постепенности прохождения и усвоения. Социализм рассматривался, как мировоззрение, определявшее задачи всей жизни и направляющую силу поведения. Отсюда глубина постановки пропагандистской работы, начинавшейся с естествознания, а в иных случаях, в силу необходимости, и с грамотности.

В эту эпоху—период кружковщины, в лучшем ее смысле,—все стремления были направлены к тому, чтобы выработать из рабочих не только без пяти минут революционеров, но революционеров сознательных и подготовленных к самостоятельной работе. Эти рабочие должны были обладать определенным философским и экономическим кругозором, при помощи которого они могли бы явиться самостоятельными пропагандистами и активными работниками» [1]).

VII.

Одним словом вся работа голубево-брусневцев среди питерских рабочих сводилась к выработке из них Бебелей и Либкнехтов. Больших задач—при наличной степени развития пролетариата, при наличной степени активности в его среде—еще не представлялось возможности ставить.

Но может быть такая мирная культурно-пропагандистская работа велась в Питере группой Бруснева-Голубева только потому, что она являлась наследником культурников-благоевцев, державшихся именно этой

---

[1]) «Былое», 1922 г., № 19, стр. 152 и 153.

тактики, которую они прокламировали urbi et orbi еще в своей программе [1])?

Посмотрим, что же делалось тогда в провинции. Мы берем свидетельства о ростовских кружках и трех пропагандистов, характеризующих работу на переломе между 80-ми и 90-ми годами в трех пунктах: Одессе, Москве и Нижнем. Один из пензенских «экономистов», упоминаемый нами ранее Н. А. Мотовилов, перебрался в 1888 г. в Ростов на Дону, по словам жандармов, будто бы для организации ростовских железнодорожных рабочих. И, действительно, в 1890 г. жандармами была раскрыта его рабочая организация. Проникший в организацию предатель, известный уже по предательству в харьковском деле, Михаил Курелюк, так характеризует революционное миросозерцание Мотовилова: «Когда приехавшие в Ростов делегаты Веденьев, Кондратенко и Чайкин стали излагать Мотовилову и Богоразу систему организации своих кружков и когда выяснилось, что в Харькове существует одна общая программа, то Мотовилов этого не одобрил, как вообще не одобрил всю систему харьковской организации, хотя и это последнее, и система, введенная Мотовиловым в последнее время в Ростове, и по основной идее, и по своей конечной цели были совершенно одинаковы, т.-е. представляли собою видоизмененную и общеизвестную программу народников, заключающуюся в цели достижения социально-экономического переворота и переустройства формы государственного правления, по возможности мирным путем, без всяких насилий» [2]). Надо заметить, что харьковская организация Ювеналия Мельникова представляла собою переходную ступень от народничества к социал-демократизму. Поэтому «экономист» Мотовилов и не согласился с их системой. А что касается до квалификации Курелюком Мотовилова, как народника, то не надо забывать, что в тот период марксистов часто называли «новыми народниками», в отличие и от старых народников и от народовольцев. Далее Курелюк, характеризуя метод работы, говорит: «Не знаю, принадлежит ли система Мотовилова его личному изобретению, или же усвоена им от кого-либо другого, но во всяком случае я заметил в ней много оригинального. Так, например, нелегальная литература не только не служила главным основанием пропаганды, но употреблялась только в крайней необходимости, да и то с крайним разбором». «Главным руководством . . . служили издания легальные . . ., которые могли бы служить темой для комментария, который составлял всю суть мотовиловской системы».

---

[1]) Программа их говорит:

«В отдельных случаях крестьянских волнений... инициатива должна принадлежать самому населению, наше дело только указать наилучшие приемы... содействовать осуществлению готового стремления, когда оно справедливо»... «В среде городских рабочих, проводя те же идеи, что и среди крестьян, мы должны обратить особое внимание на их политическое воспитание». И далее: «Но активное их выступление на поприще политической борьбы желательно не ранее, чем они составят значительную силу; иначе все частные попытки будут легко раздавлены и поведут к деморализации... Поэтому в случае отдельных волнений среди рабочего населения... мы относимся, как и к подобным же явлениям в крестьянском деле». «Былое», 1918 г., № 13, стр. 46 и 47.

[2]) Дело деп. пол., I-115, 1890 г., лист. 123. См. также приложение № 17.

Чтобы не оставить никаких сомнений у читателя относительно социал-демократизма Мотовилова, я приведу следующий отзыв его товарищей по работе, заимствованный из тех же показаний Курелюка, который, повидимому, не имел представления о марксизме, ибо его задача была лишь подороже продать жандармам предаваемую организацию. «Не могу сказать, однако, чтобы все они (товарищи Мотовилова по работе. Н. С.) были довольны системой Мотовилова, требующего от каждого деятеля строгой сдержанности и последовательности; иногда выражались отдельные мнения, что с Лассалями и Марксами далеко не уедешь» [1]). Из этого следует, что программа работы среди рабочих была построена на Марксе и Лассале, а, следовательно, она не могла быть ни народовольческой, ни народнической, ибо в этот период отношение народников к Марксу уже было враждебное. Да и, кроме того, самый метод работы Мотовилова является крайне характерным для марксистов конца 80-х и начала 90-х годов. Его игнорирование крестьянства также характерно в этом же отношении.

В 1890 г. Мотовилов был изъят из обращения и ввергнут в узилище. И что же, работа замерзла? — Ничуть не бывало. В следующем же году Мотовилова сменяет другой пензяк Алабышев, товарищ изъятого Мотовилова по Казани. В 1893 г. был пойман и Алабышев. Вот что говорит по его делу доклад Особому Совещанию: «На основании результатов расследования откровенных показаний: рабочих Руделева и Победимского, заявления умершего Ветрова и агентурных наблюдений, характер и развитие революционной пропаганды в Ростове на Дону представляются в следующем виде: Обнаруженное революционное движение в Ростове на Дону является последствием преступной агитации членов так называемого сообщества «Народной Воли», обосновавшихся там еще до 1885 г. Затихнувшее на некоторое время после разгрома революционных центров в 1885 и 1886 г.г., оно в 1889 г. вновь возобновилось под влиянием счетовода управления Владикавказской железной дороги дворянина Николая Мотовилова, энергия которого и личные связи много содействовали сосредоточению революционной пропаганды, главным образом, в мастерских Владикавказской железной дороги, которые и до настоящего времени служат главным центром и рассадником вредного направления среди ростовских рабочих. В течение 1889 г. Мотовилов организовал по особой программе в Ростове целую сеть мелких рабочих кружков, руководимых интеллигентными его сотрудниками. Своевременное раскрытие, формальным дознанием, преступной деятельности Мотовилова и его сообщников вновь приостановило на время деятельность рабочих кружков. Приняв в свои руки дело, начатое Мотовиловым, Алабышев продолжал его по той же системе, дополнив и изменив прежнюю программу лишь тем, что чтение и хранение подпольных изданий было совершенно изъято, как безусловно вредное, и направление пропаганды было направлено исключительно на почву социально-экономическую и вместе с тем был преобразован и устав рабочей кассы» [2]).

Сказанное касается ростовских кружков периода 1888—1893 годов. Посмотрим, какую и как вели работу в Одессе.

---

[1]) Тоже дело департамента, лист 124.

[2]) Дело деп. пол., 3 делопр., № 1074, 1897 г., листы 36 и 37.

О работе своей в 1890 г. среди одесских рабочих Гольдендах говорит, в показании 18 декабря 1891 г. на вопрос Пирамидова, по своей ли инициативе он начал эту пропаганду:

«Побудило меня к тому желание узнать степень приложимости на практике исповедуемых мною теорий на российской почве. Я желал достигнуть этим путем того, что вытекает из моих воззрений: развитие рабочего класса в духе социалистических идей и подготовление рабочего класса при следующей фазе общественного развития, которая необходимо должна наступить после нынешней и будет характеризоваться коллективною собственностью на орудия производства. В какой форме это произойдет, пока трудно сказать. Это будет зависеть от степени развития как господствующих, так и правимых классов, т.-е. если правящие классы сознают необходимость этой фазы развития, то это произойдет, вероятно, мирным путем, как это делается в Англии; если не уступят, то, вероятно, путем революции, как во Франции».

Далее, в показании от 19 декабря 1891 г., он говорит: «В своих занятиях с рабочими я всеми средствами, имевшимися в моем распоряжении, старался освоить их с мыслью о том, что существующий строй не представляет собою чего-либо неизменного, а есть результат исторического процесса и сам подвержен изменениям. Например, пользовался примерами из жизни диких народов для того, чтобы показать изменчивость всех общественных учреждений и понятий, как-то: семьи, брака, нравственности, государства и т. д. Говорил ли я рабочим и спрашивали ли они, каким путем следует изменить существующий строй в России? Спрашивали часто. Любопытно при этом заметить, что при разборе различных средств для улучшения положения рабочего класса встречались среди разных мнений, в роде необходимости отмены податей, и вопросы о том, не виноват ли во всем Синод или государь. Я обыкновенно объяснял, что зависит не от этих причин, а от общественных условий, как это и следует сообразно исповедуемому мною учению» [1]).

Может быть скажут, не в интересах Гольдендаха было излагать перед жандармами свои политические призывы? Но ведь и не в интересах было излагать свое credo. Тем не менее, он его декларировал, как и большинство марксистов первой половины 90-х годов. И он же не стал бы скрывать, даже перед жандармами, если бы он действительно был последователем тактики программы группы «Освобождение Труда». Кроме того, как известно, в результате его пропаганды не произошло никакого даже на чисто-экономической почве массового выступления. Задача его была — освоить рабочим мирным путем принципы социал-демократии.

Описывая более поздний период в Одессе, продолжатель Гольдендаха Ю. Стеклов говорит: «В общем же пропаганда была поставлена у нас приблизительно следующим образом. Рабочим выяснялся общий характер капиталистического развития, порождаемые им социальные антагонизмы и конечная цель, к которой стремится буржуазный строй, словом, излагалась теория Маркса. Далее выяснялись исторические задачи пролетариата, описывались различные формы его экономической и политической

---

[1]) Дело одесского жанд. управл., № 160, т. I, 1891 г., листы 103—109.

деятельности, рассказывалось об его исторических судьбах и наиболее крупных исторических выступлениях (движение чартистов, лионское восстание, февральская революция, июньские дни, коммуна, деятельность немецкой социал-демократии и французской рабочей партии и т. п.). Затем мы переходили к России, рассматривали крестьянскую реформу 1861 г., разорение крестьянского хозяйства, разложение кустарных промыслов, развитие крупной промышленности и указывали на специальные задачи, поставленные историей перед русским рабочим классом, который не только должен вести социальную борьбу с буржуазией, но и добиться политического освобождения страны. Мы объясняли нашим рабочим, что история, таким образом, возложила на них двойную, а следовательно, и более тяжелую задачу, но в то же время и более благодарную и грандиозную, так как они могут принять участие в буржуазной революции, как вполне сознательные социал-демократы, а значит добиться в момент общего переустройства русской жизни таких крупных завоеваний для рабочего класса, которых в нормальное время добиться очень трудно, если и не невозможно (конечно, до социализма)» [1]).

Ни о какой агитации не только политической, но даже и экономической борьбы нет ни полслова. Экономическую борьбу нельзя было навязать; она приходила сама собой, когда назревал какой-нибудь конфликт между хозяевами и несорганизованной еще, но чутко отзывающейся на экономический «прижим» массой.

С. И. Мицкевич в своей статье Илларионовского сборника материалов «На заре рабочего движения в Нижнем-Новгороде», описывая начальный период кружковой работы в Нижнем, говорит следующее: «Работа вообще велась чисто кружковая, не было еще попыток перейти к устной или печатной агитации. В работе сохранялась строжайшая конспирация; с рабочими знакомились только те, кто вел с ними непосредственную работу в кружке; рабочим, занимающимся в кружках, не рекомендовалось вести агитационных разговоров с широкой массой, в кружки привлекались только особенно надежные товарищи по работе. Мне запомнился разговор с Скворцовым в это время на тему о вероятном дальнейшем ходе рабочего движения в России; он нарисовал такую картину: во всех промышленных центрах образуются кружки рабочих, изучающих марксистскую литературу; число их постоянно растет, они заводят между собой связи и образуют рабочую социал-демократическую партию, которая уже поведет борьбу с правительством и капиталистами. О формах борьбы, об агитации, об использовании стачек, о демонстрациях, он ничего не сказал, очевидно, тогда еще не выяснились те формы рабочего движения в России, которое оно приняло в дальнейшем» [2]).

Далее тот же С. И. Мицкевич, развивая более подробно метод работы, проводимый Скворцовым, говорит следующее в другой книге: «Расскажу, как велось дело, например, в Н.-Новгороде. Такое ведение дела, насколько мне известно, было типичным и для других городов

---

[1]) Ю. М. Стеклов. «Из воспоминаний о социал-демократическом движении среди одесских рабочих в 1893—1894 годах», «Минувшие Годы», № 9, 1908 г., стр. 236 и 237.

[2]) «Материалы по истории революционного движения», т. II, стр. 10.

в 1892—1895 г.г. В Нижнем, в 1892 г. были заведены связи с рабочими, образовался рабочий кружок, в который входили человек 12 рабочих. Они основательно штудировали Маркса, прочитали весь I том «Капитала». Агитировать на заводах им запрещалось ради конспирации. В конце концов, из этих рабочих вырабатывались нередко интеллигенты, оторванные от рабочей массы и смотрящие несколько свысока на своих товарищей-серяков. Но находились некоторые товарищи, которые считали такой тип ведения дела вполне правильным и нормальным; так, один марксист в Нижнем говорил, что он не может рабочего считать социал-демократом прежде чем он не изучит всего Маркса; на брошюры, а тем более на листки он смотрел с презрением и считал их не только не полезными, но даже вредными; просто все рабочие должны читать «Капитал». Ход развития рабочего движения он представлял так, что постепенно будет увеличиваться число рабочих, изучавших Маркса, они будут привлекать к этому изучению все новых членов; современем вся Россия покроется такими кружками, и у нас образуется рабочая партия. Это был крайний представитель кружковщины» [1]).

О характере работы в третьем пункте, в Москве, тот же С. Мицкевич пишет следующее: «Программа занятий в кружках была такова: сначала толковалось о первоначальном накоплении, об образовании капитала, далее, беседа за беседой, излагался I том «Капитала», при чем изложение иллюстрировалось примерами из русской жизни и, таким образом, попутно рисовалась картина положения рабочего класса в России по Дементьеву, Погожеву, Эрисману и др., потом трактовалось о конечной цели рабочего движения, о социализме, и доказывалось, что первым этапом по пути к социализму должно быть завоевание политической свободы, которое может быть у нас совершено только рабочим классом» [2]).

И здесь дальше внедрения мысли в распропагандированных одиночках о необходимости завоевания политической свободы не пошли. Но от этого до штурма абсолютизма, к которому призывала программа группы «Освобождение Труда»,—дистанция огромного размера. По сути дела это тот же экономизм и культурничество, о которых говорили воспоминатели деятельности группы Бруснева; они были типичными не только в период конца 80-х и начала 90-х годов и не только в Питере, но они же являлись нормальными в середине 90-х и даже в конце этого десятилетия в некоторых остальных пунктах рабочей пропаганды.

С. И. Мицкевич, описывая работу своего московского кружка позднейшего периода, говорит: «Правда, главное содержание нашей пропаганды и агитации было экономическое: говорилось о плохом положении рабочих, об эксплоатации со стороны хозяев, о необходимости борьбы с капиталистами; но сейчас же указывалось, что у нас эта борьба крайне затруднена: нет ни свободы стачек, ни свободы собраний и союзов; указывалось, что правительство преследует рабочих за борьбу с хозяевами, что оно всегда защищает

---

[1]) С. Мицкевич. «Очерки истории московской партийной организации». Сборник № 2. «На заре рабочего движения в Москве». Госиздат. М. 1919 г., стр. 25 и 26.

[2]) С. Мицкевич. «Очерки истории московской партийной организации». Сборник № 2. «На заре рабочего движения в Москве». Госиздат. М., 1919 г., стр. 24.

интересы капиталистов и что для успеха в экономической борьбе необходимо добиваться изменения политического строя; приводились примеры из западной жизни, где порядки другие, где рабочие имеют участие в управлении государством, где обеспечен известный минимум свобод, а потому рабочие и добивались многих улучшений в своем положении. Доказывалось, что все эти завоевания есть результат борьбы, к каковой и призывались русские рабочие. Эти мысли старались провести в каждом листке, в каждой брошюре и пользовались для этого каждым представляющимся случаем: отказ в жалобе, поданной фабричному инспектору, отказ в каком-либо ходатайстве рабочих со стороны генерал-губернатора, благодарность царя фанагорийцам за расстрел рабочих (в Ярославле, в 1895 г.), — все это служило поводом для выяснения связи экономики с политикой».

«Благодаря нашей тактике, успешно достигалась и цель политического воспитания массы. Один пример развития политического и религиозного сознания, достигнутого тем, что мы начинали с экономики, я приведу здесь. Один рабочий говорил мне, что наша тактика, сравнительно с прежней народовольческой, скорее приводит к цели — развития политического сознания у рабочего. «Несколько лет тому назад, — рассказывал он, — жил я в Туле, на ружейном заводе; там один рабочий стал мне говорить, что царя не надо, бога нет. Я слушал, слушал его, да как дал ему по роже, да и ушел от него; а вот, как я прочел ваши листки, то я понял все правильно и о царе, и о боге» [1]).

А. Н. Рябинин, описывая пропагандистскую работу социал-демократов 90-х годов в Иваново - Вознесенском районе, объясняет культурничество и экономизм их так [2]) в статье «Р. М. Семенчиков»: «Поставивши себе целью просвещение рабочих, Р. М. Семенчиков, естественно, примкнул на первых порах своего развития к тому течению, которое потом окрестили названием «экономизма». Оно не было, в сущности, никогда принципиально аполитическим, но принуждено было в виду темноты рабочих, естественно, считаться с условиями работы в этой среде. Надо было пробить брешь в стенах невежества и недоверия, надо было спавшему великану показать дремлющие в нем силы, — и Р. Семенчиков и его единомышленники со всем пылом прозелитизма и молодости принялись за выполнение этой трудной задачи. «Рабочие смотрели на нас, как черти на попа, и на каждом шагу мы слышали подлый шопот и укор в нашем безбожьи и непочтении к царской власти. Трудно было найти единомышленников, но они все-таки были, и это обстоятельство влило в нас энергию еще ревностнее приняться за начатое дело», — говорит тот же Талантов».

В результате такой культурническо-пропагандистской работы, направленной к выработке из пропагандируемых рабочих, как тогда говорили, Бебелей и Либкнехтов, появлялись такие восторженные и самоотверженные работники, как П. А. Курочкин, о котором Рябинин говорит в статье «Об «Экономизме» и «Экономистах» 90-х годов в Иваново-

---

[1]) С. Мицкевич. «Очерки истории московской партийной организации». Сборник № 2. «На заре рабочего движения в Москве». Госиздат. М., 1919 г., стр. 30.

[2]) «Материалы для биографии Р. М. Семенчикова» (1877—1911), Госиздат. 1922 г., стр. 6.

Вознесенском районе (памяти П. А. Курочкина)» — следующее: «В начале весны 1899 года в московской губернской тюрьме (Каменщики) умер ивановский рабочий П. А. Курочкин. Смерть его для меня была тяжелой утратой, так как покойный был мой хороший товарищ. Принадлежал он всецело к вновь народившемуся типу «интеллигентного рабочего» г. Иваново-Вознесенска. Тип этот, тогда еще не вполне сложившийся, впоследствии не прошел бесследно для истории рабочего движения в России. Представителей именно этого типа видели все уездные тюрьмы Владимирской губ., не говоря уже о тюрьмах московских и «Крестах». «Убеждения таких интеллигентных рабочих еще отличались тогда какой-то расплывчатостью. Их стремления были более общеобразовательного характера, чем политического. Здесь еще уживались целиком идеи Фурье, Оуэна, Луи Блана, Сен-Симона, Лассаля, Маркса, Толстого и др. Здесь увлекались Дарвином, Спенсером, Кантом и всем, что только могло интересовать интеллигентных читателей из рабочих. Среди них обращалась литература весьма многочисленная и разнообразная, выписывались также лучшие журналы. Мое знакомство с такими рабочими началось на одной из деревенских гулянок, близ гор. Иваново-Вознесенска. Человек я был благонамереннейший, но любитель чтения отчаянный, или запойный, как смеялись товарищи, говоря о моем пристрастии. Сначала возможность получать самую лучшую и новейшую литературу, а далее симпатии молодой неиспорченной души к лучшему и разумному привязали меня к этим действительно симпатичным людям. Чтение разумных книг подготовило ум к критической оценке окружающего; ясно было, насколько выше своей среды стали эти, пока одинокие, люди. Быть может, среди их руководителей, преимущественно из учащейся молодежи, и были люди, имевшие цели политические; но что касается до описываемых типов, между ними большой редкостью была нелегальная литература. Между тем теперь какой-нибудь оболтус, не понимая ни уха ни рыла, всем и каждому тычет в нос какую-нибудь брошюру, часто сам не понимая ее значения. Как сейчас вижу я кого-нибудь из экономистов говорящим: взгляд прямой, голос смелый, в нем звучит убеждение пророка, вся фигура являет энергию, стремление к истине и ненависть к неправде. Убеждения, принимаемые со строгой критической оценкой, отстаивались чуть не фанатически. Их силы почерпались в кружках, имевших интеллигентных руководителей» [1]).

Даже во второй половине 90-х годов лозунг политической агитации был еще несвоевременным. А в некоторых местах даже и экономическая агитация не прививалась. Экономика страны и момент, переживаемый экономикой страны, не давали еще питательной почвы для такой тактики работавших социал-демократов.

И. Степанов, например, работавший во второй половине 90-х годов в Туле, в своей небольшой статейке, называемой «Из воспоминаний», говорит: «Но у нас не было действительной массовой работы. Кружки множились и росли. С оружейного завода, где мы прежде всего нашли почву,

---

[1]) Там же, стр. 12 и 13.

мы, хотя и с большой медленностью, начали завязывать связи с Патронным заводом, с самоварной фабрикой Баташева, с механическим заводом Бойцурова, с только что возникшим чугунно-плавильным заводом на Косой горе. Тогда дело явно стало приобретать характер массовой работы. Но это было уже в 1900 г., когда я уехал из Тулы, и когда надвинувшийся кризис произвел великий сдвиг среди рабочего класса. Напротив, пока мы сидели на Оружейном заводе, мы никак не могли выбиться из кружковой, чисто пропагандистской работы. Харьковский социал-демократический кружок, с которым у нас были наиболее тесные связи, упрекал нас за это, прислал на продолжительное время одного товарища, который должен был сдвинуть нас с мертвой точки. Но из этого ничего не вышло... «Экономизм» нас не коснулся. Но и от практической политики мы были далеки» [1]).

Стихия экономики страны похожа на волнующееся море. В одних местах волна ее достигает кульминационной высоты обострения классовых противоречий, в этих местах пролетариат охотно переходит к массовой экономической борьбе, как в Питере в 1895 г. или в северо-западном крае. В других, напротив, чувствуется отлив, настроение спадает, или еще не дорастало, революционная работа не клеится. И нужен толчок, подобный указанному И. Степановым,—«надвигающийся кризис», чтоб вывести массу из равновесия, пойти на агитацию. Степанов здесь рассуждает как марксист, но не как марксист рассуждает Акимов, характеризуя кружковой период северо-западного края, т.-е. период 85 — 92 г.г. Он говорит: «В польской литературе был высказан упрек, что «искание и приспособление методов борьбы, формул, могущих стать боевым кличем для самых широких слоев пролетариата, составляет содержание последующей агитационной и организационной работы социал-демократического западного края». Через восемь лет эта цель революционеров социал-демократов была достигнута с появлением в 1897 г. Бунда. Но в ту эпоху, о которой теперь идет речь, в этом направлении были сделаны еще только первые шаги. В это время не только нельзя было думать о руководстве рабочим классом, но надо было еще установить связи хотя бы с отдельными из рабочих: социал-демократическая организация не только не была выразительницей рабочего класса, его авангардом, неразрывно с ним связанным,—но эти две части будущего целого стояли обособленно, не имея даже точек соприкосновения». И далее: «Это был подготовительный процесс в развитии социал-демократического рабочего движения в западном крае (85—92 г.г.). Рабочий класс играет в это время чисто пассивную роль: с одной стороны, исключительные условия быта рабочего формируют в нем характерную психологию пролетария, с другой стороны, интеллигентные идеологи пролетариата, революционеры социал-демократы выхватывают из среды отдельных лиц, подготовляя в них будущих агитаторов. Группа интеллигентов, получавшая революционное крещение от народовольцев и принявшая затем социал-демократические принципы, пытается вызвать рабочий класс к политической жизни путем пропаганды своих идей в кружках рабочих. Это средство

---

[1]) Сборник № 2. «На заре рабочего движения в Москве». Москва. 1919 г., стр. 102 и 103.

оказалось недействительным: широкие слои рабочего класса остались недоступны пропаганде»[1]).

Не только скептическое, но и враждебное отношение Акимова к «революционной бацилле» не позволило ему разгадать причину неудачи интеллигенции вызвать движение. Дело не в субъективных недостатках бывших «народовольцев», потому что не только народовольцы и интеллигенция, а самые доподлинные последователи социал-демократической программы и даже выходцы из рабочей среды не могли по собственному произволу, по собственному хотению выйти из периода кружковщины. Кружковщина есть этап обязательный в жизни партии, определявшийся не доктринерством первых социал-демократов, а степенью недоразвитости пролетариата. Кружковщина первого периода есть факт положительный, упорное отстаивание некоторыми староверами тактики кружковщины во второй период—уж факт отрицательный. Дело, стало быть, в объективных условиях, в объективной обстановке, и только наступление благоприятных условий решительно меняло картину. Это же обстоятельство не было учтено и группой «Освобождение Труда» в программе 1887 г. В этом непонимании и группа «О. Т.», и Акимов трогательно оказались солидарными.

VIII.

Культурничество социал-демократов 80-х и первой половины 90-х годов, столь поносимая впоследствии кружковщина и экономизм были вовсе не грехом их, а бедой. Там и тогда, где и когда появлялась хоть какая-нибудь возможность перейти к агитации, привычные и излюбленные приемы немедленно забрасывались, на очередь ставилась более широкая работа, переходили к агитации. О том же самом кружке Мотовилова, в котором, по словам Курелюка, проводилась исключительно культурническая работа, ранее упомянутый доклад говорит следующее: «Вообще к концу апреля можно было заключить, что кружок Ростовских поднадзорных изменил направление своей деятельности и задался иными целями. Известно было, что Мотовилов как бы в ожидании чего-то стал бояться обысков, предупреждал кой-кого быть осторожным и даже позаботился раздать на руки рабочую библиотеку, хотя и состоящую исключительно из легальных изданий. «Параллельно с этим изменилось направление и в рабочей среде. Пропаганда, переданная в руки рабочих прежнего закала, как, например, Прокофия Ушакова, Ильи Жукова и т. п., начала обостряться, в марте были задуманы стачки на Пастуховском заводе и на пристани, в мастерских Волго-Донского пароходства, но не удались; затем проводилась мысль устроить беспорядки 17 апреля, во время открытия памятника в бозе почившему государю императору Александру II, но и эта затея была предупреждена своевременным командированием трех сотен казаков. В апреле же было несколько сходок в степи за Темерником и на одной какой-то незнакомый агентуре человек читал рукопись о стачках на Западе»[2]).

---

[1]) Акимов (Махновец). «Очерки развития социал-демократии в России», 1906 г., изд. Поповой, стр. 11 и 12.

[2]) Дело деп. пол., 4 — 115, 1890 г., листы 44 и 45.

Что касается беспорядков у памятника, то это, наверно, плод распаленной фантазии жандармов, но сходки, очевидно, были, чему доказательством служат конкретные данные о них и тема чтения. Повидимому, подготовительная работа была уже проделана и можно было уже перейти к массовкам. А раз перешли к массовкам по тому времени, то это значит, что, несомненно, речь зашла уже о стачках, ибо горючего материала в то время было вполне достаточно. Переходом к новой тактике и объясняют те предосторожности, которые были приняты кружком. Эти приготовления являются лучшим свидетельством того, какие жертвы приходилось нести при переходе к экономической агитации, как приходилось поступаться интересами продолжения культурническо-пропагандистской работы.

Из печатаемого доклада Особому Совещанию по делу Алабышева читатель увидит, что этот «заядлый» культурник тоже не брезговал массовками. Его преследование нелегальной литературы, может быть, именно и объясняется тем, что он продолжал тактику агитации, начатую еще Мотовиловым в апреле месяце 1890 г. Однако, в этом докладе нет никаких упоминаний о готовившихся стачках. Повидимому, и стачки, о которых жандармы говорят в связи с Мотовиловым, были не прокламированы кружком, а намечались самой массой.

Точно также оказывается, что и мирная группа Бруснева не отказывалась принять посильное участие в начинавшихся забастовках. Бруснев пишет: «С арестом и высылкою В. С. Голубева представительство в центральном рабочем кружке перешло ко мне. Еще при Голубеве наша организация стала постепенно выходить из сферы кружковой замкнутости на арену широкого рабочего движения. Зимою 1890 — 1891 г.г. нам удалось сорганизовать, или, вернее, принятв участие в двух стачках — одной у Торнтона и другой — в Порту. Мы выпустили прокламации и воззвание к стачечникам. Воззвание к рабочим фабрики Торнтона написал В. С. Голубев, а к рабочим Порта — Л. Б. Красин. Воззвания эти, напечатанные на гектографе, имели большой успех, особенно последнее, написанное с большим подъемом. Это воззвание мы даже использовали для сбора пожертвований в пользу стачечников среди либеральной публики. Тогда еще не верили в возможность рабочего движения на западно-европейский образец. После стачек особенно стала чувствоваться необходимость в постоянном печатном органе, где сообщались бы сведения о рабочем движении на разных заводах и фабриках. Прототипом такого органа была наша рукописная газета. Газета переписывалась в нескольких экземплярах при помощи копировальной бумаги. Составлял газету В. С. Голубев, иногда я, на основании материалов и корреспонденций, поступавших в центр из рабочих кружков. Надо было видеть, с какой жадностью набрасывались рабочие на свой печатный (вернее, рукописный) орган» [1].

В Москве также не отказывались от перехода к агитации. Хотя московские летучки по своему ограниченному составу участников не могут быть названы приемом агитации в собственном смысле этого слова, однако, факт выпуска москвичами прокламаций даже для одного завода есть агитация

---

[1]) М. М. Бруснев. «Возникновение первых социал-демократических организаций» «Пролетарская Революция», № 14, 1923 г., стр. 24.

доподлинная. Мицкевич говорит, продолжая описание своего кружка: «Кружок наш почти на первых же шагах своей деятельности решил перейти к агитации в массе. Для этой цели мы через рабочих, занимавшихся в кружках, собирали сведения об условиях работы на фабриках и заводах: о длине рабочего дня, о заработной плате, о деятельности фабричной инспекции, о злоупотреблениях мастеров и т. д. Фактами, полученными таким путем, а также почерпнутыми из литературы о положении рабочего класса в России, мы иллюстрировали наше изложение теории Маркса, чем старались сделать эту теорию возможно близкой к жизни, связать ее с насущными и ближайшими нуждами рабочих. Для более широкого воздействия на массу мы устраивали собрания, которые назывались «летучками»: рабочие из кружков собирали своих товарищей, прочитавших одну или две брошюры, или совсем еще ничего не читавших, человек 15 — 20, в какой-нибудь артельной рабочей квартире; приходил интеллигент и один-два более сознательных рабочих, и начиналась беседа. Беседа не отличалась систематичностью, говорилось обо всем: об условиях рабочей жизни, о политике, о религии и т. д. Беседы велись живо и имели большой успех. Кроме устной пропаганды и агитации и распространения брошюр, наш кружок старался действовать на массу и путем издания и распространения листков. О содержании листков я скажу ниже. Эти листки раздавались по рукам и вывешивались в тех местах на заводах, которые рабочим заменяли клубы. Около листков собирались толпы рабочих, кто-нибудь читал вслух и комментировал их. Листки производили среди рабочих большую сенсацию и имели громадный успех. Особенно большим успехом пользовались листки, специально написанные по поводу какого-нибудь случая на данном заводе, по поводу какого-нибудь столкновения с администрацией завода, по поводу задумываемой стачки и т. п. Первый такой листок был издан нами в феврале 1894 г. по случаю стачки на одном заводе (точно не помню, но, кажется, на заводе Вейхельта). Но, говоря о новом пути, на который сразу так успешно встало рабочее дело в Москве, нельзя не упомянуть о товарище Е. И. Спонти, который много способствовал широкой постановке работы. Он приехал в Москву с Запада, — до этого он живал в Польше и в Северо-Западном крае, был хорошо знаком с польским и еврейским рабочим движением; он и ознакомил нас с постановкой работы в Западном крае; благодаря ему же, мы ознакомились с польской агитационной литературой» [1]).

О таких же летучках говорит А. Н. Винокуров в статье «Воспоминания о партийной работе в Екатеринославе»: «Помню первое посещение свое конспиративной квартиры (рабочего) на Чечеловке (Рабочей Слободке), где я нашел уже несколько интеллигентных, знакомых с основами марксизма и преданных делу молодых рабочих (Мазанова, Смирнова, Каца, Файна и др.), которые сыграли хотя кратковременную, но большую роль в пробуждении социал-демократического движения среди широких слоев екатеринославских рабочих. И в Екатеринославе были применены выработанные в Москве методы широкой агитации. Рядом с агитационной

---

[1]) С. Мицкевич. «Очерки истории московской партийной организации». Сборник № 2. «На заре рабочего движения в Москве». Госиздат. М., 1919 г., стр. 26 и 27.

работой велась и пропаганда среди сознательных рабочих. На Чечеловке собирались сознательные рабочие, преимущественно Брянского завода, с которыми велись систематические беседы о капитализме, первоначальном накоплении, прибавочной стоимости, рабочем дне, социализме, положении рабочих на Западе, политических вопросах и по общей истории. Иногда эти собрания делались более широкими, на них приглашали интересовавшихся рабочих (по рекомендации надежных товарищей), и, таким образом, они превратились в своего рода «летучки». Необходимо сказать, что все мелкие экономические вопросы и в пропаганде, и агитации тесно связывались с политикой, с необходимостью вести борьбу с царизмом. В тот период, о котором я говорю, «экономизма» еще не было»[1].

Александр Кузнецов, один из организаторов нижегородских рабочих, в протоколе допроса от 5-16 сентября 1896 г., описывая работу среди рабочих в Нижнем двух групп — народовольческой и социал-демократической, говорит: «Социал-демократическая группа Нижнего-Новгорода преследовала лишь одну цель — улучшение быта фабричных рабочих путем внушения им идеи самозащиты, путем организованной при помощи ремесленных союзов борьбы за свои интересы с классом фабрикантов. Этим духом пропитана и пропаганда организаторов и выпущенные им прокламации; о «политической борьбе» рабочие не слыхали за все время ни слова»[2]. В протоколе от 6-X 1896 г. он говорит: «При своей деятельности я держался следующей программы. Главная цель: пробуждение классового самосознания фабричных рабочих, внушение им идеи «самозащиты» своих интересов; ближайшая и непосредственная цель, как средство к достижению той общей, более отдаленной: организация рабочих кружков или, как я тогда выражался, «центров рабочей интеллигенции» на всех, по возможности, фабриках и заводах города, при помощи которой только и возможно было бы действовать на массу рабочих; члены этих «рабочих центров» должны были получить предварительно марксистское воспитание... Другая сторона деятельности рабочего должна была состоять именно в пропаганде среди массы рабочих «идеи самозащиты», внушение им мысли о необходимости ремесленных организаций, как единственного средства улучшить свое настоящее положение зависимости и угнетения»[3]. В протоколе от 14-21 августа 1896 г. он говорит: «Мною же была внушена своим рабочим мысль о кассе, которая перед самым моим отъездом заграницу и была организована... Я был наверху блаженства, будучи убежден, что почва для социал-демократической деятельности в России так благоприятна, что не через год, так через пять в России появятся чуть не английские «trade unions»[4]. И далее на листе 330 он говорит: «Я вел переговоры с Аксельродом и переписку с Плехановым насчет успехов социал-демократической деятельности в Нижнем-Новгороде, а главное насчет изданий нелегальной литературы по плану, мною выработанному. Тут я потерпел безусловное крушение, так как социал-

---

[1]) «Пролетарская Революция», 1921 г., № 1, стр. 165 и 166.
[2]) Дело деп. пол., 4 — № 255, т. II, 1896 г., лист 423.
[3]) Дело деп. пол., 4 — № 255, т. III, 1896 г., лист 55—57.
[4]) Дело деп. пол., 4 — № 255, т. II, 1896 г., лист. 329.

демократическая эмиграция (Плеханов, Аксельрод) ставили во главе всякой деятельности в России «политическую борьбу» и считали ту деятельность, которую вел я (т.-е. исключительно пропаганду идеи ремесленных союзов), по меньшей мере безразличною, если не вредною».

Спрашивается, что это — не экономизм? — Конечно, экономизм и экономизм 1894 — 1895 г.г., который для этого периода Винокуров отрицает. В кружковщине было больше политизма, чем в первую стадию применения метода настоящей подлинной агитации, ревностным насадителем которой являлся Кузнецов в противовес методу кружковщины Григорьева. Но надо заметить, что работа Григорьева подготовила почву для перехода к методу Кузнецова, подготовила рабочих интеллигентов.

В VI и VII главах мы видели, как мало еще была подготовлена рабочая среда для плодотворной деятельности пропагандистов. Какова же была среда, в которой Кузнецову приходилось вести эту агитацию? В том же протоколе Кузнецов на листе 327 описывает эту среду: «Через несколько месяцев мне удалось завести прочные сношения с рабочими котельного отделения завода Добровского: я познакомился с Брониным; спустя же некоторый промежуток времени, через него с Белявским и Любимцевым, а значительно позже с Шишкиным, хотя я и сам не переставал самостоятельно искать адептов своего учения среди рабочих заводов города и, главным образом, Сормова, что было, однако, безуспешно, так как рабочие прямо избегали знакомства со мною. Способы знакомства я употреблял различные, давал, например, заказы рабочим, подходя прямо к ним, когда они возвращались с работы, предлагая под конец или заказ или свое знакомство»... И далее: «Необходимо добавить, что к нелегальной деятельности склонял рабочих, конечно, я сам, и постепенно, так как в начале они относились к ней недоверчиво и холодно («но знай, с нашим народом ничего не поделаешь» — вот был их общий ответ на мои увещания) и гораздо охотнее слушали мои беседы по вопросам естественных наук» [1]).

Можно ли было при такой степени развития говорить об агитации политической борьбы? Рабочему нужно было еще пройти школу организованной борьбы с работодателями и только потом, убедившись в малопродуктивности ее при существующем политическом режиме, задуматься над вопросом и о самом режиме. И, тем не менее, надо заметить, что в Кузнецове уже намечаются элементы, из которых, между прочим, сложился экономизм конца 90-х и начала 900-х годов.

IX.

Как известно, программа группы «Освобождение Труда» и в первом своем варианте 1884 г., и во втором 1887 г. составлялась так, чтобы привлечь на свою сторону если не всех народовольцев, то, по крайней мере, хотя бы часть их, недовольную Тихомировским центром. При этом надо заметить, что хотя вариант 1887 г. был уже почти марксистский, но преувеличенный этого варианта политизм больше подходил к настрое-

---

[1]) Дело деп. пол., 4 — № 255, т. II, 1896 г., лист 327.

ПРОГРАММА

СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

„ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДА“.

ЖЕНЕВА

Типографія группы „Освобожденіе труда“

1884

Обложка первой программы Гр. «О. Тр.»

нию народовольцев, мог больше удовлетворить их, чем вариант 1884 г. Казалось бы, это обстоятельство должно было больше спаять две фракции: социал-демократическую и народовольческую. Однако, вышло совсем наоборот. В то время, как социал-демократы и благоевского типа и москвичи жили совершенно мирно с народовольцами, обмениваясь между собой взаимными услугами и часто смешивая свою работу, в особенности в период «Рабочей группы» народовольцев, а о размежовке работы между этими фракциями разговоров не поднималось, — с момента декларирования программы 1887 г., наоборот, впервые появляются разговоры о межфракционных несогласиях уже не заграницей, а внутри страны, а года через два начинается и дискуссия между отживающими, идеологически-разложившимися народовольцами и, напротив, окрепшими идеологически туземными марксистами; начинается одновременно с этим и размежовка работы между теми и другими. Одним словом, начинается классовая дифференциация интеллигенции, при чем народовольчество не только не отказывается от народнических иллюзий, но и берет резкий курс на «социалистическую интеллигенцию». В результате появление таких идеологий, как московская программа «Молодой России» [1]) и зачатки народоправчества, орловские «захватники» и проч.

Конец 80-х годов и начало 90-х годов прошел под знаком борьбы и размежевания в работе между народовольческой и социал-демократической фракциями. Народовольцы, совершенно отставшие от народа (крестьянства), монополизировали работу среди интеллигенции, социал-демократы, изверившиеся в провиденциальную роль интеллигенции, ушли исключительно первое время в работу среди фабрично-заводского населения, и только в половине 90-х годов стали возвращаться к работе в интеллигентских сферах, вербуя себе смену (литературная дискуссия середины 90-х годов). В это же время, т.-е. в середине 90-х годов, и народовольцы снова потянули к рабочим.

О размежевании с народовольцами последнего призыва благоевцев нам ничего неизвестно, хотя уже тогда наметилась рознь за овладение военной организацией, как это будет видно из документов, подлежащих опубликованию в сборнике о Благоевской группе. Но что касается тех благоевцев, которые работали среди рабочих, у нас не имеется никаких указаний по этому вопросу. Кружок Точиского, работавший на исходе группы Благоева, как видно из воспоминания и документов, опубликованных в «Красной Летописи» № 7, не брезговал привлечением интеллигенции всяких фракционных направлений, но использовывал в силу личных качеств руководителя в социал-демократических интересах. Совсем не то уже мы наблюдаем в группе Голубева, Бруснева тоже. Голубев в своей «Страничке из истории рабочего движения» говорит: «С существовавшими тогда (1889 г. Н. С.) народовольческими кружками (например, с кружком Кочаровского, Беляева, Истоминой) мы даже вели борьбу, стараясь отвлечь от них и тех немногих рабочих, которые у них были» [2]). Далее Бруснев пишет: «Я не знаю, какой результат имела агитация

---

[1]) «Красная Летопись», 1923 г., № 7. «Федосеевский кружок», стр. 304 и 305.
[2]) «Былое», 1906 г., XII, стр. 112.

Карелина (народовольца. Н. С.) вообще в Петербурге и за какое направление высказалось большинство студенчества, но в тех кружках студентов-технологов, в которых я тогда вращался, большинство высказалось за социал-демократическую программу и действительно студенты сорганизовались в довольно большое общество социал-демократического направления, поставившее себе целью подготовку к пропаганде среди рабочих. К этому обществу примкнул и я. Сначала в этом обществе была тенденция итти в тесном единении с народовольцами, которые тоже намеревались вести пропаганду среди рабочих, но вскоре в бесконечных спорах обнаружилось, что этим течениям не по пути, так как народовольцы, идя с пропагандою социализма к рабочим, преследовали особую цель — вербовать из этой среды смелых и самоотверженных террористов, тогда как мы, социал-демократы, шли к рабочим с целью приготовить из них преданных и сознательных руководителей рабочего движения, так как основою наших взглядов на рабочее движение было то, что «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих»[1]).

То же явление стало замечаться и в других центрах пропаганды среди рабочих. Так, В. Перазич в статье «Ювеналий Мельников и харьковский рабочий кружок» («Еженедельник Правды» 20-XI 1920 г., № 14, стр. 25 и 26) говорит: «Тогдашний революционный Харьков только что оживал после разгрома 1887 г., когда в связи со студенческими волнениями были произведены многочисленные аресты среди студенчества всех трех высших учебных заведений Харькова. Повсюду возникали кружки разнообразнейшего состава с большею чересполосностью окраски. Это была пора теоретических исканий в связи с выяснявшимся крушением народовольчества, пора первого размежевания в Харькове ощупью, без знакомства с произведениями Плеханова, намечавшегося марксизма и революционного народничества, делавшего попытки увлечь за собою и бросить на путь террористической борьбы силы, накопленные упорною работой пропагандистов в передовых слоях рабочего класса. В центре этой работы теоретического и практического (организационного) размежевания стоял Ювеналий. На его плечах лежала вся тяжесть отпора налетавшим от поры до времени из Питера или из какого-нибудь другого центра «революционным генералам», иногда обладавшим большою вербующею силою пламенного воодушевления и беззаветного самопожертвования. Ювеналий умел неотразимою силою своих доводов очень быстро прижать столичных гастролеров к стене, а следом за ним научились это делать и другие члены кружка, даже в отсутствие Ювеналия».

Указание Крафта на встречу им в 1888 г. пензенских экономистов, тоже имеет тот смысл, что он не смог с ними сговориться. Мотовилов, как видно из выписки выше приведенной, не смог сговориться даже с харьковцами Ювеналия Мельникова, потому что он чувствовал в этой организации народовольческий налет; Мотовилов как «экономист» был, повидимому, правее харьковцев, сосредоточивал работу исключительно среди рабочих и игнорировал крестьянство. И, действительно, их программа, опублико-

[1]) М. И. Бруснев. «Возникновение первых социал-демократических организаций» (Воспоминания). «Пролетарская Революция», 1923 г., № 14, стр. 19.

ванная В. И. Невским в сборнике «От группы Благоева к Союзу борьбы», была небезгрешна в смысле народничества, а в отношении террора скорее приближалась в постановке вопроса о терроре к благоевцам, чем к постановке его группой «Освобождение Труда» в программе 1887 г., работа же среди крестьянства признавалась равнозначительной работе среди пролетариата [1]).

Одним из основных разногласий между туземными социал-демократами и народовольцами было различие во взглядах на характер предстоящей революции. Мы уже видели во II главе, как на этот вопрос смотрел автор письма «к товарищам», а следовательно, и та московская организация, которая издавала это письмо. Автору представлялась предстоящая революция, как революция буржуазная, в которой пролетариат примет участие лишь постольку, поскольку он окажется сорганизованным и крепким, чтобы вырвать maximum завоеваний у буржуазии; благоевцы тоже мыслили приблизительно так, как мыслил автор письма «к товарищам». Наконец, брусневцы также и некоторые провинциальные социал-демократы конца 80-х и начала 90-х годов, хотя и не отмечают своего взгляда на предстоящую революцию, но весь смысл их работы заставляет думать, что предстоящую революцию они так же мыслили, как и их предшественники. Таким образом, на всем протяжении 80-х и начала 90-х годов, взгляд туземных социал-демократов устойчиво держался на точке зрения автора письма «К товарищам» и потому решительно расходился как с призывами по политическому пункту с программой группы «Освобождения Труда», так и с теми выводами, которые можно было бы сделать по этому вопросу из брошюры «Социализм и политическая борьба». Народовольцы, конечно, были ближе по этому вопросу к авторам программы 1887 г. и потому они были ближе к вопросу о политической агитации среди рабочих.

М. С. Александров в своей статье «Группа народовольцев» говорит: «А кто же должен был завоевывать в России политическую свободу? Предполагалось, что это сделает наша буржуазия... предполагалось, что не его (пролетариата. Н. С.) дело завоевывать политическую свободу, он должен лишь подготовиться к тому, чтоб воспользоваться свободой, завое-

---

[1]) «От группы Благоева к «Союзу борьбы», Госиздат, 1921 г., стр. 118. Вот выдержка из этой программы: «Наши главнейшие и ближайшие задачи суть: 1) приобрести как можно более сознательных сторонников среди крестьян и рабочих; 2) распространить по возможности более рационально-критическое отношение к существующему государственному и экономическому строю среди тех же классов; 3) сделать среди крестьян и рабочих популярным имя социалистов в смысле защитников народных интересов и этим установить связь и понимание между революционерами-социалистами и массою и, таким образом, обеспечить поддержку требованиям социалистов со стороны масс. Содействие наше террористической борьбе против центральной правительственной организации будет определяться каждый раз: 1) солидарностью требований борющейся группы с нашими собственными требованиями; 2) продуктивностью данного факта с точки зрения рабочей организации. Террор против лиц местной администрации, а также фабричный и аграрный террор мы признаем только в тех случаях, когда он имеет пропагандистский характер. Террор в смысле самозащиты от шпионов и лиц, особенно вредных для революционеров, мы признаем полезным во всякое время, при всяких обстоятельствах».

ванной буржуазией. Вопрос о роли пролетариата в завоевании политической свободы был одним из пунктов нашего тогдашнего разногласия с социал-демократами [1]) (вследствие этого диаметрально—противоположное отношение к политической агитации среди рабочих. Н. С.).»

М. С. Александров изложил вульгаризированный взгляд тогдашних социал-демократов. Такой оттенок действительно встречался в те времена. Как пример можно привести А. Кузнецова, который в протоколе 5—16 сентября 1896 г. говорит следующее: «Социал-демократическая группа Нижнего-Новгорода преследовала лишь одну цель: улучшение быта фабричных рабочих путем внушения им идеи самозащиты, путем организованной при помощи ремесленных союзов борьбы за свои интересы с классом фабрикантов. Этим духом пропитаны и пропаганды организаторов и выпущенные ими прокламации; о «политической борьбе» рабочие не слыхали за все время ни слова. Народовольческая же группа отличалась от социал-демократической тем, во-первых, что считала основой всякой нелегальной деятельности пропаганду «политической борьбы», т.-е. борьбы с существующими политическими условиями в России, а во-вторых, тем, что считала необходимым обращаться с пропагандой ко всем слоям населения России, не исключая и рабочих конечно [2]). Этот оттенок получил, насколько я помню, наибольшую определительность среди так называвшихся «струвианцев», которые фактически выкристаллизировались еще до появления книги Бельтова, но уже резко определились по выходе книги Струве.

Но утверждать, что такой вульгаризированный взгляд был типичным для всех или большинства социал-демократов того периода, не имеется никакого основания. Напротив, многочисленные выписки, ранее приведенные, чуть не в каждой из предшествующих глав, указывают на то, что социал-демократы в массах держались другого взгляда на участие пролетариата в революции. И брусневцы и провинциальные социал-демократы твердо помнили, что классовая борьба есть борьба политическая, а потому к этой политической борьбе и следует подготовлять русских «Бебелей и Либкнехтов», ибо им предстоит принять участие в наступающей революции. Если бы социал-демократы в массе мыслили по примеру вульгаризаторов, то ни метод работы, ни содержание пропаганды не было бы тем, какое отмечено во всех этих многочисленных выписках.

Как пример понимания предстоящей революции и роли в нем пролетариата можно привести следующую выдержку из воспоминаний Ю. Стеклова: «Все порывы вперед оказались бесплодными именно потому, что не были поддержаны сознательной и организованной рабочей партией, но возможно ли создать такую рабочую партию в широком масштабе при тогдашних русских полицейских условиях? Вот вопрос, который вставал перед нами, и на который мы не могли дать определенного ответа. Вернее, мы отвечали на него приблизительно в духе проекта программы группы «Освобождение Труда», т.-е. мы полагали, что нам придется ограничиться только созданием кружков и подготовкой сравнительно немногих сознательных

---

[1]) М. С. Александров. «Группа народовольцев» (1891—1894 г.г.), «Былое», ноябрь 1906 г., стр. 10.

[2]) Дело деп. пол., 4-е делопр., № 255, т. II, 1896 г., лист 423.

рабочих, которые в момент революции могли бы стать во главе народных масс. Политическую же революцию мы считали неизбежной и очень близкой Но в чем мы были глубоко убеждены, так это в том, что буржуазия, которая в часы боя будет сидеть у себя по домам, после победы революции, немедленно выползет из своих нор и, пользуясь своим богатством, образованием, связями, постарается конфисковать в свою пользу все плоды народных усилий. Этого, по нашему мнению, не следовало допускать ни в каком случае, и мы думали, что народ, вооруженный и гордый своей победой, в силах будет не допустить до этого. Но для этого в его среде и по возможности во главе его должны находиться люди, сознательно относящиеся к развертывающимся событиям. Необходима, одним словом, наличность многочисленной рабочей интеллигенции. Содействовать выработке такой интеллигенции мы и ставили своей главной задачей. В этом отношении наша организация была большим пропагандистским кружком» [1]).

Читатель видит, что Ю. Стеклов, излагая взгляд марксистов того периода, даже не замечает расхождения его с взглядами группы «Освобождение Труда». Он был идентичен с пониманием этого вопроса у автора письма «К товарищам», можно было бы сказать, что он был близок к пониманию программы 1884 г., но никак не того, что изложено в программе группы «Освобождение Труда» 1887 г. Этот взгляд был всеобщим для социал-демократов первой половины 90-х годов, чему служат доказательством идеология тех объединений, воспоминатели которых выше цитированы. Если бы они не разделяли этого взгляда, они держались бы другой тактики в вопросе о политической агитации, муссировали бы столкновения не только с работодателями, но и с властями; всюду и всегда разжигали бы массу и бросали ее в атаку, одним словом штурмовали бы абсолютизм. Однако, этого не было, они ограничивались пропагандистской работой и дальше «летучек» или экономической агитации не шли.

Вот как, например, излагается взгляд Н. Федосеева: «Без политической свободы нормальная организация пролетариата для успешной политической (нужно читать классовой. Н. С.) борьбы невозможна. Поэтому он стал защищать политическое воспитание рабочих, необходимость построения политической партии пролетариата. Поэтому в свою гипотезу он вставил третью силу, пролетариат, которая вмешается в борьбу первых двух сил (т.-е. буржуазии и феодалов. Н. С.) и определит судьбу конституции, внеся в нее наибольшее число гарантий для развития демократии. Но для того, чтобы эти силы могли определить конституцию в наиболее желаемом для нас смысле, необхсдима ее стройная и крепкая организация (партия пролетариата) [2]). Далее в письме № 10 от 11—I 1895 г. на стр. 182 только что помянутой в примечании книги, уже сам Федосеев пишет: «Можно ли сомневаться, что «сельские господа» сошли с общественной арены? Никак нельзя—они действующее лицо, они главные актеры современной драмы (и опереточные personae gratae). Поворот к 60-м годам мы не без основания называем буржуазным; но буржуазия в собственном смысле была

[1]) Ю. М. Стеклов. «Из воспоминаний о социал-демократическом движении среди одесских рабочих в 1893—1894 г.г.», «Минувшие Годы», № 9, 1908 г., стр. 236.

[2]) Федосеев, Николай Евграфович, Госиздат, 1923 г., стр. 96.

так бессильна и либерализм дворянства—правда, новое и замечательное веяние,—был так неширок, что почти ничего не было; но и то, что вышло—подпало под измерение на дворянские аршин и оценку, на дворянскую монету. Так по измерению и отрезали и по оценке положили штемпель. Разве теперь есть в чем-либо изменение? Кроме того, что промышленная и денежная буржуазия получила некоторое влияние прямое; но ведь это влияние ограничено узкой сферой; а ее влияние (вернее, влияние всей буржуазии) неизбежно стремится стать всеобщим (нельзя выделять экономических отношений от всех других).» И далее на стр. 183 он делает вывод, что столкновение этих сил неизбежно, что революция неотвратима, излагая это Эзоповским языком. «Щедрые поминки», как выражались ханские баскаки,—очень существенный винтик в балансе. Но мне собственно наплевать практически на это отношение. Передо мной громадная сила нового времени—пролетарии. Что они теперь? (пародирует Федосеев аббата Сіэса. Н. С.). Ничто (не имеют даже тех «прав», коими «по закону» крестьяне могут пользоваться). Разве они не могут забраться на весы? По-моему не могут не забраться. А это для меня главное, весь интерес моей жизни. Может быть, даже наверное, нарушенным «равновесием» воспользуется все-таки буржуазия; но я не вижу основания для отхода от энергического стремления достигнуть того, чтобы устранить «самодержавие» буржуазии». Итак, Федосеев говорит о предстоящем столкновении буржуазии и феодалов, т.-е. о революции, в которой не может не принять участия пролетариат (не может не забраться на весы), чтобы устранить «самодержавие буржуазии». При каких условиях это возможно? Конечно, только при условиях, когда он будет представлять организованную силу, способную в предстоящей борьбе отвоевать себе лучшую долю у буржуазии.

Понимая так свои задачи в предстоящей борьбе, туземные социал-демократы естественно никак не могли пойти на форсирование событий, а бережно, потихоньку, но неуклонно накопляли достаточную силу для предстоящего переворота. И это происходило тогда, когда руководитель группы «Освобождение Труда» Г. В. Плеханов, в письме к польским рабочим 1893 г., писал: «В вашем письме вы спрашиваете меня, товарищи, какова о р г а н и з а ц и я русских социал-демократов. Я не хочу вводить вас в заблуждение; беседуя с вами, я считаю своею святой обязанностью, по выражению Лассаля, aussprechen was ist, и потому я отвечу вам, что со стороны организации наше положение оставляет желать очень и очень многого. В России вообще, а не только между социал-демократами, пока еще нет сильной революционной организации. Остается говорить лишь о н а ш и х п о ж е л а н и я х на этот счет. А пожелания наши сводятся к созданию подвижной боевой организации, вроде общества «З е м л я и в о л я» или «П а р т и и Н а р о д н о й В о л и», организации, являющейся в с ю д у, где м о ж н о н а н е с т и у д а р п р а в и т е л ь с т в у, п о д д е р ж и в а ю щ е й в с я к о е р е в о л ю ц и о н н о е д в и ж е н и е п р о т и в с у щ е с т в у ю щ е г о п о р я д к а в е щ е й и в т о ж е в р е м я н и н а м и н у т у н е у п у с к а ю щ е й и з в и д у б у д у щ н о с т и н а ш е г о д в и ж е н и я» [1]).

[1]) Г. Плеханов. «О социал-демократии в России». А. Тун. «История революционных движений в России», Госиздат, 1920 г., стр. 279.

Таким образом, в то время, когда русские социал-демократы стремились к организации сильной политической рабочей партии, которая определила бы исход революции, Плеханов не шел дальше того, о чем он мечтал в период написания предисловий к «Манифесту» или «Наемный труд и капитал», о чем мечтал еще автор письма «К товарищам» в 1883 г. Он мечтал лишь о создании небольшого боевого коллектива по примеру «Земли и Воли» или «Народной Воли». Рассматривать эти фразы Плеханова в том смысле, что он здесь говорит о характере организации, не имеется оснований. Ибо организационная структура этих двух партий 70-х годов была совершенно различна. Поэтому считать такое заявление Плеханова намеком на желательность централистического построения партии не приходится. Плеханов здесь говорит о желательности небольшого, но сплоченного идейно и нравственно коллектива. Только так и можно понимать его. А это значит, что он далеко отстал от русских социал-демократов, у которых уже намечалась большая мощная организация. Плеханов торопился; поэтому естественно, когда разразился голод 1891 г., а революции все еще не было видно, он готов был «полезть хоть к чорту в пекло» и написал призыв к «честной» русской буржуазии. Вот этот призыв:

«Все честные русские люди, которые, не принадлежа к миру дельцов, кулаков и русских чиновников, не ищут своей личной пользы в бедствиях народа, должны немедленно начать агитацию в пользу созвания Земского Собора, долженствующего сыграть роль Учредительного Собрания, т.-е. положить основы нового общественного порядка в России. Разумеется, в деле подобной агитации непременно должны обнаружиться партионные и фракционные различия, существующие в среде людей революционного или оппозиционного образа мыслей. Но эти различия ничему не помешают. Пусть каждая партия и каждая фракция делает дело, подсказываемое ей ее программой. Результатом разнородных усилий явится новый общественно-политический строй, который во всяком случае будет большим приобретением для всех партий, кроме достаточно уже опозорившейся партии кнута и палки» [1]).

Этот призыв никак не может быть назван блестящей марксистской и социал-демократической страницей Плеханова, действительно умевшего быть блестящим марксистом и теоретиком российской социал-демократии там, где он выступает как теоретик, а не как практик революции. Впоследствии он исправил эту ошибку, но она все же была сделана. Внутри России шла размежовка с народовольцами, происходило классовое расслоение интеллигенции, а признанный теоретик марксизма тащил пролетарски настроенную интеллигенцию в союз с российским Титом Титычем, действительно крайне нуждающимся для обеспечения своего барыша в конституции. Это крайне показательно для характеристики той оторванности заграничной группы «Освобождение Труда» от посюсторонней периферии, которая характеризуется в период до середины 90-х годов. Если она, эта периферия, ища ответа на волнующие вопросы, с замиранием сердца хваталась за свежий номер «Социал-демократа», с большим риском провезенный

---

[1]) Г. Плеханов. «Всероссийское разорение», «Социал-демократ», 1893 г., книга 4-я, стр. 101.

через границу зашитым в платье или в двойном дне чемодана, если она, получая такое назидание в этом «Социал-демократе» (вместо хлеба — камень), ломала голову над тем, как выйти из создаваемого вождем положения, то вождь ее ничуть не хотел принять во внимание той экономической, той социальной, той политической конъюнктуры, в которой периферии приходилось работать, а затем отсиживать в тюрьмах, «собирать морошку», «изучать якутские нравы и язык» за эту работу.

Для характеристики отношения группы «Освобождение Труда» к практикам социал-демократам нелишне будет напомнить следующее показание А. Кузнецова: «Я веду переговоры с Аксельродом и переписку с Плехановым насчет успехов с.-д. деятельности в Нижнем Новгороде, а главное насчет изданий нелегальной литературы по плану, мною выработанному. Тут я потерпел безусловное крушение, так как соц.-дем. эмиграция (Плеханов, Аскельрод) ставила во главу всякой деятельности в России «политическую борьбу» и считала ту деятельность, которую вел я (т.-е. исключительно пропаганда идеи ремесленных союзов), по меньшей мере безразличною, если не вредною. Конечно, все это было выражено не так ясно, как здесь, но смысл был тот. Тогда я обратился к Лазареву с теми же предложениями» [1]). Таким образом пропаганда идеи профессионального объединения если не вредна, то, по крайней мере, безразлична и никакой помощи в издании литературы оказывать не следует. С Тит Титычем объединяться для штурма абсолютизма согласны, а оказать помощь профессионалисту социал-демократу не полагается. В результате—обращение профессионалиста к заведомо враждебному представителю народовольчества Лазареву, ответное письмо которого приводится в приложении № 21.

X.

Как видел читатель из II главы, связь местных революционеров с эмиграцией, с группой «Освобождение Труда» была установлена немедленно по образовании ее. Мы это установили на примере Москвы и Питера, но надо думать, что такая связь была и с другими пунктами; иначе у группы «Освобождение Труда» не было бы основания писать и говорить то, что они писали в извещении об образовании группы и упомянутом письме Плеханова к Лаврову. Первые же произведения группы были немедленно получены в Москве. Здесь размножены и распространены. Затем с арестом Дейча и разгромом московской группы как будто связь была утеряна. Только в начале 1885 г. благоевцы сумели восстановить непосредственную связь с группой «Освобождение Труда», но что касается программы ее, то с таковой они успели ознакомиться еще в 1884 г., т.-е. по опубликовании ее, как, наверное, доставали и остальную литературу по мере выхода ее. Однако, транспорт литературы группы благоевцы сумели получить только один раз в 1886 г. Этот транспорт был выслан еще до выхода «Нищеты философии», и этой книжки в нем не оказалось. Этот транспорт был распределен по России. Попадающаяся по России на обысках в 1886 — 1888 г.г. литература группы «Освобождение Труда» не выходит за пределы списка полученных благоев-

[1]) Дело деп. пол. 4 делопр., № 255, т. II, 1896 г., листы 329 и 330.

цами изданий. «Нищета философии» на всем протяжении этого трехлетия не попадается. Повидимому, транспорт благоевцев был единственный транспорт в собственном смысле слова вплоть до 1889 г. Это не значит, что литература группы «Освобождение Труда» совершенно не проникала через границу. Напротив, жандармами было создано не одно дело о провозе такой литературы, но она провозилась неорганизованно в единственных экземплярах, для нужд того или иного изолированного кружка или группы. При этом все же надо заметить, что литература группы «Освобождение Труда» встречалась очень редко, несоразмерно мало со всякой другой революционной литературой. Некоторое исключение представляли такие пункты, как Рига и Одесса. Через эти пункты было легче провезти «группоосвобожденскую» литературу, и здесь последняя встречается в бо̀льшем количестве. Но сомнительно, чтобы она поступала далее в Россию. Но характерно то, что наряду с «группоосвобожденской» литературой здесь раньше, чем в других городах, появляется и немецкая марксистская литература. Гольдендах, например, указывает, что в 1890 г. он имел в руках немецкий текст «Нищеты философии». А рижский социал-демократический кружок 1888 — 1889 г.г. помимо некоторых изданий группы «Освобождение Труда» имел немецкий «Социал-демократ» [1]). Рига в это время была связана с Дерптом, а из последнего Федосеевский кружок доставал немецкую марксистскую литературу. Влияние немецкой литературы на кружки портовых городов сказалось в том смысле, что марксизм их был так сказать европеизирован. Это отразилось и на идеологии Гольдендаха и рижского кружка.

Читатель видел из приложений к главе III, что благоевцы немедленно за установлением связи с группой «Освобождение Труда» стали хлопотать о высылке транспорта литературы, и уже в начале 1885 г. (апрель) транспорт был им отправлен, но он до них не дошел, повидимому, или «провалился», или был возвращен, не поступив к адресату. Благоевцы получили первый и последний транспорт только в начале 1886 г. Размеры этого транспорта неизвестны, состав же жандармами выяснен [2]). Однако, в виду того, что литература этого транспорта неоднократно упоминается по делам (кружок Точиского, например, имел довольно значительное количество экземпляров из этого транспорта) как Питера, так и провинции, в том числе, например, в Туле, надо заключить, что этот транспорт был значительный. Следующий, но, очевидно, менее значительный транспорт поступил в Киев в кружок Соловейчика, Рафаила в 1889 г. Повидимому, из этого транспорта «группоосвобожденская» литература попала и в кружок Абрамовича того же 1889 г. Как известно по делу Соловейчика этот транспорт был не особенно значительный, до 30 ф. Несколько десятков брошюр этого транспорта попало на обыск у самого Соловейчика. Но, кроме этого транспорта, в адрес Соловейчика поступил и другой транспорт, размеры которого неизвестны; этот транспорт был переотправлен Соловейчиком, как видно из дела, в Херсон. На обыске у Соловейчика была найдена, между прочим, и «Нищета философии», нигде раньше не встречавшаяся, а также женевский «Социал-демократ» [3]).

---

[1]) Дело деп. пол., 4-е делопр., № 221, 1889 г.

[2]) Дело деп. пол., 3-е делопр., № 100, 1886 г.

[3]) Дело деп. пол., 4-е делопр., № 60, 1889 г.

1889 г. характеризуется вообще оживлением социал-демократической работы. В этом году были начаты жандармами целый ряд социал-демократических дел по России, как я уже упоминал выше. Обнаружены были кружки в Риге, Гродне, Киеве, Казани, Николаеве и Минске. Все эти кружки начали свое существование еще в 1888 г., т.-е. после дискуссии по программным вопросам, о которых я говорил в IV главе. В Вильне тоже уже существовала социал-демократическая организация, основанная Э. Абрамовичем. Нам неизвестно, через какой пункт прошли транспорты Соловейчика, но, повидимому, они шли через Вильну, ибо из дела ясно, что это были транспорты сухопутные. Сопоставляя этот факт с следующим свидетельством Акимова, приходится, по крайней мере, так заключить. Акимов говорит: «Нелегальная литература получалась виленскою группою из заграницы уже с самого начала 90-х годов. Когда приходил транспорт, надо было специально ехать в Москву, Петербург или Киев, чтобы ее туда доставить; постоянных связей не было; часто приходилось ехать только для того, чтобы установить эти связи и просить местную организацию прислать своего человека для получения литературы; дело, таким образом, страшно осложнялось; кроме того, всю тягость расходов по транспорту приходилось выносить самой виленской группе и лишь впоследствии возмещать их по мере доставки литературы организациям; такого рода возмещение было делом далеко не обеспеченным и во всяком случае очень долгим» [1]). Раз с самого начала 90-х годов транспорты проникали через Вильну, то, стало быть, дело было уже настроено и начало вероятно относится к 1889 году, когда и другие марксистские кружки стали получать из Вильны литературу (Ярославль, например).

Одним словом, с самого начала 90-х годов транспортирование литературы группы «Освобождение Труда» начинает настраиваться. Читатель не забыл из свидетельства Бруснева, ранее цитированного, о транспорте Егупова в Москву в 1891 г. И действительно в Москве в этот момент уже не трудно было достать «группоосвобожденскую» литературу, которая попала, между прочим, и во Владимир. В этом же году и в Питере появляется новая «группоосвобожденская» литература, которая, между прочим, была обнаружена на обыске у ранее упоминаемого Ник. Д. Богданова. Далее Бруснев упоминает транспорт 1892 г. Райчина в той же Москве.

Питерцы в том же 1892 г. начинают хлопотать тоже о непосредственном транспорте. Ниже я привожу выдержки из переписки между П. Тепловым из Женевы в Питер к Л. Агринской начала 1892 г. тоже о транспорте. Теплов в письме от 3 апреля 1892 г. пишет: «Меня огорчили твои рассуждения о новом пути в Индию и т. п. Открывать Америку не требуется и изыскивать новый путь в Индию тоже не нужно, — он уже найден. Вопрос идет только о заведении непосредственных живых сношений с потребителями, которые бы своими запросами, указаниями и т. п. давали фабрикантам материал для суждения о настроении рынка и его текущих потребностях, о характере, об образцах требуемого товара и т. п. С другой стороны, вопрос идет о доставлении «возможности» вести, совер-

---

[1]) «Минувшие Годы», 1908 г., № 2. Вл. Акимов-Махновец. «Первый съезд Российской С.-Д. Раб. Партии», стр. 131.

шенствовать и расширять производство, это самая жгучая злоба дня. Твои вопросы: «что, где и как» должны бы быть уже решены дедуктивным путем, по догадке. Я сообщу более определенные, хотя по необходимости общие указания. «Что». То, что, по моему глубокому убеждению, является необходимостью для данных обстоятельств. Дедукция должна ответить тебе очень многое. «Где» — Здесь. «Как?» — Чрез посредство твоего и вашего покорного слугу. Не может быть яснее, проще выражено, чтобы из области простого любопытства перейти в область живого дела. На вопрос: «что», ты может быть получила, или скоро получишь, частичный общественный ответ. Сообщи, если это случится, т.-е., если на петербургском рынке появятся новые заморские товары новейшей формы. Какое впечатление произвел на чистую публику и на рабочий люд взрыв пироксилиновой сушильни?» [1]).

Выписка из письма Л. Агринской из С.-Петербурга от 11 апреля 1892 г. гласит: «Что умели раньше, то и делали, как умели. Чтобы сделалось больше, то надо уметь делать. Только из последнего письма, не без удивления, узнаю об отведении роли (не самой существенной, а такой, которая на своих плечах всю пьесу выносит, всю технику. Да.) «нашему покорному слуге». А дело, пожалуй, сведется к тому, что забыли российские условия, едва начинающееся развитие, отсутствие организации, определенной связи, а оттого многого хотите, много требуете, а сами мало представляете. Здесь возможны такие факты, что люди дела чувствуют себя в роли обезьяны с чурбаном. Мы сами умеем критиковать и ныть, покажите нам лучше свои положительные стороны, относительно товаров, новых рынков и пр., не в смысле разглагольствований, а в смысле практических данных. Здесь нам недавно сделали предложение и товары (я не совсем одобряю, хотя публикой требуются и за ценой не стоят) лицом показали, требуется только «возможность» и ничего больше, но мы знаем, что нас не минет это определенно и это важно» [2]).

Что эти выписки означают? Теплов, молодой эмигрант, только что появившийся заграницей, начинает организовывать транспорт на Питер, где сидит его товарищ по пензенскому кружку, Л. Агринская, впоследствии его жена. Попавший заграницу и, очевидно, первое время подпавший под влияние группы «Освобождение Труда», он начинает полемизировать с Агринской о новых путях в «Индию». И указывает на то, что Америка уже давно сидит, еще с 1883 г., в Женеве. А она упрекает его в том, что они ничего «не представляют», т.-е. что нет у них никакой организации, связи, что занимаются только критикой русских социал-демократов. А что Теплов, этот пензенский скромный и осторожный «экономист», попав в Женеву и оторвавшись от реальной почвы российской действительности и возможностей, действительно сразу подпал под влияние Женевы, указывает нижеприводимое его письмо. В Женеве у него закружилась голова и ему стала мерещиться революция. В письме от 5 января 1892 г. он пишет: «Ты спрашиваешь, возможны ли «пертурбации» чуть ли не моментальные. В основе учения о постепенности лежит представление о том, что возникающее

---

[1]) Дело деп. пол., 3-е делопр., № 937, 1891 г., лист 42.
[2]) Дело деп. пол., 3-е делопр., 937, 1891 г., лист 46.

уже существует в действительности и незаметно лишь благодаря своим малым размерам. Внезапность явлений, та или другая пертурбация, являются таковыми не для всех. Солнечное затмение наступает внезапно для обывателя, а не для астронома. Везде и всегда, на всех ступенях общественного развития, экономическая эволюция роковым образом приводила к чуть не моментальным политическим пертурбациям, являющимся для поверхностного наблюдателя в форме неожиданных взрывов и внезапных катастроф. Для живущих в Цюрихе события являются как объект исследования, они видят все с птичьего полета, ход событий во всей их совокупности; вы же за деревьями не видите леса, — для нас этого неудобства не представляется» [1]).

Читатель увидит из печатаемой в приложениях переписки их, как ядовито высмеивала Агринская, человек не оторвавшийся от реальной действительности, предвидение женевских «астрономов». А нам известно из последующей деятельности Теплова, что он забросил впоследствии свою высокомерную «астрономию».

Но из этой переписки читатель не может не заметить кустарничество и случайность существования в то время связей. Так же случаен был и известный транспорт Степана Радченко. Вот данные об этом транспорте, заимствованные из департаментского дела «О водворении в пределы России преступных воззваний из заграницы». Группа студентов Технологического института, преимущественно поляков по происхождению, получила из Швейцарии транспорт литературы, состоящей из книг: 1) журнал «Социал-демократ», 2) Плеханов, «Новый защитник самодержавия», 3) «Убийство политических ссыльных 22 марта», 4) Засулич, «Варлен пред судом исправительной полиции», 5) Речь П. Алексеева, 6) Русский рабочий в революционном движении», 7) «Родной Север», заметки и наблюдения Д. Кеннанова, 8) Ж. Кеннан, «Сибирь и ссылка». Всего брошюр, по показанию К. М. Окулича, получившего транспорт в Петербурге, было до 200 штук. Привез их ему Людвиг Зайковский в начале июня 1893 г., повидимому из Вильны. Зайковский по догадкам Окулича был направлен Гуриновичем Адамом Каллистовым (умершим в январе 1894 г. в тюрьме). Как видно из показания Радченко, Семена, он получил от Окулича из этого транспорта будто бы 15 книг, среди которых были 8 экземпляров «Социал-демократа», «Фейербах» Энгельса, «Развитие научного социализма» и др. Всего на сумму 52 р. Жандармы, сопоставляя количество полученных им книг с значительной суммой, уплаченной им, не поверили ему и представили содержание перлюстрированного письма к нему Германа Красина (из Воронежа), в котором последний тоже удивляется дороговизне книг. Однако, Радченко продолжал настаивать на своем первоначальном показании и в доказательство выдвинул содержание и смысл этого письма Красина. Этот небольшой штрих из дела, между прочим, указывает на связь Питера с Воронежом [2]). А мне известно, что из транспорта Радченка один экземпляр «Социал-демократа»

---

[1]) Дело деп. пол., 3-е делопр., 937, № 1891 г., лист 32.
[2]) Дело деп. пол., 4-е делопр., № 229, 1893 г.

попал и во Владимир, где впервые Федосеев познакомился с этим Женевским изданием [1]).

Что постоянной и вполне организованной связи между группой и туземными организациями не было даже в 1893 г., свидетельствует и сам представитель группы П. Аксельрод. В письме к социалистам рабочим (вместо предисловия), датированном Цюрих, февраль 1893 г., он пишет: «Я очень хорошо знаю, что дельную организацию нельзя создать сразу. Для этого требуется время и ряд частных дел, на которых революционеры узнают друг друга и приучаются сообща действовать. В какой мере подвинулась уже работа по части таких дел, нам, при отсутствии правильных сношений с вами, из-за границы, судить, конечно, трудно. Но само отсутствие всякой связи между вами и нами указывает на то, что и подготовительная организационная работа еще не очень далеко ушла у вас вперед». И далее, несколькими строками ниже: «Но разве может эта (т.-е. группы «Освобождение Труда») литература процветать и правильно доставляться в Россию, когда между теми, кто издает книги, и теми, кто их распространяет, не существует никакой прямой связи» [2]). Что будто бы связи между работающими в различных городах марксистами были слабы—полнейшая неправда. Связи были, и идеологическое взаимодействие не подлежит сомнению. Если бы жандармы обладали достаточно мощным наблюдательным аппаратом, то каждый местный провал мог бы превращаться во всероссийский погром.

Были, конечно, попытки установления связей с группой «О. Т.» и кроме упоминаемых выше, были к середине 90-х годов и еще транспорты, но все они были так тощи и так случайны, что далеко не удовлетворяли потребности в литературе.

Кроме того, самый список изданий группы оказывался недостаточным и не удовлетворял уже всю массу запросов, предъявляемых к издательству социал-демократов. Социал-демократы превращались в партию с многосторонними и с многообразными издательскими потребностями, главным образом, отвечающими на местные запросы момента; появилась потребность в местной литературе, в местных издательствах. Одним словом, функция группы по пробуждению социал-демократической мысли, которую она плохо ли, хорошо ли выполняла в 80-х годах, по условиям момента начала отмирать и группа должна была влиться в фактически уже существующую и лишь неоформленную организационным писаным уставом партию. Между тем группа все еще продолжала цепляться за старую свою функцию. Небезынтересна, между прочим, характеристика Гольдендахом роли группы «Освобождение Труда», в его показании от 7 декабря 1891 г.: «Лично я не принадлежу ни к какой фракции или же партии только потому, что говорить о принадлежности к фракциям этим можно было бы только в том случае, если бы эти фракции, мною указанные (а указывал он группу «Освобождение Труда» и Free Russia, Н. С.), представляли бы какое-нибудь сообщество с практическими целями, но, как известно, фрак-

---

[1]) См. «Николай Евграфович Федосеев», изд. Истпарта, 1923 г.

[2]) П. Аксельрод. «Задачи рабочей интеллигенции в России», Женева, 1893 г., стр. III.

ции эти суть не что иное, как литературные фракции. Говорить о принадлежности к такой фракции нельзя, а потому я отвечаю: ни к какой фракции из указанных мною я не принадлежу, но большинство взглядов первой (т.-е. группы «Освобождение Труда». Н. С.) признаю и совершенно отрицаю взгляды второй (Free Russia)» [1]).

X,

Итак транспорты «группо-освобожденческой» литературы в 80-х годах были только Благоевский и Соловейчика. Об этом говорят документы департамента полиции. Но может быть полиция была недостаточно бдительна. Может быть в стране вращалась литература группы из неизвестных полиции транспортов? — Едва ли.

Вот что говорят туземные пропагандисты социал-демократизма о недостаточности литературы группы «Освобождение Труда».

Так самый ранний из них Гурвич пишет: «Из литературы группы «Освобождение Труда» у нас в Минске до 1890 г. имелся только один экземпляр «Наших разногласий». Некоторая духовная связь с группой у нас установилась только в 1887 г., когда к нам приехал Шмулевич (Кивель)... сделавшийся там (в Швейцарии. Н. С.) социал-демократом» [2]).

Бруснев говорит так: «Подходящих книг для чтения в то время было очень мало и доставать их было очень трудно; нелегальных брошюр и листков почти не было, так что занятия приходилось вести устно, путем чтения лекций и бесед. Все участники моего кружка были уже социалистами. В беседах в кружках на политические темы мы всегда, как на образец, указывали на работу немецкой социал-демократической рабочей партии; в этом нам большую службу сослужили «Русские Ведомости», где часто появлялись отчеты о заседаниях германского рейхстага с речами социал-демократических депутатов. Бебель был нашим идеалом, и мы хотели из своих слушателей — рабочих выработать будущих российских Бебелей» [3]).

М. С. Александров говорит: «В литературе, подходящей для пропаганды, ощущался сильнейший недостаток... Был в Петербурге, кажется, единственный экземпляр изданной на юге, нелегальной брошюры «Борьба общественных сил» [4]). По иронии судьбы и по отсутствию более подходящей литературы петербургские социал-демократы брали эту брошюру за основу занятий в наиболее сознательных рабочих кружках... кое-что выбросив из брошюры. Уже позже были получены брошюры группы «Освобождение Труда» и очень плохо изданная (по слухам в Казани) брошюра Дикштейна «Кто чем живет» [5]) (кажется с переделками)» [6]).

[1]) Дело одесского жанд. упр., № 160, т. I, 1891 г., листы 103—109.

[2]) И. Гурвич. «Первые еврейские кружки», «Былое», VI, 1907 г., стр. 75.

[3]) М. И. Бруснев. «Возникновение первых социал-демократических организаций», «Пролетарская Революция», № 14, 1923 г., стр. 20.

[4]) Богораза (Н. С.).

[5]) Казанское издание Дикштейна называлось: «Кто чем промышляет». Издана Кобелевым и Карташевым. Очевидно, о ней и идет в данном случае речь. (Н. С.).

[6]) М. С. Александров. «Группа народовольцев» (1891—1894 г.г.), «Былое», ноябрь 1906 г., стр. 9.

В. Святловский в цитированной неоднократно статье упоминает о том же Дикштейне и «Наших разногласиях», оставшихся, очевидно, еще от благоевского периода в питерских революционных архивах. Но он также констатирует скудость как вообще, так и «группоосвобожденской» литературы.

Гольдендах в своем показании от 21 декабря 1891 г., говорит: «Сам я рабочим давал читать только легальные книги, хотя не скрою при этом, что если бы была нелегальная литература, я бы давал ее. За все время моего пребывания в Одессе, у меня в руках были только три или четыре брошюры, как-то: письмо Цебриковой, «Убийство политических ссыльных в Якутске», «Нищета философии Маркса» и т. д. [1]). У арестованных по казанскому делу марксистского Федосеевского кружка в 1889 г. не нашли ни одной «группоосвобожденской» брошюрки, кроме собственного гектографирования перевода Засулич из Анти-Дюринга. Да вообще знакомство членов кружка с литературой группы подлежит сомнению, но с марксизмом знакомство не подлежит никакому сомнению [2]). Ни харьковский кружок Ювеналия Мельникова, ни ростовский кружок Мотовилова литературы этой также не имели. Я помню совершенно определенно, что во Владимире до 90-х годов не было тоже этой литературы, но марксистские издания литографии Янковской были.

Так обстояло дело в кружках до 90-х годов. Немногим лучше дело обстояло и в самом начале 90-х годов. Вот что говорит организатор питерских, а потом московских рабочих, четыре года уже неустанно работавший в голубевско-брусневской группе, создавший за этот долгий срок свою социал-демократическую дисциплину. Правительство оценило его заслуги перед революцией, пожаловав его 10-ти летней Восточной Сибирью. Повидимому, помянутые в цитате предатели, Руделев и Егупов раскрыли правительству глаза на эти заслуги. «В конце 1891 г. мы, т.-е. наша московская группа социал-демократов, столкнулась с Егуповым и его довольно многочисленными кружками. Сам Егупов был террорист и конспиратор чистейшей воды, и нам, собственно говоря, незачем было сходиться. Но у Егупова были большие связи с границей, и он в большом количестве мог доставить нелегальную литературу, в которой мы так нуждались. Через него мы получали издания группы «Освобождение Труда»: «Всероссийское Разорение» Плеханова, четыре первомайские «Речи петербургских рабочих» и др. В начале 1892 г. мы получили большой транспорт нелегальной литературы. Транспорт этот привез С. Райчин, приехавший из заграницы под именем Франца Лязовича. Райчин приехал в Москву, и мы решили через него завести сношения с Г. В. Плехановым и группой «Освобождение Труда». Райчин взялся доставить из заграницы социал-демократические издания и должен был вступить от имени нашей группы в сношения с Г. В. Плехановым. Перед отъездом Райчина из Москвы в моей квартире было устроено большое собрание (в ночь под Пасху), на которое были приглашены все участники егуповских кружков, группы Кашинского, а из рабочих Ф. Афа-

---

[1]) Дело одесск. жанд. упр., № 160, т. I, 1891 г., л.л. 103—109, см. также приложение № 13.

[2]) «Красная Летопись», 1923 г., №№ 7 и 9.

насьев и Н. Руделев из Тулы. На этом собрании П. Кашинский прочитал и защищал составленную им программу группы (программа эта была впоследствии взята у меня при обыске). Она была прочитана лишь как проект программы организующейся группы. Против программы возражали я и Ф. Афанасьев» [1]).

Ю. Стеклов, работавший после Гольдендаха уже через 3 года, говорит: «Мы испытывали страшный недостаток в подходящей литературе. За два года до начала нашей пропаганды группа заграничных студентов, бывших наших товарищей по гимназии, умудрилась провести через границу небольшой транспорт нелегальной литературы. Так как сами они не знали, что с ней делать, то в конце концов они отдали все эти книжки нам. Мы сохранили их, переплели, и эти немногие брошюры оказались для нас громадным подспорьем в нашей работе» [2]).

С. Мицкевич, один из участников московского марксистского кружка, создавшегося в зиму в 1891 — 1892 г.г. в составе А. П. и П. И. Винокуровых, А. И. Рязанова, И. А. Давыдова, Мартына Мандельштама (Лядова), В. А. Жданова, Д. П. Калафати, А. С. Розанова, Круковского и Гр. Мандельштама — говорит: «В вышеупомянутом марксистском кружке основательно изучался «Капитал» и другие сочинения Маркса, Энгельса, Лассаля, Каутского, из русских авторов — Зибер, статьи П. Н. Скворцова, труды по исследованию московских фабрик Погожева, Эрисмана, Дементьева и др. Русская литература, издаваемая заграницей группой «Освобождение Труда», — «Наши разногласия» Плеханова, его же «Социализм и политическая борьба», сборники и журнал «Социал-демократ» и др. — в это время в Москве были величайшею редкостью, между тем, как литературу на немецком языке сравнительно легко было доставать в иностранных магазинах; потом уже в 1894 г., наладилось получение и русской литературы, как через магазины, так и в транспортах [3]). Этим же кружком было сделано много переводов, которые ходили по рукам в рукописях. Переведен был ряд брошюр Энгельса, как-то: «Анти-Дюринг», «Происхождение семьи, собственности и государства» и др., только что вышедшая тогда на немецком языке «Эрфуртская программа» Каутского, брошюры Шиппеля, Кампфмейера и др. из серии «Рабочей библиотеки», брошюры Гэда, Лафарга, статьи из Vorwärts и т. д.» [4]).

---

[1]) М. И. Бруснев. «Возникновение первых социал-демократических организаций», «Пролетарская Революция», № 14, 1923 г., стр. 30 и 31.

[2]) Ю. М. Стеклов. «Из воспоминаний о социал-демократическом движении среди одесских рабочих в 1893—1894 г.г.», «Минувшие Годы», № 9, 1902 г., стр. 237.

[3]) Примечание С. И. Мицкевича. «В распоряжении этого кружка была еще рукопись большого и в высокой степени интересного труда Федосеева «О падении крепостного права в России», в котором была проведена точка зрения экономического материализма. Федосеев, очень талантливый человек, первый раз арестованный в 1890 году в Казани за организацию социал-демократического кружка, с тех пор до самой своей смерти, в 1898 году, почти непрерывно пребывал в тюрьмах и ссылке по нескольким делам. Застрелился в Верхоленске в 1898 году. У него начато было несколько трудов по экономической истории России. Все это куда-то запропало».

[4]) «На заре рабочего движения в Москве», сборник № 2, Госиздат, Москва, 1919 г. С. Мицкевич. «Очерки истории московской партийной организации», стр. 15.

Что означает это свидетельство С. И. Мицкевича? Литературы группы «Освобождение Труда» поступало не в потребном количестве. Но легко доставали подлинную марксистскую литературу, которую для потребностей работы и переводили. Это было во второй четверти 90-х годов. А разве не то же было в последней четверти 80-х годов? Разве Федосеевский кружок в 1888 — 1889 г.г. не выписывал из Дерпта немецкую марксистскую литературу, а Санин не переводил эту литературу для кружка?

Ю. Стеклов, описывая тот же период (1893 — 1894 г.г.), но уже не Москвы, а Одессы, говорит: «В случайно попавшей корзине с нелегальными изданиями, наряду с народовольческим «Календарем» и «Вестником Народной Воли» находились первые издания группы «Освобождение Труда», в том числе «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия» Плеханова, «Рабочее движение и социальная демократия» Аксельрода, «Манифест Коммунистической Партии» и, если мне не изменяет память, сборник «Социал-демократ». Таким образом, вместе с хорошей порцией народовольческой литературы, мы одновременно получили изрядную дозу марксистского противоядия... В нашем распоряжении имелись тогда: «Капитал», т.т. 1 и 2, «Коммунистический манифест», «Наемный труд и капитал», «Речь о свободе торговли» — в русском переводе, «К критике политической экономии», «Нищета философии» и Энгельсовский «Анти-Дюринг» — на немецком языке. С другими сочинениями Маркса и Энгельса мы познакомились только впоследствии. Но многое дали нам — в смысле дополнения к известным нам сочинениям обоих основателей научного социализма — статьи и книги Зибера, а также вышеупомянутые издания группы «Освобождение Труда» [1]).

Как видит читатель и здесь, в Одессе, главную массу марксистской литературы составляли вовсе не брошюры группы, а издания межфракционные, как «Манифест», «Наемный труд», или марксистские немецкие подлинники, работа Николай — она («Капитал I») и экономиста Зибера.

Пойдем далее. Характеризуя работу того же московского кружка, С. Мицкевич говорит: «Среди рабочих, участвовавших в кружках, а через них и среди гораздо более обширного круга рабочих, распространялась литература. Какая же литература была в распоряжении нашего кружка? Во-первых, брошюры, изданные заграницей группой «Освобождения Труда» (начиная с начала 1894 г., мы их получали довольно много). Брошюры были такие: «Речь Петра Алексеева», «Речь Варлена», «8-ми часовой рабочий день» Плеханова, «Кто чем живет?» Дикштейна, «4 речи петербургских рабочих на 1-е мая». Во-вторых, кружок сам занялся литературной деятельностью. Тов. Круковский написал очень хорошую брошюру — популяризацию Маркса — с примерами из русской жизни; она была впоследствии отгектографирована (в 1895 г.); тов. Винокуров написал брошюру о первоначальном накоплении, тоже с примерами из русской истории, тов. М. Мандельштам — брошюру «Как крестьянин и кустарь в фабричного рабочего превращаются» и переделку на русский лад «Религии капитала» Лафарга. Затем были пере-

---

[1]) Ю. М. Стеклов. «Из воспоминаний о социал-демократическом движении среди одесских рабочих в 1893—1894 г.г.», «Минувшие Годы», № 9, 1908 г., стр. 223 и 224.

деланы несколько польских брошюр: «О конкуренции», «Рабочая революция», «Что должен знать и помнить каждый рабочий», «Рабочий день». Все эти брошюры были пересланы для издания заграницу, но были напечатаны лишь две последние. Кроме этих брошюр, давали рабочим читать целый ряд переводных брошюр Каутского, Шиппеля, Гэда, Лафарга. Все они были рукописные; для переписки их образовался целый штат переписчиков: студентов, курсисток, рабочих: среди переписчиков было даже двое городовых — родственников рабочих. У кружка был гектограф, потом к концу 1894 г. мимеограф и маленький типографский станок, но по преимуществу для листков; брошюр было гектографировано всего две или три. Кроме нелегальной, распространялась и легальная литература: Бэллами, «Через 100 лет», Вебба и Кокса «8-часовой рабочий день», «Фабрика» Дементьева, некоторые журнальные статьи и вырезки из газет, наклеенные на тетрадку, по преимуществу о рабочем движении на Западе» [1]).

Что здесь сказано? — Что состава библиотеки группы уже к середине 90-х годов было далеко недостаточно для практической работы на местах. Что на местах необходимо было отвечать на местные конкретные вопросы, что популяризация Маркса группой была недостаточна, что издания группы представляли собой очень небольшую часть того печатного, гектографированного и писаного материала, который необходим был для практической работы туземных социал-демократов. Одним словом назрел вопрос о местных издательствах.

И далее С. Мицкевич говорит: «В это время (осенью 1894 г. Н. С.) у нас зародилась уже мысль о рабочей газете, — материала для такой газеты было у нас достаточно. Думали мы ее назвать «Рабочее дело», но пока не была достаточно хорошо поставлена техническая часть, пришлось ограничиться изданием серии листков. Были изданы листки «Много ли мы зарабатываем», «Долго ли мы живем», «Разговор с фабричным инспектором», «Разговор фабриканта и рабочего», и несколько других. Последние два из упомянутых диалоги в юмористической форме. В ноябре 1894 г. мы получили из Петербурга сборник, изданный на гектографе «Группой народовольцев». Он был превосходно составлен. В нем были статьи и на общие темы и корреспонденции с заводов. Очевидно, мысль о рабочей газете возникла одновременно в Петербурге и Москве, в Петербурге только почему-то раньше у народовольцев, чем у социал-демократов. Заграницей в это время народовольцами издавался «Русский рабочий», который и мы не отказывались распространять за недостатком литературы» [2]).

Что касается приоритета москвичей по части создания социал-демократической газеты, то С. И. Мицкевич ошибается. Читатель помнит, что в питерской брусневской организации такая газета уже была, а к моменту появления народовольческой организации в Питере брусневская организация была так потрепана жандармами, что не могла уже продолжать работу в прежнем объеме и прежним темпом.

---

[1]) С. Мицкевич. «Очерки истории московской партийной организации», сборник № 2. «На заре рабочего движения в Москве», Госиздат, М., 1919 г., стр. 24, 25.

[2]) Стр. 33 и 34. Там же.

И даже во второй половине 90-х годов с марксистской литературой было трудно. Накопленный опыт, собранный печатный, литографированный, гектографированный и прочий материал, связи — все это обыкновенно погибало с разгромом и изъятием из жизни конспиративного центра. Все приходилось начинать вновь. Так, Степанов говорит: «В первой половине 1890-х годов все это было иначе. I том «Капитала» давно превратился в библиографическую редкость. Я еще и теперь помню, каким великим счастьем для меня было, когда удалось достать этот том на одну неделю. В половине 90-х годов начали изредка попадаться другие работы Маркса и Энгельса частью привезенные из-заграницы, частью воспроизведенные в России гектографическим и литографическим способом. Так, мне попала часть «Анти-Дюринга» Энгельса, а позже — «18-е брюмера» Маркса и «Коммунистический манифест». «Во второй половине 90-х годов стали проникать немецкие книжки. Когда я уже перешел к марксизму, удалось добыть «Экономическую теорию Маркса» Каутского, его же «Эрфуртскую программу», «Французскую революцию» и «Германскую революцию» Блосса, два томика «Берлинской рабочей библиотеки» [1]).

Если в распоряжении социал-демократических кружков конца 80-х и начала 90-х годов не было социал-демократической литературы, то на чем же первые марксисты воспитывали своих рабочих? Всюду и везде — на легальной литературе. Перечислять, где и на какой я полагаю не представляется надобности, ибо читатель это заметил в многочисленных цитатах. Приведу лишь, как пример, свидетельство В. Святловского, который говорит в неоднократно цитированной статье: «Особой своей центральной библиотеки также не было, да и вообще количество книг наших было невелико. Запасом в десяток-другой рабочие очень гордились. Помню несколько томов журнальных статей, вырезанных из старых номеров «Дела», «Знания» и особенно «Отечественных Записок», «Русского Слова»; среди рабочих обращались также: плохое издание брошюры Дикштейна «Кто чем живет», «Наши разногласия» Плеханова, затем знаменитый первый том Лассаля в Зайцевском переводе. Обращались также «Политическая экономия» Милля в переводе с известными примечаниями Чернышевского, Флеровского «Положение рабочего класса в России», «Пролетариат во Франции» Михайлова, литографированное изложение Маркса (Габриэль де Виля), популярное изложение одной главы из Маркса, сделанное пропагандистом наших кружков Р. Классеном. Перевод этой главы, именно о прибавочной стоимости, был им специально сделан для его слушателей рабочих, которые его сами и литографировали. Правда, по рукам ходили один или два экземпляра первого тома «Капитала» Маркса, но он был мало доступен для понимания; затем Кеннана «Сибирь и ссылка» и издание народовольцев «Царь Голод»; были рукописные и очень популярные лекции, кажется, Н. Рубакина «О происхождении земли», пользовавшаяся большим успехом брошюра Симановича: «О теории Дарвина». Из беллетристики романы «Что делать» Чернышевского, Рубакина «Под гнетом времени», Шпильгагена «Один в поле не воин», Джиованиолли «Спартак»

---

[1]) И. Степанов. «Из воспоминаний», Сборник № 2. «На заре рабочего движения в Москве», Госиздат, М., 1919 г., стр. 95 и 96.

и Швейцера «Эмма». Добывать книги приходилось с большим трудом, так как о покупке их не могло быть и речи, — так «весь» Писарев стоил 75 р. и т. п...» [1]).

Если мы углубимся в изучение истории революции, то увидим, что тем же приемом пользовались еще первые пропагандисты начала 70-х годов. Как раз этот самый роман «Эмма» был дан Виктором Обнорским одному из рабочих Южно-российского союза Заславского [2]) чем и устанавливается связь Обнорского с Заславским и позаимствование у последнего идеи рабочего союза, которая через целый ряд лет была осуществлена Обнорским в Питере.

Как же этим легальным материалом марксистские пропагандисты пользовались для революционизирования пропагандируемых рабочих? Само собой разумеется, что через комментирование его пропагандистами, о чем говорят неоднократно цитированные воспоминатели. О том же говорят и архивные данные. По свидетельству Курелюка, например, в ростовских рабочих кружках Мотовилова (1888 — 1890 г.г.) «Главным руководством... служили издания легальные, но относящиеся к 70-м годам, как, например, старые журналы: «Современник», «Отечественные Записки», «Слово», «Русское Слово», сочинения Писарева, Добролюбова, Чернышевского и вообще такого рода книги и статьи, которые, представляя собою совершенно легальную литературу, могли вполне достаточно служить темой для комментарий»... «По системе Мотовилова каждый, взявший на себя комментирование среди рабочих разных экономических и социальных вопросов не должен был навязывать своим ученикам никаких планов и систем будущих социальных переворотов, он должен был лишь развивать в своих слушателях способность критической оценки существующих в России порядков, должен был стараться возбудить симпатии их к социальным идеям западных государств» [3]).

XI.

Возникновение марксистских идей среди российской интеллигенции представляет собою поразительное историческое явление. Еще Плеханов отмечал, что возникновение их произошло одновременно в различных несвязанных между собою местах, независимо друг от друга. Это явление наблюдалось на протяжении всего периода 80-х годов, а, пожалуй, и начала 90-х годов. Часто в том или ином кружке или объединении люди начинали говорить языком Маркса, даже и не подозревая об этом. За практической работой им даже некогда было осмотреться, осознать, да на каком же языке они говорят: марксистском или старо-народническом?

Вас. Голубев в статье «Странички из истории рабочего движения» (памяти Н. В. Шелгунова) говорит: «С кружком интеллигенции, состоявшим по преимуществу из технологов, я близко сошелся и вошел в него только в конце 1889 и начале 1890 г. Была ли у нас какая-либо про-

---

[1]) В. Святловский. «На заре российской социал-демократии», «Былое», 1922 г., № 19, стр. 149 и 150.

[2]) Дело Особ. Присутств. Сената о Южно-Российском союзе, № 23, т. I.

[3]) Дело деп. пол., 4-е делопр., № 115, 1890 г., листы 123 и 124. См. также приложение № 16.

грамма, были ли руководящие тенденции в деятельности среди рабочих. В сущности мы не имели строго определенной программы и, с современной точки зрения, не выражали каких-либо строго партийных взглядов. Но нас называли социал-демократами в отличие от народовольцев. И это название в значительной мере было правильно. Мы не были народовольцами, потому что отрицали террор; потому что считали необходимым образование самостоятельной рабочей партии; потому что теоретически мы близки были к марксизму. Но в то же время мы не были и социал-демократами в собственном смысле этого слова. Относительно самостоятельности рабочего движения нужно заметить, что оно было как бы нашим символом веры. Свою роль, как интеллигенции, мы понимали как служебную и только временно руководящую. Это выражалось и в организации рабочих и в бытовой помощи, в различных их нуждах, и даже в характере пропаганды, и, наконец, в попытках привлечения рабочих к участию в периодическом издании, которое мы затеяли» [1]).

Другой член той же голубевско-брусневской организации говорит по тому же вопросу следующее: «Споров «об экономике или политике» у нас не возникало: мы признавали в одинаковой степени и борьбу за непосредственное, в каждый данный момент, улучшение материального положения рабочих; но с другой стороны, мы все признавали значение организованной и сознательной рабочей силы в борьбе за политическое освобождение России и за улучшение положения самих рабочих. Группа наша не имела определенной партийной клички; пожалуй, мы были ближе всего к социал-демократам, но сами себя так не называли, хотя и знали прекрасно о существовании такого направления» [2]).

В. Перазич, рассказывая о харьковском кружке Ювеналия Мельникова, говорит на стр. 29: «Ювеналий развивал свою систему политических взглядов, которые, как я убедился впоследствии, являлись самостоятельным обоснованием русского марксизма». А на стр. 26 в примечании добавляет: «Эта работа, подчеркиваю, шла самостоятельно без знакомства с произведениями Плехановской группы. Наскучив бессодержательной фразеологией народовольчества, харьковские «новонародники» относились в то время вообще отрицательно к нелегальщине и как-то даже отказались от целого транспорта заграничной литературы, предложенного, помнится, из Ростова (или из Севастополя). Попытки самостоятельного теоретического обоснования русского марксизма и организационного строительства социал-демократического рабочего движения делались в это же время, как я узнал впоследствии и в других местах России. Об одной из таких попыток кустарного, своими силами, размежевания с народниками и народовольцами рассказывал мне покойный Павел Фед. Теплов, сам бывший участником такой работы в Пензенском кружке» [3]). Наконец, далее в статье «О харьковском рабочем кружке» (по поводу статьи В. Невского «Харьковское дело Ювеналия Мельни-

---

[1]) «Былое», 1906 г., XII, стр. 111.

[2]) В. Б. «Воспоминания петербуржца о второй половине 80-х годов», «Минувшие Годы», № 2, 1908 г., стр. 196 и 197.

[3]) «Еженедельник Правды», 20 ноября 1920 г., № 14, стр. 26 и 29.

кова и др.») Перазич говорит: «Были ли мы марксистами? Полагаю, что Ювеналий попросту тогда только не знал, что «говорит прозой марксизма»; по существу мысль его все время двигалась в марксистском фарватере. Что касается меня, то я только что начинал свое марксистское развитие, и во мне еще живы были кое-какие пережитки народнических взглядов по вопросам об интеллигенции и о крестьянстве. Перед вступлением в рабочий кружок я читал и перечитывал Лассаля (первый том собрания сочинений), проштудировал первый том «Капитала» сначала самостоятельно, а потом в студенческом кружке (правда, под руководством народовольцев Семена Стояновского и Леонтия Фрейфельда), с восторгом проглотил Марксову критику Гегелевской философии права и знал почти целиком наизусть речь Вильгельма Либкнехта «В защиту правды» («Zu Schutz und Trutz») и Лассалевскую «Программу рабочих». Все это я, как умел, излагал во время своих занятий в кружке» [1]).

Замечание В. Перазича о Пензенском кружке касается, именно того кружка, о котором я ранее неоднократно упоминал. В него входил благоевец В. Е. Благославов. Очевидно, Благославов эволюционировал впоследствии от лассальянства к марксизму, ибо Теплов был несомненным марксистом. Этот кружок впоследствии был раскрыт, и в департаменте полиции были документы о нем, из которых можно было бы определить идеологию кружка. Однако, документы эти были департаментом же уничтожены. Подлинное же дело надо искать в местной судебной палате. Впрочем, позднейшая идеология Теплова, а также Мотовилова вскрывает основной смысл марксизма пензенского кружка.

Точно также кружок Федосеева представляет пример самозарождения марксистской идеологии. Если в отношении самого Федосеева могут быть кое-какие сомнения, раньше он прочитал Плехановские брошюры, чем стал марксистом, или уже он прочитал их позднее, то в отношении Санина А. А. таких сомнений не должно быть. Санин утверждает, что он стал мыслить по-марксистски абсолютно не будучи знаком с Плехановской литературой. Натолкнула его на марксизм брошюра Энгельса из «Анти-Дюринга», случайно попавшая ему в руки. Это произошло в 1888 г., и тогда же он ознакомил с ней Федосеева. Повидимому, Санин до этого долго и обстоятельно занимался вопросами «русской действительности», как тогда было принято называть изучение экономики России, старгясь понять смысл ее и сделать выводы. Только в этом случае можно было ожидать таких разительных результатов от ознакомления с брошюрой. Что же касается Федосеева, то известно, что он занимался этими вопросами еще с 1886 г. Этим (т.-е. самостоятельностью марксистских выводов) и объясняется, что марксизм Федосеева представляет собою индивидуальное освоение марксизма, во многом расходящееся с выводами и призывами марксизма группы «Освобождения Труда» [2]). Впрочем, Федосеев, столкнувшись с марксистской идеологией уже закоренелого марксиста 80-х годов, П. Н. Скворцова [3]), и впитав в себя

---

[1]) «Красная Летопись», 1922 г., № 4, стр. 23.

[2]) О Федосееве см. сборник Истпарта 1923 г. под названием «Николай Евграфович Федосеев» и «Красная Летопись», 1923 г., №№ 7 и 9.

[3]) См. «Историко-революционный сборник», 1924 г., т. I.

некоторые элементы последнего, их переработал и выступил с марксизмом более активным, чем у Скворцова.

Характерен также рассказ Ю. Стеклова, как он, нужно думать, вместе с Цыперовичем, сделались марксистами в одну минуту. Этот случай походит на то, что рассказывает Санин. Стеклов пишет в своей статье «Из воспоминаний о социал-демократическом движении среди одесских рабочих в 1893—1894 г.г.»: «Но скоро мы пришли к марксизму. К концу 80-х годов, когда формировалось мировоззрение членов нашего кружка, идеи марксизма уже начинали носиться в воздухе. Они подводили итог опыту всего предшествовавшего революционного движения в России, и вот почему молодежь, начавшая с увлечения народническими и народовольческими идеями, быстро оставляла их и при первом удобном случае переходила к марксизму. Я хорошо помню, как два члена нашего кружка (пишущий эти строки и еще один товарищ) сделались марксистами, если так можно выразиться, в одну минуту. Стоило одному пропагандисту, незадолго до того прибывшему из-заграницы, начать перед нами свою речь следующими словами: «в основе своего исторического процесса лежат факторы экономические», и мы сразу почувствовали, что внутри нас что-то оборвалось, и что незаметное, постепенно совершавшееся в области нашего «подсознательного» накопления идей, нашло себе выражение в этой короткой и решительной формуле. Мы сразу признали себя социал-демократами. И хотя наш старший товарищ (теперь известный социал-демократ) затем прибавил: «я не социал-демократ, а просто марксист», но это не могло уже изменить дела. Мы признали себя именно социал-демократами» [1]).

Конечно, Стеклов утрирует, когда он говорит, что оба они тут же назвали себя социал-демократами, даже несмотря на то, что Гольдендах оговорился, что сам он «не социал-демократ, а просто марксист». Но по существу он прав, раз в результате бесед с Гольдендахом они сделали марксистские выводы. Этому, очевидно, предшествовали мучительные искания, которые переживал и каждый марксист в период перед принятием новой веры. И, конечно, после ее принятия у Стеклова с товарищем последовал радикальнейший пересмотр всего идеологического багажа, накопленного в предшествующий период.

Несомненно, что для многих из этих самозарождающихся марксистов после того, как они более внимательно познакомились с литературой и программами группы «Освобождения Труда», становилось ясно, что «открывать Америку» после Колумба было делом совсем неблагодарным. Но факты такого рода самозарождений идеологии являются новым доказательством, как слабо было идейное влияние группы на российскую интеллигенцию и как незначительны были ее духовные связи с нею. Но и кроме этого были обстоятельства, которые мешали наиболее добросовестной части интеллигенции принять выводы группы. Группа, т.-е. собственно Плеханов, написала «Наши разногласия» и на этом успокоилась. Для ниспровержения народнической науки этого было далеко недостаточно. Народнические предрассудки нужно было бить не тощей по научному багажу брошюрой о разногласиях, а серьезной экскурсией в область «российской действитель-

---

[1]) «Минувшие Годы», 1908 г., № 9, стр. 222 и 223.

ности», чтобы избавить российского интеллигента от «славянофильско-народнических» иллюзий.

В этом отношении характерно, между прочим, свидетельство Голубева, который говорит: «Мы были практики и даже сознательно уклонялись от обсуждения программных и теоретических вопросов, не видя возможности решить такие, например, из них, как вопрос об общине, о судьбах капитализма, об отношении к крестьянству и т. п.[1]). Когда мы, например, решили издать на русском языке протоколы парижского международного социалистического конгресса 1889 г., то при обсуждении предисловия к этому изданию мы старательно подчеркивали свою теоретическую неопределенность и чисто практические наши цели объединения рабочих и развития в них самодеятельности. Мы тем более не решались причислить себя к какой-либо партии. Это было еще слишком рано. До «партий» было еще далеко. «Народная Воля» окончательно разлагалась, а с существовавшими тогда народовольческими кружками (например, с кружком Качаровского, Беляева, Истоминой) мы даже вели борьбу, стараясь отвлечь от них и тех немногих рабочих, которые у них были. Социал-демократия только-только еще намечалась. О группе же «Освобождения Труда» как-то позабыли» [2]).

Какой смысл и какое значение имеют подчеркнутые слова Голубева? Они говорят о том, что для рядового практического работника некогда было заниматься вопросами теории, некогда было перечитать всю массу имеющегося уже тогда сырого материала, касающегося вопросов, перечисленных им, продумать этот материал, сравнив с западно-европейской экономической историей, и сделать необходимые марксистские выводы. Обработанного же материала, доступного для рядового человека, в тот период еще не было. Нужно было доказать, что народнические иллюзии о самобытном ходе российской истории, о шансах минования пройденных западно-европейской историей стадий, — не имеют под собой никакой научной почвы и самой российской действительностью уже опровергнуты. Одним словом, не было еще марксистской российской науки, которая помогала бы рядовому человеку добросовестно и сознательно сделать выбор революционного направления.

Свидетельство Голубева может быть отведено тем соображением, что он писал это свое воспоминание тогда, когда он стал уже кадетским писателем, а потому-де не беспристрастно. Но посмотрим, что говорит человек, относящийся с большим респектом к группе, историк партии М. Лядов. На стр. 54 своей истории он говорит следующее: «После провала Дейча, с одной стороны, и благоевской группы — с другой, связь между группой «Освобождения Труда» и Россией, как мы уже говорили, почти совершенно замерла. Но брошенные группой семена социал-демократии далеко не погибли. Возвращающаяся из заграницы молодежь, как и молодежь, участвовавшая в кружках Благоева, уже относится кри-

---

[1]) Разрядка моя (Н. С.).

[2]) Вас. Голубев. «Страничка из истории рабочего движения» (Памяти Н. В. Шелгунова), «Былое», XII, 1906 г., стр. 112.

тически к народническим идеям; она уже ищет объяснения этих идей, а не принимает их за аксиомы, за непреложные истины. Правда, русской социал-демократической литературы еще слишком недостаточно для того, чтобы надлежащим образом осветить все то, что происходит в России и что так живо интересует эту молодежь; ее — одной этой литературы — еще недостаточно для выработки нового цельного мировоззрения, но вся громадность ее заслуги обнаружилась уже в том, что она заставила мысль своих читателей работать в известном направлении. В середине 80-х годов на помощь нелегальной социал-демократической литературе появилось сильно развившееся фактическое изучение русской действительности. Появляются земские статистические исследования фабрик и заводов, произведенные санитарными врачами и фабричными инспекторами первого призыва: Эрисманом, Дементьевым, Погожевым, Песковским, Янжулом и др., исследования кустарных промыслов — Харизоменовым, Скворцовым и другими. Все эти труды рисовали перед русской читающей публикой действительное положение вещей в России и часто, вопреки воле самих исследователей, констатировали успехи капиталистического развития» [1]).

Ту же самую мысль, но менее рельефно выражает и Ю. Стеклов в своем упомянутом неоднократно воспоминании на стр. 224. «В то время на русском языке не существовало той богатой марксистской литературы, которая имеется сейчас. Доставать книги на иностранных языках также было довольно трудно. Зато (и отчасти вследствие недостатка марксистской литературы) пришлось изучить множество всяких основательных и неосновательных книг по разным научным вопросам, — преимущественно, конечно, по вопросам обществоведения. Наш каталог обнимал все существовавшие тогда на русском языке главные книги и журнальные статьи по первобытной культуре, истории права, истории всеобщей и русской, философии истории и социологии, политической экономии, но особенно хорошо и полно подобраны были сочинения по рабочему вопросу и русской экономике. Подготовка наша тянулась несколько лет (1889 — 1894 г.г.) при самой усиленной работе. Современная молодежь, избалованная имеющеюся к ее услугам марксистской литературой (по большей части пропагандистского и агитационного характера), к сожалению, не проходит такого искуса. Об исключениях мы, естественно, не говорим... Нечего и пояснять, что основательное знакомство с сочинениями Маркса и Энгельса ставилось во главу угла».

Нужно было или самому проработать все вопросы в приложимости марксизма к российской действительности, или ждать появления проработки их кем-либо из появившейся в начале 90-х годов плеяды марксистов. О значении одной из таких проработок говорит, например, Семашко: «Когда Михайловский в 1893 г. начал в «Русском Богатстве» свою знаменитую кампанию против марксистов, позиция наша оказалась очень чувствительно обстреливаемой. Мы владели лишь заграничными изданиями (главным образом, «Нашими разногласиями» Плеханова, популярным изложением Гэда, «Капиталом» Маркса и др.), но эти издания прони-

---

[1]) «История Российской Социал-Демократической Рабочей Партии», М. Лядов. Спб., 1906 г., стр. 54.

кали в Россию, разумеется, в качестве величайшей редкости, а кроме того, не давали прямых ответов на те конкретные вопросы, которые выдвигала русская действительность (например, вопрос о капитализации и пролетаризации в России и о вытекающих отсюда политических задачах). И только когда появилось гектографированная брошюра тов. Ленина: «Кто такие друзья народа и как они борются с социал-демократами», направленная против народников, снабженная ярким статистическим материалом, она была для нас настоящим евангелием. Мы перепечатывали ее на гектографе, несмотря на ее сравнительную величину, целыми ночами, запрятывали в самые недоступные для жандармов места на случай обысков, изучали ее почти наизусть» [1]).

По тем же основаниям была очень сочувственно принята работа Н. Федосеева о ликвидации крепостного права, упоминаемая С. Мицкевичем в цитированной мною уже выдержке в предшествующей главе. В. Перазич рассказывал мне, какие большие надежды питал Теплов, который, будучи заграницей, знал о появлении этого труда Н. Федосеева, в связи с предстоящим опубликованием этой работы для борьбы с народническим засильем в науке о крестьянской реформе и судьбах российского капитализма.

Малочисленные научные силы группы «Освобождения Труда», до тех пор одиноко боровшиеся с самобытнической фальсификацией науки, были восполнены только в середине 90-х годов с выступлением блестящей плеяды марксистов в ряде работ, давших ответы на «проклятые вопросы», волнующие активно-революционную часть интеллигенции. И в числе первых работ была известная книга Бельтова-Плеханова «К монистическому взгляду на историю». Роль этой книги огромная, она произвела несокрушимую атаку на философскую твердыню народничества. Таким образом группа в лице своего самого блестящего представителя приняла участие в наступлении развернутым фронтом туземных марксистов против старой, отживающей идеологии, подпираемой чуть не всеми профессорскими кафедрами русских университетов и редакциями так называемой прогрессивной печати.

В мою задачу не входит анализ эволюции взглядов группы «Освобождение Труда» под влиянием идеологий туземных кружков и групп. Я имел в виду лишь показать различие идеологий туземных марксистов и группы «Освобождение Труда». Различия между идеологиями отдельных кружков и групп, конечно, тоже были, но эти различия были не существенны и все эти кружки были ближе друг к другу, чем к группе «Освобождение Труда». Тем не менее уже из сказанного читатель мог заключить, что влияние туземной социалдемократической мысли на идеологию группы «Освобождение Труда», несомненно, было. Уже то обстоятельство, что группа вынуждена была пересмотреть свою программу, указывает на этот факт. Она выкинула из своей программы понятие «социалистической интеллигенции» через 4—5 лет после того, как русские марксисты эту третью силу забраковали. Террор ею тоже был выброшен под давлением тех же кружков. Правда, что она

[1]) Н. Семашко. «Былое». Сборник № 2, «На заре рабочего движения в Москве». Госиздат, Москва, 1919 г., стр. 35.

(группа «Освобождение Труда») поступила по отношению к террору, как анекдотическая институтка, поставившая «очень, очень маленькую запятую» в своем сочинении. Группа хитрила с народовольцами и потому поставила очень маленькую террористическую запятую в 1887 г. и только через 4 года окончательно похоронила террор в статье Засулич («Социал-демократ») по поводу романа Степняка. Таким образом 4 года эта маленькая запятая приводила в соблазн и заблуждение марксистов и террористов, пока Засулич не объяснила, что это вовсе не запятая, а одно лишь «недоразумение». Читатель не забыл наверное, что не только кружок Точиского за 5 лет до этого, но и кружок Голубева за 3 года говорили: «Мы отрицаем террор, следовательно, мы не народовольцы, а социал-демократы»...

Таким образом, если факт появления группы «Освобождение Труда» имел то значение, что вокруг нее стали группироваться отпадавшие от миросозерцания 70-х годов элементы, то и эти самые элементы помогали группе освобождаться от некоторых рудиментарных пережитков тех же 70-х годов. Факт взаимодействия этих двух слагаемых: туземного марксизма и группы «Освобождение Труда», — налицо.

Н. Сергиевский.

Приложения к статье Н. Л. Сергиевского: „Группа „Освобождение Труда“ и марксистские кружки“.

I.

„Письмо к товарищам“, изданное в Москве в январе 1884 года.

Нижепечатаемая брошюра представляет собою наилюбопытнейший документ, совершенно забытый историко-революционной печатью. Она интересна не только своим содержанием, но также и тем, что она отлитографирована еще в январе 1884 года. Стало быть, еще тогда, в этот самый ранний момент появления марксистской мысли среди русских революционеров,—в Москве уже оказались ценители, которые приступили к ее печатанию, очевидно, надеясь найти благодарную аудиторию. Выше я сказал, что брошюра эта забыта. Действительно, в марксистской литературе она, можно сказать, совсем нигде не упоминается [1]). Группа «Освобождения Труда» ее замолчала, и только один Тихомиров Лев, зачуяв опасность со стороны новой группы злокозненных марксистов, отозвался на нее. В «Вестнике Народной Воли», № 4 (1885 г., Женева), в статье «Запросы жизни» он пишет на стр. 260 и 261: «Читателям, быть может, приходилось видеть литографированную брошюру «Письмо к товарищам» (Письмо к товарищам, Москва, 20 января 1884 г.). Неизвестный автор ее, развивая доказательства в пользу необходимости социалистической пропаганды, обрисовывает попутно политическое миросозерцание, чрезвычайно интересное с точки зрения разбираемого мною вопроса. Никогда еще в России (если не считать собственно заграничной литературы) не раздавалось такого самоуверенного призыва социалистов к полному кастрированию своей собственной роли, и это с ученейшим видом всезнающего д-ра Вагнера, с указанием на научный социализм, с ссылками на авторитет К. Маркса и т. д.». И далее на стр. 262: «Коренная ошибка автора состоит в том, что он прилагает к России революционную формулу капиталистических стран».

Тихомирову «книги—в руки»: он знает, с кем вести борьбу. Перед ним, кроме группы «Освобождение Труда», появился второй аналогичный враг, и он стремится его уничтожить. Кто же этот враг? Неизвестно. Никаких данных для указаний, какому перу принадлежит эта брошюра, не имеется. Автор брошюры, несомненно, не молодой социалист, хорошо осведомленный о практике социалистической борьбы на Западе. Находится ли он заграницей? Повидимому, нет; он здесь в России, близок к московским революционным кругам, но не среди московских революционеров. По смыслу письма это не подлежит сомнению. Возможно, что он в ссылке, но не далекой, или провинциальном городе, изолированный от революционных кругов. Если бы он был

---

[1]) Исключение представляет Д. Кольцов, который ссылается на эту брошюру в своей «Конец «Народной Воли» и начало социал-демократии». Вполне естественно, что Кольцов, как современник автора брошюры, не мог не помнить о ней и обойти ее молчанием. Что же касается того, прав ли Кольцов в своей характеристике брошюры, пусть судит сам читатель, внимательно прочитавши подлинник.

в дальней ссылке, то он не мог бы в декабре 1883 года написать этого письма, которым он реагирует на брошюру Плеханова «Социализм и т. д.», вышедшую в октябре 1883 года и перевалившую через Российскую границу не раньше, чем в ноябре месяце. Ясно, что он не в дальней Сибири, хотя бы даже и Западной, или на крайнем севере, а где-то поблизости; издатели успели спосылать только что полученные из-за границы брошюры группы «Освобождение Труда» и уже к январю 1884 года получить от него ответ. Письмо литографировано. В какой же литографии его печатали? Брошюра эта найдена в Историко-революционном архиве (Петроград) не в перепечатанном виде, а так, как она была впервые издана. Сравнивая эту брошюру с находящимися в библиотеке изданиями, вышедшими из московской частной (не нелегальной) литографии Янковской, выпустившей в период 1882—1884 г.г. множество революционных брошюр, я прихожу к выводу, что эта брошюра действительно издана тоже в литографии Янковской, как думали жандармы [1]).

Надо думать, что брошюра эта напечатана в литографии по заказу «Московского общестуденческого союза», который сорганизовался в декабре месяце 1883 года из целого ряда студенческих кружков и объединений различных высших учебных заведений Москвы. Именно с этого момента (декабрь 1883 г.) все издания нелегальной литературы, ранее издававшиеся различными кружками, перешли в ведение союза, который уже один повел дальнейшее издательство. Итак, по месту издания (литография Янковской), по времени издания (январь 1884 г.) устанавливается и самый издатель (Союз). Что же это за организация, которая печатает такую брошюру, которая печатает Энгельса даже ранее группы «Освобождение Труда»?

Жандармам уже давно было известно о появлении в различных городах России, на юге и востоке, многочисленных литографированных нелегальных изданий, повидимому, издающихся одной литографией. Появление на идентичных изданиях фирмы «Московский общестуденческий Союз» заставил их обратить внимание на московские литографии, и литография Янковской была накрыта (обыск 30 апреля 1884 г.), а одновременно были выслежены и лица, имевшие с ней связь. Так провалилась организация. До этого литография на протяжении двух лет (1882, 1883 г.г.) совершенно спокойно выпускала по заказу студентов под видом лекций различные народовольческие и народнические и марксистские издания. Так, например, Теселкин, Н. Н., еще зимой 1882 года, выпустил первый на русской территории «Манифест Коммунистической Партии» Маркса и Энгельса. Выпускали нужную литературу через эту литографию кружки различных фракций, не исключая даже толстовцев. Пользовались литографией и пролетариатцы, из коих Людвиг Янович был привлечен к делу; к этому же делу был привлечен Болеслав Малиновский, повидимому, находившийся в связи с пролетариатцами. А уже в начале 1883 года образовалось «Общество переводчиков и издателей», которое систематически занялось изданием чрез эту литографию переводной литературы. Из дела не видно, что именно они переводили и издавали; но, надо думать, именно этим обществом переведен Энгельс—«Научный и утопический социализм», Луи Блан, Шефле («Quintessenz»), изданные этой литографией. Брошюры: «Что такое заработная плата» и «Заработная плата и как она определяется» тоже, наверное, переводные и переведены или с польского или, возможно, немецкого. Возможно, что это перевод «Наемного труда» Маркса. Но здесь я назвал только те брошюры, которые попали в лапы жандармов. А сколько не попало к жандармам?.. Период деятельности «Общества» до возникновения «Союза» жандармами выяснен слабо, а потому нет достаточно материала для характеристики интенсивности деятельности «Общества» и его идейного направления. Состав этого общества был следующий: Кухтерин, Поликарп Михайлович; Плятунов, Иннокентий; Ворожейкин, Иннокентий Юрьевич; Аргунов, Павел Александрович; Распопин, Василий Трифонович, и Соколов, Петр Васильевич. Как видно из дознания, большинство членов этого «Общества»—сибиряки (Западная Сибирь) и связанные с ними лица или тоже сибиряки-революционеры, или ссыльные.

Однако, «Общество» не объединяло в себе всей издательской деятельности литографии. Некоторые кружки продолжали самостоятельно издавать через литографию литературу, которой они сочувствовали по своей фракционной принадлежности, то-есть народовольческую или «народническую». (Я оставляю слово народническую потому,

---

[1]) Дело деп. пол., 7-е делопр., № 553, ч. 1-я, 1884 г.

что в это понятие в те времена входило и то направление, которое по существу было марксистским, почти социал-демократичным) [1]. Так, известен, например, кружок женский, который осенью 1883 года издавал знаменитые речи Лассаля о конституции и идее рабочего сословия. Янович издал брошюру «Распределение продуктов труда в социалистическом государстве». Возможно, что и все ранее поименованные марксистские издания были выпущены не «Обществом» в целом, а лишь кем-либо из участников с марксистским уклоном, или кружками, дознанием необнаруженными. Раскрыл на допросах деятельность издательства, как видно из дела, Лаврушин, который вошел в издательскую организацию довольно поздно и потому мог рассказать дело только в финальном, заключительном перед раскрытием жандармами дела периоде.

Итак, до декабря 1883 года печатание нелегальщины в литографии производилось сепаратно кружками, исповедующими различные революционные программы. С осени этого года Янович повел агитацию за объединение всех московских кружков для совместного издательства; соглашение состоялось, и все издательство перешло в руки межфракционного общестуденческого союза, а непосредственные сношения с литографией принял на себя бывший студент, один из членов «Общества переводчиков»—Петр Васильевич Соколов. С этого момента взаимная конкуренция между революционными фракциями утихает, борьба за главенство приостанавливается, и союз действительно приступает к спокойному перепечатанию целого ряда появляющихся социал-демократических брошюр. Как только заграницей появилась брошюра Плеханова «Социализм и политическая борьба», она доставляется в Москву и здесь перепечатывается в литографии Янковской. В деле нет прямого указания, что эта брошюра была доставлена через Польшу пролетариатцами. Но есть упоминание, что Б. Малиновский снабжал союз, как и ранее действующие издательские группы, выходящими заграницей брошюрами на русском и на польском языках; последние переводились для издательства. Таким образом устанавливается, что брошюра Плеханова, а также обращение (от сентября 1883 г.) группы «Освобождение Труда» были почти немедленно доставлены в Москву, вероятно, через Польшу, а здесь немедленно были размножены и распространены по России.

Кроме только что помянутых брошюр, в литографии были изданы, как я уже упоминал, перевод из Энгельса «Утопический и научный социализм», «Манифест Коммунистической Партии» Маркса и Энгельса, речи Лассаля, две брошюры о заработной плате и, наконец, ранее не упоминаемые мною речь Либкнехта «В защиту правды» (очевидно, из «Вестника Народной Воли»), а также «Гражданская война» Маркса. Плеханов только что высказал в своей брошюре мысль, что следовало бы «Гражданскую войну», как ставшую библиографической редкостью, переиздать, а Москва уже печатает ее [2]. Итак, как видит читатель, издательство литографии Янковской фактически раньше группы

---

[1]) Я обратил на это внимание потому, что даже еще в конце 80-х годов народовольцы иногда называли марксистов неплехановского толка в отличие от последователей группы «Освобождение Труда» народниками. Но в этих мнимых народниках ничего специфически народнического не было. Они не только не питали никаких иллюзий в отношении русской общины, но не соглашались по вопросу об общине даже и с Марксом постольку, поскольку Маркс делал уступки в своем известном письме к Михайловскому и в предисловии к плехановскому переводу «Манифеста». Это были, несомненно, социал-демократы. Обыкновенно они отрицали террор, работу в интеллигентских сферах и всяческое соглашательство с «вольцами», которых они уже тогда расценивали, как идеологов мелкой буржуазии. В отличие от плехановцев, они, кроме того, скептически относились к возможности и продуктивности в данный момент политической агитации среди рабочих. В этом отношении они действительно напоминали народников, тоже отрицавших политику. Но последние, по крайней мере, старый тип народников, отрицали политику по принципу, как анархисты; марксисты же того периода отрицали ее не принципиально, а лишь находили несвоевременной политическую агитацию. Необходимость политической свободы для нормального развития класса и функционирования пролетарской партии для них была вне сомнения. Но это был лишь далекий идеал, к которому нужно было еще упорно и настойчиво подготовлять пролетариат.

[2]) Точно неизвестно, когда она напечатана; возможно, что даже ранее появления в Москве брошюры Плеханова.

«Освобождения Труда» приступило к печатанию марксистской литературы. Но оно же начало вместе с этим издавать и рабочую библиотеку. Ясно, что брошюры о заработной плате являются литературой, издававшейся не для студентов, а для рабочих. Следовательно, кружки Москвы еще в 1883 г. уже оставили за флагом «Хитрую механику» и начали издавать брошюры более соответствующие классовому сознанию пролетариата. Следовательно, кружки вели уже работу среди рабочих, и работу не бунтарскую, а по существу социал-демократическую, хотя бы и без такого титула. Из дела не видно, чтоб жандармы раскрыли эту работу. Есть незначительные намеки на работу среди рабочих при характеристике одного из членов союза, ученика императорского технического училища Федорова, Семена Петровича, который во время практических работ в Кыштымском и Саймонском заводах (на Урале) летом 1884 г., по словам дознания, «вел агитацию среди рабочих о неудовлетворительности платы, пищи и продолжительности рабочего дня». Агитация эта, как говорит дознание, вызвала незначительные волнения, быстро ликвидированные.

Тот же самый Федоров в Москве в 1883 году, совместно с товарищем по школе Рейнгольдом Циммерманом, составлял библиотеку для рабочих. Так как эта библиотека была составлена исключительно из книг легальных, то жандармы не занялись этим делом и даже не сочли нужным привлечь Циммермана. Затем в организации принимали участие, как видно из дознания, и старые уже привлекавшиеся по делам об агитации среди рабочих революционеры-рабочие, как, например, Морозенко. Однако, это обстоятельство не обратило внимание жандармов, они окончательно игнорировали вопрос о работе и в особенности пропагандистской среди рабочих. Все внимание их было обращено на разгром общестуденческой организации и вылавливание среди организации лиц, прикосновенных к крупным народовольческим работникам (Лопатин, Г., Сер. Иванов и проч.).

Интересующая нас брошюра была найдена тоже у ученика императорского технического училища, некоего Ворожейкина, Иннокентия Юрьевича, одного из членов Общества «переводчиков и издателей». Найдена она была в доме отца Ворожейкина—священника гор. Рыльска, и не в одном, а сразу в двух экземплярах. Кроме этой брошюры, там же был взят перевод Энгельса, в одном экземпляре. Интерес Ворожейкина именно к марксистской литературе является не единичным для учеников технического училища. Повидимому, последнее вместе с Петровско-Разумовской академией являлись средоточием марксистского устремления, тогда как университет отдавал, повидимому, предпочтение народовольческой литературе. В академии, как видно из дальнейших дел, был даже склад этой литературы, которая попала на обыск только через два года.

Издания литографии Янковской были выпущены в огромном по тому времени количестве. Некоторые брошюры, например, были напечатаны в количестве нескольких тысяч. Повидимому, литография работала исключительно только на студентов, ибо при обыске в ней жандармы не нашли никаких иных изданий, кроме студенческих, как нелегальной литературы, так и лекций. Обвиняемые преуменьшали количество изданных брошюр, называли лишь сотнями; тогда как рабочие типографии, вполне уверенные, что они печатали не что иное, как студенческие лекции, утверждали, что тиражи изданий были значительно больше. И действительно, хотя на обысках попало много брошюр, но большинство их было развезено по разным городам России. Брошюры эти неоднократно попадались в Харькове, Киеве, Одессе, Ростове, Перми и Оренбурге и сохранялись в некоторых революционных библиотеках вплоть до 90-х годов. Так, например, они были арестованы в Нижнем-Новгороде в начале 90-х годов. Одним словом, центр России, весь юг и восток были снабжены этими брошюрами [1]). Но харак-

---

[1]) Я помню, что в нелегальной библиотеке г. Владимира были издания литографии Янковской. Из последних я совершенно определенно помню «Исторические письма», «Гражданскую войну» и тот выпуск «Социалистического Знания», в котором был помещен перевод из «Анти-Дюринга» Энгельса. Описываемая брошюра также была; в ней обратили мое внимание характеристика французской революции и критика поведения немецких социалистов в отношении начинаний Маркса. По этим двум моментам я и вспоминаю эту брошюру. Были как будто и другие издания литографии, но назвать их теперь уже не могу.

терно то, что они не попадаются совсем ни в Петербурге, ни в других западных городах. Хотя в Питере гектографированный уже оттиск брошюры Энгельса был найден [1]).

Я не считаю возможным подробно описывать это дело, ибо имеющийся в архиве бывшего департамента полиции материал недостаточен и односторонен. Чтобы разобраться, что это были за организации, необходим более полный состав документов. В деле имеются лишь подробные показания одного из раскаявшихся членов союза, Лаврушина. Проверить его показания с остальными данными, фигурировавшими в дознании, не представляется возможным; остальные материалы не представлены в деле. Организация эта может быть изучена на основании дела и документов, долженствующих храниться в архиве московской судебной палаты.

Здесь же я имел в виду лишь кратко описать, которая из разгромленных властями в 80-х годах организаций издала печатаемое письмо «К товарищам» [2]).

ОТЪ ИЗДАТЕЛЕЙ.

Публикуемое нами «письмо къ товарищамъ» имѣетъ совершенно частный характеръ и нисколько не предназначалось авторомъ его для опубликованія. Публикуя его, мы руководствуемся слѣдующими соображеніями.

Много кружковъ и лицъ на Руси, придерживающихся того взгляда, что намъ, русскимъ соціалистамъ-революціонерамъ, слѣдуетъ на время оставить всякую мысль о соціализмѣ, ибо исторія выдвинула для насъ на первый планъ борьбу за политическую свободу. «Направляя всѣ свои силы исключительно на борьбу съ абсолютизмомъ», говорятъ они, «лишь въ этомъ случаѣ намъ удастся низвергнуть его и добиться такихъ политическихъ условій, при которыхъ намъ возможно будетъ вести соціалистическую борьбу». «Мы охотно», прибавляютъ они, «позволили бы себѣ, «какъ роскошь», и соціалистическую литературу — вѣдь мы по основнымъ своимъ убѣжденіямъ соціалисты — но такъ какъ мы не имѣемъ въ своемъ распоряженіи ни богатствъ Креза, ни арміи Наполеона I-го, то заставлены тратить свои силы по возможности производительнѣе».

Мы надѣемся, что публикуемое нами письмо, если не убѣдитъ совершенно подобные кружки и лица въ несостоятельности ихъ взглядовъ, то, по крайней мѣрѣ, заставитъ ихъ позадуматься о томъ, въ какомъ именно случаѣ мы, какъ соціалисты, хотя бы только «по основнымъ своимъ убѣжденіямъ», тратили бы свои средства и силы производительнѣе.

Къ величайшей нашей радости, нѣкоторые кружки сами сознали въ послѣднее время всю необходимость серьезной соціалистической литературы, доказательствомъ чему могутъ послужить появленіе литографированныхъ статей Энгельса и Ланге, литографированіе брошюры «Соціализмъ и Политическая борьба» Плеханова и т. п. Для этихъ-то кружковъ мы больше всего и публикуемъ это письмо. Оно укрѣпитъ въ нихъ зароди-

---

[1]) Теперь могу внести поправку к этому утверждению. Брошюры эти получили распространение и в западных городах. Они были и в Питере, и найдены в Киеве по делу военно-революционных кружков благоевцев.

[2]) В печатаемой вслед за этими строками брошюре мы все места, подчеркнутые в подлиннике, отметили разрядкой. К сожалению, относительно некоторых слов нельзя установить, действительно ли они были подчеркнуты самим автором брошюры или же стоящие под ними черточки явились результатом не вполне исправной работы литографии. Во всех этих сомнительных случаях мы делаем ссылки на настоящее примечание.

вшуюся мысль о необходимости, какъ для нашей революціонной молодежи, такъ и для болѣе интеллигентных рабочихъ, серьезной соціально-политической подготовки, что, въ свою очередь, обусловливаетъ собою необходимость созданія такой литературы, которая могла бы дать имъ эту подготовку. «Библіотека современнаго соціализма» есть, по нашему мнѣнію, именно такая литература, и мы надѣемся, что вышеупомянутые кружки поспѣшатъ своей поддержкой навстрѣчу этому весьма и весьма полезному предпріятію.

Въ заключеніе прибавимъ слѣдующее: авторъ «Письма къ Товарищамъ» говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что при нѣкоторыхъ усиліяхъ можно доставлять въ Россію если не тысячи, то сотни экземпляровъ каждой брошюры. Мы съ своей стороны можемъ прибавить, что это не предположеніе со стороны автора письма; усилія эти, какъ намъ извѣстно, уже сдѣланы, и есть возможность доставлять въ Россію, довольно часто, сотни двѣ-три брошюрокъ.

Въ концѣ «письма» мы помѣщаемъ списокъ книгъ, имѣющихся въ складѣ группы «Освобожденіе Труда».

Издатели.

Москва, Января 1884 г.

Товарищи.

Желая содѣйствовать группѣ «Освобожденіе Труда» въ осуществленіи предпринятаго ею изданія «Библіотека Современнаго Соціализма», вы находите полезнымъ имѣть въ своемъ распоряженіи болѣе или менѣе подробныя разъясненія, хотя бы только письменныя, относительно цѣли и значенія подобнаго предпріятія въ настоящій моментъ. Въ пользу своего предложенія вы ссылаетесь на равнодушіе однихъ къ такого рода предпріятіямъ, на сомнѣнія и разспросы другихъ относительно ихъ практическаго смысла. Признаюсь, съ тяжелымъ чувствомъ принимаюсь я за исполненіе вашего желанія. Въ самомъ дѣлѣ, не заключается ли печальное предзнаменованіе для ближайшей судьбы нашего соціалистическаго движенія въ самомъ фактѣ необходимости разъяснять нашимъ, такъ называемымъ, «соціалистамъ» подобныя вещи. Въ результатѣ столькихъ жертвъ и геройскихъ усилій революціонной партіи, въ ея рядахъ оказывается такой идейный упадокъ, что не только пониманіе соціализма (никогда, впрочемъ, не стоявшее у насъ высоко), но даже сознаніе важности такого пониманія, самая потребность въ немъ все болѣе и болѣе исчезаетъ у нашей, такъ называемой, «соціалистической интеллигенціи». То, что составляетъ насущную потребность для всякаго европейскаго рабочаго-соціалиста, то, что кажется ему само-собою подразумѣвающимся, требуетъ долгихъ предварительныхъ разъясненій для нашей интеллигенціи. Нѣмецкіе соціалисты имѣютъ внутри страны газеты и даже мѣсячныя, весьма дѣльныя обозрѣнія. И всетаки они еще издаютъ за границей спеціальный органъ партіи — несмотря на всевозможные безчисленные провалы на границѣ, на провалы при распространеніи «С.-Д.» внутри Германіи. Что же побуждаетъ ихъ, «бѣдняковъ»—рабочихъ, тратить свои гроши и рисковать положеніемъ своимъ и своихъ семей для такой роскоши? — Глубокое сознаніе важности для соціально-политическаго развитія партіи выражать свои стремленія и идеи въ возможно болѣе рѣзкой принципіальной и систематической формѣ. Но и такой органъ

имъ кажется недостаточнымъ для вполнѣ послѣдовательной разработки и пропаганды социально-политическихъ тенденцій и идей соціализма.

Поэтому они за границей издаютъ постоянно брошюрки и книги, которыя опять таки приходится перевозить тайно и распространять тайно. Наша же «соціалистическая» интеллигенція, которая, кажется, особенно должна бы дорожить своимъ идейнымъ развитіемъ, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ почесываетъ затылокъ, когда заходитъ рѣчь о пересмотрѣ и пополненіи умственнаго багажа, составляющаго необходимое орудіе борьбы для всякой прогрессивной партіи, а тѣмъ болѣе соціалистической.

Въ этой разницѣ между отношеніемъ западно-европейской рабочей интеллигенціи и русской соціалистической интеллигенціи къ разработкѣ и пропагандѣ соціализма отражается, по моему, и разница ихъ культурнаго уровня и разница классовыхъ инстинктовъ одной и другой. Культурный человѣкъ отличается отъ дикаря, между прочимъ, тѣмъ, что первый обыкновенно изъ-за интересовъ минуты не упускаетъ изъ виду интересы будущаго. Чѣмъ человѣкъ развитѣе, тѣмъ онъ болѣе способенъ переноситься въ положеніе другихъ и возвышаться не только надъ своими узко-эгоистическими интересами, но и надъ интересами минуты окружающей его среды. Вотъ почему благороднѣйшіе представители высшихъ сословій умѣли во всѣ времена отказываться отъ узкихъ грубо-матеріалистическихъ тенденцій и предразсудковъ своей среды и становились борцами за угнетенные классы. Поэтому же, съ другой стороны, и угнетенные классы по мѣрѣ своего культурнаго и соціально-политическаго развитія руководствуются въ своей борьбѣ не только своими узко-классовыми интересами, но и общечеловѣческими, не только узкими соображеніями объ облегченіи своей участи на сегодня, но прежде всего соображеніями о проложеніи путей къ всестороннему развитію условій интеллектуальнаго, экономическаго и политическаго прогресса. Возвращаясь къ рабочей интеллигенціи Западной Европы, мы видимъ, что, агитируя во главѣ рабочихъ массъ во имя частныхъ улучшеній и повседневныхъ вопросовъ, она ни на минуту, даже при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, не теряетъ изъ виду основные интересы соціализма и условія существованія его хотя бы и не въ близкомъ будущемъ. Какъ разъ обратное мы видимъ въ нашей интеллигенціи. Она вѣчно переходитъ отъ одного пріема борьбы къ другому — изъ за вопросовъ минуты готова забыть окончательно цѣль движенія. Ради одного какого нибудь пріема, особенно благопріятствуемаго даннымъ моментомъ, она забываетъ всѣ тѣ пути, внѣ которыхъ, не говорю: торжество соціализма, хотя бы въ далекомъ будущемъ, но и обезпеченіе истинно демократической конституціи немыслимо. Начавъ съ «хожденія въ народъ» — безъ особеннаго почти плана (что вполнѣ простительно на такомъ новомъ пути), она мало по малу почти совершенно оставила его или по крайней мѣрѣ сильно охладѣла къ этому дѣлу. Провозгласивъ себя поборниками интернаціональнаго соціализма, наши революціонеры постепенно дошли до революціонно славянофильскаго народничества, развившагося съ одной стороны въ форму «Черно-Передѣльчества», и съ другой — «Народовольчества». И, въ довершеніе всего, потеряли всякое сознаніе важности серьезнаго ознакомленія съ научными основаніями и развитіемъ соціалистическаго міросозерцанія и хотя бы только теоретической пропаганды его принциповъ

и вытекающихъ изъ нихъ практическихъ путей. Это очень характерно для нашей интеллигенціи. Этотъ процессъ ея превращеній показываетъ, что такія вещи, какъ выработка хотя бы передовыхъ группъ среди городскихъ рабочихъ съ яснымъ соціально-политическимъ міросозерцаніемъ, въ глубинѣ души ее очень мало интересуетъ. Вполнѣ естественно, поэтому, ея равнодушіе къ литературной разработкѣ и пропагандѣ того ученія (соціализма), которое представляетъ собой научное выраженіе интересовъ и инстинктивныхъ стремленій рабочихъ массъ. И замѣчательно, что въ то время, какъ революціонные представители интеллигенціи нѣкоторыхъ городовъ доказывали въ 79 г., что время пропаганды соціализма среди рабочихъ прошло, что книжекъ, въ виду преслѣдованія, они читать не будутъ, въ это самое время остатки разгромленныхъ рабочихъ кружковъ жаловались на индифферентизмъ интеллигенціи къ ихъ интересамъ и ихъ умственному развитію, на отсутствіе брошюръ и книжекъ для народа и т. д. И черезъ нѣсколько дней послѣ повѣшенія матроса Логовенко рабочіе въ Одессѣ какъ пряники расхватывали привезенныя изъ за границы книжки, а за недостаткомъ послѣднихъ, наша народившаяся рабочая интеллигенція вынуждена была удовлетворяться гектографированными записками, программами и т. д., въ которыхъ рабочимъ разъяснялись идеи соціализма и связь его съ политической свободой. Какъ только у насъ народился интеллигентный элементъ среди рабочихъ, такъ онъ тотчасъ же началъ заявлять интересъ къ саморазвитію умственному и политическому. Наша же революціонная интеллигенція, имѣющая въ своемъ распоряженіи хоть легальную, но все таки обширную литературу, находила, что для рабочихъ такія вещи только излишняя роскошь. Индифферентные къ дѣлу соціалистическаго воспитанія передовыхъ элементовъ рабочаго класса, они естественно индифферентны и къ своей собственной соціалистической выработкѣ, такъ какъ послѣдняя не можетъ имѣть для насъ значенія постольку, поскольку мы заинтересованы въ подготовленіи рабочаго класса къ сознательно-соціально-политической дѣятельности. Невольно припоминается отношеніе революціонной интеллигенціи Германіи къ этому же дѣлу въ 40-хъ годахъ. Марксу приходилось обращаться къ русскимъ за денежной поддержкой для напечатанія своей знаменитой «Misère de la philosophie» — и ему приходилось воевать съ грубымъ эмпиризмомъ большинства тогдашнихъ революціонеровъ, изъ которыхъ нѣкоторые находили, что онъ чуть ли не развращаетъ рабочихъ. Но онъ отличался отъ нихъ только тѣмъ, что, прекрасно сознавая необходимость борьбы съ абсолютизмомъ, онъ въ то же время считалъ обязанностью своихъ революціонныхъ собраній[1]) не терять изъ виду «интересовъ будущаго», т.-е. подготовку демократической[2]) интеллигенціи и лучшихъ рабочихъ къ сознательному участію въ предстоявшемъ политическомъ движеніи. Будущее показало, насколько плодотворны были усилія Маркса, Энгельса, Ф. Беккера, Морица Гельса. — Германская соціальная демократія есть ихъ умственное дѣтище. Масса[3]) же тогдашней демократической интеллигенціи Германіи, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась впослѣдствіи въ своемъ

---

[1]) В литографированном подлиннике значится: «собраній», а нужно читать: «собратій».

[2]) См. прим. № 2 на стр. 172.

[3]) См. прим. № 2 на стр. 172.

громадномъ большинствѣ въ ряду ихъ либеральныхъ и даже національ-либеральныхъ противниковъ соціализма и пролетаріата.

Вы, конечно, удивитесь тому, что я такъ далеко уклонился отъ настоящаго предмета письма. Но это случилось частью невольно, подъ вліяніемъ моего пессимистическаго настроенія по отношенію къ нашей, такъ называемой «соціалистической» молодежи, частью, чтобы показать вамъ, насколько для меня трудно выполнить ваше желаніе. Замѣтьте, вамъ приходится выслушивать сочиненія [1]) и вопросы не только относительно успѣха изданія и т. д., но и относительно его raison d'etre въ самомъ принципѣ. Но есть ли вѣроятность, чтобы элементы, которые въ 1883 г. ставятъ вопросительный знакъ передъ дѣломъ организаціи — рядомъ съ борьбой противъ абсолютизма . . . [2]) систематической [3]) пропаганды современнаго соціализма, есть-ли, говорю я, вѣроятность, чтобы подобные элементы измѣнили свое мнѣніе подъ вліяніемъ нѣсколькихъ письменныхъ разъясненій? Признаюсь, моя энергія пасуетъ передъ такой едва-ли не Сизифовой работой. Впрочемъ, все вышесказанное мной хотя и косвенно относится, однако, къ сущности вопроса. Попытаюсь, однако, еще спеціально въ немногихъ пунктахъ срезюмировать наиболѣе существенныя соображенія въ пользу настоятельности такого литературнаго предпріятія, какъ «Библіотека современнаго соціализма» [4]).

I. Мы живемъ наканунѣ серьезнаго политическаго переворота въ Россіи. Соціалистической интеллигенціи придется выступить открыто — въ прессе, на собраніяхъ, быть можетъ, въ парламентѣ. Съ чѣмъ она выступитъ? У ней нѣтъ никакихъ твердыхъ точекъ опоры въ ея соціально-политическихъ міровоззрѣніяхъ, нѣтъ строго продуманнаго критерія для оцѣнки окружающихъ явленій, для пониманія реальныхъ требованій данной минуты и связи ихъ съ условіями дальнѣйшаго развитія Россіи вообще и народной партіи въ частности. Для того, чтобъ сколько нибудь подготовиться къ этому моменту, соціалистическимъ элементамъ крайне необходимо теперь же серьезно приняться за систематическое выясненіе основныхъ понятій современнаго соціализма въ общихъ законахъ [5]) историческаго развитія объ условіяхъ экономическаго, соціально-политическаго и умственнаго прогресса. И въ то же время необходимо, руководясь этими понятіями, подвергнуть безпощадному и всестороннему пересмотру все прошлое и настоящее русскихъ революціонеровъ, ихъ отношеніе къ партіямъ и элементамъ русской жизни и особенности самыхъ этихъ элементовъ.

II. Прогрессивная роль революціонныхъ элементовъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ яснѣе они умѣютъ отличить возможное [6]) для осуществленія

---

[1]) Отлитографировано: «сочиненія», нужно читать: «сомненія».

[2]) В тексте пропуск.

[3]) См. прим. № 2 на стр. 172.

[4]) [Вопроса] о воззрѣніяхъ ея издателей я здѣсь касаться не буду, такъ какъ обстоятельное изложеніе ихъ немыслимо въ одномъ письмѣ, да это и излишне было бы въ виду появленія брошюры Плеханова «Соціализмъ и политическа борьба», [гдѣ] ихъ воззрѣнія группы «Освобождения труда» изложены съ чрезвычайною ясностью. Кромѣ того, въ предисловіяхъ къ брошюрамъ, «Манифестъ Коммунистической партіи» и «Наемный трудъ и Капиталъ» основная точка зрѣнія также намѣчена въ общихъ чертахъ.

[5]) См. прим. № 2 на стр. 172.

[6]) См. прим. № 2 на стр. 172.

въ данную минуту отъ ихъ окончательной цѣли, время осуществленія которой зависитъ не столько отъ доброй воли нѣсколькихъ самоотверженныхъ друзей народа, сколько отъ объективныхъ условій развитія человѣчества. Но это умѣнье соразмѣрять свои практическія [требованія] с условіями органическаго развитія и съ собственными наличными силами русскіе революціонеры могутъ пріобрѣсть прежде всего путемъ яснаго сознанія ими общихъ законовъ историческаго развитія, насколько они выяснены современной соціалистической наукой, свободной отъ всякихъ иллюзій и утопій. Интенсивность и форма борьбы революціонныхъ партій обусловливается, конечно, въ значительной мѣрѣ характеромъ угнетающей силы и способами ея противодѣйствія революционнымъ стремленіямъ. Но несомнѣнно также и то, что общій характеръ освободительнаго движенія и его историческаго значенія въ смыслѣ прогресса находятся въ прямой зависимости отъ степени соціально-политическаго развитія угнетенной массы и передовыхъ застрѣльщиковъ на полѣ борьбы за ея интересы. Я не стану пускаться здѣсь въ дальнѣйшее развитіе этой мысли. Достаточно сравнить средневѣковыя народныя движенія, современное ирландское движеніе, отличающееся такимъ грубо націоналистическимъ характеромъ и такого рода проявленія народнаго недовольства, какъ анти-еврейскіе безпорядки въ Россіи и Венгріи; достаточно сравнить всѣ эти движенія съ новѣйшими революціонными движеніями Франціи и соціально-демократическимъ Германіи, чтобы замѣтить всю громадную разницу между освободительными усиліями массъ, направляемыхъ соціалистически развитымъ меньшинствомъ и такими же усиліями угнетенныхъ слоевъ безъ широкой принципіальной подкладки. Нѣкоторые объясняютъ всѣ ужасы первой французской революціи захватомъ диктатуры представителями якобинскаго централизма. Объясненіе это по нашему довольно поверхностно. Помимо обстоятельствъ борьбы революціонной Франціи противъ общеевропейской коалиціи реакціонеровъ, главной причиной, породившей какъ якобинскую диктатуру, такъ и тогдашнюю систему террора, послужило страшное противорѣчіе, существовавшее въ эпоху первой революціи между стремленіями лучшихъ демократовъ того времени съ одной стороны и экономическимъ развитіемъ Франціи съ соотвѣтствовавшими ему соціалистическими тенденціями низшихъ классовъ съ другой стороны. Наиболѣе искренніе демократы смутно чувствовали и замѣчали, что революція идетъ не къ установленію братства и равенства, о которомъ они мечтали, и имъ казалось, что своей личной энергіей и чрезвычайными средствами имъ удастся доставить немедленное торжество своимъ идеаламъ. А между тѣмъ, въ сущности, въ ихъ собственныхъ идеалахъ заключались начала, въ корнѣ противоположныя тому царству всеобщаго братства, къ которому они стремились. И наперекоръ всей чрезвычайности ихъ средствъ, или вѣрнѣе, благодаря имъ, крайніе демократы 93 — 94 г.г. работали безсознательно прежде всего на пользу буржуазіи и императорства. Тогдашній уровень соціалистическихъ знаній и въ частности развитія истинно демократическаго міросозерцанія (что зависѣло отъ чисто объективныхъ условій) препятствовали крайнимъ демократамъ видѣть громадное противорѣчіе между ихъ радикальными тенденціями и господствовавшими въ ихъ собственной средѣ соціально-экономическими воззрѣніями. Они не видѣли, что ихъ соціально-политическая

программа внутренне противорѣчива, и не сознавали, что время господства крайней демократіи тогда еще не настало, что она еще не достигла той ступени развитія, на которой какая-нибудь соціальная группа можетъ по праву и съ нѣкоторымъ успѣхомъ овладѣть монополіей управленія всѣми дѣлами страны. Всякая крайняя партія, очутившаяся, благодаря какимъ-нибудь временнымъ обстоятельствамъ, въ подобномъ положеніи, неизбежно должна прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ средствамъ въ родѣ личной диктатуры своихъ вождей, чтобы какъ-нибудь удержаться на вершинѣ власти. А разъ вопросъ объ устроеніи человѣческаго блага перешелъ въ исключительное вѣдѣніе малочисленной группы идеологовъ-властителей, попытки рѣшенія его должны неизбѣжно сопровождаться такими ошибками и неудачами, которыя необходимо влекутъ за собою не только пораженіе этого идеологическаго меньшинства, но и компрометацію всей ихъ партіи и самаго знамени его. Возвращаюсь, однако, къ нашему вопросу. Если судить по антиеврейскимъ безпорядкамъ съ одной стороны и по различнымъ проявленіямъ воззрѣній на дѣятельность нашей революціонной интеллигенціи, между прочимъ и по отношенію ея къ антиеврейскимъ безпорядкамъ, съ другой стороны, едва-ли можно возлагать особенно розовыя надежды на соціально-политическую роль нашихъ демократическихъ слоевъ въ ближайшій къ намъ моментъ широкаго политическаго движенія. Возможно разграничить minimum или, если угодно, maximum осуществимыхъ теперь практическихъ требованій отъ основныхъ стремленій революціонной демократіи; концентрація ея силъ на борьбѣ за эти требованія и на заложеніи прочной основы истинно народной партіи — таковъ, как мнѣ кажется, предѣлъ того, что могутъ соціалистическіе элементы взять на свои плечи при настоящемъ состояніи своей силы. Но гдѣ искать высшій критерій для болѣе или менѣе точнаго опредѣленія нашихъ принципіальныхъ и практическихъ задачъ? Критерій этотъ можетъ заключаться прежде всего въ ученіяхъ современнаго соціализма. Я не хочу этимъ сказать, что онъ безусловно гарантируетъ насъ отъ всякихъ безплодныхъ попытокъ, отъ грубыхъ ошибокъ и промаховъ. При настоящемъ состояніи соціалистическихъ знаній никакая доктрина не можетъ во всѣхъ частностяхъ предохранять насъ отъ ложныхъ шаговъ. Но современный соціализмъ, какъ совокупность понятій и воззрѣній, основанныхъ на тщательномъ анализѣ историческаго процесса развитія человѣчества, заключаетъ въ себѣ указанія и на современную русскую жизнь, и на преобладающую тенденцію ея соціально-экономическихъ силъ; такъ какъ наша современность представляетъ собою уже пройденную передовыми народами фазу развитія, то не отъ всевозможныхъ ошибокъ и крайностей могутъ предохранить насъ ученія научнаго соціализма, но они предохранятъ отъ очень многихъ и очень важныхъ. Только партія, вполнѣ усвоившая точку зрѣнія современнаго соціализма, сумѣетъ возвыситься до такого яснаго сознанія своихъ основныхъ тенденцій и условій ихъ осуществленія, что не станетъ преждевременно брать на свои плечи задачу, далеко превышающую ея силы, и ради немедленнаго достиженія ея пускаться на непозволительные компромиссы не только съ враждебными народу элементами, но и съ самой народной массой, когда она выступаетъ, какъ реакціонная сила. Только революціонная партія съ яснымъ пониманіемъ сущности научно-соціалистическаго міросозерцанія и его отношенія

къ русской дѣйствительности, сумѣетъ выбрать путь наиболѣе цѣлесообразный для параллельнаго преслѣдованія maximum'a осуществимыхъ при теперешнемъ положеніи вещей требованій и подготовки сознательныхъ элементовъ для осуществленія основныхъ задачъ соціализма.

III. С этой точки зрѣнія дѣло организаціи систематической пропаганды научнаго соціализма въ связи съ задачами и стремленіями русскихъ революціонеровъ является теперь крайне насущнымъ, какъ необходимое средство для подготовленія такого соціально-революціоннаго элемента, который своевременно мог бы выступить съ опредѣленной, строго послѣдовательной программой, какъ принципіальной, такъ и практической. Вооруженный опредѣленной системой идей и яснымъ пониманіемъ положенія вещей, такой элементъ оказался бы чрезвычайно полезнымъ соціальнымъ факторомъ, если не какъ руководитель большинства крестьянскихъ массъ, то, по крайней мѣрѣ, демократической интеллигенціи и городскихъ рабочихъ. Трудно разсчитывать на то, чтобы въ ближайшемъ къ намъ общественномъ движеніи такая соціалистическая партія могла пріобрѣсть преобладающее вліяніе среди народныхъ массъ. Но уже чрезвычайно важно было бы пріобрѣтеніе ею такого вліянія хотя бы только среди демократической интеллигенціи и низшихъ классовъ въ городахъ. Изъ этихъ центровъ вліяніе ея хоть косвеннымъ путемъ распространялось бы до нѣкоторой степени и на крестьянскую среду, направляя ее на болѣе или менѣе цѣлесообразные пути при отстаиваніи своихъ интересовъ.

IV. Допустимъ, что и эти сравнительно умѣренные надежды окажутся неосуществимыми въ ближайшіе годы. И это весьма вѣроятно въ виду все большаго и большаго выступленія наружу буржуазныхъ инстинктовъ и стремленій нашей интеллигенціи, для которой соціально-политическое развитіе рабочихъ и собственная соціалистическая выработка все болѣе и болѣе отходятъ на задній планъ. Признавая крайне вѣроятнымъ, что намъ теперь уже не удастся подготовить къ предстоящему моменту паденія абсолютизма очень вліятельную соціалистическую партію, я все же нахожу настолько плодотворнымъ дѣло, затѣянное группой «Освобожденіе Труда», что считаю прямой обязанностью искреннихъ и сознательныхъ соціалистовъ всѣми силами поддерживать его. Прежде всего очевидно, что для достиженія когда-нибудь высшихъ или даже среднихъ ступеней вліянія въ обществѣ, необходимо же когда-нибудь взобраться на первыя ступени, преодолѣть первые шаги на пути къ пріобрѣтенію значенія руководящаго фактора въ жизни страны. Первымъ же условіемъ для пріобрѣтенія русскими революціонерами когда-нибудь серьезнаго вліянія на народныя массы является, очевидно, помимо энергіи и героическаго самоотверженія, ясное пониманіе ими самими теоретическихъ основъ современнаго соціализма и своихъ практическихъ задачъ въ Россіи, какъ элементовъ, стремящихся къ доставленію торжества идеаламъ соціализма. Поднятіе соціально-политическаго сознанія собственныхъ передовыхъ рядовъ до возможно высокой ступени развитія — таковъ первый необходимый шагъ, который должны преодолѣть соціалистически настроенные элементы нашихъ революціонеровъ, чтобы проложить себѣ дорогу къ выдающейся роли въ нашей общественной жизни. Съ этой точки зрѣнія едва-ли возможно сомнѣваться въ настоятельной необходимости организаціи литературной пропаганды

соціалистическихъ идей по плану «Библіотеки современнаго соціализма», если бы даже непосредственнымъ результатомъ этой пропаганды въ теченіе 3 — 4 лѣтъ было только образованіе контингента въ 300 — 400 человѣкъ, болѣе или менѣе серьезныхъ, усвоившихъ соціалистическое міросозерцаніе въ его современной научной формѣ. Гдѣ же это видано, чтобы искренніе и сознательные представители какой-нибудь общественной идеи складывали хоть на время руки въ дѣлѣ ея развитія и пропаганды — разъ у нихъ [нѣтъ] осязательныхъ шансовъ на завоеваніе ей къ желательному имъ моменту выдающейся роли въ соціально-политической жизни? А разъ мы признаемъ важность выработки послѣдовательнаго соціалистическаго міросозерцанія, хотя бы только въ меньшинствѣ наиболѣе демократической интеллигенціи и передовыхъ единицахъ рабочаго класса для образованія у насъ истинно народно-революціонной партіи въ будущемъ, мы необходимо должны признать и своевременность такого предпріятія, какъ «Библіотека современнаго соціализма». При нѣкоторыхъ, не очень большихъ усиліяхъ, въ Россію возможно будетъ доставлять разными способами, если не тысячами, то по нѣскольку сотъ экземпляровъ каждой брошюры или сборника. Такимъ образомъ, какъ развитые рабочіе, такъ и соціалистическая часть нашей привилегированной молодежи нашли бы въ своемъ распоряженіи матеріалъ для собственной теоретической выработки въ духѣ современнаго соціализма и въ нѣкоторомъ родѣ руководства въ своей пропагандистской дѣятельности. Кромѣ того, не мѣшало бы имѣть въ виду и заграничную русскую публику — студенчество и эмиграцію, — возрастающую чуть не изо дня въ день. Хотя молодежь, пребывающая за границей, и не отдѣлена китайской стѣной, какъ на родинѣ, отъ соціалистическаго движенія и литературы запада, она, однако, фактически, благодаря своимъ спеціальнымъ занятіямъ, не имѣетъ возможности по первымъ источникамъ знакомиться съ сущностью и ходомъ этого движенія и его теоретической подкладкой. И для нея сводъ идей, понятій и фактовъ, составляющихъ основу и содержаніе соціально-революціоннаго движенія Запада въ болѣе или менѣе обработанномъ видѣ, въ формѣ брошюръ и статей, очень необходимъ, какъ наиболѣе доступное средство для пополненія ея теоретическаго развитія по вопросамъ соціализма. Нужно-ли еще доказывать, что и заграничный русскій элементъ, состоящій изъ многихъ сотенъ лицъ, слѣдуетъ принять въ расчетъ при обсужденіи вопроса объ организаціи систематической пропаганды, путемъ литературы, соціализма? Такой вопросъ казался бы просто страннымъ для большинства французскихъ или германскихъ соціалистовъ-революціонеровъ. У насъ же придется еще, вѣроятно, доказывать, что вѣдь масса нашихъ добровольныхъ и недобровольныхъ изгнанниковъ — только временные гости за границей и что, при нѣкоторой внутренней поддержкѣ извнѣ, многіе изъ нихъ вернутся на родину весьма цѣнными силами для нашего соціально-революціоннаго движенія.

Пора, однако, закончить свое, ужъ черезчуръ растянувшееся посланіе. Прибавлю только ко всему вышесказанному еще одно, вѣроятно, очень странное для русскаго человѣка, соображеніе въ пользу «Библіотеки современнаго соціализма». Она могла бы послужить почвою для выработки болѣе или менѣе численно значительной литературной группы изъ сотрудниковъ въ Россіи и за границей, группы, вполнѣ слившейся по всѣмъ вопро-

самъ теорiи и практики соцiализма. А такая литературная группа, съ нѣсколькими сотнями солидарныхъ съ ней по направленiю лицъ, оказалась бы, въ предстоящiй моментъ широкаго общественнаго движенiя у насъ, цѣнной силой, какъ умственный центръ соцiалистически подготовленнаго ядра демократическихъ элементовъ.

Таковъ minimum ожидаемыхъ мною результатовъ отъ осуществленiя, при серьезной поддержкѣ изъ Россiи, предпрiятiя группы «Освобожденiе Труда». Откровенно сознаюсь, однако, что внутренно я ожидаю болѣе значительныхъ результатовъ. Кто знакомъ съ исторiей образованiя политическихъ партiй, тотъ знаетъ, какую силу можетъ представить изъ себя — въ моментъ свободнаго общественнаго броженiя группа въ три, четыре сотни соцiально-политически развитыхъ лицъ, связанныхъ между собою единствомъ воззрѣнiй и солидарнымъ съ нимъ литературнымъ персоналомъ. Непосредственное влiянiе такой группы можетъ проявиться гораздо быстрѣе и значительнѣе, чѣмъ это можетъ казаться теперь.

Въ заключенiе обращаю ваше вниманiе на слѣдующее обстоятельство. Крайнiй демократизмъ нашей интеллигенцiи обусловливается въ значительной мѣрѣ тѣмъ гнетомъ, который лично ей приходится выносить подъ давленiемъ абсолютизма. По всей вѣроятности, ея демократическiя симпатiи явно улетучатся послѣ паденiя абсолютизма, какъ это случилось съ ней въ Западной Европѣ. Удержать твердо значительную часть ея на почвѣ теперешнихъ ея соцiалистическихъ тенденцiй возможно было бы только путем усиленной пропаганды теперь въ ея средѣ ученiй научнаго соцiализма, потому что люди привилегированной среды могутъ въ большинствѣ случаевъ серьезно предаться интересамъ народа только подъ влiянiемъ усилiй мысли и теоретическихъ доводовъ. Но самая склонность ума работать въ этомъ направленiи, предрасположенность его, такъ сказать, къ воспрiятiю крайнихъ демократическихъ доктринъ зависитъ отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. И въ этомъ отношенiи теперешнiя обстоятельства, конечно, гораздо благопрiятнѣе тѣхъ, какiя настанутъ послѣ избавленiя Россiи отъ гнета абсолютной монархiи. Вотъ почему я думаю, что именно теперь, (а не послѣ) слѣдуетъ употребить всѣ усилiя на организацiю систематической пропаганды соцiализма въ [средѣ] нашей интеллигентной молодежи. Упустить этотъ моментъ — значитъ совершить непростительную и едва-ли поправимую ошибку. И это будетъ одна изъ тѣхъ ошибокъ въ жизни общественныхъ партiй, за которыя имъ приходится жестоко расплачиваться передъ неумолимымъ судомъ исторiи.

Печатается по литографированному подлиннику (24,5 см × 15,5 см), хранящемуся в Историко-революционном архиве, по инвентарю № 47.

2.

Изложение содержания отобранного у Л. Г. Дейча при аресте письма неизвестного петербуржца к группе «Освобождение Труда», от начала 1884 г.

Автор письма, описывая теперешнее состояние революционной молодежи в С.-Петербурге и Москве, говорит, что это стадо, не имеющее руководителя; что хотя в общем господствует народовольческое направление, но,

в сущности, никакого единого, определенного направления нет: каждый, народовольческий кружок и даже каждый народоволец толкуют программу по-своему, часто диаметрально противоположно. Лучшие элементы из молодежи,—пишет корреспондент,—чувствуют эту пустоту и бьются они бедные, как рыба об лед, но, конечно, сами никогда не вырвались бы из заколдованного круга. Тут-то группа «Освобождение Труда» и является ангелом спасителем. Признаются в этом пока хотя немногие; но масса это чувствует; даже самые ярые наши противники, т.-е. самые глупые народовольцы говорят о «новом направлении» как о чем-то, получившем право гражданства, как о противнике, с которым бороться надо...». Московским литераторам понравилась брошюра Плеханова, они находят ее хорошей социалистической программой, хотя думают, что не наступило еще время для нее. Затем: «итак, у нас имеются два, вполне с нами солидарных кружка и благоприятствующее нам общее настроение публики; союз с московской группой более, чем вероятен; есть масса знакомых среди студентов и студенток; некоторые из них и теперь занимаются с рабочими». Корреспондент возбуждает желание, чтобы выработан был проект «русского рабочего союза», а также выяснено, насколько этот союз должен принимать участие в борьбе с абсолютизмом и в фабричном и аграрном терроре». Этот террор составляет теперь в России злобу дня. Только о нем и говорят — в особенности народовольцы, как о средстве популяризировать партию в народе, для которого общий политический террор непонятен: убийство непосредственных угнетателей народа будет для него понятнее.

Печатается по составленной в департаменте полиции справке о Г. В. Плеханове. О. О., 1906 г., № 753, «О дворянине Георгии Валентинове Плеханове», л.л. 12—13.

3.

Письмо петербургской рабочей группы парижским народовольцам, от 22 января 1885 г. [1]).

Письмо 10.

На адрес посылок послана вам программа социал-демократов и 100 р. от «четырех». Еще 200 или 150 вышлем чрез неделю. Мы более двух недель не получаем ваших писем и не знаем, доехали ли наши к вам, или нет. Пишите нам, пожалуйста, на магазин и на институт. Писали раньше, что будут у нас книги, их нет до сих пор. От Григория Наумовича не имею никаких известий, знаю только, что он три недели уже как уехал из Москвы. Ужасно беспокоимся об Андреиче [2]), доехал ли до вас благополучно. Сегодня получено письмо Валериана Николаевича из Парижа, о нем я вам писала (Ар. М.) [3]). Пожалуйста, если он придет к вам, передайте ему, что я ни одного письма не получила от его друга и решительно не понимаю, что это может значить, так как о провале его было бы слышно. Одно письмо было откуда-то, но Ида переслала его Валер. Ник., не показавши мне.

---

[1]) Письмо адресовано по адресу: Veuve Perrin. На копии пометка мин. вн. дел. гр. Толстого: «Прочел Государю 31 января в Петербурге».

[2]) С. А. Иванов.

[3]) По предположению директора деп. пол. Дурново инициалы относятся к Гекельману-Гартингу.

Наши дела все в том же положении и мы начинаем уже унывать, так как нас все забыли; обещали нам из Москвы подкрепленье и людьми и деньгами, и до сих пор ничего у нас нет; неужели здесь возможно держаться еще дольше нам, когда делает каждый по три дела, неужели здесь так страшно, что решительно никому нельзя к нам приехать ни откуда? Ведь есть же у нас народ, слава Богу, на юге, наконец, в Москве? Неужели мы так таки и предоставлены самим себе? да что же мы будем делать без помощи товарищей? Ведь для изданий надо непременно их участие; я писала в Москву, и ответа не получаю. Нам кажется, что еще две недели, и мы все будем взяты, если не будет подкрепленья, так как мы избегались и два месяца как ждем, ждем и потеряли уже и силы и терпенье. Цари ликуют, а мы сидим и наслаждаемся этим зрелищем, а, главное, не знаем, докуда мы будем бездействовать. Мы ждем так Вас. Ал., что часы считаем. Напишите нам, пожалуйста, хоть что-нибудь на счет книг. Публика все уже похоронила, и, действительно, что мы здесь одни для нее значим?!

Конец.

Печатается по копии, снятой деп. полиции с писанного химическими чернилами подлинника.

4.

Письмо редакции «Вестника Народной Воли» петербургской народовольческой рабочей группе относительно ее программы, от 20 февраля (4 марта) 1885 г. [1]).

Ответ петербургской народовольческой рабочей группе.

Дорогие товарищи. Более года уже была здесь получена ваша программа, и вы до сих пор не имеете нашего ответа. А между тем мы отвечали немедленно на имя единственного из вас, лично здесь известного. К сожалению, письмо это попало на проваленный адрес; сам же этот человек сперва уехал из С.-Петербурга, а затем скоро был арестован. В то же время отсюда поехали в Россию многие наши общие товарищи, и мы рассчитывали, что они столкнутся с вами и устроят нам постоянные с вами сношения. Эти ожидания, по разным причинам, не оправдались, и мы лишь теперь имеем возможность побеседовать с вами.

Прежде всего, нам хотелось бы поговорить именно о сношениях. Их отсутствие и их перерывы нам хотелось бы устранить. Основывая свое издание, мы, конечно, знали, что оно не может иметь значения непосредственно организационного. Но мы думаем, что орган партионного обмена мыслей, орган духовного объединения партии может иметь огромное значение. Там, где нет этого духовного идейного единства — не может быть и организации. Так мы себе представляли значение «Вестника». Его связь с партией не какая-нибудь формальная, а чисто вольная, духовная. В том его сила,

---

[1]) Письмо было препровождено в деп. пол. петербургским почт-директором 27 февраля 1885 г. На конверте: «Recommandée. Russie. St. Petersbourg. Sakharoff. Гостиный двор, кладовая № 25, купцу Николаю Гавриловичу Сахарову. Л. М. Россия. Спбург. Boulevard St. Michel, 42, Magazin Brisot». Писано на бумаге с бланком: «Rédaction du Messager de la Volonté du Peuple». — Редакция «Вестника Народной Воли».

так как лишь при этом он может служить органом развития мысли партии, а не простым официальным выражением уже принятых ею решений. Но эта воображаемая нами роль требует беспрерывного обмена мыслей между редакцией и всеми группами партии. «Вестник» не принадлежит какой-нибудь иной из них. В нем должно находить приют каждое мнение каждой группы, и здесь же мнения эти должны приходить к соглашению и единству. Группы должны указывать нам вопросы, возбуждаемые практикой, должны приискивать и решения им. Группы должны бы принять за правило посылать регулярно в свой орган корреспонденции и отчеты о своей деятельности (поскольку они могут быть опубликованы). При таких постоянных сношениях и при таком отношении всех групп к «Вестнику», как к учреждению своему (не формально, а нравственно) — этот последний мог бы сделаться действительно огромной силой, сплачивающей тысячи человек.

До сих пор наши ожидания оправдываются очень мало. Но, товарищи, мы все еще надеемся и просим вас вдуматься в те огромные выгоды, какие бы мог принести русской революции орган, нами обрисованный (и до сих пор не существующий). Мы просим сообщать наши мнения об этом и другим группам партионным и даже таким, которые могут примкнуть к партии, хотя бы в настоящую минуту и стояли от нее в отдалении. «Вестник» именно должен расширять район партии. Он не занимается организацией, он не связан обязательно с нею, но именно поэтому он может расширять пределы той массы людей, из которой впоследствии организация будет черпать свои силы.

Для этого, повторим вкратце, нужны следующие условия:

1) чтобы публика смотрела на «Вестник», как на орган партии в широком смысле;

2) чтобы возможно большое число групп находились с «Вестником» в непосредственных сношениях;

3) чтобы группы посылали в «Вестник» отчеты о своей деятельности;

4) чтобы они намечали вопросы, возбуждаемые этой деятельностью, и их решения;

5) это последнее делается посредством простой переписки или же посредством статей;

6) наконец, группы должны постоянно извещать редакцию, поскольку они довольны ее деятельностью, насколько редакция, по их мнению, умеет справляться с своей задачей.

С своей стороны редакция, только поставленная в такие условия—хотя, разумеется, не обязывается печатать все ей посылаемое (обязательств между нами и вами вообще никаких не должно быть, кроме чисто нравственных), — в состоянии будет попытаться создать действительно орган партии.

Между прочим, товарищи, не мешало бы время от времени поддерживать и личные сношения. Затраченные на это деньги с избытком окупаются приносимою пользою. Заметим на случай какой-либо поездки, что если бы не было нашего адреса — нас можно отыскать через типографию или через склад книг (адрес которых печатается на обложке «Вестника»).

Переходим к вашей программе. Нам кажется, что она грешит чересчур подробной регламентацией мелочей, а между тем дает мало принципиальных указаний. Это последнее обстоятельство объясняется, конечно, тем,

что вы имеете за собою уже напечатанные программы «Исполнительного Комитета» и «рабочих членов партии Народной Воли». Но такие вещи следует всегда повторять хотя бы вкратце. Из очень хороших сторон вашей программы — мы считаем: 1) указание на необходимость строгой конспирации, 2) о тщательном подборе лиц. Но было бы тактичнее и вернее изменить принятую вами форму выражаться. Вы совершенно справедливо говорите о необходимости выбора людей известных качеств. Но зачем же качество отождествлять с понятием об интеллигентном человеке? Мало ли среди интеллигенции дряни, с другой стороны — разве среди рабочих нет людей с высокой выдержкой и самоотверженностью? Точно так же искусственным нам кажется деление рабочей массы на 4 слоя: так можно насчитать и два слоя, и десять и сколько угодно. Лучше было бы говорить только о том: 1) сколько степеней в организации, 2) какого качества люди могут быть допускаемы в каждой степени. К какому же общественному слою эти люди принадлежат — этого предрешить невозможно.

Затем — перечисление книг, с которыми должен ознакомиться пропагандист, нам кажется, не имеет места, ни в программе, ни в уставе. Для этого можно составить особый список «книг для пособия при пропаганде».

Вообще вашу работу мы советовали бы переделать в таком смысле: 1) написать, во-первых, особую программу, которая бы излагала цели рабочей организации, 2) написать особый же «устав», в котором изложить основания организации. Чрезмерные мелочи, которые могут решаться по обстоятельствам различно, — вовсе выбросить.

Намеченные вами темы брошюр для рабочих выбраны прекрасно, хотя нелегко осуществить хорошо эту огромную работу. Впрочем, мы постараемся взять кое-что из этого на себя; сверх того, мы бы предложили изложить подробно программу партии в брошюре для рабочих. Если хотите, это мы тоже могли бы взять на себя, но в виду принципиальной важности брошюры — пришлем ее вам для обсуждения и для поправок.

Надеемся, что сношения наши с вами пойдут правильно. Для первого раза мы бы просили вас сообщить (без имен и лиц): как идут дела группы? Насколько, действительно, соблюдается конспирация? В какой мере мешает полиция? Насколько выработаны рабочие и замечается ли в этом отношении между ними какой-либо прогресс?

Затем. К нам прислала программу петербургская группа «социал-демократов». С группой «Освобождение Труда» (которая также называет себя социал-демократами) мы никакого дела не имеем, в виду ее в высшей степени предосудительного отношения к «Народной Воле»; но с петербургскими социал-демократами мы бы хотели, если они захотят, — сколько-нибудь сойтись. Как вы относитесь к этому и насколько вы считаете возможным схождение для себя? Мы полагаем, что схождение, во всяком случае; требовало бы предварительного соглашения по следующим вопросам:

1) о целях деятельности среди рабочих;
2) о захвате власти;
3) о терроре;
4) об основах организации.

Судя по их программе, мы думаем, что их разногласия с нами основаны более на недоразумениях. Мы им об этом пишем. Если успеем, то мы к этому

же письму приложим особую заметку о тех основаниях, на которых можно было бы, по нашему мнению, придти к соглашению по означенным пунктам.

Затем, дорогие товарищи, желая вам всего хорошего, посылаем вам свой братский привет.

П. Лавров.
Л. Тихомиров.

1885 года 4 марта [1]) — 20 февраля.

Печатается по копии, хранящейся в папке перлюстрированной переписки 1885 г., в Историко-революционном архиве.

5.

Выдержка из доклада заведующего заграничной агентурой департамента полиции, от 9 (21) марта 1885 г.

Насколько мне известно, последние переговоры народовольцев с освобожденцами не дали благоприятных результатов, но, напротив того, еще больше обострили враждебное отношение между этими двумя партиями. Убедившись в действительности удара, нанесенного Тихомирову брошюрой «Наши недоразумения», плехановцы торжествуют, между тем как тихомировцы негодуют и злобствуют на них более, чем когда-либо. Торжество освобожденцев увеличилось в особенности после получения ими 5 марта нескольких экземпляров газеты «Работник», вышедшей недавно в Петербурге и принадлежащей кружку русских социал-демократов плехановского толка. Из вполне компетентного источника мне известно также, что Тихомиров даст отъезжающему в Россию представителю своей партии, Иванову [2]), в числе других поручений, — полномочие вступить в соглашение с вновь образовавшейся в России группой на месте, или же, в случае безуспешности попыток на этот счет, разорить ее так же, как было уже разорено народовольцами много других оппозиционных групп, ставших им поперек дороги. Вообще же рознь между народовольцами и освобожденцами достигла такой степени, что, благодаря ей, не могло даже состояться празднество 1 марта в честь цареубийства, как это предполагалось, и притом в очень больших размерах, до появления названной брошюры Плеханова.

Судя по полученным из России сведениям, брошюра, о которой идет речь, получена в Харькове, Киеве и некоторых других городах южной России в значительном числе экземпляров, произвела очень хорошее впечатление. Вместе с тем представители «освобожденцев» в России сообщают также своим единомышленникам заграницей, что в Харькове будет скоро выходить другой орган русских социал-демократов, предназначенный тоже для рабочих. В интересах борьбы с народовольцами полезно было бы, по моему мнению, дать возможность организоваться вновь возникающим кружкам русских социал-демократов возможно шире для того, чтобы организация эта, происходя в пределах Империи под строгим наблюдением секрет-

---

[1]) На письме круглая печать: «Rédaction du Messager de la Volonté du Peuple».
[2]) Иванов считает программу социал-демократов ребяческой и непоследовательной.

ной полиции, обеспечила впоследствии полное их поражение, независимо от поражения народовольцев.

. . . .

. . . .

Состоящий при министерстве внутренних дел *П. Рачковский.*

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Историко-революционном архиве, в папке донесений П. И. Рачковского за 1885 г.

6.

Выдержка из доклада заведующего заграничной агентурой департамента полиции, от 23 марта (3 апреля) 1885 г.

Из вполне достоверного источника мною получено сведение, что группа петербургских социал-демократов вступает в переговоры с представителями народовольческой партии для совместного сотрудничества по дальнейшему изданию революционной газеты «Рабочий». Обстоятельство это очень сильно поразило Тихомирова, тем более, что переговоры начались помимо его ведома, предупредивши таким образом решение этого вопроса, выраженное Тихомировым в программе, данной им для выполнения Иванову. Вследствие этого Тихомиров предполагает воздержаться от какого бы то ни было решительного образа действий в отношении своих противников, впредь до получения обстоятельных известий из Петербурга.

П. Рачковский.

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Историко-революционном архиве, в папке донесений П. И. Рачковского за 1885 г.

7.

Письмо от группы «Освобождение Труда» к группе Благоева, от 27 марта (8 апреля) 1885 г. [1]).

Товарищи! Пишу, главным образом, о транспорте. Вам известно, конечно, что его приходится теперь перевозить тайным путем чрез две границы: германскую и русскую; теперь я (специалист) занят перевозкой чрез первую, недели через 2 — 3 весь транспорт будет в Германии и тогда я поеду на русскую границу. Последняя пока еще не устроена и потому не могу определить даже приблизительно, во сколько обойдется первый транспорт. Когда мы писали вам, что он будет стоить рублей 200 — 300, то руководствовались старыми ценами. Но почти год уже, как мы не пользовались нашими путями, вследствие чего пути и разные связи затерялись и их надо теперь возобновить, что потребует столько же расходов, сколько потре-

---

[1]) Конверт: «St.-Petersbourg. Russie. С.-Петербург. Петербургская сторона, Сытная рыночная площадь, д. Соболевой, кв. № 18. Ея Высокоблагородию Эмме Ивановне г-же Опперман». Дата штемпеля—Женева, 8 апреля нов. ст.—Наблюдение за корреспонденциею Опперман было установлено предложением директора деп. полиции Дурново петербургскому почт-директору от 1 апреля 1885 г.; в том же предложении содержалось распоряжение относительно задержания книги, которая должна быть отправлена на-днях и которая оказалась «Русскою Мыслью» (ср. с. 20 текста); она была адресована в Женеву, Carouge, Grand Bureau, Maison Lunel, M-lle Bossety, отправ. М. Иванова, М. Итальянская, д. 6, кв. 19.

бует транспорт непосредственно. Но расходы эти окупятся при 2 — 3 и т. д. транспорте — раз путь устроен, то чем чаще его эксплоатируют, тем он становится вернее и дешевле. Считаю долгом сделать кое-какие замечания по поводу доставки транспорта. Я берусь устроить русскую границу и транспортировку книг до безопасного пункта внутри России, ничего, понятно, не пожалею, чтобы только транспорт прошел благополучно. Но вполне вам ручаться за благополучный исход не могу. Нужно всегда, при всяком революционном предприятии, допускать провал. Считаясь с этой возможностью провала, и раз вы оценили значение для России заграничной литературы вообще и литературы нашей группы в частности, то вы, по моему мнению, должны заранее готовиться к провалу и приготовить средства для второго, за который следует взяться немедленно после провала первого, если такое несчастие случится, иначе все затраты пропадут даром; мы же можем приготовить на всякий случай в Германии второй транспорт. Ваша помощь на границе не нужна мне, но мне нужна будет конспиративная квартира в Динабурге (Витебской губ.); до этого пункта я беру на себя весь путь. Итак, если у вас нет связей с тамошними местными радикалами, то придется вам послать туда своего человека для устройства квартиры и сообщить мне, как списаться мне с этим человеком, или как его отыскать в случае надобности. Присланных Вами 200 р. мало будет для транспорта; к тому следует всегда иметь лишних 50 р. на непредвиденные случаи; иной раз из-за 50 р. можно все дело и самого себя провалить. Итак, пришлите еще 100 р. По получении от Вас 200 р. мы получили от Вас следующие письма:

1-е, чрез В. с сообщением о высылке денег;

2-е, прямо в Ж. со взглядами одного из вас о книге «Наши разногласия»;

3-е, через В. по поводу тамошней посылки с извещением о высланных вами двух зашифрованных адресах, а вчера получили 4-е письмо с одним только зашифрованным адресом, который, впрочем, остался не расшифрованным, благодаря несовпадению изданий известной вам книги, которую вы обещали прислать нам, но до сих пор не прислали.

Двух же зашифрованных адресов мы не получили.

Вы окажете нам большую услугу, если пришлете для нашей редакции все новейшие исследования об общине, как те, о которых вы пишете в письме, означенном мною выше цифрою «2», так и все остальные; скоро мы вышлем вам статью или две для «Рабочего». Одновременно с транспортом приеду к Вам в Питер для переговоров, последнее, впрочем, еще не решено у нас окончательно.

Ждем с нетерпением вашего большого письма и ответа на это письмо. Вышло у нас 1-й и 2-й выпуск «Рабочей библиотеки», скоро выйдет 4-й выпуск «Библиотеки современного социализма», в наборе уже 5-й выпуск этой же «Библиотеки». Имеем мы ваших три адреса: первый — присланный Вами в Вашем первом письме; второй, на который теперь пишу; на этот же адрес послано вам уже одно письмо дней десять тому назад; третий — обратный денежный адрес. Кроме того, не расшифрованный пока последний адрес. Желаем вам все успеха в ваших предприятиях.

«Специалист».

Печатается по копии, хранящейся в Историко-революционном архиве, в папке перлюстрированной переписки 1885 г.

8.

Письмо от группы Благоева к группе «Освобождение Труда», от 6(18) апреля 1885 г. [1]).

Письмо от 8 апреля получили. На этот адрес больше не пишите. У вас остается из прежних только один — обратный денежный. «Специалисту» нужно подождать несколько дней (не более, думается, недели по получении этого письма). Пришлем деньги и паспорт. Кстати тогда же выяснится дело с конспиративной квартирой по дороге. Пришлите также «Вестников», ибо № 4 здесь еще не видели совершенно — нужно хоть по несколько экземпляров; на это пошлем денег. Теперь нельзя еще ничего сказать относительно второго и следующих транспортов, но, по всей вероятности, деньги у нас все-таки будут. Присылайте скорее обещанные для «Рабочего» статьи, может быть удастся еще выпустить номер до каникул, что чрезвычайно важно, так как можно будет с отъезжающими разослать безопасно. «Наши разногласия» здесь сильно спрашивают из всех лагерей.

Адреса пришлем с паспортом.

Печатается по копии, снятой с писанного химическими чернилами подлинника, хранящейся в папке перлюстрированной переписки за 1885 г., в Историко-революционном архиве.

9.

Письмо петербургской народовольческой рабочей группы в редакцию «Вестника Народной Воли», от 8(20) апреля 1885 г. [2]).

8 апреля 1885 г.

Предыдущее письмо я писал второпях и, главным образом, имел в виду сообщить новый адрес, вот почему я там не мог написать ничего о положении здешних дел. Дела наши более чем скверны. Представителей партии «Народной Воли» в Петербурге — 0. После ареста Лопатина у нас нет представителей, а это, согласитесь сами, что весьма прискорбное обстоятельство. Оно не имеет ничего хорошего вообще для всей революционной части нашего общества, а, в особенности, для «Народной Воли». Здесь нужен человек сильный, с большими организаторскими способностями, а такого-то человека у нас и нет. Что можем сделать в деле организации мы, в руках которых сосредоточены ныне все дела, когда у нас нет настолько опытности. Я удивляюсь даже, почему вы до сих пор не обратили внимания на это печальное обстоятельство. Мы писали в Москву, но и там никого нет. Пришлите кого-нибудь, да посолиднее.

Что касается «рабочей группы», то, как я вам и раньше писал, число ее членов, несмотря на большие аресты, не уменьшилось, а, напротив, даже увеличилось, но, конечно, на счет молодых и неопытных; людей опытных и хорошо знакомых с делом очень мало.

Здесь получилась статья Плеханова «Наши разногласия» и произвела сильное впечатление. Конечно, почти все (кроме русских социал-демократов) восстают против способа выражения, но против сути дела мало кто

---

[1]) Адресовано в Женеву, M-lle Bossetty; ответ на № 7.

[2]) Адресовано в Париж, на имя Entraygues.

имеет силы спорить с Плехановым. А потому взоры многих обращаются к представителям «Народной Воли», от которых они ищут кое-какой поддержки. Спешу сообщить это настроение здешнего революционного общества в надежде, что вы воспользуетесь им самым рациональным образом.

«Рабочая группа» благодарит вас за участие и советы, очень рада вашему предложению изложить ее программу в лучшем виде. Если для вас не будет труда, то пришлите нам копии с тех бумаг, которые были присланы вам «Рабочей группой» в прошлом году, как-то: с устава, программы (как она была изложена тогда) и со списка книг для интеллигенции, а также и с тем предложений «рабочей группе».

При этом, если, согласно вашему желанию, вы написали что-нибудь на эти темы, то пришлите и это к лету, чтобы можно удобнее разослать.

Один из членов «Рабочей группы».

P. S. Задавайте вопросы, я с удовольствием отвечу, насколько сумею.

Печатается по копии, снятой с писанного химическими чернилами подлинника, хранящейся в папке перлюстрированной переписки 1885 г., в Историко-революционном архиве.

10.

Письмо группы «Освобождение Труда» к группе Благоева, до 12 апреля 1885 г. [1]).

Товарищи! На адрес 1, 6, 1, — 2, 2, 2, — 3, 6. 3, — 5, 3, 1, — 7, 1, 1, — 1, 2, 2, — 8, 3, 3, — 2, 3, 8, — 2, 3, 2, — 1, 9, 7, 1) вышлем вам на-днях посылку: издания, две статьи для «Рабочего» и подробное письмо. Пока отвечу только на ваше последнее письмо. Теперь у нас ваших всего два адреса, один упомянутый мной выше, другой, на который посылаю это письмо. Никакого адреса «Его Превосход.» мы от вас не получили, также не имели вашего адреса за Невской заставой, на который запрещаете теперь писать; присланный вами зашифрованный адрес на Конной площади вышел такой странный, что не решаемся послать что-либо на него; повторите его еще раз, вышло слово убежище, а неизвестно чего, какое. И фамилия странная. Теперь о 2, 6, 3, — 1, 7, 4, — 3, 3, 2, — 2, 2, 1, — 1, 1, 3, — 4, 1, 1, — 8, 1, 1, — 9, 11, 1, — 8, 6, 4, — 9, 1, 3, — . Я жду теперь остальных денег, чтобы отправиться уже в путь. Чем больше пришлете денег, тем лучше можно будет устроить это дело и тем вернее будет успех. Если хотите нарочно прислать человека за тем только, чтобы он дал мне свой паспорт, то лишнее. Я не нуждаюсь уже в паспорте. Если же вы вообще хотите прислать его, то будем очень рады познакомиться. Итак, жду остальных денег. Пришлите их по возможности скорей, как только получу их, немедленно приступлю к делу, до каникул надеюсь кончить его. Возможно ли будет вам устроить квартиру, о которой я писал вам в предыдущем письме? Когда приступить к этому, извещу. Приготовьте также хорошее место в Питере. Адрес, на который посылаю это письмо, будет служить для переписки между мной и вами о специальном деле. Пришлите

---

[1]) Отправлено из Женевы в Петербург по адресу: «Волжско-Камский Банк, Ивану Машковцеву».—Дата 12 апреля—дата получения письма в Петербурге.

адрес для явки. Как видите, по недостатку адресов принуждены употребить присланный вами адрес для явки на посылку книг, а раз адресом пользуются для таких вещей, то нельзя иметь его в виду и для явок. В крайнем случае, известите немедленно о получении посылки, чтобы мы знали, что адрес свободен. Отношения наши к «Рабочему», как вообще к вашей группе, самые дружественные; можете рассчитывать во всем, где только мы можем быть вам полезны. Две статьи вышлем на днях. Ваш адрес по поводу празднества 18 марта получен нами. В переписке о нашем специальном деле буду пользоваться тем же шифром; подписываться буду П. Васильев. Еще раз повторяю, пришлите поскорее деньги, чтобы не было задержки. Шлем вам всем товарищеский привет.

За группу «Освобождение Труда»
«Специалист».

Печатается по копии, снятой с писанного химическими чернилами подлинника, хранящейся в папке перлюстрированной переписки 1885 г., в Историко-революционном архиве.

11.

Доклад заведующего заграничной агентурой департамента полиции, от 17(29) мая 1885 г.

Мною получено достоверное сведение, что дней десять тому назад отправился в Россию (повидимому, в Москву) делегат от Плеханова для дальнейшей организации там группы «Освобождение Труда» и доставления в Россию освобожденских революционных изданий. Из примет его сообщителю известно только, что он «черненький еврейчик небольшого роста». Дальнейшим расследованием выяснилось, что «еврейчик», о котором идет речь, выезжал из России навстречу Дейча, для принятия от него дальнейшей транспортировки в Россию революционных изданий группы «Освобождение Труда». Будучи, однако, во-время предуведомлен об аресте этого последнего, «еврейчик» не только успел скрыться, но даже и вовсе «спрятаться», так что московские кружки считали его попавшимся. Этих данных совершенно достаточно для обнаружения «еврейчика» в Москве, где ему предстоит повидаться с некоей Анной Егоровной, если, впрочем, деятельность освобожденцев и наличный состав этой группы хорошо известен московской секретной полиции.

Состоящий при министерстве внутренних
дел *П. Рачковский.*

Печатается по подлиннику, хранящемуся в Историко-революционном архиве, в папке донесений П. И. Рачковского за 1885 г.

12.

Вопросы для уясненія и выработки программы соціально-революціонной партіи в Россіи [1]).

Послѣдніе два — три года нашего революціоннаго движенія характеризуются в весьма сильной степени разногласіями в пониманіи так назы-

[1]) На обложке имеется еще пометка: «Россія. Соціалистическая Типографія. 1888».

ваемых программных вопросов, разногласіями, встрѣчающимися не только между различными болѣе или менѣе опредѣлившимися фракціями, но и между отдѣльными кружками и группами, причисляющими себя к одной и той же фракціи. Так, напримѣр, не говоря уже о разногласіях, существующих между «Народной Волей» и группой «Освобожденіе Труда», очень часто приходится встрѣчаться с разногласіями между отдѣльными кружками, группами и даже лицами, причисляющими себя к одной из этих фракцій. Кромѣ того, есть много революціонных кружков, которые, расходясь с обѣими вышеназванными фракціями в основных, как им кажется, принципах постановки программы или веденія организаціи, не желают пристать ни к одной из них. Однако, при всем разнообразіи направленій, господствующих в настоящее время среди наших революціонных кружков, их все-таки, как нам кажется, можно свести к слѣдующим пунктам:

1) Одно из них представляет собою так называемых старых народовольцев, придерживающихся без малѣйших измѣненій и уступок программы «Народной Воли» в том видѣ, как она была выражена в программѣ Исполнительнаго Комитета, в статьѣ «Подготовительная работа партіи» и других статьях, печатавшихся в №№ «Народной Воли» и «Вѣстника Народной Воли».

2) Другое,—вполнѣ соглашаясь с «Народной Волей» в основных принципах, как теоретической постановки самой программы, так и в практических пріемах борьбы и организаціи партіи, расходится с ней по вопросу о захватѣ власти, считая его не столько нецѣлесообразным, сколько невозможным.

3) Третье, — сходясь с «Народной Волей» в опредѣленіи ближайших задач, революціонной дѣятельности и в выборѣ практических пріемов борьбы и думая вмѣстѣ с ней, что при настоящих условіях возможен и цѣлесообразен только один путь революціонной дѣятельности — это борьба с абсолютизмом ради политических прав народа, расходится с ней по вопросу о захватѣ власти и, кромѣ того, не раздѣляет слишком розовых, по его мнѣнію, надежд, возлагаемых «Народной Волей» на ближайшую политическую революцію, именно: направленіе это не ждет от послѣдней тѣх глубоких экономических реформ, которыя, опираясь на нѣкоторыя специфическія условія нашего народнаго быта — каковы: община, артельныя начала кустарной промышленности, весьма низкая степень развитія капитализма и вообще отсутствіе благопріятной для него почвы, отсутствіе классовых интересов среди нашей интеллигенціи и т. п. — могли бы служить непосредственным переходом к очень близкому для нас соціалистическому строю. Но, не раздѣляя этих так называемых народнических тенденцій «Народной Воли», направленіе это в то же время не рѣшает этого вопроса и в отрицательном смыслѣ, а оставляет его открытым по слѣдующим соображеніям: во-первых, потому, что для ближайшей задачи революціонеров, как они ее понимают, вопрос этот не имѣет рѣшающаго значенія; во-вторых, потому, что до сих пор у него нѣт еще в достаточной мѣрѣ ни научнаго, ни статистическаго матеріала для того, чтобы рѣшить этот вопрос в ту или другую сторону, и, в третьих, наконец, потому, что как теоретическая, так и практическая возможность рѣшенія этого вопроса

может явиться только тогда, когда всѣ политическіе и экономическіе элементы нашей жизни получат полную свободу в своем развитіи, а это будет не раньше, чѣм мы получим политическую свободу. Отказываясь, таким образом, от немедленнаго рѣшенія соціальных вопросов, которые ждут нас, так сказать, по ту сторону политической революціи, группы, придерживающіяся этого направленія, стремятся в настоящее время употребить всѣ свои наличныя силы на чисто политическую борьбу, сходясь на этом пути со всѣми недовольными и сколько-нибудь способными к протесту общественными элементами.

4) Четвертое — состоит из различных групп, которыя, расходясь с «Народной Волей» по вышеназванным двум вопросам, или по одному из них, не соглашаются, кромѣ того, с нѣкоторыми принципами ея организаціи. Что касается программы группы «Освобожденіе Труда», то она также весьма различно понимается кружками, дѣйствующими в Россіи.

5) Одни из них видят в ней требованіе перенесенія центра тяжести борьбы с политической на чисто экономическую почву, т.-е., иначе говоря, думают, что они по этой программѣ должны немедленно приступить к организаціи рабочаго класса для непосредственнаго, хотя, быть может, и отдаленнаго, соціальнаго переворота.

6) Другіе, стоя на точкѣ зрѣнія первых, но не видя в окружающей их дѣйствительности возможности практическаго примѣненія своих принципов, думают, что в настоящее время, при наличных условіях, у нас невозможна никакая революціонная работа, кромѣ чисто культурной. Есть и такіе, которые и эту послѣднюю приравнивают нулю, но о них, понятно, здѣсь не мѣсто говорить.

7) Третьи, видя ближайшую свою цѣль в достиженіи политической свободы, думают, однако, что наряду с нею нужно преслѣдовать и другую, не менѣе важную, заключающуюся в выработкѣ среди рабочаго класса соціалистически и политически сознательных элементов, которые, с одной стороны, послужили бы главною точкою опоры для соціалистической партіи в достиженіи политической свободы, а с другой, могли бы явиться сорганизованной и достаточно солидной силой в чисто экономической борьбѣ рабочаго класса с буржуазіей, в борьбѣ, которая предвидится сейчас же послѣ достиженія политической свободы и будет уже непосредственно направлена к осуществленію соціалистическаго строя.

8) Кромѣ вышеназванных направленій существует, насколько нам извѣстно, еще нѣсколько других, которыя можно бы охарактеризовать, как различныя комбинаціи каждаго из вышесказанныхъ с другими или как переходную ступень от одного из них к другому. Перечислять их мы не станем, тѣм болѣе, что это собственно не относится к нашей цели.

Такая разноголосица в пониманіи программы и ближайших задач революціонной партіи в Россіи (если только она не является слѣдствіем невозможности сговориться отдѣльным кружкам по этому важному вопросу в силу чисто полицейских условій и отсутствія всѣмъ доступнаго органа), с одной стороны свидѣтельствует о том, что ни одна из извѣстных в настоящее время программ не удовлетворяет вполнѣ всѣм запросам времени и мѣста и что каждая из них имѣет что нибудь или невыясненнаго, или несостоятельнаго, съ другой стороны — является страшным злом съ

точки зрѣнія революціонеров, злом, подрывающим их разрозненныя силы, сѣющим раздор и несогласия между отдѣльными кружками и не дающим возможности дружно, всѣми наличными силами, взяться за исполненіе какого-нибудь одного заранѣе намѣченнаго революціоннаго плана. В виду всего этого один из заграничных революціонных кружков, состоящій из лиц, принадлежащих к различным фракціям, задался цѣлью способствовать всѣми зависящими от него средствами выясненію всѣх спорных вопросов, касающихся как теоретической постановки различных программ, так и их практическаго примѣненія и (если это окажется возможным и нужным) выработки новой программы, которая бы наиболѣе соотвѣтствовала данным условіям времени и мѣста. С этой цѣлью кружок старается, во-первых, завязать возможно тѣсныя связи с кружками, дѣйствующими в Россіи с тѣм, чтобы заручиться от них возможно большим количеством свѣдѣній, мнѣній и указаній по различным вопросам, касающимся программ и вообще дѣятельности революціонных кружков. Во-вторых, сам работает над выработкой и постановкой нѣкоторых спорных программных вопросов и над их посильным разрѣшеніем. В настоящее время наш кружок, сдѣлав общую характеристику всѣх наиболѣе выдающихся и распространенных направленій, господствующих среди наших революціонных кружков, просит их высказаться возможно полнѣе и опредѣленнѣе pro и contra относительно каждаго из этих направленій. Кромѣ того, от кружков, как и от отдѣльных лиц, придерживающихся какого-либо опредѣленнаго направленія, желательно и даже необходимо было бы получить возможно обстоятельную и полную защиту (хотя бы она выразилась въ цѣлой статьѣ) именно тѣх пунктов своей программы, которые оспариваются другими направленіями.

Поэтому кружки, придерживающіеся перваго из помѣченных направленій, должны бы отвѣтить на слѣдующіе вопросы, обыкновенно задаваемые им противниками:

А. Во-первых, — что касается «захвата власти», оспариваемаго направленіями, отмѣченными во 2-м и 3-м пунктах, а также и группой «Освобожденіе Труда».

1. С помощью каких общественных сил революціонная партія думает захватить в свои руки власть?

2. Каким образомъ она думает удержать ее в своих руках болѣе или менѣе продолжительное время, нужное для произведенія предполагаемых реформ?

3. Не нужно ли ей для этого одного из 2-х условій: а) или сильное революціонное движеніе среди народа по крайней мѣрѣ в главных административных центрах, парализація каким-нибудь путем военных дѣйствій правительства, по крайней мѣрѣ хоть в началѣ возстанія, и громкая популярность революціонной партіи среди народа; в) или — сильныя связи среди высших сфер администраціи и войска, которыя взяли бы на себя почин государственнаго переворота и, в случаѣ удачи, передали бы власть въ руки революціонной партіи или сами собою представили бы таковую?

4. Если да, то в первом случаѣ спрашивается: имѣет ли революціонная партія шансы поднять такое народное движеніе, во-втором — может ли партія поручиться, что люди изъ высшей администраціи, совершив пере-

ворот, захотят передать очутившуюся у них власть в руки соціально-революціонной партіи, или употребить ее согласно с планами и намѣреніями послѣдней?

В. Во-вторых, — что касается так называемых народнических тенденцій, раздѣляемых группами, придерживающимися направленій, помѣченных в первых двух пунктах, и оспариваемых главным образом группой «Освобожденіе Труда», то, хотя спор о них должен вестись скорѣй на чисто научной, чѣм на партійно-полемической почвѣ, и хотя весьма трудно ожидать сколько-нибудь удовлетворительнаго рѣшенія этого весьма сложнаго вопроса в тѣх по необходимости кратких и сжатых записках, которыя мы ожидаем получить от различных кружков в отвѣт на наши вопросы, тѣм не менѣе очень желательно было бы получить возможно большее количество самых обстоятельных и полных мнѣній и взглядов по всѣм относящимся сюда вопросам. Не думая вовсе исчерпать всей глубины предмета, мы выставляем здѣсь в видѣ вопросов нѣсколько, как нам кажется, основных положеній, на которыя просим отвѣчающих нам обратить особенное вниманіе:

1) Что представляет собою в настоящее время наша поземельная община?

2) Насколько опасен нарождающийся в ея средѣ элемент так называемаго кулачества и мелкая поземельная собственность?

3) В каком состояніи находится в настоящее время наша крупная промышленность и какова ея тенденція?

4) Имѣет ли она благопріятную почву для дальнѣйшаго своего развитія?

5) Насколько успѣшно идет у нас процесс объединенія рабочих под знаменем капитала?

6) Насколько быстро идет у нас упадок кустарной и ремесленной промышленности и предвидится ли в болѣе или менѣе скором будущем полное ея поглощеніе, во-первых, крупным производством на капиталистических началах, и, во-вторых, не замѣчается ли зарожденіе мелкой буржуазіи среди самих кустарей?

7) Имѣет ли наша интеллигенція, подобно западно-европейской, характер сознательно и рѣзко опредѣленнаго класса, обладающаго особыми буржуазно-классовыми интересами в противоположность интересам всей остальной массы народа?

8. Есть ли у нас какой - нибудь общественный класс, который при политической свободѣ сумѣл бы явиться преобладающим классом и проводить свои интересы в ущерб другим классам?

9. Может ли наш народ, если ему будет дана свобода, представить собою такую политическую силу, на которую могла бы опереться сравнительно небольшая часть соціалистической интеллигенціи с тѣм, чтобы провести болѣе или менѣе глубокія экономическія и политическія реформы?

10. Имѣет ли наш народ какія - нибудь ясно опредѣленныя экономическія и политическія требованія, которых он сам или с помощью сочувствующей ему интеллигенціи сумѣл бы добиваться, раз к этому явится возможность?

Кружки, придерживающіеся направленія, помѣченнаго въ 3-м пунктѣ, должны бы отвѣтить на слѣдующіе вопросы:

1. Чего именно ждут они от конституціи?

2. Какія гарантіи они имѣют в сохраненіи уже раз достигнутой политической свободы?

3. Что именно они думают дѣлать послѣ достиженія политической свободы?

4. На какія общественныя силы они думают опереться?

Во-вторых, что касается направленія, помѣченнаго при проведеніи соціально-демократических или народнических реформ:

5. Не представят ли им на этом пути слишком сильнаго препятствія другіе враждебные элементы нашего общества, каковы духовенство, аристократія и буржуазія, которые, освободившись, наконец, из - под деспотической опеки нашего правительства, станут для соціализма еще опаснѣе этого послѣдняго?

Кружки, помѣченные в 4-м пунктѣ, должны выяснить:

1. Съ какими именно принципами «Народной Воли» они не могут согласиться?

2. Въ чем именно они видят несостоятельность этих принципов?

3. И какіе именно измѣненія в организаціи партіи Народной Воли должны быть произведены.

Кружки, придерживающіеся программы группы «Освобожденіе Труда», должны отвѣтить на слѣдующіе вопросы.

Во-первых, что касается направленія, помѣченнаго въ 5-м пунктѣ:

1. Можно ли считать наше современное экономическое положеніе стоящим на такой стадіи его развитія, когда о соціальной революціи, как она понимается соціалъ-демократами на западѣ Европы, можно говорить как о чем-то близком и опредѣленном?

2. Сконцентрировал ли у нас капитал рабочих в такія плотныя и многочисленныя массы, которыя могли бы совершить соціальную революцію по тому образцу, как предполагается на западѣ Европы?

3. Если всего этого нѣт, то как скоро можно ожидать времени, когда явятся оба эти условія, необходимыя для совершенія соціальной революціи?

4. Возможно ли при нынѣшних политических условіях все это время заниматься организаціей рабочаго класса и политическим его воспитаніем?

5. И будет ли эта работа настолько производительна, чтоб результатом ея явилась та многочисленная и сильная, как организаціей, так и ясным сознаніем своих классовых интересов, рабочая партія, какая необходима для совершенія соціальной революціи по плану соціал-демократов?

В 4-м пунктѣ:

1. Каким образом и с помощью каких средств группы, придерживающіяся этого направленія, думают добиться политической свободы?

2. В каких размѣрах думают они сорганизовать рабочую партію ко времени ближайшаго политическаго переворота?

3. Отводится ли рабочим кружкам или партіи какая - нибудь спеціальная роль в нынѣшней политической борьбѣ или же они должны работать на ряду и вмѣстѣ с революціонной интеллигенціей?

4. Какую роль будет играть рабочая партія во время политическаго переворота?

5. Слѣдует ли революціонерам вести пропаганду среди других общественных классов, кромѣ городских рабочих и интеллигенціи, нужной только в качествѣ организаторов рабочей партіи?

В заключеніе прибавим, что, если группы и отдѣльныя лица замѣтят, что какіе-нибудь важные вопросы упущены, просим поставить их. Эти вопросы могут быть распространяемы с цѣлью полученія большаго количества отвѣтов.

Печатается по печатному подлиннику (брошюра разм. 20,5 см.×15,5 см., стр. 8), хранящемуся в библиотеке нелегальных изданий при Историко-революционном архиве (по инвентарю № 1716).

13.

Протоколы показаний Д. Б. Рязанова (Гольдендаха), данных в одесском губ. жанд. упр., 17 — 23 декабря 1891 г. [1]).

1891 г. декабря 17 дня, я, отдельного корпуса жандармов подполковник Пирамидов, на основании закона 19 мая 1871 г., в присутствии товарища прокурора одесского окружного суда, Г. Лебедева, расспрашивал нижепоименованного, который в дополнение своих объяснений от 3 ноября 1891 г., как обвиняемый, показал:

Зовут меня Гольдендах, Давид-Симхе Зельман Беров. На предлагаемые вопросы отвечаю: 1) когда впервые я познакомился с учением социалистов? В России или заграницей? Чрез кого и каким путем в обоих случаях и что побудило меня потом заняться этим учением настолько, что сделало меня научным социалистом? Познакомился впервые с социализмом в России из книги Чернышевского «Что делать?». Первые понятия об истории социалистических учений почерпнул

---

[1]) Кружок Гольдендаха (Рязанова) не обследован еще исторической литературой, и о деле этом я ничего не сказал в статье, приложением к которой является нижепечатаемый материал, а потому считаю необходимым дать некоторые, хотя бы самые сжатые сведения о нем. Этот кружок является одной из первых организаций в России, в которой началась практическая работа социал-демократической пропаганды среди рабочих. Инициатором социал-демократической работы являлся Гольдендах, который через Делятицкую, Рубинштейна, Корфункеля и других получил доступ к рабочим. Когда работа стала развертываться, выяснилось, что полиция следит за кружком, и что в организации не благополучно в отношении предательства; кружок пробовал законспирироваться от предполагаемого предателя, но окончательно укрыться от глаз жандармерии ему уже не удалось, и дело пахло арестами. Поэтому наиболее скомпрометированному из кружка Гольдендаху пришлось сбежать за границу, а передавшая связи еще ранее Делятицкая была привлечена по другому делу, как и некоторые другие члены кружка, с арестом которых полиция получила уже и некоторые, но еще не достаточные вещественные доказательства о деятельности и составе кружка, подтверждающие осведомительные материалы. До возвращения ускользнувшего Гольдендаха полиция не решалась начать дело, а к моменту его вторичного возвращения в Россию, Рубинштейн и Корфункель были уже вне сферы досягаемости полиции. Таким образом часть членов кружка еще до начала дознания о кружке была уже в лапах жандармов, как привлеченные по другим делам, другая часть не дождавшихся такой плачевной участи бежала за границу, на свободе оставались лишь известные жандармам из осведомительных данных рабочие кружки. Чтобы привлечь этих рабочих, жан-

из книги Д. Щеглова «История социальных систем». Мне тогда было 15 лет. Книга Чернышевского попалась мне тогда так же, как она попадалась и всякому гимназисту того времени. От кого я получил ее, я объяснить не могу. Следует припомнить время, в какое я воспитывался. Время это было время деятельности «Народной Воли», когда революционные идеи слишком были распространены и когда эти идеи, конечно, не могли не залетать в гминазии. В гимназии меня начальство подозревало в вольнодумстве в том смысле, как это слово понимается в гимназии. В 1886 г. я был уволен из пятого класса за неуспехи в греческом языке. Выйдя из гимназии, я не бросал занятий. Занимался я по истории политической экономии, отчасти по юриспруденции (специально изучением первобытных учреждений). Никто не руководил мною при выборе книг для чтения. Я наводил справки как в каталоге систематического чтения, изданном Распоповым, так и в других справочных изданиях. В 1889 г. я поехал заграницу, где и продолжал изучать историю и политическую экономию, но уже пользовался литературой и на иностранных языках (французском и немецком преимущественно). Тогда же я прочел сочинения Маркса и Энгельса в оригиналах, из коих я и почерпнул то учение, которое теперь исповедую. И заграницею никто не руководил моим чтением. 2-й вопрос. Изучал ли я систематически рабочий вопрос заграницей только по книгам или входил для того в общение с рабочими классами? Кто в этом случае руководил мною заграницей? Изучал систематически по книгам и в общение с рабочими классами не входил, но с мнениями разных рабочих фракций, как социалистических, так и несоциалистических, имел возможность познакомиться на собраниях, происходивших по поводу общих выборов 89 года в Париже. 3-й вопрос. Интересовался ли я и был ли я знаком в бытность мою в России, а потом и заграницей с социалистическим революционным движением и происками противоправительственных партий в России? В какой мере, чрез кого и как? Интересовался и был знаком с движением. В недостаточной мере, потому что знакомился с ним только по нелегальным изданиям и из рассказов знако-

---

дармы делают обыск у некоего Федулова, допрашивают его; он дает пространные показания о составе и деятельности кружка, во всех подробностях освещающие дело, жандармам уже давно известное, как видно из жандармской предварительной переписки. Допрос его производится не в качестве обвиняемого, а как свидетеля. Надо полагать, что Федулов-то и был или бессознательным орудием осведомителя или, может быть, даже и сам был этим осведомителем. Его показания ложатся в основание дальнейшей деятельности жандармерии, арестов всех названных им рабочих; у последних находят дополнительные вещественные доказательства деятельности кружка и связей, и дело развертывается. Дело закончилось через год в административном порядке, при чем Гольдендах получил тюремное заключение на 4 года, Бергер на один год, Гуревич и Ефимов на шесть месяцев и последующий за тюрьмой гласный надзор для первого в три года, второго и третьего на два года и Ефимова на один год. Скляр был отдан под надзор учебного начальства. Дело в отношении Делятицкой прекращено, а в отношении Рубинштейна и Корфункеля приостановлено впредь до явки или задержания. Нижепечатаемые показания Гольдендаха относятся к моменту, когда жандармы путем обысков, показаний других привлеченных и свидетелей уже по всем статьям раскрыли кружок и, следовательно, его показания ничего не прибавляли к той фактической картине дела, которую успели составить жандармы. Они интересны в том отношении, что выявляют идеологию марксиста того времени и отношение его идеологии к идеологии группы «Освобождение Труда».

мых. В бытность же мою заграницею я перечел все, какие мог достать, нелегальные книги и все, что мог достать по истории русского движения на французском, немецком и английском. Книги эти я доставал в Русской Библиотеке. Бывал и на собраниях и на конгрессе социалистов (в 1889 г. в Париже). Там слушал из русских эмигрантов Лаврова и Плеханова. Первый изложил вкратце историю русского революционного движения со времен Екатерины II до настоящего времени, а Плеханов говорил о необходимости воздействовать на рабочий класс в России для добывания политической свободы, а не на интеллигентный класс. 4-й вопрос. Знал ли я программы или сущность учений каждой отдельной фракции русских противоправительственных партий. Каких именно и каким путем с этим знакомился? О России, о всех русских фракциях я имел понятие не совсем ясное. Насколько его мог составить себе из разговоров со знакомыми и из легальных книг и статей заграницею как в первое, так и второе пребывание, я познакомился со всеми фракциями, имевшими свои печатные органы, как-то: Народовольческой, Народнической, Анархической, Ткачевской, Впередовцев, Социаль-Демократической, фракцией Свободной России, фракцией Free Russia (ред. Степняка и Волховского), фракцией Драгомановской, как из их печатных изданий, так и на собраниях. В настоящее время многие из этих фракций исчезли. Бывал я на собраниях фракций неопределенного характера. Как известно теперь существуют две фракции, имеющие печатные органы. Это фракции: Социаль-Демократическая и Free Russia. Кстати. Взгляды мои почти во всем сходны с взглядами Социаль-Демократической фракции за исключением некоторых пунктов. Я не согласен с первым пунктом практической части, как и вообще со всей этой частью [1]). Нахожу, что согласие на террористические меры, выраженное в этой части программы, находится в резком противоречии с основными теоретическими посылками программы. Это резкое противоречие признано теперь в статье Веры Засулич в «Социаль-Демократе», по поводу ст. Степняка о терроризме, где подвергаются самой едкой критике террористические взгляды Степняка. Лично я не принадлежу ни к какой фракции и даже партии только потому, что говорить о принадлежности к фракциям этим можно было бы только в том случае, если бы эти фракции, мною указанные, представляли бы какое-нибудь сообщество с практическими целями, но, как известно, фракции эти суть не что иное, как литературные фракции. Говорить о принадлежности к такой фракции нельзя, а потому я отвечаю: ни к какой фракции, из указанных мною, я не принадлежу, но большинство взглядов первой признаю и совершенно отрицаю взгляды второй (Free Russia). Прошу за утомлением моим допрос прервать.

Давид Гольдендах.

Сего 18 декабря 1891 г. продолжаю мое прерванное показание. Лично ли мне принадлежит инициатива проникнуть в Одессе в рабочую среду и пропагандировать там принципы исповедуемого мною учения? Лично мне. Побудило меня к тому желание узнать степень приложимости на практике исповедуемых мною теорий на российской почве. Я желал достигнуть

[1]) Эта программа напечатана два раза.

этим путем того, что вытекает из моих воззрений: развитие рабочего класса в духе социалистических идей и подготовление рабочего класса для следующей фазы общественного развития, которая необходимо должна наступить после нынешней и будет характеризоваться коллективною собственностью на орудия производства. В какой форме произойдет это — пока трудно предвидеть. Это будет зависеть от степени развития как господствующих, так и правимых классов, т.-е., если правящие классы сознают необходимость этой фазы развития, то это произойдет, вероятно, мирным путем, как это делается в Англии, если не уступят, то, вероятно, путем революции, как во Франции.

Прошу за утомлением прервать допрос.

Давид Гольдендах.

Сего 19 числа 1891 г. декабря месяца продолжаю прерванное мною вчера показание. Через кого и как я вошел фактически в сношения с рабочими в Одессе, и когда именно это произошло? Вошел в сношения в конце июня или в начале июля чрез Вениамина Рубинштейна, рабочего маляра. Его я встречал у Марии Делятицкой, где и впервые с ним познакомился. После ареста Делятицкой он посещал меня и брал у меня книги для чтения. Мне с ним приходилось толковать о положении рабочего класса, и я выразил ему свои желания познакомиться поближе с рабочею средой с вышеуказанными мною целями, на что он выразил свое согласие. Он, кажется, сознавал, что я один из представителей социалистического движения в России, но, вероятно, не хорошо понимал сущность моего мировоззрения. Мы оба сознавали, что затеянное нами преступно по русским законам, но об этом особенных разговоров, конечно, не было, так как страх перед ответственностью не мог бы нас остановить. Выбор рабочих я предоставил моему товарищу, Рубинштейну, который меня и знакомил с ними. Имен их я не желаю назвать, да имен многих я и совершенно не знаю. Для меня безразлично было, кто меня слушает, и потому я никогда не интересовался их фамилиями. Не говорил и своей и на вопросы о том, как мое имя, отнекивался, хотя знал, что некоторые называют меня Николаем. Сознавая, что лица из рабочих подвергаются ответственности за общение со мною, я обыкновенно при первом же свидании прочитывал им в подлиннике ст. 318 и след. Уложения о наказаниях и приступал к чтению и занятиям, только получив согласие. Рубинштейн на всех моих чтениях, которых было приблизительно до 15, не бывал, кроме двух-трех. Читал я еще у Павла, фамилии которого не знаю, кроме прежде указанных мною, Сергея и Романа. Вопрос: когда я в 1890 г. познакомился впервые с рабочими в Одессе, то встретил ли я там уже готовую почву для моей пропаганды, или же мне приходилось подготовлять их к этому? Отчасти встретил почву, уже готовую, что я заметил из разговоров с рабочими, в которых выражалось, хотя довольно смутное, понимание социализма. Большею частью они со словом социализм и социалист не соединяли никакого определенного понятия. Социалистом в их глазах являлся всякий человек, сочувствующий рабочим и борющийся с существующим в России строем. В большинстве случаев почву приходилось подготовлять и потому, за малым периодом времени, имевшимся в моем распоряжении с сентября до декабря 1890 г.,

мне этой работой и пришлось ограничиться. В своих занятиях с рабочими я всеми средствами, имевшимися в моем распоряжении, старался освоить их с мыслью о том, что существующий строй не представляет собою чего-либо неизменного, а есть результат исторического процесса и сам подвержен изменениям. Например, пользовался примерами из жизни диких народов для того, чтобы показать изменчивость всех общественных учреждений и понятий, как-то: семьи, брака, нравственности, государства и т. д. Говорил ли я рабочим и спрашивали ли они, каким путем следует изменить существующий строй в России? Спрашивали часто. Любопытно при этом заметить, что при разборе различных средств для улучшения положения рабочего класса встречались среди разных мнений в роде необходимости отмены податей и вопросы о том, не виноват ли во всем синод или государь. Я обыкновенно объяснял, что зависит не от этих причин, а от общественных условий, как это и следует сообразно исповедуемому мною учению. Я знал, что до меня в разное время вели пропаганду среди рабочих. Но кто именно, указать не могу. Вопрос: когда я прибыл в Одессу из заграницы в апреле 1890 г., то не привез ли рекомендательного письма к Делятицкой от Юла Раппопорта или кого другого? Отвечаю категорически: не привозил. Раппопорта Юла я знаю, как одессита и гимназиста, с 1886 или 1887 г. Встречался я с ним очень редко и то большею частью в городской библиотеке и у одного знакомого товарища, фамилии которого не желаю назвать по чисто личным причинам. Заграницею в Париже я с ним встретился на выставке в июле 89 г., встречался с ним также на социалистическом конгрессе, имевшем тогда же место, и на собраниях, о которых я говорил раньше. Бывал и у него в квартире. Воззрения его, насколько я мог узнать из разговоров с ним, сильно напоминали программу, напечатанную в журнале «Социалист». От него же не могло быть скрыто, что я марксист. О намерениях его действовать в России в социалистическом направлении я ничего не знал, и было бы удивительно, чтобы он сообщал об этих намерениях мне, лицу, с которым был мало знаком и со взглядами которого он был не совсем согласен. Намерение мое ехать в Россию было известно всем знакомым и в том числе, конечно, и Раппопорту, который поручил мне передать его поклоны в Одессе В. Левиаш, Ф. Раппопорт (Фанни) и Марии Бергер. Писем никаких не давал. Лучшим доказательством того, что никакое письмо мною не было взято, да и не могло быть взято, служит бывший со мною, за две недели до отъезда, инцидент на собрании студентов, вследствие которого я и все мои знакомые ожидали моего неминуемого ареста на границе русскими властями. Инцидент этот заключался в следующем: на студенческом собрании в Париже 18 или 15 марта 1890 г. на улице St Jacques, 308, по поводу приглашения члена русского посольства Коцебу на бал студенческий, я выразил публично протест против администрации, сделавшей это. Сущность моей речи состояла в следующем: что евреи студенты, от имени которых сделано было приглашение, не должны были его делать, как лица волею русского правительства заставленные получать образование заграницей. Поступая же так, я выразился, они поступают, как собака, целующая руку господина, который ее бьет.

Д. Гольдендах.

Сего 21 декабря продолжаю мое показание. Ехал я из заграницы в Россию в апреле 1890 г. не со специальною целью заняться пропагандою среди рабочих, но не скрою при этом, что решил не отказываться от благоприятного случая в этом направлении. Случай этот и представился мне в лице Рубинштейна. По приезде из заграницы в Одессу я возобновил мои старые знакомства и чрез Карфункеля Анания Семеновича познакомился, как говорил раньше, с Марией Николаевной Делятицкой и Марией Бергер. Все это время до ареста Делятицкой, т.-е. по 24 мая 1890 г., я больше всего вел знакомство с указанными мною лицами и со Скляром Абрамом, с Гуревичем (которого прозывали Маиором), квартиру которого я занял, когда он уехал на каникулы домой. С Делятицкой, несмотря на то, что бывал почти ежедневно у нее, не был особенно близок. Разговоры наши касались иногда и политических воззрений. Я не скрывал никогда своих воззрений, хотя не имел возможности по личным свойствам изложить их вполне. Делятицкая же, повидимому, не разделявшая некоторых из моих мнений, не была настолько со мною откровенна, чтобы я мог очертить вполне определенно ее воззрения. Намерение свое пропагандировать среди одесских рабочих, если бы к тому представился случай, я не скрывал от нее. Она к подобной пропаганде относилась как к деятельности чисто культурной. Сожалела, что сама не могла принимать участия в такой деятельности, как не соответствовавшей ее полу. Она считала среду рабочих мало восприимчивой к политическим идеям и считала более полезной для распространения политических идей интеллигентную среду. После ареста Делятицкой мое знакомство продолжалось с теми же лицами, хотя не в такой мере, и с другими. Из всех знакомых мне лиц я говорил о моих занятиях с рабочими только Карфункелю и Бергер. Относительно всех этих знакомых могу сказать, что все они, несомненно, интересовались и сочувствовали всякому движению в пользу увеличения политической свободы. Определенных воззрений я ни у кого из них не встречал, хотя, как мне казалось, Карфункель в последнее время принимал уже основные теоретические положения научного социализма. Во время моей практической деятельности среди одесских рабочих, я не получал никаких предложений ни от какой фракции, если не считать письменного предложения г-на Бурцева о собирании денег на анти-правительственную литературу. Письмо это попало ко мне совершенно случайно и даже не было адресовано ко мне. Обстоятельств получения не помню, кажется, оно мне было передано Рубинштейном и в присутствии какого-то рабочего. Я тогда же разорвал это письмо, выразившись при этом, что из-за такого дурака не стоит никого подвергать опасности. В письме этом говорилось: я, Владимир Бурцев, бежавший в 1888 г. из Сибири, теперь заграницей и издаю журнал «Свободная Россия» и разного рода брошюры. Предлагаю вам собирать деньги на издание нелегальной литературы, как-то всяких брошюрок по вопросам дня, по истории русского революционного движения и т. д. Было это в октябре или ноябре 1890 г. Сам я рабочим давал читать только легальные книги, хотя не скрою при этом, что, если бы была нелегальная литература, я бы давал ее. За все время моего пребывания в Одессе у меня в руках были только три или четыре брошюрки, как-то: «Письмо Цебриковой», «Убийство политических ссыльных в Якутске», «Нищета философии» Маркса и т. д. От кого и как я их получил, не при-

помню. Из них я дал Рубинштейну брошюрку об убийстве и т. д. для личного прочтения, а никак не для передачи рабочим.

Д. Гольдендах.

Сего 23 декабря 1891 г. я продолжаю мое показание. В каких отношениях был Рубинштейн с Делятицкой? Насколько я мог заметить потому, что Рубинштейн приходил обыкновенно по субботам к Делятицкой и таких посещений за время моего знакомства с нею было не более пяти, он только брал книжки и большею частью «Русскую Мысль». Рубинштейн, как живший уже около 4 лет в Одессе и все время вращавшийся среди рабочих, конечно, имел очень много знакомых среди них и, вероятно, как человек более или менее интеллигентный (аптекарский ученик), пользовался влиянием. Отношения Бергер, Марии и Анания Карфункеля к Делятицкой я могу характеризовать, как дружеские. Я прекратил свое общение с рабочими в Одессе по причинам, от меня не зависящим, т.-е., главным образом, я уехал потому, как я уже раньше объяснил в своем показании, что опасался ареста. Рабочим же я заявил, в том числе и Ефимову, что вследствие сильного слежения за мною я должен прекратить занятия и уезжаю заграницу. От знакомых своих отъезда своего я не скрывал, то же обстоятельство, что я уезжаю без паспорта, было известно только Карфункелю и Бергер, которые, впрочем, и сами хлопотали о моем отъезде и торопили, указывая мне на предстоящую мне опасность. Оговариваюсь, что хлопоты Бергер и Карфункеля были чисто товарищеские, при чем Карфункель дал мне взаем часть денег, нужных для отъезда. Никто из них не помогал никакими указаниями пройти границу. Я прошел границу, как бежавший от воинской повинности. Фамилий лиц, там мне способствовавших, я положительно не могу назвать. Что я знаю о кассе, существующей среди одесских рабочих? Определенных сведений об этой кассе я никогда не имел. Когда мне нужны были деньги для покупки книг в августе 1890 г., я обратился к Рубинштейну с просьбой раздобыть немного денег. Он мне и заявил, что попросит у рабочих и, кажется, взял их посредством единовременного сбора. Вот все, что я знаю относительно кассы. Еще раз повторяю, что мое общение с рабочими было особливое и стоит вне всякой связи с такою же деятельностью моих предшественников. Кто они были и каковы их цели — я никогда не интересовался узнавать, хотя признаюсь, что рабочие задавали мне вопросы, знаю ли я Бориса, который читал им сказки Щедрина. Насколько мне известно, никто из моих знакомых в Одессе за последнее время пребывания моего в Одессе, не разделял террористических воззрений. Заграницей же в первую мою поездку я на собраниях часто слыхал рефераты, в которых защищались взгляды «Народной Воли». Из таких народовольцев мне известны Ананьев, Степанов, Шейнцис (женщина), Бек. Известны мне также, по их речам на собраниях, Семеновский, который мне еще известен, как редактор «Свободы», Винярский, как марксист, Поллин, Раппопорт (не Юл Раппопорт) и Гуревич Эммануил, воззрений которых я не могу определить. Из эмигрантов я был знаком, как заявил уже на допросе, с Лавровым, Накашидзе, с Биллитом, с Войнаровской, с Конради. Все это парижские знакомые. В Швейцарии же я познакомился с Аксельродом и Кричевским. Все упомянутые мною лица живут

заграницею под собственными фамилиями. Из них Ананьев известен еще под фамилиею Кашинцева, Семеновский носит фамилию Княжнина, Поллин, кажется, Френкеля. Припоминаю, что еще, кроме указанных, знал по встречам с ними на собраниях Прекера (Игнатовского), Алмазову и Ашкинази. В последний мой приезд заграницу, насколько мне известно, фактическим влиянием пользуется в Париже Лавров, а в Цюрихе — Аксельрод. Ни о каких приготовлениях для политической деятельности в России во вторую мою поездку я не слыхал, тогда как в первую мою поездку еще можно было часто слышать на собраниях уверения ораторов, что, дескать, скоро что-то будет в России, но что именно, они, конечно, не объявляли.

Давид Гольдендах.

Подполковник *Пирамидов.*

Товарищ прокурора *В. Лебедев.*

Печатаются по подлиннику в деле одесского губ. жанд. управл., 1891 г., № 160/91 I, о рабочих кружках, сформированных в 1890 году одесскими мещанами Давидом Гольдендахом и Бениамином Рубинштейном (дознание в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Судопр.), л.л. 103—108 (хранится в Историко-революционном архиве).

14.

Доклад департамента полиции по делу о Николае Дементьевиче Богданове (Мефодиеве) и Александре Сергеевиче Филимонове, 20 июля 1892 г.

Вследствие полученных сведений в ночь на 28 ноября 1891 г., в селении Александровском, близ Петербурга, был произведен обыск у рабочих карточной фабрики императорского воспитательного дома Николая Богданова и Александра Филимонова, которым были обнаружены у них: 1) печатные и гектографированные брошюры социально-революционного содержания, под заглавиями: а) «Фердинанд Лассаль, его жизнь и деятельность», сочинение Плеханова, б) «Национальность и социализм», сочинение Лаврова, в) «Развитие научного социализма», сочинение Ф. Энгельса, г) «На родине № 2», д) «Наемный труд и капитал», сочинение К. Маркса, е) «Письмо вечного каторжника к случайной знакомой в Сибири», ж) «Переходный момент нашей партии», сочинение Александра, з) «Социализм и народничество», и) «Очерк развития социально-революционного движения в России» и к) «Социализм в революционном движении интеллигенции семидесятых годов»; последние четыре статьи переплетены в одну брошюру; 2) рукописные стихотворения, помещенные на отдельных листках и в двух переплетенных тетрадях, из коих одно революционного содержания озаглавлено «Речь подсудимой» и начинается словами: «Мой тяжкий грех, мой умысел злодейский»; в конце этого стихотворения сделана следующая приписка: «Подсудимая София Бардина провела около 10 лет на заводах и фабриках, пропагандируя среди рабочих. Умерла в чахотке вскоре после суда»; остальные стихотворения частью революционного, частью тенденциозного содержания; 3) две рукописи, писанные карандашом на клочках бумаги и представляющие план для статьи социалистического характера; 4) 20 лотерейных билетов, таблица номеров билетов и выигрышей и лист бумаги, на котором отпечатано 9 лотерейных билетов, ценою

в 30 коп. каждый; 5) выписки из инструкции по охране императорских поездов к начальникам железных станций Николаевской железной дороги, отлитографированные в конце октября 1891 г.; 6) пишущая машина системы Вриттера; 7) план местности в С.-Петербурге между Невским и Владимирским проспектами и Николаевской улицей с надписью посредине плана «А. Шилов»; на обороте плана написано: «краску»; 8) две бутылки с жидкостями; на одной из них надписано «Серная кислота»; 9) шестизарядный револьвер системы Лефоше, по заключению эксперта оказавшийся негодным к употреблению, и 10) три воззвания социально-революционного содержания, из которых одно отпечатано на пишущей машине и начинается словами: «Положение русского рабочего в настоящее время самое печальное, самое жалкое» . . . В этом воззвании указано, что умственные и нравственные потребности рабочих не удовлетворяются; что тогда как заработная плата — единственное средство существования рабочих — крайне низка, число рабочих часов, в сравнении с западно-европейскими государствами, очень велико; что при таких условиях улучшить свое положение рабочие не имеют ни средств, ни времени, и что потому необходимо, чтобы лучшая часть их сплотилась, помогла своим товарищам выйти из того мрака невежества, который окутывает их со всех сторон, и вдохнула в них стремление добиваться такого общественного строя, при котором рабочие не были бы лишены богатств, создаваемых ими же. «Только совокупными средствами нескольких рабочих», сказано в конце этого воззвания, можно оказать материальную поддержку рабочему, подвергшемуся преследованию правительства за то, что он не удовлетворился существующим положением рабочих и стремился к достижению лучшего положения». Остальные два воззвания рукописные и также обращены к рабочим. Из них одно, начинающееся словами: «Товарищи. Обращая внимание на наше положение . . .» составляет как бы продолжение изложенного выше печатного воззвания: выходя из положения, что все страдания рабочих происходят от существующего экономического строя и что потому необходимо стремиться к другому, социалистическому строю, при котором не будет ни бедных, ни богатых, а все будут пользоваться счастием и довольством в равной степени, воззвание говорит, что это может быть достигнуто только тогда, когда на стороне рабочих будет такая организованная сила, которой правительство не решится отказать в ее требованиях, и затем указывает, что для этого следует добиваться политических прав, а именно: учреждения конституции, свободы избирательной агитации, свободы слова, печати, сходок, организаций, религий, бесплатного народного образования, суда присяжных для всех преступлений и ограничения как количества войск, так и срока военной службы. Воззвание это оканчивается так: «Не забудьте, товарищи, эти требования потому, что это первые и главнейшие, которые мы должны будем предъявить правительству при первой возможности, и что только тогда мы будем иметь возможность улучшить положение, когда будет все то, что изложено в этих требованиях». Наконец, в третьем воззвании, обращенном к «более развитым рабочим», эти последние приглашаются к указанию своим товарищам средств для выхода из того тяжкого положения, в котором они находятся. При этом приводятся въ пример западно-европейские рабочие, которые, будучи эксплоатируемы капиталистами,

чтобы дать почувствовать последним и правительствам свою силу, устроили 1 мая громадную манифестацию; указывается на участие русских рабочих в демонстрации на похоронах литератора Шелгунова с целью «возбудить рабочий вопрос», и далее сказано: «такой успех рабочих пришелся не по губам нашего правительства, которое троих участников этой манифестации выслало из столицы; правительство всегда за малейшее проявление неудовольствия к существующим безобразиям высылает и сажает по тюрьмам рабочих и интеллигенцию, которая искренно стремится своими силами и знаниями помочь рабочим в борьбе с существующим хищническим строем». Воззвание оканчивается следующими словами: «Но, я надеюсь, товарищи, что такие меры правительства не запугают никого из нас, а лишь только возбудят бо́льшую ненависть к нему и существующему хищническому строю, который оно оберегает, и большее желание скорее добиться такого порядка, при котором не было бы ни бедных, ни богатых, а все бы пользовались счастьем и довольством в равной степени. Так будем же, товарищи, развивая и поддерживая друг друга, продолжать начатую борьбу с существующим злом за осуществление свободы, истины и братства».

Изложенные результаты обыска послужили основанием к возбуждению в с.-петербургском губернском жандармском управлении, в порядке 1035 ст. уст. угол. суд., дознания, к которому Николай Богданов (он же Мефодиев) и Александр Филимонов были привлечены в качестве обвиняемых.

Признавая себя виновным в хранении вышеназванных сочинений социально-революционного содержания и воспроизведении упомянутых воззваний, обвиняемый Николай Богданов (он же Мефодиев) объяснил, что все эти сочинения он приобрел для прочтения и не только не имел цели их распространять, но даже не показывал своему сожителю Александру Филимонову. Из числа этих сочинений, брошюры Плеханова, Энгельса, Лаврова, сборник 4-х статей революционного содержания, а также сборник, озаглавленный «На родине», он получил несколько лет тому назад от одного рабочего, некоего Максимова, который, как он слышал, умер в 1890 г.; остальные брошюры, равно как и воззвания, дал ему, летом 1891 г., другой рабочий, фамилии которого он не знает; воззвания были ему переданы в рукописях; одно из них он отпечатал на отобранной у него, также по обыску, машине Вриттера, а два переписал, подлинники же уничтожил за ветхостью; на той же машине он отпечатал девять билетов для лотереи, которую предполагал устроить с целью розыгрыша некоторых ненужных ему книг: повестей, рассказов и т. п. сочинений; для печатания тех же билетов он рассчитывал получить какую-нибудь краску от своего знакомого накладчика типографии Голике, Андрея Шилова, к которому для этой цели и посылал недели за две до своего ареста Александра Филимонова, и так как последний не был знаком с Шиловым, то он начертил план его квартиры, находящейся на Стремянной улице в доме № 3; Шилов, однако, краски не дал; от Шилова же он взял из любопытства для прочтения выписки из инструкции по охране императорских поездов, при чем Шилов сообщил ему, что инструкция эта была отлитографирована в литографии Голике. Остальные, отобранные в общей его и Филимонова квартире рукописи, револьвер, бутылки с жидкостями, а также таблица выигрышей, принадлежат Филимонову. К этому Богданов присовокупил, что револю-

ционною деятельностью он не занимался, и никто из его знакомых заведомо для него не участвовал в противоправительственной деятельности.

Обвиняемый Александр Филимонов, не признавая себя виновным ни в приобретении и хранении социально-революционных сочинений, ни в распространении таковых, по предъявлении отобранных по обыску в общей его и Богданова квартире рукописей и других предметов, объяснил, что две бутылки с жидкостями представляют составы, необходимые при электрическом освещении и для опытов по электричеству, с которым он познакомился, служа в течение года на электрическом заводе Яблочкова; револьвер куплен им по дешевой цене с целью впоследствии перепродать его; две рукописи, писанные карандашом, писаны им и представляют программу для конспекта по сочинению Лассаля том I, которую он составил для памяти по прочтении этого сочинения; лотерейные билеты, в количестве 20 штук, и таблицы выигрышей относятся к лотерее, которая была им устроена в ноябре 1890 года в пользу вдовы рабочего Александра Яковлева, служившего в книжном складе «Посредник»; в лотерею эту разыгрывались принадлежавшие покойному книги, преимущественно беллетристического содержания; продажею билетов среди рабочих, главным образом, занимался Богданов. Все запрещенные издания, отобранные в общей его и Богданова квартире, принадлежат последнему; из них он брал у него для прочтения лишь сочинение «Наемный труд и капитал» и печатное воззвание, начинающееся словами: «Положение русского рабочего в настоящее время самое печальное». Кроме того, он видел у Богданова из числа отобранных сочинений брошюру Плеханова и сборник «На родине», откуда же Богданов приобрел все эти издания, для какой цели и кем отпечатано воззвание, он не знает, и Богданов ему не говорил; равным образом он не знает, давал ли Богданов еще кому-нибудь, кроме него, эти издания. Наконец, он читал также найденную им у Богданова брошюру, заключающую в себе выписки из инструкции по охране императорских поездов, но Богданов не объяснял ему, откуда и как он ее приобрел, а сказал лишь, что взял для прочтения. У рабочего Андрея Шилова он был один раз по просьбе Богданова, с целью получить от него краску для печатания лотерейных билетов, при чем Шилов обещал удовлетворить эту просьбу. Далее обвиняемый Филимонов объяснил, что хотя Богданов—товарищ его по школе императорского русского технического общества и по его рекомендации он некоторое время работал в качестве чертежника на Царскосельской железной дороге, через его же посредство получил в сентябре 1891 года место слесаря на карточной фабрике императорского воспитательного дома и с этого времени жил вместе с ним, тем не менее ему неизвестно, имел ли Богданов знакомых среди учащейся молодежи, так как он не знакомил его с посещавшими его молодыми людьми, вследствие чего, когда они к нему приходили, он, Филимонов, удалялся в свою комнату, и не знает не только цели их посещения, но даже и того, кто они и к какому классу населения принадлежат.

Такие объяснения обвиняемых опровергаются, однако, нижеследующими, обнаруженными дознанием данными:

Отделение по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге, уведомляя, что тверской мещанин Николай Максимов, состоявший под негласным надзором, в виду сношений его с деятелями рево-

люционного сообщества, умер 13 января 1891 года, вместе с тем сообщило, что расследованием, производившимся по поводу задержания Богданова и Филимонова, выяснено, что они, состоя между собой в дружеских отношениях, имели обширный круг знакомых в рабочей среде и, как более развитые рабочие, пользовались большим влиянием между своими товарищами, среди которых, по агентурным сведениям, распространяли дух недовольства существующим в России экономическим и политическим строем; в числе их знакомых из среды рабочего класса находились обращавшие на себя внимание своими противоправительственными взглядами рабочие: Обуховского завода Николай Клопов (он же Клотов) и фабрики Лангензипена Ефим Евдокимов, которые за подстрекательство рабочих к стачке, по распоряжению с.-петербургского градоначальника, были высланы из столицы; рабочий Обуховского завода запасный унтер-офицер, Николай Иванов Павликов, привлекавшийся к дознанию по обвинению в государственном преступлении, который затем был выслан на жительство в Архангельскую губернию; наконец, рабочий мастерских С.-Петербурго-Варшавской железной дороги Гавриил Мефодиев, который был подвергнут обыску вследствие полученных сведений об участии его в организации среди рабочих революционных кружков, а затем, в числе других рабочих, вместе с братом своим Иваном и рабочим Балтийского завода, Иваном Крутовым, принял участие в беспорядках, происходивших во время похорон писателя Шелгунова, вследствие чего как он, так брат его и Крутов, высланы были из С.-Петербурга с воспрещением жительства в столице в течение трех лет. По уведомлению охранного отделения, означенным расследованием выяснено также, что Богданов и Филимонов принимали участие в этих последних беспорядках, что они были знакомы со студентами военно-медицинской академии, Александром Чешковым и Иосифом Сомовым, из которых последний известен своими сношениями с бывшим студентом лесного института Василием Чешихиным, находящимся ныне в ссылке, что они распространяли найденные у них по обыску воззвания, при чем один экземпляр воззвания, начинающегося словами: «Положение русского рабочего . . .», переданный ими одному рабочему, был впоследствии получен отделением агентурным путем. К сему охранное отделение присовокупило, что расследованием не выяснены данные, которые могли бы указывать на участие Чешкова и Сомова в составлении означенных воззваний или передаче ими Богданову и Филимонову найденных у них преступных изданий.

Изложенные сведения нашли себе отчасти подтверждение при дальнейшем производстве настоящего дознания. Так, спрошенные в качестве свидетельниц работницы карточной фабрики воспитательного дома, с.-петербургские мещанки Мария Петрова и Клавдия Григорьева показали, что познакомились с Богдановым и Филимоновым только осенью 1891 г. со времени поступления их на фабрику, что Богданов и Филимонов не вели с ними разговоров противоправительственного характера, никаких запрещенных сочинений им не давали и читали им только роман Чернышевского «Что делать» и критику Писарева на это сочинение. К этому свидетельница Григорьева добавила, что однажды Богданов продекламировал ей и Петровой упомянутое выше стихотворение, начинающееся словами: «Мой тяжкий

грех, мой умысел злодейский . . .», в доказательство высказанного им при этом замечания, что прежде женщины были более энергичны, чем теперь; стихотворение это настолько ей понравилось, что она записала его себе для памяти, но затем оно было отобрано у нее по обыску, произведенному вследствие того, что во время прибытия полиции для обыска в квартиру Богданова и Филимонова она находилась у них.

Рабочий Обуховского завода, колпинский мещанин Федор Сухаревич показал, что с Александром Филимоновым он познакомился, посещая воскресную школу, устроенную фабрикантом Варгуниным в селе Александровском, а затем при посещении Филимонова познакомился и с Богдановым. Еженедельно по вторникам и пятницам, отправляясь в школу, он заходил за Филимоновым, по его просьбе, и они вместе шли в школу. По пути Филимонов иногда заводил с ним беседы на тему о положении рабочих; он говорил, что положение русского рабочего тяжелое и что это объясняется тем, что русские рабочие забиты фабрикантами и правительством; что положение рабочего в Западной Европе несравненно лучше потому, что там рабочие, как люди более развитые, понимают солидарность своих интересов и постоянно, усиливаясь, дают время от времени различными средствами почувствовать правительству свою силу; что одним из таких средств являлась манифестация 1 мая, во время которой рабочие требовали установления законодательным порядком восьмичасового рабочего дня и что, благодаря этому и другим предпринимаемым ими средствам, они добились того, что правительство принуждено было удовлетворить некоторым их требованиям, как, например, дало конституцию, свободу сходок, печати, вследствие чего им стало легче бороться с существующим экономическим строем. Поэтому, — говорил Филимонов, — пора и русским рабочим стараться развивать себя, организоваться, устраивать стачки, добиваясь более широких прав: уменьшения числа рабочих часов, увеличения заработной платы; путем стачек стараться добыть для себя и политические права: учреждения конституции, основанной на общем избирательном праве, так, чтобы каждый рабочий мог из своей среды избрать депутата в правительственные учреждения и чтобы эти депутаты имели возможность при издании всякого закона соблюдать интересы своих избирателей. Далее, Филимонов объяснял ему, Сухаревичу, что права рабочих должны заключаться в том, чтобы каждый рабочий мог свободно и безнаказанно говорить, согласно своим убеждениям, чтобы не было никакой цензуры и чтобы все преступления разбирались судом присяжных. Вообще же, чтобы добиться всего этого, нужно, говорил Филимонов, изменить существующий экономический и политический строй государства. По предъявлении свидетелю Сухаревичу отобранных по обыску у Богданова и Филимонова воззваний, он объяснил, что Филимонов и Богданов ему их не показывали, но, что содержание воззвания, начинающегося словами: «Очень жаль, товарищи», вполне соответствует тому, что говорил Филимонов, хотя никаких бранных или резких выражений, встречающихся в этом воззвании, Филимонов в беседах с ним не употреблял. О том, что в С.-Петербурге существует среди рабочих какая-либо организация, Филимонов ему не сообщал, и он этого не знает, равно как неизвестно ему также, с кем Богданов и Филимонов вели знакомство.

Из числа лиц, на знакомство которых с Богдановым и Филимоновым были при производстве негласного расследования получены указания, запасный унтер-офицер Николай Павликов, по предъявлении фотографических карточек Богданова и Филимонова, не признал в них знакомых ему лиц. Студенты же военно-медицинской академии Александр Чешков и Иосиф Сомов, не отвергая знакомства своего с Александром Филимоновым, показали: Чешков — что Филимонов явился к нему весною 1890 г. с просьбою подготовить его в технологический институт и, хотя он отказался заниматься с ним, Филимонов продолжал еще некоторое время заходить к нему с просьбами о ссуде денег, при чем жаловался на неимение работы и на свое тяжкое положение, как рабочего, принужденного содержать старуху-мать; Сомов — что Филимонов явился к нему весною 1890 года и обратился также с просьбою подготовить его по математике; чрез кого он с ним познакомился — не помнит, но на просьбу его он согласился, и после этого Филимонов в течение около двух месяцев приходил к нему раза четыре в неделю, обыкновенно по вечерам, для занятий по алгебре. Во время этих занятий Филимонов высказывал недовольство существующими порядками на фабриках, говорил о трудном положении рабочих, о том, что рабочие много работают, но мало зарабатывают, что рабочие мало развиты и потому не понимают своих прав по отношению к фабрикантам. Заявляя при этом, что он имеет у себя разные сочинения по социально-экономическим вопросам и что намерен устроить для рабочих библиотеку, Филимонов стал просить у него книг, но он, свидетель, не имея лишних книг, в просьбе отказал. Затем Филимонов в мае 1890 года явился к нему на квартиру в сопровождении двух своих товарищей, также рабочих, неизвестных ему, свидетелю, по фамилиям, и, заявляя о том, что некоторые рабочие высланы из столицы за участие в каких-то, происходивших в то время беспорядках на фабриках, просил собирать в пользу этих рабочих денежные пожертвования. В этой просьбе он, Сомов, также ему отказал и, убедившись из такого поведения Филимонова, что занятия по математике были только предлогом для приобретения знакомств в студенческой среде, тем более, что Филимонов небрежно относился к учению, он, свидетель, отказался от занятий с ним, после чего вскоре Филимонов перестал его посещать.

Свидетельница Прасковья Васильева показала, что Богданов и Филимонов проживали у нее на квартире в селе Александровском с сентября 1891 г. до ареста, при чем их посещали часто знакомые, преимущественно рабочие тех фабрик, где они сами прежде работали, и, хотя обыкновенно они спрашивали Богданова, но все были знакомы также и с Филимоновым; приходили к ним иногда и какие-то молодые люди, неизвестные ей по фамилиям, видимо, не простые, а господа.

По осмотру и сличению экземпляра печатного воззвания, отобранного по обыску в квартире Богданова и Филимонова, и начинающегося словами: «Положение русского рабочего . . », с упомянутым воззванием, препровожденным отделением по охранению общественной безопасности и порядка в С.-Петербурге и также начинающимся словами: «Положение русского рабочего . . .», оказалось, что воззвания эти по содержанию своему тождественны и, по заключению эксперта, отпечатаны одинаковым шрифтом и способом на пишущей машине системы Виктора Вриттера; по сличении

же почерков, которыми писаны остальные два воззвания, а также упомянутые стихотворения революционного и тенденциозного содержания, эксперты заключили, что все эти рукописи писаны обвиняемым Богдановым.

Расследованием, произведенным начальником с.-петербургского жандармского полицейского управления железных дорог, а также показаниями содержателя типо-литографии Романа Голике и старшего мастера этого заведения Петра Андрюшова, осмотром экземпляра брошюры, озаглавленной: «Выписка из инструкции по охране императорских поездов», представленным типо-литографией Голике, где эти инструкции литографировались, и сличением такового с экземпляром той же инструкции, найденным по обыску в квартире Богданова и Филимонова, установлено, что этот последний экземпляр, составляющий так называемый «приправочный оттиск», был похищен из типо-литографии Голике; все же количество экземпляров этой инструкции, заказанное Роману Голике конторою эксплоатации Николаевской железной дороги, по проверке, оказалось в наличности. Так как спрошенный по этому поводу в качестве свидетеля крестьянин Тверской губернии Андрей Иванов Шилов, служивший накладчиком в типо-литографии Голике, не только отрицал факт передачи Богданову этой инструкции, но и самое знакомство с Богдановым и Филимоновым, то у него был произведен обыск, по которому, однако, никаких запрещенных сочинений и ничего преступного найдено не было.

При расследовании обстоятельств, касающихся других отобранных по обыску у Богданова и Филимонова предметов, спрошенная в качестве свидетельницы жена крестьянина Анастасия Яковлева показала, что муж ее Александр Яковлев служил артельщиком в книжном складе под фирмою «Посредник» и к нему туда несколько раз заходили Николай Богданов и Александр Филимонов, с которыми она при этом познакомилась; когда затем 4 августа 1891 г. умер ее муж, она на его похоронах сказала Филимонову, что осталась без всяких средств и просила его распродать книги, принадлежавшие покойному; Филимонов согласился, и спустя некоторое время передал ей 60 рублей, объяснив, что эта сумма выручена от лотереи, в которую были разыграны книги ее мужа. Затем показаниями свидетелей: заведывавшего складом «Посредник» коллежского регистратора Петра Яковлева и рабочих Обуховского сталелитейного завода Константина Даммерта, Георгия Отса и Ивана Матягина выяснено, что разыгранные Филимоновым книги, принадлежавшие Александру Яковлеву, были беллетристического и духовного содержания.

По химическому исследованию жидкостей в двух бутылях, эксперт, заведующий химическою лабораториею артиллерийской академии и училища капитан Забудский 2-й сообщил, что в бутыли с надписью «серная кислота» оказался раствор, который может быть употребляем при покрывании металлических предметов гальванопластически при помощи электрического тока; в другой же бутыли — жидкость для устройства электрического освещения в небольших размерах, при чем обе эти жидкости не могут служить для приготовления взрывчатых веществ или входить в их состав.

31 декабря 1891 года обвиняемый Александр Филимонов подал заявление, в котором утверждал, что распространением противоправительственных идей не занимался, но что получал от некоторых рабочих сочинения противо-

правительственного характера, при чем, не считая хранение их у себя преступлением, читал их лишь для того, чтобы узнать все пути для достижения государственного строя, удовлетворяющего требованиям большинства граждан, и приобрести, таким образом, возможность направить на прямой путь того, «кто пошел по кривой дороге». В заключение, отказываясь указать рабочих, снабжавших его сочинениями подобного рода, он отказ свой объяснил тем, что, если должен «дорожить свободой монарха», то почему не должен он дорожить и свободою каждой отдельной личности.

Передопрошенный по этим новым данным обвиняемый Александр Филимонов показал, что, хотя он и видал у Богданова, проживая с ним совместно, все отобранные у него сочинения, но, за исключением перечисленных ранее, других не читал, не считая себя в праве брать их; ни сочинений, ни воззваний не распространял; первый том сочинения Лассаля приобрел в Александровском рынке от неизвестного ему по фамилии студента; рабочих Клопова, Павликова, Мефодиева и Евдокимова он не знает; с рабочим же Обуховского завода Федором Сухаревичем был знаком и одно время посещал вместе с ним воскресную школу в селе Александровском, но никаких разговоров о тяжелом положении рабочих с ним не вел, и вообще бесед подобного рода ни с кем не заводил. Со студентом военно-медицинской академии Александром Чешковым он познакомился весною 1890 г., желая при его помощи подготовиться к экзамену по курсу реального училища. Чешков отказал ему в просьбе, но указал на Иосифа Сомова, и так как последний согласился заниматься с ним по алгебре, то он с этою целью и посещал его. Хотя по истечении приблизительно двух месяцев занятия эти прекратились, тем не менее он продолжал бывать у Сомова до конца 1890 года и изредка заходил к Чешкову, для получения денежных ссуд; не помнит, однако же, чтобы когда-либо был у Сомова или у кого-либо из студентов в сопровождении других рабочих и чтобы обращался к Сомову с просьбою собирать пожертвования в пользу рабочих, высланных за участие в беспорядках; намерения образовать рабочую библиотеку он не имел, а потому и не просил никого о пожертвовании книг для подобной библиотеки. В заключение обвиняемый Филимонов, в разъяснение поданного им заявления, показал, что сочувствует не революционному, а рабочему движению, и что он желал бы, чтобы для улучшения материального положения рабочих правительством были приняты должные меры, а именно, чтобы были дозволены рабочие сходки, ассоциации и разные производительные товарищества.

Обвиняемый Николай Богданов, утверждая также, что не знает рабочих Клопова, Павликова, Мефодиева и Евдокимова и что он не был знаком со студентами Чешковым и Сомовым, объяснил, что никому из своих знакомых, в том числе и Филимонову, не давал никаких запрещенных сочинений и воззваний, но что Филимонов мог брать у него для чтения те сочинения, которые найдены по обыску, так как они частью лежали в общей квартире их на этажерке, частью же находились в незапертом комоде, в котором помещались также и вещи Филимонова. Хотя в одном из отобранных у него воззваний и говорится об организации «товарищеской группы» для поддержания товарищей, пострадавших за идею рабочих, об участии рабочих в демонстрации на похоронах писателя Шелгунова и о высылке за это

трех рабочих из столицы, но он ни к какой группе не принадлежал, на похоронах Шелгунова не был и рабочих, высланных за участие в демонстрации, не знает; передавший же ему это воззвание рабочий, летом 1891 г., предлагал ему, как более развитому рабочему, организовать товарищескую группу с целью умственного и нравственного развития рабочих, для улучшения их быта. Из слов этого рабочего он понял, что одна такая группа уже существует, и хотя был согласен с его мнением относительно целесообразности организации подобной группы, но таковой не организовал. Стихотворение под заглавием «Речь подсудимой» списано им с гектографированного листка, который дал ему тот же рабочий; читал ли он это стихотворение работницам карточной фабрики Марии Петровой и Клавдии Григорьевой, не помнит. К изложенному обвиняемый Богданов присовокупил, что приобретал запрещенные сочинения, желая познакомиться вообще с жизнью русского общества и, в частности, с революционным движением в России и что большинство его знакомых были рабочие, но он имел знакомых и среди лиц интеллигентного класса, указать которых Богданов отказался.

Из дела видно, что обвиняемые Филимонов и Богданов содержатся по сему делу под стражею с 29 ноября 1891 г.

По соображении изложенных обстоятельств прокурор с.-петербургской судебной палаты находит, что настоящим дознанием вполне установлено, что обвиняемый Николай Богданов собственноручно воспроизвел три воззвания революционного содержания, обращенные к рабочим, и что Филимонов в беседах своих с рабочим Федором Сухаревичем проводил те самые идеи революционного характера, которые изложены в одном из этих воззваний. Воззвания эти, отобранные в общей квартире Богданова и Филимонова, состоявших между собою в близких отношениях, очевидно, предназначены были для распространения, на что указывает как самое воспроизведение их, так и то, что экземпляр одного из этих воззваний, совершенно тождественный с найденными по обыску у Богданова и Филимонова, взят был у одного рабочего еще до возбуждения сего дела. Из сведений, доставленных отделением по охранению общественной безопасности и порядка в столице, добытых негласным расследованием, видно, что Филимонов и Богданов имели обширный круг знакомства между рабочими и пользовались своим влиянием в этой среде для того, чтобы поселять в ней недовольство существующим в России экономическим и политическим строем. Данные эти, в связи с подтверждающими их до известной степени показаниями свидетелей Сухаревича, Григорьевой и Сомова, а также результатами произведенного у Филимонова и Богданова обыска, приводят к заключению, что эти два лица, в течение 1890 и 1891 г.г., в С.-Петербурге, распространяли среди рабочих как устно, так и посредством раздачи воспроизведенных механическими способами экземпляров сочинения преступного содержания, направленные к изменению существующего в империи государственного и общественного строя. Деяние это соответствует признакам преступления, предусмотренного 2 ч. 251 ст. улож. о нак.

Вследствие сего и принимая в соображение время, проведенное обвиняемыми под стражею, прокурор палаты полагал бы разрешить настоящее дознание административным порядком с тем, чтобы подвергнуть мещан Александра Сергеева Филимонова, 21 г., и Николая Дементьева Богда-

нова, 21 г., одиночному заключению в тюрьме, на три месяца каждого; по отбытии же ими сего наказания подчинить их негласному надзору полиции на срок по усмотрению министерства внутренних дел.

Г. управляющий министерством юстиции находит, что обстоятельствами настоящего дознания установлен факт хранения обвиняемыми Богдановым и Филимоновым преступных изданий, при чем нахождение таковых у них в значительном числе экземпляров свидетельствует о приобретении сих изданий из революционной среды, с которой названные обвиняемые находились в преступных сношениях.

Данными дознания выяснено также, что Богданов и Филимонов приобрели оказавшиеся у них преступные издания не для удовлетворения собственного интереса, а для целей пропаганды. Подтверждением сего служат имеющиеся о них агентурные сведения, показания свидетелей, удостоверяющих, что Богданов и Филимонов занимались устной пропагандой, а также и то обстоятельство, что Богданов обнаружил уже намерение увеличить число экземпляров противоправительственных воззваний собственноручной их перепиской. Кроме того, по отношению к Филимонову получают значение поданное им заявление при производстве настоящего дознания, а также и данные им засим показания, в которых Филимонов открыто высказывается в пользу изменения существующего экономического порядка, не отказываясь от мысли содействовать той среде, которая стремится к такому изменению. Нельзя, казалось бы, не остановиться и на том, что, хотя цель приобретения обвиняемыми инструкции по охране императорских поездов и не выяснена в преступном смысле, но, вместе с тем, не исключается предположение, что означенная инструкция могла быть приобретена ими с целями преступными. Такое предположение представляется вероятным, в виду, несомненно, вредного направления обвиняемых в политическом отношении и установленных дознанием связей их с противоправительственною средою.

Вследствие сего, признавая Богданова и Филимонова изобличенными в хранении и распространении подпольных изданий, служащих орудием пропаганды и агитации среди рабочих, и в непосредственных сношениях с преступными деятелями, а также находя, что совокупность обстоятельств настоящего дознания в достаточной мере указывает на их политическую неблагонадежность, управляющий министерством юстиции, с своей стороны, полагал бы подвергнуть Богданова и Филимонова тюремному заключению на восемь месяцев каждого, а по отбытии ими сего наказания, в видах воспрепятствования им проявлять вредное направление в рабочей среде, подчинить сих обвиняемых гласному надзору полиции сроком на три года каждого, с воспрещением проживать в течение указанного срока в столицах, столичных губерниях и местностях, состоящих в положении усиленной охраны.

Департамент полиции присоединяется к заключению министерства юстиции.

И. д. директора (подпись).

Делопроизводитель Зволянский.

«20» июля 1892 г.

Печатается по подлиннику в деле деп. полиции, 3-е делопр., 1897 г., № 643, «О мещанине Николае Дементьеве Богданове (он же Мефодиев), л.л. 9—15.

15.

Донесение начальника донского обл. жанд. управления в деп. полиции по делу ростовского кружка, от 26 июня 1890 года, № 372.

По поводу замечаний, выраженных в предложениях вашего превосходительства от 3 и 13 сего июня за №№ 1528 и 1605, имею честь объяснить, что, при возбуждении дознания о кружке ростовских пропагандистов, во вверенном мне управлении не имелось в виду никаких посторонних обстоятельств и сведений, с коими бы я мог соображать распоряжения, касающиеся исключительно г. Ростова, в интересах же местного спокойствия возбуждение дознания представлялось совершенно своевременным, как по существу наблюдательных данных, так и потому, что рабочая пропаганда в Ростове развивается и обостряется именно в летнее время, когда наплыв бездомных рабочих масс, неблагонадежных лиц и приезжей учащейся молодежи составляют самую благоприятную почву для распространения пропаганды и для фактического выражения ее успехов, начиная с устройства рабочих сходок и кончая уличными беспорядками и разгромами.

Причины несообщения мной департаменту полиции имевшихся у меня сведений заключались в том, что до последнего времени в моем распоряжении и не было ни со стороны агентуры, ни по наблюдениям никаких таких сведений, которые могли вызвать особое внимание департамента и его указания.

Все предшествовавшие сведения и результаты наблюдений сводились к тому, что в Ростове продолжают существовать рабочие кружки саморазвития, о которых я подробно сообщил департаменту в представлении от 9 марта 1889 г. за № 186; имелись отрывочные указания на выдающуюся роль некоторых поднадзорных, в том числе Мотовилова, Богораза, Болдырева, Муссури и т. д., но все эти указания не выяснили острого направления их деятельности и по неопределенности сведений можно было заключить, что кружок главных пропагандистов, заключенный в совершенно обособленной железнодорожной среде, — не только ускользал от агентурного надзора, но и мешал ему по причинам, исходящим из недоверия некоторых членов к лицам агентуры.

Весной сего года, главные рабочие - комментаторы — Мотовилов, Болдырев и Богораз, бросили свои занятия в кружках, предоставив это дело некоторым опытным рабочим, а сами стали сближаться с учащейся молодежью и личностями, хотя и состоявшими под наблюдением, но не входившими в состав кружков.

Несколько раз они совершенно неожиданно выезжали из Ростова по направлению к Новороссийску и Екатеринодару. Одновременно с этим и в Ростове стали появляться какие-то приезжие подозрительные личности, но своевременно установить их не удалось, так как в Ростове при почти 200 тыс. населения и разного сброда не существует ни адресного стола, ни правильной полицейской регистратуры. Домовые книги ведутся очень немногими хозяевами, и приезжие, в большинстве, живут без всяких прописок (так, например, мои 4 наблюдательные агента, жившие в Ростове по целым месяцам и на разных частных квартирах, ни разу не встретили надобности предъявлять свои документы).

При таких условиях наружные наблюдения и проверка агентурных сведений представляются крайне затруднительными, но тем не менее в числе приезжих удалось выяснить Семена Калитаева, приезжавшего в марте с какой-то женщиной из Кубанской области, и некоего Илью Матвеева со станции Кавказской. Обе эти личности крайне неблагонадежны. Третья личность, замеченная в ночном свидании с Мотовиловым 14 апреля и проведенная в дом № 10 по Соляному спуску, исчезла бесследно. В марте же Мотовилов стал посещать квартиру еврея Заславского (не кланяясь, однако, с ним при встречах), который по агентурным сведениям вел переписку на чужие адресы и получал письма из заграницы и Одессы. Вообще к концу апреля можно было заключить, что кружок ростовских поднадзорных изменил направление своей деятельности и задался иными целями. Известно было, что Мотовилов, как бы в ожидании чего-то, стал бояться обысков, предупреждал кой-кого быть осторожными и даже позаботился раздать на руки рабочую библиотеку, хотя и состоявшую исключительно из легальных изданий.

Параллельно с этим изменилось направление и в рабочей среде. Пропаганда, переданная в руки рабочих прежнего закала, как, например, Прокофия Ушакова, Ильи Жукова и т. п., начала обостряться; в марте были задуманы стачки на Пастуховском заводе и на пристани, в мастерских Волго-Донского пароходства, — но не удались; затем проводилась мысль устроить беспорядки 17 апреля, во время открытия памятника в бозе почившему государю императору Александру II, но и эта затея была предупреждена своевременным командированием 3-х сотен казаков. В апреле же было несколько сходок в степи за Темерником, и на одной — какой-то незнакомый агентуре человек читал рукопись о стачках на западе.

Все это, вместе взятое, указывало необходимость принять меры к предупреждению дальнейшего обострения пропаганды, но так как мне и помощнику моему в ростовском округе было доподлинно известно, что по системе деятельности Мотовиловского кружка и принятыми предосторожностями никаких юридических улик добыть было нельзя, то потому и было решено, усилив наблюдения, уловить для обысков наиболее благоприятный случай. Такой именно случай и представился при следующих обстоятельствах.

В числе новых знакомых Мотовилова особенное внимание обращал молодой учитель станции Гниловской — крестьянин Курской губернии, Григорий Шапошников, познакомившийся с Мотовиловым через известного департаменту учителя ст. Каменской Дмитрия Мазуренко. Путем перлюстрации и из агентурных источников, мне было известно, что Шапошников принадлежит к числу молодежи, воспитанной в духе подпольной литературы 80-х годов, и склонный на самые крайние увлечения.

25 мая Шапошников должен был прибыть в Новочеркасск, где по распоряжению педагогического начальства собрано было 114 молодых народных учителей на временные курсы военной гимнастики и церковного пения, а 23 мая, т.-е. за два дня до его отъезда, помощник мой в ростовском округе получил агентурное сведение, что Мотовилов, в виду выезда Шапошникова, снабдил его возмутительными брошюрами. На основании этих сведений и были произведены обыски, послужившие поводом к возбуждению дознания в порядке 1035 ст. устава уголов. судопр.

Объяснив вашему превосходительству со всею подробностью обстоятельства, бывшие причиной безотлагательных обысков в г. Ростове на-Д., я считаю обязанностью доложить следующее:

Спустя несколько дней по возбуждении дознания в Ростове, были получены первые (газетные) известия об аресте парижских нигилистов, а затем 10 июня я получил предложение вашего превосходительства от 5 июня за № 2330, по поводу рассылки рабочих прокламаций из Дерпта.

По соображении этих фактов с некоторыми имеющимися у меня сведениями и результатами обысков, выясняются данные, могущие иметь значение.

В Ростове на Дону, помимо рабочего кружка, сгруппированного Мотовиловым и его компанией, существует весьма неблагонадежная группа лиц, преимущественно поляков и евреев, служащих в правлении Владикавказской железной дороги, в качестве инженеров и заведующих разными отделами по эксплоатации.

Управляющий дорогой Иван Дмитриевич Иноземцев, человек очень хороший, но крайне либеральный и находящийся под влиянием своей жены, — разведенной еврейки. Старшая дочь ее, Дора, и племянница, Анна Абрамович, известны как покровительницы лиц, скомпрометированных в политическом отношении. В семье Иноземцева очень близка известная по делу о руководящем кружке партии «Народной Воли» Анна Павловна Барыкова, деятельность которой и до сего времени возбуждает сильное подозрение. В среде ростовских рабочих она известна под названием «сочинительницы»; приезжая в Ростов, она имела иногда свидания с Мотовиловым (на квартире Баткиной).

Старший счетовод дороги Александр Фабовский, заведующий столом претензий Адриан Захарчик — оба по своим убеждениям радикалы, в духе «пролетариата»; некто Буйвид — заведующий пассажирским сбором, два брата Кашинцевы (родственники Александра и Ивана, живущих в Париже), Петр Осинский (брат Валериана), привлекавшийся в деле «о Народной Воле», Бялецкий и т. д. — все это люди очень подозрительные. Немало служит подобных лиц и по линии железной дороги, — не исключая ветки к Новороссийску.

При полной невозможности направить в эту среду агентурный надзор, сведения о ней ограничиваются рассказами некоторых знакомых с нею частных лиц; в деятельности же этой группы предосудительного ничего не замечалось, да и трудно предположить, чтобы эти лица решились компрометировать себя участием в кружке Мотовилова или в чем-либо подобном, но они владеют другим орудием для создания затруднений правительству — которым и пользовались при каждом удобном случае, а именно — сформированием, так сказать, действующей армии из всякого рода мелких служащих, а также и покровительством по устройству разных притонов.

В ростовском обществе давно уже сложилось мнение, что на Владикавказскую дорогу порядочному человеку попасть нельзя, а надо непременно быть откуда-нибудь выгнанным за «политику» или посидеть в тюрьме. Такое мнение очень основательно и подтверждается многочисленными фактами. Только недавно, с учреждением жандармского контроля, прием неблагонадежных лиц встретил затруднения, но и то — железнодорожное

управление находит уловку в определении «в виде опыта», хотя и с содержанием.

Предпочтение лиц, скомпрометированных по политическим делам, доходит иногда до лицеприятия: так, например, правитель дел дороги — г. Плосконный отказал нескольким вполне благонадежным студентам, искавшим у него места репетитора при детях, и взял Сергея Богораза, не имеющего даже образовательного права быть репетитором.

Тот же Богораз, при разговоре со мной по поводу получения им должности, оспаривая мое мнение, что ему помог Мотовилов, высказал так: «мне и не надо было рекомендации: явился к управляющему, тот смеется, спрашивает: «верно выгнанный студент? я отвечал, что нет, а что состою под надзором; ну, говорит, приходите дня через два; я пришел и получил место».

Все вышеизложенное приводит к заключению, что центр тяжести вредного политического направления кружка Мотовилова лежит далеко за пределами его деятельности, которая, как надо полагать, и не выражает конечной цели этого направления. Правда, что занятия с рабочими вырабатывают новых и весьма серьезных содеятелей, но при перемене веяний комментаторы повидимому всегда готовы бросить саморазвитие рабочих и заняться чем-либо более серьезным.

В Ростове до настоящего времени сохранилось много отдельных личностей (даже среди старых рабочих), принимавших, хотя и не близкое, участие в революционных кружках 1885 — 1886 г.г. и преданных прежним, народовольческим традициям. И потому всякие частные и газетные известия об успехах заграничных анархистов встречаются в здешних кружках с заметным сочувствием и возвышают, так сказать, температуру их деятельности. А что между Ростовом и заграницей существуют подпольные сношения — в этом нет ни малейшего сомнения. Еще в марте месяце у меня были некоторые указания на то, что Заславский-Соковнин, ныне привлеченный, получил какое-то письмо из Парижа. При обыске подобного письма не найдено, но оказались письма за подписью «Гриша» и «Ядр», очень загадочного смысла, при чем между прочим говорится о «заграничных настоящих работниках». Заславский не дал положительных объяснений по этим письмам, и уже два раза менял свои показания, а потому личности авторов еще не установлены.

Что же касается сношений ростовских пропагандистов с иногородними кружками, то это доказывается найденными у некоторых обвиняемых письмами и записями.

Так, например, у крестьянина Бориса Лебедева оказался ряд записей и адресов, из коих особенного внимания заслуживают следующие:

1) Нахичев., 29 ул. № 42, Елена Алек. Яковлева. Ее супруг Евг. Алек. Фролов (от бывшего Симочки нижайший поклон. Выяснение разной чепухи. Он сам выяснит. Яша говорил Семену, что задушевные люди).

По объяснению Лебедева: адрес дан Калитаевым (Симочкой), Яшу не знает, чепуху забыл.

По имеющимся сведениям, Яковлева, — жена присяжного поверенного, бросившая семью и живущая с льготным казацким офицером Фроловым. Личного участия в революционных делах не принимает, но может оказы-

вать помощь и укрывать неблагонадежных лиц. В настоящее время она временно выехала из Нахичевани и потому еще не допрошена.

2) Лозов. Сев. железн. д. Имение Тарновского. Август Адольфович Бык(ов), спросить сторожа в I клас. на станции.

3) Амрита, имение Троцина, в $1^1/_2$ верстах, барышня Елена Дмитриевна. Ник. Ил. Емельянов, управл.

По объяснению Лебедева первый адрес дал Калитаев, а. последний не знает кто. С лицами по адресу не знаком.

4) Севастополь, Б. Морс. у., аптекарский магазин Прейснера (передать письмо Тонконогой).

5) Севастополь, Оптич. магаз, Н. Лама, М. А. Тонконогой.

По объяснению Лебедева он познакомился с Тонконогой в Новороссийске, но кто дал адресы не помнит.

По оказавшейся у Лебедева переписке выяснилось знакомство его с Фейгой Гиршевой Беркович, привлекавшейся в 1889 г. в Казани с состоящим под надзором полиции в Кубанской области Зотиком Сычуговым, — управляющим колониею Еропкина, и с целой группой живущих там лиц, степень политической благонадежности коих еще не установлена, — а именно: Натальей Коган, Сергеевым, Романовым, Леонидом Догадиным и В. В. Ивановым. Последний, как оказывается, есть содержатель аптекарского склада в Новороссийске, Василий Васильевич Иванов. По сообщению начальника кубанского областного жандармского управления, адрес Иванова был найден у Беркович, а по настоящему делу он оказался у обвиняемых Мотовилова и Карпинского.

У обвиняемого — слесаря Матвея Замашного, найдены письма привлекавшегося в 1888 г. мещанина Якова Киселевича и адресы состоящих под наблюдением в г. Новочеркасске, Ильи Матвеева, Николая Жидкова и Александра Попова. Все эти лица давно известны по политической неблагонадежности и из них Попов жил долго заграницей, с целью образования, но курса не кончил и не имеет никаких занятий.

В бумагах обвиняемого Николая Мотовилова найдено несколько писем из Дерпта и в том числе от Ивана Иванова Воскресенского, таганрогского уроженца, выключенного вместе с Мотовиловым из казанского ветеринарного института. Когда Мотовилов переселился в Ростов (летом 1888 г.), то немедленно отправился в Таганрог розыскивать Воскресенского и Богораза — тоже знакомого по Казани. Воскресенский и Богораз познакомили Мотовилова с Муссури и со всем тогдашним таганрогским кружком. Затем Воскресенский, уехав в сентябре 1888 г. в Дерпт, поддерживал сношения с Мотовиловым и даже в последнее время переписывался с ним по тому поводу, что Мотовилов желал поступить в дерптский университет.

В виду вышеизложенного представляется вероятным, что если в конце мая являлся из Дерпта в Таганрог один из участников распространения преступных рабочих прокламаций и был в доме Ивана Воскресенского и его приятелей Тарасевичей, то не с какой иной целью, как осведомиться об адресе Николая Мотовилова или Богораза. Вероятность этого предположения поддерживается и тем соображением, что распространение рабочих

прокламаций в Таганроге имеет мало значения, в Ростове же появление их было бы совершенно своевременно, — в виду обстоятельств, изложенных мной выше. О положении дел в Ростове Дерпт мог иметь сведения через того же Мотовилова и Воскресенского.

Большинство обвиняемых по настоящему делу не только не дают правдивых показаний по существу дела и объяснений по вещественным доказательствам, но даже отрицают взаимное между собой знакомство, — вполне установленное производством дознания. Некоторые же обвиняемые, как, например, Матвей Заславский и Григорий Шапошников, изменили свои первые показания, отвергнув многие, уже признанные ими факты.

Начальник ростовской тюрьмы формально заявил прокурорскому надзору, что обвиняемые Мотовилов и Богораз не подчиняются тюремным правилам, ведут переговоры с своими товарищами и подговаривают их давать ложные показания. Вследствие сего и по предложению наблюдающего за производством дознания товарища прокурора г. Турунова состоялось постановление о переводе Мотовилова и Борогаза в новочеркасскую тюрьму, куда они и отправлены 20 сего июня.

В виду вышеизложенного, изменение первоначальной меры пресечения против остальных обвиняемых, остающихся под стражей, по соглашению моему с прокурорским надзором, последует тотчас по получении от них удовлетворительных показаний и по выяснении обстоятельств, служащих основанием их обвинения.

Полковник Страхсв.

Печатается по подлиннику в деле д-та полиции, 4-е делопр. «О Ростовском-на-Дону революционном рабочем кружке», № 115 — 1890 г., л.л. 43 — 50.

16.

Показания М. А. Курелюка в донском обл. жанд. управлении от 15 июня 1890 года.

Насколько мне известно, в ростовских рабочих кружках не существовало никакой общей программы и не существовало ее именно потому, что, насколько я мог заключить из моих разговоров с Мотовиловым, он признавал ее не только излишней, но даже опасною в том смысле, что одна общая программа дает слишком однообразный, а потому и слишком заметный характер кружковой деятельности. Потому-то именно ни Мотовилов, ни Богораз и не решились войти в сношения с харьковскими революционными рабочими кружками. Когда приехавшие в Ростов делегаты Веденьев, Кондратенко и Чайкин стали излагать Мотовилову и Богоразу систему организации своих кружков, и когда выяснилось, что в Харькове существует одна общая программа, то Мотовилов этого не одобрил, как вообще не одобрил и всю систему харьковской организации, хотя и это последнее и система, введенная Мотовиловым в последнее время в Ростове, и по основной идее и по своей конечной цели были совершенно одинаковы, т.-е. представляли собою видоизмененную и общеизвестную программу народников, заключающуюся в цели достижения социально-экономического переворота

и переустройства формы государственного правления, по возможности мирным путем, без всяких насилий. Не знаю, принадлежит ли система Мотовилова его личному изобретению, или же усвоена им от кого-либо другого, но во всяком случае я заметил в ней много оригинального. Так, например, нелегальная литература не только не служила главным основанием пропаганды, но употреблялась только в крайней необходимости, да и то с крайним разбором. Делалось это, главным образом, для того, чтобы в случае обысков, или провала какой-нибудь личности, не подвергать ее лишней ответственности. Главным руководством в ростовских кружках служили издания легальные, но относящиеся к семидесятым годам, как, например, старые журналы: «Современник», «Отечественные Записки», «Слово», «Русское слово»; сочинения Писарева, Добролюбова, Чернышевского и вообще такого рода книги и статьи, которые, представляя собою совершенно легальную литературу, могли вполне достаточно служить темой для комментарий, которые и составляли всю суть Мотовиловской системы.

В первое время моего знакомства с Мотовиловым, я бывал у него довольно часто и мне нередко приходилось вести беседы и дебаты с Мотовиловым, Богоразом, Болдыревым и еще кое с кем. Все эти толки и споры привели меня к тому заключению, что единственным самостоятельным лицом среди ростовской интеллигентной молодежи и в рабочих кружках был Мотовилов; все же прочие были лишь его последователями, или учениками. Не могу сказать, однако, чтобы все они были довольны системой Мотовилова, требующею от каждого деятеля строгой сдержанности и последовательности; иногда выражались отдельные мнения, что с Лассалями и Марксами далеко не уедешь и что следовало бы выработать более рациональную программу; но все эти протесты никакого влияния не имели, так как авторитет Мотовилова был слишком силен. По системе Мотовилова каждый, взявший на себя комментирование среди рабочих разных экономических и социальных вопросов, не должен был навязывать своим ученикам никаких планов и систем будущих социальных переворотов, он должен был лишь развивать в своих слушателях способность критической оценки существующих в России порядков, должен был стараться возбуждать симпатии их к социальным идеям западных государств и, таким образом, создавать людей, недовольных настоящим своим положением. Дальше этого кружковые комментаторы не должны были итти, так как дальнейший путь каждого из учеников уже не зависит от руководителей. Каждый ученик в дальнейшей своей самостоятельной деятельности должен был избирать путь, который ему больше по душе.

Вообще, чтобы раз навсегда ответить на все предложенные мне вопросы о Мотовиловской системе, я должен сказать следующее: существовавшие в последнее время в Ростове кружки рабочей пропаганды представляли собою как бы подготовительную школу будущих революционных деятелей без всякого специального направления, которое зависело уже от индивидуальных способностей и наклонностей каждого. В этой системе не было никакого специального характера или оттенка, но не было и никаких препятствий или порицаний того или другого характера и оттенка. Каждый должен быть настолько самостоятельно развит, чтобы подготовка его к созна-

тельному выбору будущего своего направления могла бы считаться вполне законченною.

Лично сам Мотовилов в последнее время в кружках рабочих не занимался, а занимался лишь только с интеллигенциею и учащейся молодежью. Я уже сказал в первом моем показании, что в последнее время между мною и Мотовиловым особенной близости не было, а потому я и затрудняюсь сказать, из кого именно состоял в последнее время его кружок. Встречал я у него на квартире, видел я вместе с ним на улице каких-то молодых людей, иногда реалистов и гимназистов, но кто они, я совершенно не знаю.

Я не знаю, какого рода отчетность существовала по рабочей кассе, думаю, что никакой; во-первых, потому, что доверие к Мотовилову было слишком сильно для того, чтобы была какая-либо необходимость в отчетности, а, во-вторых, Мотовилов бы не допустил существования каких-либо очевидных доказательств кассы из простой предосторожности. Я знаю, что он строго порицал харьковцев за то, что они допустили найти при обысках кассовую книгу. Вообще я считал кассовый вопрос настолько деликатным, что, отдавая следуемый с меня вычет Мотовилову, ни с ним лично, ни с кем из наших общих знакомых никогда не затрогивал вопроса о тех способах, какими расходуются собранные деньги. Общая рабочая библиотека приобреталась на общие средства и хранилась прежде у кого-то в одних руках, но после арестов в Харькове, которые коснулись и Ростова, библиотека была роздана в разные руки, но кому именно, я не знаю. У кого именно хранились издания нелегальные, я тоже не знаю и не старался никогда узнать, так как этим совершенно не интересовался. Подлинный подписали Михаил Курелюк, подполковник Кладо и товарищ прокурора И. Турунов.

Печатается по копии в деле департамента полиции, 4-е делопр., «О Ростовском-на-Дону революционном рабочем кружке», № 115—1890 г., л.л. 123—125.

17.

Доклад Особому Совещанию по делу о социально-революционной пропаганде среди рабочих в Ростове на Дону, от 19 августа 1894 года.

16 декабря 1893 г. в донское областное жандармское управление явился из г. Ростова на Дону, в сильно возбужденном состоянии, слесарь электро-технической мастерской инженера Глебова, Петр Ефимович Ветров, известный жандармскому управлению еще с 1890 г. по участию в одном из местных противоправительственных кружков, и, заявляя, что в г. Ростове на Дону организовались революционные кружки, дал подробное и обстоятельное заявление о деятельности участников этих кружков. При этом Ветров объяснил, что деятельность этих кружков в последнее время приняла острый характер; опасаясь посему сделаться невольным участником террористических фактов, он предпочел донести об этом властям. Будучи снабжен надлежащими указаниями со стороны начальника управления, Ветров на другой день пригласил к себе несколько человек своих единомышленников и, в состоянии сильного опьянения, сознался им в измене и просил прощения, а на следующий день 20 декабря отравился раствором цианистого кали.

Происшествие это быстро обошло все кружки и произвело сильную тревогу. Немедленно в квартирах наиболее видных представителей кружков было устроено несколько сходок, на которых обсуждались меры, вызываемые этим событием, при чем было постановлено: уничтожить все бумаги и предметы, могущие послужить, в случае обысков, вещественными доказательствами, временно прекратить сходки и посещение членов кружков и, в случае арестов, при допросе безусловно отрицать все факты, на которые указал Ветров, и не признавать знакомства между собою. Вслед затем 31 декабря, под предлогом встречи Нового года, в квартире писца ростовской городской управы, отставного поручика Ивана Смирнова, была устроена многочисленная сходка лиц интеллигентного класса, на которую рабочие не были допущены, видимо, из опасения новой измены делу. Сходка эта имела целью установление новых знакомств и выборов новых кружковых членов, но так как в среде присутствовавших находились лица, не пользовавшиеся общим доверием, то цель сходки не осуществилась, и участники ограничились тостами «за успех дела», «за общее объединение», «за русскую молодежь» и т. п. Оскорбленные устранением от участия в этой сходке, рабочие созвали с своей стороны сходку 8 января, на которую пригласили для объяснения участников сходки 31 декабря. Последние, однако, не явились, и рабочие постановили назначить новую сходку на 15 января и решили, в случае вторичной неявки, избить интеллигентов и прекратить с ними всякие сношения.

Изложенные обстоятельства, в связи с имевшимися уже ранее сведениями о постепенном ходе развития революционного движения в Ростове на Дону и образовании среди местных рабочих тайных кружков, принявших к концу 1893 г. террористическое направление, послужили основанием к производству расследования в порядке закона 14 августа 1881 г.

На основании результатов этого расследования, откровенных показаний рабочих Руделева и Победимского, заявления умершего Ветрова и агентурных наблюдений, характер и развитие революционной пропаганды в Ростове на Дону представляется в следующем виде:

Обнаруженное революционное движение в Ростове на Дону является последствием преступной агитации членов так называемого сообщества «Народной Воли», обосновавшихся там еще до 1885 г. Затихнувшее на некоторое время после разгрома революционных центров в 1885 и 1886 г.г., оно в 1889 г. вновь возобновилось под влиянием счетовода управления Владикавказской железной дороги, дворянина Николая Мотовилова, энергия которого и личные связи много содействовали сосредоточению революционной пропаганды, главным образом, в мастерских Владикавказской железной дороги, которые и до настоящего времени служат главным центром и рассадником вредного направления среди ростовских рабочих. В течение 1889 г. Мотовилов организовал по особой программе в Ростове целую сеть мелких рабочих кружков, руководимых интеллигентными его сотрудниками. Своевременное раскрытие формальным дознанием преступной деятельности Мотовилова и его сообщников вновь приостановило на время деятельность рабочих кружков. Тем не менее революционные элементы в Ростове и после того продолжали существовать и в 1892 г. деятельность их выразилась в рассылке прокламаций «От группы народовольцев к молодежи и к голо-

дающим крестьянам». Дознанием по этому делу (Кнышенко, Остроухов и др.) установлено, что обвиняемые принадлежали к образовавшейся в Ростове группе «трудовой интеллигенции», занимавшейся организацией кружка учащейся молодежи, сношениями с русскими эмигрантами и сбором денег в пользу пострадавших по политическим делам. Эта группа, не участвуя непосредственно в рабочей пропаганде, находилась, однако, в сношениях с членами рабочего кружка. К ней примкнул прибывший в 1891 г. в Ростов и поступивший на службу в правление Владикавказской железной дороги товарищ Мотовилова по казанскому университету, крестьянин Василий Яковлев Алабышев, уже подвергавшийся ранее обыскам и допросам по поводу сношений своих с русскими эмигрантами и лицами, привлеченными к дознаниям. В виду сего, одновременно с производством дознания по делу о рассылке прокламаций, было возбуждено также особое расследование, по положению об охране, о деятельности Алабышева, каковое, однако, было приостановлено за необнаружением достаточных данных вредной деятельности его в Ростове.

В первой половине 1892 г. в Ростов прибыл, по окончании срока ссылки в Сибири, мещанин Григорий Рудометов — деятель восьмидесятых годов и бывший член ростовской рабочей фракции партии «Народной Воли»[1]). Здесь Рудометов немедленно примкнул к группе Алабышева и Ивана Болдырева, при чем последний, по рекомендации Алабышева, поступил в мастерские Владикавказской железной дороги, где в короткое время успел выбрать и сгруппировать несколько молодых рабочих, которых и свел с Алабышевым, и, таким образом, в Ростове вновь возникла организация рабочих кружков. К началу 1893 г. Алабышев успел завязать сношения с мелкими кружками, руководителями которых были: Федор Великий, машинист на заводе Пастухова, Иван Вовка и упомянутый Ветров. Приняв в свои руки дело, начатое Мотовиловым, Алабышев продолжал его по той же системе, дополнив и изменив прежнюю программу лишь тем, что чтение и хранение подпольных изданий было совершенно изъято, как безусловно вредное, и направление пропаганды было поставлено исключительно на почву социально-экономическую, и вместе с тем был преобразован и устав рабочей кассы. В течение весны и лета 1893 г. в Ростов прибыли многие лица, уже известные своею прежнею преступною деятельностью и привлекавшиеся к дознаниям политического характера, а именно: 1) крестьянин Вятской губернии, котельщик Павел Иванович Шамуров (член партии «Народной Воли», в 1886 г. привлекался к дознанию за хранение преступного воззвания, отбыл трехмесячное тюремное заключение и состоял под негласным надзором полиции), 2) рабочий, крестьянин Егор Федорович Ананьев и 3) рабочий, крестьянин Николай Иванович Руделев (первый в 1887 г. привлекался по делу о тайной типографии в г. Туле, и оба привлечены в Москве по делу дворянина Михаила Егупова, по обвинению в принадлежности к рабочим рево-

[1]) Привлекался дважды к дознаниям: в 1884 г. по делу рабочей пропаганды в Ростове на Дону (дело это в отношении его было прекращено) и в 1887 г. по делу о революционном кружке в гор. Екатеринодаре, в разрешение коего, по высочайшему повелению, он и был выслан в Западную Сибирь на 4 года.

люционным кружкам; в Ростове поступили в железнодорожные мастерские), 4) потомственный почетный гражданин, слесарь Павел Победимский (привлекался к дознаниям в Петербурге в 1881 и 1891 г.г. по делам о рабочей пропаганде и состоял под гласным надзором полиции; приглашен в Ростов Шамуровым и Руделевым и по протекции Алабышева принят в мастерские Владикавказской железной дороги), 5) запасный унтер-офицер из дворян, Александр Машицкий (привлекался к дознанию в Кишиневе по обвинению в революционной пропаганде среди воинских чинов, за что находился в течение трех лет в административной ссылке в Архангельской губернии; по рекомендации Алабышева получил должность в правлении Владикавказской железной дороги), 6) жена Машицкого, акушерка Анна Семенова, урожденная Захарова (в 1887 г. привлекавшаяся к дознанию по обвинению в хранении и распространении революционных изданий и бывшая 3 года в ссылке в Архангельской губернии); 7) крестьянин Смоленской губернии, ткач, Петр Моисеенко (в 1878, 1879 и 1885 г. привлекавшийся к дознаниям по обвинению в революционной агитации среди рабочих и устройстве стачек и последовательно высылавшийся под надзор полиции на родину, в Восточную Сибирь и в Архангельскую губернию); 8) выкрест из евреев мещанин Александр Бродский (за участие в беспорядках и буйство в 1887 г. уволенный из новороссийского университета и тогда же за распространение подпольных изданий высланный в Архангельскую губернию на 3 года; прибыв по окончании ссылки в Ростов, он получил, при содействии Алабышева, место управляющего имением); 9) сын священника Степан Эрастов (в 1883 г., за принадлежность к тайному революционному сообществу «Громада» и за сношения с эмигрантами высланный под надзор полиции в Западную Сибирь на 3 года, поселился в Ростове под предлогом занятий мелким комиссионерствомъ); 10) фельдшерица, мещанка Шифра Шапиро (в 1890 г. принадлежала к кружку Богораза в Таганроге, затем примкнула к революционному кружку студента харьковского ветеринарного института Бляхера, с которым вместе в 1892 г. и была привлечена к дознанию по делу о казанских революционных кружках и подчинена гласному надзору на три года вне столиц, столичных губерний, университетских городов, Твери, Нижнего-Новгорода, Орла, Саратова, Ярославля, Рязани и Риги).

К августу 1893 г. рабочие кружки получили полную организацию, и деятельность в них сделалась весьма заметною. Наблюдением было установлено более 150 лиц, входивших в соприкосновение с главными руководителями. Сходки происходили в квартирах последних, в мастерских Владикавказской железной дороги, а по праздникам толпы рабочих, под руководством Алабышева или Ананьева, отправлялись за город, где и происходили общие чтения и беседы. Читались обыкновенно статьи по рабочему вопросу, газетные известия о движениях рабочих на Западе, а также и прямо противоправительственные издания, каковы сочинения Кенана, брошюра «Каторга и ссылка», «Якутский бунт» и некоторые другие. С августа 1893 г. направление кружковой пропаганды, под влиянием Машицкого, Шамурова и Рудометова, стало принимать террористический характер и некоторые из молодых участников, во время бесед на сходках, начали обнаруживать полную подготовленность действовать именно в этом направлении, а 15 сентября

на заборе ростовской железнодорожной станции было приклеено безграмотно написанное воззвание «Пролетариаты! готовьтесь, начало близко; конец рабству; отстоим права человечества; смерть тиранам»! Вслед затем в Ростове стали появляться неизвестные приезжие из Москвы и Екатеринослава, личности, стремившиеся завязать сношения с ростовскими кружками, с каковою целью в квартирах Ивана Болдырева и Рудометова, в присутствии Алабышева, происходили совещания. Соглашение, однако, не состоялось, в виду личных пререканий. С осени того же года в ростовских кружках замечается преобладающее влияние Машицкого и его единомышленников: Рудометова, Ананьева, Шамурова и молодых рабочих, сторонников террористического направления. Затем от кружка Алабышева отделились Великий и Вовка, которые начали действовать самостоятельно, так что к концу октября 1893 г. в Ростове существовали: кружок Машицкого и Рудометова с террористическим направлением; кружок Алабышева, в который входили сторонники социально-экономической пропаганды; кружок Ветрова, получивший с осени 1893 г. серьезное значение, так как руководство им принял на себя мещанин Василий Коваленко, проникшийся, под влиянием Машицкого, террористическими идеями и всецело отдавшийся пропаганде в этом направлении. В то же время Алабышев не прекращал связи с кружком Машицкого, заменял последнего на сходках, вводил в кружок новых лиц и познакомил Машицких с группою поднадзорных в Новочеркасске, так как оба они имели целью установление связей и с Новочеркасском. В конце октября администрациею главных мастерских Владикавказской железной дороги было получено несколько анонимных писем, частью угрожающего характера, а частью предостерегающих о предположенных стачках и беспорядках; 13 ноября Рудометов, во главе толпы рабочих, предъявил начальнику токарного цеха, технику Голосуцкому, требование об увеличении платы и изменении некоторых порядков в мастерских. Получив отказ, Рудометов со своими единомышленниками избил Голосуцкого и пытался произвести общие беспорядки, каковые, однако, были предупреждены принятыми мерами, в числе которых было немедленное увольнение Рудометова и его сообщников. После этого вновь появились угрожающие письма, обещавшие смерть всем тем, кто не на стороне рабочих, и одновременно в кружках террористического направления появилось особое оживление, и был предпринят сбор денег среди рабочих. Наконец, в конце марта 1894 г. в мастерских Владикавказской железной дороги произошла забастовка более 1.500 рабочих, которая продолжалась двенадцать дней. Рабочие предъявили администрации некоторые требования и силою удерживали желавших работать. Эта забастовка была прямым результатом деятельности тайных рабочих кружков и прекратилась лишь после того, как были арестованы главные руководители ее, из которых некоторые оказались привлеченными к настоящему расследованию.

При производстве 11, 14 и 19 января 1894 г. обысков у лиц, принадлежавших к кружкам, почти ни у кого из обысканных не оказалось ничего явно преступного и служащего доказательством их вредной деятельности, хотя у большинства было найдено много книг и журналов, видимо составлявших одну библиотеку, статей по рабочему вопросу и каталогов систематического чтения. Но у цехового Александра Солдатова отобран составлен-

ный и написанный им проект возмутительного воззвания к рабочим и несколько выписок из статей об угнетении рабочих богатыми классами. Кроме того, у Коваленки обнаружено преступное стихотворение, у Шифры Шапиро — запрещенное сочинение Лассаля, а у Бродского 30 книг для народного чтения, присланных ему одним из сообщников Мотовилова для пропаганды между крестьянами. Затем перепискою, отобранною у Рудометова, Алабышева, Машицкого, Миронова, Ивана Болдырева, Васильева, Бродского и Шапиро установлено знакомство и сношения их между собою и с выдающимися ростовскими рабочими и отношения ростовского интеллигентного кружка к новочеркасскому. Вместе с тем установлено, что табачная лавочка Ивана Болдырева служила местом свиданий и адресом для конспиративной переписки.

При допросах все привлеченные к расследованию лица, кроме Руделева и Победимского, не дали никаких показаний, и многие из них даже отвергли свое знакомство с большинством участников преступной пропаганды; на основании же изложенных данных расследования преступная деятельность привлеченных лиц, каждого в отдельности, представляется в следующем виде:

Первую группу составляют дворянин Александр Машицкий, крестьянин Василий Алабышев и мещанин Василий Коваленко, которые были главными руководителями революционных кружков. Из них:

1. Машицкий, прибывший в Ростов специально с противоправительственными целями, являлся инициатором террористического направления в своем кружке, устраивал в своей квартире сходки рабочих, лично пропагандировал в их среде, входил в сношения с представителями иногородних кружков и принимал участие в сборе денег на преступные цели. По обыску у него найдено значительное количество книг и статей по рабочему вопросу и каталоги систематического чтения. Кроме того, Машицкий уличен в совершении преступления, предусмотренного I ч. 246 ст. улож. о нак.; за каковое ныне подлежит выдержанию его в тюремном карцере в течении двух недель.

2. Алабышев являлся организатором кружков в Ростове, куда прибыл также с целью пропаганды; устраивал сходки в своей квартире, а равно и за городом, вел пропаганду лично и хотя руководимый им кружок имел социально-экономическое направление, тем не менее Алабышев сохранял связи с Машицким, заменял последнего на сходках и вводил в его кружок новых членов. Он же входил в сношения с представителями московского и екатеринославского кружков и познакомил Машицкого с группой поднадзорных в Новочеркасске. По обыску у Алабышева также найдены книги и статьи по рабочему вопросу, каталог систематического чтения и переписка с проживающим заграницею Коником, подлежащим привлечению к дознанию о революционных кружках заграницей, и другими неблагонадежными лицами.

3. Коваленко являлся более других убежденным и вполне подготовленным фанатиком-террористом; на сходках при чтениях и беседах часто заменял Машицкого, принадлежал к кружку последнего, а с осени 1893 г. руководил кружком Ветрова. По обыску найдено преступное стихотворение: «Умирая, отец на смертном одре завещает родимому сыну свой

укор беспощадной судьбе и—в наследство—родную дубину . . .» и список книг, среди которых помещены запрещенные.

Вторую группу составляют наиболее серьезные и опытные в пропаганде рабочие, которые, не будучи руководителями на общих сходках, имели свои отдельные кружки и были главными пособниками в террористическом развитии молодых рабочих. К группе этой должны быть отнесены:

4. Рудометов, Григорий, — ближайший сотрудник Машицкого, много содействовал террористическому направлению кружковой пропаганды, предоставлял свою квартиру для общих сходок и свиданий с приезжими делегатами от иногородних кружков. Как изложено выше, в ноябре 1893 г. он нанес побои технику Голосуцкому и пытался произвести общие беспорядки в мастерских Владикавказской железной дороги.

5. Шамуров, Павел, прибыл в Ростов с революционными целями, был ближайшим сообщником Машицкого, принадлежал к его кружку, влиял на молодых рабочих в террористическом направлении, предоставлял свою квартиру для сходок.

6. Великий, Федор Афанасьев, с конца 1891 г. известен как руководитель рабочего кружка, первоначально действовал под руководством Алабышева, но с осени 1893 г. стал действовать самостоятельно. По обыску найдены статьи и книги по рабочему вопросу и каталоги систематического чтения.

7. Вовк, Иван, мещанин, машинист, с 1891 г. был руководителем небольшого кружка, впоследствии примкнул к Алабышеву, но с осени 1893 г. вновь стал действовать самостоятельно; убежденный террорист и сторонник интеллигентной пропаганды, в отношениях с рабочими держал себя крайне осторожно. Летом 1893 г. отправился в Кубанскую область с целью заработать больше денег, чтобы обеспечить свою мать, а затем всецело посвятить себя террористической деятельности, но в ноябре возвратился в Ростов, повидимому, с целью заменить Рудометова, который уехал оттуда после увольнения от службы за беспорядки.

8. Моисеенко, Петр, крестьянин, прибыл в Ростов с революционными целями, примкнул к кружку Машицкого, присутствовал на сходке 31 декабря 1893 г. вместе с интеллигентами с целью установления новых знакомств и выбора новых кружковых членов.

9. Ананьев, Егор, крестьянин, принадлежал к кружку Машицкого, устраивал в своей квартире сходки, руководил загородными сходками рабочих, принимал участие с Рудометовым в производстве беспорядков 13 ноября 1893 г. и участвовал на упомянутой сходке 31 декабря 1893 г.

10. Машицкая, Анна, была ближайшею помощницею своего мужа в деле преступной пропаганды.

Рабочие: мещанин Алексей Болдырев, крестьянин Данило Шестопалов, цеховой Александр Солдатов и мещанин Иван Козин принадлежали также к кружкам: первые трое—к кружку Машицкого, а последний — к кружкам Великого и Ветрова. Все четверо являются вполне законченными террористами, готовыми к активной деятельности. Из них Болдырев был в числе рабочих, обиженных недопущением их на сходку 31 декабря 1893 г., и когда состоялось решение недовольных

избить интеллигентов—предложил свои услуги для этого. Шестопалов подозревался в нападении ночью в феврале 1891 г. на помощника начальника главных мастерских Владикавказской железной дороги инженера Зелига, с целью облить его серной кислотой, и, кроме того, в ноябре 1893 г., он и Солдатов, вместе с Рудометовым, участвовали в нападении на техника Голосуцкого, за что и были уволены от работ. У Солдатова по обыску найдено собственноручно писанное им воззвание к рабочим, по почерку сходное с воззванием, обнаруженным 15 сентября 1893 г. на заборе ростовской железнодорожной станции; вследствие чего он привлечен к особому дознанию, во время которого обнаружил признаки умственного расстройства и ныне подлежит освидетельствованию. Козин уже после привлечения к настоящему делу участвовал в забастовке, бывшей в мастерских Владикавказской железной дороги в конце марта и начале апреля сего года, при чем читал толпе рабочих воззвание, а по ночам устраивал у себя сходки. По обыску у него найдены сочинения по рабочему вопросу и, между прочим, запрещенное к обращению сочинение Флеровского и переписка с находящимся заграницею братом его, Романом Козиным, который просил его сообщить сведения о ходе рабочего движения.

Рабочие: мещанин Владимир Шальнов, крестьяне Николай Медведев, Константин Дубовец и Андрей Дорогин входили в кружки Алабышева и Великого, но действовали лишь под влиянием других более их развитых товарищей. Из них Шальнов подозревался в ночном нападении в феврале 1891 г. на помощника начальника главных мастерских Владикавказской железной дороги инженера Зелига, с целью облить его серной кислотой. Кроме того, поименованные четыре лица, уже будучи привлечены к настоящему делу, были подстрекателями к забастовке рабочих в мастерских Владикавказской железной дороги, при чем Дорогин был главным руководителем беспорядков, а остальные бывали на ночных сходках, непрерывно происходивших во все время стачки.

К третьей категории относятся так называемые «интеллигентные сотрудники»: уволенный из Ново-Александрийского Института казак Иван Болдырев, уволенный из с.-петербургского университета сын священника, Степан Эрастов, уволенный из ново-александрийского института мелитопольский мещанин, Александр Бродский, староконстантиновская мещанка, фельдшерица, Шифра-Роза Шапиро, горный инженер, Иван Миронов и Бахмутский мещанин, прослушавший 4 класса духовной семинарии, Николай Федорищев. Из них Шапиро, Миронов и Федорищев принадлежали к кружку Машицкого, Бродский, Эрастов и Болдырев были сторонниками Алабышева. При всей доказанности их политической неблагонадежности и вредного направления, расследованием добыты указания лишь на косвенное содействие их пропаганде, личного же участия в ней они не принимали. Так, Шапиро, бывая на сходке, под именем Анны Васильевны, сама заявляла рабочим, что она пропагандирует только между женщинами. У нее по обыску найдено сочинение Лассаля и отрывок стихотворения тенденциозного содержания. Эрастов, по существующим предположениям, привез 300 рублей в Ростов для революционных целей. Иван Болды-

рев (привлекался по делу Мотовилова и отбыл 6 месяцев тюремного заключения) в 1892 г., получив по протекции Алабышева место в мастерских Владикавказской железной дороги, успел выбрать и сгруппировать несколько молодых рабочих и некоторых из них свел с Алабышевым; в его квартире происходили сходки, а его табачная лавочка служила местом свиданий и адресом для конспиративной переписки; сам участвовал на сходке интеллигентов 31 декабря 1893 г. У Бродского и Миронова отобраны по обыску сочинения по рабочему вопросу и каталоги, у первого кроме того 30 книг для народного чтения, присланные ему бывшим сообщником Мотовилова — Вороновым для распространения в народе, а у Федорищева копия известного письма графа Толстого: «Почему голодают русские крестьяне».

Из числа привлеченных к настоящему расследованию лиц содержатся ныне под стражею: Алабышев, Машицкий, Коваленко, Солдатов, Моисеенко, Шамуров, Алексей Болдырев, Козин и Великий; из них Шамуров, вследствие проявления признаков психического расстройства, 5 апреля сего года помещен на испытание в отделение лечебницы для душевно-больных в Новочеркасске.

На основании изложенных обстоятельств расследования войсковой наказной атаман Войска Донского, согласно с мнением начальника донского областного жандармского управления, признает необходимым: 1) выслать этапным порядком в местности, удаленные от рабочих центров, с подчинением гласному надзору полиции на срок не менее трех лет крестьянина Рязанской губернии Василия Алабышева, дворянина Александра и его жену, Анну, Машицких, ростовских мещан: Василия Коваленко, Ивана Вовка, Алексея Болдырева, Ивана Козина и Григория Рудометова, крестьян: Вятской губернии, Павла Шамурова, Тамбовской губернии, Егора Ананьева, Воронежской губернии, Федора Великого, Смоленской губернии, Петра Моисеенко, и Курской губернии, Данила Шестопалова и с.-петербургского мещанина Александра Солдатова (по разрешении о последнем дознания в порядке 1035 ст. уст. угол. суд.), 2) обязать подпискою казака области Войска Донского, Ивана Болдырева, казака Кубанской области Ивана Миронова, сына священника, Степана Эрастова, мещан: мелитопольского Александра Бродского и бахмутского Николая Федорищева и староконстантиновскую мещанку Шифру Шапиро, избрав себе место постоянного жительства вне местностей, объявленных в положении усиленной охраны, пределов области Войска Донского и тех пунктов, которые, по усмотрению департамента полиции, будут признаны не соответствующими их политическому направлению, поселиться там на безотлучное пребывание, на срок не менее трех лет, с учреждением над Иваном Мироновым и Николаем Федорищевым негласного надзора, а над всеми прочими гласного надзора полиции и 3) подчинить гласному надзору полиции по месту их жительства, на срок не менее трех лет, мещан: купянского — Владимира Шальнова, минского — Константина Дубовца и крестьян: Орловской губернии — Николая Медведева и Нижегородской губернии Андрея Дорогина.

Военный министр, принимая во внимание, что Ростов на Дону, благодаря своему выгодному географическому положению и устроенным путям сообщения, служит центром пребывания и деятельности политических агитаторов, с своей стороны просит о возможно скорейшем разрешении настоящего дела в отношении приведения в исполнение предположенных взысканий.

На основании вышеизложенного департамент полиции, с своей стороны, признавая необходимым принятие особых мер предупредительного характера в отношении лиц, наиболее изобличенных в преступной среди рабочих пропаганде, которая в последнее время приняла широкие размеры, полагает: 1) Василия Алабышева, Александра и Анну Машицких и Василия Коваленко выслать на жительство под надзор полиции в Архангельскую губернию сроком на три года каждого; 2) Ивана Козина, Григория Рудометова, Павла Шамурова, Егора Ананьева, Ивана Вовка, Алексея Болдырева и Даниила Шестопалова выслать на жительство под надзор полиции в Вологодскую губернию — первых четверых на три года, а остальных на два года каждого, при чем меру эту привести в исполнение в отношении Шамурова по его выздоровлении, а относительно Ананьева по отбытии им предположенного срока тюремного заключения по произведенному о нем при московском губернском жандармском управлении дознанию; 3) Федора Великого, Петра Моисеенко, Ивана Болдырева, Ивана Миронова, Степана Эрастова и Николая Федорищева подчинить надзору полиции сроком на три года каждого в избранном месте жительства вне столиц, столичных губерний, области Войска Донского, университетских городов: Твери, Нижнего-Новгорода, Орла, Тулы, Саратова, Ярославля и Риги; 4) Александра Бродского, Владимира Шальнова, Константина Дубцова и Николая Медведева подчинить надзору полиции вне Донской области на два года каждого; 5) Андрея Дорогина подчинить такому же надзору вне области Войска Донского на три года; 6) Шифре Шапиро, состоящей уже ныне под гласным надзором полиции по казанскому делу, продолжить срок означенного надзора с теми же ограничениями, а также вне области Войска Донского, на два года и 7) дело в отношении Александра Солдатова приостановить впредь до разрешения вопроса о состоянии его умственных способностей.

За вице-директора Семякин.

Особое совещание, в заседании 19 августа 1894 г., постановило: согласиться с заключением департамента полиции в отношении всех привлеченных к расследованию лиц, за исключением крестьянина Петра Моисеенко, которого, в виду прежнего троекратного привлечения к делам политического характера, выслать под надзор полиции, в Вологодскую губернию сроком на три года.

Делопроизводитель *Семякин.*

Печатается по подлиннику в деле департамента полиции, 3-е делопр., 1897 г., № 1074, «О крестьянине Василии Яковлеве Алабышеве, л.л. 35—43.

18.

Записка нижегородского губернского жандармского управления по делу А. А. Кузнецова и др. [1]).

В конце 1892 и в начале 1893 г.г., среди части интеллигентного населения г. Нижнего-Новгорода, появилось стремление к организации противозаконных сообществ, задавшихся целью улучшить недозволенными средствами как социальное положение народа вообще, так и экономическое состояние фабричных и заводских рабочих, в частности. Таким образом, к лету 1893 г., возникли два в достаточной мере организованные кружка, отличные друг от друга по целям, которые они преследовали: кружок «народовольцев», стремившийся доставить народу политическую свободу, свободу слова и печати, и кружок так называемых «марксистов», поставивший своею задачею образовать «рабочую интеллигенцию», и, при посредстве этой интеллигенции, развить в рабочем классе сознание необходимости требовать упорядочения его материального положения. Во главе первой из этих групп стояли: учитель народных училищ Николай Васильевич Романов, бывший студент казанской духовной академии Александр Васильев

---

[1]) Нижепечатаемый материал: записка нижегородского жандармского управления, выдержки из показаний Кузнецова, доклады Рачковского с приложенными к ним письмом Е. Лазарева и данными о рабочей организации в Нижнем, а также прокламация — относятся к делу нижегородских революционных кружков 1892 — 1896 г.г., уже неоднократно отмечавшемуся в нижегородских сборниках Илларионова и др. Там материал касался преимущественно фактической стороны, здесь мною печатаются материалы, освещающие идеологию этих кружков и ее эволюцию, и только записка имеет значение освещающей фактическую сторону дела. Дело об этих кружках возникло в связи с предстоящим приездом царя на выставку в Нижний-Новгород в 1896 г. Задолго до его предполагаемого приезда жандармы начали усиленным образом исследовать революционные нижегородские сферы; в ход были пущены все средства борьбы с крамолою: и перлюстрация, и наблюдение за границей и междугородными связями, наконец, образцовое филерское освещение внутренней жизни кружков и их связей с внешней средой. Перед ликвидацией был послан из Питера в Нижний жандармский чиновник с особыми полномочиями. Ликвидации, конечно, задели не только персональный состав кружков, но и всех сносившихся с ними так или иначе жандармам не угодных лиц. Таким образом к намеченному моменту Нижний был чист от крамолы; она целиком была водворена в тюрьму. Началось дознание, которое при такой предварительной подготовке вести было до крайности легко, и к концу лета работа кружков была окончательно исследована. К этому моменту и относятся первые показания А. Кузнецова. Они не имеют значения увеличивающих сумму новых обвинительных данных против кого-либо, они лишь подтверждают в той или иной мере известное жандармам, но тем не менее в них не подлежит никакому сомнению упадочность настроения самого Кузнецова, объясняемая, по всей вероятности, крайне нервной неуравновешенностью, усилившейся многомесячным одиночным заключением. Этим-то и объясняется, что главный организатор пропаганды среди рабочих в Нижнем, можно сказать, вождь нижегородских рабочих, подтвердил все, что жандармы знали из филерских, перлюстрационных и проч. данных, а не ограничился, например, только признанием фактов, устанавливаемых вещественными доказательствами. Печатаемые выдержки из его показаний характеризуют идеологию так называемого периода «кружковщины», перехода к экономической агитации (в этом отношении характерна, между прочим, помещаемая ниже его прокламация), метод и идеологию народовольческих рабочих кружков, а также отношение эмиграции как социал-демократической, так и народовольческой к нарождающейся внутри России пропаганде на новых началах и агитации среди рабочих. Печатаемые далее доклады Рачковского с письмом Лазарева и данными о работе являются дополнением его показаний по этим же пунктам.

Панов и мещане: Иван Васильев Цветков и Николай Алексеев Сахаров, а во главе второй — мещанин Михаил Егоров Григорьев. В июле 1893 г. в г. Нижний-Новгород возвратился из заграничной поездки, предпринятой с целью окончания образования, бывший воспитанник нижегородского реального училища, сын купца Александр Африканов Кузнецов, проникшийся, по его словам, во время пребывания в Цюрихе, социал-демократическими идеями и задумавший образовать кружок «социал-демократов» в Нижнем-Новгороде. Первыми, к кому обратился Кузнецов с пропагандой, были его товарищи по реальному училищу: Василий Юдин, Михаил Котов, Дмитрий Аферов, Николай Степанов, Петр Марышев и окончивший курс в нижегородской губернской гимназии Борис Фридман, которые, по заявлению Кузнецова, будто бы не выказывали сочувствия его взглядам, однако, бывали у него и, спустя год, принимали участие, как это выяснено дознанием, в некоторых преступных действиях Кузнецова, предпринятых им для целей организованного к тому времени сообщества.

Не признавая вначале возможным действовать самостоятельно, Кузнецов, вместе с упомянутыми лицами, из коих Юдин принадлежал уже к кружку Григорьева, пытался примкнуть к этому последнему, но вскоре оставил мысль о совместной деятельности с Григорьевым, не сойдясь с ним во взглядах на способы пропаганды. Григорьев, отнеся практическую деятельность членов своего кружка к более или менее отдаленному будущему, старался подготовить возможно большее количество сознательных, так сказать, образованных в социал-демократическом духе, рабочих, Кузнецов же полагал, что можно создать рабочее движение теперь же, имея лишь нескольких развитых рабочих, могущих своим авторитетом действовать на массу.

Не отказываясь тем не менее от своего намерения, Кузнецов познакомился через Фридмана с наборщиком типографии Машистова — Лукомским, а при его посредстве с наборщиками Любимцевым, Беляевским, Пятибратовым и рабочими Брониным и Шишкиным.

Образовав из этих лиц кружок рабочих, Кузнецов стал заниматься с ними политическою экономиею и рабочим вопросом; читал им лекции у себя на дому и в квартире бывшей своей горничной Анисьи Сучковой, также принимавшей участие в собраниях в качестве члена кружка, а с наступлением весны продолжал эти чтения во время прогулок с рабочими на лодке и в роще, близ Бугровского кладбища.

В этот же период времени — с осени 1893 г. до августа 1894 г., Кузнецовым было положено начало образования среди рабочих кассы взаимопомощи, при чем кассиром был избран Лукомский, и все члены кружка обязались вносить в основной капитал по 3 к. с заработанного рубля. К участию в кассе привлекались также и рабочие, не имеющие ничего общего с противозаконною деятельностью кружка, так как только одна третья часть собираемых денег шла на революционные надобности — две же остальные на устройство библиотеки и на оказание помощи рабочим в несчастных и непредвиденных случаях.

Не прерывая за это время окончательно сношений с Григорьевым и его кружком, члены Кузнецовского кружка незаметно входили в соприкосновение и с кружком народовольцев, устраивая в декабре 1893 г. и в феврале

1894 г. на квартирах Кузнецова и дочери купца Марии Гавриловой Распоповой, при участии также и Григорьева, платные вечеринки, при чем сбор с этих вечеринок назначался на выдачу пособий политическим ссыльным и заключенным, с которыми могли иметь связи народовольцы, но не товарищи Кузнецова, недолго лишь перед тем окончившие курс нижегородского реального училища и гимназии. Кроме того, деньги для оказания помощи государственным преступникам собирались и по подписным листам, имевшимся у некоторых из членов кружка Кузнецова.

Летом 1894 г., ощущая недостаток в нелегальной литературе, Кузнецов предпринял гектографирование брошюр: Маркса «Манифест Коммунистической Партии» и Шиппеля «Профессиональные рабочие союзы», в каковой работе приняли участие: Юдин, Марышев, Котов, Фридман, Степанов, Киселев, Мария Горячева, впоследствии жена Котова, сестра Кузнецова, Анна — по мужу Бейтнер, Распопова, акушерка Депсамес и товарищ Кузнецова, Николай Горячев. Гектографирование это происходило в квартире Кузнецова, Сучковой, Юдина и Киселева, при чем часть экземпляров уже отгектографированной брошюры Маркса была передана Котову и Аферову для продажи среди студентов в Москве и Харькове, куда они отправились в высшие учебные заведения. С целью возможно широкого распространения запрещенных книг среди рабочих, у Кузнецова тогда же возникла мысль об устройстве типографии, в чем согласился помочь ему и Лукомский, обязавшийся доставать шрифт из типографии Машистова, где он служил. Попытка эта, однако, не увенчалась успехом, и собранные таким образом Кузнецовым несколько фунтов шрифта были им впоследствии уничтожены.

По отлучке Кузнецова в августе 1894 г. заграницу, руководство деятельностью организованного им кружка перешло к сыну купца Александру Семенову Розанову, имевшему в то время некоторые связи как с рабочими, так и с интеллигентными людьми, сочувствовавшими социал-демократическому направлению, и вскоре этот кружок Кузнецова и Розанова стал насчитывать в числе членов своих до 15 — 20 рабочих, из коих участие некоторых ограничивалось лишь чтением запрещенных книг, передававшихся Кузнецовым и Розановым ближайшим своим помощникам, Бронину, Шишкину, Беляевскому, Пятибратову, Любимцеву и Лукомскому. Розанов, став во главе кружка, продолжал начатые Кузнецовым беседы с рабочими, собираясь с ними у Любимцева, у линевщика Владимирова, вошедшего в состав кружка через Лукомского, и у Сучковой, где бывали также рабочие Колин и Николай и Иван Ефимовы, а, кроме того, посещал вместе с Пятибратовым, Лукомским, Любимцевым и Брониным своего знакомого Петра Петровича Румянцева, на сходках у которого, помимо общих разговоров по рабочему вопросу, возбуждался вопрос о кассе взаимопомощи и о необходимости начать практическую деятельность выпуском воззваний к рабочим. Такие воззвания и были действительно написаны Румянцевым и распространены на заводах Нижнего-Новгорода 19 октября 1894 г.

Рядом с непосредственною деятельностью Розанова, под его наблюдением велась пропаганда рабочих студентом петербургского университета, Михаилом Сильвиным и бывшим студентом московского университета, Александром Васильевым Второвым, устраивавшим у себя чтение лекций по рабочему вопросу для Шишкина, Любимцева и чертежника Сормовского

завода, Говердовского, которого Второв, между прочим, снабжал нелегальною литературою, давал ему для чтения брошюру Плеханова «Голодный год» и, наконец, дочерью чиновника, Зинаидою Павловою Невзоровой, разъяснявшею Любимцеву, Лукомскому и Владимирову, в квартире последнего, основные положения рабочего вопроса. Между тем, Кузнецов, проживая заграницей, сначала в Цюрихе, а затем в Вене, завел сношения с русскими эмигрантами: Плехановым, Александром Гранковским, Перазичем и Лазаревым, с последним переписывался о делах и способах политической пропаганды в России, не прерывая связей и с членами своего кружка, он из заграницы писал Розанову, Марышеву и Юдину, для чего пользовался адресами: служащего в Волжско-Камском банке, Дамаскина, бывшей портнихи в доме его матери, Защинской (она же Матвеева), служившего в торговом доме Поллак, Суворова и некоего Кульс, данными ему, без ведома Дамаскина, Суворова и Кульс, Марышевым, Юдиным и Сучковой. В переписке этой, кроме общих вопросов и рассуждений о деятельности кружка, Кузнецовым высказывалось намерение выслать из заграницы транспорт нелегальной литературы, имевшейся в крайне незначительном количестве у Розанова, а через него и у Шишкина, собиравшего от времени до времени у себя на квартире для чтения запрещенных книг тех же Пятибратова, Любимцева, Лукомского, Беляевского, Сучкову и рабочего Багаева. Розанов в это время сошелся ближе с Марышевым, который посещал его для бесед по рабочему вопросу и, получая от него запрещенные брошюры, старался с своей стороны привлечь в кружок новых лиц. Так, им была начата пропаганда рабочего Николая Власова и бухгалтера купеческого банка Тихомирова, не вошедших, однако, в близкие отношения с членами Кузнецовского кружка и не принимавших впоследствии никакого участия в их практической деятельности. Весною 1895 г. Розанов устроил первую большую сходку рабочих в местности, называющейся «Фофановы горы», где, кроме почти всех членов его кружка, было дс 60 рабочих. На сходке этой Розанов говорил речь о положении рабочих заграницей, указывал на угнетенное положение их у нас, и советовал добиваться улучшения этого положения путем стачек, а рабочий Шишкин прочитал противоправительственное стихотворение. В мае 1895 г. уехал заграницу и Марышев, свиделся там с Кузнецовым и подобно ему стал посещать народные собрания, вести знакомство с русскими эмигрантами и проч., вплоть до отъезда из заграницы Кузнецова, возвратившегося в Нижний в июле месяце. С осени 1895 г. началась более замкнутая деятельность кружка народовольцев, проявлявшаяся до того внешним образом лишь в распространении Николаем Сахаровым, через брата своего Степана, литературы народовольческого содержания среди членов Кузнецовского кружка и в желании привлечь рабочего Бронина, который, по приглашению одного из народовольцев — рабочего Курбатовского завода, Мухина — был вместе с ним летом 1895 г. у Ивана Васильева Цветкова, высказывавшего ему свои политические убеждения и старавшегося убедить его, что волновавшимися по поводу голода и эпидемий народными массами надлежало воспользоваться с целью оказания протеста правительству, не исполняющему тех или других требований народа.

В сентябре же месяце народовольцы, составив себе кружок из рабочих Курбатовского завода, стали собираться в квартире одного из них — Але-

ксандра Карпова Петрова, при чем на собраниях этих беседами руководил учитель Николай Васильев Романов, посещавший Петрова под именем Николая Александрова Львова, а участниками сходок были рабочие: Мухин, Самылин, Осипов, Коновалов и Тихонов, которого в октябре Петров посылал в Ярославль к студенту Демидовского ярославского лицея Орлову, оставшемуся невыясненным при дознании, за нелегальною литературою. Тихонов действительно привез от Орлова около 10 экземпляров запрещенных брошюр, читавшихся впоследствии на сходках у Петрова. В числе этих брошюр были: «Рабочий вопрос», «Царь голод», «Речь евреев в Польше», «Рабочий день», «Что нужно знать и помнить каждому рабочему», «Кто чем живет», «Речь Лаврова», «Письмо к императору Николаю II», «Летучие листки» группы народовольцев и т. п.

На собраниях у Петрова также возбуждался вопрос о кассе, при чем контролером этой кассы значился, как это видно из отобранной у Петрова записной книжки, Львов, т.-е. Николай Васильев Романов. У кружка народовольцев, по показанию обвиняемого Юдина, чувствовался недостаток в квартире, где можно было бы хранить запрещенные книги, и Романов неоднократно обращался к своей знакомой, невесте члена кружка — Панова, дочери полковника Марии Точиской, с просьбой предоставить кружку для этой цели ее квартиру; при этом Юдин, посетив однажды Точискую, видел у нее небольшую связку нелегального издания, «Объяснение закона о штрафах», из коих два экземпляра и были найдены у нее по обыску. В это же время Розанов, продолжая свою деятельность, познакомил Марышева, возвратившегося в сентябре из заграницы, с дочерью чиновника Анною Алексеевою Рукавишниковою, в квартире которой Марышев, по поручению Розанова, стал излагать рабочим, Пятибратову, Александру Замощникову и Заломову, «Эрфуртскую программу», а затем сходки эти перенес в квартиру рабочего Курбатовского завода, Николая Афанасьева, уже подготовленного несколько по рабочему вопросу тем же Замошниковым, а также Кузнецовым и Любимцевым. Эти сходки у Афанасьева, продолжавшиеся до декабря 1895 г., посещал и брат Александра Замошникова, Михаил, при чем на общей квартире Замошниковых хранилась тогда часть запрещенной литературы, в которой попрежнему члены кружка нуждались настолько, что Кузнецов снова задумал устроить типографию и снова получал от Лукомского шрифт, а на Рождестве 1895 г. имел переговоры с Фридманом, предлагавшим ему свое содействие относительно получения нелегальных брошюр из заграницы через кружок московских социал-демократов, очевидно, считавший Фридмана в числе своих членов. 12 января 1896 г. в заречной части Н.-Новгорода появились воззвания к рабочим, написанные и отгектографированные Розановым и распространенные там Кузнецовым, а 21 января, по требованию из Казани, был произведен обыск и арест Петрова, после чего у народовольцев возникла мысль о соединении с кружком социал-демократов, в исполнение которой были устроены в феврале два собрания в квартире Панова из представителей обоих кружков. Из числа народовольцев были Панов и Романов, а из числа социал-демократов — Розанов и Кузнецов; при чем, однако, соглашения о совместной деятельности не последовало, а было лишь решено участие народовольцев в предположенном праздновании майского рабочего праздника. С февраля же 1895 г. замечается

усиленная деятельность Кузнецова в смысле пропаганды рабочих и личные его занятия с теми из членов кружка, которые вербовались Брониным, Любимцевым и Лукомским. В этот период Кузнецов начал свои беседы в различных трактирах Нижнего-Новгорода, куда являлись из новых членов кружка: Колин, Попов, Шаберлин, Николай Ив. Романов, Яхонтов и Пермяков; беседы велись Кузнецовым, главным образом, по рабочему вопросу, при чем он иллюстрировал свои рассказы картинами из жизни рабочих в Западной Европе. Тогда же им была нанята рабочему Колину квартира в дер. Дарьино, близ Сормовского завода, куда и были впоследствии перенесены сходки; в эту квартиру переселились Бронин и Попов, несколько раз являлись за справками об условиях работы на Сормовском заводе Кузнецов и Розанов, и тут же хранилась за обшивкою двери часть нелегальной литературы, полученной в довольно большом количестве Розановым через Анну Рукавишникову от студента петербургского университета, Михаила Сильвина из С.-Петербурга. Нелегальная литература распространялась среди рабочих Сормовского завода: Брониным — в слесарном отделении, Колиным — в кузнечном, Поповым — в столярном, Шаберлиным — среди позолотчиков, а Пермяковым — среди его товарищей и сослуживцев по лавке потребителей, где он состоял приказчиком. Главный склад литературы находился у Рукавишниковой и, когда книги требовались для передачи на завод, таковые приносились к Розанову или Анною Рукавишниковою, или сестрой ее Ниной; та же часть, которая хранилась у Колина, была в конце концов передана Брониным рабочему Третьякову и была найдена у него по обыску уже во время производства дознания.

Весь март прошел в беседах Кузнецова с рабочими, а 3 апреля на заводах вновь появились воззвания к рабочим, написанные Розановым и распространенные на Курбатовском заводе Александром Замошниковым. Между тем, назрел вопрос о необходимости праздновать 1-е мая, и 30 апреля были выпущены Кузнецовым и Розановым новые воззвания, объясняющие значение этого праздника. Воззвания 30 апреля были распространены на Сормовском заводе Николаем Ивановым Романовым, Третьяковым и рабочим Лисиным, на заводе Курбатова — Александром Замошниковым, у Тер-Акопова — Брониным, а у Годяева — 12-летним мальчиком Шишкиным, получившим их от Говердовского. Устроить «маевку» 1 мая не удалось; она была отложена впредь до спада воды, а 12 и 19 мая были предприняты две поездки на лодках в местность на берегу Оки под названием «Слуда». Поездки эти устраивались Розановым и Анною Рукавишниковою, с целью добыть средства для революционной пропаганды и в них принимали участие многие из членов кружка, и между прочим, Фридман, студент московского университета, Алексей Никитин и дочь статского советника Любовь Якубовская, незадолго перед тем вступившая в число членов и, несомненно, знавшая о деятельности кружка, так как, по показанию обвиняемого Марышева, она сообщала Кузнецову об удалении с Сормовского завода какой-то фельдшерицы, заподозренной в распространении обнаруженных на заводе воззваний.

Наконец, 9 июня, на лугах за Волгой против Сормова была устроена сходка рабочих, в которой, кроме членов кружка Розанова и Кузнецова, принимали участие, как это было решено у Панова, и представители народо-

вольческой организации в лице Николая Васильева Романова, Мухина и Самылина. На сходке этой был водружен красный флаг с надписью: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» — с одной стороны, и «Да здравствует русский рабочий союз» — с другой, изготовленный по проекту Любимцева (найденному у него по обыску) Сучковою. Флаг этот был поставлен Говердовским среди рабочих, и некоторые из присутствовавших на сходке лиц произносили речи. Первым говорил Бронин о положении рабочих, об отсутствии заботы о них со стороны правительства, сравнивая положение русских рабочих с положением рабочих в Западной Европе, и приглашал устраивать стачки. Затем рабочий Попов коснулся вопроса о необходимости устраивать кассы, а учитель Николай Васильев Романов (член кружка народовольцев) указывал на необходимость борьбы с правительством, которое не помогает низшему классу, и советовал соединиться в кружки для получения возможности заявлять правительству протесты и добиваться, прежде всего, политической свободы, а затем уже и материального благополучия.

Кроме упомянутых лиц, Марышев произнес речь по рабочему вопросу, основываясь на сочинениях Маркса и Энгельса, а Розанов разъяснил значение организации при стачках, подкрепляя свое мнение ссылками на примеры подавления стачек во Владимире войсками и объясняя неудачу этих стачек тем, что они не были достаточно организованы.

В этот же день Анна Рукавишникова, по поручению Розанова, отправилась в Самару, с целью получить сведения об арестах переехавших туда на жительство Григорьева, Пятибратова, Беляевского и Шишкина, а на другой день Розанов, получив от Бронина известие о беспорядках на Сормовском заводе, происшедших вследствие несвоевременной выдачи рабочим денег, решил выпустить, при помощи Марышева и приказчика магазина Попова-Панфилова, воззвание к рабочим, но в назначенный для переписки и гектографирования этого воззвания день был арестован. Обыск Розанова не дал почти никаких результатов в смысле обнаружения нелегальных брошюр, принадлежностей для гектографирования и проч. потому, что все это, очевидно, хранилось у Анны Рукавишниковой. Это соображение подтверждается тем, что в день обыска у Рукавишниковой обвиняемая по настоящему делу мещанка Урусова, имевшая отношение как к кружку Кузнецова, о чем свидетельствует присутствие ее на прогулке в «Слуду», так и к кружку народовольцев по родственным связям своим с народовольцами — Цветковым и Сахаровым, перенесла с квартиры Рукавишниковой в свою квартиру, где она жила вместе с дочерьми священника, Марией и Ольгою Иваницкими, короб с какими-то вещами, принадлежащими приезжей из Перми Агриппине Щегольковой. Это обстоятельство дало повод произвести обыск и в квартире Урусовой, при чем было найдено большое количество рукописей нелегального содержания, исполненных гектографским способом, несколько печатных нелегальных брошюр, гектограф, анилиновые чернила и совершенно легальная рукопись: критический очерк книги В. В.—«Судьбы капитализма в России», принадлежащая обвиняемому Скворцову и переданная им для прочтения Розанову незадолго до его ареста.

Во время уже производства дознания по настоящему делу, 31 июля и 17 августа сего года были обнаружены на Сормовском, Курбатовском

и Добровском заводах воззвания к рабочим, ободряющие последних и указывающие на несправедливые, будто бы, аресты. При расследовании по этому поводу выяснилось, что в Сормове воззвания эти были разбросаны рабочим Александром Обмайкиным, получившим их от студента «Николая Ивановича», оказавшегося студентом Московского университета, Алексеем Максимовым Никитиным, присутствовавшим на собрании в «Слуде» 19 мая. Никитин, проживая лето настоящего года у своих родных в Н.-Новгороде, пытался организовать свой кружок из лиц, прикосновенных к деятельности Кузнецовского и Розановского кружка, для чего прежде всего через брата Михаила Сильвина, служившего наборщиком в типографии газеты «Волгарь» — Владимира Сильвина — познакомился с бывшим наборщиком той же типографии, Березиным, при посредстве которого познакомился с подругою Сучковой — Фоминой, а затем и с Обмайкиным. Со всеми этими лицами Никитин беседовал по рабочему вопросу у Фоминой и у Обмайкина и при их несомненном участии отгектографировал и распространил упомянутые выше, составленные им, воззвания.

В заключение следует сказать, что нижегородские преступные кружки имели связи с Петербургом через Сильвина и Невзорову, из коих первый, как было сказано выше, отправлял в Нижний нелегальную литературу, а последняя, принадлежа там к преступному сообществу, пыталась привлечь к нелегальной деятельности проживавшего одно время в Петербурге Лукомского; с Москвою — через Фридмана, состоявшего в числе членов местного социал-демократического кружка и намеревавшегося устроить связь его с нижегородским; с Самарою — через Григорьева, Пятибратова, Беляевского и Шишкина, продолжавших там начатую в Нижнем-Новгороде деятельность; с Казанью — через Петрова, привлеченного и арестованного по обвинению в государственном преступлении, совершенном им там еще до прибытия в Нижний-Новгород; с Ярославлем — через невыясненного на дознании студента Орлова, приславшего в Нижний нелегальную литературу; с Ригою — через Марышева, Степанова и Горячева, которые, воспитываясь в Рижском Политехническом училище, организовали в Риге кружок среди рабочих Балтийского завода и выпустили 28 апреля воззвание к местным рабочим по поводу празднования 1-го мая.

Из 88 привлеченных по настоящему делу, участие в деятельности Нижегородского кружка ранее привлекавшихся к дознаниям политического характера и состоявших под надзором полиции в Нижнем-Новгороде — Буяковича, Зарудного, Скворцова и Чекина — ничем не подтвердилось при дознании, хотя несомненно они были знакомы со многими из интеллигентных членов кружков Розанова и Николая Романова и, может быть, знали о их деятельности; у Зарудного же по обыску был найден листок группы народовольцев за март 1896 г.

Точно так же, участие в деятельности кружков обвиняемых Василия Афанасьева, Сергея Батенькова, Тимофея Власова, Михаила Пастушкова, Александра Суворова, Карпа Шаронова, Ивана Курилина и Агриппины Щегольковой не нашло себе никакого подтверждения, кроме случайного знакомства этих лиц с отдельными представителями кружков, принадлежность же к ним обвиняемых Гинсбурга, Елаткина, Щукина, Марии и Ольги Иваницких и Матвеевой (она же Защинская) выразилась — первых трех

в посещении сходок рабочих на Фофановых горах и за Волгой; сестер Иваницких в довольно близких отношениях к обвиняемой Урусовой и в желании, во время обыска у них, скрыть следы преступления, и, наконец, Матвеевой — в предоставлении Кузнецову своего адреса для переписки с Сучковой, что было ею сделано главным образом потому, что она не желала в чем бы то ни было отказать Кузнецову, так как состояла с ним в любовной связи.

Всего привлечено 88 человек, из коих под стражей:

в Нижнем-Новгороде	19 чел.
» Казани	1 »
» Петербурге	1 »
» Самаре	4 »
Итого	26 чел.

Верно: подполковник *Кузубов.*

Печатается по делу Департамента полиции, 4-е делопр., 1896 г., № 255, т. III, «О Нижегородском революционном кружке», л.л. 248—252 об.

19.

Выдержки из показаний Александра Африкановича Кузнецова.

От 14—21 августа 1896.

В декабре 1892 года я уехал заграницу, покинув харьковский Ветеринарный Институт еще в ноябре. Здесь сразу открылся для меня новый мир явлений и идей, дотоле не подозреваемый. Я был поражен тою картиною, какую представляла из себя рабочая масса Швейцарии: образованностью и рассудительностью самых обыкновенных из нее, интеллигентностью всей внешности, а главное пониманием тех условий, среди которых им приходилось жить, и способностью рассуждать о них, что мне сразу, конечно, бросилось в глаза на рабочих собраниях, которые я, как только стал понимать немецкую речь, посещал, почти не пропуская ни одного. Здесь я с жадностью принялся за нелегальную литературу, которою меня снабжали различные русские революционеры из Болгарии. Вероятно, потому, что в это время и в Цюрихе среди русских «революционеров» уже господствовало «социал-демократическое» направление, а может и потому еще, что я и в России еще считал «гнусною нелепостью» стремление «пересоздать» общественный порядок при помощи политических убийств и студенческих бунтов, но факт тот, что я «образовывался» исключительно в социал-демократическом духе, читал русские нелегальные брошюры и немецкие издания лишь социал-демократического направления и, если обращался к «народовольческим», то единственно с целью ознакомления с содержанием народовольческих теорий или историей прошедшего «народовольческого движения». Между прочим слушал в университете лекции, но более для ознакомления с немец-

кой речью. Наполнивши таким образом свою голову идеями социал-демократического понимания общественных феноменов вообще и русской действительности в частности (как она, конечно, изображалась Плехановым), летом 1893 года я решил отправиться на родину, чтобы «осуществлять» свои цели и планы, «приложить к жизни свои познания». И вот я в Н. Н. По приезде я, конечно, прежде всего обратился с пропагандою к тем из своих товарищей, которых нашел здесь, именно к Юдину, Горячеву, Котову, Фридман, Сахарову (младшему). Но, вероятно, моя заносчивость послужила причиною того, что одни совершенно отклонились от меня (Сахаров, Горячев, Фридман), другие же (Юдин, Котов) стали чуждаться, по крайней мере вплоть до учебных каникул следующего года я с ними не встречался совершенно, и я один принялся «осуществлять». Для полноты обзора своей деятельности нужно добавить, что месяца 3 — 4 спустя я сошелся с существовавшим уже в то время в Н. Н. «марксистским» кружком, с которым или, точнее, с представителем которого, Григорьевым, я, однако, разошелся вследствие разницы в программах: он предполагал «готовить рабочую интеллигенцию для будущего», когда условия для деятельности будут более благоприятны, давая выдающимся рабочим «марксистское» образование; я же предполагал действовать на массу и при теперешних условиях и это ставил главною целью своей деятельности в ближайшем будущем. Мне предложено было или принять ту программу и вступить в кружок, или же разойтись. Я выбрал последнее. Из других членов кружка я знал еще двоих, имена которых не называю потому единственно, что, во-первых, эти люди совершенно не причастны к этому процессу, а во-вторых (что самое главное) давно оставили всякие мечты о нелегальной деятельности и теперь при встрече со мною даже не кланяются и благополучно кончают университет. Итак, я снова остался один. Это меня ничуть не смущало. Я деятельно принялся за работу, стараясь во что бы то ни стало завести знакомство с рабочими. Нужно заметить, что кроме чтения я ничем еще не занимался, так что на «осуществление» времени у меня было вдоволь. После упорных усилий, несмотря на развивающуюся снова болезнь (заграницею я несколько поправился), огромных затрат уже подорванных сил организма, требовавшего отдыха, через несколько месяцев мне удалось завести прочные сношения с рабочими котельного отделения Добровского завода: я познакомился с Брониным; спустя же некоторый промежуток времени через него с Белявским и Любимцевым, а значительно позже и с Шишкиным, хотя я и сам не переставал самостоятельно искать адептов своего учения среди рабочих заводов города и, главным образом, Сормова, что было, однако, безуспешно, так как рабочие прямо избегали знакомства со мною. Способы знакомиться я употреблял различные: давал, например, заказы рабочим, подходя прямо к ним, когда они возвращались с работы, предлагая под конец или заказ или свое знакомство. Таким образом, я организовал рабочий кружок, в начале состоявший из Бронина, Белявского и Любимцева, а позже и Шишкина. С этим кружком я вел занятия, главным образом, устно, при помощи подходящих легальных книг да еще писанных мною рефератов, которые и отдавал рабочим на прочтение. Необходимо добавить, что к нелегальной деятельности склонил рабочих, конечно, я сам и притом постепенно, так как вначале они относились к ней

недоверчиво и холодно («не знай, с нашим народом ничего не поделаешь» — вот был их общий ответ на все мои увещания) и гораздо охотнее слушали мои беседы с ними по вопросам естественных наук, и лишь спустя значительный промежуток времени мне удалось сделать их «сознательными», т.-е. возбудить и в них сочувствие к нелегальной деятельности. Для этого-то рабочего кружка, с которым я имел дело непосредственно, и который, хотя и состоял из очень незначительного числа членов, но зато имел сам разветвления (к которым я не прикасался) среди рабочих фабрик, и было предпринято мною издание «Манифеста» Маркса. Гектографирование происходило у меня дома и у Распоповой, которая разрешила работать у себя лишь по настоятельным просьбам Юдина и моим, главным образом. У себя я работал с Котовым, которым и были написаны первые 8 страниц. Кто работал у Распоповой, я или не припоминаю теперь (за исключением Юдина) или даже не знаю вовсе, не знаю даже и того, принимала ли сама Распопова участие в самой работе. Считаю необходимым добавить, что ни сама Распопова и едва ли кто из других участников этого предприятия (конечно, за исключением меня) знал, что гектографируется (у Распоповой гектографировался конец брошюры), тем менее, конечно, то, что это вещь революционного характера, не говоря уже о том, с какою целью, так как свою «деятельность» среди рабочих я строго конспирировал и мои знакомые, даже ближайшие из них (Юдин, Котов, говорю приблизительно), лишь предполагали, что «Кузнецов что-то делает». В это же лето, кажется, в июне, я думал распространить прокламацию, которая была уже написана мною, по поводу недоразумений, возникших между сормовскими столярами и фабричной администрацией; но потому только, что я не мог прокламацию изготовить к надлежащему сроку, т.-е. попросту запоздал, так как в то уже время, когда я кончал писать, стачка прекратилась, и дело уладилось само собою, она подверглась уничтожению, и даже не было сделано никаких приготовлений к гектографированию. Между прочим, замечу, что прокламацию я читал Марышеву и Киселеву, с которым познакомился через первого. Хотя, как сказано, я имел сношения лишь с очень ограниченным числом рабочих, так как я требовал знакомить с собою лишь людей, выдающихся по способностям и уже «приготовленных», но организация обнимала значительное число участников и росла довольно быстро. Число «затронутых» пропагандою, я думаю, достигло никак не менее 15 и даже 20 человек рабочих, и заведены были сношения со многими промышленными заведениями; так, имелись связи с рабочими типографий Машистова (Любимцев), Губернской (Белявский), заводами: котельным отделением Доброва, кажется Пфора и Николаева и мельницею Башкирова (Шишкин) в Канавине. Надо добавить, что мною же была внушена своим рабочим мысль о «кассе», которая перед самым моим отъездом заграницу и была организована. Не называю всех рабочих поименно потому единственно, что ни с кем из них знаком не был и даже не встречался, так как все сношения с ними вели рабочие, мною названные поименно, с которыми я только и сносился. Я был наверху блаженства, будучи убежден, что почва для социал-демократической деятельности в России так благоприятна, что не через год, так через пять в России появятся чуть не английские trade-unions и, считая с одной стороны миссию свою исполненной, с другой же чувствуя, как быстро идет моя болезнь вперед,

я решил [уехать] ради отдыха, лечения, пополнения знаний, а главное ради пополнения тех пробелов в нелегальной литературе, издаваемой заграницею, думая убедить Плеханова начать издания на совершенно ином основании, литературы совершенно иного характера. Передавши рабочих Розанову, с которым я познакомился через Григорьева, и запасшись адресами для переписки (адресами: Нальяновой (Защинской), Дамаскина, Суворова), в августе 1894 года я был уже вновь в Цюрихе. Нужно добавить к характеристике своей деятельности этого периода до отъезда в Цюрих, что у меня была мысль устроить в Н. Н. типографию, для чего я достал даже несколько шрифта. Здесь первым долгом я принялся за осуществление своих планов и данных своим нижегородским друзьям обещаний. Прежде всего я хлопочу об отправке нелегальной литературы (по предварительному соглашению получение которой должен был принять на себя Юдин). Закупивши у эмигрантов Аксельрода и Кричевского все подходящее, я переправил все, для пересылки в Россию, в Лондон Лазареву, который, как я узнал в Цюрихе от некоего Гранковского (тоже эмигранта), заведует пересылкой нелегальных книг. С этого-то и началось наше знакомство с Лазаревым. Какая судьба посланных в Лондон книг, я не знаю, но знаю наверное, что они посланы не были, так как на все мои запросы в письмах Лазарев или не давал никакого ответа на мои вопросы об этом предмете, или же общие места о «неблагоприятных условиях». Кроме того, я веду переговоры с Аксельродом и переписку с Плехановым насчет успехов с.-д. деятельности в Н. Н., а главное на счет изданий нелегальной литературы по плану, мною выработанному. Тут я потерпел безусловное крушение, так как с.-д. эмиграция (Плеханов, Аксельрод) ставила во главу всякой деятельности в России «политическую борьбу» и считала ту деятельность, которую вел я (т.-е. исключительно пропаганда идеи ремесленных союзов), по меньшей мере безразличною, если не вредною. Конечно, все это было выражено не так ясно, как здесь, но смысл был тот. Тогда я обратился к Лазареву с теми же предложениями, от которого получил по меньшей мере неделикатное письмо, в котором он называет чуть не преступлением «разговоры о прибавочной стоимости в то время, когда и буржуа и пролетарии одинаково стонут под общим игом абсолютизма» (это его слова). На этом и покончилось наше знакомство. Такой прием моей программы эмиграцией был для меня ударом, который быть может впервые заставил меня задуматься обо всем направлении своей деятельности и ее прошедшем; к тому же из Н. Н. я получал весьма редкие и скудные вести, что, конечно, не могло не охлаждать моего пыла; я думаю, что именно поэтому в это время я гораздо более занимался наукой (слушанием лекций при университете и чтением серьезных сочинений), чем думал о том, что происходит в Н. Н. и вообще о «рабочем движении» (в это время я, напр., не посещал вовсе рабочих собраний). К этому времени и относятся мои письма в Н. Н. в свой рабочий кружок, где я стараюсь неудачами в смысле «разрешения поставленных для выполнения за границею задач» оправдать то холодное отношение к своим нижегородским друзьям, в котором меня упрекали в письмах. В конце марта (говорю приблизительно) я переселился в Вену, так как совершенно одинокая жизнь в небольшом городе стала мне невыносимой (с русскою «колонией» я так же, как и с эмиграцией разошелся).

От 5—16 сентября 1896 г.

В Нижнем-Новгороде за время моей нелегальной деятельности существовало собственно две нелегальных группы, вплоть до последнего времени совершенно независимых друг от друга и даже враждебных по своему направлению. Во-первых, группа так называемых «народовольцев» и, во-вторых, группа известная под именем социал-демократической, хотя ни то, ни другое название собственно не соответствует духу названных направлений, так как ни первая не совпадала по своей деятельности с направлением 70-х и 80-х годов, известным под этим названием, ни вторая — с тем, которое известно под тождественным названием в Германии. Социал-демократическая группа Нижнего-Новгорода преследовала лишь одну цель: улучшение быта фабричных рабочих путем внушения им идеи самозащиты, путем организованной при помощи ремесленных союзов борьбы за свои интересы с классом фабрикантов. Этим духом пропитана и пропаганда организаторов и выпущенные ими прокламации; о «политической борьбе» рабочие не слыхали за все время ни слова. Народовольческая же группа отличалась от социал-демократической тем, во-первых, что считала основой всякой нелегальной деятельности пропаганду «политической борьбы», т.-е. борьбы с существующими политическими условиями России, а, во-вторых, тем, что считала необходимым обращаться с пропагандой ко всем слоям населения России, не исключая и рабочих, конечно. Насколько я знаю, «народовольцы» Нижнего-Новгорода занимались только пропагандою идеи «политической борьбы», совершенно оставивши уже совершенно устаревшую теперь нелепость о «терроре» и «вооруженном сопротивлении». По крайней мере я вообще не слыхал, чтобы кто-нибудь считал эти средства необходимыми при достижении своих целей.

Из членов интеллигентной части «народовольческой группы» я знаю лишь Романова и Панова, который, быть может, и не принимал участия в нелегальной деятельности активно, но о деятельности Романова знал. В чем именно состояла деятельность Романова — во всех подробностях я не знаю, что у него были связи с рабочими завода Курбатова, где и велась пропаганда. Где бывали собрания рабочих, знакомых Романову, как обширны были эти собрания и кто именно члены этой рабочей группы, я не знаю, так как с Романовым я познакомился лишь в самое последнее время, около весны н. г., и, конечно, не мог, да и не считал нужным входить во все подробности его рабочей организации. О деятельности «Народовольческой группы» в других слоях населения, например, о пропаганде среди так называемой интеллигенции я ничего не знаю, так как знать что-либо в этом отношении мне даже не могло быть интересным, так как по своим воззрениям я совершенно холодно относился ко всему тому, что происходит в среде «этих отщепенцев различных классов общества». Социал-демократическая группа Нижнего-Новгорода состояла собственно из двух рабочих групп, именно: группа, во главе которой стоял Розанов, и группа, которая находилась под моим ведением. Собственно обе они образовались из одного ядра рабочей организации, созданной мною в мою бытность в Нижнем-Новгороде от июля 93 года до августа 94 года, когда я вторично уехал за границу. Но, за исключением Бронина и Любимцева, состояли эти два наших кружка

из людей новых, так как прежние ее члены частью разъехались, а частью отстали, о чем мною было говорено уже в предшествовавшем протоколе, где и указаны участники моей первой рабочей организации. Из членов рабочего кружка Розанова я знаю только Любимцева, Лукомского и Пятибратова. Насколько вообще обширен был рабочий кружок Розанова, и кто его другие члены — я не знаю, знаю только, что они состояли целиком из рабочих типографий. Думаю, что кружок Розанова был не велик, так как Розанов жаловался всегда на недостаток в людях. Странного в том, — что [я], — человек близко стоявший к Розанову и его организации [не сообщаю большего], — не может быть ничего уже потому, что нам, как организаторам, более других нужно было хранить обычное азбучное правило при всякой нелегальной деятельности, именно: сообщать даже близким лишь то из своей деятельности, что только необходимо, к тому же и интереса у меня не могло быть особенно допытываться о подробностях пропаганды Розанова: в этом деле я был не новичек, которому особенно любопытна всякая мелочь, и конспирация для которого равносильна обиде, хорошо знал, что и как нужно вести в этом деле и как нужно пропагандировать, не могло быть особого любопытства по отношению к кружку Розанова и потому еще у меня, что «кружковской» деятельности, устной пропаганде нас самих мы не придавали большого значения, видя успех своего дела всецело в агитации при посредстве прокламаций».

. . . .

Осенью 95 года я действительно ездил в Самару к Григорьеву — единственное предприятие за все время до января 96 года, в смысле нелегальной деятельности. Ездил я к нему главным образом за тем, чтобы узнать, как он ведет в Самаре пропаганду среди рабочих, т.-е. какого способа держится при этом, и если распространяет прокламации, то каков устав их, между прочим, конечно, и за тем, чтобы навестить его. Но оказалось, что прокламаций он не распространил ни одной и попрежнему относится к такого рода деятельности, в смысле влияния на массу рабочих, подозрительно и вообще, как ранее, центр тяжести всякой социал-демократической деятельности видит в «кружковщине», т.-е. в занятиях с выдающимися рабочими. По этому поводу у нас произошло, конечно, сражение, мы ни к какому общему результату не пришли и довольно холодно расстались в тот же день моего приезда, чем отчасти и объясняется, что подробностей его пропаганды я не узнал вовсе и вообще вынес заключение, что Григорьев «в своей редакции спит».

. . . .

Заседания четверых (т.-е., на самом деле троих — я, Романов и Розанов, так как четвертое лицо, фамилию которого я назвать не желаю, — в обсуждении вопросов, разбиравшихся на собрании, не принимало участия, из чего я заключил, что оно более для обстановки «присутствовало, потому что в квартире этого лица были эти заседания» действительно были и два раза. Цель первого—выработать план «соединения» нашей группы с группою народовольцев, т.-е. выяснить точки соприкосновения нашей деятельности и их и, если таковые окажутся, действовать в этой общей области совместно. Второе заседание происходило по поводу нашего предложения народовольцам совместно выпустить и распространить прокламацию по поводу празднования 1-го мая рабочими западных государств. Но результат

«заседаний» был отрицательный. Как в первом, так и во втором случае, так как мы не пришли ни к каким общим решениям и заключениям, особенно же в последний раз, когда народовольцы отказались наотрез содействовать нам чем-либо в нашем намерении выпустить прокламацию к 1-му мая, оснований ими было предъявлено два: вообще несочувственное отношение к распространению прокламаций, но главное — «накануне предстоящей коронации и усиленного надзора над всеми». После этого мы с Розановым решили, что с народовольцами нам «спеться» не удастся. Присутствие народовольцев на «маевке» объясняется тем, что нам, во-первых, нужно было познакомить своих рабочих с рабочими народовольцев, но главное тем еще, что важно было, чтобы на сходке присутствовало по возможности более народа.

. . . .

... Я предполагал рассказать (на предстоящей маевке. Н. С.) рабочим о международных рабочих конгрессах, о материальных условиях их возникновения, целях, ими преследуемых, и о том значении, которое они имеют для рабочих, — тема обширная, особенно в виду ее первой части, на которой я и хотел остановиться, так как она имеет совершенно научный характер, и я мог свободно говорить, не насилуя себя, и мне легко было бы выбраться из затруднения. Чтобы связать свою речь с целями собрания, для которого она предназначалась, я в конце хотел сообщить о предстоящем рабочем конгрессе в Лондоне и предложить собранию дать полномочие эмигранту Плеханову представлять на конгрессе и нашу нижегородскую группу «сознательных рабочих». В краткой беседе все это было изложено Марышеву.

От 24 сентября — 6 октября 1896 г.

По возвращении в Россию, я, как уже говорил, обратился к своим прежним товарищам. С ними у меня ничего не вышло, но от Юдина я узнал, что здесь существует «марксистский кружок, во главе которого стоит Григорьев, что к этому кружку принадлежал «Юдин» (которого, как я потом узнал, почему-то отстранили). Так я познакомился с Григорьевым, к которому явился на квартиру. Кружок Григорьева состоял из трех частей, совершенно независимо друг от друга: две интеллигентных группы (семинаристов) и учеников гимназии (классической и реалистов) и одна рабочая. О группе семинаристов я ничего не знаю, кроме того, что была такая. Другая интеллигентная группа преследовала исключительно цели самообразования и к нелегальной деятельности не имела никакого отношения, хотя и имелось в виду привлекать к нелегальной деятельности лиц из нее, наиболее способных. Третья часть — группа, состоявшая из рабочих. Эта группа рабочих, с членами которой занимался Григорьев, и была тою «рабочею интеллигенцией» (или должна была быть ею впоследствии), которая приготовлялась для «будущего действия», когда наступят более благоприятные условия для того». Эта группа состояла, насколько я знаю, из 5 — 6 человек, из которых я встретил только троих и по фамилии знаю только одного, Пятибратова. Занятия велись Григорьевым в слободе на квартире одного из рабочих, у кого именно и где, я не знаю, как не знаю и больших подробностей ведения пропаганды Григорьевым, так как он не счел нужным сообщить мне о том,

а я не счел нужным расспрашивать, быть может, так произошло еще и потому, что, как я говорил, с Григорьевым мы не сошлись в самом же начале, а потом и совершенно разошлись, будучи каждый убежден в «правоте» своего «дела» и в надежде, что «время» покажет, кто был прав. Разошлись мы, конечно, мирно, без всякой вражды друг к другу, и я даже заходил потом к Григорьеву, а он был, как я уже сообщал, у меня на вечеринке. При своей деятельности я держался следующей программы. Главная цель: пробуждение классового самосознания фабричных рабочих, внушение им идеи «самозащиты» своих интересов, ближайшая и непосредственная цель, как средство к достижению той общей, более отдаленной: организация рабочих кружков, или, как я тогда выразился, «центров рабочей интеллигенции» на всех по возможности фабриках и заводах города, при помощи которой только и возможно было бы действовать на массу рабочих; члены этих «рабочих центров» должны были получить предварительно «марксистское» воспитание, т.-е. ознакомиться с историческою и экономическою теориею К. Маркса, лишь по усвоении всех этих сведений рабочий мог приниматься с своей стороны за «деятельность», которая состояла в том, что, с одной стороны, он должен был готовить себе «наследников», организовать с своей стороны «центры рабочей интеллигенции», а с другой, — действовать на самую массу рабочих при помощи различных средств: устных бесед, прокламаций по поводу всяких недоразумений между рабочими и хозяином и т. п., одним словом, другая сторона деятельности «сознательного» рабочего должна была состоять именно в пропаганде среди массы рабочих «идеи самозащиты», внушения им мысли о необходимости ремесленных организаций, как «единственного средства улучшить свое настоящее положение зависимости и угнетения». При своих занятиях с этою «рабочею интеллигенциею» я держался следующей программы, так же как и предыдущая практическая часть, выработанной мною же. Первая часть: общие разъяснения теории «прибавочной стоимости», очерк положения рабочих западных государств в настоящее время, в прошедшем, ремесленные организации, как единственная причина подъема благосостояния рабочих запада, история и развитие ремесленных организаций. Вторая часть: краткий очерк материальных основ великих эпох европейской цивилизации и их взаимной связи и преемственности (рабская цивилизация крепостническая и капиталистическая) и третья часть: политическая экономия или лучше ее критика, т.-е. популярное изложение «Капитала» Маркса. «Беседы» велись, конечно, устно, хотя я и передавал рабочим несколько раз писаные рефераты, содержащие в себе то, о чем я говорил на собрании.

Печатается по копиям в деле д-та полиции, 4-е делопр., 1896 г., № 255, «О Нижегородском революционном кружке», т. II, л.л. 325—330 об., 422 об. — 424 об., 433 — 436 об.; т. III, л.л. 55—56 об.

20.

Доклад заведующего заграничною агентурою департамента полиции от 12 (24) октября 1894 года.

Из моих предыдущих докладов ваше превосходительство изволите знать, что эмигрантская группа «Социал-Демократов» или «Освобождения

Труда» находилась еще недавно в полном упадке и считалась заграничными народовольцами близкою к окончательному исчезновению.

С приездом из России Александра Кузнецова, положение ее, однако, совершенно изменилось. По сведениям, имеющимся у означенного революционера выяснилось к последнему времени, что социал-демократическая пропаганда внутри империи нашла для себя благодарную почву в среде фабричных рабочих и, по своей силе, будто бы, превышает пропаганду всех остальных революционных фракций.

Любовь к делу и энергия со стороны вожаков социал-демократического движения в России принесли, будто бы, «обильную жатву» в самый непродолжительный промежуток времени. Например, революционные речи рабочих, произнесенные на собраниях в Виленском округе, уже опубликованы тайными типографиями и находятся в обращении отдельными брошюрами внутри множества русских фабрик. Москва, Владимир, Нижний-Новгород, Киев, Казань, Самара, Саратов, Харьков, Ростов на Дону, — все названные города уже имеют организованные рабочие партии, насквозь проникнутые социал-демократическими идеалами. Среди них, будто бы, возникают толки о необходимости объединиться, и с этою целью конгресс русских рабочих поставлен на очередь. Упомянутое предприятие должно, между прочим, определить наличность сил организованных рабочих и разрешить насущные задачи русской социал-демократии.

До того времени, даже самые выдающиеся вожаки и организаторы рабочих групп не могут, будто бы, выяснить определенно тех широких размеров, которые приняла их пропаганда.

Крупные неудачи революционного движения в период 1870—1881 г.г. в их борьбе с самодержавным строем, ясно, будто бы, доказали, что силы отдельных личностей не в состоянии справиться «с гнилым правительственным организмом России». Блестящие успехи социал-демократов в Германии обратили на себя всеобщее внимание русских интеллигентных людей и тамошних революционеров, сомневавшихся раньше в приложимости динамитного террора для изменения существующих порядков. Благодаря всеобщему недовольству в России, теории Маркса и однородных с ним немецких социал-демократов жадно схватываются не только «образованным» русским обществом и университетской молодежью, даже мало грамотными рабочими.

Из представляемого при сем скалькированного «конфиденциального» документа, который писан рукою Кузнецова, ваше превосходительство изволите усмотреть, что до Рождества минувшего года, по его сведениям, в Москве было лишь пять социал-демократов, к апрелю текущего года это число возросло до двадцати. В Нижнем-Новгороде, до апреля, группа Кузнецова состояла из семи человек, но, ко времени его отъезда, приверженцы социал-демократии увеличились до сорока человек. На каком-то заводе, названия которого я не мог разобрать (Сормовском?) и где находится до 7 тысяч рабочих, социал-демократическая пропаганда ведется «новыми фабричными администраторами». Саратовская группа организует «особую кассу», а в другой группе Нижнего-Новгорода, основанной до приезда туда Кузнецова, находилось уже до двадцати организованных рабочих. Теперь, будто бы, в Нижнем-Новгороде нет ни одного более или менее

крупного капиталистического заведения, где бы не было пропагандистов «социал-демократов». К 1-му мая будущего года, если не случится провала, число их здесь должно достигнуть до 200 человек. В Киеве было до 1-го апреля нынешнего года сто организованных рабочих; это число, по уверению Кузнецова, составляет лишь силу ядра движения, и если наличность сознательных последователей социал-демократического движения достигнет до 5%, то партия «будет в состоянии поднять всех рабочих данного места».

Означенные факты, дойдя до сведения лондонской группы, подняли революционное значение Кузнецова и, вообще, социал-демократической партии, от которой, как сказано выше, заграничные народовольцы начали совершенно отказываться. Кузнецову сделано было предложение опубликовать свои воззрения на «русскую социал-демократию» в ближайшем «листке» лондонского фонда и участвовать в прениях на предстоящем съезде, о котором я имел честь неоднократно доносить вашему превосходительству.

Соглашаясь на означенные предложения, в интересах общей борьбы с правительством, Кузнецов уже составил подходящую статью под заглавием: «Первые шаги социальной демократии в России».

Статья эта, сообщенная на предварительный просмотр лондонских эмигрантов, встречена ими с полным одобрением.

Расходясь с Кузнецовым в своих воззрениях на террор, они, тем не менее, признают в нем единомышленника, который, собственной дорогой, работает для уничтожения русского «абсолютизма» и заслуживает полной поддержки народовольцев в пользу своей социал-демократической партии.

Мне удалось иметь, на короткий промежуток времени, автограф названной статьи в своем распоряжении, при чем столь восхваляемое произведение Кузнецова исполнено самыми широкими претензиями на научный слог, которому легко поддаются недоучившиеся люди, и, не выражая в себе ничего иного, кроме наглого невежества, обнаруживает в Кузнецове человека, нахватавшегося из иностранных книжек поверхностных понятий о социализме. Товарное производство, капиталистическая продукция, общественный класс купцов, освобождение крестьян в пользу буржуазии, государство, заинтересованное в процветании этой последней, господство «кулаков» в деревнях, промотавшееся дворянство, — все это, по мнению Кузнецова, составляет главные основы успешной пропаганды социал-демократов среди русских рабочих на фабриках . . .

Обращаясь затем к результатам агентурного наблюдения за оживлявшейся группой русских социал-демократов в Швейцарии, имею честь донести, что, помимо основателя ее, Плеханова, главные силы означенной группы сосредоточиваются попрежнему в Цюрихе. Общая деятельность заграничных социал-демократов находится в руках Аксельрода, Петрова, Когана и Курнатовского. К ним примкнул также Бирюков, легально приехавший из России для переговоров с местными эмигрантами по части сношений и для подготовки к пропагаторской деятельности. Будучи прежним знакомым Кузнецова, он особенно дружится в настоящее время с Курнатовским и Коганом. Сюда же следует отнести и некоего Милля, также легального и преследующего те же цели, что и Бирюков. Особой

энергией среди цюрихской группы отличался Шорр (или Шоор), бывший студент медицины 3-го курса казанского университета, уволенный оттуда и поступивший в 1892 г. в цюрихский университет. В настоящее время он находится в России, куда уехал в июле месяце текущего года с поручениями, весьма, впрочем, незначительными. Выдавая себя за убежденного социал-демократа, упомянутый Шорр был, тем не менее, в интимных отношениях с Бурцевым, хотя и не разделял его террористических воззрений. Цюрихские социал-демократы возлагают на него до сих пор большие надежды, как на талантливого и энергичного сотрудника. Этот революционер был очень близок к арестованному в России Нуссбауму, а также Куцому, который настоящею весною отправился в Вену, затем снова прибыл в Цюрих (месяца два тому назад) и, уехавши на некоторое время в Винтертур, отправился к своему брату в Нью-Иорк, откуда, впрочем, должен скоро вернуться обратно в Швейцарию.

В собраниях цюрихских социал-демократов выдается также Островский, человек, очевидно, душевно больной.

Состав цюрихской группы «социал-демократов» дополняется также Тепловым и Мерлисом, евреем, состоящим в сожительстве с какой-то русской студенткой. Эти последние, вместе с Аксельродом, представляют «Комитет» цюрихской библиотеки, которая помещается в квартире Курнатовского. Означенный Курнатовский имеет некоторые сношения с Россией, куда им и его единомышленниками был послан в 1893 г. некто Щавинский, в качестве серьезного и делового человека, для упрочения связей. Будучи арестованным он дал, будто бы, откровенные показания и скомпрометировал ими всех своих единомышленников.

К той же группе примыкает Антон Васильев. Упомянутый молодой человек, отдавшись всецело идеалам социал-демократической группы, последовательно увлекся террористической программой Бурцева и перешел на его сторону. На будущий год, он, Васильев, рассчитывает уехать нелегально в Россию и, как энергичный революционер, требует за собою специального наблюдения. Цюрихский адрес его Stapferveg, I, третий этаж, у г-жи Wachter. Его квартира нанята совместно с девицей Елизаветой Игнатовской, которая слывет деятельной пособницей революционеров и не только переписывает письма Бурцева в Россию, но и дает этому последнему адреса, по которым он может сноситься с Россией.

В заключение, считаю долгом присовокупить, что Гранковский, изгнанный из пределов Австро-Венгрии, поселился в Цюрихе в части города, называемой «Ausersicht» под именем и с паспортом Захария Петрова. Прежний же свой паспорт на имя Spivak'а он передал Перазичу, который его, будто бы, затерял. Этот последний в течение уже нескольких месяцев проживает среди польских социалистов-революционеров, во главе которых стоят еврейка Люксембург, — еврей Глюксман и Ковалевский.

Чиновник особых поручений: П. Рачковский.

Печатается по подлиннику в деле деп. пол., 3-е делопр., 1894 г., № 1, по сообщениям заведующего заграничной агентурой и переписка с ним, вход. № 14682.

Приложение к докладу П. И. Рачковского: писаные Кузнецовым заметки.

Далее идут конфиденциальные сведения.

До Рождества прошлого года в Москве было лишь 5 человек, к апрелю этого года это число возросло уже до 20-ти человек.

В Нижнем, до апреля у меня в группе было лишь 7 человек, в августе, ко времени моего отъезда число это возросло до 40: 25 человек участвовало непосредственно в кассе, остальные лишь только подготовлялись к вступлению в нее. Кроме того незадолго до моего отъезда мы начали пропаганду на Сормовском заводе, имеющем до 7.000 работников, теперь особенно возбужденных «новыми порядками» фабричной администрации. В первый раз было приобретено там до 12 человек. Эти двенадцать человек хотели присоединить еще человек по 5 — 10 каждый из своих товарищей. Кроме того им удалось завязать сношения с портными, среди которых пропаганда социал-демократических идей встречает большое сочувствие. По умеренному расчету выходило, что к 1-му сентября в кассе будет участвовать до 45 чел., за исключением сормовских работников, где будет организована особая касса.

В другой группе Нижнего-Новгорода, основанной еще до моего приезда и державшейся иной политики при своей деятельности, ... [1]) было до 20 организованных работников.

Теперь нет в Нижнем ни одного более или менее крупного капиталистического заведения, где бы не было пропагандистов социал-демократов.

К 1-му мая по умеренному расчету, если, конечно, не случится провала, число прироста [?] участников в группе должно достичь 200 человек.

В Киеве было до апреля этого года свыше 100 человек организованных рабочих. Заметьте, что это число составляют лишь силу ядра движения, а сколько работников затронуто движением косвенно? Один работник говорил, что если число сознательных работников достигнет лишь 5% всей массы рабочего класса, то и тогда они будут уже в состоянии поднять всех работников данного места.

Печатается по калькированной копии, там же.

21.

Доклад заведующего заграничной агентурой департамента полиции, от 16 (28) марта 1895 г.

В ответ на предписание вашего превосходительства от 24 минувшего февраля, № 790, и в дополнение к моим предыдущим донесениям, имею честь почтительнейше доложить, что расследования нижегородского охранного отделения относительно Кузнецова и его товарищей оказываются вполне достоверными. Относительно поручения, данного Кузнецовым сестре его, Анне Бейтнер, при ее отъезде в Россию, мне известно, что она должна выяснить на месте, может ли быть устроено безопасное хранение книжного транспорта, который придет из заграницы, и имеются ли серьезные шансы на

---

[1]) Два слова не разобраны.

успешное распространение среди рабочих заключающихся в нем заграничных изданий. Для снабжения своих товарищей революционной литературой в широких размерах, Кузнецов, главным образом, и отправился заграницу. По приезде в Цюрих, он сошелся с Константином Гранковским и, не желая примкнуть к Плехановской группе «Освобождения Труда», решил вместе с своим новым товарищем организовать самостоятельное сообщество под названием «Заграничного бюро социал-демократических работников в России».

От имени означенного сообщества был составлен циркуляр, где доказывалась необходимость выступить с социал-демократической рабочей литературою и собирать пожертвования в пользу семейств тех фабричных рабочих, которые, посвятивши себя делу социал-демократической пропаганды, подвергались за это преследованиям.

Упомянутый циркуляр был, между прочим, отправлен лондонской группе, которая осталась крайне недовольной возникшими затеями и признала в них лишь источник нового разлада между революционерами.

Из представляемого при сем в копии пространного ответа Лазарева на полученный циркуляр ваше превосходительство изволите усмотреть, до какой степени Лондонская группа заинтересовалась предприятиями Кузнецова и как настойчиво задумала она переманить его на сторону «Народной Воли». Лазарев, например, старается убедить своих новых соперников, что при настоящих политических условиях в России не может существовать политических партий, которые необходимо требуют открытой организации, а вся революционная деятельность должна выражаться лишь в возникновении тайных кружков, удел которых всегда состоит в заговорах для тайной ли пропаганды, террора, или дворцовых переворотов. Навязывать же безграмотному мужику, пролетарию или рабочему, теории «прибавочной стоимости», когда о них еще не успели согласиться политико-экономы, — это значит попусту тратить время. Затем, по мнению Лазарева, задуманный «заграничным бюро социал-демократии» сбор пожертвований в пользу семей рабочих, пострадавших за пропаганду, — не что иное, как безнравственный наем интеллигентами тех же рабочих, чтобы они боролись за свою собственную выгоду. Чековые книжки в 10 стерлингов на такой сбор с иностранных голяков, которым самим есть нечего, — составляют лишь позор для русских революционеров и не дадут при этом, будто бы, никаких практических результатов.

Резкие доказательства такого рода в своем письме Лазарев смягчил льстивыми комплиментами лично учредителям Кузнецовского кружка, но нисколько не убедил их, напротив, они прониклись крайним раздражением к лондонской группе и признали за нею не интерес к общему делу, а лишь грубо-эгоистическое желание провалить товарищей, иначе мыслящих. Таким образом, соглашение, уже начинавшееся между обеими сторонами, совершенно расстроилось, и Кузнецов предпочел вступить в сношения с тою же Плехановскою группою, от которой сторонился раньше.

При состоявшихся затем переговорах и на основании известий, получаемых из России, Плеханов с Кузнецовым решили, что русское социал-демократическое движение уже успело выразиться в определенных формах, пустило глубокие корни среди фабричных рабочих и требует специального

съезда, на котором могли бы объединиться все разрозненные до сих пор группы и выработать практические приемы деятельности для обеспечения за движением наибольших успехов. Согласившись с Плехановым в основных пунктах по этому поводу, Кузнецов отправился в Вену (5 марта по новому стилю), чтобы изучить там несколько ремесл, которые облегчили бы ему легальный доступ на фабрики, и затем отправиться в Россию к августу месяцу текущего года. При прощании Плеханов снабдил его шифром, посредством которого они и ведут в настоящее время оживленную переписку. Главное место в означенной переписке отводится проектам съезда и, ради успешной организации этого последнего, Плеханов решился дать Кузнецову, перед его отъездом в Россию, имеющиеся у него конспиративные адреса вожаков, чтобы Кузнецов, до своего прибытия в Нижний-Новгород, сделал предварительно объезд главных пунктов, где существуют социал-демократические кружки, и подготовил их к участию в задуманном предприятии. Самый же съезд, по предварительным соображениям, решено устроить в окрестностях Нижнего-Новгорода, на какой-либо из дач, которую представится возможным нанять для данного случая без опасения возбудить подозрение местной полиции.

По условиям успешно действующего нижегородского охранного отделения с одной стороны и заграничной агентуры, с другой, департаменту полиции будут известны дальнейшие предприятия намеченной в Нижнем-Новгороде социал-демократической группы, а равно и точное время отъезда Кузнецова в Россию, и тот пограничный пункт, на который он направится. Таким образом, представляется возможность выяснить одновременно все главные силы социал-демократического движения в России и затем нанести ему удар в корне арестом вожаков, которые должны собраться на съезд, если с момента прибытия Кузнецова на русскую границу за ним будет назначено наружное наблюдение и сделана осторожная прорледка пунктов его объезда.

В противоположном случае, поспешный арест Кузнецова на границе не только оставит без выяснения массу драгоценного материала для розыскной деятельности, но и скомпрометирует мои агентурные источники, без особенной пользы для дела, так как о заграничных предприятиях Кузнецова совместно с Плехановым знают лишь очень немногие революционеры.

Чиновник особых поручений *П. Рачковский.*

Печатается по подлиннику в деле департамента полиции, 3-е делопр., 1895 г., № 1, по сообщениям заведывающего парижскою агентурой и переписка с ним, вход. № 4455.

Письмо Е. Е. Лазарева к А. А. Кузнецову, от 7 декабря 1894 г.

Дорогой товарищ!

Позвольте мне откровенно обратиться к вам не только, как к товарищу, но и молодому другу и брату, и высказать вам все, что я собирался давно уже сделать. Мое обращение ровно касается вас обоих, — я разумею молодого общего товарища нашего К . . . [1]). Я для вас — новый человек, наши непосредственные отношения только начинаются и, дай бог, чтоб никогда

[1]) Гранковского (Константина). (Прим. деп. пол.).

не прекращались. Я хотел лучше освоиться с вашими взглядами и предприятиями прежде, чем писать вам что-нибудь определенно на ваши запросы и предложения. Ныне Л.[1]) познакомил меня с предполагаемой программой особой революционной партии молодых социал-демократов. Подробно говорить о ней нет времени и теперь не место, но вообще позволяю сделать несколько замечаний. Из вашего последнего письма ко мне явствует, что вы признаете животрепещущим вопросом в России для настоящего исторического момента — борьбу с самодержавием, на которое должны быть направлены усилия всех революционных фракций без различия оттенков, и что вы не имеете в виду заниматься партийными счетами. Между тем, в программе вы задорно третируете все дотоле существовавшие и существующие партии — как продукт сплошного недомыслия или ошибок. Сознавая, что никакая, не только революционная, но просто прогрессивная деятельность невозможна в России при наличности варварского произвола, в вашей программе ни слова о политической борьбе с самодержавием. В то время как политический гнет давит и экономического хищника, и мужика, «буржуа и пролетария» в программе повторяются азбучные выражения насчет отвлеченной от времени и места буржуазии и пролетария. Поймите, мой дорогой, что пока в России царит полицейское самодурство, могут быть и непременно будут тайные студенческие, интеллигентные рабочие кружки, более или менее многочисленные, но это не будет политической партией. Только открытые организации могут составить политическую партию, только партии завершаются в революционный факт; удел тайных кружков — заговор, в чем бы он ни проявлялся — в пропаганде ли тайком среди народа, в терроризме ли или в дворцовых переворотах. Если в пропаганде, хотя бы Маркса, и притом крадучись — успех будет тем ничтожнее для массы, чем более теоретична сама пропаганда. Разговоры о прибавочной стоимости нашему мужику, пролетарию и даже рабочему, когда еще политические экономы ломают головы из-за теорий стоимости — ведь это пустая трата времени, когда им полиция и читать-то не позволяет, когда тайные общества ставят себе целью обучение народа простой грамотности. Клеймить общество, как представителей буржуазии, натравливать на культурное общество, подавленное и без того административным произволом — да ведь это играть на руку абсолютизму. Вот народ и бил врачей при голодном бунте—«барин, мол, и бей его». Буржуазия еще не обособилась от интеллигенции вообще в глазах нашего крестьянства и рабочего (отдельные лица не указ—я сам мужик, да еще крепостной), и народ вообще враждебен барину, разумея теперь бюрократию. Купец, кулак — ближе к народу, чем любой интеллигент, потому что он как есть барин. Странная претензия заявлять себя истинными радетелями пролетария (даже не народа вообще, а ничтожной частички обширного измученного крестьянства нашей страны)— неприятно поразит всякого. Заявляя себя организацией партии, программа тут же говорит, что и мало нас и средств-то у нас нет никаких. Тут начинается самый важный пункт. В чем же практическая задача новой партии? Ее нет совсем. Пропаганда теорий Энгельса и Маркса, ведь это не

[1]) Бейтнер (Лев). (Прим. деп. пол.)

практическая задача. Печатание брошюр? Но это не дело партии и не ее практическая цель, — это лишь пособие в деле. Кстати: план работ, намеченный в программе (издание социал-демократического учебника и множество других брошюр), хорошо, от нечего делать, писать на бумаге, как проекты,—но ведь справиться с этим не под силу и более крупной организации, богатой и нужными денежными средствами и литературными силами. Но ведь, друзья мои, вас всего двое-трое, горячих, честных юношей, ищущих наилучшего выхода своим силам — и только. Меня, искренно говорю: радует этот пыл, задор, но вы замкнулись друг в друга, в книжки и знать как будто не хотите ни истории нашего движения, ни практики текущей жизни; вы живете в области отвлечений, теорий, которые тогда только и хороши, когда создаются для практического приложения. Мало знать теории Маркса и Энгельса. Затем не нужно, с одной стороны, в богов их производить, а с другой—отказываться от своего собственного разума; делать людей из мыслящих простых попугаев, заучивающих наизусть Манифест Коммунистической Партии и т. п., о чем упоминает программа. Не к тому я говорю, что Маркс и Энгельс не правы в теоретических выводах, да ведь тем социал-демократы немецкие и велики, что они, имея политическую возможность, работают на политической сцене, на практике, и теориями освещают изменчивые исторические моменты. Когда ослабевал политический гнет, они отдавали силы целиком экономическим программам; усилились политические гонения — они вносят в программу политическую борьбу. Так было в Бельгии, так предстоит им поступить скоро в Германии снова. И тут жизнь делает поправки. Сначала все плевали на крестьянство, как на мелко-буржуазный класс, — городской рабочий один должен был все перевернуть, а практически игнорирование крестьянства в Германии, во Франции и Бельгии, как и везде, отдает всю политическую машину в руки реакции. Теперь и социал-демократы стали внимательнее к положению крестьянства. Ведь это в странах Западной Европы, где пронеслось над головами уже несколько революций и где уже выработалось известное политическое самосознание. Что же сказать о славянских странах, где крестьянство составляет подавляющее большинство. Ну, не обращай на него внимания и не пеняй, что он будет своих истинных друзей принимать за чиновников, хватать за шиворот пропагандистов социал-демократии и всяких бунтовщиков и чаять всего от батюшки-царя. Пока он (крестьянин) не получит права самоуправления и выбора своих администраторов, он вечно будет в зависимости от первого полицейского, а главное, всегда будет смешивать чиновника и радикала, как чуждых ему, под одной шапкой «барина». Если и будет конституция, экономическое и политическое притеснение, конечно, не прекратится, но тогда только и явится возможность для народа отличать друзей от врагов по одной одежде:—в лаптях, так «свой», в брюках на выпуск — «чужой», барин, и, стало быть, явится впервые возможность образования политической народной или рабочей партии. Только тогда народ может взять серьезно и экономическое освобождение в свои собственные руки. Коли народ сам не освободит себя — никто его не освободит. Эмансипация рабочего класса—дело самого рабочего; прочно оно, когда он борется во имя насущных интересов своих, когда эта борьба

есть борьба за его кровные интересы, осязательно наглядные для него. Когда эти интересы нарушаются, он видит неправду существующих отношений, и как бы мизерно ни было это нарушение его интересов, он видит несправедливость и хочет восстановить справедливые права свои, он видит, что стоит за правду, что правда на его стороне, и потому проникается этим чувством, доходящим по обстоятельствам до энтузиазма или гнева. А этот энтузиазм—священное чувство и необходимое для конспиративной борьбы. Это чувство прочно, когда оно исходит и покоится на внутреннем побуждении отстаивать свои личные интересы, когда он борется за себя. Плохо дело, если рабочему мы станем навязывать, что он должен жертвовать собою для других. Только умственно и нравственно развитой интеллигент с развитыми высшими потребностями — может жертвовать собой ради других. Да и тут, в сущности, он жертвует только низшими потребностями ради удовлетворения высших, физическими ради умственных или моральных. Как же вы, выставляя эмансипацию рабочего класса — делом самого рабочего — пришли неожиданно к несчастной мысли о филантропии. Вместо могучего двигателя — чувства энтузиазма, сознания существующей несправедливости, хотите заменить жалкой подачкой пятачков за участие в борьбе за свою свободу. Ваш проект нанимать рабочих для борьбы за их освобождение — и есть эта несчастная мысль. Если вы вдумаетесь хорошенько в излюбленную теорию Маркса — вы увидите, что затем пролетарии и выходят на поле сражения, чтобы обеспечить свою жену, свою семью, свое человеческое существование; потому он и выходит на баррикады даже, что сознает, наконец, что если он сам не будет для себя добиваться этого обеспечения, никто не захочет, а если бы и захотел, то не может обеспечить его действительно; оттого он с презрением и отказывается от филантропии не только «барынь» с их комитетами, но и собственные Шульце-Делические потребительные общества еще во времена Лассаля признал одним самообманом. В вашем же проекте о поддержании семейств потерпевших рабочих агитаторов, представляется худшей из видов филантропии. Вы нанимаете на революцию, а не развиваете внутреннее самосознание и самоуважение. Можете ли вы обеспечить пролетарию средства существования его семейству? Ведь нет? Если можете, значит нечего и о социализме говорить, о классовой борьбе. Возьмите да и обеспечьте, ведь рабочий этого пока и добивается экономически. Если вы толкуете только о тех, что принимают деятельное участие в борьбе и за это «претерпевают» — значит ваше счастье будет заключаться в том, что немногие будут активными и мало будут «претерпевать». Каждый потерпевший будет естественно ложиться бременем на вашем филантропическом бюджете. Оттого-то в Германии и стараются проводить «страхование жизни», болезней, от старости государственным путем, ибо эти вещи не по плечу частной инициативе или филантропии. Я предвижу одно, что вас будет эксплоатировать первый проходимец из «рабочих», два—три бездельника будут удовлетворены, смотря на это, как на заработок от революции, ибо сознательный революционер рабочий, и всякий сознающий свое достоинство настолько щепетилен, что не станет пользоваться пенсиями, набранными по грошам с бедного люда. А если рабочий не сознает этого достоинства — а тогда — чорт ли в нем. Я гроша ломаного не дам не только такому «революционеру», но и за самого

бесстыжего «социалиста». Если же эти средства предполагается собирать не с бедного люда по грошам, а с богатых «бар», тогда нелепость этого плана станет еще нагляднее. Повидимому, вы хотите обратиться к бедным людям, вы хотите чековые книжки, вы хотите собирать и с немцев и с французов, англичан, американцев (пролетарии всех стран — соединяются!). Грустно подумать: каждая страна собирает по крохам для своего дела, а тут приходят русские революционеры и просят от голяков чужой страны — нищенской подачки для России. Просто стыд подумать. Освобождение пролетария — есть дело самого пролетария; освобождение русского рабочего может быть делом самого рабочего. «На чужой каравай рот не разевай, а свой прилагай» — так думали издревле наши старики. И нам не мешает выучить наизусть это мудрое изречение. В общем тенденция деятельности и положения вашего кружка всякому постороннему представится в следующем виде. В то время, как русский народ, буржуазия и пролетариат невежествен, полуголодные массы и русская интеллигенция, все одина ово стонут под игом абсолютизма, полного бесправия, издевательства над человеческим достоинством, когда требуются соединенные усилия всех оппозиционных элементов нашей страны, чтобы расшатать средневековый, варварский порядок,—в это время сходятся где-то заграницей несколько пылких, честных, но незнакомых с жизнью молодых людей, назвали они себя социал-демократами, прочитали теории Маркса и, будучи в яме, подобно метафизику Хемницера, повторяют: «веревка вещь какая?» Есть и другие социал-демократы русские, но они, видите ли, сами по себе. Они недовольны ими, им нужно выдумать что-то особое, особую программу. Все, что думали другие,—вероятно, пустяки, хотя они основательно и не знают, что думали другие, ибо повторяют то и дело, как великие открытия, что давным давно говорили эти другие, и что опыт и время отбросили, как увлечение горячего молодого сердца. Когда все стремится к объединению, к совместной помощи, содействию, они только знать никого не хотят, нужно на весь мир огласить свое обособление, свое «мы сами по себе». Когда кругом люди стремятся сплотиться, поступиться в отвлечениях—лишь бы практически скомбинироваться в заметную силу — два-три человека, не имея ни средств, ни подготовки, взялись за свое специальное дело.

В таком образе действий, простите, заключается разврат, от коего избави бог всякое общественное движение. Вы впали в эту ошибку просто потому, что замкнулись, обособились от всех; побуждаемые честными порывами помощи рабочему люду, вы думали, конечно, что, если вселить уверенность рабочему, что об их семьях позаботятся господа интеллигенты, рабочий будет смелее агитировать и отдаваться движению. Я вполне понимаю и уважаю ваши мотивы, но я ради пользы дела, с товарищеской откровенностью, нарочито ставлю этот вопрос перед вами в самой резкой форме. Дорогие мои! Вы меня лично не знаете, я вас тоже. При этих условиях трудно иногда понять друг друга. Откровенность товарища, симпатия к молодым друзьям, которых считаешь честными, хорошими, с которыми хотелось бы работать, помогать что только можно, от которых хотелось бы пользоваться и поддержкой и помощью — все это может показаться грубостью, насмешкой, высокомерием. Не то было бы, если бы мы были знакомы. Я не боялся бы тогда,

что вы дурно поймете меня и мое настоящее обращение к вам. Заклинаю вас, дорогие товарищи, что мною руководит одно чистое желание помочь вам взглянуть критически на ваши планы; ведь вы изолированы и лишены критических поправок сторонних людей. Пусть же это письмо послужит таким материалом для пересмотра ваших планов. А если вы отнесетесь к моей «резкости» с тем же дружеским чувством, я надеюсь это скорее всего поможет нам ближе подойти друг к другу и теснее сомкнуться в такой важный исторический момент в России. Вы спрашиваете насчет контроля помощи рабочим фондам. Мы не можем понять, в чем заключается этот контроль. Если бы вы хотели иметь орган, где хотели бы довести до сведения жертвователей о поступивших от них суммах и вообще отчет в деятельности этого фонда, мы с удовольствием дадим место в листках. Но контроль? Мы не заведуем ни сбором, ни распределением помощи. Как же вы представляете нам контроль. Как мы будем знать, как употреблены деньги? Как мы, ничего не зная, можем принимать на себя ответственность перед публикой? Ведь для этого, по меньшей мере, нужно более тесное отношение к нам. Между тем, в программе вы заявляете, что ничего общего более со старыми революционерами не имеете. Простите, поздно. Поговорю при случае опять, а теперь, дружище, я знаю, что вы не так сурово смотрите на старых революционеров, как гласит ваша программа. Я крепко верю, что мы были друзьями, а в будущем будем еще большими. Я не могу вам выслать пока . . . ., ибо за безденежьем не могу собрать 5 фунт., меньше коих могарыч не даст нам нужной скидки. Наберу — пошлю. Для митинга посылаю листки к вам, авось купят. Листок выйдет на той неделе. Вы будете фигурировать там. Очень интересный номер. Крепко жму ваши руки.

Примите это письмо, как знак дружеского отношения к вам.

Е. Лазарев.

Печатается по копии в деле департамента полиции, 4-е делопр., 1894 г., № 255, т. I, кружок А. А. Кузнецова, В. И. Юдина и друг., л.л. 75—82 об.

22.

Прокламация нижегородского кружка, распространявшаяся 3 апреля 1896 г.

К РАБОЧИМ ЗАВОДА КУРБАТОВА.

Товарищи!

Один человек—наш механик—осмелился оскорбить целые сотни рабочих.

Нам постоянно не доплачивали нашего жалованья, контора постоянно оставляла у себя в виде залога недельный заработок каждого из нас. Такие действия конторы были незаконны, ибо в законе прямо сказано, что «делать вычеты из жалованья рабочих для образования залога не может быть допускаемо». Но наши хозяева с законом не церемонятся. Русские рабочие не знают, русские рабочие еще не успели соединиться для дружной защиты своих интересов. Механик наш знал, что мы не сумеем ответить дружным отпором на его

новое притеснение, и он приготовил нам к празднику пасхальный подарок. Контора оставляет у нас заработок уж не за страстную только неделю, как это делалось прежде, а еще за пятницу и за субботу шестой недели. Нашим хозяевам нет дела до того, что нам к празднику дорога каждая заработанная нами копейка. Что им за дело? Не на их шкуре отзовется эта нехватка, не им, а нам придется молча проглотить обиду.

Наш механик ошибся только в одном. Оказалось, что даже терпенью многотерпеливого русского рабочего бывает конец. Мы не молчали. Наши депутаты отправились к механику с просьбой переложить гнев на милость, отдать нам наши трудовые гроши. Смиренно сняв шапки и робко прячась за спину друг друга, окружили депутаты механика. Можно было подумать, что мы пришли за подачкой, можно было подумать, что мы просим «на чаек с его милости», а не своих, кровью и потом заработанных денег. Мы просили — и в этом была наша ошибка, мы должны были требовать. Пока рабочие будут просить, ничего, кроме оскорблений, они не получат. Механик сразу увидел, с кем имеет он дело. Наши депутаты, люди, взявшие на себя защиту интересов всех нас, были жестоко оскорблены: их без разговоров выгнали в шею. Наш товарищ Бритов, осмелившийся выразить наше общее желание, потерял место. Товарищи, в лице наших депутатов, в лице нашего товарища Бритова, оскорблены все мы, все мы получили пощечину. Кто виноват в этом? Виноваты мы сами, виновата наша разрозненность, наша неподготовленность к борьбе.

Почему так робко и нерешительно действовали наши депутаты? Почему они просили, а не требовали свои заработанные деньги? Каждый из них боялся попасть в такое же положение, в какое попал товарищ наш, Бритов, каждый боялся потерять место, а с ним вместе кусок хлеба. Если бы мы были соединены, если бы у нас был товарищеский рабочий союз и союзная касса, откуда пострадавший в борьбе товарищ мог бы получить пособие, тогда мы заговорили бы другим языком; тогда наши депутаты не стали бы смиренно просить свои деньги, как милостыни. Нет, тогда они гордо подошли бы к механику и сказали: «Наши товарищи поручили нам передать вам свои требования». Тогда и механик не посмел бы обращаться с нами так, как теперь. Нет, тогда наше слово имело бы вес. Тогда мы не позволили бы уволить товарища за то, что он смелее других отстаивал наши интересы. Тогда бы мы смело, как один человек, могли встать на защиту его и не допустили бы такого позора, что человек, пострадавший за всех нас, остался без куска, покинутый всеми.

Итак, мы видим, товарищи, что наше смирение, наша покорность ведут лишь к тому, что нас перестают считать за людей.

Так пусть же, товарищи, все то, что случилось, послужит нам горьким уроком. Пусть никогда не забудем мы этого урока и приложим все силы, чтобы смыть нанесенное нам оскорбление. Это можно сделать только тогда, когда будем мы силой, а силой мы будем только тогда, когда соединимся в один братский рабочий союз.

Итак, да здравствует «рабочий союз».

Товарищи, наша прямая обязанность оказать помощь нашему товарищу, Бритову, пострадавшему за защиту наших общих интересов, мы обязаны

помогать ему, пока он не найдет себе заработка. Сделаем в его пользу сбор со всей фабрики, так как он пострадал за интересы всех!

Печатается по гектографированному подлиннику (2 с. $24^{1}/_{2}=21$ сант.) в деле департамента полиции, 4-е делопр., 1894 г., № 255, т. I, л. 278.

23.

Из переписки П. Ф. Теплова с женою Л. К. Агринской:

а) Выписка из письма П. Ф. Теплова, от 27 октября 1891 года.

«Народнички» допевают свои лебединые песенки, но какая скука, [illegible]ка слышатся в песенках, тоска без выхода и без надежды на просвет. Новые песни, надо полагать, что скоро запоют. Протопопов [illegible]Лит. оч.» и констатирует это переходное затишье. Старая ниточка потеряна, а новую еще не ухватили, но ищут и скоро ухватят. В головах интелл[игенции] это время разрушения старого строя жизни и вырастания элементов нового отражается так, что прежние народнические и тому подобные идеалы, мировоззрение и способы действий дискредитируются, а новые еще не выяснились как следует. А по сему случаю в головах такой невообразимый сумбур, хаос, что и сам чорт ногу сломает.

Печатается по копии в деле департамента полиции, 3-е делопр., 1890 г., № 440, «О бывшем студенте ново-александрийского института Павле Федорове Теплове, л. 22.— Отправлено из Цюриха, адресовано в Пензу, Среднепешая, 43, Елене Капитоновне Агринской.

б) Выписка из письма П. Ф. Теплова, от 31 октября 1891 года.

На днях в польской рабочей газете появилась записка варшавских рабочников к своим товарищам, которая в нескольких тысячах экземплярах распространена по всей русской Польше. Поводом послужило новое проявление монаршей милости к обездоленному люду Польши, — вновь переработанные правила фабричного законодательства. Еще Гоголь писал, что «пролетарий всегда выше своей сферы лезет». Так и тут: к ним высшее начальство со всем расположением относится, неустанно печется об их благополучии, а они платят черною неблагодарностью. Одно слово пролетарий. Ему есть-то нечего, вот он и фразирует: и восьмичасовой день ему, и свободы всякие предоставь и т. п.

Вот у нас на святой Руси живут, пока бог грехам терпит, да начальство [illegible]ует, дичают, мрут, как мухи, а ведь не привередничают. Только и разговору от него услышишь: «ура», «рад стараться», «не погубите» . . . и уж изредка откуда-нибудь донесется: «караул, грабят». Но и это только когда уже совсем невтерпежь, а отведет душеньку на жиде пархатом, или на оконных стеклах и механических ткацких станках Саввы Морозова, и опять он шелковый, хоть веревки из него вей, гни в три погибели и с него хоть три шкуры подряд сдери ! ! . Вот это я понимаю, это и богу угодно и начальству радостно!

На польский язык переведены две книжки Max Schippel'я. Раз есть на польском, то могли бы быть на русском. Необходимо серьезно заняться изданием переводных сочинений по разным теоретическим вопросам, ведь

публике совершенно нечего в руки взять, везде в журналах и газетах такая пустота, скучища и бестолковость! Народники допевают хриплыми, разбитыми, старческими голосами свою лебединую песнь о том, «как живали в старые годы» . . . и поют, кто в лес, кто по дрова. «Из уст младенцев» изрекаются мысли о переходном времени, о том, что «ниточку потеряли» (например, Протопопов в «Русской Мысли»), да это видно по всему. Новых песен почти не слышно, если не считать отдельных аккордов в общем хаосе «в рот хмельного не берущих», так надо же запевать-то. Пока нет своих запевал, надо пригласить их с запада, а там глядишь и свои подрастут. О, Питер, обрати же свое благосклонное внимание на эту сторону дела. Переводчики, я полагаю, найдутся, стоит только войти в определенные отношения с более приличными издателями; например, у вас с Павленковым и Пантелеевым, а в Москве с Солдатенковым. При этом, конечно, необходимо воспользоваться всеми имеющимися связями с провинцией, чтобы гарантировать сбыт известной части издания. Что касается материала, то его можно указать, спросив у сведущих людей, а сверх того надо познакомиться с тем, что есть на польском языке у нас на Руси. Первое дело — начать, но начать, как следует, а не между делом. Неужели не найдется охотников организовать это в высшей степени полезное и для данного момента страшно необходимое дело? Ведь надо же людям иметь материал для выработки нового мировоззрения. Надо же иметь литературное руководительство в этом трудном процессе. Надо же ознакомить с основными положениями и научить искусству пользоваться ими при оценке частных фактов. Что же делается в этом направлении? . .

Печатается по копии в деле департамента полиции, 3-е делопр., 1891 г., № 937, «О дочери титулярного советника Лидии Капитоновой Агринской, по мужу Тепловой, л. 13.—Отправлено из Fluntern'а (Швейцария), адресовано Л. К. Агринской, Спб., Вас. Остр., 10 линия, 39.

в) Выписка из письма Л. К. Агринской от 11 января 1892 года.

Несколько разнообразно была занята это время. Стараясь в данном вопросе не представлять из себя «астрономов», я говорю: где все те данные, которые указывали бы на приближение катастрофы в данном трактуемом явлении? Факты же, на основании которых можно судить о повышении напряженности психических, физических и иных сил, кажется, или те же для двух рассматриваемых полей зрения, или даже преобладание оказывается на этой стороне. Вот все эти соображения заставляют признать всю свою несостоятельность в этом случае, за недостатком определенных данных, хотя какого-нибудь приблизительного динамометра для измерения этой Energie der Sage, столь свойственной нам—России и где эта единица, в которой выразились бы вышеупомянутые силы?

О себе лично скажу, что совершенно теряешься вступить на столь неопределенную, неясно обозначенную почву, в особенности это чувствуется теперь, когда . . . и т. д.

Печатается по копии в том же деле, л. 34.—Отправлено из Спб., адресовано Herrn Meier, Zürich, Oberstrasse, poste restante.

г) Выписка из письма П. Ф. Теплова от 11 января 1892 года.

Ясно как день, что теперешнее ужасное экономическое положение России, при одной трети буквально голодающей, не с неба свалилось. Целые десятилетия действующая налоговая система выжимала все соки из крестьянской массы, заставляя ее жить впроголодь и не оставляя в руках крестьянина «ни копейки за душой» для улучшения в его хозяйственном обиходе. Платежные силы населения истощены до невозможной степени. А где же выход отсюда? Многие, не задумываясь, скажут: в введении прогрессивного подоходного налога. Но это легче сказать, чем сделать в современной России. Три десятилетия состояли в откармливании на убой нашей буржуазии, теперь на сцену, как знамение времени, выступает «забитое», обиженное сословие наших феодалов. Дело идет не только к уничтожению признаков самоуправления, а главное стремление поставить наше «передовое сословие» во главе угла, восстановить его былое величие.

Печатается по копии в том же деле, л. 37.—Отправлено из Цюриха в Спб., Вас. Остр., 7 линия, 54.

д) Выписка из письма П. Ф. Теплова, от 27 февраля 1892 года.

Зачем это абсолютное молчание, которое создает невыразимо нелепое, мучительное положение напрасного ожидания и полное неведение причины молчания? Я давно уже написал бы тебе, если бы знал, что все обстоит благополучно. Я за последнее время очень настойчиво думал «быть здесь», но я болеее чем уверен, что это невозможно, что твои знакомые встретят меня недружелюбно и, в лучшем случае, посоветуют, не теряя времени, отправиться во-свояси.

Представители рабочих организаций в Швейцарии порешили, что интернациональный рабочий конгресс будет заседать в Цюрихе. Приглашаются представители рабочих организаций всего мира, признающих, что освобождение совершится в форме политической борьбы. Неужели и на этот раз русский рабочий будет блистать отсутствием? Кажется, что нет!

Один из здешних социал-демократов читал два раза рефераты по поводу России. Первый под заглавием: «Ведет ли современное положение России к катастрофе?», при чем ответ был утвердительный. Второй.—«Современное экономическое положение России», и опять получался ответ, что ведет . . .

Большинство русской интеллигенции могло бы позавидовать той ясности и глубине понимания наших общественных отношений данного времени, которые обнаружил никогда не видавший России мелочной торговец.

Печатается по копии в том же деле, л. 39.—Отправлено из Цюриха, адресовано Л. К. Агринской, Спб., Вас. Остр., 9 линия, 22.

е) Выписка из письма П. Ф. Теплова, от 3 апреля 1892 г.

Дело с Зибером снова наводит меня на грустные размышления. Жена Зибера жила в Берне, потом она переехала в Петербург в качестве ассистента у профессора химии в институте Экспериментальной медицины, который месяцев пять тому назад приглашен также из Берна. Тебе можно было бы с нею познакомиться.

Меня огорчили твои рассуждения о новом пути в Индию и т. п. Открывать Америку не требуется и изыскивать новый путь в Индию тоже не нужно,— он уже найден. Вопрос идет только о заведении непосредственных, живых сношений с потребителями, которые бы своими запросами, указаниями и т. п. давали фабрикантам материал для суждения о настроении рынка, о его текущих потребностях, о характере, об образцах требуемого товара и т. п. С другой стороны, вопрос идет о доставлении «возможности» вести, совершенствовать и расширять производство, — это самая жгучая злоба дня.

Твои вопросы: «что, где и как» должны бы быть уже решены дедуктивным путем, по догадке. Я сообщу более определенные, хотя по необходимости общие указания: «Что?» То, что, по моему глубокому убеждению, является необходимостью для данных обстоятельств. Дедукция должна ответить тебе очень многое. «Где?» Здесь. «Как?» Чрез посредство твоего и вашего покорного слуги. Не может быть яснее, проще выражено, чтобы из области простого любопытства перейти в область живого дела. На вопрос: «что?» ты, может быть, получила или скоро получишь частичный общественный ответ. Сообщи, если это случится, т.-е., если на петербургском рынке появятся новые заморские товары новейшей формы. Какое впечатление произвел на чистую публику и на рабочий люд взрыв пироксилиновой сушильни?

Пишет ли тебе Ефим? Каков его адрес? «Новое Время» заговорило о «подоходном налоге». Доблестное дворянство, пользуясь своим теперешним положением «баловня природы», постарается свалить всю тяжесть причитающихся на ее долю налогов на плечи Тита Титыча. А так как Тит Титыч теперь уже очень недоволен полною свободою дворянства от податных тягостей, то можно представить, какие песни он запоет после реформы. Это будет фактор, переводящий нашу буржуазию из центра налево.

Печатается по копии в том же деле, л.л. 42 — 43. — Отправлено из Цюриха, адресовано Л. К. Агринской в Спб., Вас. Остр., 4 линия, 45.

ж) Выписка из письма Л. К. Агринской, от 11 апреля 1892 г.

Что умели раньше, то и делали, как умели. Чтобы сделалось больше, то надо уметь делать. Только из последнего письма, не без удивления, узнаю об отведении роли—не самой существенной, а такой, которая на своих плечах всю пьесу выносит — вся техника! Да? «нашему покорному слуге». А дело, пожалуй, сведется к тому, что забыли российские условия, едва начинающееся развитие, отсутствие организации, определенной связи, а оттого много хотите, многого требуете, а сами мало представляете. Здесь возможны такие факты, что люди дела чувствуют себя в роли обезьяны с чурбаном. Мы сами умеем критиковать и ныть; покажите нам лучше свои положительные стороны, относительно товаров, новых рынков и пр., не в смысле разглагольствований, а в смысле практических данных. Здесь нам недавно сделали предложение, и товары (я не совсем одобряю, хотя публикой требуются и за ценой не стоят) лицом показали; требуется только «возможность» и ничего больше, но мы знаем, что нас не минет, это определенно, это важно.

Печатается по копии в том же деле, л. 46.—Отправлено из Спб., адресовано: Herrn Gattiker, Lehrer, Zürich, Oberstrasse Nelkenstiasse, 3/II.

з) Выписка из письма П. Ф. Теплова, от 14 апреля 1892 г.

Недавно у вас вышла очень хорошая (если только ее уж не слишком изуродовали) книга Ф. А. Ланге, «Рабочий вопрос», на нее стоит обратить возможно большее внимание. Спасибо за «Бережь и труд» и «Активный прогресс и экономический материализм». Ну, а знаменитую книгу Головина «Социализм, как положительное учение» ты не читала? Пиши больше о России, Питере, о том, что вас «волнует, мучит» и т. д. На твой вопрос «оживете ли вы, или нет», скажу, что я и прежде не был особенно мертвым, а теперь . . . теперь боюсь только одного, как бы с ума не сойти от вынужденного бездействия при наличности большого запаса жизнедеятельности.

Нет ничего невероятного, что М. В. приедет в Питер? Он писал об этом.

Ты поставила меня в полнейшее недоумение присланным адресом, который я желал давно и фамилия которого оканчивается на ен, т.-е. К[лассе]н. Кроме того, необходимо, чтобы кто-нибудь из его хороших знакомых написал ему, что если он получит письмо с просьбой отвечать по-моему, известному тебе, адресу, то чтобы он делал это «ничто же сумняшеся» и вообще предупредил его, с кем ему придется познакомиться, иначе ничего не выйдет, так как я для него не более, как уравнение со многими неизвестными. А заграницей вообще очень неохотно знакомятся с темными личностями русского происхождения, и делают это на достаточном основании.

Печатается по копии в том же деле, л. 48.—Отправлено из Цюриха, адресовано Л. К. Агринской, Спб., Лиговская ул., д. 34, кв. 49.

и) Выписка из письма Л. К. Агринской, от 15 апреля 1892 г.

Не могу не пожалеть, что много энергии и времени тратилось на разговоры и мало пользовались случаями для определенных практических указаний, без которых оказываются непонятными требования и предложения обеих сторон. Определили minimum «возможности», с которой можно бы начать оперировать приблизительный период времени (после доставки «возле») и место, где ждать появления, и только ли «возможность» от нас.

Недавно принимали мы здесь гостя из нашего немецкого края, он также знаком хорошо и с юго-западным нашим краем. Сообщил в недолгое здесь пребывание очень много интересного в деле разногласий, сохраняющихся в головах здешних доморощенных представителей. Интересен также взгляд на борьбу классов, один из пунктов столкновений.

Пиши как можно больше о приготовлениях к маниф[естации] 1 мая и о самой, когда будет иметь место. Сейчас же отвечай на первый вопрос. Средина весны, поневоле ликвидируются все дела, приходится помышлять об отъезде, да и куда. Везде гадко и мерзко.

Улица — Heinestrasse, а не Keinestrasse.

Печатается по копии в том же деле, л. 50.—Отправлено из Спб., адресовано: Herrn Gattiker, Zürich, Oberstrasse, Nelkenstrasse, 3/II.

к) Выписка из письма П. Ф. Теплова, от 19 апреля 1892 г.

Сообщи в следующем письме, уведомили ли К — на о желании с ним познакомиться, если нет, то устрой это, пожалуйста. Вы там и не подозре-

ваете, может быть, всей важности могущих быть от этого результатов для обеих сторон. Большое желание выражает с ним повидаться один из тех двух, с которыми, помнишь, я собирался познакомиться при отъезде заграницу.

Теперь мы завели постоянные сношения с одним из петербургских магазинов. Порядочный господин необходим для того, чтобы через него кто-нибудь мог передавать вам наше всенижайшее почтение и «чем богаты, тем и рады».

Печатается по копии в том же деле, л. 53—53 об.—Отправлено из Цюриха, адресовано Л. К. Агринской, Спб., Лиговская ул., 34.

л) Выписка из письма Л. К. Агринской, от 24 апреля 1892 г.

Относительно роли агентов и заказчиков у меня является несколько серьезных вопросов, от которых я пока удержусь. Замечу только, что при наличных условиях заказчик, как таковой, облеченный плотью и кровью и прочими атрибутами, не счел бы удобным явиться на свет божий. Это все опять-таки является для близорукого наблюдателя, для дальнозорких, может быть, по другому.

В адресе прими все так, как там изображено с поправкой, отмеченной в «поступке» 14 апреля (кажется), здесь новая ошибка в окончании была исправлена. А «ужасная прелесть» здесь и оканчивается на ій, и потому и рассуждай! Этот путь знакомства по письмам пока считаю не совсем удобным (они не откровенны в известном смысле, что и похвально); полагала, что можно «сделать возможность» личного знакомства, имея общих знакомых (кажется, да?). Если найдешь невозможным, то скажи, тогда погадаем здесь.

Пиши, дорогой Павлуха, обстоятельно, насколько возможно, как и чем ты занят теперь и в чем успел, об этом я могу строить тоже только априорные заключения. Если ты лишен возможности словесного обмена, то чего же ты там сидишь? Приезжай сюда, и здесь учиться можно.

Не клади письма в слишком маленький конверт; прежде, чем я получаю, он разъезжается и даже не по швам. Не понял вопроса о М. В.?

Печатается по копии в том же деле, л.л. 55—55 об.—Отправлено из Спб. по адресу: Herrn Gattiker, Zürich, Oberstrasse, Nelkenstrasse, 3/II.

м) Выписка из письма П. Ф. Теплова, от 26 апреля 1892 г.

Скажи, приедешь ли сюда? Я не приеду в Россию—боюсь, что мечта может принять другой облик в соприкосновении с действительностью. Получила ли ты мое письмо? Ты как будто отвечаешь не на последнее, а на предпоследнее письмо.

Содержание, тон, форма писем или живых отношений создаются при постоянном участии и как результат взаимодействия обеих сторон. А где же «возможность» и адрес? Я ждал и жду с нетерпением. Ты говоришь, что «они не откровенны», но я не имел нелепого желания вызывать их на заочную откровенность. Мне надо только, чтобы он ответил мне на письмо, в котором я переговорю с ним, где и как удобнее будет увидеться. Так снова прошу, чтобы он немедленно отвечал на письмо, к которому будет приложен мой адрес. Изо всего написанного мною о положении здешней

заводско-фабричной промышленности ты, кажется, составила некоторое понятие о ней, об ее общей постановке, предметах производства, условиях и возможности ее дальнейшего развития и т. п. Ты знаешь, как трудно быть ясным при описании новых форм жизни, как трудно быть надлежаще понятным. Потому избавь меня от труда повторяться моим российским друзьям в самом широком смысле этого слова, поделись с ними сведениями про здешнее житье-бытье, конечно, с теми, для которых это имеет не академический, а жизненный интерес. «Знание без дел» — возмутительно вредно. Фамилия «какого-то профессора» — физиологической химии в институте экспериментальной медицины — Ненской. Это не какой-то, а звезда первой величины.

Печатается по копии в том же деле, л.л. 61—61 об.—Отправлено из Цюриха, адресовано в Спб., Лиговская ул., 34, кв. 49.

Черный передел.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ.

Печатая статью — воспоминание такого ветерана революции, как Лев Григорьевич Дейч, почти полвека стоявшего на передовых позициях в борьбе за интересы трудящихся, одного из самых замечательных участников и деятелей русского революционного движения, организатора группы «Освобождение Труда», мы, однако, должны сказать по поводу нее несколько слов.

При всех своих несомненных достоинствах, интересе, который она возбуждает в читателе, ценных сведениях, которые она дает, например, о жизни и деятельности В. Н. Игнатова, статья содержит некоторые черты, едва ли могущие увеличить ее значение и ценность.

В чем видит т. Дейч недостатки статьи О. В. Аптекмана? К чему сводятся упреки Л. Г. Дейча по адресу своего бывшего товарища?

Во-первых, к тому, что о «Черном Переделе» в статье О. В. Аптекмана будто бы почти ничего не говорится, и, во-вторых, к тому, что в статье О. В. Аптекмана есть ошибки. «Оставляя пока в стороне, — говорит тов. Дейч, — очень странный, чересчур «вычурный» стиль, которым автор написал эту обширную статью, не могу не выразить глубокого сожаления по поводу того, что он и в вопросах, относящихся к «Черному Переделу», сделал много неверных утверждений и ошибок, на которые лишь отчасти укажу. Не могу, поэтому, не выразить своего недоумения по поводу предпосланного В. И. Невским предисловия, в котором мы читаем: «вступительная статья нашего издания есть лучший комментарий к этой переходной эпохе нашего революционного движения».

Прежде всего относительно «многих неверных утверждений». Они, без сомнения, в статье О. В. Аптекмана есть, но такие же неверные утверждения имеются, конечно, и у Л. Г. Дейча. В виде примера можно привести утверждение Л. Г. Дейча, что «Короткевич, кажется, не входил в общество «Земля и Воля».

Не только Аптекман, но В. Н. Фигнер делают противоположное утверждение. Кто прав? Далее, возьмем одно из утверждений О. Аптекмана,

остановивших на себе в особенности внимание Л. Дейча, именно, что выстрел В. И. Засулич не произвел поворота в тактике революционной партии. К чему сводятся утверждения Аптекмана? Он стремится доказать, что «поворот» в тактике начался или, вернее, намечался еще до выстрела В. И. Засулич. Какие факты приводит Аптекман в пользу этого своего утверждения? В числе других он приводит и то соображение, что «дезорганизаторская» деятельность народников началась раньше выстрела Засулич, например, «устранение» предателя (шпиона) Шарашкина. Можно указать еще и другие «дезорганизаторские» акты подобного рода, например, акт, совершенный самим Л. Г. Дейчем над Гориновичем в сентябре 1876 г., затем убийство шпиона Тавлеева в сентябре же 1876 г., убийство Финогенова в Петербурге в июле 1877 г. К этим фактам можно прибавить еще один, именно предложения В. Осинского в январе 1878 г. на заседаниях, где обсуждалась программа общества «Земля и Воля», предложения, которые сводились к признанию необходимости начать политическую борьбу. Тов. Дейч может сказать, что этот последний факт имел место почти одновременно с покушением Засулич. Но акт Дейча против Гориновича, убийство Тавлеева и Финогенова, — эти «дезорганизаторские» акты произошли задолго до выстрела В. Засулич.

А Аптекман только и хочет подчеркнуть, что выстрел Засулич не был поворотом в тактике народников в том смысле, что еще задолго до выстрела такой поворот уже намечался. И он, конечно, прав, тем более, что он вовсе и не отрицает значения героического акта В. Засулич. В другой своей работе Аптекман называет выстрел В. Засулич прологом «к целому ряду крупных революционных актов» (стр. 325 работы Аптекмана «Общество «Земля и Воля» 70-х г.г.» Петр. изд. «Колос» 1924 г.).

Л. Г. Дейч указывает (и совершенно правильно), что нельзя сводить к личным качествам Плеханова и Тихомирова причины раскола «Земли и Воли». Да, правильно, это ненаучно и ничего не объясняет. Но ведь Л. Г. Дейч и сам в своей очень ценной во многих отношениях статье тоже ни слова не говорит о причинах раскола, так что и его самого можно упрекнуть в том же, в чем он упрекает своего бывшего товарища по организации.

Да и не требуется это ни от Л. Г. Дейча, ни от О. В. Аптекмана: их статьи имеют огромную ценность, как воспоминания активных участников революционного движения 70-х г.г., сколько бы ошибок в этих статьях ни было. Историки в свое время исправят их.

К чему же такой тон, который допускает тов. Дейч по отношению к тов. Аптекману, упрекая его, например, в том, что он вступил в свое время в «Народное Право»? Неужели Л. Г. не ясно, что так аргументировать нельзя ни в каком случае и что такие доводы так же мало способны подорвать основательность суждений Аптекмана, как если бы кто-нибудь вздумал оспаривать правильность исторических выводов самого Дейча ссылкой на то, что он отдал предпочтение правому крылу с.-д. перед левым?

Далее, помогает ли хоть на иоту выяснить вопрос о расколе «Земли и Воли» полемический прием т. Дейча о вычурном слоге Аптекмана?

Разве можно серьезный спор о тех или иных вопросах нашего прошлого хотя бы отчасти переводить в плоскость рассуждений о достоинствах и недостатках стиля авторов?

Ведь и по поводу стиля т. Дейча можно было бы сделать не мало весьма суровых критических замечаний.

Но не для упражнения же в стилистике пишут свои воспоминания т.т. Дейч и Аптекман, а в целях дать свидетельства современников о важнейшем периоде развития русского общества. Не ученые трактаты пишут т.т. Дейч и Аптекман, а воспоминания, и ошибки памяти здесь возможны и законны.

Если бы к любому воспоминанию, в том числе и к воспоминаниям тов. Дейча, написать комментарий, то многое из того, что автор любых мемуаров выдает за истину, оказалось бы чарованием красных вымыслов. Но ошибки памяти законны у тов. Дейча, как законны они и у всякого другого мемуариста, а потому мы, не боясь таких ошибок, и печатаем здесь его статью.

В. Невский.

ЧЕРНЫЙ ПЕРЕДЕЛ.

Под этим же заглавием в Госиздате в 1922 г. появилась книга, заключающая в себе перепечатку вышедших в 1880 и 1881-м г.г. пяти номеров газеты «Черный Передел» с обширнейшей вступительной статьей О. Аптекмана. Хотя она также носит заглавие «Черный Передел», но последнему уделено всего на всего 9 — 10 страниц, а остальные девяносто с чем-то посвящены, главным образом, перепечаткам, с некоторыми вариантами, многого из давно напечатанных воспоминаний Аптекмана об обществе «Земля и Воля». Кроме этих обширных перепечаток, — в преобладающем большинстве имеющих только отдаленное, косвенное отношение к выставленному заголовку — «Черный Передел», — в этой статье есть кое-что и «новое»: большое количество страниц посвящено громадному влиянию, будто бы, оказанному Н. Михайловским и, в особенности, Флеровским-Берви на политические взгляды партии «Народная Воля». Не говоря уже про ошибочность вообще этого сообщения, и последнего в частности, по той уже причине, что, например, «Три политические системы» Флеровского, в которых он впервые изложил свои политические взгляды, появились в печати лишь в конце девяностых годов, следовательно, когда от «Народной Воли» остались уже только одни воспоминания, — это «новое» не имеет к тому же никакого отношения даже и к обществу «Земля и Воля», нечего говорить уже про «Черный Передел».

Оставляя пока в стороне очень странный, чересчур вычурный «стиль», которым автор написал эту обширную статью, не могу не выразить глубокого сожаления по поводу того, что он и в вопросах, относящихся непосредственно к «Черному Переделу», сделал много неверных утверждений и ошибок, на которые лишь отчасти укажу ниже. Не могу, поэтому, не выразить своего недоумения по поводу предпосланного В. И. Невским предисловия, в котором мы читаем: «вступительная статья нашего издания есть лучший (? *Л. Д.*) комментарий к этой переходной эпохе нашего революционного движения» (стр. 4).

Из вышесказанного мною ясно, что я диаметрально противоположного о ней мнения. Я нахожу, что она не только не является «лучшим комментарием

рией», но, наоборот, совершенно неудачна и, в виду авторитета, которым у некоторых пользуется О. Аптекман, — она может их сбить с толку, посеять самые ошибочные взгляды на эпоху, предшествовавшую возникновению у нас первой марксистской группы «Освобождение Труда». Я, поэтому, в свою очередь, намерен здесь сообщить о том, какие, действительно, обстоятельства привели к возникновению общества «Черный Передел», почему последний не имел успеха на избранном им пути и к каким это привело последствиям, затем пусть решат читатели, правы ли Аптекман и Невский или я.

I.

Покойный Г. В. Плеханов, слыша заявления некоторых лиц, будто общество «Черный Передел» умерло, не оставив после себя никаких следов, говорил: «это неверно, потому что из этого общества возникла группа «Освобождение Труда», что, во всяком случае, является большим следом, чем тот, который оставили народовольцы». В несколько иных выражениях много лет спустя тот же взгляд высказала в конце своего «Запечатленного Труда» выдающаяся представительница «Исполнительного Комитета Народной Воли» В. Н. Фигнер. Не может не признать этого вообще всякий человек, знакомый с указанной «переходной эпохой нашего революционного движения», — конечно, если он не ослеплен каким-нибудь предвзятым взглядом. Можно с уверенностью сказать, что, не будь «Черного Передела», не возникла бы в начале 80-х г.г. и первая наша марксистская ячейка — группа «Освобождение Труда».

Но и помимо этого несомненного факта, по меньшей мере странно заявление одного из основателей этого общества, будто «раскол» «Земли и Воли» отнюдь не был вызван необходимостью, — что «какие-либо существенные разногласия принципиального и тактического характера на самом деле не вызывали неизбежно этого раскола», будто, далее, «вмешалось много субъективных моментов, начиная с незаметных уязвлений самолюбия и кончая трудно скрываемой личной антипатией . . . исключительно среди редакторской группы» и т. д. [1]).

Эти и аналогичные, в изобилии имеющиеся в названной статье Аптекмана, совершенно неверные утверждения вынуждают и меня сделать небольшую экскурсию в прошлое, предшествовавшее возникновению «Черного Передела».

Как известно из многих упоминаний, в том числе и моих, первые симптомы раскола — не «среди редакционной группы исключительно», как неправильно сообщает Аптекман, а между так называемыми сторонниками «террора» — А. Д. Михайловым, А. Квятковским, Л. Тихомировым и Н. Морозовым, с одной стороны, и М. Поповым, В. Игнатовым, М. Крыловой и Г. Плехановым — с другой, — иначе говоря, между двумя половинами всего наличного состава центра в Петербурге, — возникли в конце марта 1879 г., в связи с предложением приехавшего в столицу Соловьева убить Александра II. До его приезда, насколько помню, никто из лиц, сообщавших устно и в печати о расколе, не упоминал о каких бы

[1]) Цит. статья Аптекмана, стр. 6; разрядка его.

то ни было разногласиях. А из приведенного мною выше перечня членов общества «Земля и Воля» ясно, что на две группы поделились не только члены редакции, но и лица, не входившие в нее.

Что разногласия по этому вопросу обусловливались чрезвычайно серьезными соображениями, в которых не имели никакого места ни «уязвления самолюбия», ни «личные антипатии» и «темпераменты», видно, между прочим, из следующих, отчасти уже известных фактов.

Я, В. И. Засулич, Кравчинский и Стефанович находились в Швейцарии, когда из телеграмм мы узнали о покушении Соловьева на царя. На всех нас, в особенности на Веру Ивановну, о чем подробнее ниже, — это известие произвело ошеломляющее впечатление. Нам решительно не было известно, помогали ли в этом случае члены «Земли и Воли» Соловьеву или нет, но мы находили крайне вредным, чреватым опасностями это покушение и единогласно признали необходимым до последней возможности бороться против повторений этих покушений, как могущих свернуть наше революционное движение с признаваемого нами тогда единственно правильным народнического пути на борьбу за политическую свободу. Мы, поэтому, решили ускорить наше возвращение в Россию, о чем немедленно сообщили в Петербург, но, вследствие того, что Зунделевич, заведывавший, как известно, контрабандной переправой через границу, где-то замешкался, наш отъезд затянулся на некоторое время, и мы попали в Россию лишь после окончания воронежского съезда. Не будь этой случайной задержки, мы, «заграничники», как нас землевольцы тогда называли, несомненно, сразу выступили бы решительными противниками «террористов» и, быть может, финал воронежского съезда был бы иной. Но можно ли предположить, что и к нашему такому же отношению к цареубийству и к борьбе за политическую свободу, какое проявили Плеханов, Игнатов и др., тоже примешивались перечисленные Аптекманом отрицательные черты — «уязвленные самолюбия», «личные антипатии» и т. д., когда до приезда в Россию мы знали лишь немногих из землевольцев, и нам неизвестно было, кто из них придерживается тех или других взглядов на цареубийство? То же самое почти следует сказать и о перечисленных выше, а также и об остальных вошедших в «Черный Передел» лицах: причиной их несогласия были не личные мотивы, а их взгляды, убеждения, относительно целесообразности или, наоборот, нецелесообразности одних и других приемов, фактов и пр. Между тем, как мы видели, Аптекман происшедший в обществе раскол свел исключительно к мелким личным мотивам членов «редакционной группы». Но, бросив это тяжкое обвинение, он, однако, почему-то не назвал имен лиц, явившихся виновниками раскола. Предоставляя другим судить, насколько правилен такой прием, и не сопоставляя этого объяснения происшедшего в «Земле и Воле» раскола с тем, которое тот же Аптекман дал 43 года тому назад, когда в помещенном в № 1-м «Черного Передела» «Письме к бывшим товарищам» он изложил свои взгляды на политику, — я напомню о некоторых фактах, очевидно, за давностью лет, забытых автором сносно написанных когда-то воспоминаний об обществе «Земля и Воля».

Известно, что «народничество», «террор», а также сознание необходимости начать борьбу «за политическую свободу» зародились на юге, среди

действовавших там бунтарских кружков. А так как в те отдаленные времена я тоже принадлежал к бунтарям, и в памяти моей еще удержалось все наиболее существенное, то, полагаю, читатели не посетуют на меня за наивозможно краткий абрис, который я дам возникновению перечисленных мною выше течений в нашем революционном движении 70-х г.г., из-за различного отношения к которым произошли в конце того десятилетия расколы и новые группировки.

* * *

Задолго до того, как на севере, в центральной России и в восточных губерниях социалисты, — путем медленного процесса жизни и размышлений, пришли к выводу о невозможности заниматься пропагандой социализма среди крестьян, давно отказавшиеся от этого южные бунтари то в том, то в другом месте уже стремились вызвать бунты на почве назревших у земледельческого населения нужд, потребностей, понятий. К своим взглядам и задачам бунтари дошли, главным образом, путем непосредственных сношений с крестьянами. Уже в 1875 г. в Киеве положено было основание довольно большому, по тому времени, известному кружку «южных бунтарей» из двадцати с чем-то лиц, в числе которых были такие крупные деятели, как Стефанович, Мокриевич, Фроленко, Костюрин, Чубаров, Засулич, Ковалевская, Коленкина, Анна Макаревич-Кулишева и др. [1]).

Тогда уже у этого кружка, а также у многих других бунтарей — одиночек и у составлявших небольшие группы, — имелась определенно сформулированная, хотя и не занесенная на бумагу, народническая программа, в основу которой были положены все «устои» крестьян, — их взгляды на землю, как на общее достояние всех желающих на ней работать, форма владения ею не подушная, а общинная, мирское управление сельскими делами, выполнение сложных работ артелями и, конечно, полное уничтожение государства, с заменой его снизу вверх сложившимися союзами, федерациями.

Само собою разумеется, что эти воззрения в значительной степени были нами усвоены отчасти из непосредственных бесед некоторых из нас (Мокриевича, Анны Кулишевой) с самим апостолом всеобщего разрушения — М. А. Бакуниным, а также из напечатанных публичных речей его и немногочисленных тогда произведений, как его, так и других провозвестников анархии [2]).

Наряду с отрицанием необходимости какой-либо предварительной подготовки, как научной, так и в усвоении какого-нибудь ремесла, для посвящения себя деятельности среди крестьян, потому что интеллигентная молодежь и без того, мол, много знает, да ей и нечему учить народ, а самой следует у него учиться, — Бакунин, как известно, проповедывал, что забитые, обездоленные русские крестьяне всегда готовы восстать, что они давно уже доказали своими многочисленными восстаниями, в частности — бунтами Стеньки Разина и Пугачева. Поэтому, роль революционеров-

---

[1]) Подробно об этом: «Голос Минувшего» за 1920 — 21 г.г.

[2]) «Речи М. А. Бакунина», его же «Государственность и анархия», «Анархия по Прудону», «Сытые и голодные» и др.

интеллигентов сводилась, главным образом, к выяснению народу таящейся в нем, скрытой, незаметной ему самому огромной силы, в объединении его разрозненных элементов, в подготовке необходимых средств, оружия и пр. Далее, Бакунин утверждал, что доподлинным, народным революционером является разбойник. Поэтому, наш тогда кумир рекомендовал нам сближаться с такими истинными «протестантами» против всякого общественного гнета, что мы при всяком предоставлявшемся случае и делали [1]).

От Бакунина же мы заимствовали вполне отрицательное отношение к политическим свободам, — к «буржуазным конституциям» и парламентаризму, так как все эти формы, не внося никакого облегчения в бедственное положение народа, могут лишь способствовать усилению у нас гнета со стороны высших, привилегированных слоев и привести к созданию значительного буржуазного класса.

На ряду с обращенными к передовой нашей молодежи призывами отправляться немедленно в народ, чтобы побуждать его к бунтам, Бакунин также предлагал нам отвечать на правительственные преследования, — на аресты, заключения в тюрьмах и крепостях, в Сибири, в центральных каторжных тюрьмах, и жестокое обращение с нами, — решительным, активным протестом — вооруженными сопротивлениями при арестах, убийствами наиболее усердных и возмутительных правительственных слуг, освобождениями арестованных товарищей и т. п. Из этой деятельности, названной нами «актами самозащиты», или «дезорганизации правительства», к которой, как я уже сказал, мы, южане, также стали прибегать значительно раньше северян, — возникли «террор» и борьба за добывание политических свобод. Таким образом, основоположник у нас анархии, стремившийся предостеречь Россию от западно-европейских политических форм, своими советами применять самооборону сам же содействовал возникновению у нас нежелательной ему политической борьбы, — такова логика жизни!

Почему же, — спросят, быть может, читатели,—впервые на юге зародились не только упомянутые, но и вообще все почти формы, приемы, задачи революционной деятельности в течение 70-х годов?

Влияла на это совокупность многих местных условий: этнографический состав населения, прошлая история юго-западного края, относительная близость трех университетов, явившихся естественными очагами для размножения оппозиционно настроенной учащейся молодежи, и т. д. Эти разнообразные причины создали особенную, специфически южную революционную атмосферу, которой быстро заражались также лица, временно поселявшиеся на юге,—Вал. Осинский, Софья Лешерн, Павел Орлов и др.

Помню, между прочим, впечатление, произведенное на приехавшего летом 1876 г. в Киев А. Д. Михайлова южными бунтарями: он, видимо, был приятно поражен прямотой их характеров, широтою планов, отвагой, удалью, всегдашней их готовностью на бой и пр.

---

[1]) Между прочим, в недавно опубликованных в Берлине воспоминаниях П. Б. Аксельрода он сообщает, как в 1874 г. он и Е. К. Брешковская отправились разыскивать разбойника, подвизавшегося в Полтавской губ., чтобы привлечь его в свои ряды, но они не нашли его.

Такое же мнение о южанах составил себе и приезжавший к нам вместе с Лизогубом М. Натансон. Тот же взгляд о них высказывал несколько позже Г. В. Плеханов и др.

Я остановился несколько подробнее на южанах потому, что они, как ниже увидим, сыграли значительную роль в распадении общества «Земля и Воля», а также и в постигшей «Черный Передел» участи.

II.

Два крупных революционных факта, произошедшие на протяжении нескольких месяцев — осенью 1877 г. и зимой того же года,—приковали к себе внимание всего нашего передового общества, в особенности — революционного лагеря. Я имею в виду ставшую, после ареста Стефановича, Бохановского и меня, известной затеянную нами тайную организацию среди чигиринских крестьян и затем — произведенный В. И. Засулич выстрел в петербургского градоначальника Трепова. Виновниками этих происшествий были, как известно, члены киевского бунтарского кружка, о котором я уже выше упомянул.

Не буду останавливаться на рассказе о чигиринском деле, так как в изданной Госиздатом книге «Черный Передел» он обстоятельно сделан Я. Стефановичем, хотя кое-что мог бы к нему прибавить и я, но это нас слишком отклонило бы в сторону. Укажу лишь на несколько странную полемику, затеянную теперь, спустя без малого полстолетия, Аптекманом с Кравчинским и отчасти со Стефановичем по этому поводу. Он заявляет: «доведи это дело до конца, т.-е. не провались оно, помимо его (Стефановича. *Л. Д.*) воли, — пред нами разыгралось бы не революционное, а реакционное движение, и ореол царя засиял бы еще с большим блеском в глазах народа, и авторитет его вырос бы в несокрушимую силу, и царизм, одним словом, не пошатнулся бы в его устоях, а, напротив, увековечился бы во славу господа и его царя . . » [1]).

Я, конечно, теперь чрезвычайно далек не только от того, чтобы лично участвовать, — как я это сделал в средине 70-х годов, в таком предприятии, но и от какого-либо одобрения его. Тем не менее, не могу согласиться с приведенным прогнозом уважаемого моего старого сочлена по «Черному Переделу». Как я уже заявил это более 20-ти лет тому назад—осенью 1902 г.— на страницах «Искры» и вновь повторяю теперь, по условиям нашего революционного движения той эпохи, вообще, и нашего бунтарского кружка— в частности, мы не могли не принять участия в произошедших, помимо нашего влияния, волнениях из-за земельных наделов в Чигиринском уезде. А раз приняв в них участие, мы, в виду настроения местных крестьян, не могли иначе действовать, как от имени царя, которого мы представили чигиринским крестьянам, как бессильного, безвольного, ничем не могущего помочь народу и советующего ему, вооружившись, восстать против всех решительно стоящих над ним и угнетающих его слоев, не исключая из них всю царскую фамилию, вместе с наследником. Каким образом, при таком взгляде на все высшие слои, в случае удачи нами затеянного чигиринского заговора, «ореол царя засиял бы еще больше», «авторитет

---

[1]) Цит. статья Аптекмана, стр. 56 — 57.

его вырос бы» и «царизм не пошатнулся бы», — я решительно понять не в состоянии, — да едва ли это ясно самому Аптекману: он, мне кажется, просто отдался на волю выходивших из-под его пера, по обыкновению, красивых, как у Тургеневского Аркадия в «Отцах и Детях», фраз.

Напомню об отношении к чигиринскому делу Плеханова, который, как известно, далеко не являлся его сторонником. Вот что мы читаем в той же книге, в которой Аптекман поместил только что приведенное мною суждение его:

«По нашему мнению, дело это имеет значение, как чрезвычайно важный опыт созидания революционной организации среди народа... оно заслуживает особенного внимания русских социалистов... Беспристрастный читатель вышеприведенного рассказа (Стефановича. *Л. Д.*) согласится, что все стремления интеллигентных участников этого дела были направлены к ослаблению авторитарного принципа и к развитию революционной самодеятельности народа. Они старались убедить крестьян, что царь не в состоянии улучшить их несчастную судьбу, и что им остается положиться лишь на свои собственные силы» (стр. 214 — 215).

Так смотрел Плеханов вскоре после затеянного нами среди чигиринских крестьян заговора. Но, быть может, неосведомленный читатель скажет, что, став марксистом, Георгий Валентинович изменил свой взгляд, и, подобно Аптекману, начал признавать, что в этой нашей попытке «социализма» и «революции» ни одного грана нет, тогда пусть он прочтет заметку Плеханова, помещенную весной 1903 г. в «Искре», в которой он почти буквально повторяет только что приведенный мною отзыв его. Зная, с одной стороны, насколько серьезно Плеханов относился ко всему, что революционно и, наоборот, к тому, что реакционно, помня о том, как беспощаден он был ко всякому оппортунизму, — читатель, полагаю, скорее согласится со взглядом на чигиринское дело Плеханова, чем Аптекмана, далеко не являющегося образчиком ортодоксального марксизма, иначе он не мог бы состоять членом общества «Народное Право», которое, как известно, проповедывало необходимость свернуть социалистическое знамя.

* * *

Если по отношению нашего чигиринского заговора неправилен взгляд Аптекмана, то относительно покушения Засулич он к тому же совершил ряд крупных фактических промахов.

Насколько могу припомнить, до сих пор решительно все без исключения лица, писавшие, а также и устно отзывавшиеся об этом покушении, единогласно признавали, что В. И. Засулич дала новое направление революционной деятельности. Но О. Аптекман и по отношению этого неоспоримого факта должен сказать нечто «свое», т.-е. неверное, противоречащее действительности.

«Никакого «поворота» акт 24 января 1878 г. (выстрел Засулич) не произвел в революционной партии», — пишет наш точный историограф, — «напрасно с ее именем связывается начало террора. Это недоразумение одно... (она) решилась на это случайно и единолично, сама собою, не предвидя этого прежде никогда, сама Засулич» и т. д. (стр. 56 — 57).

В этих утверждениях Аптекмана сплошные ошибки, неверности. Начну с последней, мною подчеркнутой фразы.

Мой уважаемый сочлен, очевидно, целиком поверил судебному процессу и ни о каких других источниках для ознакомления с делом Засулич не знает или забыл о них; в противном случае он не стал бы заявлять в печати, будто Вера Ивановна «решилась на это «случайно», «единолично», «не предвидя этого прежде никогда». Смею уверить его, говоря его словами, что «это недоразумение одно» с его стороны.

Выше я уже сообщил о том, что южные бунтари уже в 1874 г., следовательно, значительно раньше северных народников, которых еще не было, решили применять акты самозащиты и для этого все они — мужчины и женщины — имели при себе всегда заряженные револьверы. Но, до чего далеко от слова к делу, доказательством может отчасти служить тот факт, что до покушения Веры Засулич на Трепова, т.-е. в течение трех с чем-то лет, никто из южан не пустил в ход своего револьвера: этот факт может послужить также О. Аптекману доказательством того, что и северные народники, признававшие в теории «дезорганизацию правительства», могли еще долго не осуществлять ее на практике, не соверши Засулич своего выстрела; следовательно, от ее выстрела ведет свое начало террор.

В действительности вот как произошло это покушение.

Весной 1877 г. Стефанович, я, Вера Засулич и Мария Коленкина отправились из Киева в Петербург. Целью моей и моего друга поездки было — вступление в близкую, федеративную связь с кружком Натансона, — Засулич же и Коленкина ехали с заранее ими принятым решением отомстить следователям по большому процессу (193-х), — жандармскому генералу Слезкину и прокурору Желиховскому, — томившим в течение трех лет в предварительном заключении сотни молодых людей, из которых, как известно, значительное количество поумирало, покончило самоубийством и лишилось рассудка.

Вскоре после приезда в Петербург, Засулич пришлось отправиться, кажется, в Рязанскую губернию, где находилась ее сестра, Екатерина Ивановна Никифорова, муж которой, привлекавшийся, как и Вера Ивановна, по Нечаевскому делу, — обладал довольно значительными средствами. Когда же, находясь в его имении, Засулич узнала из письма друга ее, Коленкиной, о жестокой расправе, произведенной Треповым над Боголюбовым, — она вернулась обратно в Петербург, решив отомстить ему, а Коленкина намеревалась стрелять в Желиховского. Кроме их двоих, знали об их намерении Чубаров и мы со Стефановичем. Догадывался об этом и Осинский. Из названных мною здесь лиц здравствует в Иркутске М. А. Коленкина, которая в тот самый день, когда Засулич отправилась к Трепову (24 января), поехала к прокурору Желиховскому, но он почему-то ее не принял, а затем, после произведенного ее подругой покушения, ей уже невозможно было осуществить своего намерения; но спустя несколько месяцев она при аресте оказала вооруженное сопротивление, за что пошла на каторгу.

Вере Ивановне было известно, что члены северной организации намеревались «дезорганизировать» Трепова. Это обстоятельство задержало выполнение ее решения, но, когда прошло шесть месяцев со времени

расправы с Боголюбовым (13 июля), Вера Ивановна «изверилась», — как она мне и другим своим друзьям сказала, — соберутся ли, наконец, «троглодиты» [1]) отомстить Трепову и не будет ли это произведено до того поздно, что оно потеряет свое общественное значение. Поэтому она 24 января 1878 г. отправилась к градоначальнику.

Из этого моего сообщения, которого, понятно, нельзя было сделать при царском режиме, надеюсь, ясно, насколько не соответствуют действительности заявления моего уважаемого сочлена, будто В. Засулич «решилась случайно», «единолично», «не предвидя этого прежде никогда» и т. д.

Ограниченность места мне не позволяет остановиться на других крупных промахах и неверных утверждениях Аптекмана, — вернусь к ним в другой раз. Здесь повторяю: между тем как до покушения на Трепова только «собирались» заниматься дезорганизацией, после него акты самозащиты стали происходить [2]) один вслед за другим, — в этом, по общему признанию, и заключается положенное Засулич начало террору, произведенный ею «поворот».

Самоотверженный характер выбранного Верой Ивановной способа расправы с Треповым, состоявший в том, что она сама отдала себя добровольно на истязание его прислужников, вызвал у многих из молодежи готовность последовать ее примеру.

«Нам стыдно, — помню, стали после ее выстрела говорить некоторые искренние юноши и девушки, — что мы раньше не могли так, как она, сделать». И, как я уже однажды сообщил, то один, то другой стал предлагать себя для совершения таких актов, от чего нам, «старикам», приходилось некоторых отклонять. Едва ли такое же влияние имела бы подготовлявшаяся попытка расправы с Треповым, задуманная членами Северной организации, с шансами на спасение исполнителей, если бы она состоялась.

Известен финал выстрела Засулич: последовавший за ним непрерывный ряд аналогичных нападений на должностных лиц через год с чем-то привел с неумолимой логикой к выступлению Соловьева против самодержавного царя, являвшегося главным виновником господствовавшего в стране полудеспотического строя, и акты самозащиты или «дезорганизации правительства» превратились в прямую, непосредственную борьбу за завоевание политических свобод.

В виду склада своего ума и характера Вера Засулич отдавалась целиком, беззаветно, с редкой добросовестностью и требовательностью к себе, делу, занятию, профессии, направлению, за которое она бралась или к которому примыкала. Поэтому, как бунтарку, разделявшую вышеизложенные мною взгляды последователей Бакунина, ее в особенно сильной степени встревожило и огорчило произведенное Соловьевым покушение на царя.

И теперь помню, до чего разволновало ее телеграфное об этом сообщение, — словно она узнала о тяжкой болезни или несчастьи, постигшем

---

[1]) Так в те времена мы называли членов «Северной Организации», которых год с чем-то спустя стали называть «землевольцами».

[2]) Даже этот уже давно установленный, несомненный факт современник его, Аптекман, так передает: «конечно, поступок Засулич, как всякий крупный факт, мог вызвать подражание» (стр. 57). Только «мог», а не вызвал в действительности? Какая точность в передаче исторических событий!

наиболее дорогого ей человека, к которому необходимо немедленно устремиться на помощь. Крайне застенчивая и скромная Вера Ивановна с необыкновенным жаром, обычным у нее при возбуждении, стала нам доказывать, что все мы обязаны немедленно ехать обратно в Петербург, чтобы не допустить повторения попытки Соловьева: чутьем она раньше всех нас угадала возможность этого. С трудом удалось, после долгих споров, более спокойным и уравновешенным — Стефановичу и Кравчинскому, убедить ее, чтобы она не предпринимала никаких шагов, пока не спишемся с петербургской организацией.

Приехавший затем за нами Зунделевич подтвердил правильность предположения Веры Ивановны насчет намерения части членов северной организации повторить попытку Соловьева, но в большом масштабе [1]).

В других местах мне пришлос вскользь упоминать о том, что именно мы, «заграничники», нашли в Петербурге после возвращения туда. Но коснулся я этого там, между прочим, в виду тех или иных соображений, для связи [2]). В настоящем же очерке, посвящаемом мною специально «Черному Переделу», считаю необходимым возможно подробнее остановиться на обстоятельствах, предшествовавших его возникновению.

III.

В Петербурге мы застали около двадцати старых, уже знакомых нам, и много новых членов, с которыми нам раньше не случалось встречаться, а также лишь незадолго пред тем вступивших в общество «Земля и Воля». Вот их имена, — мы знали: Баранникова, Зунделевича, А. Квятковского, Крылову, О. Любатович, А. Михайлова, Н. Морозова, Плеханова, Попова, Тищенко и Фроленко; новыми для нас были: Аптекман, Желябов, С. Иванова, В. Игнатов, Николаев, Ошанина, Перовская, Преображенский, Сергеева, Тихомиров и В. Фигнер. Всего 22 человека — почти весь состав «Земли и Воли». С большинством последних мы вскоре познакомились, и у нас установились добрые товарищеские отношения.

Напомню, что «террористы», собравшиеся, как известно, предварительно отдельно в Липецке, и народники, «деревенщики», на воронежском съезде заочно причислили нас, «заграничников», к своим единомышленникам: те и другие рассчитывали, что мы к ним примкнем. Поэтому, мы находились в исключительно благоприятном положении. На нас, в особенности на Стефановича, прославившегося чигиринской затеей, возлагались большие надежды, которых, к сожалению, он не оправдал, о чем подробнее ниже.

То с глазу на глаз, то по несколько человек вместе устраивали с нами как одни, так и другие землевольцы совещания по поводу положения нашего общества и его дальнейшей судьбы. Но чем ближе мы знакомились с настроением тех и других, тем более убеждались в невозможности удержать общество от развала, до того значительны, глубоки были разногласия, разделявшие членов «Земли и Воли».

---

[1]) Между прочим, под влиянием доводов и сообщений Зунделевича, Кравчинский изменил свой взгляд на покушение Соловьева и, вообще, перешел на сторону сторонников цареубийства, — об этом подробнее см. в моей о нем брошюре.

[2]) См. брошюру «Г. В. Плеханов», а также статью «О сближении и разрыве с народовольцами» и др.

Я, поэтому, был крайне поражен, когда прочитал в указанной статье Аптекмана сравнение причин нашего расхождения «с прославленной «сугубой аллилуией» наших раскольников...» (стр. 12). Это — возмутительнейшее издевательство над прошлым погибших товарищей. Но оставим этого неправдивого летописца, забывшего свои собственные взгляды и своих прежних товарищей. Вернемся к лету 1879 г.

Характеризуя в немногих словах сущность споров, следует сказать, что они сводились к вопросу, — надо ли продолжать «облаву на Сашку», как промеж себя мы величали Александра II. Помню, в начале августа — в самый разгар этих споров, — телеграф принес известие, что в Одессе: Чубаров, Лизогуб и Давиденко, а в Николаеве: Виттенберг и Логовенко были казнены. Это сообщение произвело сильнейшее на всех впечатление, но сколь различно реагировали на него одни и другие: между тем как мы, «деревенщики» — и я в том числе — доказывали, что надо совершенно открыто, в печати отказаться от «дезорганизаторской деятельности», так как нам невозможно меряться силами с правительством, и оно всех нас перевешает, — другие, наоборот, утверждали, что только путем цареубийства мы добьемся изменений существующего жестокого режима. Поэтому, они решительно настаивали на сосредоточении всего внимания, всех сил и средств на подготовках покушений на «Сашку». К деятельности же в народе некоторые сторонники цареубийства в это время относились не только вполне отрицательно, — несмотря на принятое на воронежском съезде решение, по которому ей отводилось равное место с «облавой на Сашку», — но прямо крайне враждебно, — как к дорогостоющей, пустой, никому ненужной забаве, как к переливанию из пустого в порожнее. В связи со многими другими обстоятельствами, это отношение «террористов» к той самой работе в народе, которая еще так недавно считалась наиболее необходимой, чуть ли не священнодействием, понятно, чрезвычайно оскорбляло и возмущало «деревенщиков».

Они, вообще, чувствовали себя обиженными, как бы угнетенными террористами, которые, действительно, имели вид несколько высокомерный, — словно ими уже что-то большое, крупное сделано, между тем, как потом оказалось, они лишь подготовляли тогда по пути царя из Ливадии в нескольких местах «облаву» на него. «Деревенщики» же ничего не готовили, у них не было никаких ни планов, ни надежд. Поэтому, у некоторых, еще не разочаровавшихся в народной деятельности, — у Гартмана, Софьи Перовской, — естественно возникли сомнения, можно ли рассчитывать на что-нибудь серьезное в крестьянстве.

Известно, что все делавшиеся в этом направлении попытки, устроенные землевольцами в некоторых губерниях поселения были к тому времени частью разгромлены, частью заблаговременно покинуты находившимися там «деревенщиками». К тому же, в том именно году введен был институт урядников, делавший еще более прежнего затруднительными поселения в народе. Но, даже допуская, что, благодаря счастливой случайности, в том или другом месте можно было бы усесться более или менее прочно, все же задавались вопросами: что же дальше? Как достигнуть осуществления наших стремлений? Каким образом возникнут организованные нами бунты? и т. д.

На эти и на аналогичные вопросы некоторые, наиболее искренно преданные народничеству члены «Земли и Воли» настойчиво требовали немедленного от нас, «стариков-ветеранов» 24 — 25 лет, ясного и определенного ответа.

Однажды, помню, я застал за такой именно беседой Веру Николаевну Фигнер со Стефановичем. Незадолго перед тем вернулась она с сестрой, Евгенией Николаевной, из поселения, откуда, насколько помню, вынесла далеко не отрадные впечатления. Ей очень хотелось продолжать работу среди крестьян, но она не видела возможности осуществить это, так как из личного опыта убедилась в затруднительности жить там.

Те же желания и вместе те же сомнения и колебания были еще у некоторых. Помню также задушевные беседы на ту же тему с Перовской, Татьяной Лебедевой: им тяжело было отказываться от того, что в течение многих предшествовавших лет они считали единственно желательным. Поэтому, как известно, Софья Львовна заявила нам, «деревенщикам», что принципиально она с нами, но временно, пока не удастся убить царя, будет помогать в этом террористам. Никакого политического содержания она не вкладывала в этот акт, не говорила, как другие, что путем цареубийства можно добиться свобод. Она признавала необходимым отомстить Александру за все то зло, которое он причинил народу и, в частности, ее товарищам-социалистам. Только этот мотив выставляла она. Какую глубокую ненависть питала она к «царю-освободителю», я убедился после упомянутого мною выше известия о казни пяти товарищей в Одессе и Николаеве. Как раз в тот день я зашел к ней. Она была ужасно расстроена, и первый вопрос, с которым она ко мне обратилась, был: «что, по вашему мнению, нужно предпринять?» Я стал доказывать, что казней мы не в состоянии остановить нашими террористическими актами, что, наоборот, этим способом мы только увеличим их число, вызовем еще большую разнузданность и ожесточение со стороны правительства, что нам необходимо вернуться к нашей основной задаче — к организации народных бунтов.

Перовская с видимым неудовольствием слушала эти мои доводы: они шли в полный разрез с ее чувствами, настроением. Она не могла примириться с мыслью, что казни наших товарищей могут быть нами оставлены без отомщения. Поэтому, помню, она с волнением в голосе повторяла: «нет, я не согласна с вами, — нельзя работать в народе, пока жив царь, его нужно убить, и он будет убит».

Раньше я не представлял себе, чтобы в душе этой, вообще гуманной, слабенькой на вид, с умными, симпатичными чертами девушки таилось столько злобы и ненависти даже к всесильному деспоту, угнетавшему многомиллионный народ.

* * *

Мы, «деревенщики», иначе относились к окружавшей нас действительности, чем террористы, иначе воспринимали многие происходившие факты, мы различно понимали и толковали их, разно чувствовали и реагировали на многое. Хотя преобладающее большинство из нас и из них обсуждали возникшие между нами разногласия без малейшего раздражения, вполне по-товарищески, тем не менее мы мало, если не сказать — совсем не пони-

мали друг друга, словно изъяснялись на чуждых нам языках. И это произошло так быстро, в столь незначительный промежуток времени.

Всего за год перед тем, до нашего отъезда в предыдущем году у нас был полный контакт, — члены «Земли и Воли» представляли столь тесную, дружескую семью, какой редко является даже связанное узами кровного родства многочисленное семейство. Никаких прений, ни малейших разногласий не было и в помине. Приятно было видеть вместе членов этого общества. Между тем каждый из них представлял нечто своеобразное, оригинальное.

Хотя Засулич, Стефанович и я формально не числились членами общества, от чего мы сами отказались, в виду задуманной нами поездки за границу, но мы самым тесным образом были уже связаны с землевольцами, — знали о всех их предприятиях, о положении дел, взаимных отношениях, сообща вырабатывали некоторые планы и пр. Находясь за границей, мы из переписки с ними знали в общих чертах о наиболее крупных происшествиях и фактах, и нам никак не могло притти на ум, что по возвращении всего через 10—11 месяцев мы застанем столь резкую перемену, такой развал.

То, что мы нашли, очутившись вновь в Петербурге, нас огорошило, ошеломило, но не повергло ни в отчаяние, ни в уныние. Мы были молоды, бодры, способны к деятельности. На нас, к тому же, как я уже сказал, обе стороны возлагали надежды, что мы внесем нечто, сгладим возникшие разногласия, примирим всех. Но это были тщетные надежды: никакие мудрецы не были бы в состоянии соединить несоединимое, уничтожить то, что создали крупные общественные события и факты. Террор, вообще, а в частности — цареубийство, которым целиком была поглощена целая половина землевольцев [1]), как я уже сказал, мы, заграничники, считали вредным приемом борьбы, грозившим погубить все наше революционное движение. Между тем, в народничество, в возможность создать среди крестьян революционную организацию мы еще продолжали верить, нисколько тогда не разочаровались в этом. Нам, поэтому, естественно было стать на сторону тех из землевольцев, которых приверженцы террора окрестили названием «деревенщиков» [2]). Затем, мы также вскоре убедились в том, что лучше мирно разойтись, чем оставаться в одной организации, при резко разделявших всех членов воззрениях, стремлениях, чувствах. В высшей степени, поэтому, странно было читать следующее в статье Аптекмана:

«Ни тогда, ни сейчас, 43 г. спустя, я не могу себе с достаточной ясностью выяснить [3]) ближайшие мотивы этого отнюдь не неизбежного раскола... Кто собственно обострил отношения — террористы ли (и кто именно) или деревенщики (и опять таки: кто именно), мне не удалось и тогда установить, а сейчас это тем более трудно» (90).

---

[1]) Баранников, Желябов, Зунделевич, О. Любатович, Ал. Михайлов, Н. Морозов, М. Ошанина, Сергеева, Тихомиров, В. Фигнер и Фроленко.

[2]) Аптекман, Игнатов, Короткевич, Крылова, Николаев, Плеханов, Попов, Преображенский, Тищенко, Харизоменов, Хотинский. Ошибочно Аптекман в своей статье сообщает, будто Хотинский во время раскола был «уже за границей» (стр. 91): он уехал туда больше года спустя, значительно позже всех нас, — в самом конце 1880 г., если не в начале 1881 г.

[3]) Разрядка моя. Л. Д.

Как видит читатель, Аптекман не может объяснить себе этого факта без виновника: он не сомневается в том, что такой преступный член был, ему лишь «не удалось тогда, а сейчас тем более установить» его личность. Это очень напоминает воззрение нашей до-революционной администрации, всегда искавшей «зачинщика» всякой смуты. Между тем, казалось бы, Аптекману не трудно было догадаться, что, раз ни «тогда», ни в течение истекших 43 лет ему «не удалось установить виновника», то это «с ясностью выясняет», что такового не было.

Скажу в свою очередь, что тогда, как и теперь, 44 года спустя, взвешивая все обстоятельства и уже зная, к чему привел раскол общества «Земля и Воля», я, тем не менее, нахожу, что он был неизбежен, к тому же вполне целесообразен, но подробно об этом ниже.

Остановлюсь несколько дольше на лицах, составивших «Черный Передел», но предварительно скажу об отношении к ним Аптекмана.

Назвав 14 членов «Земли и Воли», вошедших в партию «Народная Воля», он с присущим ему пафосом восклицает:

«И что за красочные, сильные индивидуальности. Трибун и организатор А. Желябов, заговорщики - организаторы, как А. Д. Михайлов, М. Н. Ошанина, В. Н. Фигнер, С. Л. Перовская и др. Все — смелые, стойкие, сильные волей, самоотверженные. Железо и кремень, бесстрашие и беспощадность в борьбе. Лучшие силы тогдашней революционной среды, отбор самых испытанных» (стр. 7).

Красиво пишет Аптекман, — что твой Державин! Только один небольшой у него дефект: отдаваясь потоку охватывающего его вдохновения, он забывает меру, а потому грешит против истории, истины.

В «тогдашней революционной среде» названные им пять лиц не являлись исключительными революционерами, а потому их нельзя назвать «лучшими силами», «отбором самых испытанных». Это — преувеличение: очень немногие члены даже нашей революционной среды знали хотя бы по именам, например, Ошанину и В. Фигнер; несколько больше были известны Перовская и Желябов, как бывшие «чайковцы», привлекавшиеся по процессу 193-х, но не игравшие на нем ни первых, ни вторых ролей. Только впоследствии, после дела 1 марта, эти два лица приобрели общую известность; Михайлов позже стал известен, а В. Фигнер только с 1883 г. приобрела широкую известность. Между тем, увлекшись своим красноречием, наш летописец совершенно забыл про бывших землевольцев, вошедших в «Черный Передел», которые также являлись «стойкими, самоотверженными» и пр., к тому же, — если уже ссылаться на «революционную среду», — всеми признавались уже тогда, при распадении «Земли и Воли», «лучшими силами», «отбором самых испытанных». Я имею в виду приобревшую всемирную известность В. И. Засулич и прославившихся в нашей революционной среде Стефановича и Плеханова. Почему наш мемуарист обошел молчанием этих членов «Черного Передела», — мне непонятно.

Между прочим: хотя Аптекман примкнул к «староверам-народникам», но во вступительной своей статье, — посвященной, правда, только по заглавию «Черному Переделу», — он, при упоминании о «террористах», всегда приходит в пафос и начинает выражаться высоким стилем; в то же время

без всякой видимой причины «брюзжит» на своих бывших сочленов. Так, он восклицает:

«Террористы, сорганизовавшись уже на липецком съезде и освободившись 15 августа 1879 г., после неудачной попытки к единению на воронежском съезде, от докучливого товарищеского брюзжания (? *Л. Д.*) некоторой части староверов-народников, двинулись вперед с высоко поднятой головой, как народовольцы. Они выступили решительно с победным общим лозунгом: «Delenda est Carthago» («Да погибнет Карфаген») и конкретным грозным кличем бессмертного Вольтера: «Ecrasez l'infame» («Задушите подлую») по адресу Александра II» (стр. 7).

Кроме склонности к «высокому штилю», это произведение Аптекмана отличается еще богатством пословиц, поговорок и т. п. на разных языках, что еще более украшает и без того красивую статью.

* * *

Нисколько не преувеличивая личных качеств, достоинств и заслуг бывших землевольцев, вступивших, после раскола, в «Черный Передел», но не считая также справедливым умалять их, скажу, что в целом они ничем не уступали в то время своим товарищам, основавшим так называемую партию «Народная Воля». Ни способностями, ни преданностью, самоотверженностью, стойкостью и пр. большинство деревенщиков ничуть не стояло ниже террористов: только задачи, цели, которые поставили себе чернопередельцы, а также внешние обстоятельства и случайно постигший большинство из них скоро арест были причинами того, что они не приобрели впоследствии громкой известности. Но и это не совсем точно, так как Плеханов, Засулич и Аксельрод, как известно, заняли впоследствии видное положение во II Интернационале.

Наиболее даровитым человеком из всех двенадцати землевольцев [1]), примкнувших к «Черному Переделу», являлся, конечно, Плеханов. Немногое сообщу здесь о нем, так как мне уже отчасти пришлось в других очерках касаться этого периода его жизни.

Теперь, в «Черном Переделе», Георгию Валентиновичу предстояло широкое и вполне независимое поле деятельности: ему нечего было уже опасаться каких-либо значительных разногласий ни среди редакционной коллегии, ни с остальными членами организации; он мог спокойно развивать свои взгляды, так как в состав редакции «Черного Передела», кроме него, были выбраны: Аксельрод, Стефанович, Аптекман и я, — лица, являвшиеся пол-

---

[1]) Вот их имена: Аптекман, Дейч, Засулич, Игнатов, Крылова, Николаев, Плеханов, Преображенский, Стефанович, Тищенко, Харизоменов, Хотинский. Короткевич, кажется, не входил в «З. и В».

Аптекман в своей вступительной статье ошибочно сообщает, будто бы Аксельрод, вместе со мною, Засулич и Стефановичем был на воронежском съезде заочно избран в число членов «З. и В.». Также неверно его заявление, что Аксельрод приехал из заграницы уже незадолго до выхода «Черного Передела»: он из Одессы приехал поздно, а из заграницы вернулся до покушения Соловьева, т. е. значительно раньше. Вообще, на счет зачислений в состав членов той или иной организации у Аптекмана немало ошибок: Гартман, Жарков и Переплетчиков не входили в «Черный Передел», Н. Тютчев не состоял членом «Земли и Воли»; между тем действительно входивших в нее Бердникова и Ольгу Люботович он не упомянул. Подобных ошибок немало

ными его единомышленниками, между тем как в «Земле и Воле» соредакторами были Тихомиров и Морозов, с которыми, как известно, у Георгия Валентиновича были крупные разногласия, приведшие к расколу.

Уже в виду одного этого, конечно, несомненно, очень важного обстоятельства, Плеханов должен был воспрянуть духом. И он, действительно, чувствовал себя прекрасно, оказавшись в дружеской, связанной полным единством среде. Он впервые явился главным, если не сказать — единственным идейным руководителем вновь возникшей народнической организации, так как, в сущности, ни Аксельрод, проведший перед этим более трех лет в эмиграции и бывший малоподготовленным по экономическим вопросам нашей страны, ни Аптекман, тогда впервые только вступавший на литературное поприще, ни, в особенности, я со Стефановичем не могли, понятно, быть причислены к «теоретикам». Наши имена были пропечатаны в объявлении о возникновении «Черного Передела» исключительно в виду приобретенной нами известности в качестве участников Чигиринского заговора, чтобы, таким образом, сразу указать революционному лагерю, какого направления будет придерживаться новая организация. Тем не менее, все же следует признаться, что состав редакции «Черного Передела», если не превосходил литературными силами, то ни в каком случае и не уступал вновь возникшему органу террористов — «Народной Воле», которая, в сущности, с самого начала держалась на одном Тихомирове, так как выбранный вместе с ним Морозов вышел из редакции при составлении первого же номера, потому что предложенная им программа не была никем, кроме жены его, одобрена.

Неужели правильно, — приняв во внимание одни лишь эти несомненные факты, — утверждать, будто народовольцы «двинулись вперед с высоко поднятой головой», а, мол, чернопередельцы были чуть ли не quantité negligeable? Нет, повторяю, в действительности, было совсем не так.

Уже тогда Плеханов был очень популярен не только в революционной среде, как выдающийся оратор и теоретик, выступавший с речами на казанской демонстрации и на многочисленных собраниях во время споров, происходивших между бунтарями и лавристами, но и среди рабочих, в кружках которых он занимался более трех лет. Между землевольцами, вошедшими в состав «Народной Воли», не было ни единого, который мог тогда пойти в сравнение с Плехановым.

Имя Аксельрода, как старого бакуниста, автора многих статей в подпольной, эмигрантской, а также и в легальной периодической прессе, было также известно не только интеллигентным революционерам, но и многим рабочим, чему доказательством может отчасти служить полученное им еще в предшествовавшем году от организаторов «Северно-Русского Рабочего Союза» предложение приехать в Петербург для редактирования предпринятой этим союзом рабочей газеты [1]). Значительной его популярностью следует также объяснить тот успех, который имела его деятельность как в Одессе, так и в Петербурге, где в короткое время ему удалось создать несколько кружков не только среди интеллигентной молодежи, но и рабочих, о чем подробнее сообщу ниже.

---

[1]) См. мою статью о Викторе Обнорском в «Пролетарской Революции», № 3-й.

Присоединение Веры Ивановны Засулич к «Черному Переделу» сразу подняло на большую высоту эту организацию. Помню, как мне лично приходилось тогда слышать даже от самих народовольцев признания, что «в отношении знаменитостей» они, конечно, не могут с нами равняться. На молодежь, для которой имя Веры Ивановны было синонимом всего наилучшего, произвело очень благоприятное впечатление то, что эта самоотверженная девушка, «героиня», которой, казалось бы, следовало примкнуть к террористам, наоборот, вступила в народническую организацию.

Присоединение Стефановича к чернопередельцам, — в виду упрочившейся за ним популярности, как выдающегося организатора крестьян, — также имело в глазах многих революционеров большое значение и в сильной степени подняло фонды новой организации.

Но, кроме названных мною лиц, из числа землевольцев, вступивших в «Черный Передел», было еще несколько крупных членов, не уступавших ни в чем тем, которые примкнули к «Народной Воли», хотя имена их менее или вовсе не прославлялись в истории нашего революционного движения. Сообщу все, что могу припомнить, о бывших землевольцах, ставших чернопередельцами, придерживаясь алфавитного порядка их фамилий, а не мест, занятых ими в нашем движении.

IV.

С Аптекманом я познакомился уже после произошедшего распадения «З. и В.». Без всяких преувеличений я должен сказать, что как на меня, так и на моих друзей — Засулич и Стефановича — он сразу произвел самое лучшее, обаятельное впечатление.

Маленького роста, худощавый, с огромным выпуклым лбом, задумчивыми глазами и бледным цветом лица, он напоминал проповедника. Это был добрый товарищ, с одинаковой любовью и уважением относившийся решительно ко всем землевольцам, будь то деревенщик или террорист. Те же чувства питали и к нему решительно все, как деревенщики, так и террористы.

Аптекман был не только симпатичным человеком, но и заслуженным, крупным революционером, в течение нескольких лет уже работавшим в народе, среди крестьян, по преимуществу.

Будучи студентом последнего (или предпоследнего) курса медико-хирургической академии, он бросил ученье, «сжег за собою корабли», чтобы целиком посвятить себя делу освобождения угнетенных масс: он отправился «в народ», который полюбил безгранично. Из него вышел хороший проповедник социализма. С евангелием в руках, он своими пылкими речами производил большое впечатление на крестьян. Когда же пропаганда отвлеченного, утопического социализма сменилась народничеством и поселениями среди крестьян, Аптекман занял должность фельдшера и, работая в этом звании, пользовался расположением местного населения. Благодаря любовному его отношению ко всем людям вообще, а к больным, страждущим и обездоленным — в особенности, Аптекману легко удавалось внушать к себе доверие. Он всецело посвящал себя интересам окружавших его крестьян, которым отдавал все свое время, знания, а главное — свою отзывчивость и искренно любящую всех душу.

Среди обездоленных крестьян, никогда раньше не видевших такого к себе отношения со стороны должностного человека, Аптекман, проявлявший искреннюю готовность на всякие жертвы, лишения и страдания, приобрел большую популярность. Ничто, казалось, не в силах было отклонить его от избранного им рода деятельности: он целиком посвящал себя одной цели — помочь несчастным вечным труженикам выбиться из тяжелой, каторжной их жизни на широкую вольную дорогу.

Эту плодотворную деятельность, длившуюся довольно долго для того жестокого времени, Аптекману пришлось, скрепя сердце, оставить и приехать в Петербург. Там, к крайнему своему изумлению и огорчению, он застал полный разлад среди недавно еще бывшей тесной, дружной товарищеской семьи, которую он любил со всей присущей ему тогда нежностью. Это обстоятельство повергло его чуть не в отчаяние, и некоторые из нас серьезно опасались за психическое его состояние. Он метался от одних к другим, расспрашивал то деревенщиков, то террористов о причинах, приведших к расколу; затем, ориентировавшись в происшедшем, целиком примкнул к нам, чернопередельцам, чему все были чрезвычайно рады, так как в его лице наша организация приобретала крупного члена: умный, довольно начитанный, с достаточным опытом, обладавший прекрасными душевными свойствами Аптекман, которому тогда было уже под 30 лет, являлся бы чрезвычайно ценным человеком в организации, которая состояла бы из самых выдающихся, отборнейших лиц. И, как я уже упомянул, он, действительно, сразу выбран был единогласно в редакционную коллегию, хотя раньше не подвизался на литературном поприще. Что наш выбор был удачен, Аптекман подтвердил своей первой статьей, написанной им для № 1-го «Черного Передела», озаглавленной «Письмо к бывшим товарищам».

Эта статья произвела на всех нас наилучшее впечатление: по адресу ее автора раздавались самые лестные эпитеты и предсказания. Помню, некоторые говорили, что из Аптекмана может современем выйти второй Белинский [1]). Несмотря на то, что в этой статье Аптекман критиковал, — правда, дружески, мягко, — террористов, — их приемы, стремления, теоретические взгляды, — даже они сами, помню, хорошо отнеслись к ней. Теперь она целиком напечатана в той же книге, в которой помещена его неверная, несправедливая, нехорошая вступительная статья. В своем «Письме» он не заявлял и не мог тогда заявлять, как он делает во вступительной статье, будто все разногласия произошли из-за того, «что не поладили между собою прежде всего члены редакционной группы «Земли и Воли» из-за «сугубой аллилуии», которая потом ввела в соблазн и остальных товарищей по «Земле и Воле», порешивших с болью в сердце «разбрестись врозь» . . . (стр. 15). Там, в «Письме», он вполне правильно указывает на глубокие, принципиальные разногласия, разделявшие нас. Пусть читатель, в частности, В. И. Невский, сравнит эти два различные произведения того же автора, и я уверен, что он, подобно мне, будет изумляться, до чего резко, очевидно, изменился сам Аптекман, раз он мог написать такую воз-

---

[1]) Это, если не ошибаюсь, приводит в недавно вышедших в Берлине воспоминаниях П. Б. Аксельрод, — у меня нет их под рукой.

мутительно несправедливую статью. Но довольно о нем. Перейду по порядку к себе.

* * *

Выше мне уже пришлось сообщить о том, как мы, заграничники, отнеслись к покушению Соловьева, а также к произошедшим среди землевольцев разногласиям. Повторяю, что, по моему глубокому тогда убеждению, террор и вообще борьба за политическую свободу совершенно противоречили нашим народническим взглядам. Поэтому, помню, когда, тотчас по приезде из-за границы, нас собралось человек 15 или больше единомышленников в Лесном для обсуждения каких-то практических вопросов, я вдруг выступил с пламенной речью в доказательство правильности наших взглядов и, наоборот, ошибочности стремлений террористов. Я, вероятно, надолго отвлек этим внимание товарищей от делового разговора, потому что мой друг, вообще, как известно, не особенно любивший теоретизирования, наконец прервал меня громогласным заявлением, что собравшиеся вовсе не нуждаются в моей пропаганде, так как уже распропагандированы, и, обратившись к последним, как бы в оправдание меня, сказал: «Это он за границей поупражнялся в красноречии».

Раздавшийся смех со стороны некоторых, несмотря на то, что я еще не знал всех присутствовавших, мало или вовсе не смутил меня, потому что, насколько помню, я, вообще, не принадлежал к числу конфузившихся и часто срывался или врывался не совсем кстати: ведь мне было тогда всего 22 — 23 года, да и темперамент, как известно, получается по наследству.

Если не ошибаюсь, это первое мое выступление, кажется понравилось Плеханову и кое-кому из остальных. Отчасти вероятно поэтому, когда затем возник вопрос, кого отправить в другие города для пропаганды среди молодежи — «Жоржа» или «Евгения» (т.-е. Плеханова или меня), то большинство высказалось за меня: товарищи руководствовались при этом, конечно, не моим «превосходством в красноречии», а моей большей умеренностью, миролюбием, так как наша организация решила проявлять наивозможно меньшую враждебность к народовольцам. Относительно же Плеханова многие опасались, что он может «сорваться». Ниже я сообщу, насколько было ошибочно это решение, пока же замечу, что не будь того моего неуместного разглагольствования, едва ли кому-либо пришло бы в голову дать мне эту «командировку», которая много пользы принесла мне.

Подобно Аптекману, я также с одинаковой симпатией относился как к моим единомышленникам — деревенщикам, так и к террористам, среди которых у меня было столько же, если не больше, добрых товарищей, сколько и среди первых. Ограничусь пока этими строками о себе и остановлюсь несколько подробнее на В. Н. Игнатове, как в виду его участия впоследствии в основании группы «Освобождение Труда», так, в особенности, потому, что о нем до последнего времени ничего не сообщалось в печати [1]).

Ни своей внешностью, ни чертами лица обыкновенного русского интеллигента Василий Николаевич Игнатов не обращал на себя внимания.

---

[1]) См. мои о нем воспоминания в № 9 (21) «Пролетарской Революции».

К тому же, в виду свойственной ему скромности, а, вероятно, и застенчивости, он на собраниях деревенщиков, на которых мы с ним впервые познакомились, избегал вступать в общие беседы, происходившие тогда у нас, как известно, без председателей. Только в исключительных случаях заявлял он о своем присутствии, да и то лишь каким-нибудь отрывочным, лаконичным замечанием. Этими свойствами его характера, да отчасти, вероятно, и рано благоприобретенным им тяжким недугом, сведшим его вскоре в могилу, следует, мне кажется, объяснить, что этот хороший, искренний, безгранично преданный народным интересам человек остался совершенно неизвестным даже самым близким его товарищам, членам одних с ним организаций — «Земли и Воли», «Черного Передела» и группы «Освобождение Труда». Уже одна принадлежность его к этим организациям, — независимо от личных его свойств и заслуг, — полагаю, обязывает уделить ему большее внимание, чем мы это до сих пор делали.

Упомянутая выше командировка для проявления мною в соответствующей обстановке моего «красноречия», как острил мой друг, Стефанович, послужила, между прочим, поводом к моему сближению с этим замкнутым человеком. Отсылая интересующихся подробностями к указанным в выноске моим воспоминаниям об Игнатове, скажу здесь, что, познакомившись с ним, узнав его прошлое, а также его взгляды и отношение как к общим нашим задачам и стремлениям, так и к товарищам, нельзя было не проникнуться к нему глубоким расположением и уважением. Сообщу сперва кое-что о его происхождении.

Он был сыном довольно богатого купца уездного города Белева и, по окончании гимназии, поступил в Медико-Хирургическую Академию. Находясь в Петербурге, Игнатов встретился с революционерами, после чего беззаветно увлекся их взглядами и стремлениями. Подобно родственному ему по характеру Лизогубу, Игнатов, тоже располагавший материальными средствами, — хотя далеко не столь значительными, как тот, считал для себя обязательным довести до минимума свои потребности, чтобы как можно больше уделять общему делу. Последствием его самоограничения и была болезнь легких.

Чрезвычайно любознательный, довольно начитанный, с своеобразным складом ума, Игнатов, как и Лизогуб, выделялся больше своими моральными, душевными свойствами. Если бы Степняку пришлось охарактеризовать Игнатова одним словом, — подобно тому, как Лизогуба, — он, вероятно, назвал бы и его — «святым». А я назову его — честным, справедливым, что далеко не так часто встречается даже среди лучших, избраннейших людей.

Чрезвычайно правдивый, прямой, искренний Игнатов совершенно не допускал ни малейшей неправды, в особенности во взаимных отношениях между товарищами. У него был, — если можно так выразиться, — культ товарищества. Глубоко привязанный к своему брату и сестрам, которых Василий Николаевич чрезвычайно любил, он, мне кажется, с неменьшей теплотой и сердечностью относился также и к своим товарищам по организации. Легко, поэтому, себе представить неимоверное огорчение, которое он испытывал, когда узнал, что кое-кто из членов «Земли и Воли», примкнувших к фракции «террористов», допускал некоторые не совсем благовидные

поступки по отношению деревенщиков. Никакие доводы и объяснения требованиями «конспирации» не могли уже примирить Игнатова с лицами, дозволившими себе неправду по отношению товарищей: они навсегда, бесповоротно лишались его доверия, а вместе с этим — его уважения и симпатии.

Началось это со времени неоднократно уже упомянутых мною споров, произошедших среди находившихся в Петербурге членов «Земли и Воли» по поводу допущения или, наоборот, воспрепятствования намерению Соловьева произвести на царя покушение. Морозов, Ал. Михайлов, Зунделевич, Квятковский и Тихомиров заявили противникам этого плана, будто бы Соловьев бесповоротно решил осуществить свое намерение и никакими доводами нельзя его от этого отклонить. Тем не менее Плеханов, Игнатов и Попов настаивали на том, чтобы названные сторонники этого покушения предоставили им возможность лично побеседовать с Соловьевым, но те под разными предлогами отказались это допустить. Тогда у Плеханова и его товарищей естественно явилось подозрение, что им говорят неправду [1]).

Игнатов, как известно, вовсе не входил в «редакционную группу», тем не менее, после Соловьевского покушения, он, а также Попов и Крылова, о которых сообщу ниже, явились, если не бо́льшими, то и не менее ярыми противниками этого предприятия, чем член редакции Плеханов. Забегая вперед, напомню, что Георгий Валентинович, несколько лет спустя, готов был соединиться с народовольцами, Игнатов же до самой смерти продолжал относиться к ним с недоверием [2]).

Начавши с неправды по поводу будто бы принятого Соловьевым бесповоротного решения, те же лица пошли еще дальше по этому пути: они затем, внутри «Земли и Воли», втайне от деревенщиков, основали тайное же общество — «Свобода или Смерть» [3]), о чем каким-то образом узнал или только догадался Игнатов, и возмущению его не было границ. Вот откуда, а не «из-за сугубой аллилуйи» среди редакционной группы, пошло расхождение между членами «Земли и Воли».

Чистый и справедливый Василий Николаевич Игнатов не мог, как я уже упомянул, простить даже «лучшим силам тогдашней революционной среды», «отбору самых испытанных», «железу и кремню», их поведения с товарищами. Был ли он прав? Для меня это вне всяких сомнений, так как иначе немыслима никакая совместная деятельность. Но даже при ином на этот вопрос ответе, мне кажется, Игнатов, как моральный тип, в достаточной степени определяется приведенными мною выше фактами.

По воззрениям Василий Николаевич являлся одним из наиболее непоколебимо твердых народников, убеждения которых сложились на основании добросовестного изучения как соответствующей литературы о России, так и политической экономии. Будучи еще народником, он основательно проштудировал классиков, в том числе и «Капитал» Маркса.

Но, не будучи чужд теоретических вопросов, Игнатов обладал большими данными для практической деятельности. Сужу по тому, как он

---

[1]) Как увидит читатель ниже, это подозрение недавно подтвердил бывший участник этого совещания, известный в свое время выдающийся террорист А. Зунделевич.

[2]) См. мою статью «О сближении и разрыве с народовольцами», «Пролетарская Революция», № 8 (20).

[3]) См. В. Фигнер, «Запечатленный Труд», т. I.

серьезно вникал, детально разбирал всякое предложение, план. Присущая ему скромность и застенчивость, вероятно, были, главным образом, причинами того, что сам он не являлся инициатором, но он отличался большой отзывчивостью и верным чутьем ко всему, что так или иначе касалось успеха того направления, к которому он примыкал.

Я дал далеко не полную характеристику этого очень ценного члена как «Черного Передела», так потом группы «Освобождение Труда». Прибавлю еще, что такие безупречные лица имели в наших кружках большое моральное значение.

V.

Среди немалого числа мне известных выдающихся русских женщин, Марья Константиновна Крылова занимала особенное положение: она являлась олицетворением или воплощением долга, — конечно, перед трудящимся, страдающим русским народом.

В течение всей своей довольно продолжительной сознательной жизни Крылова исполняла возложенную ею самою на себя миссию — неизменно служить народу всем, чем она в состоянии. Чтобы наилучшим образом осуществить это, она с юных лет самым строгим образом соблюдала выработанные ею для себя правила жизни, поведения: не расходовать на себя, на удовлетворение всех своих потребностей больше наивозможного минимума, — лишь бы как-нибудь существовать, питаться, одеваться и пр. Затем, она должна пользоваться только добываемыми собственным трудом средствами. Поэтому, в какой бы нужде ни находилась Крылова, она никогда не соглашалась принимать малейшую от других материальную поддержку, но в то же время сама немедленно спешила притти на помощь каждому, лишь только доходило до нее известие о затруднительном положении другого.

Далее, взявшись за какую-нибудь обязанность, работу, Мария Константиновна исполняла ее с изумительной добросовестностью: вкладывала в нее всю свою душу, ум, знания и способности. В списке лиц, отличавшихся в ту отдаленную эпоху подобными же свойствами, она должна быть поставлена в первом ряду, так как в этом отношении было немного лиц, которые могли с нею сравниться.

К тому же Крылова имела более длинный, чем кто-либо другой из тогдашних революционеров, стаж: она привлекалась еще по каракозовскому делу (1866 г.). И с той отдаленной поры до самой смерти, постигшей ее во время мировой войны, Крылова никогда не изменяла усвоенным ею полвека перед тем заветам, как «возвратить долг народу».

Брала на себя Мария Константиновна всегда наиболее тяжелую ответственную обязанность, сопряженную с чрезвычайным ограничением ее свободы и времени, к тому же связанную с огромным риском, а именно устроительницы тайной, подпольной типографии в Петербурге, под самым носом страшного тогда 3-го отделения. При этом она являлась одновременно образцовой хозяйкой квартиры, в которой помещалась типография, распорядительницей, распределявшей поступавшие рукописи между двумя помощниками, наилучшей наборщицей и самым строгим, но справедливым «цензором».

Чтобы вполне основательно изучить типографское дело, Крылова еще в конце 60-х годов или в самом начале 70-х, отправилась в Женеву, где поступила в устроенную эмигрантами небольшую русскую наборню. В течение года, не признавая ни воскресных, ни праздничных дней, не заводя никаких знакомств, с раннего утра до позднего вечернего часа, тут же за работой закусывая принесенную с собой сухую пищу, М. К. не отходила от наборных касс и печатных станков, пока не изучила всего в совершенстве.

Она похудела, еле держалась на ногах от истощения, тем не менее не соглашалась, несмотря на настоятельные просьбы товарищей, ни на отдых, ни на сокращение своего длинного рабочего дня. Это же беспримерное усердие Крылова проявляла во всем, за что принималась, до самой смерти.

* * *

Я с нею познакомился зимой 1875 г. у В. И. Засулич, являвшейся ее землячкой; они, кажется, также вместе учились в Москве. Крылова была на несколько лет старше Веры Ивановны, и, когда мы познакомились, ей было уже за 30 лет, поэтому, среди нас, киевских бунтарей, она являлась самой старой как по летам, так и по революционному прошлому.

Выше среднего роста, худощавая, с землисто-бледным цветом кожи, серьезным, строгим взглядом, всегда очень скромно одетая в черном, Мария Константиновна напоминала монашку. Отчасти поэтому, но также и вследствие того, что она никогда не вступала в супружескую связь, к тому же называлась Марией, кто-то, кажется, еще до знакомства с нами, — назвал ее «богородицей», и эта кличка до того к ней пристала, что решительно все мы (заглазно, конечно), так ее величали.

Не только своей семьи, но и сколько-нибудь близких людей не было тогда у Крыловой. Даже с Верой Ивановной у нее не было дружбы, — их связывало больше давнее знакомство.

Мария Константиновна имела чересчур строгий вид, совершенно не подходивший к веселому именинному или к сопряженному с подобным торжеством настроению «забубенной» компании южных бунтарей. К ней как-то боязно было подступить, подойти. Собираясь вечерами вместе, мы любили попить, попеть, пошутить и посмеяться. Во всем этом «богородица», конечно, не принимала ни малейшего участия. Сидя молча в стороне, она, не помню как других, но меня чрезвычайно конфузила: я читал в ее глазах упрек: «собираетесь народ взбунтовать, а на что тратите свое время, а, главное, пóтом и кровью его заработанные им денежки. Не стыдно вам?» А так как, по молодости лет (мне шел всего 20-й год), я сам склонен был считать предосудительным такое времяпрепровождение, то присутствие ее меня очень тяготило, то же, помнится, испытывали еще некоторые.

Не знаю, каких она тогда придерживалась воззрений; но со строгим выражением ее глаз и лица никак не вязалось представление, чтобы она могла разделять наши отчаянные планы, к тому же, как известно, построенные на мистификации, на ложном царском манифесте, при посредстве которого мы собирались взбунтовать крестьян (Чигиринского уезда), — народ, благу которого она обрекла себя всецело, безраздельно.

Не помню, тогда ли уже от хорошо знавшей Крылову Веры Засулич, или позже — я получил некоторые сведения о происхождении, прежней жизни, характере и воззрениях Марии Константиновны.

Уроженка, как и сестры Засулич, Смоленской губ. и, если не ошибаюсь, того же, как они, Гжатского уезда, Крылова родилась в начале 40-х годов в семье бедного чиновника (а не помещика, как сообщает Е. К. Брешковская в своих о ней воспоминаниях). Получив, как и сестры Засулич, воспитание в каком-то частном пансионе в Москве, Мария Константиновна была, по окончании его, захвачена движением «нигилистов» 60-х годов и на всю свою дальнейшую жизнь осталась неизменной поборницей просветительной проповеди наших знаменитых критиков и публицистов того замечательного десятилетия. Крылова рано стала ярой сторонницей свободной, самостоятельной жизни женщин, входила в разные устраивавшиеся тогда передовой молодежью ассоциации, швейные, переплетные и другие мастерские, организовавшиеся по рецепту Чернышевского, изложенному в знаменитом его романе «Что делать». Мария Константиновна тоже состояла членом каких-то «коммун», и, конечно, подобно Вере Павловне Лопуховой-Кирсановой, мечтала о создании «фаланстеров». Когда же, после выстрела Каракозова в «царя-освободителя», произведенного им 4 апреля 1866 г., Муравьев-вешатель стал огнем и мечом истреблять «нигилистов», Крылова тоже подверглась какому-то, повидимому, незначительному, наказанию. Но, отделавшись от него, она не последовала примеру сотен, если не тысяч, тогдашних передовых женщин и мужчин, скоро отказавшихся от «увлечений молодости», от «разных нелепых утопий и бредней»: Мария Константиновна была одной из очень немногих, которых можно по пальцам перечесть, оставшихся до глубокой старости неизменно верными усвоенным ими в юности стремлениям, не «поумневшими».

Стойкость и преданность, которые она проявляла всюду, куда ни забрасывала ее судьба, внушали окружавшим ее, — к какому бы направлению они ни принадлежали, — глубокое почтение и благоговение к ней, как к изумительно искренней, твердой, последовательной женщине.

Мария Константиновна не обладала никакими яркими, блестящими, бросавшимися в глаза дарованиями. Она не обладала красноречием и не занималась проповедью морали. Но достаточно было видеть ее и узнать непреклонный ее характер, ее отношение ко взятым на себя обязанностям, чтобы ее пример, без слов, подействовал самым благотворным образом на других.

После моего с нею знакомства в Киеве я в течение 3 — 4 лет не встречал ее: она работала в подпольной «Вольной русской типографии», возникшей в Петербурге, где я, бывая ежегодно, все же не мог ее видеть, потому что, согласно ею же установленным правилам, — она не выходила из дому без крайней нужды, а к ней дозволено было являться только тому единственному лицу, которое связывало типографию с редакцией и с центром. Только благодаря строгому соблюдению установленных ею, сообща с представителями организаций, как мы шутили, «драконовских законов», удавалось в течение нескольких лет охранять типографию от неимоверно энергичных розысков ее жандармами. Сам царь требовал, чтобы непременно был найден вольный станок, существовавший в столице, несмотря на имевшиеся там 3-е отделение и легионы шпиков.

В виду этого, тайной и явной полицией были предприяты энергичнейшие розыски, тем не менее ей все же не удавалось открыть «Вольную типографию», переименованную в конце 1878 г. в «Типографию Земли и Воли». И это, благодаря почти исключительно режиму, за строгим исполнением которого следил наш «Цербер», в лице Марии Константиновны. Так эта типография при ней и не была открыта, — только впоследствии, когда она перешла к народовольцам, о чем сообщу ниже, полиция напала на ее след и арестовала ее.

Если читатель вспомнит, какое колоссальное значение имели в те отдаленные времена прокламации, листки и газеты, выходившие из этой подпольной типографии, если он представит себе, каким самообладанием, выдержкой и самоотречением нужно было обладать, чтобы в течение не месяцев, а лет добровольно обречь себя на своего рода тюремное или монастырское заключение, — он, полагаю, согласится со мною, что уже за одно это имя Марии Константиновны Крыловой должно быть поставлено на ряду с другими нашими выдающимися женщинами-героинями, и что крайне несправедливо поступил О. Аптекман, хорошо знающий о крупных заслугах Марии Константиновны, но тем не менее лишь вскользь, мимоходом упомянувший о ней.

Сказанным мною выше далеко не исчерпывается роль Крыловой в нашем движении: она не только была бесподобной организаторшей и вместе наилучшей работницей типографии, — она в то же время являлась также наиболее строгим охранителем проводимых в рукописях, отдаваемых ей для напечатания, принципов и взглядов, которых придерживалась существовавшая тогда организация, — общество «Земля и Воля».

Раньше чем самой взяться за набор полученной от посредника рукописи или передать ее одному из двух своих товарищей-помощников, Мария Константиновна внимательно ее штудировала, стараясь убедиться, нет ли в ней каких-нибудь изъянов, промахов, «ереси». Если она находила что-либо подобное, то возвращала рукопись для исправления или вовсе отказывалась ее набирать, когда признавала ее противоречащей основным народническим взглядам.

При спешности писания, а также, в большинстве случаев, тяжелых условиях жизни наших нелегальных писателей, часто не уверенных в том, проведут ли они ближайшую ночь на воле, а не в тюрьме, промахи являлись неизбежными в их произведениях, и указания строгого «цензора» бывали нередко вполне уместны, и тогда мир быстро устанавливался. Но случалось, правда, очень редко, — что Крылова решительно отказывалась отпечатать какую-нибудь статью. Такой конфликт вызвал составленный Н. Морозовым «Листок Земли и Воли», в котором автор, — если память мне не изменяет, — впервые изложил своеобразный взгляд на террор, как на революционный способ, устраняющий необходимость привлечения к борьбе за новый строй рабочих трудящихся масс.

Хорошо разбиравшаяся в тогдашних наших теориях Мария Константиновна, кажется, нашла доводы Морозова набором неосновательных фраз, к тому же противоречащих нашим взглядам, с чем вполне согласился Плеханов. Она также высказалась решительно против стремлений возникшей в обществе «Земля и Воля» террористической фракции сосредоточить главное

внимание на цареубийстве. Вместе с Плехановым, Поповым и Игнатовым, Крылова являлась пламенной защитницей революционного народничества.

Вскоре после произведенного Соловьевым покушения на царя, Мария Константиновна решительно отказалась печатать произведения Тихомирова и Морозова, — газета «Земля и Воля» с весны 1879 г. перестала выходить, прекратившись на № 5-м. Так как типография более не функционировала, то Крылова была свободна; поэтому, когда мы вернулись из-за границы, она часто появлялась на общих собраниях, где мы вновь встречались.

Из всех деревенщиков Мария Константиновна являлась наиболее непреклонной, неумолимой противницей цареубийства. Она, как говорится, рвала и метала против террористов, которых считала виновниками возникших в обществе «Земля и Воля» разногласий, последствия которых ей представлялись ужасными.

Ниже мне еще придется сообщить о роли Крыловой в «Черном Переделе»; теперь перейду к следующему по порядку землевольцу, вошедшему в нашу организацию.

* * *

Немногое могу я сообщить о Николаеве, кличка которого была «Егорыч», так как мне мало пришлось встречаться с ним.

Небольшого роста, широкоплечий, с светло-русой бородой лопатой, лет 30-ти, он напоминал лабазника, прасола. В действительности же, в течение нескольких лет пред тем, Николаев был народным учителем в какой-то великорусской деревне. Помню, как в одну из наших первых с ним встреч, кажется, у Плеханова, Георгий Валентинович, относившийся, повидимому, к нему с добродушной иронией, сказал:

«Расскажи-ка, Егорыч, Евгению [1]), как крестьяне тебя попрекали, что ты зря получаешь огромное жалованье».

В ответ на это Николаев недовольным тоном произнес отказ, что Плеханов тут же мне объяснил «конфузливостью» Егорыча предо мною, «заграничником». Когда же, несмотря на уговоры Георгия Валентиновича — в роде: «спой, светик, не стыдись», — Егорыч все же не согласился, Плеханов сказал: «ну, так я сам расскажу, и выйдет куда хуже!» — Затем, очень юмористично передал, как «обчество», срядившись платить Николаеву за обучение ребят 8 р. в месяц, находило его труд не стоящим таких огромных денег. То тот, то другой крестьянин при встречах корил «Егорыча», что задаром ему такую «уйму» денег платят. «Нешто это работа ребят учить? — говорили они ему, — одно баловство! Сколько нашему брату надо напахать, накосить, чтоб такую прорву денег заработать! Зря на тебя деньги изводим!»

Слушая эту передачу Плеханова, Егорыч заливался веселым смехом. Напомню, между прочим, что о Николаеве же Георгий Валентинович с сарказмом сообщал, как на воронежском съезде Егорыч, не разбиравшийся в происходивших спорах, все повторял: «вали валом попрежнему», т.-е. чтобы оставалось все без изменений.

---

[1]) Моя революционная кличка.

Славный товарищ, относившийся с одинаковой симпатией ко всем бывшим землевольцам, Николаев не питал никакого интереса к теоретическим вопросам. Это был очень преданный народным интересам человек, подвижной, деятельный, охотно исполнявший доступную ему функцию, но малоодаренный и малоразвитый. О дальнейшей его судьбе, после осуждения его на житье в Сибирь, мне ничего неизвестно, слыхал, что он умер, но когда и где, не удалось узнать.

VI.

К наиболее выдающимся, если не к самым крупным после Плеханова, землевольцам, ставшим чернопередельцами, бесспорно надо причислить Михаила Родионовича Попова, впоследствии, как известно, попавшего на 20 с чем-то лет в Шлиссельбургскую крепость.

С ним я познакомился в один из предшествовавших моих приездов в Петербург, — еще весной 1877 г. Уже тогда он выделялся своей большой энергией, трудоспособностью, инициативностью, и с каждым годом его дарования развивались, а вместе с этим увеличивались его вес и значение в организации.

Попов не был теоретиком, он также не проявлял большой склонности к чтению, но, будучи студентом одного из последних курсов медико-хирургической академии и отличаясь большими природными способностями, он настолько быстро умел ориентироваться, так скоро схватывал всякий вопрос, что производил впечатление образованного, развитого человека. Тянуло его исключительно к практической деятельности, и в этой сфере он стоял в передовых рядах.

Примкнув к обществу «Земля и Воля» вскоре после его возникновения, Попов, на-ряду с Плехановым, явился наиболее горячим и последовательным народником. Сообща с другими товарищами, он под разными видами исколесил значительные районы центральной и восточной России в поисках наиболее удобных мест для устройства поселений, но, вследствие разных непредвиденных обстоятельств, всегда случалось так, что из этих его попыток ничего не выходило, и никаких сколько-нибудь конкретных результатов его, в сложности, довольно продолжительное пребывание среди народа не дало.

Попов привлекал к себе молодежь и очень благообразной своей внешностью: выше среднего роста, с правильными чертами лица, довольно значительных размеров темно-русой бородой, серыми живыми глазами и хорошим лбом, Родионыч, как мы его звали, нисколько не напоминал семинариста, сына дьякона, — он скорее походил на воспитанника военно-учебного заведения, так как имел прямую осанку и твердую поступь. Да и в характере его были черты, встречавшиеся чаще у «благородных», у дворян, чем у лиц духовного сословия: он отличался большой смелостью, жаждой сильных ощущений, любил жизнь и был скорее эпикурейцем, чем аскетом.

Не довольствуясь деятельностью среди крестьян в деревнях и селах, затем среди молодежи, во время непродолжительных своих посещений — преимущественно зимой — крупных центров, Попов являлся также одним из наиболее активных пропагандистов и агитаторов между рабочими. Его «занятия с рабочими», как мы тогда выражались, были довольно успешны, —

не столько вследствие имевшейся у него для этого подготовки, сколько в виду его уменья подойти к трудящемуся люду.

Он принимал самое деятельное участие в знаменитых, происходивших на некоторых заводах в Петербурге, стачках в конце 70-х годов, описанных Плехановым в его «Воспоминаниях». По словам Георгия Валентиновича, Родионыч был изумительно изобретателен относительно всевозможных приемов для возбуждения стойкости, упорства среди забастовавших рабочих, с одной стороны, и для добывания средств у общества и молодежи для бастующих — с другой.

Когда после покушения Веры Засулич на Трепова пошла полоса актов самозащиты, Попова также потянуло к «дезорганизации правительства». Он участвовал в затевавшемся весной 1878 г. насильственном освобождении осужденного на каторгу Мышкина, а когда это намерение оказалось невозможным осуществить, он выразил желание присоединиться к группе лиц, задавшихся целью отбить вооруженной силой от жандармов Войнаральского, при перевозке его в центральную каторжную тюрьму, но и к этой, окончившейся, как известно, крайне неудачно, попытке Попову не удалось почему-то примкнуть [1]).

В феврале следующего года Попов принял участие в убийстве в Москве предателя — рабочего Рейнштейна. Насколько мне известно, это был единственный «террористический акт», в котором М. Р. участвовал, а потому совершенно неверно заявление С. Сватикова, будто Попов «принял участие в ряде (?) террористических актов того времени».

Два месяца спустя после участия в убийстве Рейнштейна, Попов крайне отрицательно отнесся к намерению Соловьева застрелить царя: «раз среди нас возможны Каракозовы, — сказал он товарищам, одобрявшим это намерение, — то завтра может явиться и Комиссаров, который пожелает предупредить царя». В ответ на это его друг А. Квятковский воскликнул: «Если ты явишься этим Комиссаровым, я тебя застрелю!»

Однако, несмотря на, казалось, вполне непримиримое свое отношение к цареубийству, Попов на воронежском съезде не поддержал Плеханова, а согласился на оппортунистическое предложение, предоставившее равное право террору с деятельностью среди крестьян. С. Сватиков объясняет это тем, что, во-первых, из партии навсегда ушли бы наиболее энергичные люди, такие, как А. Д. Михайлов, А. И. Желябов, М. Н. Оловенникова, А. И. Зунделевич и др.... Во-вторых, правая сторона принимала во внима-

---

[1]) Восторженный биограф Попова — С. Сватиков по этому поводу сообщает следующее: «Участвовать в этом нападении ему не пришлось, так как Фроленко, незадолго перед тем освободивший из киевской тюрьмы Дейча, Стефановича и Бохановского, поручил ему отвезти первых двух в Петербург. М. Р. проводил киевских беглецов до Петербурга, где сдал их Зунделевичу, позаботившемуся отправить их далее, за границу» (см. «Галлерею шлиссельбургских узников», стр. 158). Все это неверно: мы втроем сами доехали до Петербурга, о чем подробно мною сообщено в очерке «4 побега».

Неверно также его сообщение, будто осенью 1876 г. «прибыл в Петербург Стефанович, с целью добыть оружие для подготовлявшегося им крестьянского восстания в Чигиринском у.». Как я уже выше сообщил, мы с ним, а также В. Засулич и М. Коленкина отправились не осенью 1876 г., а весной 1877 г., и не для «добывания оружия», а для вступления с северной организацией в федеративную связь. Вообще, в этом биографическом очерке не мало неточностей.

ние, что в данный момент... «деревенщики» бессильны создать в деревне что-нибудь крупное» (160 — 161).

Это объяснение совершенно неверно, так как, вскоре после этого съезда, Попов же явился вновь, на-ряду с Плехановым, ярым противником террора, что, как мы знаем, привело к распадению общества «Земля и Воля». О действительной причине этого непостоянства Попова скажу ниже. Теперь перейду к остальным землевольцам, вошедшим в «Черный Передел».

* * *

Г. Преображенского, которому, кажется, в виду некоторых внешних его черт, а также избранного им факультета, дали кличку «юрист», я имел возможность узнать лишь немного: в течение довольно долгого времени после нашего приезда в Петербург его там не было, затем, появившись на очень короткое время, он, как метеор, вновь исчез; поэтому, подобно двум-трем другим землевольцам и некоторым из примкнувших к «Черному Переделу» новым лицам, Преображенский также мог бы остаться мне совершенно неизвестным, если бы не случайные обстоятельства, — мои поездки в Москву, давшие мне возможность часто видеть его там.

Несмотря на протекшие с тех пор 44 года, образ этого выдающегося чернопередельца, как живой, стоит теперь перед моими глазами, вызывая во мне чувства грусти и жалости, в виду ранней его гибели, а также злобы и негодования против того жестокого режима, который беспощадно «косил все живое, все честное». Рядом с Георгием Преображенским в моей памяти воскресает образ другого, также в цвете лет и сил погибшего выдающегося деятеля, одного из крупнейших революционеров той эпохи, незабвенного Валериана Осинского, которого я довольно хорошо знал, что легко удавалось, так как достаточно было нескольких с ним встреч, чтобы узнать и полюбить его.

Почти то же самое могу сказать и о «юристе»: после двух-трех свиданий с ним наедине и встреч среди других, казалось, что давно уже знаком с ним, знаешь наиболее яркие, выпуклые черты его характера, свойства его ума, способности, дарования, — до того он был открыт, симпатичен и привлекателен. В этом отношении он мне напоминает славного Валериана Осинского, с которым у него, — мне, по крайней мере, так кажется, — было много общего: столь же, как тот, «юрист» был подвижен, предприимчив, инициативен, всюду быстро поспевал, так же умел благотворно влиять на молодежь, из всего умел извлекать пользу для дела, вносить жизнь, движение и возбуждение даже в самую сонную, застоявшуюся среду. Преображенский являлся прекрасным для того времени агитатором не только среди молодежи и общества, но и рабочих.

Между тем, к прискорбию для него и для всего нашего революционного движения, он, подобно другим деятелям, в виду господствовавших тогда народнических воззрений, должен был устремиться не в ту среду, в которой, благодаря присущим им способностям, он мог бы принести огромную пользу, а туда, куда требовала наша программа. Известно, что, в качестве народников-бунтарей, мы отводили второстепенное, если не сказать — третьестепенное значение деятельности среди рабочих, так как считали ее — в виду незначительного развития у нас капитализма, а, следовательно,

и ничтожного количества пролетариата — непроизводительной затратой наших усилий, хотя в действительности было обратно: несмотря на малое внимание, обращаемое нами тогда на рабочих, в их среде наша проповедь имела неизмеримо бо́льший успех, чем какой получался от всех наших неимоверных усилий, сопряженных с огромными жертвами, подвинуть крестьян на восстания.

Словом, не по вине Преображенского и подобных ему прирожденных агитаторов ему пришлось подвизаться лишь среди молодежи и общества. Работал он исключительно в Москве, где имел относительно довольно большой успех, в чем я непосредственно убедился, бывая там в течение ноября и декабря месяцев: благодаря ему, там возникли кружки чернопередельцев в трех высших местных учебных заведениях: в университете, Петровско-Разумовской академии и в Техническом училище. В числе членов этих кружков было несколько довольно крупных лиц: Ю. Бунин и Мартынов (в университете), Анземиров, Малышев (в Петровской академии), Ефрон (в Техническом училище).

Из этого ясно, насколько прав наш «Летописец», который, перечислив Плеханова, Аптекмана, Николаева, Преображенского, Попова и Щедрина, как лиц, «ведших, до выхода еще газеты «Черный Передел», энергичную пропаганду среди молодежи», заявляет, будто они «убедились вскоре, что молодежь отходит от них все больше и больше» (стр. 94).

Это далеко не верно, как по отношению Петербурга, где Аксельроду удалось создать довольно значительный кружок, о чем сообщу подробно ниже, так и относительно Москвы. Между тем, по словам Аптекмана: «и в Петербурге и в Москве, и в Харькове и проч., где пытались работать чернопередельцы — везде одно и то же: безуспешность работы» (стр. 95).

Из привлеченных Преображенским, а также Аксельродом лиц некоторые сослужили довольно большую службу нашему революционному движению и косвенно посодействовали возникновению группы «Освобождение Труда», о чем тоже сообщу ниже.

Кроме названных мною выше студентов, привлеченных Преображенским, не могу обойти молчанием еще нашу ярую сторонницу, племянницу московского губернатора, Елизавету Петровну Дурново. Это была чрезвычайно преданная народным интересам девушка, не останавливавшаяся ни перед какими жертвами ради дорогого ей дела. Пылкая, увлекающаяся Дурново насквозь была проникнута верой в неизбежно грядущее торжество наших народнических стремлений и, несмотря на постигавшие это направление неудачи, в течение долгих лет оставалась неизменной его приверженницей.

Изящная, грациозная, с тонкими красивыми чертами лица, Елизавета Петровна являлась общей любимицей. В свою очередь она также тепло относилась ко всем многочисленным тогда в Москве приверженцам «Черного Передела», но особенным ее расположением пользовался Преображенский. Статный, красивый, энергичный, он платил ей взаимностью: они объявлены были женихом и невестой. Все находили очень удачной эту пару. Но вскоре вмешалась полиция: сперва она арестовала Преображенского, затем Дурново. Вследствие протекции дяди-губернатора, ее выпустили ему на поруки, после чего товарищам удалось, правда, после больших

усилий, уговорить ее уехать за границу, чтобы не подвергаться риску вновь очутиться в тюрьме. В Женеве, куда она прибыла зимой 1880 г., мне и другим товарищам удалось сблизиться с ней. Это была очень милая и симпатичная девушка, приобревшая всеобщие симпатии в эмиграции: о ней, о печальной ее судьбе мне, вероятно, еще придется рассказать.

Между тем Преображенский, поставленный в тюрьме в чрезвычайно скверные условия, схватив тяжелой формы туберкулез, вскоре скончался.

Известный при жизни лишь тесному кругу единомышленников, этот безусловно выдающийся семидесятник был после смерти совершенно всеми забыт, — в печати о нем до сих пор лишь вскользь упоминалось. Между тем, при других обстоятельствах, имя Георгия Преображенского могло бы сделаться известным каждому сознательному рабочему.

VII.

Не могу припомнить, при каких обстоятельствах я познакомился с «Титычем», как все мы называли Юрия Макарыча Тищенко, произведши эту кличку из его фамилии.

Впервые встретились мы с ним в Киеве, кажется, зимой 1874—1875 г.г. Я тогда уже сжег за собою корабли, а он, помнится мне, еще стремился в какое-то высшее специальное учебное заведение. Пробыл он у нас недолго, при этом произвел очень хорошее впечатление.

Он был моим ровесником, но выглядел значительно более меня возмужавшим. Выше среднего роста, топорно, крепко сколоченный, обладавший низким лбом, большой физической силой и глухим голосом, Титыч производил впечатление увальня, нескладного семинариста. Он был сыном среднего чиновника, служившего в Керчи; учился в местной классической гимназии, где в низших классах, — по свидетельству его бывшего товарища и вместе репетитора, Александра Николаевича Бибергаля, — «больше голубей гонял, чем занимался предметами». Но, обладая недурными способностями, Титыч кое-как дотянул до средних классов, а в 4-м с ним произошла резкая перемена: он почувствовал большое влечение к чтению и стал проводить за книгами все время; поэтому в очень короткий период приобрел обширные для своих лет сведения и развитие.

Действительно, будучи 19-ти-летним юношей, при нашем знакомстве, он уже вызывал своей начитанностью удивление среди нас, его товарищей.

Под влиянием произведений наших «просветителей» — Чернышевского, Добролюбова, Писарева — Тищенко, оставив гимназию в 6-м или 7-м классе вместе с товарищем Бибергалем, отправился в Петербург для поступления, — после экзамена экстерном, — в высшее учебное заведение. Но когда он таким образом получил право поступить в горный институт, то все же не стал студентом, так как тогда начались волнения среди слушателей высших специальных учебных заведений.

Вскоре после приезда в Петербург Тищенко и Бибергаль познакомились с революционерами.

Еще будучи в гимназии, они по своим стремлениям и настроению были уже склонны к крайним взглядам, но, живя в небольшом провинциальном городке, они не имели понятия ни о подпольных произведениях, ни о революционерах. Поэтому, когда в Петербурге они не только узнали про таких

людей, но и сами попали в их среду, то это произвело на них, провинциальных юношей, сильнейшее впечатление: занятия науками были заброшены, и начались посещения собраний с бесконечными толками о том, как лучше «возвратить долг» обездоленному, трудящемуся народу. Как известно, в конце концов было решено отправиться «в народ», для чего необходимо было предварительно подготовиться, т.-е. научиться какому-нибудь ремеслу: заведены были столярные и сапожные мастерские, и, с наступлением весны, Тищенко вместе с некоторыми товарищами отправился на сельские работы. Затем он проделал все, что в то время требовалось от «честного последовательного радикала» и стал одним из самых выдающихся членов революционного кружка, из которого, спустя 2 — 3 года, возникло общество «Земля и Воля».

На-ряду с необыкновенной любознательностью, упорством и настойчивостью, Титыч также проявлял чрезвычайную преданность и самоотверженность. Он вел ригористический образ жизни, — довольствовался какой случится обстановкой, пищей, одеждой; при этом непрерывно и усиленно занимался изучением наиболее серьезных и сложных теоретических вопросов. Так, помню, по отзыву знатока политической экономии И. Ф. Фесенко, Титыч, которому не было еще 21 г., довольно хорошо усвоил «Капитал» Маркса, что в те времена признавалось свидетельством больших умственных способностей, значительного развития, подготовки и дарований, редко встречавшихся у юношей этих лет.

Правда, уже тогда, при некоторой наблюдательности, можно было заметить, что Титыч, вместе с большой способностью быстро поглощать много книг, не обладал самостоятельностью мысли, привычкой к сколько-нибудь последовательному, а тем более глубоко продуманному анализу. Ум у него был эклектический, память являлась складочным местом для разных, ничем друг с другом не связанных, сведений, положений, суждений. Свои взгляды он излагал неясно, сбивчиво, перескакивал с предмета на предмет, почему следить за ходом его мысли было чрезвычайно трудно, чтобы не сказать невозможно. С годами эти недостатки не только не исчезали, но, наоборот, еще усиливались.

Тем не менее товарищи одно время считали Титыча одним из наиболее видных умственных сил и относились к нему с большим уважением [1]). Он был очень миролюбив, хотя и любил поспорить, погорячиться, но выходило это у него не обидно, как-то наивно и добродушно. Любил он также отпускать тяжеловесные шутки и остроты: например, вдруг внесет какое-нибудь парадоксальное предложение. Так, помню, однажды, при обсуждении вопроса, где хранить нелегальные произведения, Титыч пробасил: «а, по-моему, лучше сжечь их: я всегда растопляю ими печку». Но никто не обижался на такие его «коленца», считая их несерьезными, стремлением пооригинальничать.

Пребывание в народе и физический труд перемежались у Титыча с жизнью в главных центрах, где он усиленно предавался умственным занятиям. По воззрениям он, казалось, был стойким, убежденным народником, и, когда весной 1879 г. возникли упомянутые выше разногласия, он стал

[1]) См. мой очерк «Молодость Г. В. Плеханова».

на сторону деревенщиков, но держал себя очень миролюбиво и с террористами. Поэтому, когда собравшиеся на воронежском съезде члены «Земли и Воли» надумали избрать по одному представителю из каждой фракции для сглажения создавшихся натянутых отношений, то выбраны были Титыч и М. Ф. Фроленко [1]).

По возвращении со съезда, когда вновь начались разногласия, закончившиеся разрывом, Титыч вошел в число членов «Черного Передела», но никакой активной роли не играл. Он держался в стороне и редко появлялся на наших собраниях. Когда же приходил туда, то отпускал остроты, в роде вышеприведенной о сжигании наших изданий. Получалось такое впечатление, что ему надоели все занимавшие нас вопросы, что он считал их никчемными, бесполезными, не стоящими сопряженного с ними риска быть арестованным и, по тому жестокому времени, осужденным на каторгу, а то и повешенным.

О том, как отвратительно закончил свою жизнь этот несомненно крупный человек, выдвинувшийся впоследствии на совершенно противоположном поприще, я сообщу в заключительной главе настоящих записок.

* * *

Наряду с наиболее крупными землевольцами следует поставить ныне совершенно забытого, но в те времена игравшего в обществе «Земля и Воля» видную роль — Сергея Андреевича Харизоменова. Его имя чрезвычайно редко попадалось в печати, при чем не сопровождалось никакими, сколько-нибудь заметными, штрихами; поэтому вполне естественно, что оно не запечатлевалось ни в чьей памяти. Постараюсь изложить все, что мне удалось о нем узнать.

Харизоменов был сыном богатого священника губернского города центральной России. Воспитывался он в семинарии, по окончании которой, в начале 70-х годов, поступил в какое-то высшее учебное заведение в Петербурге, но, по примеру лучшей молодежи того времени, на 2-м или 3-м курсе, увлекшись новыми идеями, примкнул к революционному лагерю и отправился в народ.

Отличаясь прекрасным сложением и большой физической силой, Харизоменов скоро освоился с сельскими и другими работами, затем он исколесил довольно много местностей по Волге, жил на Кавказе, в Царицыне, Астрахани, всюду приобретая адептов среди крестьян, а также и между рабочими на Уральских заводах и в других местах. Он до того закалил себя, что самый тяжелый труд не смущал его, и, в качестве пропагандиста, он занял одно из наиболее видных мест среди землевольцев. При этом ему чрезвычайно везло: он никогда не был арестован и даже не возбудил против себя подозрения, хотя очень открыто всюду в народе проповедывал свои убеждения.

---

[1]) Сообщил мне это Михаил Федорович, утверждавший, что никакого «председателя» на съезде не выбирали; следовательно, не мог им быть Тищенко, как сообщали некоторые участники этого съезда. Чье утверждение вернее, не берусь решать, так как известно, что я не был там и теперь забыл рассказы об этом других, но вероятнее всего прав Фроленко, так как в те времена мы, действительно, обходились без председателей.

Изредка, наезжая в Петербург, Харизоменов также принимал активное участие в происходивших там политических актах. Это его имел в виду Плеханов, когда сообщал в своих воспоминаниях о студенте Н., деятельном участнике в демонстрации на Казанской площади 6 декабря 1876 г. Приведу его подлинные слова:

«Высокий и сильный, он (т.-е. Харизоменов, Л. Д.) поражал неприятелей, как пылкий Аякс, сын Телемака, и там, где появлялась его плечистая фигура, защитникам «порядка» приходилось жутко. Как ни старалась схватить его полиция, он счастливо отбивал все нападения и возвратился домой таким же «легальным» человеком, как и пришел на площадь. Пострадавшие от него защитники «порядка» знали только, что их тузил какой-то высокий и сильный брюнет, но лица его они, очевидно, не запомнили. Когда потом, уже по окончании столкновения на площади, им встретился на Морской Боголюбов, они вообразили, что он-то и есть их свирепый неприятель. Боголюбова схватили, жестоко избили в участке, а потом, как известно, осудили на каторгу. Но Боголюбов не принимал ни малейшего участия в демонстрации» [1]).

Впервые мы, «заграничники», познакомились с Харизоменовым в описываемую эпоху, т.-е. осенью 1879 г. Своей солидной, серьезной, интеллигентной наружностью, умной, сдержанной и всегда дельной речью, Харизоменов произвел на нас наилучшее впечатление: видно было, что у него имеется значительная теоретическая подготовка, а также и довольно большой опыт, приобретенный продолжительной жизнью среди крестьян.

Незадолго до нашей встречи он был в какой-то центральной губернии волостным писарем, но вынужден был наскоро покинуть эту должность, во́ время предупрежденный о предстоявшем аресте его: это вызвано было предпринятыми после покушения Соловьева розысками полицией подозрительных лиц в селах и деревнях.

На воронежском съезде Харизоменов, как Попов, Тищенко и другие деревенщики, занял примиренческую позицию, но при встрече с нами, осенью в Петербурге, он высказывался решительно против террора, считая его несовместимым с деятельностью в народе, в которую он не переставал глубоко верить, как в единственно полезную. Его возражения против утверждений террористов относительно невозможности работать в народе были толковы, дельны, основательны: в них видны были знания и понимание как общего переживаемого тогда страной положения, так и крестьянства.

У него имелись все данные, чтобы стать выдающимся революционером — большая сила воли, глубокая преданность народным интересам, ум, образование, настойчивость, такт. Если это не произошло, то причиной тому были внешние, независевшие от него, условия.

Считая террор вообще, а цареубийство — в особенности, крайне вредным приемом борьбы и имея серьезные научные запросы, Харизоменов, еще не скомпрометировавший себя тогда, бывший «легальным», решил после распадения «Земли и Воли» на время уйти от подпольной деятельности, чтобы расширить круг своих знаний. К сожалению, он не отправился для

---

[1]) Г. В. Плеханов: «Русский рабочий в революционном движении», изд. «Пролетариат», стр. 33.

этого, как Плеханов и мы с ним, заграницу, а предпочел остаться в России, несмотря на сопряженный с этим риск быть ни за что, ни про что надолго, если не навсегда, «изъятым», погребенным в сибирской тундре или в другом гиблом месте. Его увлекала такая область русской действительности, материал для изучения которой можно было доставать почти только в России.

Как бы то ни было, Харизоменов практического участия в делах нашей новой организации не принял никакого и целиком, с головой, ушел в свои экономические занятия. Впоследствии он сделался одним из видных земских статистиков, и имя его стало попадаться в нашей специальной экономической литературе 80-х и 90-х годов. Затем я и другие близкие товарищи совсем потеряли его из виду. А ужасно жалко, что этот, несомненно, чрезвычайно крупный человек, имевший много данных, чтобы запечатлеть свое имя, рано оставил подполье, посвятивши себя легальной деятельности, в которой он затерялся среди так называемого «третьего элемента».

Как я недавно узнал, Харизоменов скончался недели за две до февральской революции, наступления которой он страстно желал и в подготовке к которой, около сорока лет перед ее наступлением, он принимал очень деятельное участие.

* * *

Мне остается еще сообщить об одном видном землевольце, также оставшемся верным заветам, усвоенным в юности, до гробовой доски и также прошедшем свой жизненный путь совершенно незамеченным, почти всеми забытым. Я имею в виду Александра Хотинского, которого я очень хорошо знал и высоко ценил.

Он родился в 1852 г. в довольно зажиточной еврейской семье, в г. Мелитополе (Таврической губ.). С детства Александр обнаруживал выдающиеся способности; окончив с золотой медалью симферопольскую гимназию, он поступил в медико-хирургическую академию.

Молчаливый, сосредоточенный в себе, Хотинский производил впечатление уравновешенного, положительного человека, казалось, совершенно неспособного поддаться идеалистическим увлечениям. Но, будучи уже на 4-м курсе, он также поддался общему настроению: оставил медицину и отправился в народ. Подобно остальным пропагандистам, он сначала стал приучать себя к тяжелому физическому труду, для чего, сообща с некоторыми товарищами, работал, в качестве крестьянина, на хуторе своего брата в Бердянском уезде.

Александр отличался большим природным умом, твердым характером, постоянством и настойчивостью. Сознав необходимость посвятить свои силы и знания народу, он держался этого взгляда до последней возможности. Когда решительно все до единого оставили занимаемые ими среди крестьян положения, один лишь Хотинский продолжал оставаться в народе, в качестве фельдшера, и уехал оттуда последним, в самом конце 1880 г.

Но не только в деятельности среди народа он проявил упорство и настойчивость: во всем, за что ни брался Хотинский, он проявлял те же черты своего характера. Когда весной 1878 г. арестовали видного рабочего Преснякова, Хотинский, приехавший из деревни на время в центр, задался целью освободить последнего. Разузнав, что Преснякова, содержавшегося в каком-

то полицейском участке, ведут на допрос в жандармское управление, он решил прибегнуть к плану, который за два года перед тем был применен при освобождении Кропоткина. Получив от организации «Земли и Воли», куда Хотинский вступил вскоре после ее возникновения, известного рысака Варвара с кабриолетом, Александр вместе с А. Квятковским, взявшим на себя обязанность кучера, отправился в условленное с Пресняковым время к жандармскому управлению. Возвращавшийся с допроса Пресняков бросился по направлению к кабриолету, но едва он успел стать на его подножку, как нагнавший его жандарм вцепился в него, стараясь сдернуть его. Тогда сидевший в кабриолете Хотинский, отличавшийся довольно большой физической силой, обхватил беглеца, а Квятковский пустил рысака, — жандарм принужден был выпустить Преснякова, который, таким образом, был спасен.

Я познакомился с Хотинским, вскоре после описанного происшествия, летом 1878 г., когда Кравчинский надумал убить генерала Мезенцова, о чем подробно уже сообщено мною в другом месте [1]). Но тогда мне мало удалось его узнать. Во время многочисленных собраний, происходивших, как мы уже знаем, накануне и после распадения «Земли и Воли», Хотинского не было в Петербурге: он оставался на своей службе в деревне. Но идейно, по убеждениям, он был солидарен с нами и всецело примкнул к чернопередельцам. Мы встретились вновь с ним значительно позже, заграницей. Судя по его собственным рассказам, а также и сообщениям некоторых его товарищей, ему удалось внушить крестьянам доверие к себе, что вполне естественно, если примем во внимание указанные мною выше черты его характера и ума.

Относясь всегда в высшей степени добросовестно к взятым на себя обязанностям, Хотинский не только оказывал бескорыстно медицинскую помощь обращавшимся к нему крестьянам, но, как умный, образованный и отзывчивый человек, он также давал им советы, как следует им поступать в разных затруднительных для них случаях. Всегда дельные его указания, при серьезности, спокойствии и уравновешенности его характера, приобретали в глазах крестьян особенно большой вес и значение.

Как и Харизоменов, Хотинский, когда мы с ним встретились вновь, больше двух лет спустя, также вовсе не был разочарован в деятельности среди крестьян. Наоборот, он сильно привязался, полюбил эту среду и очень жалел, что вынужден был ее оставить, так как непрекращавшиеся «облавы» народовольцев на Александра II, с одной стороны, усиливали строгости и преследования, а, с другой — вызывали у революционной молодежи все более отрицательное отношение к деятельности в народе. В виду создавшихся условий дальнейшее его пребывание на службе являлось совершенно бесполезным. При ином отношении тогдашних революционеров к деятельности среди крестьян, приобретенные Хотинским доверие и расположение последних могли сыграть некоторую роль. Он также не возбудил никаких подозрений и не был арестован.

VIII.

Закончив перечень землевольцев, вошедших в «Черный Передел», перейду к лицам, не входившим в общество «Земля и Воля».

---

[1]) См. мою брошюру: «С. М. Кравчинский», Петроград, 1919 г., стр. 18 — 19.

Эти члены «Черного Передела», — их было 6 — 7 человек,—вовсе не являлись новичками в революционном движении: у них имелась уже довольно продолжительная деятельность, а один — Иннокентий Пьянков, три с чем-то года просидел в тюрьме за пропаганду в народе; по процессу 193-х ему в наказание вменено было его продолжительное предварительное заключение; затем, будучи, несмотря на это, высланным административно на север, он оттуда бежал и, став «нелегальным», примкнул к нам, чернопередельцам, хотя среди народовольцев были его товарищи-сопроцессники. Не отличаясь никакими особенно выдающимися дарованиями, Пьянков, однако, в виду чрезвычайной преданности делу, стойкости и готовности взяться за любую функцию, являлся довольно ценным работником.

Из остальных лиц — Евгения Яковлевна Рубанчик и Евгений Иванович Козлов также имели революционное прошлое, входили в местные кружки и являлись, — в особенности она, — энергичными членами организации.

Меньше остальных мне удалось узнать Шевыреву, Приходько и Короткевича, потому что, вскоре после их присоединения к нам, первые два, в качестве наборщиков, поступили в нашу типографию, а из нее, в виду установленных правил, нельзя было, без особенной надобности, приходить на конспиративную квартиру. К тому же, как я уже сообщил, мне пришлось уехать на юг. Поэтому я имел мало случаев встречаться с ними, и узнать их мне удалось меньше, чем остальных неземлевольцев.

Лишь смутно помню, что Шевырева была застенчивой, мало разговорчивой девушкой, что, понятно, являлось хорошим свойством при избранной ею функции — типографской работницы. Товарищи, знавшие Шевыреву ближе, помнится мне, очень хвалили ее за присущие ей черты характера, — за добросовестное отношение к взятым на себя обязанностям и за безграничную преданность народу, который она продолжала идеализировать. В то время почти полного уже разочарования в будто бы присущих нашим крестьянам особых добродетелях, восторженное к ним отношение Шевыревой было трогательно и наивно.

О Приходько у меня осталось еще более туманное представление, чем о Шевыревой. Кажется, в противоположность ей, он, наоборот, был довольно речист, но и он проявлял большое усердие, работал не за страх, а за совесть, был неглупым и толковым человеком.

Не больше этого могу сообщить и о Короткевиче.

Он, кажется, был студентом, украинцем; принадлежал раньше к южным чайковцам и, присоединившись к землевольцам, находился в какой-то местной группе. Но в чем состояла его функция, каков был характер его работы, не помню. Он обладал некоторой начитанностью и производил впечатление среднего интеллигента. Смутно припоминаю, что он делал какие-то замечания по поводу какого-то литературного произведения, но, кажется, говорил вяло, неинтересно.

Приехав из Одессы в ноябре на несколько дней, я, по сообщению Аптекмана, упрекал находившихся в Петербурге членов нашей организации за недостаточную их активность [1]). Но, главным образом, я имел в виду Корот-

[1]) См. его воспоминания об обществе «Земля и Воля»; цитирую на память.

кевича: он входил в группу, которая должна была заниматься с рабочими, но, по сообщению товарищей, не проявлял к этому занятию усердия, да, и вообще, не отличался подвижностью, деловитостью и имел склонность резонерствовать. Составившееся у меня о нем впечатление, что я хорошо помню, — было не особенно благоприятное: он мне казался человеком серым, мало преданным делу, склонным отстать от революционной деятельности. Но охотно допускаю, что я ошибаюсь, что он был совсем не таким, каким я его здесь изобразил на основании смутных, отрывочных воспоминаний.

О дальнейшей его судьбе, после суда над чернопередельцами, мне ничего не приходилось слышать, — словно он канул в воду.

Раза два видел я также на общей квартире приобревшего вскоре затем печальную известность рабочего-наборщика Жаркова. Как он к нам попал, в точности сказать не могу: кажется, он входил в одну из волжских групп, примыкавших к «Земле и Воле», работал в типографии — не то Самарского, не то Саратовского листка, откуда, как практиковалось в те времена, таскал шрифт для местной подпольной наборки. Этим исчерпываются мои сведения о человеке, погубившем нашу организацию, за что и сам он поплатился жизнью.

Боюсь ошибиться насчет произведенного им на меня впечатления, а потому ограничусь этими немногими о нем словами.

Самыми выдающимися лицами из числа неземлевольцев, примкнувших к «Черному Переделу», бесспорно были Елизавета Николаевна Ковальская и Николай Павлович Щедрин. Более того: их по праву следует причислить к наиболее крупным представителям описываемой эпохи, так как они, употребляя выспренный стиль Аптекмана, представляли собой «железо и кремень», «бесстрашие и беспощадность», «отбор самых испытанных».

У Елизаветы Николаевны было особенно оригинальное прошлое, а так как, к тому же, она снабдила меня письменным его изложением, то приведу здесь из него некоторые выдержки.

«Мой отец, — сообщает она, — был военным, полковником, богатым помещиком; мать — его крепостной; сама я, не помню точно, кажется, до 7 — 8 лет, тоже была крепостной собственностью отца. С раннего возраста я была свирепой протестанткой против существовавшего строя: «почему незаконный ребенок хуже законного? Почему существуют помещики и крепостные? Почему отец может продать меня и мать, как вещь?» Мой детский ум разрешал эти вопросы самым жестоким способом: «перебить всех помещиков!».

Далее Елизавета Николаевна сообщает, что она «росла одинокой, озлобленной, дикой», затем увлекалась Христом, но уже 12 — 13 лет потеряла веру. Под влиянием какого-то решительного протеста с ее стороны еще в раннем ее детстве, о чем Елизавете Николаевне, как она пишет, «и сейчас мне тяжело говорить», отец дал вольную ей и матери, приписал их в Харькове в мещане и занялся воспитанием дочери, к которой пригласил гувернантку-француженку и учителей русского языка, музыки, танцев.

«Я делала быстрые успехи, — пишет она. — С отцом установились хорошие, дружеские, странно-товарищеские отношения, равные, как между взрослыми».

Сначала отец поместил ее в лучшем местном пансионе, либеральная начальница которого «дала очень много своим ученицам». Когда же этот пансион закрылся, то, после упорной борьбы, отец, которого «шокировала гимназия», разрешил ей поступить в нее. Уже в 4-м классе Елизавете Николаевне удалось создать кружок саморазвития, в который, кроме гимназисток, входили и студенты 1-го курса. Читали лучшие журналы — «Современник», «Русское Слово», писали доклады о прочитанном и пр.

«Под влиянием литературы того момента и жизни, — сообщает далее Елизавета Николаевна, — я увлеклась «женским вопросом» и отчасти рабочим (по статьям Шелгунова)».

Во время выпускных экзаменов скончался ее отец, оставив ей «большое наследство». В доставшемся Елизавете Николаевне от него доме, она, вместе с кандидатом на кафедру физики Ковальским, ставшим затем ее мужем, устроила курсы для стремившихся к высшему образованию женщин. Будучи в то же время членом местного общества грамотности, Ковальская устроила в своем доме, для наиболее любознательных работниц, вечерние курсы; она также усердно занималась агитацией о равноправии женщин и тогда же она завела обширные связи с сельскими учителями, которые в ее доме устраивали свои съезды; при своем же доме она основала «хорошую библиотеку», состоявшую из тенденциозных произведений, которой пользовались учителя и другие.

Хотя деятельность эта носила только культурно-просветительный характер, она все же вскоре обратила на себя внимание жандармов, которые, после обыска, закрыли все курсы и собрания.

Елизавета Николаевна отправилась тогда в Петербург, где поступила на Чернышевские и Аларчинские курсы. Там она познакомилась с кружком сестер Корниловых, Перовской, Шлейснер и другими, которые вскоре стали называться «чайковцами».

Заболев, она, нагруженная сочинениями Флеровского, Лассаля и других тогда популярных среди передовой молодежи авторов, возвратилась в Харьков, где основала женский и мужской кружки, занявшиеся изучением социализма и пропагандой, что вновь привело к обыску. Для радикального лечения врачи отправили ее заграницу. Елизавета Николаевна поехала в Швейцарию, где познакомилась с кружком Бардиной; прожив там $1^1/_2$ года и совершенно поправившись, Ковальская вновь поехала в Петербург. Там она получила место народной учительницы в с. Славянке (Царскосельского у.). Занявшись пропагандой среди рабочих, она, спустя полгода, скомпрометировалась, и только благодаря предупреждению инспектора народных училищ, избежала ареста. Скрываясь затем в Петербурге, она распространяла нелегальную литературу среди обуховских рабочих, но, в виду угрожавшего ей вновь ареста, уехала в Харьков, где продолжала вести пропаганду, как среди сельских учителей, так и между крестьянами.

Таким образом, в течение нескольких лет Елизавета Николаевна, переезжая из одного города в другой, занималась пропагандой среди молодежи, рабочих и крестьян, всегда благополучно избегая ареста. Так дотянула она до осени 1879 г., когда, по рекомендации Плеханова и Попова, с которыми давно была знакома, она единогласно принята была в уже сформировавшуюся тогда нашу чернопередельческую организацию.

Ниже мне еще придется касаться этой выдающейся женщины; теперь замечу, что уже из приведенного мною беглого очерка ее детства, отрочества и молодости, видно, насколько ценным человеком являлась она для любой организации. Ковальская всюду выделялась своим умом, развитием, энергией и инициативностью. Никто другой из чернопередельцев не обладал столь обширными связями и знакомствами, никто не мог так легко и аккуратно устроить любое предприятие, как Елизавета Николаевна.

Неудивительно, поэтому, что вскоре по вступлении в «Черный Передел» Ковальская заняла в нем место наряду с главными руководящими лицами.

Наиболее близкий друг ее, Николай Павлович Щедрин, как я уже упомянул, также не являлся новичком в революционном лагере; у него тоже имелось уже значительное прошлое, но оно было далеко не столь разнообразно и богато содержанием, какой, как мы видели, являлась жизнь Елизаветы Николаевны.

Отец Щедрина был военным инженером в Акмолинской области, где и родился Николай Павлович в 1854 г. Поступив в Омскую военную гимназию, он был исключен из нее «за вредное направление», выразившееся в «непочтительном отношении» к какому-то учителю. Приехав затем в Петербург, он поступил в учительскую семинарию, но, не окончив ее, стал преподавателем в колонии для малолетних преступников. Будучи в Петербурге, он познакомился с членами студенческого кружка, который разделял взгляды общества «Земля и Воля», после чего отправился «в народ». Находясь в Саратовской губ., он, при содействии землевольцев, имевших, как известно, свои «поселения», получил службу в земской управе Аткарского уезда. Но когда, после покушения Соловьева, началась «чистка» землевольческих поселений, Николаю Павловичу так же, как другим, пришлось покинуть свою службу, после чего он приехал в Петербург, где мы впервые с ним познакомились.

Не только внешностью — рыжими волосами на голове и бороде, но также своей подвижностью, Щедрин сразу бросался в глаза. Из непродолжительной беседы с ним нетрудно было убедиться, что жизнь, как говорится, бьет в нем ключом. Он явился одним из наиболее энергичных и решительных членов нашей организации, рвавшимся на дело, на подвиг, предприимчивый, наделенный большой инициативностью, что, как известно, он вскоре затем и обнаружил в Киеве.

Но, во время своего пребывания в числе членов «Черного Передела», вследствие сложившихся для нашей организации неблагоприятных обстоятельств, о чем подробно сообщу ниже, Щедрину негде было развернуться, показать свои недюжинные силы и способности. Все же, поскольку представлялась возможность в Петербурге проявить себя, Николай Павлович, как я уже упомянул, вместе с Елизаветой Николаевной, выделялся не только среди новичков, но и вообще между наиболее крупными представителями нашей организации.

Между прочим, по словам Ковальской, «Щедрину принадлежала мысль назвать нашу газету «Черным Переделом». «Сначала, — сообщает она в упомянутом мною выше автобиографическом очерке, — это вызвало возражения, что название это не будет понято населением, но Щедрин доказал,

что среди крестьян Великороссии оно понятно, и, в конце концов, все согласились».

Я не помню этого обстоятельства, но допускаю верность ее сообщения. Должен, однако, заметить, что это название было не совсем удачно: не знаю, как отнеслись к нему «крестьяне Великороссии», но во всех тех кругах, в которых всем нам, чернопередельцам, приходилось затем вращаться, оно вызывало полное недоумение, постоянные вопросы: «что оно означает?» Некоторых, помню, оно прямо возмущало, они говорили: «чем-то затхлым, средневековым, архаическим несет от этих слов», а остряки превратили их в «чортов передел». Между тем, давно известно, какую большую роль нередко играет то или иное название организации: всем понятное наименование общества или партии, являющееся их девизом, знаменем, одним этим делает их для многих привлекательными. Но, конечно, не только вследствие неудачного своего названия, наша организация не имела успеха,— последнее обусловливалось многими более важными причинами, о которых сообщу ниже.

Возвращаясь к роли Щедрина в «Черном Переделе», скажу, что, как и Ковальская, он в любой организации мог стоять в первых ее рядах.

Теперь, зная весь личный состав «Черного Передела», вспомним, при каких условиях пришлось ему выступить.

IX.

Уже при самом возникновении «Черного Передела», в первый же момент его, мы очутились в крайне тяжелом положении, в значительной степени по собственной же вине.

Известно, что для полюбовного раздела «Земли и Воли» и регулирования взаимных отношений между возникшими двумя новыми обществами была выбрана комиссия из шести человек: Зунделевич, Михайлов и Тихомиров—от террористов, а мы, деревенщики, избрали: Попова, Преображенского и Стефановича. Эти наши уполномоченные дали провести себя самым жестоким образом.

Для каждой из вновь возникших организаций было важно как можно скорее объявить о своем существовании, т.-е. выпустить свой орган. И вот существовавшую типографию, в которой печаталась «Земля и Воля» и которую, главным образом, оберегала и охраняла в течение целых двух лет ярая народница М. К. Крылова, наши «дипломаты» согласились предоставить народовольцам, взамен чего последние предложили хранившуюся в Смоленске у местного владельца типографии, «сочувствовавшего» нам Переплетчикова, который купил, конечно, на деньги террористов, как бы для себя, машину со шрифтом. Поэтому, пока нам удалось перевести оттуда в Петербург и установить эту типографию, прошло более 2-х месяцев, в течение которых террористы успели выпустить два номера «Народной Воли».

Когда наши делегаты сообщили о выраженном ими согласии на указанное предложение народовольцев, многие из нас, — и я в том числе, — были чрезвычайно недовольны, а некоторые—Игнатов и Крылова—были возмущены до крайней степени. Честная, высоко благородная, Мария Константиновна, истощив все аргументы в доказательство невозможности, несправедливости предоставить противникам готовую, охраненную ею,

как зеницу ока, типографию, заявила решительно, что она добровольно не отдаст ее детища, что она будет защищать ее всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, не останавливаясь даже перед револьвером. Зная прямой, стойкий, упрямый ее характер, можно было поверить, что она осуществит эти угрозы. Между тем наши делегаты считали невозможным взять назад данное ими террористам согласие. Единственную поправку, которую, по их мнению, можно было еще внести, это — что, до оборудования своей типографии, мы в важных случаях сможем пользоваться их станком. Услыхав, что Мария Константиновна все же продолжает протестовать, наши делегаты заявили, что они вынуждены отказаться от своей миссии, раз одно лицо может аннулировать решение большинства.

Не желая допустить «министерского кризиса», что поставило бы нашу только зарождавшуюся организацию в крайне затруднительное, если не в безвыходное, положение, так как эти делегаты являлись нашими наиболее практичными, авторитетными, уважаемыми членами, — почти все остальные, в том числе также и некоторые не одобрявшие чрезмерной уступчивости наших «нотаблей», стали уговаривать и упрашивать упорную Крылову, чтобы она не чинила препятствий. Окруженная товарищами, настойчиво доказывавшими, что необходимо уступить, бедная Мария Константиновна пришла чуть ли не в отчаянье: лицо ее исказилось, глаза наполнились слезами, — тяжело было смотреть на эту непреклонную, стойкую женщину, имевшую уже без малого 40 лет и не привыкшую в течение долгой своей революционной жизни проливать слезы. Мы все понимали, какой ужасной жертвой должна быть для нее добровольная отдача противникам, которых она очень сильно не любила, дорогой ей типографии: она переживала чувства, аналогичные тем, какие испытывает мать, у которой враг насильно отнимает ее дитя. Некоторые из нас также были готовы расплакаться.

После бесконечно долгих препирательств, Крылова, наконец, с отчаянием воскликнула: «Делайте, что хотите!» — и, шатаясь, направилась к выходу.

Между тем, недавно, в начале настоящего 1923 г., я узнал, что, настаивая на получении этой типографии, народовольцы имели в своем распоряжении в самом Петербурге другую типографию, о чем не подозревали деревенщики: они хранили ее на случай провала полученной ими от Крыловой. Вот что мне сообщил в письме от 13 февраля 1923 г. недавно (30 августа) скоропостижно скончавшийся в Лондоне известный народоволец, упомянутый мною выше делегат со стороны террористов:

«Меня спрашивают Павел и Николаевский[1]), одна ли это была типография «Земли и Воли» и «Вольная русская типография»? Может быть и ты этого не знаешь, и это тебе понадобится знать? Это были две разных типографии, действовавших в разное время. «Вольная русская типография» была открыта осенью 1877 г. В ней работала одно время Вера Ивановна[2]). Осенью же 1878 г., когда мы получили станок газеты «Начало», начала функционировать типография «Земли и Воли». «Вольная же русская типография»

[1]) П. Б. Аксельрод и Бор. Ив. Николаевский. Л. Д.
[2]) Почти вплоть до 24 января, когда она отправилась стрелять в Трепова. Л. Д.

или, как ее начали называть, «С.-Петербургская вольная типография» закрылась, и станок и шрифт сохранялись нами на случай экстренной надобности [1]).

«Такого случая не появилось. Станок и шрифт были арестованы осенью 1879 г. [2]) у Мартыновского в меблированной комнате на Гончарной. Помнится, что на суде, в виду желания обвинителя представить эту типографию как находившуюся в действии, я заявил, что она мне известна и что это типография, переставшая действовать» [1]).

Получив это важное сообщение столь компетентного лица, я, несмотря на протекшие с описываемого времени 44 года, тем не менее крайне возмутился поведением с нами «товарищей» — террористов: «зачем, имея одну типографию в Петербурге, а другую в Смоленске, они отняли у нас землевольческую? Этим они не только заставили нас, чернопередельцев, подвергаться всевозможным лишениям, потерям и риску, но они явились причиной ареста и продолжительного тюремного заключения совершенно далекого от всякой революции владельца типографии в Смоленске, Переплетчикова, человека, обремененного большой семьей, пошедшего затем за свое «преступное содействие» нам в долгую административную ссылку, что разорило его и причинило массу горя и страданий ему и его жене с детьми. К тому же, по сообщению самого же Зунделевича, им, народовольцам, не пришлось воспользоваться хранившейся у Мартыновского «запасной типографией»; они, следовательно, уподоблялись собаке на сене, если не хуже этого.

Все это с крайним возмущением я изложил в своем ответном письме к старому моему другу. И вот какое он привел в письме от 22 февраля 1923 г. объяснение.

«Теперь о «Вольной типографии». Станок этой типографии для газеты не годился: формат его длинный и узкий, ширина его равнялась длине страницы отчета по процессу 193-х, а в длину умещались четыре таких странички. Мы нашли бы тогда какую-нибудь комбинацию, чтобы удовлетворить и вашу и нашу потребность в типографии, но Вы [3]) с первых же слов заявили, что у Вас типография будет, что Вы можете купить ее без хлопот в России, и нам нечего было больше делать Вам предложения. Конечно, мы не знали, как и Вы не знали, что дело у Вас кончится арестом отца большого семейства» и т. д.

Конечно, это объяснение совершенно неверно: заикнись только при переговорах террористы, что у них имеется запасная типография, мы не согласились бы предоставить им хранившуюся у Крыловой, потому что с весны она тоже бездействовала. Ни о какой «комбинации», которая «удовлетворила бы и их и нашу потребность в типографии» «товарищи»-террористы, конечно, не думали, и наши делегаты никак не могли ни «с первых», ни со вторых слов заявить, будто мы можем «купить без хлопот в России» типографию, так как у нас денег на это не было, и нужды никакой, потому что они же сами предложили нам взамен «землевольческой», находившейся в распоряжении Крыловой, взять имевшуюся у них, также про запас,

---

[1]) Подчеркнуто мною. Л. Д.

[2]) 4 декабря, т.-е. спустя несколько месяцев после распадения «З. и В.». Л. Д.

[3]) Зунделевич, по забывчивости, думает, что и я вместе со Стефановичем входил в число делегатов со стороны деревенщиков. Л. Д.

типографию, купленную по их же поручению и на их, конечно, деньги Переплетчиковым: обо всем этом забыл Зунделевич. Таким образом, приведенное им в письме объяснение является плодом его слабой памяти для оправдания своего и своих единомышленников-террористов не совсем благовидного относительно нас, деревенщиков, поведения.

Несомненно, что тогдашние террористы, ставшие после распадения «Земли и Воли» народовольцами, отличались от нас, деревенщиков или чернопередельцев, только в одном отношении — в том, что принято называть «нечаевщиной», т.-е. применением всюду, когда нужно и не нужно, принципа — «цель оправдывает средства».

Рискуя вновь вызвать совершенно неосновательный упрек со стороны С. Я. Вольфсона за будто бы присущую мне «характерную манеру» делать «бесчисленные отступления от темы», я все же остановлюсь на этом, сыгравшем огромную роль в нашем революционном движении, приеме борьбы, хотя бы от этого и «распылилось» внимание некоторых легкомысленных «читателей» [1]). Приведу еше некоторые выдержки из имеющих вскоре быть опубликованными писем А. Зунделевича. Так, 24 августа 1922 г. он, между прочим, писал мне:

«Ты не прав, когда говоришь, что нечаевскими приемами отличались «дезорганизаторы» [2]) на воронежском съезде . . . Слово «нечаевщина» имеет смысл, когда применяется к людям, пользовавшимся нечаевскими приемами во всех своих действиях. Обвинять же в нечаевщине группы, которые вообще были чужды нечаевских приемов, а только в одном какомнибудь случае были не откровенны со всеми товарищами, совсем не правильно».

Так ли это было? Далеко не так. Само собой разумеется, никто не стал бы обвинять народовольцев в применении нечаевских приемов, если бы они «только в одном каком-нибудь случае были не откровенны со всеми товарищами». Но они шли значительно дальше, чему подтверждение приводит сам Зунделевич в том же письме.

Известно, что, сообщив Плеханову, Попову, Игнатову о намерении какого-то приезжего стрелять в царя, А. Михайлов, А. Квятковский и А. Зунделевич заявили им, что его никак нельзя отклонить от этого. Вот, что сообщил мне об этом Зунделевич в только что цитированном письме:

«По поводу бурного заседания во время обсуждения Соловьевского предприятия у Плеханова [3]) опущено, что кончилось все-таки заседание тем, что «деревенщики» согласились на то, чтобы террористы помогали Соловьеву в организации дела. Кривили мы тогда душой, изображая дело так, что Соловьев все равно совершит покушение, будем ли ему помогать или нет. Я думаю, что если бы мы настойчиво просили Соловьева оставить свое намерение, то он согласился бы не

[1]) См. С. Я. Вольфсон: «Вокруг Г. В. Плеханова». Очень жаль, что этот строгий, но несправедливый ученый исследователь не удосужился привести хотя бы один пример из этих, будто бы, «многочисленных отступлений». Голословные же упреки являются, как известно, манерой «дурного тона», который советую молодому профессору оставить.

[2]) Так в те времена назывались сторонники дезорганизации правительства, т.-е. террористы или народовольцы. Л. Д.

[3]) В «Былом и небылицах» («Пролет. Рев.»). Л. Д.

делать покушения. Но ни Михайлов, ни Квятковский, ни я не считали нужным отговаривать Соловьева».

В подчеркнутых мною словах, кажется, вполне достаточное признание, что неблаговидные с нашей точки зрения приемы террористов заключались не в том, что «в одном каком-нибудь случае они были не откровенны». Но мы теперь располагаем еще более яркими свидетельствами современника, чем только что приведенное мною признание Зунделевича, что ему и товарищам его пришлось «покривить душой».

В своей известной книге В. Н. Фигнер сообщает, как после Соловьевского покушения «возникла группа, послужившая потом главным ядром будущего Исполнительного Комитета партии «Народной Воли»: А. Квятковский, А. Михайлов, Морозов, Ошанина, Тихомиров и Баранников организовались внутри Общества «Земли и Воли» в обособленную группу, о которой остальные члены не знали . . . Программа этого кружка носила характер политический, она признавала необходимость политического террора и девизом взяла громкий клич — «Победа или смерть» [1]).

Полагаю, комментарии излишни. «Партия, — пишет В. Фигнер ниже, — провозглашала, что все средства хороши в борьбе с противником, что здесь цель оправдывает средства» (стр. 226). Она же, наконец, сообщает, как решительно сама отвергла предложение Морозова вступить в «Победу или смерть», так как «находила совершенно недопустимым в тайном обществе заводить еще тайное общество». — «Так поступал Нечаев», — говорила я, и решительно отказывалась от проекта, который казался мне излишней выдумкой — ультра-конспиратора» [2]).

Но возвратимся к «Черному Переделу».

X.

При полюбовном разделе общества «Земля и Воля» наши, деревенщиков, делегаты своей чрезмерной уступчивостью совсем опростоволосились, — дали себя провести террористам по всем пунктам. После типографии следовал вопрос о разделении принадлежавших обществу «Земля и Воля» денежных средств. Уполномоченные со стороны террористов предложили нашим делегатам, чтобы каждая группа, т.-е. террористы или «народовольцы» и деревенщики - чернопередельцы пользовались теми рессурсами, которые имеются у состоятельных членов, входящих в ту или в другую из названных фракций. На это согласились наши представители, но из всех наших членов только один В. Н. Игнатов располагал очень ограниченными средствами — всего несколькими тысячами рублей, между тем как террористы рассчитывали получить огромные средства, принадлежавшие известному члену «Земли и Воли», Д. А. Лизогубу. Правда, в то время он уже был казнен, но, давно предвидя возможность быть осужденным с лишением прав, Лизогуб

---

[1]) «Запечатленный. Труд», т. I, стр. 127 — 8.

[2]) «Запечатленный. Труд», т. I, стр. 132. — Между прочим, как мы выше видели, О. Аптекман все доискивался, кто был главным виновником происшедшего в Петербурге раздела общества «Земля и Воля». Если приведенные выдержки из писем Зунделевича и воспоминаний В. Н. Фигнер не дают прямого ответа на этот вопрос, то ниже она прямо сообщает, что первыми стали говорить о необходимости разделения Квятковский, Морозов и Михайлов (стр. 135 — 36).

заранее фиктивно передал все свое громадное состояние своему управляющему В. В. Дриго, являвшемуся его приятелем, с тем, что последний, в случае его осуждения, предоставит его средства обществу «Земля и Воля». Но этот господин не оправдал доверия к нему Лизогуба: вручив А. Михайлову незначительную сумму—тысяч десять—и тут же выдав его властям, от чего «Дворник», как мы называли А. Михайлова, едва спасся, Дриго остальные средства решил прикарманить; это, однако, ему не удалось, так как, вследствие выдачи Веледницкого или Курицына, что Лизогуб фиктивно передал свое имущество управляющему, последний также был арестован и хотя, в свою очередь, стал предателем, но предоставленное ему Лизогубом состояние было отнято у него.

Тем не менее, несмотря на эту неудачу, террористы при разделе средств все же получили значительно больше, чем мы. В одном из цитированных мною выше писем Зунделевич, между прочим, сообщил мне, что Лизогуб оставил у одного профессора со специальной целью — на цареубийство — 14.000 руб. Получив эти деньги в два приема: сначала 6.000 руб., Зунделевич внес их в общество «Земля и Воля», а затем остальные 8.000 руб. он отдал уже одним только народовольцам. Далее В. Н. Фигнер в своей также уже цитированной мною не раз книге, между прочим, сообщает: «Так, насколько я помню, наши прежние товарищи по «Земле и Воле» (т.-е. мы, деревенщики. Л. Д.) не получили ничего, а у нас оставался рессурс в 23.000 р., обещанных и действительно переданных нам супругами А., членами «Победа или смерть», которые сочувствовали террору» [1]).

Помню также, что кто-то из наших товарищей, вошедших в «Черный Передел», сообщал, будто Желябову удалось достать от кого-то довольно крупную сумму. Возможно, что еще кто-нибудь из землевольцев, примкнувших к «Народной Воле», внес в кассу новой организации средства. Но уже из одних только несомненных сообщений самих же бывших народовольцев — Зунделевича и В. Фигнер, явствует, что при разделе террористы, кроме вполне оборудованной и второй запасной типографии, получили и деньгами в 4 или 5 раз больше, чем мы. К слову, это, однако, не помешало впоследствии Морозову заявить в печати, будто, наоборот, на нашу долю пришлось неизмеримо больше, чем им, бедным. Но, известно, что этот повествователь в своих воспоминаниях совершенно не считался с действительными фактами, а выводил на бумаге, что взбредет в голову.

«Небесная канцелярия», как мы называли паспортное бюро, находилась в ведении лица, примкнувшего к народовольцам, — В. Голдовского, впоследствии ставшего видным этнографом — Иохельсоном. На этом основании при совещаниях террористы предложили, чтобы не делить печатей, бланок и т. п. предметов, а оставить у Голдовского же с тем, что, в случае надобности, мы сможем к нему обращаться. Хотя совершенно аналогично было положение Крыловой по отношению типографии, тем не менее представители террористов настояли на предоставлении ее им, между тем «дипломаты» все же согласились, чтобы паспортное бюро осталось в ведении народовольцев, из чего очень скоро возникла масса неудобств, трений и ссор.

[1]) Цит. кн., стр. 137.

То же самое произошло и с «департаментом иностранных дел», т.-е. контрабандным путем через границу: так как им заведывал Зунделевич, являвшийся одним из самых ярых террористов, то само собою разумеется, что этот «департамент» остался в его ведении, следовательно, у народовольцев.

Наконец, служивший в 3-м отделении и охранявший от опасностей знаменитый Клеточников вел свои сношения тоже через лиц, примкнувших к «Народной Воле».

Таким образом, от раздела общества «Земля и Воля», к которому, как мы уже знаем из сообщения В. Н. Фигнер, стали стремиться первыми террористы, решительно все выгоды и преимущества достались последним и, наоборот, все трудности и невыгоды выпали на нашу долю.

Выше я уже упомянул о том, почему преобладающее большинство членов нашей организации, несмотря на чрезвычайную невыгодность для нас приведенных пунктов соглашения, тем не менее все же санкционировало их. Здесь остановлюсь на этом обстоятельстве несколько дольше, так как оно сыграло немалую роль в дальнейшей нашей судьбе.

Прежде всего, как я уже заметил, наша уступчивость обусловливалась тем, что в делегаты с широкими полномочиями мы выбрали самых отборных наших практиков, и в случае их отказа, некем было бы нам их заменить. Затем, переговоры с террористами тянулись чрезвычайно долго, так как наши представители все же лишь после бесконечных споров, истощив все доводы, начинали склоняться на предложения террористов. Между тем, до окончания этого «полюбовного дележа», все остальные члены новой организации не могли приняться за какую-нибудь работу. Естественно, поэтому, что многие, которым надоело это долгое ожидание, готовы были согласиться на любые условия, лишь бы поскорее окончились эти переговоры. Наконец, несколько новых лиц, не входивших в общество «Земля и Воля», насколько могу припомнить, не считали себя в праве принять особенно активное участие в спорах о том, можно ли или нельзя настаивать на получении из имущества прежней организации того или другого. Если память мне не изменяет, Плеханов также высказывался очень сдержанно, так как в то время он вообще не принимал решительного участия в обсуждениях не особенно важных практических вопросов. Из приведенных выше пунктов его, главным образом, интересовал только вопрос об уступке террористам типографии. Но даже по этому вопросу он высказался менее резко, чем Крылова и Игнатов. Присутствовал ли на этих собраниях О. Аптекман, и как он отнесся к чрезмерной уступчивости наших делегатов, я не помню. Мы с Верой Ивановной, хотя были очень недовольны этими пунктами, но уже по одному тому соображению, чтобы не выступать против нашего друга Стефановича, являвшегося, в сущности, главным лицом в выбранной нами делегации, мы также были очень сдержанны.

Таким образом, и получился тот странный и непонятный на первый взгляд факт, что наша чернопередельческая организация, в конце концов, все же дала свое согласие на явно невыгодные для нее предложения народовольцев.

Следовательно, первый же блин, как говорится, вышел у нас комом, а затем пошли и пошли все неудачи.

* * *

В заключение переговоров о разделении, как уже мною было сообщено, обе стороны приняли внесенное, если не ошибаюсь, одновременно Я. Стефановичем и А. Зунделевичем, предложение, чтобы в своих публичных — устных и печатных — выступлениях народовольцы и чернопередельцы придерживались корректных, миролюбивых приемов, — не прибегали к резкостям и нападкам друг на друга.

Это постановление комиссии было решительно всеми нами одобрено, так как никто из нас, революционеров, не находил тогда разумным и целесообразным, чтобы мы, на радость общим врагам, фигурировали в качестве враждующих братьев. Да, собственно, в то время и не существовало сколько-нибудь обостренных отношений между преобладающим большинством террористов и деревенщиков: как я уже не раз заявлял и вновь повторяю, расхождение и затем распадение общества «Земля и Воля» произошли исключительно вследствие серьезных принципиальных разногласий.

Первым публичным нашим актом после состоявшегося распадения было опубликование об этом объявления, которое, согласно договору, народовольцы обязаны были поместить в № 1-м своего органа. С их стороны, следовательно, это не был акт «гостеприимства», как, к слову, неверно заявляет О. Аптекман в пресловутой своей статье, а исполнение договора. Написанное Плехановым в самом миролюбивом тоне заявление это было одобрено всеми, в том числе, конечно, также и состоявшим тогда в редакционной коллегии О. Аптекманом, что, однако, не мешает ему теперь, почти полвека спустя, всячески брюжжать и издеваться по его поводу [1]).

Но не только в объявлении, — решительно во всех выступлениях мы соблюдали это разумное товарищеское постановление, ни разу не нарушив его, отчего, как ниже сообщу, наша организация иногда страдала.

По окончании переговоров о дележе, мы приступили к конституированию нашей организации. По поводу программы, насколько могу припомнить, споров, кажется, не было у нас, так как все были согласны, что она остается прежней, — той же, которой придерживалось общество «Земля и Воля» и которая развивалась на страницах его органа.

Лично я не помню в точности, но Елизавета Николаевна Ковальская в уже упомянутой мною своей заметке сообщает, что по поводу устава происходили дебаты, при чем заодно с нею я высказывался против всего, что напоминало централизм. Это вполне возможно, так как до усвоения марксистских взглядов я, действительно, являлся ярым сторонником

---

[1]) На почти целых трех страницах предается он глубокомысленным размышлениям и придирчивому допросу, учиняемому им теперь давно умершему Плеханову, почему, мол, он употребил, например, выражение «до некоторой степени», упомянул о передовых статьях «Земли и Воли», а умолчал о хронике и пр.; за это Аптекман, конечно, иронически наделяет автора эпитетом «Нестора-летописца» и заканчивает свой ему допрос великодушным приговором, что «Плеханов — большой ум, но заурядный дипломат» (стр. 12 — 14). Само собой разумеется, что вся эта тирада наброшена «красочными мазками» и уснащена иностранными словечками, как известно, всегда обильными и уместными у этого изумительно «стильного мастера слова».

федерализма и автономии, но не сепаратизма. Этот пункт также прошел без всяких сколько-нибудь серьезных споров и разногласий. Должен, вообще, заметить, что трудно было себе представить более единодушную и дружную организацию, чем какую представляла наша.

По поводу названия я уже упомянул, что мы сравнительно долго затруднялись, на каком из них остановиться. По существу, мы логически имели полное право сохранить старое, столь определенное и понятное крестьянам, так как мы оставались верными девизу: «Земля и Воля». Но и по этому пункту наши уполномоченные уступили доводам террористов, не желавших, чтобы мы унаследовали завоеванную всеми членами прежнего общества популярность.

Поэтому, как известно, было постановлено, что ни одна из вновь возникших организаций в течение определенного срока, кажется, 2 или 3 лет, не может сохранить за собой старого названия, и лишь в виде уступки дозволено нам в подзаголовке выставить, как девиз: «Земля и Воля».

В вышеизложенном я сообщил о причинах, приведших к возникновению «Черного Передела», а также и о личном составе последнего. В следующем очерке расскажу о деятельности нашей организации, о ее гибели и о последствиях этого.

Лев Дейч.

Листовка о демонстрации 6 декабря 1876 года.

(К биографии Г. В. Плеханова).

Листовка эта представляет собою перепечатку из № 48 «Вперед» корреспонденции о Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г., снабженную небольшим предисловием издателей, в котором они полемизируют с правительственным сообщением о той же демонстрации [1]). Листовка была отпечатана в тип. «Вперед» и разослана по почте в разные местности России — на адреса общественных и правительственных учреждений и частных лиц. В деле 3-го отделения с. е. и. в. канцелярии о Казанской демонстрации [2]) находится десятка полтора конвертов с настоящей листовкой, назначенных в разные места и доставленных адресатами властям; на конвертах штемпеля почтовых учреждений Лейпцига, Нюрнберга и т. д. Трудно допустить, впрочем, чтобы инициаторы издания ограничились рассылкой по почте и не принимали для его распространения и других мер.

Подлинник отпечатан двумя шрифтами: текст корреспонденции — более крупным, предисловие — более мелким.

ДЕМОНСТРАЦІЯ НА ПЛОЩАДИ У КАЗАНСКАГО СОБОРА.

Наше правительство, не упускающее ни одного удобнаго случая, чтобы показать свое фальшивое отношеніе къ обществу и къ народу, воспользовалось и даннымъ событіемъ въ томъ же направленіи. Правительственное сообщеніе полно всякаго рода умышленными неясностями и недомолвками. По словамъ его, участники «безпорядковъ» были «молодые люди, по внѣшности которыхъ можно было предполагать, что они принадлежатъ къ числу учащейся молодежи». Что это за предположенія и намеки? Какъ будто бы дознаніе «на основаніи закона 19-го мая 1871 года», т. е. по всѣмъ усовершенствованнымъ правиламъ инквизиціи, не добралось впродолженіи 2 — 3 дней не только до внѣшности, но и до внутренности участниковъ подобной дерзкой манифестаціи, попавшихся въ руки «правосудія». Очевидно, — недомолвка умышленна; очевидно, — въ толпѣ «этихъ необычныхъ посѣтителей храма» находились люди, откровенное указаніе на участіе коихъ въ уличномъ движеніи правительство сочло для себя до времени неудобнымъ. Оставленіе въ тѣни «нѣсколькихъ фамилій и невнятныхъ словъ», произнесенныхъ ораторомъ группы заарестованныхъ людей, сдѣлано также съ цѣлью

---

[1]) Правительственное сообщение опубликовано было в «Правительственном Вестнике», № 276, от 9 декабря 1876 г. Перепечатано в первом томе «Государственных преступлений в России в XIX веке», стр. 345—346 российского издания (СПБ., 1906).

[2]) Дело 3-го отд., 3 эксп., 1876 г., № 253.

одурачить общество, къ которому обращается правительство, и мнѣніемъ котораго оно, должно полагать, желаетъ воспользоваться. Остальныя обстоятельства манифестаціи одинаково остаются невыясненными. Какъ велика была «толпа» людей, принимавшихъ участіе въ манифестаціи? каково было поведеніе полиціи, встрѣченной будто бы «сначала бранью, а затѣмъ побоями»? какъ велика и изъ кого состояла «публика», пришедшая на помощь полиціи и «смявшая» нарушителей порядка?

Все это вопросы, безъ уясненія которыхъ невозможно произнести правильнаго сужденія о событіи. Все это — сознательныя недомолвки и умышленныя двусмысленности, указывающія на намѣреніе правительства и въ данномъ случаѣ прибѣгнуть къ обычному своему оружію въ борьбѣ съ врагами — къ преднамѣренной лжи, указывающія на его желаніе опереться въ дальнѣйшихъ своихъ мѣропріятіяхъ на «общественное» мнѣніе, образовавшееся у публики на основаніи завѣдомо фальсифицированных сообщеній.

Оно, какъ видно, не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ. Большая часть русской публицистики не погнушалась ролью шавокъ и мосекъ, сидящихъ поджавши хвостъ въ своихъ конурахъ, когда хозяинъ въ нихъ не нуждается, готовыхъ броситься съ лаемъ и скрежетомъ зубовнымъ на всякій предметъ, на который науськаетъ ихъ хозяинъ. Можно ли было, впрочемъ, ждать чего либо отъ Катковыхъ, Краевскихъ, князей Мещерскихъ и такъ далѣе, которые и теперь въ своемъ собачьемъ усердіи не упустили случая перегрызться и между собою, обвиняя другъ друга въ неискренности собачьяго послушанія, или въ неусердіи лая.

Чтобы возстановить истинный смыслъ событія 6-го декабря у Казанскаго собора, дѣлаемъ перепечатку петербургской корреспонденціи, помѣщенной въ № 48 «Впередъ».

6-го декабря, въ Николинъ день, въ Казанскомъ соборѣ собралась толпа изъ интеллигенціи и рабочихъ почтить память погибшихъ и заявить свою солидарность съ людьми, томящимися теперь въ каторгѣ, ссылкѣ и тюрьмахъ изъ за своей любви къ народу. Дѣло было такъ: послѣ окончанія литургіи отслуженъ былъ молебенъ за здравіе Николая (Чернышевскаго) и нѣсколькихъ другихъ, еще не добитыхъ русскимъ правительствомъ. Послѣ молебна всѣ присутствующіе, в числѣ до тысячи человѣкъ, вышли изъ храма и размѣстились въ кругъ частью на площади, частью на портикахъ и ступеняхъ храма. Среди толпы стоявшей на площади одинъ изъ присутствовавшихъ произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Друзья! Мы только что отслужили молебенъ за здравіе Николая Гавриловича (Чернышевскаго) и другихъ мучениковъ за народное дѣло. Вамъ, собравшимся здѣсь работникамъ, давно пора знать, кто былъ Чернышевскій. Это былъ писатель, сосланный въ 1864 году на каторгу за то, что волю, данную царемъ-освободителемъ, онъ называлъ обманомъ. Не свободенъ тотъ народъ, говорилъ онъ, которому за дорогую цѣну дали пески и болота, негодные помѣщику; не свободенъ тотъ народъ, который за эти болота отдаетъ и царю и барину больше, чѣмъ самъ зарабатываетъ; у котораго высѣкаютъ розгами эти страшно тяжелыя подати, у котораго про-

даютъ послѣднюю корову, лошадь, избу, у котораго забираютъ лучшихъ работниковъ въ солдатскую службу. Нельзя назвать вольнымъ и работника, который какъ волъ работаетъ на хозяина, отдаетъ ему всѣ свои силы, здоровье, свой умъ, свою плоть и кровь, а отъ него получаетъ сырой и холодный уголъ да нѣсколько грошей. — За эту святую истину нашъ даровитѣйшій писатель сосланъ въ каторгу и мучится въ ней и до сихъ поръ. Такихъ людей — не одинъ Чернышевскій; ихъ было и есть много: Декабристы, Петрашевцы, Каракозовцы, Нечаевцы, Долгушинцы и всѣ наши мученики послѣднихъ лѣтъ. Они стояли и стоятъ за то же народное дѣло; я говорю— народное, потому что оно начато было самимъ народомъ . . . Припомните Разина, Пугачева, Антона Петрова! — Всѣмъ одна участь: казнь, каторга, тюрьма. Но чѣмъ больше они выстрадали, тѣмъ больше имъ славы. Да здравствуютъ мученики за народное дѣло!

«Друзья! мы собрались, чтобы заявить здѣсь предъ всѣмъ Петербургомъ, предъ всей Россіей нашу полную солидарность съ этими людьми; наше знамя — ихъ знамя! На немъ написано — земля и воля крестьянину и работнику! Вот оно — да здравствуетъ земля и воля!»

По окончаніи рѣчи съ портиковъ и на площади раздались рукоплесканія и громкое, дружное ура. Въ это время надъ толпой выкинуто было красное знамя съ надписью «ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ». Ура повторилось. Знамя переходило изъ рукъ въ руки, развѣваясь надъ головами. Послѣ этого толпа двинулась по Невскому и начала расходиться при повторяющихся возгласахъ: «да здравствуетъ земля и воля! да здравствуетъ народъ! смерть царямъ!»

Уже подъ конецъ рѣчи раздались свистки городовыхъ, и когда толпа начала расходиться, околоточные во главѣ городовыхъ начали набрасываться на ту группу лицъ, среди которой находился ораторъ. Но эта группа отвѣтила полиціи самымъ энергическимъ отпоромъ и обратила нападающихъ въ бѣгство. Полицейскіе собрались въ болѣе значительномъ числѣ; къ нимъ присоединились переодѣтые жандармы; три раза повторялся натискъ на ту же группу лицъ и каждый разъ встрѣчалъ отчаянное сопротивленіе. Въ это время пріѣхалъ Треповъ и, возмутившись тѣмъ, что было арестовано лишь самое незначительное число лицъ, отдалъ приказъ: «хватайте, хватайте, какъ можно больше!» Тогда-то полиціей и былъ пущенъ въ присутствующую публику слухъ: «Поляки бунтуютъ; хватай кого попало; лови въ очкахъ и пледахъ».

Главная толпа уже разошлась; остались только небольшія кучки и отдѣльныя лица, отчасти вовсе не принадлежавшія къ демонстрировавшимъ; на нихъ то и набросилась полиція; она била, хватала женщинъ за волоса, бросалась даже съ обнаженными тесаками. Арестуемые защищались отчаянно; женщины не уступали мужчинамъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что полиція вкупѣ съ дворниками и съ сыщиками нахватала въ разныхъ частяхъ города 32 человѣка, въ числѣ коихъ было 11 женщинъ. Въ участкѣ обращались съ арестованными самымъ звѣрскимъ и варварскимъ образомъ; имъ была отведена комната аршина 3 ширины и 7 — 8 аршинъ длины; въ комнатѣ было поставлено человѣкъ 10 городовыхъ, дворниковъ и сыщиковъ. Арестованнаго ударомъ въ голову сзади вталкивали въ эту комнату; на него набрасывались полицейскіе и дворники, валили на полъ и били руками

и ногами сколько находили нужнымъ; избитыхъ нельзя было узнать, такъ они были изуродованы. Той же участи подвергались и женщины, и между ними одна при послѣднихъ дняхъ беременности; она упала замертво и потребовалось присутствіе доктора. Одинъ изъ арестованныхъ, крестьянскій парень, проѣздомъ мимо Аничкова дворца, кричалъ: «да здравствуетъ свобода! да здравствуетъ земля и воля»! За это ему проломили эфесомъ сабли голову, и, какъ ходятъ слухи, онъ теперь умираетъ.

Печатается по подлиннику (4 страницы, разм. 15 × 9½ сант.) в Ленинградском Историко-революционном архиве, библ. прокламаций, № 1239.

Листовки Г. В. Плеханова.

I.

Проект адреса от студентов министру юстиции.

Проект адреса составлен и отпечатан не раньше середины декабря 1877 г.: в нем упомянуто о смерти одного из обвиняемых в проц. 193-х — Жилинского, умершего 14 декабря 77 г. Авторство Г. В. Плеханова устанавливает О. В. Аптекман, упоминающий об этом в разных местах своей книги о «Земле и Воле» [1]).

Проект перепечатывается уже второй раз: впервые его перепечатало в 1878 году «Общее Дело» (см. № 11, май 1878 г.).

РУССКАЯ УЧАЩАЯСЯ МОЛОДЕЖЬ МИНИСТРУ ЮСТИЦІИ ГРАФУ ПАЛЕНУ.

Принимая во вниманіе:

1) что соціалистическія ученія преслѣдуются въ Россіи закономъ и притомъ такъ, какъ нигдѣ въ Европѣ;

2) что людей обвиняютъ въ политическихъ преступленіяхъ и ссылаютъ на каторгу за сочувствіе народу и стремленіе помочь ему въ его бѣдственномъ положеніи;

3) что этихъ людей держатъ по 3—4 года въ тюрьмахъ и потомъ объявляютъ, что «дѣятельность ихъ не можетъ быть вредна для государства»;

4) что самое предварительное заключеніе до такой степени звѣрское, что вызываетъ громадный процентъ смертности, сумасшествія и болѣзней;

5) что съ людьми, осужденными на 15 лѣтъ каторги за одно только присутствіе на «преступной демонстраціи», обращаются такъ, какъ нигдѣ въ свѣтѣ не обращаются съ ворами и мошенниками, подвергая ихъ тѣлеснымъ наказаніямъ, какъ это было съ Боголюбовымъ;

---

[1]) В первом издании (говоря о первом изд., мы не принимаем в расчет нелегальных — гектограф. и литограф. — изданий воспоминаний Аптекмана, где имя Плеханова, по понятным причинам, совсем не упоминается), — стр. 139 и 146, во втором издании, кроме этих двух упоминаний, находящихся теперь на стр. 299 и 308, еще — стр. 219 — 220. (Вот это последнее, новейшее, указание Аптекмана: «Зимою 1877 г. . . . молодежь сильно волновалась. Наш «центр» решил использовать это волнение. Вести агитацию среди молодежи поручено было Плеханову, Попову, Преображенскому и пишущему эти строки. Предполагалось устроить внушительную демонстрацию с подачей адреса министру юстиции, Палену. Адрес был написан Плехановым — сжато, сильно. Напечатан в землевольской «вольной типографии» и пущен предварительно в обращение среди молодежи. Демонстрация не удалась, но агитация не прошла бесследно»).

6) что людей, замученныхъ въ казематахъ крѣпости и дома предварительнаго заключенія, не даютъ даже похоронить ихъ товарищамъ и крадутъ ихъ трупы, какъ это было съ Устюжаниновымъ [1]) и Жилинскимъ [2]).

Принимая во вниманіе исчисленные факты, мы пришли заявить Вашему Сіятельству отъ лица всей учащейся молодежи свое сочувствіе тѣмъ людямъ, которые называютъ себя соціалистами, и спросить васъ, признаете ли вы въ отношеніи этихъ людей то, что называется неотъемлемыми правами личности; или русское законодательство и впредь будетъ расправляться съ соціалистами такъ, какъ башибузуки расправляются съ болгарами?

Печатается по подлиннику (1 стр., I столбец, разм. 19 × 7 сант.) в Ленинградском Историко-революционном архиве, библиотека, сборник изданий русск. подпольной печати, т. I.

II.

Прокламация к петербургским рабочим по поводу стачки на Новой бумагопрядильне (в 1878 г.).

История стачки рабочих Новой Бумагопрядильни в 1878 г. известна сравнительно хорошо, в виду сведений, попавших в тогдашнюю печать (легальные «Новости», нелегальное «Начало» — в оба издания материал дан Плехановым), и в виду того также, что ей отведено очень значительное место в воспоминаниях Плеханова и Попова [3]). К сожалению, нигде в литературе о стачке не упомянуто о выпущенной тогда петерб. народниками прокламации «к рабочим всех фабрик и заводов» с призывом поддержать бастующих товарищей. Покойный Ник. Серг. Тютчев, видевший в Историко-революционном архиве эту прокламацию, высказывал убеждение, что автором ее был Г. В. Плеханов. Указание это, не теряющее своего значения от того, что Н. С. в момент составления прокламации уже был под арестом, находит еще себе косвенное подтверждение во всем том, что нам известно об обстановке в Петербурге в тот момент. Плеханов, наряду с Тютчевым и Поповым, живее, а, главное, активнее кого бы то ни было из остальных троглодитов или близких к ним людей интересовался ходом стачки. Но ни Тютчев, ни Попов литературой в тот период не занимались, притом же непричастность Тютчева к составлению этой прокламации находится, в виду указанного выше словесного его заявления, вне всякого сомнения, Попов же, дважды подробно писавший о стачке, не преминул бы, надо думать, упомянуть о прокламации, будь он причастен к ее составлению, так как для него (не-писателя в то время) это был бы факт крупный и значительный. А Плеханов, уже начинавший в 1878 г. проявлять себя, как первоклассная революционная литературная сила, писал о стачке в прессу, и ему же, разумеется, естественнее всего было написать и листок о ней. Указание Тютчева, а также высказанные сейчас соображения побуждают считать принадлежность прокламации Г. В. Плеханову в высокой степени вероятной.

Экземпляр прокламации, бывший в нашем распоряжении, в типографском отношении неисправен: весь почти левый край не отпечатался. Приводя прокламацию с сохранением порядка строк подлинника, мы невышедшие буквы и слога поставили в прямые скобки.

---

[1]) Устюжанинов, Иннокентий Александрович, студ. мед. фак. Моск. унив. Привлечен по большому процессу, умер задолго до суда, 1 августа 1876 г. *(Л.)*

[2]) Воймин-Мурдас-Жилинский, Николай Паулинович, обвиняемый в процессе 193-х, умер во время суда, 14 декабря 1877 г. *(Л.)*

[3]) Воспом. Плеханова («Русский рабочий в револ. движении») и заметки из «Недели» и «Начала» см. в III т. его сочинений, стр. 159 — 171 и 421 — 428 (Госуд. издат., 1923 г.). Воспоминания М. Р. Попова о стачке см. в «Былом», 1907, № 5, стр. 300—305, и в «Голосе Минувшего», 1920 — 21, стр. 72 — 84.

КЪ РАБОЧИМЪ ВСѢХЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ.

Друзья Рабочіе!

Горькая нужда и тяжелыя подати гонятъ васъ изъ деревень на фабрики [и] заводы: вы ищете работы, чтобы удовлетворить старшину и станового, [кот]орые съ розгами требуютъ податей.

И вотъ, когда вы поступаете къ хозяевамъ, они мало того, что выду-[мы]ваютъ безбожные штрафы, мало того, что вычитаютъ за каждую поломку [въ] станкѣ, они что дальше, то все меньше да меньше норовятъ платить, [и] постоянно уменьшаютъ заработную плату. «Пусти душу въ адъ — бу-[деш]ь богатъ!»

Рабочему человѣку защиты искать негдѣ. Полиція всегда заступается за [хоз]яина: чуть что—рабочаго волокутъ въ кутузку!

Хозяева рады, что рабочіе не дружно стоятъ другъ за дружку: нынче [приба]вили плату на одной фабрикѣ, завтра убавятъ на другой—вотъ дѣло-то [хоз]яйское и въ шляпѣ!

Покуда рабочіе не поймутъ, что они должны помогать другъ другу, по-[куд]а они будутъ дѣйствовать врозь, до тѣхъ поръ будутъ они въ кабалѣ [у] хозяина. А когда они будутъ стоять другъ за дружку, когда во время [ста]чки на одной фабрикѣ рабочіе другихъ фабрикъ станутъ помогать имъ, тогда не страшенъ имъ будетъ ни хозяинъ, ни полиція.

ВМѢСТѢ ВЫ—СИЛА, а въ одиночку васъ обидитъ каждый городовой.

Друзья Рабочіе!

Вотъ теперь рабочіе съ Новой Бумагопрядильни стакнулись, держатся все время дружно. Вамъ нужно поддержать ихъ. Вѣдь ихъ кругомъ обманули: самъ Козловъ божился уважить ихъ требованія къ 15 числу; а вмѣсто того [вы]шло, что ихъ только заманивали: никакихъ новыхъ правилъ 15 числа не [вы]вѣсили, а вывѣсили тѣ-же старыя, которыя они уже 8 лѣтъ знаютъ.

Неужели давать издѣваться надъ рабочимъ всякому жулику?

Нѣтъ, вы соберете въ ихъ пользу деньги: нынче вы имъ поможете, а зав-[тр]а они вамъ. Вѣдь и вы не въ раю живете, и вамъ, можетъ, придется [сч]итаться съ хозяиномъ.

Двугривенный небольшія деньги, а имъ между тѣмъ большая помощь, [осо]бливо семейнымъ, у кого дѣти.

Всякій, кто не продаетъ своего брата—рабочаго за деньги, долженъ по-мочь стачечникамъ.

Устройте у себя сборы (чтобы только фискаловъ-то поменьше терлось, покуда будете собирать) и отправьте на Новую Бумагопрядильню съ тѣмъ, [чт]обы они отдали эти деньги, когда случится стачка у васъ либо на какой [др]угой фабрикѣ.

Такъ и помогайте другъ дружкѣ — на людяхъ и смерть красна!

Ваши друзья.

Печатано въ «Вольной Русской Типографіи» въ С.-Петербургѣ.

Печатается по подлиннику (1 стр., 1 столб., разм. $27^1/_2 \times 13^1/_8$ сант.), в Ленинградском Историко-революционном архиве, библ. прокламаций.

III.

Прокламация от имени луганских казаков ко всем казакам.

Относительно участия Г. В. Плеханова в составлении настоящей прокламации мы имеем его собственное показание, сделанное им в предисловии к русскому изданию книги А. Туна. Приводим соответственное место из этого предисловия: «Летом 1878 г. волновались донские казаки по случаю введения у них земства [1]), которое было огромным шагом назад сравнительно с их почти первобытным самоуправлением. Верные своей «бунтарской» программе, землевольцы поспешили отправиться на Дон и завязать сношения с недовольными. Я был одним из первых, попавших туда, членов «Земли и Воли». Ознакомившись с положением дел и убедившись, что оно благоприятно для агитации, я написал об этом в Петербург, откуда немедленно двинулся ко мне на помощь Александр Михайлов. Но так как я спешил отпечатать «Воззвание к славному войску донскому», составленное нами, «интеллигентами», при участии «спропагандированных» нами казаков, то я выехал в Петербург, — где у нас была тогда тайная типография, — не дождавшись приезда Михайлова в Ростов-на-Дону. Это было уже осенью и всего несколько дней спустя после большого «провала», погубившего Ольгу Натансон, Адриана Михайлова и многих других наших надежных товарищей» [2]). Последнее указание Плеханова позволяет сделать вывод, что он вернулся в Петербург с Дона около середины октября 1878 г. Прокламация, следовательно, хотя и датирована 15-м августа (Успение), отпечатана не ранее октября 78 г. [3]).

ПОСЛАНІЕ ОТЪ ЛУГАНСКИХЪ КАЗАКОВЪ КО ВСѢМЪ БРАТЬЯМЪ КАЗАКАМЪ.

Отъ Луганской станицы всѣмъ станицамъ славнаго Донскаго Воинства поклонъ.

Братья! Въ тяготѣ своей и утѣсненіи къ вамъ мы обращаемся, ибо больше намъ ждать помощи не отъ кого.

Послушайте же и разсудите.

Искони вѣковъ жили мы, казаки, вольно на добытой нашей кровью землѣ.

Не силкомъ, а вольной волей пошли мы подъ руку великихъ царей россійскихъ. А вѣрно ли мы служили имъ, про то вѣдаютъ степи сыпучія черноморскія, солончаки крымскіе, да горы снѣговыя высокія турецкія, что кровью нашей политы, головами нашими посѣяны.

Никогда намъ не было ни обиды, ни тѣсноты отъ царей русскихъ, что помнили нашу службу и блюли нашъ законъ дѣдовскій и прадѣдовскій. Какъ былъ у насъ на Дону царь Александръ Николаевичъ, что обѣщалъ, что говорилъ онъ? Спросите у стараго и малаго, — всякій скажетъ, всякій помнитъ. Обѣщалъ царь Александръ Николаевичъ блюсти наши

---

[1]) Здесь и ниже подчеркнуто Плехановым.

[2]) А. Тун. История революционных движений в России. Перевод В. Засулич, Д. Кольцова и др. Цитир. по изд. Петрогр. Совета Рабоч. и Красноарм. Депутатов, 1918 г., стр. 37 — 38. О своем приезде в Петербург спустя короткое время после провала Плеханов сообщает и в воспоминаниях об Ал-дре Дм. Михайлове, а также в записанных Л. Дейчем и опубликованных в № 3—15 (1923 г.) «Пролет. Революции» замечаниях на некоторые народовольческие мемуары.

[3]) Если, конечно, не допустить, что Плеханов мог позабыть и изложить, вследствие того, не вполне точно те или другие подробности дела (такое предположение в данном случае не кажется слишком вероятным).

старинныя вольности, говорилъ, что какъ прежде не платили казаки ни за лѣсъ, ни за воду, ни за землю, что своей кровью добыли, такъ не будетъ того и впредь. Мы обнадежились и порадовались, потому передъ тѣмъ уже наѣзжали къ намъ всякіе чиновники отъ начальства и грозились обложить податями и землю, и лѣса, и сады, и постройки:

«Не будетъ того больше послѣ слова царскаго» — думалось намъ. А вышло и того хуже.

Слушайте, братья, и судите на чьей сторонѣ правда.

Весной нонѣшной нежданно, негаданно, пріѣхало къ намъ два землемѣра съ засѣдателемъ и говорятъ, что намъ, казакамъ Луганской станицы, приказано-де отъ земства отдать ему, земству, весь лѣсъ, что входитъ въ нашъ юртъ, и что они трое пріѣхали размежевать его, чтобы земству вѣдомо было, гдѣ сколько ему нашего добра перепало. А какъ межеванія имъ втроемъ не сдѣлать, то велѣно намъ же самимъ имъ въ томъ оказать пособіе.

Выходитъ: отдай мнѣ твоего барана, да самъ же облупи, да зажарь, да еще на кусочки порѣжь, чтобы мнѣ меньше хлопотъ было его кушать!

Вотъ какой приказъ вышелъ намъ, луганцамъ, отъ земства.

Какъ одинъ человѣкъ, вся Луганская станица объявила, что не бывать тому!

«Нашъ лѣсъ, испоконъ вѣку мы владѣемъ имъ и никому не отдадимъ, потому намъ безъ лѣсу — нельзя. А земства вашего мы и знать не хотимъ. Наши отцы и дѣды не одну сотню лѣтъ безъ земства жили, безъ земства свою землю рядили, безъ земства отъ татаръ и турокъ всю православную Русь обороняли»..

Уѣхали землемѣры; пріѣхалъ большой чиновникъ изъ Новочеркаска и началъ насъ словами путать, чтобы мы добровольно наше кровное достояніе земству отдали и потомъ ему же за каждое полѣно, за каждый сукъ деньги платили.

Не поддались мы на его лукавыя рѣчи.

«Самъ Царь, сказали мы, какъ былъ на Дону, обѣщалъ хранить всѣ наши старинные права и вольности. А слыхалъ ли кто, чтобы казаки когда либо платили за землю да за угодья? Отродясь того не бывало, не бывать, стало быть, и теперь». Нашъ лѣсъ, наша земля, мы имъ хозяева. «Кровью взяли, кровью и отдадимъ» — говорили старики.

Ничего не добился земскій чиновникъ; осердился, обозвалъ насъ бунтовщиками и такъ и уѣхалъ.

Да только злое, недоброе слово сказалъ онъ на прощаніе.

Сказалъ онъ, братцы, уѣзжаючи, что пошлютъ на насъ военную команду!..

Братья! Много солдатъ у начальства и великой ложью оно ихъ опутало. Солдатъ — что звѣрь: на кого натравятъ, того и загрызетъ. Прикажутъ командиры — онъ отца роднаго на штыкъ подниметъ, сожжетъ родную деревню, перестрѣляетъ братьевъ, друзей, земляковъ. Знаете то вы сами. А коли не знаете, спросите крестьянъ на всей Руси — они поразскажутъ вамъ!

Братья! Теперь этихъ солдатъ хотятъ послать на насъ. Забыты всѣ наши труды бранные, забыто, что мы, отцы и дѣды наши триста лѣтъ своей грудью боронили все православное царство отъ наѣздовъ татарскихъ и турец-

кихъ. Забыто все! Теперь мы сами стали турками. На насъ, какъ на тѣхъ же турокъ хотятъ послать тѣхъ самыхъ солдатъ, что съ турецкаго похода ворочаются!

А за что, про что?

Господамъ, что въ земствѣ сидятъ, завидно, вишь, стало, что мы не мремъ съ голоду, что не побираемся. Нужно, вишь, вырвать у насъ изо рта нашъ трудовой кусокъ. Ну вотъ и рѣшили они обложить податями и землю казацкую, и лѣса, и сады, и рыбныя ловли, и дома и постройки!

Братья! Намъ однимъ не устоять. Нагонятъ солдатъ, они перебьютъ изъ насъ половину, ворвутся въ наши дома, расхитятъ достатки, перебьютъ скотину, потопчутъ поля, будутъ издѣваться надъ нашими стариками беззащитными, опозорятъ нашихъ женъ и дочерей . . .

Не попустите, не потерпите, чтобы такъ надругались надъ казаками, вашими братьями! Всѣ мы одной семьи дѣти. У всѣхъ насъ одна судьба. Одолѣй сегодня насъ, завтра прійдетъ и вамъ чередъ.

Коли мы врознь пойдемъ, раздавятъ насъ наши лиходѣи и размычутъ, какъ тряпицу, всѣ наши вольности. Но велика могучая сила казацкая, когда вся заколышется. Не только не одолѣть ее, и подступить къ ней не посмѣютъ.

Съ вѣрнымъ человѣкомъ мы, казаки луганскіе, посылаемъ вамъ эту грамоту отъ всей станицы нашей по мірскому приговору. Собирайте и вы сходы каждая станица у себя особо. А на сходы тѣ станичныхъ атамановъ, старшинъ и начальство вы, братья, не зовите, потому продали они свою душу и честь врагамъ за хорошіе оклады и офицерскіе пайки. Зовите на сходъ простыхъ, нашихъ людей. Отъ нихъ мы ждемъ помочи и къ нимъ мы обращаемся. А какъ соберетесь — прочитайте эту грамотку всѣмъ сходомъ и коли не умерла въ васъ честь казацкая, коли дороги вамъ наши вольности, коли хотите вы стоять за правду святую, то выбирайте своихъ ходоковъ, чтобы шли къ намъ и были за одно съ нами.

Тогда уже не мы одни, а всѣми станицами славнаго Донскаго Воинства мы объявимъ:

Что

БУДЕМЪ СТОЯТЬ ЗА СВОИ СТАРЫЯ ВОЛЬНОСТИ, КРОВЬЮ ДОБЫТЫЯ, ЦАРЕМЪ УТВЕРЖДЕННЫЯ;

Что

ВСѢ ОТКАЗЫВАЕМСЯ ПЛАТИТЬ НЕЗАКОННЫЕ ПОДАТИ И ПОБОРЫ, ЧТО ХОЧЕТЪ ЗАВЕСТИ НАЧАЛЬСТВО;

Что

ВСѢ РЕШИЛИСЬ ЛУЧШЕ ЛЕЧЬ КОСТЬМИ, ЧѢМЪ ПЕРЕСТАТЬ БЫТЬ ВОЛЬНЫМИ КАЗАКАМИ!

Братья! Уже отъ многихъ сосѣднихъ станицъ получили мы слово доброе. Наши братья казаки обнадеживаютъ насъ стоять крѣпко и обѣщаютъ подмогу противъ врага всего воинства казацкаго; не отстаньте же и вы! Какъ увидитъ земство да чиновники, что не съ одной станицей дѣло имѣть, а со всѣмъ грознымъ воинствомъ, не посмѣютъ и приступиться.

Подыми же голосъ свой великій вольный Донъ и, какъ воронье поганое, что накинулось на добычу орлиную, разлетается во всѣ стороны, лишь заслышитъ вдали грозный крикъ его, такъ разсѣются враги твои, лишь только услышатъ могучій голосъ твой!

Луганская станица.
1878-го года въ день Успенія.

Печатается по подлиннику (2 стр., 1 столб., разм $23^1/_2 \times 18$ сант.), в Ленинградском Историко-революционном архиве, библ. прокламаций, № 3374.

Сообщил *Ш. Левин.*

К делу В. И. Засулич.

I.

Два всеподданнейших доклада шефа жандармов о В. И. Засулич, от 24 и 25 января 78 г.

Личность, покушавшаяся сего числа на жизнь Ст.-Петербургского Градоначальника и назвавшаяся первоначально дворянкою Елизаветою Козловою, при допросе отказалась от принятой ею фамилии Козловой и в настоящее время подписывается «не желающей назвать себя».

Из допроса вышеупомянутой личности, отобранного Судебным Следователем Кабатом, видно, что она задумала покуситься на жизнь Градоначальника, с того времени, как сделалось известным по газетам, что некий Сановник высек содержащегося тогда под стражею, сосланного по делу о беспорядках 6-го Декабря на Казанской площади Боголюбова и решилась отмстить именно Генерал-Адъютанту Трепову за то, что как она слышала, что наказание Боголюбову произведено было по его распоряжению. Лично Генерал-Адъютанта Трепова она не знала и говорит, что ей было бы безразлично убить его, или ранить.

На дальнейшие вопросы о том: была ли неизвестная под судом, или следствием, она показать не пожелала, и о том, где приобрела револьвер, не говорит.

Постановление о содержании под стражею неизвестной составлено Судебным следователем Кабатом на основании 9, 114 и 1454 ст. Улож. о наказаниях.

Неизвестная арестована при III-м Отделении.

Завтра дальнейшее дознание будет продолжаться при Жандармском Управлении.

24 Января 1878 года.

На подлинном резолюция Александра II: «Это упрямство совершенно напоминает Каракозова».

Дворянка девица, дочь капитана Вера З а с у л и ч, 24-х[1]) лет, была привлечена к следствию по делу Нечаева в качестве обвиняемой, потому во 1-х, что подсудимый Орлов заявил между прочим, что когда он, по отъезде Нечаева заграницу, жил в С.-Петербурге у Томиловой, то последнюю очень часто посещала Вера Засулич, на имя которой Нечаев писал из заграницы; во 2-х, поводом к привлечению Веры Засулич послужили

---

[1]) Ошибка: 28-ми лет. *(Ред.)*

сведения III-го Отделения, что у нее в квартире весною 1869 года собирались молодые люди, рассуждавшие о преступных замыслах против Священной Особы Вашего Императорского Величества. Это последнее злоумышление представилось еще более правдоподобным после допроса свидетельниц сестер Токмачевых, на квартире у коих жила Вера Засулич, и которые заявили, что слышали от матери Засулич, будто бы в обществе, собиравшемся у ее дочери, речь идет о провозглашении в России республики.

На допросах Вера Засулич объяснила, что одно только письмо она действительно получила из заграницы для передачи Орлову, но от кого, — не знает; что же касается до выражения на словах злоумышления против Священной Особы Государя, то она никогда ни о чем подобном не помышляла.

В виду продолжительного промежутка времени, который истек со дня получения III-м Отделением сведений об означенном злоумышлении Веры Засулич и до производства формального следствия, собрание доказательств важного обвинения против Засулич оказалось невозможным. Поэтому, при отсутствии против Веры Засулич достаточных улик, она освобождена была из-под ареста и выслана под надзор полиции в Новгородскую губернию.

Вера Засулич по убеждениям и действиям своим принадлежит к так называемым нигилисткам.

Во время производства нечаевского дела в С.-Петербургской Судебной Палате, Вера Засулич была вызвана, как свидетельница. На суде она отреклась от своих прежних показаний и показывала исключительно в пользу подсудимых.

Впоследствии, Вера Засулич переведена была в Тверь. Когда же Начальник Тверского Губернского Жандармского Управления донес, что Вера Засулич занимается преступною пропагандою и у нее при обыске найдено было много писем и рукописей предосудительного содержания, то она переведена в г. Солигалич, Костромской губернии, под строгий надзор полиции [1]).

Брат Веры Засулич, капитан Лейб-Гвардии Финляндского [2]) полка, недавно за отличие в сражении против Турок в Болгарии произведен в Полковники [3]), а мать ее живет в С.-Петербурге в квартире сына в казармах означенного полка.

Вера Засулич родная сестра жены ссыльно-каторжного по нечаевскому делу Успенского и жены дворянина Никифорова, высланного под надзор полиции в Пензенскую губернию за крайнюю политическую неблагонадежность.

25 Января 1878 г.

На подлинном резолюция Александра II (приводится с сохранением орфографии): «Какова рода женщина ее мать».

Печат. по подлинникам, в Ленингр. Ист.-Рев. Архиве, арх. III Отд., том всеподд. докладов с высоч. резолюциями за 67 — 79 г.г. по 3 эксп., и 68 — 69 и 74 г.г., по 4 эксп.

---

[1]) Затем Засулич проживала в г. Сумах, Харьковской губернии, с семейством Никифоровых, а потом Пензенской губернии, Краснослободского уезда в имении Оброчна.

[2]) Надписано карандашом: Гренадер.

[3]) На полях карандашом: Не верно.

II.

Две листовки о покушении В. И. Засулич на Трепова [1].

13 ИЮЛЯ И 24 ЯНВАРЯ.

13-го іюля 1877 года въ домѣ предварительнаго заключенія, по приказанію петербургскаго градоначальника Трепова, былъ высѣченъ осужденный политическій преступникъ Боголюбовъ за то, что не снялъ шапки при разговорѣ съ Треповымъ . . .

24-го января 1878 года въ Трепова былъ произведенъ выстрѣлъ изъ револьвера. Рана опасна, но Треповъ еще живъ. Молодая дѣвушка, покусившаяся на жизнь Трепова, на допросѣ заявила прямо, что она хотѣла убить Трепова за его расправу съ Боголюбовымъ, — попранное человѣческое достоинство Боголюбова отмщено!

Въ газетахъ уже напечатаны подробности покушенія. Однѣ изъ нихъ этимъ и ограничились; другія выразили сожалѣніе «о несчастіи, постигшемъ почтеннаго градоначальника», а С.-Петерб. Вѣдомости посвятили этому событію особую передовую статью, пробуя выяснить мотивы покушенія . . .

«Покушеніе на жизнь градоначальника Петербурга вызвало взрывъ общаго негодованія. Грубый произволъ и насиліе, въ какихъ бы видахъ они не проявлялись, всегда возмущаютъ душу и невыносимо тяготятъ всѣхъ и каждаго», такъ начинаетъ свою статью борзописецъ Петрб. Вѣд. Дальше оказывается, что «общество горячо относилось къ дикому проявленію произвола» т. е. къ покушенію на жизнь Трепова.

Неразумно было бы отъ прославленнаго подвигами весьма сомнительнаго свойства «сербскаго героя» полковника Комарова ждать честнаго и правдиваго слова — «не приноситъ винограда терновникъ», — но трудно все-таки допустить такую бездну холопства въ душѣ человѣка, чтобы его языкъ повернулся назвать «грубымъ произволомъ и насиліемъ» честный и геройскій поступокъ самоотверженной русской дѣвушки! . . Покушеніе на жизнь Трепова — «грубый произволъ и насиліе, возмущающіе душу»?! . . . А гдѣ-жь были вы, г. Комаровъ и ваши собратья по печати, когда совершались дѣйствительно акты «грубаго произвола и насилія», «дикія проявленія произвола»?

Гдѣ были вы, когда въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ умерщвлено медленною смертью и доведено до сумасшествія до 100 человѣкъ изъ русской молодежи, посвятившихъ себя на служеніе русскому народу? Гдѣ были вы, когда лучшія силы русской интеллигенціи ссылались, по такъ называемому «суду», въ «централку», въ рудники, заводы и крѣпости, ссылались массами и безъ всякаго суда «административно»? Гдѣ были вы, когда полиція крала трупы умершихъ въ тюрьмѣ «политическихъ», чтобы на могилѣ ихъ товарищи, прощаясь съ дорогими трупами, не сказали непріятнаго для палачей русскаго народа и русской молодежи слова правды? Гдѣ были вы, когда тѣмъ же «градоначальникомъ Петербурга» была произведена жестокая расправа съ Боголюбовымъ и его товарищами по заключенію? . .

---

[1]) Печатаны в «Вольной Русской Типографии» в Петербурге.

Ваши глаза и уши были закрыты для этихъ дѣйствительно «дикихъ проявленій произвола и насилія»...

Вы въ теченіе этого времени сначала подускивали русское пр-ство на войну съ Турціей, а потомъ пѣли хвалебные гимны русскому воинству и кричали «въ Константинополь»! Вы лицемѣрно благословляли русское пр-ство «на великую и святую борьбу за свободу угнетенныхъ славянъ» . . .

И вы не подумали, кого благословляли? Благословляли «на святую борьбу за освобожденіе» то самое пр-ство, которое держитъ подъ страшнымъ гнетомъ «дикаго произвола и насилія» свой собственный народъ, которое раззорило его и довело до хроническаго голоданія, которое систематически душитъ въ тюрьмахъ, каторгахъ и ссылкахъ лучшія силы интеллигентной молодежи, желавшей посвятить себя на служеніе угнетенному русскому народу ! . . Баши-бузуки русские, обрызганные кровью лучшихъ борцовъ за свободу Россіи, ведутъ русскихъ солдатъ на бойню за свободу славянъ! . . И вы съ остальною русскою печатью не выразили негодованія за такую злостную насмѣшку, за такое поруганіе идеи свободы ! . .

Теперь по поводу покушенія на жизнь Трепова вы напечатали планъ расположенія и описаніе «комнатъ дома, занимаемаго г. градоначальникомъ», а никогда не напечатали вы плана расположенія и описанія камеръ того знаменитого «дома предварительнаго задушенія», въ которомъ не одинъ десятокъ молодыхъ, полныхъ силъ и энергіи жизней нашли себѣ могилу, не одинъ десятокъ честныхъ молодыхъ людей нажили себѣ неизлѣчимыя болѣзни, преждевременно ведущія к смерти ! . .

Вы подробно писали, какъ падалъ и вставалъ Треповъ, какъ онъ кричалъ: «доктора, доктора»! а не описали вы какъ, по приказанію того же Трепова, съ утонченною жестокостью истязали розгами Боголюбова (для вящаго вразумленія остальныхъ заключенныхъ, розги для сѣченія вязались передъ окнами женскаго отдѣленія дома предв. заключенія, а самое сѣченіе производилось въ нижнемъ этажѣ такъ, чтобы всѣ заключенные слышали стоны истязуемой жертвы); не писали вы, какъ тогда же, за взрывъ справедливаго негодованія со стороны заключенныхъ за такую звѣрскую расправу съ Боголюбовымъ, ихъ подвергли жестокому избіенію треповскіе городовые; какъ послѣ избіенія ихъ бросали въ ужасные карцеры, гдѣ они задыхались отъ недостатка воздуха, невыносимой жары и зловонія ! . .

Гдѣ были вы тогда? Отчего не заявляли своего негодованія, не кричали о «дикомъ проявленіи прозвола и насилія» ни вы, ни русская печать, усердно заносящая теперь на свои листки бюллетени о состояніи здоровья Трепова, ни русское общество, которое теперь шлетъ телеграммы въ знакъ сочувствія къ раненому? . .

Вы не дадите отвѣта на это, такъ мы ответимъ за васъ: не поднимали криковъ негодованія ни русское общество, ни русская печать, зная о сотняхъ преждевременно загубленныхъ жизней честныхъ борцовъ за права обездоленнаго народа — то расправлялось съ ненавистными ему лицами русское правительство, предъ которымъ общество и печать можетъ только рабски молчать, боясь проронить хоть одно слово правды ! . . Молчали они при вѣсти о звѣрскомъ истязаніи Боголюбова — то была расправа всемогущаго петерб., градоначальника Трепова . . . и гордый времен-

щикъ, вице-императоръ царства русскаго, поощряемый всеобщимъ молчаніемъ, думалъ, что нѣтъ предѣла его власти, нѣтъ преградъ его насилію, нѣтъ нигдѣ суда на его звѣрскія дѣянія, что даром сойдетъ ему поруганіе человѣческаго достоинства Боголюбова! . .

Да! нѣтъ на тебя, всемогущій опричникъ, оффиціального суда, нѣтъ на тебя никакого «особаго присутствія»: сенаторы—высшіе судьи — твои собратья по ремеслу задушенія русской молодежи. «Рука руку моетъ»! . .

Но есть судъ, который превыше всякихъ «особыхъ присутствій», судъ строгій, неумолимый, неподкупный, — то судъ чистаго, неиспорченнаго, нравственнаго чувства! Отъ этого суда не ушелъ ты, полувластелинъ русской столицы!

Этотъ-то судъ и заставилъ честную и безстрашную русскую дѣвушку взять въ руки оружіе и отомстить за Боголюбова, заставилъ убить человѣка, надругавшагося надъ беззащитнымъ плѣнникомъ правительства,— убить, несмотря на присущее человѣку инстинктивное отвращеніе ко всякому кровопролитію! . .

Не розами усыпанный путь предстоитъ тебѣ, безстрашная русская героиня, бъ недолгой оставшейся тебѣ жизни:

Предъ тобою путь, обрызганный уже мученическою кровью Дмитрія Каракозова: много мучительныхъ дней, много безсонныхъ адскихъ ночей заставятъ провести тебя царскіе палачи в прокурорскихъ и жандармскихъ мундирахъ!

Но ты знала на что ты шла и не будутъ для тебя неожиданны звѣрства палачей русскаго правительства!

Не прельстили тебя блага жизни, которыя, быть можетъ, предстояли тебѣ, еще молодой: не пожалѣла ты о нихъ, не пожалѣла ты и самой жизни, жизни молодой, полной силъ и энергіи,—все принесла ты въ жертву чистому и святому чувству справедливости, заставившему тебя взять въ руки оружіе!

Быть можетъ дойдутъ до твоего слуха слова поруганія надъ тобою, которыя будутъ красоваться въ разныхъ «сочувственныхъ» Трепову телеграммахъ, — пусть не смущаютъ они тебя: то выраженія холопскаго чувства той нравственной грязи, которая вездѣ заявляетъ, что она грязь!

Но за то все, что носитъ въ себѣ хоть каплю человѣческаго достоинства, хоть искру чистаго чувства, преклонится предъ твоимъ поступкомъ, исполненнымъ высокаго мужества и геройскаго самоотверженія за права поруганной человѣческой личности!

Съ свѣтлымъ и радостнымъ чувствомъ остановятся будущіе поколѣнія на твоемъ имени, безстрашная дѣвушка! В мрачной исторіи того печальнаго времени послѣ пресловутыхъ реформъ, когда народъ былъ раззоренъ и хронически голодалъ, а русскій царь справлялъ блестящія празднества по поводу брака своей дочери; когда лучшая интеллигентная молодежь беззавѣтно шла, чтобы помочь обездоленному народу, а правительство хватало ее и медленно душило въ тюрьмахъ, казематахъ, рудникахъ, централкахъ; когда всемогущій временщикъ дико надругался надъ беззащитнымъ борцомъ за народъ, и близкіе друзья оскорбленнаго в теченіе полугода не съумѣли отомстить за товарища; когда общество и печать молчали, рабски притаивъ дыханіе; — въ исторіи этого мрачнаго времени имя моло-

дой русской дѣвушки, рѣшившейся принести все и даже самую жизнь въ защиту поруганныхъ правъ личности, является свѣтлой точкой среди мрака запустѣнія!

Имя это — **Вѣра Засуличъ.**

Печатается по подлиннику (7 стр., разм. 14 × 9 сант.) в Ленинградском Историко-революционном архиве, библиотека, сборник изд. русск. подп. печати, т. II.

ПОКУШЕНІЕ НА ЖИЗНЬ ТРЕПОВА.—1878 Г. [1])

24 января, во вторникъ утромъ, было произведено покушеніе на жизнь петербургскаго градоначальника Трепова. При подачѣ прошеній, молодая дѣвушка, бывшая въ числѣ просительницъ, почти въ упоръ выстрѣлила изъ шестиствольнаго револьвера въ градоначальника и нанесла ему тяжелую рану въ бокъ. Совершившая покушеніе, не стараясь скрыться, послѣ выстрѣла отошла въ сторону, въ ожиданіи своей участи. Такова обстановка волнующаго теперь весь городъ происшествія. Мы не будемъ повторять здѣсь извѣстныхъ всѣмъ изъ газетъ подробностей этого дѣла. Наше дѣло высказать нашъ взглядъ на поступокъ русской Шарлоты Кордэ и мы выскажемъ его открыто, не обращая вниманія на то, понравится онъ публикѣ или нѣтъ.

Русская пресса взапуски пустилась выражать свои плаксивыя сожалѣнія и негодованіе по поводу несчастія «съ дорогимъ градоначальникомъ». Не мало нашлось охотниковъ выражать свои соболѣзнованія и благородное негодованіе по поводу «гнуснаго поступка молодой убійцы», по поводу грубаго насилія, самоуправства и т. д. Одна изъ газетъ, С.-Петербургскія Вѣд., перешедшая теперь въ руки обворовавшаго русскихъ добровольцевъ, въ Сербіи, пресловутаго полковника Комарова, посвятила даже цѣлую передовую статью неожиданному для нея казусу. По доносу С.-Петербургскихъ вѣдомостей, и казанская демонстрація, и настоящее покушеніе имѣли въ виду лишь одну цѣль — «унизить славу дорогаго отечества въ глазахъ Европы». По словамъ этой газеты, попытка русскихъ людей свободно высказать свои симпатіи къ главнымъ дѣятелямъ ея прогресса обнаружила слабость Россіи передъ Европой, — той Россіи, которая кричала о своихъ намѣреніяхъ поднять борьбу за свободу и прогрессъ на Балканскомъ полуостровѣ. Попытка положить конецъ произволу полусамодержавнаго временщика Трепова должна унизить русскую націю въ глазахъ Европы. Словомъ, пресса наша придумала массу всевозможныхъ объясненій совершившагося на нашихъ глазахъ факта, высказывала всякія соображенія, какія только могутъ придти въ голову холопу, желающему изобразить изъ себя свободнаго человѣка. Она забыла только одно объясненіе этого кроваваго эпизода, которое подсказываетъ всякому здравый смыслъ и голосъ совѣсти.

Его высказала схваченная на мѣстѣ своего подвига русская героиня. Она заявила, что взять въ руки оружіе, чтобы казнить смертію полновластнаго разбойника; ее заставила звѣрская расправа Трепова въ домѣ предвар. заключенія съ плѣннымъ соціалистомъ Боголюбовымъ, про-

[1]) Заглавие и год находятся на титульной странице.

шедшая совершенно безнаказанно этому звѣрю, не заклейменная печатью протеста и позора отъ лица русскаго общества.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ петербургскомъ домѣ предварительнаго заключенія разыгралась одна изъ невѣроятнѣйшихъ сценъ варварскаго насилія. Градоначальникъ — Треповъ, осматривая тюрьму, столкнулся съ политическимъ арестантомъ Боголюбовымъ и, придравшись къ тому, что послѣдній не достаточно поспѣшно снялъ передъ нимъ шапку, нанесъ ему оскорбленіе ударомъ по головѣ. Свидѣтели этой расправы, товарищи Боголюбова по заключенію, выразили свое единодушное негодованіе, посылая опричнику Александра II проклятія изъ оконъ своихъ камеръ. Разсвирѣпѣвшій баши-бузукъ, въ отвѣтъ на этотъ взрывъ негодованія арестантовъ, распорядился наказать Боголюбова 50 ударами розогъ, а въ клѣтки заключенныхъ нагнали стаю городовыхъ, которые били самымъ безчеловѣчнымъ образомъ арестантовъ и избитыхъ до полусмерти кидали въ смрадный карцеръ.

Ради утонченной жестокости розги для Боголюбова готовили передъ окнами женскаго отдѣленія тюрьмы, а истязаніе приказано было произвести въ нижней галлереѣ, чтобы арестованные могли слышать стоны наказываемой жертвы.

Ни одинъ голосъ, ни одна рука не поднялась тогда на защиту истерзаннаго Боголюбова и его товарищей. Ни одинъ слезоточивый русскій публицистъ, плакавшій надъ страданіями Болгаръ, ни полусловомъ не высказалъ своего сочувствія несчастной жертвѣ.

Звѣрская расправа эта произведена была не въ степи, не въ сибирскомъ острогѣ, не по приказу бурбона начальника, дѣйствовавшаго «не съ полнымъ разумѣніемъ», а по распоряженію неудобоуважаемаго градоначальника столицы, облеченнаго монаршимъ довѣріемъ втораго лица въ Имперіи.

Представимъ теперь себѣ положеніе человѣка, дорожащаго своей личной неприкосновенностью и видящаго, что насиліе надъ личностью человѣка совершается самими верховными блюстителями порядка и закона, и проходитъ для нихъ совершенно безнаказанно.

Какія мѣры возможны тогда для обузданія звѣрскаго произвола полновластныхъ временщиковъ? — Какимъ путемъ могъ Боголюбовъ, сосланный въ центральную тюрьму, вступиться за свое поруганное человѣческое достоинство?

Мы, пишущіе эти строки, нисколько не сторонники насилія. Мы боролись и боремся за права человѣка, за водвореніе мира и гуманности на землѣ, но мы всенародно рѣшаемся почтительно принести нашу глубокую благодарность тебѣ, безстрашная русская дѣвушка, не отступившая передъ страшной кровавой мѣрой и собственной погибелью, когда не оставалось других средствъ для защиты правъ человѣка.

Среди холопства молчащаго, задавленнаго общества, ты одна решилась собственною непривычною къ насилію рукою обуздать безнаказанный произволъ, передъ которымъ все преклонялось.

Ты не отступила передъ страшнымъ подвигомъ лишить жизни человѣка, что для тебя было гораздо труднѣе, чѣмъ пожертвовать своей собственной жизнью, и доказала, что чувство чести и понятіе

о правѣ и святости человѣческой личности еще не вымерли въ русскомъ обществѣ.

Ты доказала, что тираны не всесильны, что гнетъ рабства и азіатскаго деспотизма не истребили еще у насъ всѣхъ людей, способныхъ жертвовать собою на защиту поруганныхъ правъ ближняго.

Страшенъ и великъ твой подвигъ и немногіе могутъ вмѣстить его, но слава русскому народу, что въ немъ нашлась хоть ты одна, способная на такой поступокъ.

Страшна и славна твоя участь.

Тебя ждутъ допросы «съ пристрастіемъ», пытки, которыми ученые профессора пытали Дмитрія Каракозова и никто не услышитъ стоновъ твоихъ.

Тебя ждутъ поруганія и нравственныя пытки треповскихъ клевретовъ и превосходительныхъ заплечныхъ мастеровъ.

Если у тебя остался кто-либо близкій тебѣ, его ждутъ такія же пытки, и ты будешь свидѣтельницей его страданій.

Тебя ждетъ судъ палачей, который будетъ издѣваться надъ тобой; тебя ждетъ безчеловѣчный судебный приговоръ.

Ты сознательно пошла на всѣ эти муки, ты приняла еще горшую муку, рѣшившись обрызгать человѣческою кровью свои руки.

Прими-же отъ насъ дань нашего благоговѣйнаго удивленія, русская дѣвушка съ душою героя, а потомство причислитъ твое имя къ числу немногихъ свѣтлыхъ именъ мучениковъ за свободу и права человѣка.

Имя этой дѣвушки —

Вѣра Ивановна Засуличъ.

Печатается по подлиннику (5 стр. + титульная стр., разм. 14 × 9 сант.) в Ленинградском Историко-революционном архиве, библиотека, сборн. изд. русск. подп. печати, т. II.

1872 года 22 Мая. В своей квартире дворянка
Вера Иванова Засулич объяснила [illegible] Капитану Му-
[illegible].

От роду мне 22 года, веры православной. [illegible]
[illegible] революционного содержания
[illegible] от разных лиц, но от кого именно не помню
[illegible] из Твери 25 Мая
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] в Тверс-
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] из Петербурга. Добавить ни-
[illegible]

Вера Засулич.

Штабс-Капитан [illegible]

Собственноручное показание В. И. Засулич (от 22 мая 1872 года).

Из переписки В. И. Засулич.

Хранящиеся в Архиве 3-го Отделения с. е. и. в. канцелярии шесть писем Веры Ивановны Засулич печатаются нами, как материал для ее характеристики. Адресованные близким друзьям и матери в первый год пребывания ее заграницей, осенью 1878 г. и в начале 1879 г., они несколько приподнимают завесу над ее внутренним миром, над тем, что было пережито ею в период между выстрелом в Трепова и основанием Группы «Освобождение Труда».

Первое письмо написано ею Александре Николаевне Малиновской [1]), повидимому, в августе 1878 г., незадолго до второго, адресованного близкому ее другу Марье Александровне Коленкиной [2]). Третьим и четвертым помещены ответные письма Коленкиной и Малиновской. И те, и другие воспроизводятся по копиям, находящимся в деле 3-го Отд. 3 эксп. № 442 ч. I. «По обвинению в государственном преступлении Малиновской, Витаньевой, Сабурова, Соболева и др.», л.л. 118—125.

---

[1]) Малиновская, Александра Николаевна, родилась в 1849 г., дочь поручика, окончила курс в женской гимназии в Петербурге, художница. Привлекалась к дознанию по процессу 193-х в связи с арестом в 1874 г. саратовской сапожной мастерской Пельконена, где было найдено ее письмо, в котором она рекомендовала Ювенальевой С. Ковалика; за недостаточностью улик дознание по отношению к ней было прекращено.

Живя в СПБ в 1878 г., оказывала важные услуги землевольцам, хотя членом организации не была; ее квартира, где жила и М. Коленкина, была конспиративным центром. После ареста в ночь с 11-го на 12 октября 1878 г., по приговору военно-окружного суда 14 мая 1880 г., была присуждена к ссылке в Тобольскую губ. Но душевное здоровье ее было подорвано продолжительным одиночным заключением. Она четыре раза покушалась на самоубийство и 6 сентября 1880 г. была привезена в казанскую окружную психиатрическую лечебницу, где скончалась в начале 90-х годов.

[2]) Коленкина, Мария Александровна, до покушения В. З. на Трепова жила вместе с нею по паспорту Марии Антоновны Загорской. Участница большого похода в народ 1874 г., член киевского кружка бунтарей, из которого вышла перед чигиринским делом. Привлекалась к дознанию по процессу 193-х, но не была разыскана, так как перешла на нелегальное положение. В 1878 г. вместе с В. Засулич приехала в Петербург с намерением отомстить тов. обер-прокурора сената Желеховскому, обвинителю по большому процессу, что и пыталась совершить, но неудачно. (См. ст. Л. Г. Дейча «Черный Передел» в этом же томе.) Покушение на Трепова В. З. совершила при дружеской поддержке Коленкиной, которая ходила 13 января в приемную градоначальника с целью ознакомления с порядком приема просителей.

Отбыв 10 лет каторжных работ, к которым была присуждена военно-окружным судом 14 мая 1880 г., после вооруженного сопротивления 11 — 12 октября 1878 г., когда была арестована вместе с А. Малиновской под фамилией Марии Ивановны Федоровой, осталась в Иркутске, где живет до сих пор. В Сибири вышла замуж за сына смотрителя Петропавловской крепости Богородского, также сосланного по политическому делу.

Эти письма имеют свою печальную историю.

В ночь с 11 на 12 октября 1878 г. в Петербурге, в квартире А. Малиновской, где жила и Коленкина, был произведен обыск по анонимному доносу, доводившему до сведения 3-го отделения, что там скрывается убийца Мезенцева [1]).

Чтобы дать возможность Малиновской уничтожить имевшуюся у них переписку, в том числе и письма В. Засулич, Коленкина стреляла два раза в производивших обыск жандармского подполковника Кононова и пристава Любимова, но безуспешно. Произошла дикая сцена. По свидетельству самих жандармов письма вырывали у Коленкиной из рук и изо рта, в конце концов ее связали и избили.

Сведения, имевшиеся как в уцелевших письмах В. Засулич, так и в клочках изорванных писем ее же (найдено 16 обрывков), Валериана Осинского, Софьи Лешерн, Веры Рогачевой, Л. Корниловой-Сердюковой и др. — послужили материалом, на основании которого обыск, произведенный по анонимному доносу, разросся в большой провал центра организации.

Коленкина и Малиновская сурово расплатились за вооруженное сопротивление, как было квалифицировано их преступление.

После года и семи месяцев одиночного заключения в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, они были вместе с А. Оболешевым, О. Натансон, О. Веймаром и др. преданы военно-окружному суду. Коленкина пошла на каторжные работы в Сибирь, Малиновская закончила свою жизнь в психиатрической лечебнице.

Письмо, помещенное под № 5-ым, написано В. Засулич в самом конце 1878-го или начале 1879-го г., адресовано, как это можно сказать почти с несомненностью, — М. К. Крыловой [2]). Печатается по подлиннику, хранящемуся во 2-м секретном архиве 3-го Отделения (№ 40 — 78 г.), препровожденному туда Петербургским почтдиректором 20-го февраля 1879 г. Письмо это было найдено без конверта в почтовом ящике, куда было, повидимому, опущено во время преследования или слежки.

На сгибе листка вместо адреса проставлены буквы «М. К.».

Письма В. Засулич к матери (№ 6) и к Л. Г. Дейчу (№№ 7 и 8) печатаются нами по копиям, присланным 3-му отделению парижским агентом по кличке «Жозеф» (настоящего имени его мы, к сожалению, не могли установить), которому удалось, в бытность его в Берне, проникнуть в дом, где жили А. Макаревич [3]) и А. Эпштейн [4]) и посредством подкупа достать их корреспонденцию. Наряду с письмами С. Кравчинского, Д. Клеменца, П. Аксельрода и др., среди копий, снятых им, оказалось два письма В. Засулич, адресованных на имя А. Макаревич и предназначавшихся Л. Г. Дейчу, два письма к матери, адресованных на имя А. Эпштейн (до нас дошло только одно письмо, которое мы и воспроизводим), и одно письмо к А. Эпштейн [5]).

---

[1]) С. М. Кравчинский, действительно, часто бывал в квартире Малиновской и посвятил ей и вечерам, проведенным у нее, несколько теплых строк в своей «Подпольной России».

[2]) Крылова, Мария Константиновна, участница революционного движения 60-х и 70-х годов. (Подробные сведения о ней у Ек. Брешковской, «Голос Минувшего» 1918 г., № 10 — 12, и в ст. Л. Г. Дейча «Черный Передел» в настоящем сборнике.) Зимою 1878—79 г. жила в Петербурге, работала в типографии землевольцев.

[3]) Макаревич, Анна, рожд. Розенштейн, впоследствии Кулишева, в настоящее время Турати. Видный член кружка киевских бунтарей, разыскивалась для привлечения к дознанию. В апреле 1877 г. ездила заграницу, по поручению кружка, за типографией, предназначенной для чигиринского дела. В связи с раскрытием его, эмигрировала, зимой 1878—1879 г. жила в Швейцарии. Позднее ушла всецело в итальянское рабочее движение, в котором и в настоящее время играет видную роль.

[4]) Эпштейн, Анна Михайловна, жена Д. Клеменца, близкий друг С. Кравчинского, участница революционного движения 70-х годов, принимала участие в организации в Вильне кружка, из которого вышел А. Зунделевич. В марте 1877 г. была арестована в зале заседания особ. прис. сената во время процесса 50-ти. Была вскоре освобождена, отдана под надзор полиции и эмигрировала заграницу, где в течение ряда лет вела контрабандную переправу литературы и людей через русскую границу. Умерла в Вене 13 ноября 1895 г.

[5]) Мы не имеем возможности напечатать последнее, вследствие крайней неразборчивости снятой с него копии.

Принадлежность писем В. Засулич с несомненностью устанавливается их содержанием и находит полное подтверждение в воспоминаниях Л. Г. Дейча и О. Любатович.

Письмо к матери написано между 4 и 10 марта 1879 г., что подтверждается письмом О. Любатович от 7 марта, которое также находится среди копий, доставленных Жозефом. В письме этом она пишет: «В воскресенье [т.-е. 4 марта] Дмитро [Стефанович] нечаянно ранил себе руку пулей. Я и Вера, Сергей [Кравчинский] и Фанни [Личкус] взяли на себя роль сиделок».

Письма Л. Г. Дейчу написаны 3 и 4 апреля 1879 г. под впечатлением выстрела Соловьева, который произвел на всю группу эмигрантов, живших в то время в Женеве, очень тяжелое впечатление. Наиболее сильно реагировала на это событие В. Засулич [1]).

Жозеф, повидимому, совершенно не владел русским языком и, копируя письма, срисовывал каждую линию, не понимая начертания букв, поэтому эти копии представляют для воспроизведения местами непреодолимые трудности.

Мы печатаем письма с копий Жозефа, как ближайших к первоисточнику, обращаясь к другим, снятым с них в 3-м отделении, лишь в сомнительных случаях, для проверки.

Считаем необходимым отметить, что в прямых скобках напечатаны окончания дополненных нами слов, выпущенные места оговорены каждый раз в примечании с указанием числа непрочитанных слов, так же как и текст, восстановленный по смыслу; знаки препинания проставлены нами, в виду почти полного их отсутствия в копиях, чрезвычайно затруднявшего чтение.

1.

Письмо В. И. Засулич к А. Н. Малиновской.

Голубушка, Ал[ександра] Ник[олаевна], я, по своему обыкновению насвинячила, послала письмо в одном конверте и начинаю его Маше [2]), так что можно и не догадаться, кому его отдать, хотя, с другой стороны, можно догадаться, так как уже на нескольких письмах адрес был написан тою же рукой. Я отправила письмо, отправляясь путешествовать пешком, теперь уже третий день в дороге. По пути сообразила свое свинство и оно меня немножко терзало, но написать не могла, потому путешествуем мы диким образом, ночуем в заброшенных пустых избах в горах. (Это мы от

---

[1]) О. Любатович, жившая в то время также в Женеве, пишет в своих воспоминаниях («Далекое и недавнее», «Былое» 1906 г. май, стр. 241): «Выстрел Соловьева (2 апреля), для нас неожиданный, очень взволновал всех. В. И. Засулич три дня скрывалась в тяжелой хандре, она не оправдывала такого направления деятельности, мне порой казалось, что всякий подобный насильственный акт (покушение на Дрентельна и проч.) особенно сильно бил ее по нервам, так как она сознательно, а, может быть, и бессознательно приписывала себе первый шаг в этом направлении деятельности, явно клонящейся в сторону активной борьбы с правительством».

«На всех нас,—пишет Л. Г. Дейч в биографии С. М. Кравчинского (стр. 37),—это покушение произвело потрясающее впечатление, так как мы считали его большим несчастием для дальнейшей судьбы нашего освободительного движения. Нам казалось, что после него должна до чрезвычайности усилиться реакция, что затруднит деятельность среди крестьян; мы боялись также, что это покушение оттолкнет от движения более мирно настроенные элементы и лишит нас сочувствия и поддержки либеральной части общества».

См. также ст. Л. Г. Дейча в настоящем сборнике «Черный Передел».

[2]) Коленкина, М. А.

Эль.[1]) к Реклю отправляемся. Сведения для Сергея[2]). Зашли на минутку к Пер — у в Сионе и гроза заставила заночевать, я оттуда и пишу.) Завтра Д. [3]), наконец, уезжает, жаль мне с ним расставаться, последнее время мы были почти постоянно вместе, и его общество сильно облегчало мне существование, добрый он бесконечно, добрей не выдумаешь человека. Теперь останусь, вероятно, на несколько дней одна у Реклю. Французженок полон дом (его жена и дочери)—брр... Впрочем, если уже очень не понравится, сбегу назад к Эль., там довольно сносно. Люди добрые и гостям полная воля, ни малейшего заниманья.

Маша, М[арья] А[поллосовна][4]) писала мне, что злыдни [5]) здесь скоро будут, правда это? Не знаю, откуда она взяла.

А я еще о сю пору не читала статьи Сер[гея] о приговоре.

Ну, если еще буду писать, то есть опасность впасть в описание гор, уж больше недели, как они у меня вечно перед глазами и под ногами. Д. все вам обо мне расскажет. Вы подружитесь с ним, пожалуйста, очень он милый человек. Ну, прощайте, мои золотые. Крепко вас обнимаю.

2.

Письмо В. И. Засулич к М. А. Коленкиной.

Машечка моя! Я сейчас получила твое письмо и хочется мне скорей, скорей отвечать на него, и не знаю, что отвечу, боюсь, что не сумею (я ведь не умею писать) и не знаю, с чего начать. Начну вот с чего, хотя это и не будет в ответ на твое письмо. Мне Ал[ександра] Н[иколаевна] написала, что ты думаешь сюда приехать для меня. Я тогда почувствовала, что обязана всеми силами стараться помешать этому, и поспешила ответить, выставила первые попавшиеся на перо причины, неосторожно, не бережно. Теперь, прочтя твое письмо, я вспомнила, что ты после него еще два получила, и эти два могут усилить такое твое настроение относительно меня, в котором ты это пишешь. Ты можешь по ним не заглянуть в мою душу, не понять, почему я не желала твоего приезда, и оскорбиться. И теперь я не знаю, как мне растолковать тебе, что не по недостатку любви к тебе я не хочу этого, а именно потому, что я очень, очень люблю тебя. Я знаю, что здесь на первое (и не малое) время, по крайней мере, для тебя не создастся внеш-

---

[1]) Эльсниц А.

[2]) С. М. Кравчинский (Степняк). Лето и осень 1878 г. провел в Петербурге, куда приехал с намерением создать нелегальный орган, привез с А. Зунделевичем часть типографии для «Земли и Воли», которая стала выходить при его ближайшем участии. Лишь позднею осенью вернулся он заграницу, по настоянию друзей, опасавшихся дальнейшего пребывания его в России после совершенного им 4 августа убийства шефа жандармов Н. Мезенцева.

[3]) Речь идет о Дм. Клеменце, которого вызвали в это время в Петербург для работы в редакции «Земля и Воля».

[4]) Тургенева М. А., рожд. Бетева, близкая приятельница В. З., жила с нею вместе в Швейцарии, куда эмигрировала в 1877 г., будучи привлечена к дознанию по чигиринскому делу. Принадлежала к кружку киевских бунтарей, в ее квартире помещалась так называемая «коммуна Я. Стефановича».

[5]) «Злыднями» или «хлопцами» В. Засулич и М. Коленкина называли Л. Г. Дейча и Я. В. Стефановича.

него мира, интересов, все это я одна заменила бы для тебя, и я боялась, даже больше, знала, что это невозможно, мы грызться начнем, грызться по пустякам, грызться, продолжая горячо любить друг друга (разве не любили мы друг друга тогда осенью? А ведь как мучили друг друга!), да еще грызться при людях, так как не видела практической возможности очень уединиться, и на такое-то житье я допустила бы тебя оставить Питер, где так много жгучих внешних интересов, где тебе некогда, где у тебя есть дело, а ведь дело может очень, чуть не вполне, заменить всякие отношения, дружбу, очень, очень многое (эта мысль позволяла мне строго, небережно относиться к твоему молчанию, я думала тебе меня в настоящее время не нужно, заменена делом). Я чувствовала, что это просто преступлением будет, страшным эгоизмом. Я вот теперь знаю, что Д. и Ж.[1]) в Берне, недалеко, часов 6 пути, и как подумаю, что ты могла бы быть уже здесь, так больно станет, что этого нету, и я ведь соврала тогда, что так уж меня вылечили горы, хотя, впрочем, правда в Женеве еще хуже было, а все-таки ладно, так и надо, пускай больно, да не прибавится к этому сознанье, что тебе из-за меня хуже, чем может быть.

Теперь о том дне. Я заметила, конечно, что тебе скверно, как не заметить? Я и пыталась подходить к тебе, да ты прогоняла. Я, сознаюсь, приписала тогда это твое дурное настроение одному очень скверному чувству, не буду говорить какому, я может и ошиблась, даже верно ошиблась, ты объясняешь иначе. Я вовсе не отдавала всю себя знакомству с С[ергеем]. Я беспрестанно вспоминала о тебе и злилась на то же самое, на что и ты, т.-е. на то, что ты в этот последний день можешь заниматься тем, чем, мне казалось, ты занимаешься. Но правда, что я на этом не сосредоточивалась, и Сергей отчасти мешал, а еще больше предстоящая поездка; после, дорогой-то, я совсем успокоилась, а заранее сильно подумывала, что чрез несколько часов могу поселиться, и уже, если не окончательно, то надолго, в 6-м, и это волновало меня, мешало чем бы то ни было сильно огорчиться или разозлиться. Я уже сказала тебе, почему я могла острить и небережно писать тебе по поводу твоего молчания. Я думала, что дела дают тебе возможность не нуждаться в переписке со мною, что естественно, но неестественно было для тебя (для тупорылой было бы естественно) забывать, что я-то в другом положении, что я-то нуждаюсь. Я думала, что эти дела и вытекающие из них связи, дружбы (не такие, как наша, в другом роде, а все же таки утешительные) служат для тебя щитом, который не позволит моим стрелам больно уколоть тебя, и только побеспокоят и заставят писать. Я совсем, совсем без ехидства это пишу, и тогда не к делам твоим я относилась с ехидством, а к тому, что ты из-за них обо мне забыла. Ведь тогда, Машечка, один день, волненье мешало мне придумать средство «огладить» тебя и как будто заставило забыть о тебе, а тут целые месяцы.

---

[1]) Л. Г. Дейч и Я. В. Стефанович. Организуя «тайную дружину» среди крестьян Чигиринского уезда в зиму 1876 — 77 г., Л. Дейч носил имя Евгения Санина, а Я. Стефанович — Дмитрия Лашкевича или Дмитра Найды. Имена — Женя и Дмитро — остались за ними и позже. После побега 27 мая 1878 г. из киевской тюрьмы, прожив некоторое время нелегально в Петербурге, они в июле уехали в Швейцарию.

Теперь о самом важном, о том нечто, что осложнило твое отношение ко мне (клянусь, что на [1]) мое к тебе ни «своеобразно», никак иначе на меня оно не влияет и не может влиять). Я догадываюсь, конечно, что это такое, что даже на тебе отзывается, но что же сказать мне на это, у меня вот слезы к горлу подступают, когда я перечитываю это место твоего письма. Это такая месть судьбы мне за известный поступок, какой не выдумать бы самому . . . . [2]), если бы он был гением изобретательности. Да, право, он вполне отомщен даже и без этого. Множество скверного и притом неотразимого, неизбежного в отношениях людей к себе заметила я за это время, и все это вытекает из того же источника. Правда, нечто и такое, что может сделаться хорошим (Клем[енц], Сер[гей]), вышло из того же, но это все может быть, да «если я сумею», а скверное не зависит ни на волос от меня,—и очевидно, и неизбежно. Что же мне делать? Месть судьбы. Ничего не поделаешь. Я, знаешь ли, боюсь, что никакая бережность, осторожность не поможет, я боюсь, что так легко могу оскорбить тебя, не замечая сама, а ты оттолкнешь меня, не захочешь объясниться. А ведь и я тоже теперь не полезу «оглаживать» тебя на пролом, не обращая внимания на отталкивания, потому что подумаю, что тебе не так уж, как прежде, меня нужно, что у тебя есть не призрачные, а реальные преимущества положения, дела, связи. Какая гадость, какое тупорылие вкралось в наши отношения, неужели это неизбежно, неужели нельзя всего этого к чорту послать? Мне-то можно и, впрочем, даже нечего посылать, я тебя не оттолкну.

Злыдни, вероятно, завтра или после завтра сюда приедут. Сегодня М[арья] Ап[оллосовна] получила от них записку из Берна, в которой они выражают желание побывать у нее, не знаю, известно ли им, что я здесь. М[арья] Ап[оллосовна] догадалась, вспоминая разные сцены во время нашего житья у нее, что они скрывали от нас свое дело, спросила у меня, я подтвердила. Что это скрыванье нам должно было быть очень неприятно, она сама поняла и потому спросила у меня, хочу ли я, чтобы она их пригласила, я сказала, что хочу, ведь иначе это была бы месть какая-то, что-то нехорошее. Я теперь обязана встретить их без всякой враждебности, обязана даже не избегать их, а то ведь это западня какая-то выйдет это приглашение, все вокруг незнакомые, я прячусь, и М[арья] Ап[олоссовна] без меня, боюсь я, что тоже несколько натянуто их встретит. Уж как мне чорт поможет с собой справиться, ей-богу, не знаю. Мне представляется, что у меня просто окажется виноватая морда. Женя найдет, что я, как была мелким чиновником, так и осталась. Ничего не могу придумать, как с этими деньгами быть, у меня, говоря по правде, в настоящую минуту вовсе денег нет. Прожила то я самую малость и вместе с дорогой рублей 100, а остальные взаймы (тоже и с отдачей, а вероятнее без отдачи) раздала; здесь просто брать не в моде, а все взаймы. Я, по обыкновению, не могу, имея деньги, слышать, как при мне говорят, что их нужно сейчас — неудержимое жела-

---

[1]) В тексте «не».

[2]) Как отмечает на полях копии 3-е отделение, в оригинале под точками карандашом надписано другим почерком: «Трепову».

ние предложить. Напишите Льву[1]) ты или Ал[ександра] Ник[олаевна]. Напишите, что дети здоровы, и что с тебя эти деньги требуют. Неужели он не устыдится?

Ну, прощай, дорогая моя, напишу, как у меня с Д. и Ж. обойдется.

3.

Письмо М. А. Коленкиной к В. И. Засулич. Октября 10-го.

Поднялась я сегодня чуть свет и вот, пользуясь уединением, захотела сейчас же поделиться с тобой теми страхами, которые лишили меня сна. Мне, видишь ли, приснился мерзейший сон, который я истолковала в смысле твоей скорой (а может быть и совершившейся) поездки в Новгор[од]. Глупо это разумеется, но наряду с Гирсом имеет некоторое основание и заслуживает доверия и снисхождения, и ты, ради бога, снизойди до этих опасений и сделай все для того, чтобы они не могли оказаться верными. Если есть и у вас на этот счет какие-нибудь признаки, то ты не жди меня и уезжай куда-нибудь подальше. Грустно мне это очень, но все-таки будет лучше — больше будет шансов на нашу встречу в будущем, — и уж на нашей родине, а не на чужбине, так как я откажусь тогда от моей поездки . . . Господи, и зачем только приснился мне этот проклятый сон! . . . Все до него обстояло благополучно: не верила я ни «в картому»[2]), ни в Гирса, радовалась, что старуха уже сама начала торопить меня отъездом и не смущалась тем, что, может быть, моя поездка с ребенком не в интересах матери. Ведь ее энергическая записка к мужу говорила именно за это, но я не постаралась узнать, здесь ли еще он, и не передала ему этой записки, — шла, так сказать, на подлость и вдруг . . . Из-за чего же мне совершать тогда подлость, если ты уедешь? Следовать же за тобою я не буду иметь возможности, так как, вероятно, не найдется охотников выдать мне «казенный». Пиши же мне скорее, как ты себя чувствуешь, и что у вас там известно, а то я боюсь попусту упустить полезную для себя (т.-е. знающую языки и вообще, говорят, прошедшую огни и воды) спутницу. Она ждет только выдачи паспорта, который, можно надеяться, будет выдан ей скоро и беспрепятственно. Барыня эта — родственница того, который противоречия сводит на «ты глуп», — помнишь, — ты когда-то написала о нем; едет она устраивать его денежные дела и, кроме того, кажется (по моим соображениям), имеет тайный замысел пристать и помочь нашим злыдням, потому что она, говорят, чуть что не со дня своего рождения думала так, как думают они . . . Дело это, разумеется, с ее стороны хорошее, но я не могу не позлословить на ее счет, потому что она очень мне не нравится. Ее сравнивают с Катей[3]), а я нахожу, что такое сравнение, по меньшей мере, оскорбительно для последней . . . Ну, да чорт с ней! . . .

Скажи злыдням, чтобы они не обвиняли тетушку[4]) в молчаньи, потому что она мало виновата. Дело в том, что их адрес был получен после ее отъезда,

---

[1]) Вероятно, Лев Павлович Никифоров, женатый на сестре В. З. — Екатерине. В 1869 г. привлекался к дознанию за участие в студенческих беспорядках, бывших в связи с делом Нечаева. С 1870 г. по 1877 г. находился под надзором полиции в Твери, Солигаличе, Сумах и Архангельской губ. По агентурным сведениям, в 1870 г., живя в Твери с женой и В. З., «распространял Лассальянские идеи среди фабричных рабочих» и «подстрекал их к стачкам». Был в сношениях с кружком киевских бунтарей, позднее с землевольцами, оказывал денежную помочь революционерам. В связи с упоминанием имени Льва в вышеприведенном письме, был подвергнут обыску, но за отсутствием улик дознание было прекращено. (Дело 3-го отд. 3 эксп., 1868 г., № 165, ч. I и II.)

[2]) Так в тексте.

[3]) Е. К. Брешковская. [Прим. III Отд.]

[4]) Софья Лешерн фон-Герцфельд привлекалась по процессу 193-х и признана была виновной, но освобождена от наказания, в виду долговременного заключения, с тем, чтобы, в случае нового участия в пропаганде, приговор о ссылке был немедленно приведен в исполнение. 24 января 1879 г. была арестована в Киеве вместе с Валерианом Осинским и приговорена к смертной казни, замененной каторжными работами. Умерла в Сибири в начале 90-х годов.

а переслать я его по оставленному ими (т.-е. тетушкой и В[алерь]яном [1]) адресу не могла, потому что получила от них с дороги еще запрет не писать по нем. Ну, пришлось ждать нового, а они путешествовали недели две, пока добрались до настоящего, постоянного места, из которого и прислали мне хороший адрес, но к несчастью написанный неизвестным мне шифром. Долго он валялся у меня, я злилась, как собака, и ничего поделать не могла, но, наконец, мы соединенными силами и с помощью всяких догадок принялись за него и кое-как разобрали; навели по нем же справки о верности его и получили ответ, что хоть он и верно разобран, но что, увы, писать по нем уже ни под каким видом нельзя. Прислали теперь новый, до востребования, а потому я его и не посылаю злыдням, точно так же как не пошлю и ей злыдневский, буду требовать от них другой, более верный, а то ведь одна мерзость. В[алерь]ян пишет, что «адская хитрость» [2]) заболела; у него была какая-то денежная связь с моим супругом [3]), которая после банкротства сего последнего обнаружилась и повергла его в уныние и болезнь. Должно быть уж это участь всех торговцев товаром. Право, даже страшно за себя становится, хотя я ни к ним, ни к кому другому в компанию не входила и не войду. Бог с ней, с этой коммерцией! А знаешь, в одном из южных городов, говорят, обанкротилось 18 чел. на этом товаре. Видно уже не выгодно. Не подумай, что обанкротились в смысле положительного действия, — нет . . . ну, да, впрочем, этого и нельзя иначе вообразить, потому что наверное бы вы тогда слыхали [4]). — Капитан острит, говорят, нещадно, — старается хоть стрелами своего остроумия пронзить своего противника, если не удалось иными. Это верно, и мне обидно за капитана, потому что притоном его остается опять широкое поле для всяких мерзкопакостных обвинений. Поклонница Ани [5]) (Ел. Ан.) [6]) утверждает, что иначе это и быть не могло. Она теперь здесь, собирается писать отцу Ани и просит его выслать ей (Ане) денег, но я советую ей, Ел. Ан., прежде чем сделать это, узнать, не повредит ли Ане обнаружение ее родственности с отцом. Ты можешь, вероятно, узнать (даже положительно знать) это, зная, что она там из себя изображает. Напиши об этом, потешь Е. А. — Злыдням писем моих никаких — ни с излияниями, ни без излияний, ни с планами, ни без оных — давать не смей. Ты хоть и говорила мне, что и близко их к ним не подпускаешь, но это-то именно твое заявление и заставило меня усомниться в том, что ты и впредь так поступать будешь. Это ведь часто бывает, да оно и понятно: то, что само собою разумеется, не должно подтверждаться, иначе явится сомнение; пример, положим, такой: ты вполне уверена, что известные тебе люди тебе доверяют, а они вдруг, в одно прекрасное время, возьмут, да и скажут тебе следующее: а ведь мы, мол, В. И., вполне вам доверяем. — Да, твое приятельство с ними, как я вижу, даст им право заговаривать и со мною их прежними подлыми языками. Женька, например, пишет, что еслиб-де мы [т.-е. Д. и он] знали, что, когда мы ее очень и очень будем просить писать, она напишет, то они бы сделали это, но им кажется, что это «будет труд напрасный». Ужасно мне нравится эта картинка своей характерностью, своими верным изображением действительности: нахальство, соединенное с скромностью, большая надежда с полным отчаяньем, и потом пошлая фраза «очень и очень просить» . . . Хорошо, очень хорошо! На тебя я ни капли не сержусь за твое с ними примиренье и могу только сказать на это «вмести, если вмещаешь» . . . Ну, да довольно. Кстати и наши спя-

---

[1]) Валериан Осинский.

[2]) Может быть, как предполагает 3-е отд., Дмитрий Лизогуб?

[3]) Я. Стефанович.

[4]) Речь идет об аресте в Одессе и Николаеве, в августе 1878 г., 28-ми, а не 18-ти человек принадлежавшим к южно-русским кружкам бунтарей, в том числе С. Ф. Чубарова, известного под именем «Капитана Маврова» и просто «Капитана», который, по приговору одесского военно-окружного суда, был казнен вместе с Д. Лизогубом, 18 августа 1879 г.

[5]) Макаревич, А.

[6]) Косач, Елена Антоновна, член кружка киевских бунтарей, в 1877 г. привлекалась к дознанию за содействие поездке заграницу А. Макаревич, которую она снабдила паспортом сестры. Зимою 1878—1879 г. жила в Петербурге, была арестована в марте 1879 г. и выслана административным порядком в г. Пудож, Олонецк. губ., а затем, по постановлению Ос. Сов., в Западную Сибирь на пять лет.

щие начинают просыпаться, уединение мое нарушается, и я бросаю письмо. Саша вот, слышу, зовет меня чай пить. Она сегодня ночью мало спала и опять хворала . . . После чаю, может быть, еще поболтаю, а теперь прощай.

Твоя Маша.

Новостей у нас, право, кажется, не имеется, по крайней мере таких, которые не нужно было бы рассматривать в микроскоп. Все как-то попрежнему вошло в свою колею и мало уж волнует и подает надежд. Кажется только вы, счастливый заграничный народ, рветесь и мечетесь вдаль. Когда-то буду и я чувствовать себя счастливым человеком? Хоть бы скорей, скорей!

В[алерь]ян пишет, что он однажды ходил à la ты, но потерпел неудачу à la я. Хочу писать ему, чтоб он оставил этот способ, потому что если уж надо запрещать, так делать-то им уж тем паче этого срама не полагается. Ему собственно «так» не хочется, а делает это он из нужды, потому что безденежье одолело, а время уходит, все лучшее время. Имеется у него товар, да употреблять его он не знает. Пришли, если можно книжку . . . впрочем, это уж я сделаю сама. — Там, у В[алерь]яна новости, кажется, и есть, да он мне о них не написал (недоразумение у нас маленькое вышло), воображает, что я буду читать его деловое письмо к Троглод[итам]. Для того, чтоб ты поняла, какого сорта это было недоразумение, я посылаю тебе часть письма В[алерь]яна, которое вместе с тем послужит тебе и образчиком нахальства Троглод[итов]. Я отбиваюсь от них и руками, и ногами и вообще не подаю ни малейшей надежды на соединение, а они, несмотря на это, все-таки, на всякий случай, «голоса отбирают» [1]). Как это тебе нравится? Да ну, — прощай уж, авось увидимся, наговоримся. Спроси у злыдней, могу ли я дать их денежный адрес Доре, она хочет им выслать денег. Без их разрешения я давать не хочу, не желая брать на себя ответственности.

Она шлет тебе большой поклон.

4.

Письмо М. Н. Малиновской к В. И. Засулич [2]).

Голубушка моя родная, радость моя неоцененная. Маша едет — едет непременно, только барыня, с которою она едет, задерживает ее еще — но это скоро уладится. Дмитрий [3]) редко у нас бывает — что ли — мы и чувствуем, что он хороший, — но сближения у нас пока не выходит; хворает он все, — лихорадка опять пристала. Скоро получите литературу — тут и С[ергей], и Д[митрий], и др., задерживают только бестии, в особенности Д., С. первый представил. Маша теперь все шьет, шьет и шьет, так что я боюсь, что переломится ее тоненькая талия. Я, по обыкновению, как водовозная кляча, все тороплюсь и тороплюсь везти свою бочку с водой, хотя последнее время немножко хвораю, и потому стали мы с Машей гонять народ, толкущийся по обыкновению у нас, а для Маши это ужасно тяжело; а теперь так назначили для своей квартиры карантин

---

[1]) Повидимому, М. Коленкина имеет в виду голосование, о котором говорится в письме, взятом при обыске 31 октября 1878 г. у В. Трощанского. (Письмо находится в копии в деле 3-го отд. 3 эксп. 1878 г., № 442, т. I, л. 202, автора его с достоверностью установить не удалось.) «Относительно Маши [Коленкиной] Род. [М. Р. Попов] и Сем. [Баранников] — против, а Ал. [А. Квятковский] воздерж[ивается]. Относительно Ольги [Любатович] все трое воздерж[иваются]. Относительно Веры Ф[игнер] Род. и Сем. воздерж[иваются], а Ал. за. Относи[тельно] Тигрыча [Л. Тихомирова] все воздерж[иваются]. Относительно Дмитрия [Клеменца] Семен за, Ал. за, Род. воздерж[ивается]. Так как Сем[ен] хорошо знает Машу, и так как Род. на основании тех сведений, которые он получил, тоже против, то прибавляя сюда еще меня — примите в серьезное внимание . . .»

Речь идет, несомненно, о голосовании в члены центрального кружка «Земли и Воли».

[2]) Письмо М. Н. Малиновской представляет собой продолжение письма М. А. Коленкиной, — написано, следовательно, 11 октября 1878 г.

[3]) Д. Клеменц.

на одну неделю. Боже, как бы я хотела, чтобы Маша скорей ехала, — это была моя тайная (иногда переходившая в явную) мечта еще с лета. Не позабудьте только обо мне и пишите, — только не давай, Марфуша, родная моя, Маше писать по ночам; у меня всегда сердце болит, когда она объявляет, что будет писать письма. Об делах ничего не могу писать — нет пока ничего — и все из-за поганых, растреклятых денег, — Маша все расскажет. Боже, какие мы слабые, бессильные — но это ничего, невозможно, чтобы было иначе — надо только никогда, никогда не отчаяваться. Вчера встретилась с одним старым знакомым — он приехал из Варш[авы], рассказывает — интересно, — если все правда, то им легче, чем нам, — говорит, что большая пертурбация, хотя и повредила сильно, — но до тла теперь уже не может ничего сделать. Если бы это правда!

Марфуша, родная моя, — ты все только об одной специальности думаешь. Боже мой, если бы деньги. Не думай, ради Бога, об Новгороде и т. п. концах, — победа наша ведь в том, чтобы концов не было. Целую тебя тысячу миллионов раз.

Пришли сюда свой адрес, а то мы все потеряли, случай такой вышел [1]).

5.

Письмо В. И. Засулич к М. Крыловой.

Дорогая М., получила я ваше письмо. Не ответила тотчас же потому, что у меня нет абсолютно ни одного адреса, а та барынька, через которую я эту записку посылаю, в своем была не уверена. Какое печальное ваше письмо! Мне хотелось очень много отвечать на него, но не могу потому, во-первых, что мне совестно загромождать чужие письма своими посланиями, а, во-вторых, и то отбивает охоту писать, что я знаю, что письмо пойдет не прямо, а через 10 рук. При таких условиях, я не знаю что и выбрать из того многого, что могла бы написать. Вы, спрашивая как я поживаю, вероятно, подразумеваете более внутреннюю жизнь, чем внешнюю, я бы охотно рассказала вам о ней, ведь хотя мы с вами и никогда не были горячими друзьями, как я с М[ашей], [2]) напр., но близки были очень, — я, по крайней мере, с очень немногими так откровенна, как могу быть и бывала с вами. Но при этих условиях о внутренней жизни и речи заводить не стоит, скажу только, что если бы стала я писать, письмо вышло бы тоже не отраднее вашего, хотя, конечно, в другом роде, без покорности судьбе, — на такую покорность (внутреннюю) я, кажется, совсем неспособна стала. Прочного мира с жизнию у меня не заключено, летом я уже чуть было не заключила его, но потом болезнь М[аши] и А[лександры Николаевны] [3]) нарушила его, а теперь и не наладится никак. А между тем, я ведь не одна, у меня есть приятели, почти друзья, из которых одних я горячо люблю, и других любила бы, кабы не была свиньей, и все-таки так грустно бывает мне, что, право, иногда не лучше, чем было год тому назад, а как тогда было, вы знаете. Из ваших здешних знакомых старожилов я сблизилась с одним Павлом [4]), с ним мы большие приятели, а остальные все здесь внове, вы, вероятно, по догадке можете их пересчитать. Интерн[ационалом] я, было, заинтересовалась одно время, но теперь он мне совсем опротивел, по моему он совсем мертвый, но по временам стараются гальванизировать и он тогда слегка притворяется, что будто бы жив, но, чуть попристальнее вглядевшись, отлично видно, что как есть покойник. Это я впрочем про здешний говорю, в других-то странах спокойно умереть ему не дают, и здешний было поддерживали немножко, запретивши газетку Юр[ской] ф[едерации]. Много сижу за разными интересными книжками, но читаю мало, сужу [сижу?] больше. Живу последнее время одна и почти все время одна провожу. Что ваша работа не так хороша, как можно было надеяться, что выйдет, я с этим согласна, не знаю, с той ли только точки зрения, вероятно, не с той. Я видела только 1-ую штуку, 2-ой еще нет здесь, да и будет ли? Постарайтесь, если можно, чтобы было. Если можете, тоже пришлите мне какой-нибудь адрес. Вы говорили, что

[1]) Приписка М. Коленкиной.
[2]) Коленкина, М. А.
[3]) Малиновская, А. Н.
[4]) Аксельрод, Павел Борисович.

у меня есть постоянные корреспонденты — ни малейших. Д[митрий] [1]) писал сперва, как приехал, а больше некому, да и он уже давно преблагополучно замолчал и, несмотря на множество бывших оказий, не прислал адреса, т. ч. я лишена возможности потянуть его за язык. Вы ему, однако, поклонитесь от меня. Ну, прощайте.

6.

Письмо В. И. Засулич к матери, Ф. Засулич.

Очень благодарна вам, милая мамаша, за присланные вами 73 р., я их недавно получила. Спасибо, что пишете мне. Вам есть о чем писать мне: о родных, о моей Жене [?]. Кроме вас никто мне не расскажет, вот мне вам писать — так другое дело, никого из тех, с кем я дружна здесь, вы не знаете, и вам не интересно было бы, если бы я вам о них стала рассказывать, так что остается писать только о себе самой, а о себе и говорить-то почти нечего. Теперь вот весна на дворе, так, думаю, будет получше житься, а зиму всю очень скучно [2]) было, и не хворала я ни разу и не особенно даже похудела, а все-таки постоянно чувствовала себя нездоровой, кашляла уж очень сильно, и вечно легкая лихорадка была. Летом поправлюсь, вероятно, в горы опять заберусь. А вы куда на лето? Небось, опять в Пензенскую губернию? Кланяйтесь же там всем от меня хорошенько. Жене, любе моей, скажите, что я ее люблю, часто вспоминаю, крепко ее целую и прошу написать мне. Больше не припомню пока, что писать, оттого, вероятно, что я не выспалась. Один мой хороший приятель сильно заболел. Так мы за ним всю ночь ухаживали [3]).

Прощайте, милая мамаша. Кланяйтесь от меня всем, кто меня помнит, и не забудьте написать в Кару, что я крепко, крепко обнимаю моих тамошних друзей (в том числе и Витьку, и Катю [4]), — они уже там знают какую) [5]).

Прощайте же, пишите.

Ваша В.

Голубушка, Анна Мих[айловна], посылаю вам для пересылки Верш[инину] письмо к мамаше. За болезнью Дм[итра] я до сих пор никак не могла собраться написать его.

Посылаю вам также 10 фр. на поездку сюда. Когда получите деньги из России, отдадите их.

Ваша Вера.

Дмитру получше.

7.

Письмо В. И. Засулич к Л. Г. Дейчу. Вторник, ночью.

Мой милый, хороший Женя, ты верно представляешь себе, в каком напряженном волнении провели мы нынешний день. Ты ведь читал, или

---

[1]) Клеменц, Д.

[2]) Очень неразборчиво написанное слово нами прочитано, как «скучно».

[3]) Стефанович, ранивший себя 4 марта в руку.

[4]) Е. К. Брешковская. [Прим. III Отд.]

[5]) На полях доклада Александру II, где в копии было приведено это письмо, рукою начальника 3-го отделения с. е. и. в. канцелярии Дрентельна написано: «таким образом, старуха мать, притворявшаяся тихонькою, передает по секрету письма».

Анка [1]), газеты. Ты верно чувствовал то же, что и мы, и пришел к тому же выводу, к какому пришли я, Сер[гей] и Дм[итро] и к тому же решению, т.-е., во что бы то ни стало ехать. Не говори этого никому, ни Анке с . . . . [2]). Мне ужасно много хочется говорить с тобой (но все же чувствую, что только не письменно). После целого дня волнения как-то в висках стучит, и чувствую, что писала бы ерунду, если бы смогла писать, да и свечка догорает, спешу ужасно, а хочется поскорее сказать тебе, мой милый, хоть несколько слов. Хочется писать, хочется сказать тебе. . . . . [3]), и что мне очень скверно, очень больно и как-то хорошо в своем роде. Мой Женя, друг мой дорогой.

К М[арье] Ал[олоссовне], конечно, не еду, уж какие тут горы; я совсем было уложилась, как принес Сергей телеграмму из «Journal de Genève». Ну не буду писать под . . . . . [4]) я когда-нибудь для нежных слов.

Кое-что из наших разговоров сумеет может [5]) рассказать тебе Фанни [6]), она завтра едет.

Среда, утром.

Здравствуй, мой Женичка. Я перечитала вчерашнее свое царапанье и хотя нашла, что оно очень бестолковое, но все-таки пошлю, так как чувствую, что толкового не буду писать и нынче, да и впредь едва ли, и хочется между тем, чтобы ты беспрестанно получал письма, чтобы не чувствовал себя одним, ... [7]), поэтому я, должно быть, начну опять писать тебе каждый день, всего понемногу. Ведь об том, что нас теперь занимает не . . . . . [8]). Ну, до свиданья, мой хороший, пишу это я еще лежа, сейчас оденусь, брошу это письмо в ящик и забегу за твоим . . . . . [9]), очень будет больно, потому что будет значит, что ты не в духе и . . . . . [10]) я тому причиной. Прощай, милый.

8.

Письмо В. И. Засулич к Л. Г. Дейчу. *Среда, ночью.*

Разобрал ли ты, Женя, под каким впечатлением писала я тебе вчера?

Последнее известие произвело на нас с Сер[геем] и отчасти и на Дм[итра] такое впечатление, что живо стала рисоваться следующая картина,—конец последней фазы движения, странного . . . . [10]), кроме полицейской . . . . . [10]), в которой погибнет все остальное, упадок духа в радикалах, реакция в обществе, хоть и не искренняя, а из трусости выдергивающая тем не менее почву из-под политики радикалов. Словом, теряется все, что приобретено последним движением, оно теряет последний смысл. Нового ничего не нарождается, когда-нибудь народится, а теперь затишье.

Конец бессмысленный, бесплодный.

[1]) Эпштейн, Анна Михайловна.
[2]) Одно слово неразобрано.
[3]) Здесь нами выпущена фраза (16 слов), имеющая личный характер.
[4]) Четыре слова неразобраны.
[5]) Написано очень неясно.
[6]) Личкус, Фанни Марковна, жена С. Кравчинского.
[7]) Выпущено 6 слов, вследствие их личного характера.
[8]) Неразобрано одно слово.
[9]) Неразобрано два слова.
[10]) Неразобрано одно слово.

Правительство медлило и колебалось казнить тех, кто у него в руках. Теперь казнит, ему на это руки развязаны, казни будут оправданы, — при таких удобных случаях казнят и преследуют и в конституционных государствах.

Пережить движенье, на начало которого имело такое влияние мое дело, показалось мне невозможным абсолютно.

Я ушла бегать (по проливному дождю). За это беганье решила, что еду немедленно, хоть одна (а если другие почувствуют то же) с деньгами только до границы и с Анкиным паспортом.

Оказалось, что Дм[итрий] и Сер[гей] тоже хотят ехать (по разным и между собой и со мной мотивам), но Сергей просит дождаться . . . . . [1]). Теперь такое отчаянное впечатление прошло: кажется, что чорт не так страшен, как мы его намалевали. Но результаты практические этого моего настроения намечаются вот какие: в горы не еду, 250 ф. откладываю на сохранение М[арье] Ал[оллосовне] и все, что впредь схватим, имеем твердое намерение отсылать туда же, а жить будем, похватывая помаленьку в долг (без намерения непременно отдать).

На Цюрих тебе не пошлем.

Кропоткину долг не отдадим, а коли удастся еще с него стянуть — стянем.

Ну и т. д. в этом роде. Понимаешь? Словом, не отчаянное и [2]) немедленное (как я, было, решила под влиянием потрясающего впечатления), но поспешное и старательное собиранье денег на поездку всем в Россию [3]).

Сообщила *Э. Корольчук.*

---

[1]) Неразборчиво написанное слово в 3-м отд. было прочитано, как «mamon» и сделано предположение, что речь идет о деньгах. Это подтверждается дальнейшим содержанием письма.

[2]) Текст неясен, м. б. «отчаянно - немедленное».

[3]) Остальная часть письма агентом не была разобрана, так как была написана поперек строчек.

„Зерно", рабочий листок.

(К истории «Черного Передела».)

О. В. Аптекман [1]) называет следующих членов «Черного Передела», отчасти примкнувших к этой организации в момент раскола, отчасти примкнувших впоследствии к новой группе. Это были: Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч, Я. В. Стефанович, В. И. Засулич, М. Р. Попов, Преображенский, Евг. Козлов, Козлова (его жена, урожд. Рубанчик), Е. Н. Ковальская, Е. Шевырева, М. К. Крылова, Переплетчиков, П. В. Приходько-Тесленко, И. Пьянков, В. Н. Игнатов, Николаев-«Егорыч», Короткевич, Л. Гартман [2]) и О. В. Аптекман.

Из числа этих лиц Плеханов, Засулич, Дейч и Стефанович вынуждены были с 1880 г. эмигрировать заграницу; в конце января 1880 г. были арестованы М. К. Крылова, П. Тесленко-Приходько и И. Пьянков вместе с типографией «Черного Передела», за ними вскоре сел в тюрьму и О. В. Аптекман.

Однако, у «Черного Передела» первое время все же были сторонники. В Петербурге, кроме вышеназванных лиц работали еще: А. П. Буланов, М. К. Решко, С. А. Вырубов, Ольга и Мария Трубниковы, учитель Алексей Ульянов с женою, студент Шефтель, Загорский, Е. А. Дубровин, Блэк, Н. И. Семенов, В. В. Ченыкаев, Н. Н. Лаврентьев, М. М. Симзен, М. И. Уваров, А. Бонч-Осмоловский, В. Бонч-Осмоловская, братья С. и В. Адамовичи, Марковские, Переляев, М. А. Кланг и Н. Л. Золотарева (медички), фельдш. В. М. Бычкова и моряки мичманы, — П. П. Петров, Н. Н. Лавров, Дружинин, Налимов [3]).

Эта была та молодежь, которая подхватила работу после ареста или отъезда старших товарищей.

В Москве также был кружок чернопередельцев, такие же кружки были в Киеве, Одессе, Харькове, Курске, Перми, Казани, Ростове на Дону и, вероятно, в других городах [4]).

Мы не знаем почти ничего о работе этих кружков за очень немногими исключениями. А работа эта, несомненно, шла и, что особенно важно, — в рабочей среде. Следы этой работы по крайней мере имеются.

В Петербурге, например, указанная выше молодежь занималась пропагандой среди рабочих. Одним из таких пропагандистов и был Анатолий Буланов; документы называют кроме того еще двух лиц, «Егорыча» и «Петровича» (возможно, что это и есть Буланов). В кружок Буланова входили рабочие из-за Невской заставы В. П. Зайцев,

---

[1]) «Общество «Земля и Воля» 70-х г.г.», стр. 382, Петроград, изд. «Колос», — 1924 г.

[2]) Л. Г. Дейч говорит, что Гартман не входил в «Черный Передел», см. его статью.

[3]) По словам О. Булановой.

[4]) См. О. В. Аптекман. «Общество Земля и Воля» 70-х г.г.», Петр., изд. «Колос»,— 1924 г., гл. XIV, а также его же статью «Черный Передел» в изданном Истпартом сборнике под тем же названием в Петербурге, 1922 г.

Г. Константинов, М. Романов, В. Панкратьев, Г. Николаев, железнодорожник-рабочий Хромов (имевший связи с Харьковом) и А. И. Тралицын [1]).

Чернопередельческие кружки рабочих вел и Н. Н. Лавров. По крайней мере, брат последнего, Г. Лавров, участник благоевской группы, утверждает на допросе, что рабочие кружки, переданные им благоевцам, он получил от своего брата Николая [2]). Точно так же В. Благославов и Латышев, члены первоначальной благоевской группы имели связи с чернопередельцами [3]). О связях с чернопередельцами говорит и сам Д. Благоев, да и другие участники благоевской группы, например В. Харитонов.

Таким образом устанавливается непосредственная связь первых социал-демократических организаций в Петербурге с чернопередельческими рабочими организациями. Но что это были за связи, каким образом происходило идейное перерождение бывших чернопередельцев в России, мы еще не знаем, и этот вопрос еще ждет своего исследования.

В Киеве, как известно, работали Е. Н. Ковальская и Н. П. Щедрин, и им удалось даже создать большую рабочую организацию «Южно-русский рабочий Союз» [4]), выработать программу, выпускать прокламации в истинно народническом духе, организовать стачку рабочих Киевского арсенала и применять аграрный террор.

Но это пока почти все, что известно о работе чернопередельцев, а между тем, без сомнения, не все сочувствующие этой организации ушли к «Народной Воле», и работа среди пролетариата повидимому шла.

Не подлежит, однако, сомнению, что в течение первых, по крайней мере, трех лет до основательного разгрома жандармами «Исп. Ком.», для работы вне сферы «Народной Воли» благоприятных условий не было. Героическая борьба радикальной русской интеллигенции с чудовищем самодержавия захватила все живые силы страны: не было ни времени, ни сил, чтобы увидеть теоретические и практические ошибки народовольцев, непосредственная борьба с самодержавием отнимала все время и внимание.

Теоретический же орган чернопередельцев, «Черный Передел», сам на своих страницах отражал то переходное время, какое переживало русское революционное движение.

Журнал этот выходил с января 1880 по декабрь 1881 г. Первый номер журнала вышел заграницей. После ареста (январь 1880 г.) типографии в Петербурге, еще до выхода в свет первого номера, печатание было перенесено заграницу, где и было напечатано два номера; третий, четвертый и пятый номер, на котором журнал прекратился, вышли в России из вновь налаженной типографии в Западном крае. Редакторами «Черного Передела» были Плеханов и Аксельрод. Плеханову в журнале принадлежат: в первом номере «От редакции», передовая статья «Черный Передел» и статья «С. Петербург, 14 декабря»; во втором номере: передовая статья «Лондон, 2 сентября», в третьем номере: «Заявление прежних издателей «Черного Передела».

И в этих статьях, равно как даже и в программе северно-русского общества «Земля и Воля», уже чувствуется дыхание нового времени (например, в программе признание необходимости террора).

Другой орган, издававшийся чернопередельцами—«Зерно». Печатался он в России, вышло его всего 6 или 7 номеров, но ни о редакции, ни о сотрудниках этого журнала доселе почти ничего неизвестно.

Н. С. Русанов в своей книге «Из моих воспоминаний» (Берлин, изд. Гржебина, т. I), на стр. 342 — 3, рассказывает следующее: «. . . Я был настолько счастлив, что встретил кружок молодых, способных людей чернопередельческого направления, которые как раз занимались тем же и обменом мыслей между собою и со мной значительно помогали взаимному выяснению некоторых «нерешенных вопросов», затронутых в первом томе «Капитала». Из этого кружка вышло между прочим то решение задачи о приба-

---

[1]) См. дело Истор.-революц. арх. в Ленингр. (б. особого прис. Сената) об отставном мичмане Анатолие Буланове и жене Ольге Булановой.

[2]) См. Истор.-револ. арх. д., № 467, 1893 г., — 3 делопроизв.

[3]) Об этом говорится в имеющихся в наших руках воспоминаниях В. Харитонова; см. также Б. Николаевский «Былое», № 13 — 1918 г.

[4]) Воспоминания Е. Н. Ковальской печатаются в сб. Центрархива «Южно-русские раб. союзы».

№ 1 Декабрь 1880

ЗЕРНО

РАБОЧІЙ ЛИСТОКЪ

Санктъ-Петербургъ 25 Октября 1880 г.

Изъ года въ годъ ростетъ въ городахъ число рабочихъ. Горькая, голодная нужда, да подати неоплатныя гонятъ ихъ изъ родной деревни въ чужой незнакомый городъ. Земли мало, а платить за нее надо много; урожай худой, да и при хорошемъ то не прокормиться круглый годъ своимъ хлѣбомъ. Какъ быть? Жить надо, да и недоимки накоплять не приходится, за это извѣстно—спасибо не скажутъ. Заработка на мѣстѣ нѣтъ, и хоть хочешь—не хочешь, а бери котомку на плечи и уходи въ городъ, на фабрику, на заводъ, на какую ни на есть работу. Хорошо, если хватитъ деньжонокъ пріѣхать на машинѣ, а и пѣшкомъ отходить искать промысла. Придешь въ городъ; сидѣть безъ работы нельзя—проситься на фабрику или куда. А тутъ смотришь, ты не одинъ, много такихъ же голяковъ-бѣдняковъ изъ деревни набралось и просится у того же хозяина. На каждую фабрику сотни охотниковъ поступить—рады за продать себя, и вотъ тутъ то хозяину и раздолье:—выбирай, кого хочешь, плату положи, какую заблагоразсудится. И покупается за грошъ ломанный силушка „вольнаго" рабочаго! Если придется читать эти слова человѣку пожилому, то припомнитъ онъ можетъ быть время до 61-го года, когда еще не вышла крестьянамъ „воля". Худо тогда жилось на Руси: тяжелая рука барина-помѣщика давала себя знать крѣпостному рабу-крестьянину. Вся жизнь то тогда шла не по нынѣшнему. И помину не было всего множества желѣзныхъ дорогъ, пароходовъ, фабрикъ, заводовъ, машинъ. Рабочій человѣкъ больше сидѣлъ въ деревнѣ, трудясь надъ кормилицей землею и отбывая барщину. 19-го февраля 1861 г. вышла „воля". Великое и святое дѣло для человѣка воля. Дорога она каждому, и всякій хорошій человѣкъ готовъ за нее душу положить. А русскій крестьянинъ сотни лѣтъ бился за „Землю и Волю", пытаясь сбросить ненавистное ярмо помѣщика. Бился онъ въ одиночку, врознь выступалъ и съ открытымъ бунтомъ, кровавымъ пожаромъ разливавшимся нерѣдко по широкой русской землѣ. Да не выгорѣло дѣло! Не достало крестьянину умѣнья сплотиться крѣпко въ одно, толково и ясно сговориться о томъ, какъ вести дѣло и условиться, какъ воспользоваться успѣхами. Крестьяне давали просторъ своей ненависти къ барамъ, но не додумались, какъ слѣдуетъ, в[illegible] свое дѣло и полагались слишкомъ много на чужой умъ, да на авось.—Наконецъ крестьянамъ подарили „волю". Обрадовались ей многіе вначалѣ, да какъ пригляделись поближе, то оказалось, что воля то эта не настоящая, царская воля, не та воля, которой добивался крестьянинъ, а воля неполная. Въ самомъ дѣлѣ, нарѣзали крестьянамъ изъ земли исконно имъ принадлежавшей, мало, да и то больше песокъ, да болота. Да что толковать, всякому извѣстно, что лучшая то часть кровной крестьянской земли отошла помѣщикамъ, а мужику за свой клочекъ надо платить куда дороже, нежели стоитъ сама земля, и выкупныя, и оброчныя, и подушныя, и государственный и земскій сборъ. И во многихъ мѣстахъ радъ бы онъ бросить землю, да нельзя, податей не простятъ, до уплаты паспорта не выдадутъ. И мечешься, какъ угорѣлый, то на землѣ трудишься, то на заработки уходишь, идешь на фабрику. И никакъ не справишься съ нуждой. А пользуясь этой новой нуждой, которая давитъ деревенскій людъ, появились и выросли новые враги народа, новые расхитители его добра и новые грабители его упорнаго, потнаго труда. Какъ грибы [illegible]

Начало 1-го номера «Зерна».

вочной стоимости и прибыли, которое я считаю до сих пор более удачным, чем объяснение самого Маркса в последующих томах, изданных Энгельсом.

Из членов этого кружка мне особенно припоминается подружившийся со мной, кончавший в то время курс студент-юрист, Михаил Исаакович Шефтель, впоследствии крупный присяжный поверенный, и экономист Загорский, не знаю, при каких обстоятельствах сошедший со сцены. Шефтель был убежденным сторонником «Черного Передела» и неоднократно просил меня принять участие в газете этой партии. Не сочувствуя ее направлению, я каждый раз отказывался, но счел возможным дать краткое популярное изложение понятия о прибавочной стоимости в «Зерне», рабочем листке, издававшемся тогда чернопередельцами в Питере. По поводу этой-то статейки Г. В. Плеханов... год спустя, в Кларане, сказал, не подозревая, что говорит с ее автором: «Заинтересовала меня лишь одна вещь в непрозябшем «Зерне», это — популяризация Маркса. Но как же писавший эту вещь не сообразил, что на нескольких столбцах нельзя было объяснить сразу и марксовскую теорию стоимости и марксовскую теорию денег. Неразрешимая задача! . . . А жаль, статейка без этой ошибки удалась бы» . . .

Статейка, о которой говорит Н. С. Русанов, это—«Хозяйская прибыль и барщина» в первом номере.

Без сомнения, «Зерно»—народнический орган по своему содержанию, но так же несомненно, что и на этом листке отразился дух времени: статьи «Зерна» обращаются к рабочим, их имеют в виду. Кроме передовой статьи каждый номер имеет еще и агитационный рассказ (например: «За кого царь», №№ 3, 4 и 5, «Мужицкая беседа», № 6); в этих рассказах ярко проглядывает та политическая струя, политическая агитация, к которой невольно переходили и чернопередельцы. В статьях, например, третьего и четвертого номера рассказывается о социализме и о том, как его добиться. Добиться его можно вооруженным восстанием против дворян, буржуазии и царя. Царь заодно с буржуазией. Интересны слова, рисующие буржуазию: она «стремится к тому же, что и дворяне, она хочет стать лишь на их место или, по крайней мере, наряду с ними властвовать над народом, хочет, чтобы дворяне и ее допустили свободно грабить народ».

Отсюда автор делает вывод, что рабочие должны надеяться только на самих себя. Во всех революциях всегда бывало так, что свободу завоевывали рабочие, но не для себя, а для других классов. На Западе рабочих много, они организованы и уже борются за социализм, в России же другое положение.

«Русский народ живет по преимуществу в деревне: там он землю пашет и рукомеслом занимается. В городах на фабриках и заводах работает сравнительно со всей массой крестьян немного рабочих. Одних городских рабочих недостаточно для того, чтобы одолеть всех врагов народных. Они могут сделать почин восстания, прогнать власти своего города, захватить на время управление городом в свои руки. Но всего этого недостаточно для окончательной и полной победы. Рабочее восстание в городах должно быть поддержано крестьянским восстанием в деревнях, притом по возможности в большем количестве местностей».

После этих обычных в устах народника слов автор статьи прибавляет и нечто новое, обращаясь к рабочим: «. . . Главная ваша забота и главная ваша деятельность должны направляться на вашего же брата, городского рабочего. Приобретайте всюду сторонников своему делу. Проповедуйте свои стремления словом и делом. Старайтесь всячески расширить рабочее движение» . . .

Расширить же это рабочее движение возможно, только борясь с препятствиями и создав свою рабочую партию:

«. . . Ваша деятельность никак не должна ограничиваться одной пропагандой. Всякая живая партия не может не заявлять себя более решительно и резко: рабочее движение на пути к достижению своей великой цели часто натыкается на преграды и затруднения, которые ставят ему враги народные. Нужно опрокидывать эти препятствия во что бы то ни стало, хотя бы с значительными жертвами. Только ведя постоянную и энергичную борьбу с врагами народа, рабочая партия может разростись широко и стать грозной силой, перед которой падет современная неправда».

Приемы борьбы этой рабочей партии — стачки, борьба с мастерами и террор против шпионов.

Какова же ближайшая цель такой рабочей партии? Завоевание такого государственного устройства, при котором управление было бы в руках выборных от народа.

«Надо, чтобы нами управляли не царь с барами, а свой народ, выборный, везде был на службе». Всего этого, и выборного управления, и выборного суда, и свободы собраний, и свободы слова можно добиться только всеобщим восстанием, к которому и нужно подготовлять рабочих и крестьян.

До какой степени на «Зерне» отразилось влияние нового времени, видно хотя бы по статье Русанова, о которой говорилось выше. Рабочая аудитория, где распространялось «Зерно», кое к чему обязывала.

А что «Зерно» распространялось среди рабочих—этому мы имеем доказательства.

Когда арестовали рабочих Зайцева, Константинова и других, среди которых занимался пропагандой А. Буланов, то они показали, что он им давал читать «Зерно» [1]). Буланов вообще, повидимому, был одним из самых энергичных деятелей петербургской группы «Черного Передела» и вероятней всего, что он и также Шефтель и Загорский, судя по словам Русанова, и были авторами статей в «Зерне».

Есть некоторые данные утверждать, что чернопередельческие организации были даже на Урале, и что и там распространялось «Зерно». По крайней мере, в феврале 1882 г. пермские жандармы начали дело о распространении «Зерна» среди рабочих Пермской ж. д. Этот листок был найден у пермского рабочего Павла Полетаева, который на допросе показал, что он получил «Зерно» от железнодорожного рабочего Ивана Токтуева [2]).

Вероятно, постепенно найдутся документы, свидетельствующие о том, как «непрозябшее» «Зерно» пыталось все же вырасти в настоящее растение.

Во всяком случае, как бы ни были скудны сведения об этом революционном органе, предназначавшемся для рабочих, ясно одно, что факты жизни заставляли все революционные кружки и группы все больше и больше обращать внимание на подымающийся пролетариат.

Вышеизложенные соображения о преемственной связи первых социал-демократических организаций с чернопередельцами заставляет нас особенно внимательно отнестись к той литературной деятельности этой народнической фракции, какая имела в виду пролетарскую аудиторию.

Подлинные печатные экземпляры, печатаемые в нашем сборнике номеров «Зерна» (№№ 1, 3, 4, 5 и 6), хранятся в библиотеке Ленинградского Историко-революционного архива (размером № 1—24 см.×16 см.; №№ 3, 4, 5 и 6—27½ см.×20 см.).

В. Невский.

№ 1. ДЕКАБРЬ. 1880.

ЗЕРНО
РАБОЧІЙ ЛИСТОКЪ.

Санктъ-Петербургъ 25 Октября 1880 г.

Изъ года въ годъ растетъ въ городахъ число рабочихъ. Горькая, голодная нужда, да подати неоплатныя гонятъ ихъ изъ родной деревни въ чужой незнакомый городъ. Земли мало, а платить за нее надо много; урожай худой, да и при хорошемъ-то не прокормиться круглый годъ своимъ хлѣбомъ. Какъ быть? Жить надо, да и недоимки накоплять не полагается, за это извѣстно—спасибо не скажутъ. Заработка на мѣстѣ нѣтъ, и вотъ хочешь—не хочешь, а бери котомку на плечи и уходи въ городъ, на фабрику, на заводъ, на какую ни на есть работу. Хорошо, если хватитъ деньжонокъ пріѣхать на машинѣ, а и пѣшкомъ отходить искать промысла. Придешь въ городъ, сидѣть безъ работы нельзя—проситься на фабрику или куда. А тутъ смотришь, ты не одинъ, много такихъ же голяковъ-бѣдняковъ изъ деревни набралось и просится у того же хозяина. На каждую фабрику сотни охотниковъ поступить—рады запродать себя; и вотъ тутъ-то

[1]) См. то же дело ос. прис. сената.

[2]) Истор.-рев. арх. Ленингр. «Еженедельные Записки» за 1882 г. доклад от 19 февраля.

хозяину и раздолье:—выбирай, кого хочешь, плату положи, какую заблагоразсудится. И покупается за грошъ ломаный силушка «вольнаго» рабочаго! Если придется читать эти слова человѣку пожилому, то припомнитъ онъ, можетъ быть, время до 61-го года, когда еще не вышла крестьянамъ «воля». Худо тогда жилось на Руси: тяжелая рука барина-помѣщика давала себя знать крѣпостному рабу-крестьянину. Вся жизнь-то тогда шла не по нынѣшнему. И помину не было всего множества желѣзных дорогъ, пароходовъ, фабрикъ, заводовъ, машинъ. Рабочій человѣкъ больше сидѣлъ въ деревнѣ, трудясь надъ кормилицей землею и отбывая барщину. 19-го февраля 1861 г. вышла «воля». Великое и святое дѣло для человѣка воля. Дорога она каждому, и всякій хорошій человѣкъ готовъ за нее душу положить. А русскій крестьянинъ сотни лѣтъ бился за «Землю и Волю», пытаясь сбросить ненавистное ярмо помѣщика. Бился онъ въ одиночку, врозь, выступалъ и съ открытымъ бунтомъ, кровавымъ пожаромъ разливавшимся нерѣдко по широкой русской землѣ. Да не выгорѣло дѣло! Не достало крестьянину умѣнья сплотиться крѣпко въ одно, толково и ясно сговориться о томъ, какъ вести дело и условиться, какъ воспользоваться успѣхами. Крестьяне давали просторъ своей ненависти къ барамъ, но не вдумались, какъ слѣдуетъ, въ свое дѣло и полагались слишкомъ много на чужой умъ, да на авось.—Наконецъ, крестьянамъ подарили «волю»... Обрадовались ей многие вначалѣ, да какъ пригляделись поближе, то оказалось, что воля-то эта не настоящая, заправская воля, не та воля, которой добивался крестьянинъ, а новая неволя. Въ самомъ дѣлѣ, нарѣзали крестьянамъ изъ земли, испоконъ вѣку имъ принадлежащей, мало, да и то больше несокъ, да болота. Да что толковать: всякому извѣстно, что лучшая-то часть кровной крестьянской земли отошла помѣщикамъ; а мужику за свой клочекъ надо платить куда дороже, нежели стоитъ сама земля: и выкупныя, и оброчныя, и подушныя, и государственный, и земскій сборъ. И во многихъ мѣстахъ радъ бы он бросить землю, да нельзя, податей не простятъ, до уплаты паспорта не выдадутъ. И мечешься, какъ угорѣлый: то на землѣ трудишься, то на заработки уходишь, идешь на фабрику... И никакъ не сладишь съ нуждой... А пользуясь этой новой нуждой, которая давитъ деревенскій людъ, появились и выросли новые враги народа, новые расхитители его добра и новые грабители его упорного, потного труда. Какъ грибы послѣ дождика, стали расти и размножаться по деревнямъ кулаки. Скупаютъ они землю, запутываютъ крестьянина крѣпкими сѣтями, связываютъ его по рукамъ и ногамъ, заставляютъ «вольнаго» мужика работать на себя, какъ прежде онъ работалъ на помѣщика. А тутъ ихъ городскіе сподвижники стали строить заводы и фабрики, прокладывать желѣзныя дороги и заводить машины, пользуясь тѣмъ, что крестьянинъ не можетъ прокормиться изъ своего земельнаго надѣла и долженъ уходить на чужую сторону, продавать свой «вольный» трудъ, свою свободную рабочую силу. И покупаетъ ее фабрикантъ за дешево, выжимаетъ изъ нея все, что только можетъ. Какое ему дѣло до того, что, работая по 16-ти и больше часовъ на фабрикѣ душной и пыльной, гдѣ задыхаешься, рабочій изнуряется и медленно вколачивается въ могилу. Какое ему до этого дѣло, если у него ихъ потомъ и кровью растетъ богатство, наполняется кошелекъ. А кошель ему замѣняетъ совѣсть. Такъ какое ему дѣло до бѣды рабочаго!.. Но есть ли правда въ томъ, что купцы богатѣютъ, жирѣютъ,—худѣетъ, бѣднѣетъ народъ? Подумайте объ этомъ, работники, давно пора объ этомъ подумать! Это—не правда, а кривда, и довольно уже кривда царила на свѣтѣ, надо смѣнить ее правдой, настоящей правдой. Надо, чтобы люди стали жить между собою справедливо и по совѣсти, а можетъ наступить это лишь тогда, когда каждый станетъ получать то, что дѣйствительно заработалъ собственнымъ трудомъ. Нынѣшній годъ—годъ тяжкій для рабочаго люда. Неурожай хлѣба даетъ себя знать повсюду. Изъ разныхъ концовъ доносятся тревожныя извѣстія о томъ, что наступаетъ голодъ. Мужикъ обнищалъ до крайности, и нѣтъ у него силъ бороться съ неурожаемъ. Будетъ голодать давно уже ненаѣдавшаяся до сыта деревня; но и въ городѣ нужда наступаетъ на горло бѣднаго, трудящагося люда. Уже теперь хлѣбъ вздорожалъ вдвое, хоть муки въ немъ немного, и лабазникъ прибавляетъ въ него больше примѣси разной. А тутъ какъ разъ изъ деревни нужда нагнала множество разнаго новаго народа, и одинъ у другого отбиваетъ мѣсто. Хозяину это на руку—можно сбавить плату, все равно—охотниковъ поступить на работу слишкомъ довольно. Но этимъ дѣло не кончится... Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Все больше и больше будетъ забирать въ свои загребистыя руки кулакъ-пройдоха, да хозяинъ—фабрикантъ. И что тутъ удивительнаго. Вѣдь они свой интересъ понимаютъ тонко,

и гдѣ дѣло идетъ о томъ, чтобы поприжать рабочихъ, они наловчились тянуть одну пѣсенку. А рабочіе разъединены, въ разладѣ и не умѣютъ постоять за себя, какъ слѣдуетъ. Исходъ есть изъ нужды, надо только взяться за умъ. Вѣдь не одинъ русскій рабочій въ нуждѣ, вотъ и въ другихъ странахъ то же самое продѣлали с рабочимъ людомъ господа—капиталисты,—у нѣмцевъ, французовъ, англичанъ давно уже почти вся земля отошла отъ крестьянина. И не осталось у рабочаго человѣка ничего своего, кромѣ собственной рабочей силы, и та продается хозяину. Но тамъ рабочіе догадались уже, какъ выбиться изъ кабалы, тамъ они становятся всѣ заодно противъ хозяевъ и поняли, какой надо устроить порядокъ въ обществѣ, чтобъ всѣмъ жилось хорошо и одинъ не обижалъ другого. Подумать объ этомъ давно пора и русскому работнику. Пора сговориться и столковаться между собою всѣмъ обиженнымъ. Въ союзѣ и единеніи надо искать силы для того, чтобы низвергнуть наглую кривду и воцарить на нашей землѣ правду. Надо подумать сообща, расшевелить мозги всѣхъ и сговориться между собою по артелямъ, по фабрикамъ и по городамъ. Надо надѣяться только на себя. Надо понять, что у всѣхъ работниковъ одинъ общій интересъ, одно общее дѣло и одна надежда лишь на себя, на свой крѣпкій союзъ. У кого есть живая душа, тотъ возмущается противъ вѣчно-бѣдственнаго несчастнаго положенія. И лишь тотъ понимаетъ свое человѣческое достоинство, кто смѣло вступаетъ въ борьбу со зломъ. Пусть «Зерно» это падаетъ на хорошій грунтъ, живой, отзывчивый на правду души и пусть оно дастъ на немъ богатые всходы умныхъ и смѣлыхъ богатырей-борцовъ за народное дѣло, за дѣло рабочихъ. Рабочій листокъ со своей стороны постарается пособить этому дѣлу, разъяснять его и указывать на примѣръ другихъ странъ, потому что

ПРАВДА ВЕЗДѢ ОДНА И ТА ЖЕ.

ХОЗЯЙСКАЯ ПРИБЫЛЬ И БАРЩИНА.

Многіе думали, что, по освобожденіи крестьянъ, начнется настоящая жизнь для трудящагося человѣка. Но эта надежда скоро пошла прахомъ. Вмѣсто крѣпостного права теперь настало право кулака и хозяина. Думали ли вы, напримѣръ, рабочіе, откуда наживаются большіе капиталы, и откуда хозяинъ получаетъ на эти капиталы прибыль? Подумайте хорошенько и вы увидите, что теперешній хозяинъ, фабрикантъ, купецъ, даже самый мелкій кулакъ, есть то же самое, что прежній баринъ, только въ новой шкурѣ. При крѣпостномъ правѣ дѣло было такъ: либо ты ни за что ни про что платишь оброкъ своему барину, либо ты ходишь на барщину. Барщина эта, какъ извѣстно, состояла въ томъ, что столько-то дней въ недѣлю, примѣрно три, ты работалъ на себя, а остальные на барина. Баринъ за трехдневный трудъ своего крѣпостного не платилъ ему ничего, стало быть какъ разъ половина крестьянскаго труда шла задаромъ въ пользу барина. Плохо тогда было, потому что крестьянинъ не могъ заниматься цѣлую недѣлю по своему хозяйству, а баринъ сыпалъ въ амбаръ хлѣбъ, который ему задаромъ взращивали мужики, отсылалъ этотъ хлѣбъ заграницу или продавалъ на мѣстѣ и выручалъ чистыя денежки. Шли эти деньги на дворянское дѣло: на домашніе театры, на лошадей, да охотничьихъ собакъ, на заграничныя вина, а то и на барскихъ любовницъ. Теперь какъ будто дѣло идетъ по новому: крестьяне получили вольную, рабочій людъ сталъ, какъ говорится, свободнымъ человѣкомъ. Но это только кажется,—что прежде, что теперь, рабочій людъ работаетъ не столько на себя, сколько на другихъ. Если хорошенько поглядѣть, что творится на фабрикѣ или на заводѣ, то сейчасъ увидишь, что теперь рабочій, словно прежній крѣпостной, отдаетъ часть своего труда задаромъ своему хозяину, точно барину. Вѣдь прибыль-то—чистый доходъ на фабрикѣ, получается хозяиномъ такъ же, какъ получалъ прежній баринъ доходы со своего мужика. Рабочій трудится на фабрикѣ больше, чѣмъ сколько ему нужно было бы трудиться по справедливости, для своего прокормленія, а весь лишній трудъ рабочихъ задаромъ идетъ въ пользу хозяина. Выслушайте повнимательнѣе вотъ что. Цѣнность всякой вещи это то, сколько труда потрачено на нее. Прежде, напримѣръ, когда не было хорошихъ машинъ — и ситцы стоили дороже, потому что рабочему приходилось больше трудиться, чтобы сработать каждый аршинъ ситцу. Теперь при машинахъ, рабочій тратитъ много меньше труда, потому и цѣнность ситца стала меньше. Правда, обыкновенно у насъ цѣнность вещи считается какъ будто не по тому, сколько на нее потрачено труда, а по тому, сколько

тебѣ за нее заплатятъ. Но, если только подумаешь, ты спросишь себя, а почему же за эту вещь заплатили вотъ столько-то, а не столько? Отвѣтить на это можно вотъ что: и самыя деньги имѣютъ свою цѣнность. Вѣдь заправскія деньги—золото и серебро,—тоже съ неба не падаютъ, а добываются трудомъ человѣка. Ихъ добываетъ такой же рабочій, какъ ты. Развѣ мало нужно трудиться на пріискахъ рабочему на то, чтобы промыть сотни пудовъ песку, изъ котораго добудешь нѣсколько золотниковъ золота? Вотъ и дорого и золото, и серебро, вотъ съ чего и деньги дороги. Деньги, помните, имѣютъ свою цѣнность все равно, что ситецъ или шерсть. Цѣнность денегъ это то, сколько труда потратитъ рабочій на пріискѣ на то, чтобы добыть золота и серебра, и потомъ на выплавку денегъ. Точно такъ же и всякая вещь стоитъ столько, сколько рабочій потратилъ на нее труда. Но почему за эту вещь даютъ столько-то денегъ? Потому что пріисковый рабочій, который добывалъ золото и серебро для денегъ, потратилъ на эту добывку какъ разъ столько труда, сколько другой рабочій, ну, хоть фабричный, потратилъ на то, чтобы сработать штуку ситца или сукна. Эта вещь, 10 аршинъ сукна—что ли, стоитъ 10 рублей, потому что фабричный надъ 10 аршинами сукна и пріисковый рабочій для добывки серебра на 10 рублей трудились одинаково долго, положимъ, хоть 5 дней. Конечно, работа на пріискѣ и фабричная работа—дѣло разное, но вѣдь на пріискѣ и на фабрикѣ трудились люди и трудились одинаково много — 5 дней. 10 аршинъ сукна стоитъ 5 дней работы, а серебро въ серебряныхъ цѣлковыхъ стоитъ 5 дней. Поэтому и 10 аршинъ сукна стоитъ 10 рублей серебромъ. Одинаковый трудъ—одинаковая цѣнность. Теперь мы знаемъ довольно для того, чтобы сказать, откуда беретъ свою прибыль хозяинъ. Положимъ, ты работаешь на фабрикѣ въ день 15 часовъ. Все число аршинъ ситцу, которое ты сработаешь за это время, будетъ стоить 15 часовъ работы. Но рабочій на пріискѣ, работая 15 часовъ, добываетъ серебра, положимъ, хоть на 2 рубля серебромъ. Стало быть, сработанный тобой въ день ситецъ и будетъ стоить 2 рубля, потому что работали одно и то же время. Значитъ, хозяинъ твой и продаетъ ситецъ, сработанный тобою въ день, за 2 рубля [1]). Но ведь, не ѣвши, ты работать не можешь и не можешь ты жить на чистомъ воздухѣ. Нужна пища и квартира и т. д. Все это будетъ стоить тебѣ въ день, положимъ, 1 рубль. Что это значитъ? Что на производство и на доставку въ лавку хлѣба, капусты, мяса и т. д., покупаемыхъ тобою, нужно затратить столько труда, сколько тратитъ рабочій на пріискѣ, чтобы добыть **серебра для одного рубля**, т.-е., какъ сказано выше, $7^1/_2$ часовъ. Значитъ, и цѣнность твоей пищи, за которую ты отдаешь 1 рубль серебра, равняется $7^1/_2$ часамъ. Этотъ 1 рубль серебра ты получаешь на содержаніе отъ своего хозяина, и этотъ рубль называется твоей **заработной платой**. Конечно, на самомъ дѣлѣ, только заводскій рабочій получаетъ столько въ день, а фабричный, пожалуй, и меньше. По настоящему, значитъ, ты долженъ былъ бы отработать своему хозяину этотъ рубль въ $7^1/_2$ часовъ. Но хозяинъ такъ скоро съ фабрики тебя не отпуститъ, потому что тогда ему не будетъ никакого барыша. В $7^1/_2$ часовъ ты отработалъ бы цѣнность одного рубля серебра, т.-е. цѣнность твоей заработной платы и прибыли бы твой хозяинъ не получилъ. Но онъ продержитъ тебя на фабрикѣ не $7^1/_2$, а 15 часовъ. Цѣнность сработаннаго тобой за это время ситцу и будетъ равна 15 часамъ: а такъ какъ рабочій на пріискѣ за 15 часовъ добудетъ серебра, какъ мы положили раньше, для двухъ серебряныхъ рублей, то хозяинъ твой продастъ сработанный тобою въ теченіе всего твоего рабочаго дня, ситецъ за 2 рубля. Но ты получишь отъ него только рубль. Подобно барину, онъ взялъ отъ тебя половину твоего труда даромъ. Вѣдь ты трудишься въ день цѣлыхъ 15 часовъ, а отрабатываешь твою рублевую заработную плату въ $7^1/_2$ часовъ, потому что столькихъ часовъ трудъ стоитъ 1 рубль, получаемый тобою отъ хозяина. Значитъ, остальные $7^1/_2$ часовъ въ день ты отдаешь задаромъ твоему хозяину, и отъ нихъ-то онъ и получаетъ въ день 1 рубль. Каждый день, стало быть, ты отдаешь хозяину задаромъ полдня, а въ шесть рабочихъ дней отдаешь 6 разъ полдня, т.-е. цѣлыхъ 3 дня. Эти 3 рабочихъ дня составляютъ прибыль хозяина. Стало быть, рабочій такой же, на самомъ дѣлѣ, крѣпостной человѣкъ, какъ и мужикъ, работавшій 3 дня на барщинѣ, а теперешній хозяинъ, все равно, что прежній баринъ.

[1]) Мы послѣ объяснимъ какъ-нибудь, что и цѣнность матерьяла для ситца, въ свою очередь, измѣряется трудомъ рабочаго.

Въ настоящій нумеръ не вошла еще статья «Хроника рабочей жизни». Надѣемся, что въ будущемъ улучшеніе технической стороны изданія дастъ намъ возможность пополнить и число статей каждаго нумера. Разсчитываемъ на поддержку лицъ сочувствующихъ.

Изданіе Общества «Земля и Воля».

ІЮНЬ 1881 г. № 3. Цѣна 3 коп.

ЗЕРНО
РАБОЧІЙ ЛИСТОКЪ.

С.-Петербургъ, 1 іюня 1881 г.

Правда вездѣ одна и та же! И не за облаками она скрывается, не въ шапкѣ невидимкѣ гуляетъ по бѣлу свѣту. Нѣтъ, ее можно и узнать, и понять! Надо только оглянуться кругомъ, вдуматься въ свою жизнь и въ общее дѣло всего рабочаго трудящагося люда, да посовѣтоваться съ совѣстью, какъ общему горю пособить. Вспомните только, что не въ одной нашей Россіи рабочему люду живется плохо, что и въ другихъ странахъ работникамъ приходится так-ли, иначе ли выступить противъ враговъ своихъ кулаковъ-фабрикантовъ, притѣснителей-помѣщиковъ и поддерживающихъ эту братію крючкотворовъ-чиновниковъ.

И такъ, если правда вездѣ одна и та же, то и русскій рабочій, если подумаетъ о ней, какъ слѣдуетъ, найдетъ ее въ томъ же, въ чемъ находятъ ее рабочіе другихъ странъ. Эта правда—освобожденіе рабочаго народа—зовется **соціализмомъ**, а себя лучшіе люди всѣхъ странъ, люди, ставшіе за общее дѣло работниковъ, отдавшіе этому дѣлу и жизнь, и душу, готовые голову за него сложить, называютъ **соціалистами**. Объяснимъ же, что такое **соціализмъ**. Какой долженъ быть устроенъ порядокъ въ обществѣ, чтобы рабочій человѣкъ жилъ не впроголодь, какъ нынѣ, а сытно и въ довольствѣ, и чтобы одинъ человѣкъ не обижалъ и не притѣснялъ другого. Теперь трудящійся человѣкъ обогащаетъ хозяина, служитъ ему рабочимъ скотомъ и изнуряется непосильной работой. Соціалисты хотятъ, чтобы каждый, работая лишь столько, сколько на самомъ дѣлѣ нужно для его потребностей, сталъ самъ себѣ хозяиномъ. Теперь рабочій и семья его не обезпечены и кускомъ хлѣба: сегодня ты не наѣлся до-сыта, а завтра тебѣ хозяинъ отказалъ отъ работы и смотри—совсѣмъ съ голоду гибнуть придется. Соціалисты хотятъ, чтобы всякій, кто желаетъ трудиться, былъ обезпеченъ отъ нужды. Теперь рабочихъ держатъ въ невѣжествѣ и темнотѣ. Соціалисты хотятъ, чтобы свѣтъ ученія и пониманія проникъ въ среду рабочихъ, чтобы и рабочіе могли сдѣлаться людьми образованными и толковыми. Теперь дѣти рабочихъ убиваются на фабрикахъ и заводахъ непосильнымъ трудомъ. Соціалисты хотятъ, чтобы всѣ дѣти учились въ школахъ, пока не выростутъ и не окрѣпнутъ для работы. Теперь рабочіе приниженъ и придавлены, не имѣютъ никакихъ правъ, и только лѣнивый не притѣсняетъ ихъ. Соціалисты думаютъ, что всѣ люди равны и потому хотятъ, чтобы рабочіе получили человѣческія права наравнѣ со всѣми членами общества, чтобы никто не смѣлъ ихъ обижать, чтобы они стали людьми свободными и независимыми. Теперь вся сила государства берется изъ крестьянъ и рабочихъ: изъ нихъ вербуется войско, платежами и податями съ нихъ наполняется казна; но всѣмъ этимъ начальство распоряжается, не спрашиваясь народа, и даже прямо во вредъ народу.

Соціалисты хотятъ, чтобы крестьяне и рабочіе стали хозяевами и гражданами въ своей странѣ, и чтобъ судьбой ея заправляли ихъ выборные излюбленные люди.

Когда она можетъ наступить, эта правда, сулящая всѣмъ работникамъ счастье и довольство?

При нынѣшнихъ порядкахъ далеко не всѣ члены общества живутъ своимъ трудомъ, своимъ честно заслуженнымъ заработкомъ. Вотъ по этой причинѣ тому, кто пропитывается своей работой, приходится больше работать на другихъ, чѣмъ на себя. И посмотри-ка на барина—палецъ-о-палецъ не ударитъ, а въ какой роскоши живетъ: дома вели-

колѣнные, рысаками народъ давитъ, разъѣзжая по баламъ, да по театрамъ! Рабочему со всей фабрикаціи прибыль—мозоли да спина горбатая, а капиталисту—брюхо толстое, жизнь развеселая, да богатство.

Но, по справедливости, не должно быть того, чтобъ одинъ работалъ на другого... Никто не имѣетъ права жить даромъ, чужимъ трудомъ, развѣ только больные, малыя дѣти да старые старики. Жизнь никому даромъ не дается, и каждый долженъ самъ въ потѣ лица зарабатывать свой хлѣбъ насущный. Каждый здоровый и взрослый членъ общества долженъ взяться за какую-нибудь работу, чтобы съ нея прокормиться.

Тогда никому не будетъ надобности жить чужимъ трудомъ. И тогда лишь, когда всѣ люди станутъ работать, они сдѣлаются вполнѣ честными и совѣстными. Подумайте, рабочіе, кто кормитъ и содержитъ въ роскоши богача?—Бѣднякъ! Кто является благодѣтелемъ капиталиста?—Поденщикъ! Но рабочій идетъ работать на фабриканта не по своей доброй охотѣ, не по желанію осчастливить кулака или помѣщика работаетъ на его землѣ крестьянинъ-батракъ... Ихъ гонитъ необходимость, потому извѣстно, голодъ—не тетка, нужда—не сестра. У крестьянина мало земли своей, и вотъ ему приходится трудиться на чужой или уходить въ городъ на заработки. У рабочаго нѣтъ своихъ инструментовъ и вообще предметовъ нужныхъ, чтобы съ пользою примѣнить свой трудъ, и вотъ онъ нанимается къ фабриканту и работаетъ для его выгоды больше, нежели для своей. Но вѣдь земля не создана для Петра или Ивана, она создана одинаково для всѣхъ людей, желающих на ней трудиться. Земля принадлежитъ всему народу и ею имѣетъ право пользоваться всякій, кто желаетъ ее обрабатывать своими руками. Въ старыя-то времена земля на самомъ дѣлѣ была собственностью всего народа, да завладѣли ею сильные и богатые люди сперва прямо грабежами, захватомъ, а потомъ эти же господа стали сами писать законы для всей страны. Ну, всѣмъ понятно, что никто самъ себѣ не врагъ, и вотъ оказалась по этимъ барскимъ и царскимъ законамъ земля священною собственностью помѣщиковъ и міроѣдовъ. Развѣ круглый дуракъ не пойметъ, что правды въ этомъ столько же, сколько въ деревянномъ истуканѣ, которому молится язычникъ... И такую же священную собственность составляютъ машины, заводы и фабрики и всякаго рода капиталы—все это только предлогъ грабить рабочаго и пользоваться его даровымъ трудомъ. Разсудите сами! Вотъ, положимъ, ты ткачъ, есть у тебя и охота, и умѣнье работать, да нѣтъ ни станка, ни машины. Тутъ ты хоть волкомъ вой, а пустыми руками ничего не подѣлаешь... И вотъ станешь работать за хозяйскимъ станкомъ, за это тебѣ пойдетъ плата такая, что еле хватитъ на прокормленіе; а весь излишекъ съ твоей работы хозяинъ въ карманъ спрячетъ. Но если бы не было нужды ни тебѣ, ни другому рабочему идти работать на хозяина, то онъ со своими машинами ничего не могъ бы подѣлать, и капиталы бы ни къ чему не пригодились ему. Самъ онъ работать не хочетъ или не можетъ, а вѣдь ни кредитныхъ бумажекъ, ни звонкой монеты, ни паровой машины есть не станешь и сытъ ими не будешь, развѣ только подавишься. Правда, за нихъ можно купить съѣстные припасы, да припасы-то сами не выростутъ, надо, чтобъ рабочій потрудился надъ ихъ производствомъ.

Значитъ, всѣ машины и капиталы нужны хозяину для обирательства, а потому ихъ слѣдуетъ отобрать въ пользу трудящагося люда, которому они дѣйствительно послужатъ для работы. Да и подумайте, чьими руками созданы всѣ эти машины и капиталы? Не капиталисты и хозяева трудились надъ ними, а созданы упрямымъ трудомъ бѣдняковъ-работниковъ. Ваши отцы работали, чтобы создать капиталы, и сами всю жизнь оставались бѣдняками, а дѣти ихъ по сей день остаются бѣдняками, наемными работниками при этихъ капиталахъ.

Вотъ почему фабрики и заводы должны перейти къ самимъ рабочимъ; работники сами должны стать хозяевами своего труда и капитала.

Иной, пожалуй, скажетъ: «что же, что машину сработалъ или домъ выстроилъ нашъ братъ рабочій? Вѣдь ему за это заплачено было деньгами, а машина осталась за хозяиномъ!» Это-то правда, да сообрази-ка только, что хозяинъ платитъ рабочему: весь ли заработокъ съ его труда или нѣтъ. Конечно, нѣтъ, рабочій получаетъ лишь столько, чтобы самому прокормиться да дѣтей пропитать и взростить изъ нихъ опять будущихъ кормильцевъ хозяину. Ты, положимъ, недѣлю работалъ и сработалъ машину, которой цѣна 100 рублей. Хозяинъ тебѣ въ концѣ недѣли заплатитъ за твой трудъ, скажемъ, 10 рублей серебромъ, а матеріалъ ему стоитъ уже со всѣми другими расходами, ну, скажемъ, 25 рублей или 30 рублей серебромъ. Всего, значитъ, онъ затратилъ

40 рублей, а получилъ чистаго барыша 60 рублей серебромъ,—все за **твой трудъ**, потому что матеріалъ всякій купитъ на базарѣ, за тѣ же 25 или 30 рублей серебромъ.

Вотъ какъ съ труда рабочаго накопляются капиталы у хозяина! Вотъ почему всѣ капиталы, по справедливости, принадлежатъ рабочему. Да только никто изъ рабочихъ не можетъ сказать: вотъ эта машина принадлежитъ мнѣ и я съ нею могу сдѣлать, что хочу. Всѣ капиталы созданы отцами и братьями нынѣшнихъ работниковъ для всего своего потомства, они составляютъ общее наслѣдство, общее достояніе.

Вотъ почему придется устроить слѣдующій порядокъ, безъ спору самый лучшій, какой только удалось придумать людямъ.

Вся земля, заводы и фабрики—все будетъ принадлежать всему обществу, работать на нихъ народъ станетъ артелями, потому, всякому извѣстно, работа сообща не въ примѣръ выгоднѣе, нежели работа въ одиночку. Заправлять работами на каждомъ заводѣ или на каждой фабрикѣ будутъ свои выборные—мастеровые или старосты.

Но вотъ о чемъ необходимо еще позаботиться, какъ бы не вышло такъ, что за одно производство возьмется слишкомъ много людей, а за другое слишкомъ мало, такъ что въ одномъ предметѣ, скажемъ, въ хлѣбѣ, получится избытокъ, а другого, примѣрно, сукна, окажется мало. Тогда сытъ-то будешь, зато, можетъ, нагишомъ щеголять придется. Понятно, значитъ, почему очень важно, чтобы работа всѣхъ была разсчитана хорошо и точно по нуждамъ всего населенія страны. А этого уже ни отдѣльный рабочій, ни отдельная артель сдѣлать не можетъ, они знаютъ только свою работу. Это дѣло трудное и его необходимо поручить людямъ извѣстнымъ умомъ, опытностью и честностью—выборнымъ съ разныхъ заводовъ, общинъ и мѣстностей. Они будутъ уполномочены распредѣлить всѣ матеріалы и орудія труда по рабочимъ артелямъ, а рабочіе силы—по разнымъ производствамъ, какъ слѣдуетъ по общему плану, по расчету. Все производство, все, что вырабатываютъ въ общинахъ и артеляхъ, должно поступать въ общія кладовыя, а уже оттуда народные выборные, по мѣрѣ надобности и за строгою отчетностью, станутъ распредѣлять продукты между рабочими справедливо, по заработкамъ. Вотъ какой порядокъ самый лучшій—никому здѣсь обиды нѣтъ. Нѣтъ здѣсь капиталиста, которому задаромъ идетъ львиная доля, и каждый получаетъ полный заработокъ за свой трудъ.

Иному, кто раньше никогда не думалъ о такомъ порядкѣ работы и уплаты за нее, порядокъ этотъ покажется очень ужъ диковиннымъ. Чтобы лучше освоиться съ тѣмъ, что сказано объ этомъ порядкѣ, надо припомнить какой-нибудь примѣръ изъ нашей жизни, сколько-нибудь подходящій. (Хотя вообще-то наша жизнь нынѣшняя такъ же походитъ на будущій порядокъ, какъ дымная лучинка на свѣтлое солнышко). Вотъ, крестьяне хутора Грековка, Черниговской губ. и уѣзда, взявши въ 1876 г. въ аренду цѣлымъ обществомъ имѣніе, ввели общественную запашку, совмѣстный сжонъ и обмолотъ, такъ что въ раздѣлъ идутъ уже зерна и солома. Такъ они поступаютъ и съ сѣнокосомъ (въ имѣніи до 400 дес. пашни и сѣнокоса). Крестьяне находятъ свою систему **и справедливой и удобной**. Ни общій трудъ, ни дѣлежъ продуктовъ не подавали повода къ недоразумѣніямъ и нареканіямъ.

И въ другихъ мѣстахъ бывали примѣры такого рода. Есть у насъ на Руси артели (куда еще не затесался кулакъ-пройдоха), которыя справляютъ дѣла сложныя, гдѣ требуется много рабочихъ силъ. Каждый работникъ дѣлаетъ свое дѣло по указанію и распоряженію выборного старосты. А кончатъ работу, разсчитаются между собою и раздѣлятъ заработки по труду каждаго. Вотъ подобную артель будутъ составлять всѣ работники при будущихъ порядкахъ, только будетъ эта артель далеко покрупнѣе да побогаче.

Всякій пойметъ, что запречь въ одну телѣгу волка и лошадь нельзя и потому при будущихъ порядкахъ нынѣшнему правительству не будетъ мѣста; не подойдетъ оно, значитъ, къ нему, и всѣ власти будутъ свои выборные. Внутренними распорядками каждаго завода, каждой фабрики, сельской общины или цѣлой мѣстности, округа будутъ завѣдывать міръ, собраніе или мѣстные выборные. А гдѣ дѣло коснется всего народа, чтобы, значитъ, вести дѣла между общинами и артелями или съ другими странами, чтобы, значитъ, управлять всей страной, надо будетъ изъ каждой мѣстности послать гласныхъ или ходоковъ-довѣренныхъ въ общую думу, которая и будетъ общенародными дѣлами править. Особенно этимъ выборнымъ надо будетъ заботиться, чтобы всѣ дѣти одинаково учились въ хорошихъ и правильно-устроенныхъ школахъ. Потому что если всѣ будутъ образованными, то никто себя въ обиду не дастъ.

Вотъ когда правда станетъ царить на землѣ!

Эта правда настанетъ, когда:

1) Всѣ будутъ работать и никто не останется празднымъ.

2) Земля, фабрики, заводы и капиталы будутъ принадлежать всему рабочему народу.

3) Работа будетъ производиться сообща—артелями—по общему плану, а продукты изъ общихъ кладовыхъ справедливо распредѣляться между работниками.

4) Отдѣльные люди, артели и общины будутъ вполнѣ свободны во всемъ, что не касается интересовъ другихъ общинъ и лицъ.

5) Всѣ должности будутъ заняты выборными отъ всего населенія, которых можно смѣстить, какъ только они окажутся ненадежными.

6) Всѣ дѣти будутъ одинаково воспитываться и обучаться.

Вотъ что называется соціализмомъ. За такой порядокъ стали рабочіе во всѣхъ странахъ Европы. За этотъ порядокъ борятся русскіе соціалисты. За это русское правительство ссылаетъ и заточаетъ по тюрьмамъ, отправляетъ на каторгу и вѣшаетъ лучшихъ людей русской земли, истинныхъ друзей народа.

Но правды не задушить, и рано или поздно она возьметъ верхъ. Русскій народъ встанетъ за нее крѣпко, грудью, и раздавитъ орду міроѣдовъ и кулаковъ съ ненавистнымъ правительствомъ во главѣ, какъ триста лѣтъ тому назадъ онъ сбросилъ иго татарской орды!

Какъ повести борьбу и какъ добиться лучшихъ порядковъ въ жизни, объ этомъ еще у насъ будетъ рѣчь впереди!—

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Всѣмъ извѣстно, что дѣлалось за послѣдній мѣсяцъ въ городахъ Елизаветградѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Кишиневѣ, въ мѣстечкахъ Смѣлѣ, Баразовкѣ, Броварахъ и во многихъ еще деревняхъ и селахъ тамошняго края. Невтерпежъ стало рабочему люду еврейское обирательство. Куда ни пойдетъ онъ, почти повсюду наталкивается на еврея-кулака. Еврей держитъ трактиры и кабаки, еврей землю снимаетъ у помѣщика и потомъ въ-три-дорога сдаетъ ее въ аренду крестьянину, онъ и хлѣбъ скупаетъ на корню, и ростовщичествомъ занимается, да при томъ деретъ такіе проценты, что народъ прямо назвалъ ихъ «жидовскими». «Житья отъ нихъ нѣтъ», кричали изъ толпы кіевскому генералъ-губернатору, когда онъ пріѣхалъ убѣждать народъ прекратить безпорядки, т.-е. остаться покорно и безропотно въ прежнемъ положеніи. И не только всѣ губернаторы, но и всякіе другіе чиновники, полицейскіе, войско, попы, земства, газетчики—всѣ вступились за кулаковъ-евреевъ. Каждый изъ нихъ дѣлалъ это на свой образецъ. Губернаторы стали писать и расклеивать на заборахъ и стѣнахъ объявленія, что правительство охраняетъ личность и имущество евреевъ одинаково со всѣми прочими гражданами, что «буяны» оскорбляютъ бога, который заповѣдалъ намъ кротость и любовь ко всѣмъ ближнимъ, безъ различія вѣры и племени, что они своими буйствами огорчили сердце нашего «добраго» царя, а про это имъ извѣстно отъ самого государя. Всѣ объявленія губернаторскія кончаются угрозами, что съ виновниками безпорядковъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ. А что значитъ эта строгость законовъ, увидимъ ниже. Полицейскіе высматривали людей, которые были въ толпѣ, арестовывали ихъ, волокли въ участокъ, да иной разъ еще стаскивали воровскимъ маneромъ кое-что изъ разбитаго еврейскаго имущества. Солдаты и казаки расправлялись посредствомъ прикладовъ и нагаекъ. Газетчики и земцы забили тревогу: собственность въ опасности! кричали они, потому что «грубая толпа» (какъ они обыкновенно выражаются), привыкши сама расправляться съ евреями, примется потомъ за прочихъ фабрикантовъ, купцовъ, хозяевъ, помѣщиковъ, словомъ, расправится со всѣми кулаками, какой бы вѣры они ни были, къ какому племени ни принадлежали. Попы тоже пустились пѣть въ своихъ проповѣдяхъ ту же самую пѣсню.

Не послушался народъ всѣхъ этихъ рѣчей и угрозъ и принялся гнать отъ себя евреевъ, разбивать ихъ имущество, что награбили они у народа же. «Это кровь наша!», говорили крестьяне полицейскимъ чиновникамъ, которые пришли забрать у нихъ назадъ еврейское имущество.

Не удалось, однако, народу сдѣлать что-нибудь на свою пользу. Всюду, гдѣ поднимался народъ на евреевъ, нагоняли солдатъ и казаковъ, а эти ужъ расправлялись по-свойски: били народъ ружьями и нагайками, хватали честныхъ людей, какъ воровъ, вязали ихъ и представляли въ полицію къ начальству. Кого отдали подъ судъ и упекли въ тюрьму и на каторгу, а другихъ и безъ всякаго суда безпощадно выдрали розгами тамъ же въ полиціи. Бывало и такъ (въ мѣстечкѣ Смѣлѣ), что сами солдаты съ офицерами пороли прямо на улицахъ, давали по 200 и 300 розогъ, не разбирая ни старого, ни малаго, сѣкли тамъ же на улицѣ одинаково какъ мужчинъ, такъ и женщинъ,

Въ Одессѣ одинъ рабочій, вышедши изъ полицейскаго участка после сильной порки, подошелъ къ толпѣ и объявилъ, что вышла новая бумага. «Кто грамотный, читай!» Поднялъ потомъ рубаху и показалъ свою изсѣченную спину. А какова бумага на твой взглядъ, читатель? Ясно ли въ ней прописано? Попробуемъ почитать. Можетъ быть, и прочтемъ что-нибудь полезное для себя.

Не даромъ испугались за свою шкуру всѣ русскіе кулаки-помѣщики, купцы-хозяева фабрикъ. На ворѣ и шапка горитъ, гласитъ русская пословица. Всюду, гдѣ нѣтъ евреевъ, развѣ хорошо живется народу, развѣ мѣсто евреевъ не заступаетъ тамъ свой же братъ—русскій кулакъ. Развѣ не обираетъ онъ рабочій людъ въ кабакахъ и трактирахъ, не скупаетъ хлѣбъ крестьянскій и его имущество, когда оно продается съ аукціона за недоимку. Развѣ среди русскихъ нѣтъ ростовщиковъ, которые дерутъ съ бѣдныхъ людей тѣ же жидовскіе проценты? Ясно теперь, почему всѣ русскіе хозяева и господа вмѣстѣ съ ихъ царемъ, солдатами, полиціей и чиновниками вступились за евреевъ.

За что же били однихъ только евреевъ? Да вы, братцы, приглядитесь повнимательнѣе къ самимъ-то евреямъ, тогда вы увидите, что и среди евреевъ далеко не всѣ богаты; что не всѣ они кулаки. И между ними есть много бѣдняковъ, которые, такъ же, какъ и вы, въ потѣ лица добываютъ хлѣбъ свой, которыхъ жмутъ кулаки и хозяева не меньше, чѣмъ вашего брата. За что же, спрашиваемъ мы, раззорены бѣдныя лачуги ремесленниковъ-евреевъ, за что разграблены и уничтожены ихъ скудные пожитки, что скоплены на трудовые гроши?

Пора понять рабочему люду, что кулакъ-хозяинъ не разбираетъ того, къ какому племени онъ самъ принадлежитъ, а къ какому его жертва, пора народу убѣдиться, что христіанская вѣра ничего не значитъ для его враговъ, что столь же мало имѣетъ она значенія и для евреевъ-кулаковъ; они грабятъ своихъ одноплеменниковъ одинаково, какъ и русскихъ. Каждый воленъ исповѣдывать такую вѣру, какую приказываетъ ему его совѣсть и въ какой онъ выросъ. А что кто-нибудь родился нѣмцемъ, а не русскимъ, то какъ же можно обвинять его за это?

В 1863 году, во время польскаго возстанія, крестьяне помогли русскому правительству противъ поляковъ. Они били польскихъ помѣщиковъ, ловили ихъ и представляли начальству. Правительство воспользовалось ненавистью русскихъ крестьянъ къ полякамъ. Бывали, правда, случаи, что крестьяне приводили къ исправнику и русскаго барина, потому, молъ, что приказано бить всѣхъ баръ. Да этакихъ не гладили по головкѣ за такія дѣла, а просто били по мордѣ. Что же получили крестьяне? Какая для нихъ выгода произошла оттого, что они шли противъ поляковъ, а не противъ всѣхъ помѣщиковъ вообще? Почитай, всѣмъ извѣстно, что землю, отобранную отъ поляковъ, роздали царскимъ слугамъ и чиновникамъ, а мужикамъ только кукишъ показали. И сидятъ на мѣстѣ польскихъ «пановъ» русскіе баре, и дерутъ они съ мужиковъ не меньше прежнихъ господъ.

Отбросьте же вражду къ иноплеменникамъ и иновѣрцамъ. Помните, что всѣ трудящіеся, какой бы религіи и націи они ни были, должны соединиться, чтобы дѣйствовать сообща противъ общаго врага. Врагъ еще слишкомъ силенъ. Не тратьте же своихъ силъ понапрасну, не враждуйте, на утѣху кровопійцамъ народнымъ, съ рабочими другого племени, хотя бы то были даже евреи. Лучшіе рабочіе въ другихъ странахъ давно уже поняли это и составили для борьбы съ капиталомъ международное товарищество рабочихъ. Въ это товарищество входятъ членами рабочіе всѣхъ народовъ въ Европѣ и Америкѣ. Только русскихъ тамъ еще нѣтъ до сихъ поръ.

Вы видѣли, какъ враги ваши поднялись всѣ разомъ другъ за дружку, не разбирая ни племени, ни вѣры. А какъ действовалъ рабочій людъ? Начнутъ въ Елисаветградѣ, а въ другихъ мѣстахъ въ это время молчатъ. Разгонятъ рабочихъ солдаты, тогда лишь

нападаютъ на евреевъ въ другихъ мѣстахъ. Тѣ же елисаветградскіе солдаты идутъ туда и производятъ усмиреніе. Всюду рабочій людъ дѣйствовалъ не въ одно время, а враздробь, вразсыпную. А врагу народному это на руку. Нужно, стало быть, заранѣе сговориться, что дѣйствовать сразу всѣмъ. При согласіи народъ представитъ такую силу, что никому противъ него не устоять. А когда среди народа рознь, такъ его, какъ соломинку, сломятъ. Да къ тому же нужно ясно знать, что именно дѣлать, чего требовать. Какой толкъ вышелъ съ того, что уничтожили еврейское имущество? Если народъ хочетъ избавиться отъ всякой кабалы, такъ для этого ему недостаточно разорить хозяйское и господское добро, онъ долженъ завладѣть землею и фабриками, смѣнить всѣхъ царскихъ слугъ и чиновниковъ, а на ихъ мѣсто вездѣ, гдѣ нужно, посадить своихъ людей: тогда только народъ самъ будетъ распоряжаться своей судьбой. Войско царское должно быть распущено, потому что оно всегда билось и будетъ биться за царя и господъ противъ народа. На мѣсто его должно быть составлено войско народное, ополченіе, которое будетъ состоять подъ начальствомъ выборныхъ народа; солдаты тогда не будутъ забывать, что они— тѣ же крестьяне, мужики, и что ихъ священный долгъ—защищать интересы народа.

При такомъ только порядкѣ народъ будетъ имѣть возможность поступать, какъ онъ захочетъ по справедливости; не придется ему тогда читать такихъ бумагъ, какую прочли одесскіе рабочіе на изсѣченной спинѣ своего же брата рабочаго.

ЗА КОГО ЦАРЬ?

(Разсказъ).

На заводѣ пошабашили; идетъ получка. Спустя нѣсколько времени, толпа рабочихъ прямо съ завода съ шумомъ и гамомъ ввалилась въ портерную. Черезъ минуту въ портерной стоялъ дымъ коромысломъ. Крики: «пару пива», «а намъ «дѣдушку», Иванъ Сидорычъ», то и дѣло раздавались по портерной. Двое мальчугановъ-подручныхъ засуетились и быстро зашныряли съ бутылками и стаканами, а самъ хозяинъ, Иванъ Сидорычъ, толстый съ лоснящимся отъ жира лицомъ, умильно улыбаясь, хлопотливо распоряжался за прилавкомъ.

Поодаль отъ другихъ, за небольшимъ столикомъ, усѣлись двое рабочихъ и потребовали себѣ бутылку пива. Одинъ изъ нихъ, Василій, годовъ сорока, былъ видный изъ себя, коренастый мужчина, лѣтъ двадцать уже мыкавшійся по фабрикамъ и заводамъ Питера. Товарищъ его, молодой парень, всего мѣсяцевъ пять какъ пріѣхавшій изъ деревни въ Питеръ на заработки (дома-то, въ деревнѣ, жевать нечего было, а тутъ еще староста пристаетъ съ податью, стращаетъ послѣднюю лошаденку продать,—ну, какъ не уѣхать), былъ землякъ Василія и служилъ на одномъ съ нимъ заводѣ чернорабочимъ.

— Ты чего, Егоръ, вчера на работѣ-то не былъ? Загулялъ, что ли? Кажись бы, не съ чего гулять-то, того и гляди, что три дня въ недѣлю работать будемъ, а ѣсть-то, вѣдь, каждый день нужно, пожалуй, и впроголодь насидишься!—

— Наши-то, вишь, ходили смотрѣть, ну, и я...

— Чего смотрѣть-то?

— Да, вѣдь, вчера ихъ вѣшали! Народищу-то было—страсть что!.. Только вездѣ это солдаты стоятъ, близко-то больно не подпущаютъ и видать-то не гораздо было... А знаешь, Василій Иванычъ, и бабу-то ихнюю тоже повѣсили, ей-богу, повѣсили!

— Такъ, доброе дѣло пошли посмотрѣть! Людей мучаютъ, а они смотрѣть идутъ, вотъ дьяволы-то, право, дьяволы! Развѣ это по-человѣчески живыхъ людей вѣшать, развѣ это можно,—съ сердцемъ проговорилъ Василій Иванычъ.

— Да чего ты, Василій Иванычъ, серчаешь-то такъ? Нешто жаль тебѣ баръ-то? А по мнѣ хоть бы ихъ всѣхъ перевѣшали, такъ и тогда мнѣ горюшка мало было бы.

— Баре, баре,—передразнивая его, говорилъ Василій Иванычъ:—хорошо бы, кабы баре, что кровь нашу пьютъ, а въ томъ-то и штука, что не баре.

— А кому же больше? Извѣстно, баре; всѣ такъ говорятъ, чай, ты слышалъ, и у насъ на заводѣ сказывали, будто баре снова въ крѣпость насъ взять хотѣли, да царь-то, вишь, не согласился, ну, такъ они его и ухлопали.

— Въ крѣпость взять. Эка, умная ты голова! Да кто же по нонѣшнему времени дастъ себя въ крѣпость взять! Ну, братъ, угадалъ, нечего сказать! Попробуй-ка нынѣ, сунься съ крѣпостью-то! Нѣтъ, братъ, шалишь. Не выгоритъ! Почему крѣпость-то

отошла, не знаешь? Мужики, братъ, больно шибко бунтовать стали, невмоготу стала она, сердечная, потому-то и дали вольную! А ты думалъ такъ вотъ: взяли да и дали Какъ же, дожидайся! Поди, попробуй теперь крѣпость завести, такъ въ деревнѣ такъ встрѣтятъ, что и ногъ не унесешь! А то крѣпость!

— Да и Петро-то, молотобойцемъ онъ у насъ въ кузнѣ, тоже это сказывалъ, какъ ты. Наши-то сначала не повѣрили, а опосля, какъ домой пришли, тоже согласились, что насчетъ крѣпости нонче, пожалуй, и тугонько будетъ. А такъ, промежъ себя, разсказывали, будто, видишь, царь-то нонче хотѣлъ землю по-божески раздѣлить, какъ слѣдоваетъ сдѣлать, ну, и на счетъ подати тоже хотѣлъ облегченіе сдѣлать; баре, вишь, пронюхали про такое дѣло, ну, имъ, конечно, не рука, они возьми да убей его. И по моему, это не въ примѣръ вѣрнѣе будетъ.

— Вѣрно, братъ, да не очень. Слушай-ка, что я сказывать буду. Развѣ впервой стрѣляютъ въ царя? Вѣдь и раньше въ него стрѣляли; стрѣлялъ-то и нашъ братъ, рабочій, а развѣ рабочій человѣкъ пойдетъ стрѣлять за баръ, зачѣмъ ему супротивъ рабочихъ идти. Правда, и межъ нашимъ братомъ завелись теперь Іуды, что за грошъ готовы продать человѣка, ну, да тѣмъ деньги начальство даетъ, а не вѣшаетъ; тѣ, которые стрѣляли, не изъ таковскихъ, совѣсти своей ни за какія деньги не продадутъ. Опять же и судятъ-то ихъ тоже баре, развѣ они не могли бы укрыть ихъ, облегчить, что ли, наказаніе, а они осудятъ и праваго, и виноватаго, всѣхъ, кто имъ въ лапы попадется. Вотъ Тимофея-то, что у Петрова работалъ, тоже осудилъ, а уликовъ-то противъ него, что онъ будто хотѣлъ убить царя, никакихъ не было. Жаль, что ты грамоты-то не знаешь, а то бъ самъ прочелъ, что говорили на судѣ эти люди. Ну, да я и самъ скажу: хочешь—вѣрь, хочешь—нѣтъ: они говорили, что стоятъ за рабочій народъ, хотятъ, чтобы фабрики, заводы, земля принадлежали не барамъ да купцамъ, а рабочему люду, чтобы не управляли народомъ царь съ барами да купцами, а самъ бы народъ управлялъ собой, самъ бы и подать назначалъ, самъ бы мірскихъ людей назначалъ на должности. Вотъ что они говорятъ, а то баре?

— Ну, на счетъ суда-то... они, можетъ, и брешутъ, чтобы глаза отвести, а сами-то норовятъ, какъ бы поприжать мужика посильнѣй. Потому, опять, за кого же царю и стоять-то, какъ не за крестьянъ. Онъ-то и давно бы землю роздалъ, кабы не баре, провались они совсѣмъ.

— Постой, постой, не торопись! Развѣ у насъ года два тому назадъ не вычитывали указа о томъ, чтобы мужикамъ землю больше не ждать? Чай, слышалъ?

— Какъ не слыхать, слышали. Только это у насъ тогда сказывали, что указъ-то это барскій, не отъ царя, что они обманули его. Тогда еще Фролъ, Федора-то хромого отецъ, старикъ такой, все сказывалъ: «пустое это все, что земли не дадутъ; и передъ волей такія же штуки вычитывали, анъ, смотришь, волю-то и дали; такъ и теперь: подождемъ, смотришь, и землю снова дѣлить начнутъ». У насъ, въ деревнѣ, и теперь все ждутъ къ осени передѣла.

— Экъ, какой ты Фома невѣрный! Ну, ладно, пусть царь за насъ. Баре мѣшаютъ ему сдѣлать доброе дѣло?

— Извѣстно, что они, кому же больше!

— Ну, ладно. Вѣдь, можетъ, царь-то по городу проѣхаться въ праздничный день, хоть, положимъ, онъ теперь и сидитъ, что медвѣдь въ берлогѣ, но все же, надо думать, можетъ.

— Ну, конечно, можетъ.

— Ладно! Ну, выѣхалъ бы онъ, значитъ, куда-нибудь, гдѣ рабочаго люда побольше, да и крикнулъ, что ли, коли самому съ барами не справиться: «бей, братцы, православный народъ, баръ! Одолѣли они меня, змѣи проклятыя, мѣшаютъ мнѣ дать вамъ волю заправскую». Отвѣчай, долженъ бы онъ это сдѣлать, если бы стоялъ за насъ, а?

— Погоди малость. Какъ же это такъ?

— Да ты отвѣчай, долженъ или нѣтъ? Вѣдь, сколько лѣтъ, значитъ, самъ-то онъ съ барами борется, да все верхъ взять не можетъ. Долженъ онъ тогда народъ призвать на помощь, вѣдь не издыхать же мужику съ голоду, пока, по вашему, самъ царь съ барами справится?

— Ну, долженъ...

— Ну, а сдѣлалъ онъ это?

— Нѣтъ.

— Да никогда и не сдѣлаетъ, не дождешься ты этого, потому что царь-то онъ барскій да купеческій, за одно съ ними орудуетъ, а на рабочаго-то человѣка ему наплевать. Если бы онъ радѣлъ о мужикѣ, такъ давно бы попросилъ его расправиться по-свойски съ барами да купцами. Такъ-то, братъ! Такъ смекаешь теперь, за кого стоитъ царь?

— Оно, какъ будто, выходитъ, что за баръ да купцовъ.

— Какъ будто? Не какъ будто, а и въ самомъ дѣлѣ стоитъ за нихъ. Ну, да мнѣ теперь не досугъ, надо еще къ товарищу зайти, обѣщалъ. Иванъ Сидорычъ, получай гривенникъ. Ну, прощай, Егоръ!

— Да кто же, Василій Иванычъ, землю-то дастъ намъ, коли царь не за насъ,— понуривъ голову, спросилъ Егоръ.

— Много знать будешь, скоро состаришься,—съ усмѣшкой отвѣчалъ Василій Иванычъ.—Заходи какъ-нибудь на недѣлѣ, потолкуемъ, можетъ статься, и безъ царя справимся. Ну, прощай!

Егоръ пошелъ домой какой-то встревоженный и всю дорогу повторялъ: такъ царь-то не за насъ, шутъ его подери! Ну, да вотъ что Василій скажетъ, парень-то онъ дошлый...

Типографія Общ. «Земля и Воля», С.-Петербургъ.

АВГУСТЪ. 1881. № 4. Цѣна 3 коп.

ЗЕРНО
РАБОЧІЙ ЛИСТОКЪ.

С.-Петербургъ, 1 августа 1881 г.

Въ прошедшемъ номерѣ мы разсказали, что такое соціализмъ. Только тогда, сказали мы, воцарятся на землѣ правда, счастье и свобода, когда повсюду будутъ установлены такіе порядки, какъ указываютъ соціалисты.

Кто распоряжается теперь трудомъ народа и его имуществомъ? Кто опредѣляетъ, сколько кому работать и какіе товары производить, заставляетъ выдѣлывать шелки да бархаты, когда жрать-то нечего? Кто забираетъ въ свои руки всѣ плоды народнаго труда, забираетъ все безъ остатка, какъ въ городѣ, на фабрикахъ и заводахъ, такъ и въ деревнѣ,—на поляхъ, лугахъ и въ лѣсу, а рабочему человѣку оставляетъ лишь столько, чтобы еле хватало ему съ голоду не околѣть, да расплодить дѣтей, оставить новыхъ рабовъ на смѣну себѣ? Всякому видно, кто такіе эти нынѣшніе заправители народа и что они за птицы. Долой же кулака-помѣщика и фабриканта-торгаша! Пусть самъ народъ станетъ на ихъ мѣсто. Пусть самъ станетъ полновластнымъ хозяиномъ своего труда и работаетъ надъ тѣмъ, что ему нужно, по его собственному соображенію. Пусть завладѣетъ двумя великими орудіями производства—землей и машиной, безъ которыхъ человѣкъ, вѣдь, все равно, что безъ рукъ: они принадлежатъ народу по всей справедливости, божеской и человѣческой, народъ давно уже выплатилъ за нихъ своимъ трудомъ, потомъ и кровью. Баре и хозяева насиліемъ отняли у народа землю и матеріалы, изъ которыхъ понастроили себѣ фабрикъ, заводовъ, домовъ и проч. Отнявши все это, народъ только воротитъ свое же добро.

А кто назначаетъ судей неправедныхъ, что всегда рѣшаютъ дѣла въ пользу помѣщика, хозяина, подрядчика? Кто нагоняетъ полицію и солдатъ на крестьянъ и рабочихъ, когда они захотятъ сами расправиться со своими обидчиками? По чьему указу шлютъ мірскихъ людей въ Сибирь и на каторгу? Всему виной министры государевы да самъ его величество. А вспомните еще о томъ, кто рекрутчиной давитъ народъ, кто обременяетъ его налогами и податями непосильными? Кто помогаетъ кулаку-помѣщику и фабриканту-торгашу грабить народъ и защищаетъ ихъ въ такомъ добромъ дѣлѣ? Кто ведетъ войны, разорительныя для народа? Все это совершается по опредѣленію того же царя и подручныхъ его—господъ министровъ. На желанія народа никогда не обращаютъ никакого вниманія. Объ его согласіи на тѣ или другія государственныя мѣры никто не спрашиваетъ. Царь и министры заботятся единственно о своемъ собственномъ благо-

получіи и для этого попираютъ ногами права народа и расхищаютъ его имущество. Долой же ихъ! Пусть народъ станетъ самъ верховнымъ распорядителемъ своей судьбы. Онъ самъ долженъ управлять всѣми своими дѣлами черезъ излюбленныхъ мірскихъ людей, долженъ самъ назначать своихъ судей, опредѣлять налоги, составлять свое ополченіе и такъ далѣе.

Самодержавіе народа во всѣхъ областяхъ жизни—вотъ что такое соціализмъ. При такомъ порядкѣ вещей интересы народа найдутъ себѣ достаточное уваженіе. Только въ томъ случаѣ, когда общество будетъ построено на соціалистическихъ началахъ, народъ получитъ, наконецъ, возможность выбраться изъ нищеты и широко развить свои умственныя и нравственныя силы. Коренной переворотъ въ условіяхъ экономической жизни народа—вотъ основное условіе его счастія и свободы. До тѣхъ поръ, пока оно не будетъ выполнено, не достигнуть народу земли обѣтованной. Если народъ подавленъ непосильнымъ трудомъ и тяжкими налогами, состоитъ въ кабалѣ у хозяина, если не хватаетъ ему ни времени, ни средствъ заблаговременно понабраться ума-разума для сознательнаго и дѣятельнаго участія въ общественныхъ дѣлахъ,—онъ неизбѣжно попадетъ во власть хозяина и чиновника.

Какъ же дойти народу до земли обѣтованной, какъ добиться по-истинѣ человѣческаго существованія. Объ этомъ мы и намѣрены повести теперь нашу рѣчь.

Съ перваго же взгляда видно, кому послужитъ на пользу введеніе въ нашу жизнь соціализма. Вполнѣ естественно, что помѣщики всѣми силами будутъ сопротивляться этому, потому что соціализмъ считаетъ землю принадлежащею только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ самъ, т.-е. народу: безъ земли помѣщику-дворянину нельзя будетъ жить въ праздности и роскошествѣ. По той же самой причинѣ введенію соціализма будутъ сопротивляться фабриканты, заводчики, всякіе вообще хозяева, купцы, банкиры и проч. Соціализмъ говоритъ: всякій здоровый человѣкъ обязанъ собственнымъ трудомъ создавать себѣ средства къ жизни, а они всѣ живутъ лишь трудомъ рабочаго человѣка и сильно не хочется имъ разстаться съ своей роскошной и праздной жизнью. Они иногда какъ будто держатъ сторону народа и дѣйствуютъ заодно съ нимъ противъ царя и дворянъ. Исторія Франціи представляетъ особенно много примѣровъ этого рода. Такъ было въ 1789 г. во время Великой Французской Революціи, затѣмъ въ 1830 г., когда произошла такъ называемая Іюльская Революція, потомъ еще въ 1848 году, когда низвергли съ престола короля Луи-Филиппа. Но не слѣдуетъ обманываться этимъ союзомъ буржуазіи [1]) съ народомъ. Для нея дороги не интересы народа, а его сила. Она стремится къ тому же, что и дворяне, она хочетъ стать лишь на ихъ мѣсто или, по крайней мѣрѣ, на ряду съ ними властвовать надъ народомъ, хочетъ, чтобы дворяне и ее допустили свободно грабить народъ. Чего, въ самомъ дѣлѣ, добились французскіе рабочіе блистательными побѣдами, которыя они столько разъ одерживали надъ своими врагами? Почти ничего или очень немного. Буржуазія всецѣло воспользовалась плодами народной побѣды; она стала во главѣ государственнаго управленія и получила право безконтрольно распоряжаться народнымъ хозяйствомъ и направлять трудъ народа по своему усмотрѣнію на ту или другую отрасль промышленности. Когда же послѣ Февральской Революціи 48 года народъ не удовлетворился тѣми ничтожными подачками, которыми буржуа хотѣли усыпать его сознаніе, и напомнилъ буржуа, что для него, для народа, еще въ сущности ничего не сдѣлано, что онъ остается одинаково не обезпеченъ въ матеріальномъ отношеніи и послѣ того, какъ вмѣсто королевской власти провозглашена республика, тогда буржуа отвѣтили народу такъ называемой іюньской бойней; генералъ Кавеньякъ, членъ республиканскаго буржуазнаго правительства, выкатилъ на улицу пушки и сталъ вразумлять народъ картечью. Такое же отношеніе буржуазіи къ рабочему сословію можно наблюдать и въ другихъ странахъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи, Италіи. Оттого-то соціалисты рабочіе Западной Европы давно уже поняли, что ихъ интересы противоположны интересамъ буржуазіи, что борьба, которую они ведутъ, есть борьба одного общественнаго класса противъ другого. Нельзя никогда ожидать, чтобы цѣлое сословіе, будь то дворянство, капиталисты или еще кто-либо иной, отказалось отъ своихъ сословныхъ интересовъ и поступилось ими въ пользу народа, въ пользу рабочихъ. Отовсюду отыскиваются, конечно, отдѣльныя лица, которыя самоотверженно доби-

[1]) Такъ называется сословіе, которое состоитъ изъ купцовъ, фабрикантовъ, заводчиковъ, банкировъ и тому подобныхъ людей.

ваются правды и жертвують своею жизнью за свободу и счастіе народа. Но такихъ людей, во всякомъ случаѣ, не тьма безчисленная, и сами они собственными только силами не могутъ разрушить существующій порядокъ и на его мѣсто установить новый строй жизни. Враги народа, хотя и побѣдимы, но все-таки еще достаточно сильны. Современное государство стоитъ на стражѣ существующаго порядка вещей и, какъ свирѣпый песъ, хватаетъ за горло всякаго, кто осмѣливается наложить на него руку. Сами рабочіе должны взять свое дѣло въ свои руки и соединиться съ самоотверженными борцами за права народа. Они не могутъ полагаться на великодушіе какого-либо другого сословія, ожидать отъ кого щедрыхъ и великихъ милостей. Освобожденіе рабочихъ можетъ совершиться только при ихъ собственныхъ усиліяхъ.

Въ дѣлѣ кореннаго улучшенія экономическаго положенія народа на современное государство можно надѣяться столько же, какъ и на буржуазію и дворянство. Какъ ничтожна помощь, которую русское государство склонно оказать народу, можно видѣть уже по одному слѣдующему примѣру. Въ настоящую минуту правительство какъ будто смилостивилось надъ крестьяниномъ и слагаетъ съ него выкупныхъ платежей на 12 милліоновъ рублей. Во-первыхъ, вся земля безъ всякой платы принадлежитъ крестьянину, а стало быть и платежей за нее никакихъ не слѣдуетъ. А во-вторыхъ, вспомнимъ, сколько денегъ наше правительство роздало кулакамъ всякаго рода; вѣдь одни желѣзнодорожники получили болѣе полуторы тысячъ милліоновъ кровныхъ народныхъ денегъ, стало быть въ 125 разъ больше того, что теперь правительство какъ будто даритъ народу. Нѣтъ, на правительство рабочимъ нечего надѣяться. Они добьются своей цѣли, только разбивши современное государство. Только по обломкамъ послѣдняго народъ можетъ дойти до своего счастія!

Въ Западной Европѣ промышленность и торговля достигли уже гораздо большаго развитія, чѣмъ въ Россіи. Фабрики и заводы сосредоточены тамъ въ огромномъ количествѣ въ городахъ. Такихъ большихъ, крупныхъ промышленныхъ центровъ, каковы Лондонъ и Парижъ, еще долго не будетъ въ Россіи. Въ Англіи большая половина всего населенія страны живетъ въ городахъ, во Франціи городскихъ рабочихъ нѣсколько меньше, чѣмъ крестьянъ, но все-таки, какъ оказалось въ 30-мъ, 48-мъ и 70-мъ годахъ, достаточно для того, чтобы низвергнуть гнетъ современнаго имъ общественнаго и государственнаго порядка. Въ Россіи дѣло стоитъ совсѣмъ иначе. Русскій народъ живетъ по преимуществу въ деревнѣ: тамъ онъ землю пашетъ и рукомесломъ занимается. Въ городахъ на фабрикахъ и заводахъ работаетъ сравнительно со всей массой крестьянъ не много рабочихъ. Однихъ городскихъ рабочихъ не достаточно для того, чтобы одолѣть всѣхъ враговъ народныхъ. Они могутъ сдѣлать починъ возстанія, прогнать власти своего города, захватить *на время* управленіе городомъ въ свои руки. Но всего этого не достаточно для окончательной и полной побѣды. Рабочее возстаніе въ городахъ должно быть поддержано крестьянскимъ возстаніемъ въ деревняхъ, притомъ по возможности въ большемъ количествѣ мѣстностей. Если возстанетъ только одинъ городъ, а повсюду въ другихъ мѣстахъ въ это время будутъ молчать, правительству легко будетъ направить большія военныя силы на одинъ этотъ городъ, оно окружитъ его сплошной цѣпью войскъ и подавитъ возстаніе. Совсѣмъ иначе пойдетъ дѣло, если на помощь возставшему городу подымутся крестьяне. Правительство будетъ вынуждено раздробить свои силы на многіе пункты и потому всюду будетъ побито.

Помните это, рабочіе-соціалисты! Знайте, какое громадное значеніе для общенароднаго дѣла имѣетъ вашъ союзъ съ деревенскими крестьянами. Пользуйтесь всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы влiять на нихъ. Старайтесь всякимъ способомъ пріобрѣсть ихъ сочувствіе вашимъ стремленіямъ, отыскивайте между ними сторонниковъ и энергическихъ дѣятелей на пользу общаго дѣла. Тогда вашъ успѣхъ вполнѣ обезпеченъ.

Но главная ваша забота и главная ваша дѣятельность должны направляться на вашего же брата, городского рабочаго. Пріобрѣтайте всюду сторонниковъ своему дѣлу. Проповѣдывайте свои стремленія словомъ и дѣломъ. Старайтесь всячески расширить рабочее движеніе. Распространяйте революціонныя книжки и газеты. Читайте ихъ и растолковывайте тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые еще не достигли правильнаго пониманія всей неправды современнаго общественнаго и государственнаго устройства и не додумались до новыхъ разумныхъ началъ соціалистическаго общежитія.

Но ваша дѣятельность никакъ не должна ограничиваться одной пропагандой. Всякая живая партія не можетъ не заявлять себя болѣе рѣшительно и рѣзко: рабочее дви-

женіе на пути къ достиженію своей великой цѣли часто натыкается на преграды и затрудненія, которыя ставятъ ему враги народные. Нужно опрокидывать эти препятствія во что бы то ни стало, хотя бы съ значительными жертвами. Только ведя постоянную и энергическую борьбу съ врагами народа, рабочая партія можетъ разростись широко и стать грозной силой, предъ которой падетъ современная неправда. Устраивайте же всякаго рода союзы для достиженія всевозможныхъ цѣлей. Въ союзѣ лишь обрѣтете вы спасеніе свое. Самый слабый человѣкъ, вступивши въ союзъ, чувствуя, что онъ не одинъ, что рядомъ съ нимъ за одно и то же борятся и многіе другіе, становится бодръ, энергиченъ и силенъ. Если одинъ человѣкъ повздоритъ съ хозяиномъ, то съ нимъ быстро справятся. Совсѣмъ не то выйдетъ, если сразу много рабочихъ предъявятъ одинаковое требованіе своему хозяину, да, кромѣ того, получатъ поддержку отъ рабочихъ другого хозяина. Устраивайте же союзы сопротивленія. Англійскіе рабочіе съ тѣхъ поръ, какъ соединились въ такіе союзы, стали огромной силой, страшной не только для фабрикантовъ и капиталистовъ, но и для англійскаго правительства. Они имѣютъ свою кассу, своихъ выборныхъ, которые ведутъ дѣла всего союза: собираютъ свѣдѣнія о томъ, гдѣ сколько человѣкъ работаетъ, какую плату получаютъ, какъ идетъ въ данную минуту промышленность и торговля и проч., и проч. Имѣя въ рукахъ эти свѣдѣнія, они могутъ выбрать удобное время для того, чтобы предъявить фабрикантамъ свои требованія относительно задѣльной платы, числа рабочихъ часовъ и прочихъ условій, отъ которыхъ зависятъ удобства жизни рабочаго человѣка. И нерѣдко бывало такъ, что хозяева поскорѣе соглашались на требованія рабочихъ, не доводя ихъ до стачки. Когда же бываютъ принуждены сдѣлать стачку, то стачечникамъ отпускаются деньги на прожитіе изъ общей кассы всего союза.

Мастера васъ часто обманываютъ. Денегъ не доплачиваютъ, штрафы непомѣрные ставятъ, работу понапрасну бракуютъ. Добивайтесь того, чтобы бракъ производился не по произвольному усмотрѣнію мастера, а по совокупному приговору его и выборныхъ отъ рабочихъ, а пока удастся достигнуть этого, нужно расправляться съ ними тѣми средствами, какія есть подъ рукой.

Шпіоны затесываются среди вашего брата, мѣшаютъ работать на пользу хорошаго дѣла, доносятъ полиціи, а то и напраслину взведутъ, и гибнетъ человѣкъ отъ оговора змѣи подколодной.

Нужно обороняться и отъ мастеровъ-кровопійцъ, и отъ шпіоновъ-гадюкъ ядовитыхъ. Нужно устраивать боевыя дружины для истребленія этого противнаго сѣмени.

Такая дѣятельность во всѣхъ отношеніяхъ полезна. Кромѣ того, что вы обороняетесь отъ непосредственныхъ нападеній своихъ враговъ и добиваетесь различныхъ улучшеній своего положенія, вы показываете примѣръ мужества и энергіи для своихъ прочихъ товарищей, еще не примкнувшихъ къ вашей организаціи. Вы доказываете, что справедливость еще не погибла на землѣ, что если есть негодяи, которые попираютъ ее своими ногами, то находятся и честные люди, которые наказываютъ негодяевъ. Вы ободрите тѣхъ своихъ товарищей, которые унываютъ и падаютъ духомъ, и наведете страхъ на своихъ враговъ. Всѣ увидятъ, что рабочіе представляютъ серьезную силу, достойную уваженія. Рабочая организація будетъ расти и крѣпнуть, число союзовъ, входящихъ въ ея составъ, будетъ увеличиваться постоянно. Тогда народъ дружно возстанетъ и двинется по заранѣе намѣченному плану, одновременно со всѣхъ сторонъ посыпятся его могучіе удары, и давящее его двойное ярмо гнета кулацкаго и чиновничьяго разлетится въ прахъ!

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

И прежде-то не особенно весело жилось на Руси рабочему человѣку, а по нонѣшнимъ временамъ, такъ хоть и совсѣмъ волкомъ вой, и то въ пору! Въ городахъ, на заводахъ да фабрикахъ тысячами отпускаютъ рабочихъ, тысячами выкидываютъ ихъ на улицу безъ куска хлѣба. Въ деревняхъ тоже не лучше: малоземелье, подать да начальство всякое совсѣмъ мужика доконали. Распродаетъ мужичье свои «животишки» и бѣжитъ цѣлыми деревнями отъ житья развеселаго «на вольныя мѣста», въ оренбургскія степи, за Уралъ, въ Томскую губернію, а иной и еще дальше! А кулакамъ, кровопійцамъ народнымъ, это, какъ разъ и на руку! Скарбъ крестьянскій за грошъ скупаютъ, чтобы легче да спокойнѣе, значитъ, мужику было въ дальній путь брести! Безъ денегъ по крайности

не такъ страшно идти будетъ, небось, никто не ограбитъ; иди да пѣсенки распѣвай! И поетъ, идя счастія искать, мужикъ пѣсенку: подайте, Христа ради, потому что «животишки»-то скудны больно,—деньжатъ и на полпути не хватаетъ. Помѣщикамъ-то хоть и не на руку, что претъ народъ съ ихнихъ мѣстовъ, потому рабочихъ-то поменьше малость останется, стало быть, и цѣна-то на ихъ повысится, да дѣлать нечего. Прямо не пускать мужика невозможно, чего добраго, еще бунтовать, пожалуй, начнетъ; ну, а разбунтуются, такъ и самому барину на орѣхи достанется! Вотъ и придумали начальство съ барами вмѣстѣ такой подвохъ мужику, что отдай все—и то мало будетъ! «Мужики-де не знаютъ, говорятъ помѣщики,—гдѣ и земля-то свободная есть, только зря шляться будутъ, а мы всегда рады помочь ему, вотъ и теперь станемъ указывать мужичку, гдѣ нашей земли много, селись, знай, всѣмъ мѣстовъ хватитъ! Мы и конторы для этого заведемъ, чтобы всѣ мѣста у помѣщиковъ знать, гдѣ селиться можно». Вишь, какіе радѣтели отыскались, горю мужицкому пособить захотѣли!... Спасибо вамъ, много довольны вашей милостью. И такъ вы надъ нами радѣли не одну сотню лѣтъ, снова порадѣете, пожалуй, и безъ портокъ находишься! Помочь захотѣлось, совѣсть зазрила? Такъ, что ли? Да выйдетъ ли такъ-то, вѣдь совѣсть-то у васъ прожженная! Привыкли вы рожь на обухѣ молотить! Что жъ, можетъ, ихней милости подарить землю намъ захотѣлось? Какъ же, держи карманъ шире. Ничуть не бывало. Въ аренду сдаютъ. А поселишься у нихъ, пообзаведешься малость хозяйствомъ, такъ и станутъ они съ тебя такія денежки драть, что небо съ овчинку покажется. Либо плати имъ, что захотятъ, либо совсѣмъ въ раззоръ входи. Такъ-то! Эхъ, вы, благодѣтели наши, обождите маленько, отольются вамъ наши слезы! Широкъ-то карманъ у васъ,—много войдетъ, не успѣешь и припасать-то, пожалуй. Все одно, что бочка бездонная, ни въ жизнь не наполнишь. И у насъ въ Питерѣ тожъ радѣтели отыскались! Ишь, сколько ихъ вылѣзло, благодѣтелей-то, точно мышь на муку. Градоначальникъ Питера, вишь, комиссію устроилъ, чтобы облегчить житье-бытье питерскаго рабочаго!... Какіе жалостливые, бѣда! Ну, а есть ли въ этой комиссіи рабочій людъ, вѣдь, кому, чай, лучше знать, какъ не рабочему человѣку, что его тѣснитъ и чего ему нужно! Такъ-то такъ, а рабочихъ и помину нѣтъ! Недогадливы больно, или память отшибло, только рабочихъ призвать позабыли. Одни баре въ ней засѣдаютъ, поди, чай, и жалованье получаютъ! Денежку, по крайности, зашибутъ, хошь и дела не сдѣлаютъ. Ну, что имъ придумать? Вѣдь, они-то, баре — враги наши, (а кто самъ себѣ врагъ?), фабрикъ да заводовъ, что отъ насъ понаграбили, вѣдь, добровольно не отдадутъ. А развѣ такъ, копѣйку, другую бросятъ, что псу голодному, да и то потому, что сами замѣчаютъ, что начинаетъ рабочій подымать голову! Они такъ-то, братъ, тоже не дадутъ, не таковскій народъ, свое дѣло туго знаютъ, а даютъ, потому что рабочій людъ начинаетъ маленечко кулачкомъ помахивать! Пожалуй, грѣхомъ, и имъ можетъ перепасть, а они этого не долюбливаютъ, народъ деликатный.

Хоть и помаленьку, а все же начинаютъ расправляться рабочіе съ своими злодѣями, грабителями. Только дѣло то въ томъ, что дѣйствуютъ они недружно, не стоятъ другъ за друга, за общее дѣло всѣхъ рабочихъ, что называется, горой, своей жизни не жалѣючи. Ну, понятно, что и не выходитъ у нихъ ничего порядочнаго. Сначала, смотришь, и дружно встанутъ на врага, а потомъ нѣтъ-нѣтъ, да и дрейфить начнутъ, поддаются хозяину, значитъ. Вотъ, къ примѣру, не такъ давно рабочіе—торфяники въ Покровскомъ уѣздѣ устроили противъ хозяина стачку, чтобы прибавилъ малость заработка, потому его и на хлѣбъ, почитай, не хватало! Рабочихъ-то было 170 человѣкъ. Управляющій работами сейчасъ, конечно, за полиціей послалъ, дескать, «бунтъ», ну, а насчетъ платы-то, прибавки, значитъ, и рыло воротитъ! «Уходи,—говоритъ,—коли не ндравится! Намъ наплевать!» Вотъ тутъ-то и слѣдовало бы уйти всѣмъ съ работы, какъ остался бы совсѣмъ безъ рабочихъ, сразу-то гдѣ ихъ снова найдешь, такъ, небось, не то бы заговорилъ, тоже, вѣдь, не выгодно дѣло-то не работать! А рабочіе вмѣсто того, чтобы стоять другъ за дружку, всѣмъ уйти съ работъ, и сдались. 70 человѣкъ ушло, а 100 осталось, такъ ничего и не добились, стали работать за прежнюю плату.

Куда лучше поступили желѣзнодорожные рабочіе въ Кременчугѣ. Дѣло было такъ. Поступилъ къ нимъ въ мастерскую новый управляющій, человѣкъ, одно слово, дрянь! И сталъ-то онъ разные новые порядки заводить. Ужъ велико-ль у рабочаго жалованье, такъ и то показалось мастеру большимъ. Рабочему-то, видно, сытно ѣсть, только брюхо портить. Удержу не знаетъ, нажрется такъ, что и захворать можно. Управляющій возьми и скинь по 30, 40 копѣекъ съ рубля заработка. Рабочіе сгово-

рились промежъ собой и рѣшились даромъ ему этого не спускать. Вотъ какъ-то разъ и изловили они его, запрятали, значитъ, въ мѣшокъ отъ углей и давай лупить въ хвостъ и въ гриву. Отлупсовали они его препорядочно, положили на тачку, да и ну въ оврагъ! Однимъ словомъ, лихо отработали, знай нашихъ, поминай своихъ! Подобрали добрые люди побитаго управляющаго, изъ мѣшка вытащили и домой предоставили. Ну, понятно, желѣзнодорожное начальство рабочихъ сейчасъ на цугундеръ притянуло. Что, какъ, зачемъ и почему? Тутъ-то рабочіе и заявили, какъ одинъ человѣкъ, за что они побили управляющаго, что на пониженіе рабочей платы они не согласны, мастеромъ же желаютъ имѣть своего человѣка, рабочаго, съ тѣмъ только, чтобы онъ не указывалъ бы въ работахъ, «потому мы сами безъ указки умѣемъ работать», при чемъ всѣ единодушно и указали на одного рабочаго.

Вотъ и видно сейчасъ, что понимали эти рабочіе, какъ надо дѣйствовать, чтобы сорвать что-нибудь въ свою пользу съ начальства. Начальство-то поломалось немного, да видитъ, рабочіе не сдаются, ну, и уступило. Этакъ-то и нужно свои дѣла обдѣлывать, всякихъ правъ себѣ добиваться, потому подъ лежачій-то камень и вода не бѣжитъ. Только непремѣнно надо сначала сговориться хорошенько, чего именно добиваться, да стоять крѣпко другъ за дружку.

Тоже, видно, не въ моготу стало на бѣломъ свѣтѣ и чухнамъ жить, тоже недавно бунтовать стали. Собираютъ сходки по городамъ и въ деревняхъ и за подписями своими отправляютъ прошенія по начальству, чтобы и имъ земля тоже была, потому они теперь земли-то не имѣютъ, а занимаются больше батрачествомъ. Помѣщики-то ихніе пережрались, да больше для своего успокоенія въ газеткахъ пропечатали, что «это-де все злонамѣренные люди неразумныхъ мужиковъ обманываютъ, что, дескать, батраку нашему живется, разлюли малина, какъ весело, что онъ своимъ положеніемъ совершенно доволенъ и прекрасно знаетъ, что земля есть собственность помѣщика!» Ишь, какъ ладно! Безъ земли, да живется весело! Вотъ шуты-то! Неча сказать, хорошо веселье! А чухнато, что русскій мужикъ, оченно хорошо понимаетъ, что земля-то по настоящему не барская, а того, кто на ней работаетъ! Кто работаетъ, тотъ и владѣй землей! А то «хорошо знаютъ, что помѣщичья». Только прошеніями-то разными начальство не больно проймешь, бумагу-то и подъ столъ швырнуть можно! Нѣтъ, не проберешь! Слезами горькими, да вздохами съ ними ничего не подѣлаешь, надо отъ нихъ силкомъ все брать. Заработокъ малъ,—сговаривайся промежъ себя, стачку дѣлай; мастеръ плохъ, задармо притѣсняетъ,—мастера бей, чтобы впредь ему не повадно было всякія пакости рабочему причинять.

Такъ-то и надо постоянно рабочимъ поступать, если они хотятъ освободиться отъ своихъ лиходѣевъ-враговъ—купцовъ, фабрикантовъ да баръ.

Очухаются и чухны, какъ увидятъ, что прошеньями-то ровно ничего не подѣлаешь, такъ, пожалуй, и сами къ дубинкѣ прибѣгнутъ.

ЗА КОГО ЦАРЬ? [1]).

(Разсказъ).

Разговоръ съ Василіемъ Иванычемъ произвелъ порядочную сумятицу въ головѣ Егора. До той поры Егоръ твердо вѣрилъ, что вотъ-вотъ наступитъ времячко, когда мужику земли дадутъ вдоволь, податей платить придется самую малость, однимъ словомъ, настанетъ такое житье, что и въ рай не надо! Послѣ же разговора его стали одолѣвать всякія «сомнѣнія», его прежняя увѣренность въ это «дадутъ, безпремѣнно дадутъ» малость поколебалась. Онъ въ нѣсколько дней какъ будто маленько поосунулся, сдѣлался угрюмъ и задумчивъ. Ужъ на что, кажись, на заводѣ, а и тутъ-то Егоръ думаетъ думушку крѣпкую! Работаетъ, работаетъ да и призадумается, смотришь, и работа изъ рукъ вывалилась. «Земли безпремѣнно надоть,—думается Егору,—потому нашему брату безъ земли никакъ нельзя! И подать, опять, велика шибко, съ хозяйствомъ никакъ не справишься, на одну подать едва денегъ сколотишь, а о прочемъ иномъ и думать не моги! Да, жизть!.. Ну, какъ же опосля всего этого царю земли не дать? Развѣ можно? А почему же онъ не даетъ до сихъ поръ, поди, чай, знаетъ, каково приходится ноңче

---

[1]) См. № 3.

нашему брату, вѣдь, объ этомъ, почитай, всякій дуракъ знаетъ!.. Да!.. Ну, а если не дастъ, какъ же быть-то, неужто такъ вѣчно и жить, только маяться, цѣлый вѣкъ свой трудиться да перебиваться съ пустого брюха на голодное? Ну, и жизнь, шутъ бы ее дралъ, растреклятую!»... И думаетъ Егоръ до тѣхъ поръ, пока не замѣтитъ этого мастеръ, да не заоретъ на него во всю глотку: «чего ротъ-то разинулъ, дубина деревенская! Работать, такъ работай, а нетъ—проваливай, не заниматѣ стать нонче вашего брата!»—«Безпремѣнно надо Василья Иваныча повидать, онъ все доподлинно знаетъ»,—прошепчетъ Егоръ, сплюнетъ, выругается и снова примется за работу.

Прошло уже около двухъ недѣль со времени разговора съ Васильемъ Иванычемъ, а Егору все еще не удалось потолковать съ нимъ на счетъ своихъ «сомнѣній». Работали они въ разныхъ мастерскихъ и поэтому на заводѣ встрѣчались лишь мелькомъ, на минутку; захаживалъ было Егоръ къ нему и на квартиру раза два-три, да все не заставалъ его дома.

«И чего это Василій запропастился, шутъ его, право, знаетъ! Вѣдь, просилъ заходить-то... Ужъ и не придумаю ничего; пьянствомъ не занимается, человѣкъ-то онъ не гулящій, а вотъ ужъ третій день, какъ и на заводъ-то совсѣмъ не показывался. А надоть бы мнѣ повидать-то его! И въ толкъ-то не возьму...»

— «Егоръ Петровъ дома, что-ль, аль нѣтъ?»—раздался вдругъ въ коридорѣ знакомый Егору голосъ, который и прервалъ его дальнѣйшія размышленія о мѣстопребываніи Василья Иваныча.

— «А, кажись, Василій Ивановичъ пришелъ,—радостно проговорилъ Егоръ и быстро вышелъ въ коридоръ.

— «Здравствуй, Василій Ивановичъ! Вотъ, братъ, разодолжилъ-то! Спасибо, спасибо, что зашелъ! Я раза три ужъ забѣгалъ, было, къ тебе, да все дома тебя не было! Да, давненько мы не видались съ тобой, Василій Иванычъ, дарма, что почти вмѣстѣ живемъ.»

Все это Егоръ проговорилъ, улыбаясь и что есть силы пожимая руку Василья Ивановича.

— «Пусти руку-то, шутъ! Грѣхомъ и оборвать можно. Вѣдь, кормить-то меня, чай, не станешь? Ну, здорово, здорово!

— «Да что жъ мы стоимъ-то здѣсь, пойдемъ въ комнату, Василій Ивановичъ! Митревна, а, Митревна?

— «Чего тебѣ?»

— «Поставь-ка самоварчикъ, да сходи... или нѣтъ, я ужъ самъ сбѣгаю, а ты насчетъ самоварчика-то похлопочи. Ты, Василій Иванычъ, подожди малость, я сейчасъ приду, мигомъ сбѣгаю...—почти убѣгая, проговорилъ Егоръ.

— «Да куда ты бѣжишь-то, угорѣлый?»

Но Егоркинъ и слѣдъ простылъ. Черезъ нѣсколько минутъ он вернулся; въ рукахъ у него были ситный и ветчина, а изъ кармана привѣтливо выглядывала «сороковка».

— «Ну, вотъ и я, Василій Иванычъ! Теперь, значитъ, выпить и закусить можно!»

— «Отчего жъ и не выпить, выпьемъ! Да и насчетъ жратвы-то пройдусь, потому въ городѣ былъ, не обѣдалъ.»

— «А и радъ я, Василій Иванычъ, что ты зашелъ ко мнѣ нонче, совсѣмъ безъ тебя я измаялся. Ну, будь здоровъ. Да ты возьми вотъ этотъ кусочекъ, славный, съ жиромъ. Ну, что ли, выпьемъ еще по стаканчику?»

— «Погоди, торопиться-то некуда! Выпьемъ и по другому. Да чего ты маялся-то? Иль больно разобрало царемъ тебя, что ли?

— «Кѣмъ же больше, знамо дѣло, царемъ. Иной разъ подумаешь, кажется, все, какъ слѣдоваетъ, въ другой, такъ можетъ, и взаправду, что царь-то не больно за насъ стоитъ. Хоть бы одно что-нибудь, а то и такъ, и такъ! Просто, не знаю, какъ и быть мнѣ.

— «Такъ, такъ! Эхъ, паря, паря! Посмотри-ка ты хорошенько, что творится на бѣломъ свѣтѣ, столько резоновъ найдешь противъ царя, что и за пазуху не упрячешь! Ты слыхалъ, аль нѣтъ, что это, значитъ, у самого царя были крестьяне въ крѣпости, а теперь ему подать платятъ, а?

— «Понятно, знаю, всѣ, вѣдь, мы — царскіе, только были-то мы за барами, позабрали они насъ въ руки, проклятые, а царь-то, вѣдь, тутъ не при чемъ!»

— «Нѣтъ, не объ этомъ я рѣчь веду! Слушай! Вотъ, примѣрно, мы были, значитъ, за помѣщиками, былъ у насъ хозяинъ, помѣщикъ, получалъ онъ оброкъ и прочее;

такъ и у царя-то также были крестьяне въ крѣпости. Шибко, бывало, раздаривалъ нашего брата барамъ да барынямъ разнымъ, а теперь-то крестьяне эти ему денежки платятъ! Понялъ, что ль?»

— «То-есть, какъ это? Ты сказываешь, какъ будто эти денежки-то идутъ ему, на свои дѣла, такъ? Нешто это правда, нешто онъ—помѣщикъ?»

— «Въ томъ-то и штука, что такъ! Это, вѣдь у него со сродственниками такихъ-то крестьянъ милліоны, братъ! Удѣльными они, значитъ, прозываются. Не вѣришь? Хошь кого хочешь грамотнаго спроси, всякій тебѣ скажетъ, потому это въ каждой газетѣ даже прописано. Ну, положимъ, какъ обидѣли помѣщики, государственныхъ (эти деньги прямо въ казну платятъ)—тоже баре, потому имъ на жалованье-то деньжищъ порядочно нужно; ну, а посмотри-ка, какъ эти царские-то живутъ! Любо съ два! Если бъ царь-то за мужика стоялъ, такъ онъ хошь бы своихъ-то, царскихъ, коли ужъ всѣхъ не въ моготу, могъ бы хорошенько устроить, земли дать вволю, подать наложить настоящую, потому, если онъ радѣтель, такъ не къ лицу ему богатѣть на мужицкія денежки. Вѣрно я говорю, аль нѣтъ?»

— «Знамо дѣло, вѣрно; развѣ можно съ барами одну пѣсенку пѣть!»

— «Анъ, вотъ и подтягиваетъ, да еще какъ! Царскимъ-то этимъ самымъ живется все одно, что нашему брату—помѣщичьему. Такъ какой же онъ опосля этого нашъ защитникъ, коли такія же денежки съ мужика деретъ!»

— «Да, можетъ, въ казну идутъ деньги-то?

— «Въ казну! Сказано ему самому, значитъ, такъ и есть! Врать-то мнѣ не къ чему; онъ, значитъ, куда хочетъ эти деньги, туда и суетъ!»

— «Такъ. Значитъ, и онъ охулки на руку не кладетъ, только лапа-то у него, выходитъ, малость позагребистѣе... такъ! Тѣхъ же щей, да погуще влей—разница!»

— «Да, опять, окромя этого...»

— «Ну, вотъ вамъ и самоварчикъ готовъ, кушайте всласть»,—входя, проговорила хозяйка.

— «Спасибо, Митревна». Не хочешь ли рюмочку? Да и мы, кстати, съ Васильемъ Иванычемъ пройдемся по стаканчику, такъ, что ли? За царя-батюшку выпьемъ», подмигнувъ глазомъ, сказалъ Егорка Василью Иванычу.

— Валимъ и за батюшку, коли поперекъ горла не станетъ. Ну, Митревна, начинай, что ли!»

— «Да пейте вы, батюшка, я ужъ потомъ.»

— «Пей, пей! Наше не пропадетъ, дернемъ и мы.»

— «Ну, благодарствуй, родимый. Если нужно будетъ, такъ кликни меня, Егорушка! Ну, полоскайте животишки, а мнѣ надо еще постирать поскорѣе, засвѣтло кончить.»

— «Ну, Василій Иванычъ, выкладывай дальше про батюшку съ матушкой; лихой народъ, здорово они нашему брату глаза отводятъ! Лимончику-то положить тебѣ въ чай?

— «Положь. Ну, такъ сказывалъ я, окромя всего этого, окромя своихъ крестьянъ, значитъ, онъ еще отъ казны, то-есть, опять съ нашего брата, только не прямо, а околицей, еще милліончикъ рубликовъ получаетъ. Да нешто онъ одинъ? А семейка-то его, вѣдь, тоже имѣнья имѣетъ да жалованье получаетъ! Вотъ какъ ловко заботятся они вмѣстѣ съ царемъ-батюшкой о мужикѣ, до-гола все снимаютъ, чтобы не больно тяжело, видно, мужику землю пахать было! Облегчаютъ мужика отъ денежекъ его трудовыхъ. Доброе дѣло дѣлаютъ!

— «Да, вижу теперь я, что неча намъ ждать отъ царя-батюшки, не нашъ онъ, а барскій. Такого царя—плюнуть да растереть—вотъ и цѣна ему вся. Спасибо тебѣ, Василій Иванычъ, что поразсказалъ ты мнѣ про него настоящее, значитъ, по правдѣ.»

— «А ты глянь-ко еще, какъ они нашимъ денежкамъ, потомъ и кровью заработаннымъ, бока промываютъ. Покойный-то царь, что въ бозѣ умеръ, ужъ старый чортъ, пора бы ему и о грѣхахъ думать, а онъ съ бабой связался. Долгоручихой она прозывается, такъ сколько онъ ей деньжищъ оставилъ, страсть, сказываютъ! Двадцать слишкомъ милльоновъ! Вотъ, братъ, куды наши денежки-то дѣваются. Мы трудилися, работали, а наши денежки поскудной дѣвкѣ даютъ, такъ!»

— «Такъ, одно слово, мученикъ... А попахиваетъ»,—смѣясь, проговорилъ Егоръ.

— «Особенный! Налей-ка еще стаканчикъ-то. Опять теперича, посмотри-ка, какъ царь время проводитъ: сегодня англичанъ принимали, завтра баши-бузуковъ какихъ-нибудь, послѣ завтра парадъ, тамъ театры, балы и все прочее. Ну, а промежду всѣмъ этимъ и бумаги всякія подписываетъ, что ему министры подаютъ, уже они-то не всѣ сами читаютъ, а царю-то и богъ велѣлъ! Пожалуй, чего добраго, и гулянье еще пропустишь!

— «Да чего ему заботиться о мужикѣ, коль онъ самъ первый грабитель! Такъ теперь, значитъ, Василій Иванычъ, новаго царя ставить намъ надоть, нашего, значитъ, мужицкаго! Такъ, что ли?

— «Ну, нѣтъ, братъ! Хошь какого хочешь царя посади, а все жъ онъ прохвостомъ сдѣлается. Вотъ, къ примѣру, у французовъ разные цари были; взбунтуются это тамъ, значитъ, рабочіе, прогонятъ одного царя, сами другого посадятъ; ужъ, кажись, чего бы лучше! Анъ, смотришь, и нѣтъ! Не тутъ-то было! Спервоначалу онъ, какъ будто, и ничего, а опосля немного снова съ барами начнетъ народъ грабить.

— «И опять рабочему человѣку никакой настоящей пользы нѣтъ! Такъ-то! Нѣтъ, братъ! Съ царемъ-то харчисто больно выходитъ! И безъ царя справимся!

— «Да какъ же это безъ царя-то! Кто же управлять всѣмъ будетъ? Безъ порядка-то тожъ, вѣдь, жить нельзя! Ну, къ примѣру, убью я кого, заберу у него денежки— и шабашъ, правъ, значитъ! Такъ, что-ль, по-твоему выходитъ? Признайся, малость сбрехнулъ?»

— «Зачѣмъ брехать! Вѣдь я не сказывалъ, чтобы это, значитъ, всякій, что хошь дѣлалъ! Надо, чтобы нами управляли не царь съ барами, а свой народъ, выборный, вездѣ былъ на службѣ. И судъ свой у насъ будетъ, коли кто проштрафится, и подать сами налагать будемъ по согласію, значитъ, и казну-то усчитывать наши же будутъ, чтобы доподлинно знать намъ, на какія дѣла наши денежки идутъ.»

— «Да ребята-то наши и слушаться не будутъ, коль острастки, да начальства не будетъ».

— «Нешто по-твоему нашему брату вѣчно нужно барина съ палкой, для острастки, значитъ? Нѣтъ, братъ, и сами справимся! Тоже можемъ понять, что на пользу намъ, а что нѣтъ! А коль дуракъ какой межъ нами найдется, такъ міръ-то на что; сможетъ, чай, урезонить! И у нашего брата въ головѣ не навозъ, можетъ статься, товаръ-то почище барскаго выйдетъ!»

— «Такъ. Пожалуй, что и впрямь безъ царя-то можно! Ну, а какъ же на счетъ земли-то намъ сдѣлаться?»

— «Такъ, вѣдь, земля-то чья? Кто ее, родимую, потомъ да кровью обрабатываетъ? Нешто баринъ? Вѣдь мужик. Такъ и земля-то, значитъ, мужичья, а не барская! Вѣдь, баре-то сами на ней не работаютъ, только насъ притѣсняютъ! Землю-то, значитъ, отъ нихъ отберемъ, пораздѣлимъ промежду себя, чтобы было безъ обиды, хочешь, и баринъ получай, сколько тамъ ему причитается, все одно, какъ нашему брату, обижать мы не станемъ!»

— «Это насчетъ земли ты вѣрно, Василій Иванычъ, потому земля божья, кто хошь, тотъ и работай на ней! Одно слово, такъ! Это выйдетъ по справедливости, кто работаетъ, у того земля! Вѣрно!»

— «Возьми, опять, рабочаго человѣка, иной и пахать не умѣетъ, родился, выросъ въ городѣ, къ рукомеслу пріобыкъ, земли-то, значитъ, ему хоть и даромъ не надо! Ему-то какъ быть, чтобы по справедливости тоже было? Потому заводчикъ-то попрежнему, какую плату захочетъ, такую и положитъ рабочему, нешто это справедливо? Правда, плата-то будетъ малость поболѣ, потому, коль у мужика земля будетъ, не пойдетъ онъ зря на фабрику горе мыкать, отъ добра добра искать нечего, рабочихъ-то станетъ поменьше, ну, цѣна-то на нашего малость и повысится. Только это опять будетъ не такъ, какъ слѣдуетъ, по справедливости. Почему фабрикантъ капиталы-то наживаетъ? Грабитъ онъ нашего брата, съ нашего труда разживается. Вотъ что! Я ему въ день-то сработаю на два, на три рубля, а онъ платитъ мнѣ рубль, остальныя же денежки себѣ въ карманъ кладетъ, вотъ съ этого они и наживаютъ фабрики, заводы! Правда, аль нѣтъ, по-твоему?

— «Да уже насчетъ грабежа, неча грѣха таить, народъ-то они ловкій, на обухѣ рожь молотятъ, лихо нашего брата обираютъ!

— «Ну, а это справедливо, значитъ?

— «Ужъ гдѣ же справедливо, коли дневной грабежъ идетъ, да, пожалуй, съ этимъ ничего не подѣлаешь, потому какъ же сдѣлать, чтобы грабежа-то не было, развѣ мужиками сдѣлаться, да землю пахать? Только и есть!

— «А ходить-то въ чемъ станешь, нешто голый, что ли? Развѣ можно всѣмъ землю пахать, а кто другой-то матеріалъ поставлять будетъ, а?

— Пожалуй, что и нельзя! Только какъ же тогда сдѣлать?

— А вотъ какъ! Съ какихъ денегъ понастроилъ фабрикантъ фабрики да заводы? Съ нашинскихъ, съ награбленныхъ. А коль такъ, такъ и подавай намъ сюда эти денежки, значитъ, заводы да фабрики, вѣдь, они наши, кровные. А коль станутъ они нашими, такъ кто хошь приходи, работай, денежки заработанныя сполна, потому хозяина нѣтъ! Однимъ словомъ, такъ же, какъ и съ землей будетъ,—пользуйся всякій, кто работать хочетъ!

— «Такъ, ловко! Значитъ, барамъ-то совсѣмъ карачунъ прилетъ? Ловко же ты, Василій Иванычъ, поддѣлъ ихъ, право! Вотъ спасибо-то они тебѣ скажутъ! Ну, а какъ сдѣлается-то все это, а?

— «А глянь-ко, часъ-то который! Двѣнадцать скоро, а вѣдь завтра мнѣ на работу нужно. Надо и домой, прикурнуть малость! Ну, прощай! Спасибо за угощеніе!

— «Спасибо тебѣ-то, Василій Иванычъ, что научилъ ты меня уму-разуму. Мнѣ-то прежде и невдомекъ было, а теперь-то, братъ, понимаешь, что это за штука царь есть! Нѣтъ! Теперь не проведешь! Ну, зайдешь, что-ли, на недѣлѣ какъ? Ужъ разсказывать, такъ говори все.

— «Отчего не зайти, зайду, ну, прощай!

— «Прощай. Такъ, смотри жъ, заходи.

Типография общ. «Земля и Воля» С.-Петербург.

ОКТЯБРЬ. 1881. № 5. Цѣна 3 коп.

ЗЕРНО

РАБОЧІЙ ЛИСТОКЪ.

С.-Петербургъ, 5 октября 1881 г.

«Не нами міръ начался, не нами онъ и кончится!» «Отцы наши и дѣды поумнѣе насъ были, да и они прожили при тѣхъ же порядкахъ,—проживемъ и мы!» Часто приходится слышать подобныя заявленія, когда подымается разговоръ о неправдѣ, царящей нонѣ на землѣ, о хозяевахъ-кулакахъ, которые забираютъ въ кабалу трудящихся людей, о чиновникахъ и барахъ, что всячески притѣсняютъ рабочій людъ. Всякій сейчасъ жмется, «ничего, молъ, съ ними не подѣлаешь»,—говоритъ,—«много ихъ очень. Мы бы рады, готовы съ ними, прохвостами, собственными средствами расправиться, да другіе вотъ не поддержатъ: народъ ужъ здѣсь такой...» И сидятъ это всѣ, другъ на дружку сваливая починъ дѣла. Врагамъ же народа это на руку: они свое дѣло дѣлаютъ и живутъ себѣ всласть, да еще надъ рабочимъ же человѣкомъ насмѣхаются.

А между тѣмъ, народъ, вѣдь, сила могучая, которой весь міръ держится, да и прежде всегда держался. Въ тѣхъ случаяхъ, когда народъ подымался общимъ бунтомъ противъ нестерпимого для него порядка, онъ разбивалъ царскія войска, самихъ царей обращалъ въ бѣгство, и становился хозяиномъ всей страны. Всюду, гдѣ народъ дружно и смѣло требуетъ своихъ правъ, онъ добивается ихъ. А нонѣшнія порядки не съ предъ-вѣка существуютъ и установлены они не богомъ, а заведены такими же людьми, какъ и мы. Поэтому разрушить эти порядки и на мѣсто ихъ установить новые—вполнѣ въ нашей власти. Много разныхъ порядковъ было уже у разныхъ народовъ, а теперь все стало иначе, по-новому. Чтобы не далеко ходить за примѣрами, укажемъ хоть на крѣпостное состояніе. Многіе изъ насъ сами еще помнятъ его, а кто не знаетъ, что это за штука такая, пусть разспроситъ тѣхъ, кто постарше. Они разскажутъ ему, что каждый помѣщикъ имѣлъ своихъ рабовъ, съ которыми дѣлалъ, что ему вздумается:

заставлялъ ихъ безъ отдыху работать на себя, поролъ ни за что, ни про что, единственно по капризу своему, женщинъ насиловалъ, мужчинъ отдавалъ въ солдаты, ссылалъ въ Сибирь, на каторгу. И дѣлалъ все это помѣщикъ по закону, никакой жалобы на него нельзя было никому подать, потому что такія права предоставила дворянамъ сама императрица Екатерина II, которую прозвали Великой и памятникъ ей поставили на Невскомъ проспектѣ. А теперь весь этотъ порядокъ отмѣненъ, и отмѣненъ онъ не по доброй милости покойнаго царя, а изъ страха предъ народомъ: больно ужъ шибко сталъ бунтовать всюду крестьянинъ и рабочій. Самъ царь признался въ этомъ, когда убѣждалъ въ Москвѣ дворянъ освободить народъ. «Ежели,—говорилъ онъ,—мы не освободимъ народъ отъ крѣпости, такъ онъ самъ себя освободитъ, а какъ возьметъ народъ всю власть въ свои руки, то всѣмъ намъ плохо будетъ: разнесетъ вдрызгъ». Дворяне и послушались, согласились сами освободить народъ. Только обманули они сильно крестьянъ, не дали имъ настоящей, заправской воли. И хотя теперь живется народу немного лучше, чѣмъ было до воли, а все же плохо приходится.

Но не только у насъ, на Руси, скверно живется рабочему люду. Если бы въ другихъ странахъ хорошо жилось и не было бы притѣснителей народныхъ, такъ не сталъ бы тамъ народъ рабочій бунтовать, да союзы разные устраивать, чтобы вѣрнѣе врага своего одолѣть, чтобы свое положеніе поправить. Мы намѣрены теперь, братцы, разсказать вамъ про одну землю, Ирландіей прозывается, въ какомъ положеніи тамъ народъ, какъ онъ дѣйствуетъ и чего ему удалось уже добиться.

Лѣтъ двѣсти слишкомъ тому назадъ покорили эту землю англичане. Много народа тамошняго они перебили и перерѣзали, всю землю его отобрали въ свою пользу, установили тяжелыя подати и поборы и всякими притѣсненіями старались обратить ирландцевъ въ свою вѣру. Безъ земли жить нельзя, а потому пришлось ирландцамъ брать въ аренду свою же землю. А помѣщики лупятъ такую цѣну, какую имъ только на умъ взбредетъ: за аренду приходится платить въ 5 и въ 10 разъ больше того, сколько всего дохода получается. Да этого мало: ты удобрилъ землю, воздѣлалъ ее, потратилъ на это и трудъ свой, и деньги, стала земля давать больше дохода, а помѣщикъ сейчасъ же къ тебѣ: или подавай ему еще большую плату, чѣмъ прежде, или убирайся прочь. Ясно, что такимъ образомъ крестьянинъ никогда не можетъ расплачиваться съ своимъ помѣщикомъ и сидитъ у него въ долгу неоплатномъ, въ кабалѣ безъисходной. А между тѣмъ помѣщикъ во всякую минуту можетъ потребовать уплаты сполна всѣхъ денегъ, а не уплатишь, такъ бѣда—прогонитъ совсѣмъ: приходитъ это сейчасъ полиція, сбрасываетъ съ избы крышу, разламываетъ стѣны и выгоняетъ всѣхъ на дорогу, несмотря ни на грязь и дождь, ни на стужу и снѣгъ, нѣтъ никому пощады: ни старикамъ, ни ребятамъ, ни хворымъ. А если кто захочетъ на ночь пріютиться въ какомъ-нибудь хлѣву, сейчасъ его въ тюрьму или штрафъ. Послѣ голода, что былъ 33 года тому назадъ, такимъ образомъ прогнали до ста тысячъ человѣкъ.

Видитъ народъ, что совсѣмъ плохо ему приходится, что въ конецъ заѣдаютъ его помѣщики, а начальство нисколько себѣ и въ усъ не дуетъ, совсѣмъ и не помышляетъ объ томъ, чтобы помочь народу. Началъ онъ тогда составлять разные тайные общества, чтобы бороться съ врагами своими: съ помѣщиками и фабрикантами, со сборщиками податей и тому под. Изъ такихъ обществъ пріобрѣла особую силу и извѣстность тайная дружина Рибонменовъ — это по-ихнему такъ называется, а по нашему общество Лохмотниковъ. Вѣрнѣе сказать, это было не одно общество, а цѣлый союзъ многихъ обществъ, распространившихся по всей землѣ. Этотъ союзъ лохмотниковъ пріобрѣлъ огромную силу и наводитъ страхъ на всю страну. Онъ издавалъ свои приказы и свои законы, которымъ всѣ должны были повиноваться. Ни одинъ помѣщикъ не смѣлъ въ это время прогонять своихъ арендаторовъ и рабочихъ, поднимать арендную плату, сбавлять плату наемнымъ рабочимъ. Лохмотникамъ даже не нужно издавать своихъ законовъ, обнародовать ихъ: и безъ этого всѣмъ извѣстно, чего они добиваются. Со всякимъ, кто идетъ противъ нихъ и не исполняетъ ихъ требованій, они непремѣнно расправятся какими бы то ни было средствами. Вотъ какой одинъ случай. Ежели помѣщикъ прогонитъ кого-нибудь изъ своихъ арендаторовъ, крестьянъ, то союзъ требуетъ, чтобы никто другой не бралъ земли въ аренду у этого помѣщика и не платилъ ему больше того, сколько положено по общему согласію. Обыкновенно это и исполняется, такъ что помѣщикъ волей-неволей долженъ опять пустить на землю своего прежняго арендатора. Но однажды нашлись отъ міра отметчики, семь

человѣкъ англичанъ, которые и пошли противъ общаго мірскаго дѣла: одинъ изъ нихъ снялъ землю, съ которой только что прогнали арендатора. Союзъ лохмотниковъ постановилъ убить его и привелъ это въ исполненіе. Явился другой, который снялъ ту же землю,—спровадили и этого вслѣдъ за первымъ, и орудовали такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не добились своего. Много помѣщиковъ, полицейскихъ, сборщиковъ податей потерпѣли отъ нихъ должное наказаніе. И народъ весь крѣпко стоитъ за «лохмотниковъ»: всякій ихъ укроетъ отъ преслѣдованія полиціи, на судѣ никто не дастъ показанія противъ нихъ.

Теперь на мѣсто союза Лохмотниковъ составилось другое общество, еще болѣе многочисленное и еще болѣе могущественное. Прозывается оно «Поземельная Лига». Имѣетъ это общество до пятисотъ отдѣленій во всей странѣ и насчитываетъ своихъ членовъ до пятисотъ тысячъ человѣкъ съ семьями. Да, кромѣ того, оно имѣетъ сношеніе со многими своими соплеменниками, которые должны были уѣхать изъ своего отечества далеко за море. «Поземельная Лига» получаетъ отъ нихъ большую помощь деньгами, оружіемъ, людьми. Сила этого общества теперь огромна. Пока Англійское правительство только думаетъ да разговариваетъ, какъ быть съ Ирландцами, какъ ихъ успокоить, «Поземельная Лига» добилась уже многаго, что желательно и полезно для народа, и скоро добьется еще большаго. Всѣ признаютъ, что теперь «Поземельная Лига» и есть настоящее правительство, потому, что захочетъ, то и сдѣлаетъ, какія рѣшенія постановитъ, всѣ ихъ исполнятъ.

Въ другихъ странахъ рабочіе тоже стали уже силой настолько большой, что ихъ боятся другія сословія, къ ихъ голосу и требованіямъ прислушиваются правительства и цари. Въ Англіи рабочіе союзы насчитываютъ своихъ членовъ больше милліона: они обладаютъ огромными капиталами и имѣютъ большое значеніе при разрѣшеніи общественныхъ дѣлъ. Во Франціи рабочіе уже не разъ прогоняли все свое начальство съ царемъ вмѣстѣ и захватывали въ свои руки государственную власть. У нѣмцевъ рабочіе тоже не спятъ. Пора же и русскимъ рабочимъ взяться за умъ, бросить всякую надежду на царя и его подручныхъ, а самимъ приняться за дѣло и прогнать своихъ притѣснителей.

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ начальство наше, съ вѣдома царскаго, стало печатать для народа особенную газетину; прозывается она «Сельскимъ Вѣстникомъ». На нашъ взглядъ, такъ начальству, кажись, куда сподручнѣе было бы народъ въ темнотѣ да невѣжествѣ держать, потому много знать будетъ, пожалуй, еще бунтовать начнетъ, а оно вдругъ стало газетину издавать, хочетъ учить уму-разуму рабочаго человѣка. Вотъ тебѣ и штука, понимай, какъ знаешь! Нѣтъ, тутъ, очевидно, что-то не ладно! Надо думать, подвохъ какой-нибудь есть! Поглядимъ же поближе, что это такая за газетина, можетъ статься, на дѣлѣ-то выйдетъ, что цѣна ей одинъ ломанный грошъ, только слава одна, что «народная», а пользы отъ нея народу вовсе нѣтъ никакой.

Ну, батюшка-царь (газетина-то, вѣдь, отъ царя идетъ), сказывай намъ доподлинно, гдѣ таится причина народной бѣдности, почему нашъ мужикъ—нищій, несмотря на то, что весь вѣкъ свой трудился? Покажи ты ее, растреклятую, намъ! Научи насъ, родной Вѣдь ты все долженъ знать, на то ты и царь, одинъ управляешь нами, чтобы всѣ дѣла наши доподлинно знать. Заглянемъ же въ царскую газетину, посмотримъ, что въ ней объ этомъ предметѣ написано. А написано-то въ ней, братцы, вотъ что: «Неумѣренное употребленіе вина составляетъ издавна одну изъ главныхъ причинъ, почему крестьянскія семьи и даже цѣлыя сельскія общества не въ силахъ улучшить свое хозяйство и жить зажиточно». Вишь, куда махнулъ, батюшка-царь! Вишь, оттого мужикъ бѣденъ, что водку здорово пьетъ! Попалъ пальцемъ въ небо! Баре-то, вѣдь, заморское винцо здоровѣй нашего лущатъ, бутылочка-то, вѣдь, рубля по три стоитъ, а все же они не бѣднѣютъ, по прежнему себѣ брюхо отращиваютъ. Или у нихъ денежки не размѣнныя, сколько хошь прогуливай, всѣ снова вернутся, такъ, что ли? Эхъ, голова, голова! Развѣ мало есть изъ рабочаго люда, что водки и въ ротъ не берутъ, или употребляютъ ее аккуратно? А, взглянь, какъ живутъ они! Какъ и всякій рабочій, еле перебиваются изо дня въ день, гроша лишняго за душой не имѣютъ! Нѣтъ, батюшка-царь, не оттого нашъ мужикъ бѣденъ, что водку пьетъ, а, напротивъ, потому онъ и пьетъ ее, что бѣденъ

совсѣмъ! Какъ не выпить, какъ не забыться, когда у тебя за недоимку тащатъ со двора послѣднюю лошаденку или коровенку, когда сносятъ у избы крышу?.. Пьетъ нашъ народъ еще оттого, что темнота царитъ въ немъ, не знаетъ и не видитъ онъ другихъ болѣе полезныхъ удовольствій. А почему нашъ народъ неученъ, грамоту даже и ту мало знаетъ? Да гдѣ жъ набраться ему ума-разума, когда бѣдность въ конецъ одолѣла, когда съ самыхъ малыхъ лѣтъ рабочему приходится начинать трудовую жизнь, самому зарабатывать себѣ хлѣбъ насущный. У отца съ матерью не великъ доходъ, каждый лишній ротъ на счету, имъ самимъ нужна помощь сынишки, нуженъ его заработокъ, чтобы прожить кое-какъ; отдавать же его въ школу, платить за него деньги имъ совсѣмъ не подъ силу. Выростетъ мальчуганъ, сдѣлается заправскимъ рабочимъ, все та жъ трудовая жизнь, цѣлый день съ утра до позднято вечера зарабатываетъ себѣ онъ копѣйку.. Такъ есть ли у рабочаго время учиться, надежа православный царь? Нѣтъ, при такой работѣ да при такомъ жалованьѣ, какъ теперь, рабочій многому не научится! Поработалъ бы ты, батюшка-царь, хоть одинъ день, какъ рабочій, такъ посмотрѣлъ бы я, какую бы ты пѣсенку пѣть сталъ! Окромя этого, попробуй-ка теперь рабочій книжки читать, собраться другъ къ дружкѣ побалакать о дѣлахъ своихъ, того и гляди, что заорутъ: «бунтовщикъ», мигомъ въ участокъ предоставятъ.

Совсѣмъ другое дѣло, коли бы народъ жилъ въ достаткѣ, земли у мужика было бы вдосталь, подати не большія, рабочій день былъ бы, примѣрно, часовъ въ восемь, заработная плата рубля два и больше. Тогда не было бы необходимости рабочему посылать своихъ ребятишекъ на фабрики да заводы, вѣдь онъ ихъ такъ же любитъ, что и баринъ своихъ дѣтей, они ему такъ же дороги и ему хотѣлось бы ласкать да голубить ихъ, да, вѣдь, голодъ не тетка, нужда не свой братъ, волей-неволей приходится отдавать ихъ на работу. Тогда рабочій отдалъ бы ихъ въ школу, гимназію, гдѣ бы они многому могли научиться и вышли бы людьми съ понятіемъ, образованными. Да и самъ бы рабочій имѣлъ средства и свободное время, чтобы сходить въ библіотеку книжку умную почитать, къ своему брату рабочему потолковать объ общихъ дѣлахъ своего рабочаго люда, въ театръ и пр.

Ну, а все же, какъ думаетъ царь на Руси пьянство искоренять? Созвалъ онъ для этого... Вы, братцы, думаете, мужиковъ? Какъ бы не такъ, держи карманъ шире! Куда мужику съ суконнымъ рыломъ да въ калашный рядъ! Развѣ мужикъ понимаетъ, что ему надо? Такъ созвалъ, значитъ, царь просто-на-просто баръ, чтобы посовѣтоваться съ ними, какъ бы пьянство прекратить на Руси. Хоть царь съ барами и не рѣшили еще окончательно насчетъ водки, но и теперь уже можно видѣть, что прока у нихъ никакого не выйдетъ. Кстати сказать вамъ, что эту самую водку съ давнихъ поръ обложилъ царь тяжелой податью, такъ что каждый годъ получается съ нея въ казну около двухсотъ милльоновъ рублей, т.-е. почти одну треть всѣхъ доходовъ казны. Понятно, что денежки эти идутъ прямо изъ мужицкаго кармана. Еще уменьши царь акцизъ, т.-е. подать съ водки, такъ малость и полегчало бы, потому что простой народъ пьетъ водку обыкновенно по праздникамъ, въ будни-то, вѣдь, некогда, работать нужно, ну, а дешевой или дорогой водкой напиться—одно количество ея нужно, разница будетъ въ томъ, что рабочій пропьетъ меньше денегъ, значитъ, у него больше останется. Уменьшить же акцизъ съ водки царь ни въ коемъ разѣ не хочетъ, а думаетъ сократить пьянство, уменьшивъ число кабаковъ. А такимъ манеромъ пьянство не искоренишь; уменьшитъ царь число кабаковъ, запретитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ держать трактиры да кабаки, станутъ тамъ торговать водкой тайно, значитъ, пользы-то никакой и не будетъ. Предлагаютъ иные царю еще больше назначить податей съ водки, только и это опять ни къ чему не приведетъ; водка подорожаетъ, пить ее станутъ рѣже, но выпьетъ мужикъ разъ, да гораздъ,—еще хуже будетъ. Видите, братцы, какъ васъ царь съ барами нагрѣваютъ! Я хочу, дескать, и народу помочь... а и денежки за водку мнѣ сполна подавай! И вамъ-де будетъ тепло, да и намъ не холодно, есть около чего руки грѣть! Право, кровопійцы! Обдираютъ народъ, а видъ показываютъ, будто добра желаютъ ему! Только, думаю я, поймете вы на этотъ разъ, братцы, въ какую сторону царь съ барами дугу гнетъ!.. Вѣдь, все это въ царской газетѣ пропечатано.

А, вотъ, послушайте еще, какъ въ той же газетинѣ, это въ царской-то, батька-попъ издѣвается, да, прямо издѣвается надъ рабочими. «Люди благоразумные замѣчаютъ, говоритъ попъ, что человѣкъ, соблюдающій чистоту и опрятность, имѣетъ мысли свѣтлыя, намѣренія добрыя, сердце нѣжное, волю, расположенную къ труду и добродѣтели.»

Ой-ли? Смотри, такъ ли, батька? Знаешь ли ты, попъ, баръ, купцовъ, фабрикантовъ? Бывалъ ты у нихъ на квартирахъ? Ужъ на что, кажись, палаты, вездѣ чистота да опрятность, нигдѣ соринки нѣтъ, зеркала, мебель бархатная, полы такъ навощены, что нашему брату и пройти по нимъ никакъ невозможно, скользко больно, еще башку себѣ расшибешь. А что они за люди, ты знаешь? Какъ же, самыя свѣтлыя у нихъ мысли, какъ бы больше грабить народъ, сердце самое нѣжное, безо всякой жалости прогоняютъ тысячами рабочихъ, гроша мѣднаго не подадутъ рабочему человѣку; а ужъ они-ль не трудятся, цѣлый день на рысакахъ разъѣзжаютъ, народъ давятъ, пьютъ, ѣдятъ за десятерыхъ, по нѣсколько мамзелей у себя держатъ! Вотъ работники-то, и какъ это они не устанутъ! По-твоему, батька, выходитъ, что, если рабочему человѣку приходится жить въ грязи да неопрятности, такъ въ немъ и человѣческаго ничего нѣтъ? Нѣтъ, батька, есть у него много человѣческаго, справедливости, на всѣхъ васъ съ лишкомъ хватитъ! Неужто народъ нашъ такая свинья, что любо ему жить въ грязи да неопрятности, неужто ему не хочется жить, какъ слѣдуетъ, по-человѣчески? Хочется, ой, какъ хочется, батька, этого рабочему человѣку, да пока еще руки коротки, не достать такого житья! А теперь, получая какихъ-нибудь двадцать—двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, развѣ можно семейному человѣку жить хорошо да опрятно! Жена работаетъ гдѣ-нибудь на фабрикѣ, присмотрѣть за домомъ, значитъ, некому; заберется артель человѣкъ въ 10—15 въ одну небольшую комнату,—какой можетъ быть тутъ порядокъ! Ну, а въ деревнѣ, гдѣ зимой въ избѣ живетъ вмѣстѣ съ людьми всякая птица, мелкая скотина, гдѣ стирается и сушится перепачканное малолѣтними ребятишками бѣлье, можетъ быть чистота да опрятность? Эхъ, попъ, попъ, какъ есть толоконный лобъ, махалъ бы ты себѣ въ церкви кадиломъ, а то учить народъ вздумалъ, какъ ему слѣдуетъ жить!..

О томъ, куда царь дѣваетъ денежки, которыя всякими правдами и неправдами выколачиваются каждогодно изъ народа, въ газетинѣ нѣтъ ни полслова. Видно, опасается онъ, что какъ пронюхаютъ мужики, куда дѣваются их кровныя денежки, такъ, пожалуй и подати платить перестанутъ! Зато въ каждомъ номерѣ газетины пишутъ про царя, что онъ и такой, и сякой, хорошій, распригожій и трудолюбивый то онъ, съ 9 часовъ утра трудится, слушаетъ доклады министровъ да ушами хлопаетъ, что и народъ-то онъ свой страсть какъ любитъ, одно слово, золото, а не царь! Въ своей газетинѣ да самаго себя хвалитъ! Ловко! Ржаная каша сама себя хвалитъ!

Разскажу вамъ, братцы, напослѣдокъ потѣшную штуку про царя. Самъ царь, слышите, самъ, а онъ нонче, почитай, все время у себя въ берлогѣ сидитъ въ Петергофѣ (онъ тамъ жилъ лѣто), съ мужикомъ разговаривалъ, а государыня крестила у его сына ребенка. Вотъ, какъ мы, дескать, любимъ народъ, не гнушаемся имъ! Хошь, положимъ, вообще разговаривать да крестить—дело не трудное, не велика еще милость, шубы изъ нея не сошьешь, это не то, что земли дать или подать сложить, а и тутъ-то царю не выгорѣло! Мужикъ этотъ самый—кулакъ, всѣхъ рыбаковъ мѣстныхъ въ кабалѣ держитъ, земли себѣ скупилъ препорядочно! Къ кулаку въ гости, значитъ, попалъ царь! Вотъ тебѣ и мужикъ простой, попалъ какъ разъ въ центру! Вотъ, братцы, каковъ есть нашъ новый царь! Ну, а газетина? Да ужъ извѣстно, по Сенькѣ и шапка, и газетина—плюнуть да растереть!

дочитал до

ЗА КОГО ЦАРЬ? [1])

(Разсказъ).

— Ну, Егорка, къ тебѣ на квартиру я не пойду, потому пріятель одинъ сказывалъ, жилъ онъ у твоей Митревны, что она насчетъ языка баба бѣдовая, супротивъ ея въ этомъ дѣлѣ никто не выстоитъ, сплетничать да подслушивать больно любитъ, а это, братъ, намъ не съ руки, чего добраго, и въ кутузку еще угодишь.

— Въ кутузку? За что въ кутузку, вѣдь, мы съ тобою не убили кого, не ограбили; такъ, промежъ себя, значитъ, калякаемъ. Кому какое дѣло есть, о чемъ мы съ тобою говоримъ!

— Эхъ, ты, простота сердечная! Да, вѣдь, мы съ тобою супротивъ царя говоримъ, понимаемъ мы, что отъ него все одно, какъ отъ козла,—ни шерсти, ни молока, ну, а это ему не больно ндравится, не понутру, значитъ, приходится; такихъ людей онъ въ кутузку садитъ!

[1]) См. №№ 3 и 4.

— Вишь, онъ ловкій какой! И говорить супротивъ него ничего не моги! Такъ! Ну, такъ пойдемъ къ тебѣ, тамъ побалакаемъ.

— Нѣтъ, это тоже не больно сподручно, да мнѣ и въ городъ сегодня все одно надо итти, такъ пойдемъ вмѣстѣ, дорогой и потолкуемъ.

— Ну, ладно, премъ! Только зачѣмъ, Василій Иванычъ, ты меня въ прошлый разъ маленечко поднадулъ? А? Думалъ я, что ты мнѣ всю правду, какъ есть, выложишь, а ты брехать началъ! Все одно, молъ, дуракъ, и такъ сойдетъ! Вѣдь опосля этого тебѣ у людей вѣры нѣтъ! Вѣдь тебѣ жъ хуже будетъ!

— Чего ты? Белены ,что-ль, объѣлся, или все еще опосля получки туманъ въ головѣ ходитъ? Чего я сбрехнулъ? Заладилъ, сбрехнулъ да сбрехнулъ, а толкомъ слова не выскажешь! Говори прямо, въ чемъ дѣло?

— Да пошелъ я опосля того, какъ ты у меня былъ, къ землякамъ въ артель, на фабрикѣ они работаютъ, да и ну имъ разсказывать, что отъ тебя слышалъ. Ну, сначала они ругать меня начали, что я царя такъ распатронивать сталъ, но, одначе, выслушали, смекнули и сами, что съ царемъ дѣло-то не особенно ладно выходитъ, сидятъ, это, значитъ, и поддакиваютъ мнѣ. Я имъ и говорю, что, братцы, жить такъ больше нельзя, не вмоготу больше, что надо забирать отъ баръ земли, фабрики да заводы и прочее все такое. Разошелся было совсѣмъ, анъ, смотришь, тутъ и закорючка вышла! Застопорилъ меня одинъ парень!.. Ты это отъ кого,—говоритъ,—слышалъ? Да такъ, у насъ, молъ, на заводѣ тамъ одинъ сказывалъ. Хошь и видно,—говоритъ,—что разсказчикъ твой парень умный, только не все превзошелъ онъ! Все вѣрно, какъ ты сказываешь, по справедливости такъ должно, только быть этого ни въ коемъ разѣ ничего не можетъ, потому не судьба, нашъ предѣлъ,—говоритъ,—не такой. Какой такой предѣлъ? А такъ,—сказываетъ,—мужикамъ такой предѣлъ положонъ, чтобы завсегда рабочей скотиной быть! Не нашими руками все это подѣлано, не нами, стало быть, и кончится! Хорошо такое житье, да не про насъ оно писано. Ну, братъ, и огорошилъ же онъ меня этими словами. Стою, какъ пень, ротъ разинулъ, слова не вымолвлю. Вотъ, тебѣ, думаю, и счастье наше къ чертовой матери улетѣло! Мужики наши тоже ему поддакиваютъ, плетью обуха, молъ, не перешибешь, противъ рожна не попрешь, и прочее такое. И въ самомъ дѣлѣ, думаю, судьба! Вѣрно, судьба! Ужъ сколько годовъ терпимъ, ждемъ лучшаго, а его нѣтъ, какъ нѣтъ! Не про насъ оно, видно, писано! Какъ же мнѣ объ этомъ Василій Иванычъ ничего не сказывалъ; говорилъ, что волю раздобыть очень даже возможно! Вотъ тебѣ и хватилъ шиломъ патоки! раздобылъ себѣ счастіе! Ну, признавайся, Василій Иванычъ, говори напрямикъ, перехватилъ малость черезъ край? Потому противъ судьбы ничего не подѣлаешь! А?

— Ишь, чертъ окаянный! Самъ глупъ, что меринъ сивый, а еще людей мутить вздумалъ! Дурья ты голова, Егорка! Право слово, дурья! Судьба, предѣлъ! Да, развѣ прапрадѣды наши также жили, какъ и мы? Какъ бы не такъ, Ѳедотъ да не тотъ, что называется! Податей они никакихъ не платили, князей сами себѣ выбирали, не пондравился князь, спирай, куда хочешь, другого, получше себѣ отыщутъ, земли у мужиковъ было вдоволь, только знай паши, надъ чѣмъ потрудился, то и забирай себѣ! Почему же нашимъ предкамъ была такая сульба, а намъ другая? Нѣтъ, братъ; не въ судьбѣ дѣло тутъ! Темнота мужицкая—вотъ почему всѣмъ такъ плохо живется!

— Да, насчетъ темноты, это ты вѣрно! Мало чего мужикъ понимаетъ!

— Въ томъ-то штука, что не понимаетъ мужикъ толкомъ, что именно его давитъ. Ну, а коли растолковать ему хорошенько, такъ онъ и пойметъ, узнаетъ, гдѣ раки зимуютъ! Стало быть, все это дѣло наживное, судьба тутъ совсѣмъ не при чемъ! Опять возьми! Хошь и не нашими руками строились нонѣшніе порядки, одначе, какія-нибудь руки да дѣлали ихъ, не растутъ они сами по себѣ, что трава въ полѣ! А, коли они созданы руками человѣческими, такъ ихъ и измѣнить людямъ же можно. Это, примѣрно, такъ будетъ. Положимъ, выстроили рабочіе домъ, тѣсно жильцамъ жить тамъ, перестраивать, значитъ, надо! Такъ, неужто и перестроить его никакъ не возможно, неужто нужно звать тѣхъ же рабочихъ, что его строили? Совсѣмъ нѣтъ! Надо только, чтобы люди были, которые понимали, какихъ именно порядковъ слѣдуетъ добиваться рабочимъ. Такъ-то, братъ, какъ видно, много понимаетъ твой парень, что съ панталыку тебя сбилъ! Аль, по-твоему, теперешнихъ порядковъ ни въ жисть не перемѣнить? За какія такія милости привилегія такая нашимъ порядкамъ, отчего прежде измѣняли ихъ люди, а теперь нельзя? Нѣтъ, братъ, такихъ резоновъ совсѣмъ нѣтъ! Нѣтъ, Егоръ, всю тебѣ

правду выложилъ я въ прошлый разъ; много, братъ, за нее людей по царскому велѣнью въ Сибири сидитъ!

— Прости, родной! Ужъ больно понатерпѣлся я, хочется дожить до привольной жизни, все объ этомъ хочется доподлинно разузнать. Только такъ мнѣ сдается, ты не серчай, Василій Иванычъ, что если, примѣрно, отъ господъ придется насильно все брать, то намъ, пожалуй, не выгоритъ. Силы у нихъ, у проклятыхъ, здорово: деньжищъ куча, а съ ними можно многое сдѣлать, да и солдаты за нихъ стоятъ. Вѣдь, почитай, не одинъ разъ бунтовали мужики, добивались себѣ воли заправской и кажинный разъ ихъ все били! Какъ ты думаешь, Василій Иванычъ? А?

— Да, безпремѣнно придется у нихъ силой все брать, добровольно они ни въ жисть не отдадутъ ничего, потому они къ труду да работѣ совсѣмъ не привычны, жить своимъ трудомъ имъ не съ руки, не будешь жить въ такомъ роскошествѣ да довольствѣ, какъ теперь, а имъ это не любо. Правда, теперь за барами стоитъ сила большая, только всячески не такая, чтобы одолѣть ее было бы никакъ невозможно! Къ примѣру, возьми не нашинскихъ рабочихъ, ну, что-ль, англичанскихъ. И у нихъ вначалѣ, какъ и у насъ, очень мало силы было, а взглянь-ка теперь, такими дѣлами ворочаютъ, что держись! И понимающаго народа у нихъ много, и деньжищъ много! Ну, а насчетъ бунтовъ, это тоже ничего не значитъ, потому поднимался народъ не вмѣстѣ, да окромя этого супротивъ ружей да пушекъ вилой да кулакомъ много не навоюешь, мигомъ въ повиновеніе приведутъ. Другое дѣло, если бунтовать начнетъ весь народъ, тогда и насчетъ солдатовъ сомнительно, можетъ и за насъ пойдутъ. Да и у насъ дѣло совсѣмъ не такъ плохо, есть и у насъ друзья, соціалистами они прозываются, за народъ они крѣпко грудью стоятъ! Надо только, чтобы нашъ братъ самъ не зѣвалъ, открывалъ глаза своимъ товарищамъ-рабочимъ, грудью стоялъ бы за интересы народа, цапался бы съ врагами народными—барами, купцами да фабрикантами! Тогда и у насъ дѣло пойдетъ хорошо!

— Эхъ, Василій Иванычъ, кабы мнѣ все знать да вѣдать, какъ ты, такъ и я бъ сталъ на заводѣ разсказывать землякамъ правду настоящую, только не знаю теперь ничего я, шустрый парень живо съ толку собьетъ, конфузъ одинъ только выйдетъ! Поучилъ бы ты меня, Василій Иванычъ! Сдѣлай милость, поучи!

— Вѣдь, я сказывалъ тебѣ, что друзья у насъ есть, вотъ они постоянно, окромя того, что въ тайныхъ книжкахъ да газетахъ стараются разъяснить все рабочему человѣку, и сами разсказываютъ да учатъ рабочихъ. Хошь, познакомлю тебя съ однимъ, онъ тебя всему выучитъ!

— Вотъ такъ спасибо тебѣ, Василій Иванычъ; безпремѣнно познакомь. Только когда жъ?

— Да пойдемъ вмѣстѣ со мной, тамъ и познакомимся, только объ этомъ, смотри, молчокъ! Ну, намъ въ этотъ домъ надо итти.

— Вотъ такъ здорово! Задамъ я теперя перцу всякимъ прохвостамъ!

НОЯБРЬ. 1881. № 6. Цѣна 3 коп.

ЗЕРНО
РАБОЧІЙ ЛИСТОКЪ.

С.-Петербургъ, 10 ноября 1881 г.

Должно быть, братцы, всякій изъ васъ знаетъ сказку про Ивана-Царевича. Помните ли, какъ Иванъ пріѣхалъ на перекрестокъ, гдѣ расходятся три пути, и не знаетъ, куда ему дорогу держать. Только видитъ, стоитъ столбъ и на столбѣ надпись: «если пойдешь вправо—самъ пропадешь, конь цѣлъ останется; пойдешь прямо—самъ пропадешь и съ конемъ, а налево свернешь—конь пропадетъ, зато самъ цѣлъ останешься. Какъ ни жалко было коня, все-таки Иванъ рѣшилъ итти влѣво, чтобы хоть самому цѣлымъ на дорогу настоящую пробиться.

Вотъ, къ примѣру, въ какомъ положеніи находится въ настоящее время и русскій народъ. Плохо, невмоготу стало жить рабочему люду! И думаетъ онъ думушку

тяжкую, какъ ему быть, какъ горю общему пособить. По какому пути итти надобно, чтобы выбиться изъ настоящаго горькаго положенія? Есть одинъ путь—на царя-батюшку надѣяться, на начальство милостивое уповать. Такъ по деревнямъ во многихъ мѣстахъ и ждутъ, что вотъ-вотъ царь отниметъ землю у помѣщиковъ и мужикамъ раздастъ. Да, какъ бы не такъ, держи карманъ пошире! Съ такой пустой надеждой, которой развѣ только одни слѣпые да глухіе могутъ вѣрить, въ гробъ сойдешь голодный, а путнаго ничего не дождешься. Цари только и даютъ то, что у нихъ силой сорвешь, и мирволятъ больше своей братьѣ—богатымъ людямъ, чѣмъ рабочему человѣку.

Другой путь—бросить всякую надежду на то, что рабочему человѣку станетъ когда-либо дышаться вольнѣе, рѣшить, что должно быть такъ уже отъ судьбы свыше указано, чтобы рабочій трудился на господъ, купцовъ и чиновниковъ, чтобы обирали его кулаки-хозяева, да царскіе прислужники. Только это вздоръ! Стыдно и совѣстно такъ разсуждать порядочному человѣку. Такъ можетъ разсуждать только тотъ, который себя и за человѣка не считаетъ, а за рабочую скотину, кто забываетъ, что и онъ созданъ по образу и подобію всѣхъ людей. Всѣ равны между собою, и по справедливости всякій долженъ жить своимъ собственнымъ трудомъ, а никто не имѣетъ права заѣдать чужой вѣкъ.

Не должно быть ни дармоѣдовъ, гнетущихъ народъ и высасывающихъ изъ него соки, ни изнуренныхъ работой и все-таки живущихъ впроголодь бѣдняковъ. Вотъ почему тѣ, которые говорятъ, что рабочему никогда не выбиться изъ его горькой доли, врали и себѣ, и всему рабочему люду. Своею покорностью и своимъ холопствомъ они сами въ ущербъ себѣ, своимъ товарищамъ и братьямъ, помогаютъ народнымъ притѣснителямъ, которые пока не зѣваютъ, а все больше и больше опутываютъ трудящійся народъ. Вотъ что значитъ: прямо пойдешь, самъ пропадешь и съ конемъ! Если станешь покорно тянуть лямку, да безропотно работать на кулака-помѣщика, да на хозяина-фабриканта, тогда погибло твое дѣло, самъ ты будешь голодать до гробовой доски, да не лучшая доля ждетъ и братьевъ твоихъ и дѣтей твоихъ, и ихъ жизнь пройдетъ въ тяжкомъ рабствѣ да въ работѣ на другихъ. Но этого быть не должно!

Есть еще третій путь, третій исходъ. Тутъ конь пропадетъ, да зато самъ живъ останешься и на настоящую дорогу пробьешься; тутъ будетъ много потери, зато много выгадаешь; тутъ придется принести не малыя жертвы, тутъ придется рисковать много, зато только этимъ путемъ и выбьешься изъ нужды, только этимъ путемъ и станешь самъ себѣ и хозяиномъ, и господиномъ, не будутъ тобою ни помыкать, ни обирать тебя никто. Путь этотъ—революція, т.-е. возстаніе противъ всѣхъ нынѣшнихъ порядковъ, бунтъ противъ всѣхъ, кто обираетъ рабочій народъ и пользуется его трудомъ. Дѣло тутъ не въ Петрѣ или Иванѣ, не въ томъ или другомъ человѣкѣ, а именно во всѣхъ порядкахъ нынѣшнихъ; это надо твердо помнить и надо твердо знать то, что рабочему и крестьянину только тогда станетъ житься лучше, когда на мѣсто нынѣшнихъ порядковъ заведется порядокъ соціалистическій, о которомъ было говорено въ № 3. Вотъ и надо силой, собственными руками да собственной грудью добиваться того, чтобы нынѣшній строй жизни и государственный порядокъ замѣнить болѣе справедливымъ, гдѣ не было бы возможности одному человѣку обирать и притѣснять другого. Этого надо добиться силой, потому что нельзя надѣяться, что защитники теперешнихъ порядковъ добромъ отступятся отъ нихъ. Это путь рискованный, но вмѣстѣ съ тѣмъ единственно надежный и вѣрный, онъ потребуетъ много жертвъ и потерь, но, зато, только онъ и приведетъ къ успѣшному, желанному концу. Всѣ враги народа соединятся и ополчатся на защиту выгодныхъ имъ нынѣшнихъ государственныхъ порядковъ и не пожалѣютъ никакихъ средствъ, чтобы не дать народу освободиться. И многимъ изъ тѣхъ, что станутъ грудью за народное дѣло, придется погибнуть въ борьбе, не одинъ борецъ падетъ подъ ударомъ враговъ, но все-таки народное дѣло выгоритъ. Только этимъ путемъ рабочіе станутъ людьми обезпеченными и свободными.

Уже съ того одного, какъ жестоко расправляются наши нынѣшніе господа заправители со всякимъ, кто осмѣлился выступить противъ нихъ и призывать народъ на борьбу за освобожденіе отъ кулацкой кабалы и полицейскаго гнета, видно, какъ они опасаются за свое положеніе и не надѣются удержаться, если народъ станетъ на собственныя ноги. Они прекрасно знаютъ, что народъ можно давить только до тѣхъ поръ, пока онъ не рѣшится сопротивляться этому, пока онъ подобно богатырю, убаюканному лукавой чародѣйкой, не проснется отъ тяжелаго сна. Вотъ почему они такъ боятся и преслѣдуютъ

тѣхъ, которые будятъ народъ и призываютъ его стать за лучшій порядокъ и за его права, которые говорятъ крестьянину, что ему надо взять землю, а рабочему заводы и фабрики, что хозяиномъ во всей странѣ долженъ быть самъ народъ, а управлять сю должны его собственные выборные. Поэтому смѣлѣе вступайте въ борьбу противъ отживающихъ свой вѣкъ порядковъ и противъ своекорыстныхъ защитниковъ ихъ. Побѣда будетъ за вами, только открытой и смѣлой борьбой вы добьетесь лучшей участи и освобожденія, и если многимъ изъ васъ не удастся добиться этого для себя, то вы добудете лучшую долю своимъ младшимъ братьямъ и сыновьямъ. На эту борьбу за народное освобожденіе зовутъ рабочій людъ соціалисты-революціонеры, потому что дѣло народа— ихъ дѣло.

Еще повторяемъ: освободиться отъ народныхъ раззорителей и притѣснителей можно только открытой борьбой и всенароднымъ возстаніемъ, и русскому рабочему народу остается избрать этотъ путь, ибо сказано: «только въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Но не слѣдуетъ думать, что великій бунтъ сразу же принесетъ счастье и лучшее будущее возставшему народу. Увы! Такъ долго давили и гнули въ бараній рогъ рабочій народъ, что теперь добыть ему свободу стало дѣломъ сложнымъ и труднымъ. Бунты бывали не разъ на Руси и раньше, бунты разные: и мелкіе и крупные. Бунтовали и отдѣльныя деревни или волости, бунтовали и десятки тысячъ народа сразу, а бывало и такъ, что половина и больше страны сразу зальется кровавымъ пожаромъ бунтовъ. Всякій, конечно, слыхалъ и про бунтъ Стеньки Разина и про Пугачевщину, всколебавшую весь приволжскій народъ и чуть было не одолѣвшую и самой Москвы. Да не выгорѣло, однако, тогда народное дѣло, не довели его до конца. Правительство побѣдило возставшій противъ него народъ и учинило тогда расправу съ бунтовщиками по-своему. Бывали и послѣ того народные бунты не разъ, бунтовали и въ городахъ, бунтовали и по деревнямъ цѣлыми уѣздами, и даже губерніями, но и тутъ ничего не вышло.

Спрашивается, гдѣ же причина этого и не правы ли тѣ, которые говорятъ, что рабочему надо покоряться начальству и молчать и что бунты ничего хорошаго не дадутъ? Мы уже говорили на это раньше, что нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Вся причина здѣсь заключается въ томъ, какъ и изъ-за чего бунтовать. Если не знать ясно и твердо изъ-за чего бунтоваться и за что стоять, не умѣть различить добрыхъ людей отъ злыхъ недруговъ, значитъ, бунтоваться на погибель себѣ. Такъ, крестьяне послѣ манифеста 19 февраля 1861 года бунтовали и добивались настоящей, заправской, чистой воли, то-есть полнаго освобожденія вмѣстѣ съ землею. Но они бунтовали порознь, не съумѣли стать всѣмъ стѣною за-одно, да думали, что на ихъ сторонѣ и царь, и законъ—царь, который не ими поставленъ, правитъ не спрашиваясь народныхъ выборныхъ и совѣтуясь только съ чиновниками, врагами народа; и законъ, который пишется тѣми же чиновниками для собственнаго ихъ интереса и противъ народа. Могли ли они имѣть успѣхъ, когда на самомъ дѣлѣ царь и законъ были на сторонѣ помѣщиковъ и противъ крестьянъ? Или вотъ другой примѣръ. Не дальше, какъ этимъ лѣтомъ, во многихъ городахъ, мѣстечкахъ и отчасти въ деревняхъ, на югѣ, произошли такъ называемые безпорядки противъ евреевъ. Толпа бросалась на еврейскіе дома и уничтожала ихъ имущество; начальство арестовало многихъ изъ толпы и на спинахъ арестованныхъ прутьями прописало манифестъ новаго царя. Народъ не выигралъ ничего отъ этого бунта, но развѣ онъ могъ чего-нибудь добиться, дѣйствуя зря и безъ всякой подготовки. Вмѣсто того, чтобы добиваться замѣны невыносимо тяжелыхъ порядковъ лучшими, онъ только выместилъ свою злобу на евреяхъ. Но развѣ только одни евреи гнетутъ его и пользуются даромъ его трудомъ, развѣ кулаки изъ крестьянъ или помѣщики лучше, развѣ не они забрали землю у крестьянъ и попрежнему заставляютъ ихъ отбывать на себя барщину, развѣ русскій хозяинъ-фабрикантъ не норовитъ сорвать съ рабочаго послѣдній заработанный гривенникъ? Происхожденіе и вѣра тутъ ничего не значатъ: всякій принадлежитъ къ тому племени, отъ котораго родился и исповѣдуетъ вѣру, какую ему велитъ его совѣсть. За это никого нельзя ни хвалить, ни винить. А грабежъ и обирательство не знаютъ ни племени, ни вѣры. Вѣдь, и среди евреевъ есть много такихъ, которымъ приходится жить своимъ трудомъ и которыхъ ихъ богатые соплеменники обираютъ не хуже, чѣмъ русскій фабрикантъ своихъ русскихъ рабочихъ. Евреи-рабочіе такъ же нуждаются въ лучшихъ порядкахъ, какъ и рабочіе русскіе, поэтому ихъ дѣло—общее: ввести лучшій порядокъ управленія въ странѣ и обезпечить полный заработокъ каждому,

кто желаетъ самъ трудиться, безъ различія, русскій ли онъ, еврей, татаринъ или полякъ. Вотъ къ этому и слѣдуетъ стремиться, этого стоитъ добиваться.

Чтобы народный бунтъ увѣнчался успѣхомъ и доставилъ народу освобожденіе, необходимы два условія, чтобы существовало единодушіе, общее согласіе на этотъ счетъ, такъ что какъ только поднимется бунтъ въ одномъ мѣстѣ, такъ чтобы его подхватили и въ другихъ мѣстностяхъ, какъ по городамъ, такъ и деревнямъ. Если такимъ образомъ бунтъ произойдетъ одновременно во многихъ мѣстностяхъ, тогда правительству не совладать съ нимъ, оно принуждено будетъ раздробить свои силы по частямъ и потому народъ повсюду одержитъ побѣду. Поэтому необходимо стараться, чтобы на этотъ счетъ былъ сговоръ заранѣе, и всякій долженъ толковать объ этомъ повсюду, куда ни заброситъ его судьба, въ городъ или въ деревню. Это первое условіе. Второе условіе еще болѣе важно. Необходимо, чтобы народъ бунтовалъ не зря, безъ цѣли и безъ толку, а сознательно и обдуманно, и именно съ цѣлью замѣнить нынѣшніе порядки новыми, по которымъ земля перейдетъ въ пользованіе крестьянамъ, а заводы и фабрики—рабочимъ артелямъ. Вотъ почему всякое возстаніе должно быть направлено противъ лицъ, имѣющихъ власть и насильно навязывающихъ народу ненавистные ему порядки. И при самомъ началѣ возстанія слѣдуетъ назначать своихъ выборныхъ и довѣренныхъ людей, которые смѣстили бы прежнія власти и стали бы сами на ихъ мѣсто управлять и вводить новые. Вотъ поэтому-то въ настоящее время болѣе всего слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы въ народѣ распространились правильные мысли о томъ, какихъ порядковъ надо добиваться и какъ ихъ добыть, чтобы никто не относился къ общенародному дѣлу спустя рукава, а сталъ бы за него грудью и готовъ былъ бы дать отпоръ врагамъ народа. Только тогда произойдетъ всенародное возстаніе, которое увѣнчается успѣхомъ. Только революція, т.-е. общенародное возстаніе съ цѣлью замѣнить невыгодные народу порядки лучшими и создать такое правительство, которое стояло бы за народъ, принесетъ народу облегченіе и освобожденіе! Къ этому слѣдуетъ готовиться и призывать рабочій людъ и крестьянство!

РУССКАЯ ЖИЗНЬ.

У насъ на Руси теперь новый царь. Многіе, должно быть, думаютъ да гадаютъ, чѣмъ-то будетъ онъ для бѣднаго, рабочаго человѣка: отцомъ-батюшкой или злымъ вотчимомъ. И дѣйствительно, новый царь еще мало чего сдѣлалъ, а ужъ успѣлъ показать себя, показать, чью руку онъ тянетъ.

Царь, хоть и молодой, да все-таки живетъ не первый день. Было много у него времени заранѣе на досугѣ ознакомиться съ неправдой, гуляющей на русской землѣ, съ горемъ и нуждой рабочаго люда. Было у него время узнать все это и могъ онъ сразу, какъ вступилъ на царство, сдѣлать доброе дѣло, защитить рабочаго человѣка отъ прижимокъ разныхъ обирателей, кулаковъ и чиновниковъ. Но вотъ уже прошло 7 мѣсяцевъ, какъ царь вступилъ на престолъ, а путнаго до сихъ поръ еще ничего не сдѣлалъ. Только, чтобы морочить добрыхъ людей, завелъ рѣчь о выкупныхъ платежахъ и о переселеніяхъ.

Кажется, дѣло простое и думать тутъ долго нечего. Крестьяне и безъ того уже много переплатили за землю, которую старые цари отняли у мужиковъ и отдали помѣщикамъ, поэтому слѣдовало бы прямо уничтожить всѣ выкупные платежи, да и остальную барскую землю отдать крестьянамъ. Вопросъ о переселеніяхъ тоже простъ: тѣсно гдѣ живется народу, не хватаетъ земли, такъ пусть идутъ люди въ другое мѣсто, гдѣ просторно: безъ крайней нужды никто не покинетъ своего поля. Спроси царь у выборныхъ отъ крестьянъ, они сказали бы ему, какъ лучше рѣшить это дѣло. Но царь съ простымъ рабочимъ человѣкомъ не хочетъ совѣтоваться. Министровъ онъ набралъ себѣ изъ знати, да для совѣта, для помощи имъ пригласилъ свѣдущихъ людей, все изъ бäръ да купцовъ. Можно ли ждать рабочему человѣку добра отъ такихъ совѣтниковъ, неужли они по доброй волѣ откажутся отъ прижимокъ и притѣсненій, которыя сами дѣлаютъ трудящемуся народу. На чемъ они порѣшатъ, поговоримъ подробно послѣ, а теперь напомнимъ слова главныхъ царскихъ министровъ по поводу крестьянскихъ переселеній. Мы,—говорили они приглашеннымъ на совѣтъ свѣдущимъ людямъ,—пришли къ глубокому убѣжденію всемѣрно сдерживать порывы крестьянъ къ переселенію.

Эхъ, царь, царь! къ чему же ты поднялъ вопросъ о переселеніяхъ крестьянъ, если своимъ министрамъ далъ приказъ «всемѣрно», т.-е. всѣми силами удержать крестьянъ на старыхъ мѣстахъ, чтобы они были дешевыми работниками у помѣщиковъ и надежными арендаторами ихъ земель? Да, братцы, если бъ царь думалъ быть не злымъ вотчимомъ для рабочихъ людей, а кормильцемъ-батюшкой, то должно быть для совѣту къ себѣ сталъ бы приглашать не богачей, а выборныхъ отъ рабочихъ людей.

А то выходитъ, что все это пустые разговоры: переселяться на самомъ дѣлѣ народу не дадутъ, а выкупныхъ платежей сложатъ около рубля съ души, много ли это значитъ? Да еще, пожалуй, постараются этотъ рубль на чемъ другомъ выгадать. Много ли вообще могутъ рабочіе ждать себѣ облегченій отъ правительства, когда царь и его министры толкуютъ про мужика то же, что кулаки или баре изъ старыхъ крѣпостниковъ, что мужикъ-де оттого бѣденъ, что пьянствуетъ. Вѣрятъ ли только эти господа сами тому, что говорятъ? Вѣдь если бы въ этомъ была хоть доля правды, они сами давно по міру ходили бы, потому извѣстное дѣло, кто больше пьетъ, мужикъ или баринъ; баринъ одного этого заморскаго вина выдуетъ страсть, а иной купчина въ толстое свое пузо льетъ все равно, что въ бочку бездонную, а ничего—мошна все-таки у нихъ отдувается; а мужику на самомъ-то дѣлѣ рѣдко когда и приходится выпить порядкомъ, развѣ въ годовые праздники. И то сказать—рабочему человѣку не бѣда подкрѣпить себя рюмочкой, а по точному счету выходитъ, что русскій рабочій круглымъ числомъ за годъ потребляетъ меньше вина, чѣмъ рабочіе въ другихъ странахъ. Значитъ, вовсе ужъ онъ не такой отъявленный пьяница, и не оттого и бѣднота его происходитъ, а скорѣй наоборотъ, отъ голода да съ горя и пьетъ рабочій человѣкъ. Вотъ всѣмъ этимъ господамъ, толкующимъ про пьянство народа, не мѣшало бы припомнить, какъ въ стихотвореніяхъ Некрасова описано, какимъ образомъ мужичекъ одинъ барина, толкующаго на этотъ счетъ, тоже мѣтко осадилъ. Баринъ толкуетъ про то, что народъ пьянствуетъ, а крестьянинъ Якимъ Нагой ему въ отвѣтъ:

«Постой, башка порожняя!
Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!
Чему ты позавидовалъ:
Что веселится бѣдная,
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ,
Насъ пьяныхъ много водится,
А больше трезвыхъ насъ.
По деревнямъ ты хаживалъ?
Возьмемъ ведерко съ водкою,
Пойдемъ-ка по избамъ:
Въ одной, въ другой навалятся,
А въ третьей не притронутся,—
У насъ на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьютъ, а также маются,
Ужъ лучше бъ пили, глупые,
Да совѣсть такова...
Чудно смотрѣть, какъ ввалится
Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда.
И не глядѣлъ бы!.. Видывалъ
Въ страду деревни русскія?
Въ питейномъ, что-ль, народъ?
У насъ поля обширныя,
А не гораздо щедрыя,
Скажи-ка, чьей рукой
Съ весны они одѣнутся,
А осенью раздѣнутся?

Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ, съѣлъ съ горошину
— Эй, богатыры! соломинкой
Сшибу, посторонись!—
Сладка ѣда крестьянская,
Весь вѣкъ пила желѣзная
Жуетъ, а ѣсть не ѣстъ!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на ѣду не плачемся...
Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоятъ три дольщика...
. . . .
«Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому.
А горе наше мѣрили?
Работѣ мѣра есть?
Вино валитъ крестьянина,
А горе не валитъ его?
Работа не валитъ?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
Что силы надорветъ;
Такъ неужель надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодишь?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,
Такъ погляди поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое,
Скосивши, волокутъ:
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,
Тамъ рать—орда крестьянская
По кочкамъ, по зазоринамъ
Ползкомъ-ползетъ съ плетюхами,—
Трещитъ крестьянскій пупъ!
Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ мошкою,
Изъѣденные въ кровь,—
— Небось, мы тутъ красивѣе?
Жалѣть—жалѣй, умѣючи,
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣры!
Не бѣлоручки нѣжные,
А люди мы великіе
Въ работѣ и въ гульбѣ!..
У каждаго крестьянина
Душа, что туча черная—
Гнѣвна, грозна,—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,

Кровавымъ лить дождямъ,
А все виномъ кончается.
Пошла по жиламъ чарочка—
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!..»

Еще слѣдуетъ принять въ расчетъ и то, что правительству нашему пьянство на руку, потому не малая часть доходовъ ему идетъ съ этого пьянства—именно, съ акцизнаго сбора за вино. И, небось, какъ стали толковать объ уменьшеніи пьянства, сразу за свой карманъ хватились. Министры такъ прямо и заявили, что хорошо бы уменьшить пьянство, да только лишь бы нашъ доходъ съ этой статьи шелъ бы попрежнему, безъ убыли... Вотъ и выходитъ, что имъ самимъ и охота, и разсчетъ спаивать народъ, и больше они хлопочутъ про свои доходы, чѣмъ о помощи раззоренному народу.

Задумалъ еще старый царь перемѣнить управленіе по крестьянскимъ дѣламъ (уѣздныя по крестьянскимъ дѣламъ присутствія) и замѣнить его чѣмъ-нибудь инымъ, и тоже за совѣтомъ по этому дѣлу обратился къ дворянамъ, засѣдающимъ въ нашихъ земствахъ. Совѣстно стало даже барамъ рѣшать мужицкія дѣла безъ согласія крестьянъ, и вотъ Весьегонское земство Тверской губерніи написало новому царю просьбу, что справедливѣй и лучше будетъ, если въ мужицкомъ дѣлѣ спроситъ онъ мнѣніе самихъ мужиковъ: пусть-де они посовѣтуются по вопросу о перемѣнахъ, ихъ касающихся, съ кѣмъ вздумаютъ, и, обсудивъ дѣло на сходахъ, дадутъ царю отвѣтъ. Царь въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года на просьбу Весьегонскаго земства отвѣтилъ отказомъ.

Или вотъ вамъ примѣръ, какъ иногда царь начистоту дѣйствуетъ за баръ. Между прочимъ, правительство задумало земское дѣло цѣликомъ передать въ руки дворянъ да богатыхъ кулаковъ, по примѣру того, какъ городское управленіе все находится въ рукахъ купцовъ да фабрикантовъ, а выборныхъ отъ рабочихъ въ думу совсѣмъ не пускаютъ. Вотъ, чтобы удружить барамъ Петербургскаго уѣзда, въ іюнѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года было обнародовано высочайше (т.-е. царемъ) утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта, по которому петербургское земство должно состоять изъ 20 выборныхъ отъ землевладѣльцевъ и только изъ 10 отъ крестьянъ. И прежде въ петербургскомъ земствѣ выборныхъ отъ баръ, по закону, было почти въ полтора раза болѣе, чѣмъ отъ крестьянъ (отъ землевладѣльцевъ 8, а отъ крестьянъ 6), значитъ, и прежде баре могли всегда брать верхъ надъ мужиками, но Александръ III захотѣлъ еще больше дать силы въ земствѣ дворянамъ. Значитъ, теперь въ земствѣ всякое дѣло богачи могутъ рѣшать по своему, не слушая голоса крестьянъ; крестьяне же допускаются въ земство для вида, для отвода глазъ.

Разскажемъ еще одно дѣло, гдѣ видно, какъ ловко распоряжается правительство. 29-го сентября 1881 года въ петербургской судебной палатѣ разбиралось дѣло о лицахъ, принадлежащихъ къ партіи «Чернаго Передѣла». Въ чемъ обвинялись эти люди, изъ газетъ не видно, поэтому мы разскажемъ это здѣсь. Подсудимые еще при старомъ царѣ стали печатать газету, которую назвали «Чернымъ Передѣломъ». Въ этой газетѣ говорилось, что въ русской землѣ много неправды, что хорошо и привольно у насъ живется только тѣмъ, которые обираютъ трудящійся людъ. Говорилось еще въ этой газетѣ про то, что крестьяне не даромъ толкуютъ про «черный передѣлъ», да только ждать его отъ царя нечего, а надо народу самому взяться за это дѣло—крестьянамъ забрать въ свои руки земли, а рабочимъ—фабрики и заводы, да правительство составить изъ своихъ же выборныхъ людей. Крѣпко не полюбились эти рѣчи старому царю, и онъ приказалъ людей, издававшихъ газету, посадить въ тюрьму, а новый царь назначилъ надъ ними судъ; судъ приговорилъ ихъ къ ссылкѣ въ Сибирь. И такъ, честныхъ людей новый царь, по примѣру отца, отправляетъ въ Сибирь, а богатыхъ воровъ и поджигателей въ родѣ Овсянникова, что сжегъ мельницу, чтобы страховыя деньги забрать, ворочаетъ оттуда обратно. Мало, знать, царь стоитъ за совѣсть и правду. Вотъ и дѣло о лицахъ, судившихся за убійство стараго царя, тоже переврали въ газетныхъ отчетахъ, а теперь рѣшили вовсе молчать о такихъ дѣлахъ. Поэтому-то дѣло объ лицахъ, судившихся за печатаніе «Чернаго Передѣла», хотѣвшихъ народу разсказать правду, царь вовсе запретилъ печатать, да и судили ихъ при закрытыхъ дверяхъ, т.-е. никого изъ публики въ судъ не пустили, побоялись, значитъ, чтобы рабочіе люди не видѣли изъ этого дѣла, на чьей сторонѣ царь стоитъ: на сторонѣ богачей или бѣдняковъ.

Царь понимаетъ, что простые люди не поблагодарятъ его, если узнаютъ, что для нихъ путнаго онъ ничего не хочетъ дѣлать, а думаетъ лишь отводить имъ глаза, заговаривать зубы, поднимая съ барами пустые разговоры о выкупныхъ платежахъ, о переселеніяхъ, да про то, что мужикъ—заклятый пьяница.

МУЖИЦКАЯ БЕСѢДА.

(Разсказъ.)

Въ небольшой деревенькѣ—какихъ-нибудь 20-ти дворовъ—всѣ уже полегли спать; въ окнахъ не видно свѣта, на улицѣ нѣтъ ни души. Только въ одной избѣ, стоящей особнякомъ отъ другихъ, на высокомъ, крутомъ берегу быстраго ручья, изъ оконъ сквозь вѣтви деревьевъ виднѣлся свѣтъ.

Въ этой избѣ жилъ 60-ти-лѣтній старикъ изъ дворовыхъ. И молодые, и старые—всѣ звали его «дѣдъ Гермогенъ»; во времена крѣпостного права, за грамотность, да за соображеніе, онъ былъ у барина въ приказчикахъ; послѣ освобожденія управлялъ лѣтъ пять барскимъ имѣніемъ.

На деревнѣ не запомнятъ, чтобы кого-нибудь дѣдъ Гермогенъ обидѣлъ, чтобы кому-нибудь отказалъ въ помощи или въ совѣтѣ; ни одинъ сходъ безъ дѣда Гермогена ничего не рѣшалъ...

Живетъ онъ небогато, самъ обрабатываетъ свою полосу, которую міръ отрѣзаетъ ему при всякой дѣлежкѣ, наравнѣ съ прочими хозяевами. Вотъ изъ его-то избы и свѣтился огонекъ, а въ избѣ, за столомъ, сидѣли человѣкъ 12 мужиковъ, пили чай, да разговоры вели... извѣстно, какіе у мужиковъ разговоры: на счетъ земли все,—«когда-то только ее, матушку, отъ господъ отберутъ...»

— Пафнутъ Васильевичъ!—обратился дѣдъ Гермогенъ къ одному изъ сидящихъ за столомъ; это былъ черноволосый, худой мужикъ, онъ сначала плотничалъ въ своей деревнѣ, а потомъ ушелъ въ городъ и поступилъ въ церковь въ караульщики:—а, Пафнутъ Васильевичъ? разскажи, братецъ ты мой, какъ это къ царю три митрополита пріѣзжали?

— Разсказывалъ, вѣдь, чего жъ тебѣ еще,—огрызнулся плотникъ.

— Что, видно, не хочется, а то бы и мужики тоже послушали.

— Сказывай, Пафнутъ Васильевичъ, нечего,—заговорили со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, братцы, ему не рука теперь такія басни разсказывать, ужъ я за него—ужъ я за него. Это какъ царя во дворцѣ взрывали, такъ, стало быть, къ нему, послѣ этого вразъ три митрополита пріѣхали, и никто ихъ не звалъ, сами пріѣхали и говорятъ ему: «ну, теперь, батюшка, живи себѣ покойно и ничего этого больше не будетъ, долго еще проживешь и помрешь своею смертью, потому ты—царь, помазанникъ божій!» Что жъ, Пафнутъ Васильевичъ, выходитъ, что эти самые твои митрополиты все наврали! Какъ еще убили-то, а?

— Извѣстно, царь—помазанникъ,—проговорилъ плотникъ.

— Да богъ-то отъ него отступился,—перебилъ его дѣдъ,—за то, что мужиковъ на грабежъ барамъ отдалъ, волю далъ такую, что съ нею, къ примѣру, вонъ дубовскіе съ голоду помираютъ: всю скотину у нихъ за подати, да за долги распродали, а чуть было стали не давать скотину со двора уводить, солдатъ пригнали...

— Да, вѣдь, это господа все! Небось, царь-то этого и не знаетъ,—замѣтилъ одинъ изъ мужиковъ.

— Не знаетъ?—переспросилъ съ усмѣшкой дѣдъ.—Вотъ за то-то ему и смерть такая вышла—ухлястали середь улицы—что онъ этого не зналъ, что господъ, да кулаковъ не окоротилъ. Какой же онъ царь, коли этого онъ знать не хочетъ, аль надъ своими же подданными, надъ господами, власти никакой не имѣлъ?

— Вотъ молодой-то царь, небось, дастъ имъ,—сказалъ плотникъ; въ Козловѣ сказывали, указъ-то объ землѣ ужъ пришелъ.

— А не сказывали, какъ молодой-то царь за бунтъ, почитай, всѣхъ хохловъ перепоролъ? Не жду я отъ нихъ ни отъ кого проку: яблочко отъ яблоньки недалеко падаетъ. Покуда на счетъ царей у насъ такой порядокъ будетъ, ничего отъ нихъ мужики не дождутся,—съ увѣренностью произнесъ дѣдъ.

— А какой у насъ порядокъ на счетъ царей, дѣдъ Гермогенъ?—спросилъ молодой парень, все время внимательно слушавшій разговоръ.

— Да такой, паря, что уменъ ли ты, глупъ ли, все будешь царь, только родись отъ царя. Нешто это порядокъ?

— А ты, небось, самый настоящій порядокъ придумалъ?—подсмѣялся плотникъ.

— Придумалъ, Пафнутъ Васильевичъ; не всѣмъ же сказки насчетъ митрополитовъ сказывать, надо кому-нибудь и объ хорошихъ порядкахъ подумать.

— Любопытно бы послушать, какой такой порядокъ ты придумалъ?—спросилъ плотникъ.

— Правда, дѣдъ Гермогенъ, сказывай!—попросили мужики.—Извѣстно, ты человѣкъ грамотный, умственный.

— Отчего жъ и не сказать, все скажу,—началъ дѣдъ.—Долженъ ли царь, спрошу я васъ, изо всѣхъ быть самымъ умственнымъ, самымъ справедливымъ, чтобы зналъ, какъ все сдѣлать въ наилучшемъ видѣ, по правдѣ? Для мужичьяго хозяйства и то сеображенье нужно: въ большаки, небось, ставятъ, кого посмышленнѣе, а чуть не хватаетъ, аль остарѣлъ, ужъ и не годится; а царю-то всей Россіей управлять приходится!

— Да это что толковать,—подтвердили присутствующіе,—извѣстно, самаго умственнаго надоть.

— Вотъ то-то же,—продолжалъ дѣдъ; а теперь спрошу я васъ, нешто можно, чтобы въ одномъ роду, хоша и въ царскомъ, старшіе сыновья все самые умственные изо всей Россіи рождались? Вонъ у тебя, Василій Михайловичъ,—обратился дѣдъ къ пожилому мужику,—твой Ванюха-то, куда онъ годится? какъ ты ему хозяйство довѣришь?

— Это точно, никакъ нельзя,—согласился Василій Михайловичъ.

— Да, вѣдь, цари-то—помазанники божіи,—вмѣшался плотникъ,—такъ намъ и соборный батюшка говорилъ.

— Помазанники?—съ усмѣшкой переспросилъ дѣдъ.—Кабы были-то они божьи помазанники, такъ была бы у насъ правда, а то покуда одно грабительство только; повѣрилъ ты, Пафнутъ Васильевичъ, попу соборному! Коли ужъ твои митрополиты царя обманули, то попъ мужика простого въ лучшемъ видѣ надуетъ.

Всѣ присутствующіе разсмѣялись.

— Стало быть и нельзя, чтобъ цари всегда изъ одного рода были, а каждый разъ выбирали бы самаго умственнаго, самаго справедливаго, тогда къ нему и доступъ всякому будетъ и во все онъ вникать будетъ.

— Вѣстимо, эдакъ куда лучше,—подтвердили мужики.

— Да и выбирать его, нешто на всю жизнь? да чтобы онъ отвѣта никому не отдавалъ?—этого опять никакъ нельзя! Къ примѣру взять, старшина у насъ былъ, Михаилъ Сергѣевичъ-то, мужикъ умственный, что говорить, и къ миру какой прилежный былъ, а какъ выбрали въ старшины—дальше, больше,—да ужъ двойныя денежки сталъ съ насъ взыскивать; кабы усчитывать, да смѣнить-то его нельзя было, такъ, вѣдь, онъ всю волость въ раззоръ раззорилъ бы; да это старшина! а что жъ, какъ царь такой попадется?—онъ всю Россію по-міру пуститъ! Теперь-то, почитай, что всѣ мужики голодные сидятъ.

— Это вѣрно,—подтвердили присутствующіе.

— А, стало быть, чтобъ мошенникъ какой всѣмъ на шею не сѣлъ, нужно, чтобъ учитать царей, а коли что, такъ и смѣщать ихъ можно было. Тогда, кого выбирать бы стали, и сказать ему: вотъ какое житье наше—пить, ѣсть стало нечего, всю хорошую землю господа да кулаки забрали, а вѣдь она нашей кровью, нашимъ потомъ полита, мы за нее давно ужъ подати заплатили, по правдѣ-то,—она давно наша: коли отдашь намъ землю, чтобы по правдѣ все было, такъ и будешь царемъ, а коли не хочешь, и другого найдемъ: свѣтъ-то, вѣдь, не клиномъ сошелся. Тогда вразъ бы всего добились!

— А какъ же это его учтешь въ обманѣ-то, да другимъ замѣнишь? тоже—въ цари поставилъ, да безъ воли оставилъ!—замѣтилъ плотникъ.

— Воли?! Про то и говорю, чтобъ онъ не своей волей правилъ, да какъ вздумается, этакъ онъ съ своей волей и барамъ нонѣ руку-то тянетъ... А вотъ выбрали своихъ людей выборныхъ да и приставь къ нему смотрѣть за нимъ, чтобъ онъ за народное дѣло стоялъ и обирателямъ разнымъ не мирволилъ; вотъ какіе распорядки выборные укажутъ, онъ и долженъ слушаться,—а безъ нихъ ничего не моги; а выборныхъ-то мы можемъ провѣрять часто и сами, чтобъ они изъ нашей воли не выходили.

Мужики сидѣли молча, въ раздумьи...

— Порядокъ—что говорить—заправскій, да какъ ты его заведешь?—отозвался плотникъ.

— Порядокъ придумали вотъ, Пафнутій Васильевичъ, богъ дастъ, и какъ завесть его придумаемъ.

— А ты знаешь, дѣдъ Гермогенъ, какъ завесть его?—съ живостью спросилъ молодой, парень.

— Разскажу и объ этомъ когда-нибудь, ко времени, а теперь, чай, и спать пора, братцы; завтра намъ на покосъ выходить.

К истории отношений чернопередельцев и народовольцев.

1.

Отрывок письма П. Б. Аксельрода к Л. Г. Дейчу.

5 февраля 1882 г. в Москве, в квартире Булановых [1]), был задержан, под именем Михаила Викентьевича Огрызко, член Исполнительного Комитета «Народной Воли», а прежде один из вождей «Черного Передела», Яков Васильевич Стефанович. Во время своей, приблизительно, пятимесячной работы в России Стефанович находился в постоянной переписке с эмигрантами, главным образом, конечно, с самым близким, самым интимным своим другом — Львом Григорьевичем Дейчем, и когда Стефановича арестовали, то при нем, между прочим, нашли корреспонденцию, полученную им незадолго до того от Дейча. Здесь были: пространнейшее письмо самого Дейча к нему, писанное 2 и 3 февраля (нов. стиля) 1882 г.; письмо к Дейчу Сергея Михайловича Кравчинского и отрывок письма к Дейчу же Павла Борисовича Аксельрода, пересланные Дейчем в Россию Стефановичу, и т. д.

Из числа этих документов мы здесь воспроизводим отрывок письма Аксельрода [2]). Пересылая его в Россию Стефановичу, Дейч сопроводил текст Аксельрода своими замечаниями, вставив их между строк письма Аксельрода. И Аксельродовский отрывок, и замечания Дейча посвящены целиком вопросу о речи Аксельрода на международном конгрессе в Хуре, в связи с тем отношением, какое эта речь встретила со стороны народовольцев в России [3]).

---

[1]) Анатолия Петровича и Ольги Константиновны.

[2]) Письмо Кравчинского к Дейчу, отобранное у Стефановича, напечатано в виде приложения к брошюре Дейча о Кравчинском, изданной в Петрограде в 1919 г. Госуд. Издательством (см. стр. 59 — 61 этой брошюры), при чем оно там неверно датировано (март, вместо января) и не вполне исправно воспроизведено. Помещенное вслед за тем «приложение к письму» (см. стр. 61 — 62) является не припиской Кравчинского к письму, как может подумать читатель брошюры, а запиской Дейча, обращенной им к Стефановичу (записка также неисправно воспроизведена).

[3]) Речь Аксельрода напечатана им самим в «Вольном Слове», № 13, от 1 ноября (19 октября) 1881 г., и сжато пересказана им же в корреспонденции о конгрессе, помещенной в «Народной Воле», № 7, от 23 декабря 1881 г.; затем, она в отрывке была дана заграничным «Былым», а в настоящем сборнике помещается полностью по тексту «Вольного Слова».—Статья Л. А. Тихомирова, содержавшая критику речи Аксельрода, помещена в том же № 7 «Народной Воли», перепечатана в изданной В. Я. Богучарским книге «Литература Партии Народной Воли». — Об инциденте с речью в свое время упоминал Я. Стефанович в «Дневнике карийца» (СПБ., 1906, стр. 60), а недавно писали П. Б. Аксельрод, в его «Пережитом и передуманном» (кн. первая, Берлин, 1923 г., стр. 398 — 402), и Л. Г. Дейч, в статье «О сближении и разрыве с народовольцами» («Пролетарская Революция», № 8—20, 1923 г., стр. 8 — 10).

Отрывок письма Аксельрода и замечания Дейча печатаются по дошедшим до нас копиям.

Места, которые были зашифрованы, приводятся так, как их расшифровали в департаменте полиции, при чем они выделены у нас курсивом; места, подчеркнутые у авторов, отмечены разрядкой; примечания принадлежат нам (замечания эти относятся и к другим идущим здесь документам).

Теперь относительно «Хурской речи». Так как ты мне не посылаешь соответствующего места из письма *Лейб* [1]), то я так-таки абсолютно и не соображаю, чем «Хурская речь» «ужасно нам напутала». Я, конечно, не знаю, насколько она в России могла напутать; но здесь, т.-е. на иностранцев, я убежден в противном — это легко проверить косвенными расспросами у поляков и у немцев. Хотя я и не заявлял себя делегатом на конгрессе и раз 5 в течение речи повторил, что я из России уже больше года с 1/4, тем не менее почел бы своей обязанностью разъяснить товарищам свое поведение на конгрессе, если бы я имел хоть какое-нибудь представление, в чем именно меня упрекают. Собственно брату [2]) я прошу передать от меня следующее, и, конечно, если ту же вину приписывает мне *Лейб* — —, то пусть передаст это от меня и ему. Предполагаю при этом, что брат безусловно верит в мою искренность, когда я говорю к товарищу и в особенности к нему. Прежде всего я должен категорически заявить, что я насквозь проникнут был на конгрессе «субъективизмом» именно к «Народной Воле», и до такой степени, что вызвал недоверчивые вопросы и возражения в частном разговоре со стороны некоторых делегатов. И этот субъективизм мой проявился бы в речи еще в более резкой форме, если бы в то время там [3]) определенно установились отношения некоторой части «Черного Передела» к «Народной Воле», как это теперь имеет место. При тогдашнем же положении дел, беспрерывно при этом напоминая собранию, что я давно из России, больше я сказать не мог. Мало того, принимая во внимание уверенность многих, особенно социал-демократов, в либерально-буржуазных тенденциях «Народной Воли», более резкие утверждения с моей стороны ослабили бы, быть может, впечатление моей речи. Что касается до «ужасного, необъяснимого субъективизма» относительно «Черного Передела», то во 1, при субъективности брата и забвении всего прошлого ему показались мои слова столь субъективными; во 2, под «Черным Переделом» на конгрессе подразумевали: Стефановича, Веру [4]), Дейча и Плеханова, как основателей этой фракции. Этого-то я, собственно, ни на минуту не забывал и, считая всех этих товарищей моих ничуть не ниже членов «Народной Воли», я имел в то время право и даже некоторую обязанность намекнуть, почему эта фракция ничем серьезным не проявила своего существования, особенно говоря о прошлом. Пока фракция «Черного Передела», связанная неразрывно с именами упомянутых лиц, не присоединилась открыто, в лице своих основателей, к «Народной Воле», я не мог о ней не говорить, и, конечно, хотя рядом с богами, в роде Веры Засулич или Сте-

---

1) «Лейб» — Тихомиров.

2) Брат — Стефанович.

3) Т.-е. в России.

4) В. И. Засулич.

фановича, попадались впоследствии и божки в роде Эфрона[1]) (последние, однако, как видно из слов приезжей сестры, потом провалились), я, однако, не мог марать грязью и презрительно говорить о фракции, т.-е. о старых богах и о той молодежи, которую теперь все-таки стараются всеми силами привлечь к «Народной Воле» и несчастие которой состояло именно в том, что старики по особым причинам не могли основать из себя центра, аналогичного «Народной Воле».

Тяжело мне, признаться, со стороны брата быть заподозриваемым в сознательных преувеличениях из-за исключительно личных мотивов. Между тем как вся моя вина состояла в том, что я серьезнее отнесся к факту разделения, совершенному помимо моего участия [2]), нежели оно было в действительности, и затем считал себя или, точнее, чувствовал всеми своими нервами до такой степени нравственно ответственным за этот факт, что взялся поддержать здание, построенное на песке, несмотря на все мои личные симпатии к Соне [3]), Льву [4]), Михайле [5]) и т. д. и на постоянную внутреннюю борьбу между личными влечениями и принципиальным долгом [6]).

[1]) Яков Константинович Ефрон, вольнослушатель Московского Технического Училища, участник московского чернопередельческого кружка. В январе 1881 г. Ефрон эмигрировал и поселился сначала в Швейцарии (Женева, Кларан, снова Женева), а потом, переехав во Францию, обосновался в Марсели. В начале 1886 г. вновь приехал в Женеву и оттуда возбудил ходатайство о дозволении ему вернуться в Россию. Разрешение это ему было дано с тем, чтобы он 3 года находился под гласным надзором в избранном месте жительства, вне местностей, объявленных на положении усиленной охраны. Летом 1886 г. Ефрон, приехав в Россию, поселился в Орле, а спустя несколько месяцев он получил разрешение на переезд в Москву. В 1888 г. он был освобожден от гласного надзора с учреждением надзора негласного; в 1895 г. он освобожден и от негласного надзора (в то время он жил в Москве в собств. доме и служил инспектором в страховом обществе).

По приезде в Россию Ефрон был вызван в департамент полиции и написал там довольно обстоятельное объяснение о своей жизни заграницей, особенно подробно остановившись на швейцарском периоде, когда он жил, по его словам, полной эмигрантской жизнью. Из этого объяснения, между прочим, видно, что, по приезде в Женеву, Ефрон, в качестве народника, сошелся со Стефановичем, Дейчем и Верой Засулич: «Первое время (мца 4) знакомство было довольно тесное. Они, особенно Стеф. и Дейч, бывали у меня почти каждый день, мы обедали одновременно и вместе в Café Gressot» . . . Потом они, однако, разошлись: «Затем у меня с Стеф. и Дейчем вышли сначала разногласия, позже столкновения, кончившиеся полным разрывом». Живя заграницей, Ефрон близко сошелся с Елиз. Петр. Дурново, на которой он, по переезде их обоих во Францию, женился. В столкновениях Ефрона со Стефановичем и Дейчем Елизавета Дурново принимала, по его словам, его сторону (Дело деп. пол., 3 делопр., 1883 г., № 1501).

[2]) В момент разделения «Земли и Воли» и основания «Черного Передела» П. Б. Аксельрод, как известно, находился в Одессе.

[3]) С. Л. Перовская.

[4]) Л. А. Тихомиров.

[5]) М. Ф. Фроленко.

[6]) Ср. с тем, что П. Б. Аксельрод об этом же пишет в своих воспоминаниях: «Психологически меня тянуло к народовольцам» («Пережитое и передуманное», кн. перв., стр. 360). «. . . Внутренно мне было довольно тяжело отклонить предложение Тихомирова и Дворника (Тихомиров и Ал. Михайлов предлагали Аксельроду войти в редакцию «Нар. Воли». *Л.*). Привлекала меня к народовольцам не только их сильная организация и героическая деятельность, но и личные симпатии к некоторым из них, в особенности, к Перовской» (там же, стр. 366).

Об одном я прошу брата: пусть он в этом случае поступает, как я по отношению к товарищам близким, а именно хорошенько войти в мое положение на конгрессе, как члена фракции «Черного Передела», т.-е. товарища Веры, Стефановича и т. д., пусть вспомнит тогдашние, еще крайне неопределенные отношения и обратит внимание на мои многократные повторения (в печати эти повторения, впрочем, сокращены), что слова мои относятся к прошедшему (за эту мою скромность я, между прочим, удостоился комплиментов на конгрессе) и т. д., и т. д.

И еще не мешает ему знать, что моя речь почти импровизация, так как только на конгрессе я увидел, что мне нельзя не говорить (посылаю тебе нарочно листок, вырванный из моей записной книжки, на котором я тогда наскоро набросил план речи, и как видишь из плана, целая половина или $^1/_3$ речи уже вполне импровизирована). А из этого следует, что если бы я из России получил серьезные полномочия и писанный рапорт о положении дел, то я, конечно, говорил бы, как делегат, и, разумеется, вполне попал бы в точку. Но и теперь дело это поправимое. Пусть мне лично пришлют в виде письма дополнительные сведения и отчасти как бы поправки к моей речи, и я это письмо, как P. S., приложу к моей речи, которая будет напечатана вместе с отчетами других делегатов в особой брошюре на немецком, французском и английском языках. В заключение позволю себе заметить, что именно благодаря мне и программные резолюции и сочувственные резолюции были приняты конгрессом [1]), и от посторонних лиц вы можете узнать, что я нашу партию не скомпрометировал.

Печатается по копии, в архиве департ. полиции,—в папке бумаг о Я. В. Стефановиче [2]).

2.

Замечания Л. Г. Дейча к письму П. Б. Аксельрода [3]).

Это письмо Павла ко мне, в ответ на твои (и *Лей* . . .) упреки за речь в Хуре. Я вполне с ним согласен и вижу наглядно, что он принес здесь пользу кащеям [4]), а они же его ругают. Какая горькая несправедливость, Митя [5]), и с твоей стороны к нему. Я, конечно, смягчил тон твоего письма по поводу его речи, но все же, видишь, как он огорчен. Это письмо писано еще до получения № 7 «Народной Воли», в котором так грубо и несправедливо нападает на него О [6]). Чем он умалил значение

---

[1]) Множественное число в обоих случаях, весьма вероятно, поставлено не автором письма, а департаментским переписчиком. — Говоря о своем участии в выработке программной резолюции, Аксельрод здесь имеет в виду ту ее часть, которая трактует о способах борьбы и допускает применение, сообразно обстоятельствам, всех средств борьбы, «каковы голосовые бланки, стачки, реформы, революции и даже, в случае необходимости самозащиты (Nothwehr), заговоры, как, например, в России» (цитир. по «Вольному Слову», № 12). — «Сочувственная» резолюция уже воспроизводилась в печати в России (см. текст № 7 «Нар. Воли» в книге «Литература Партии Народной Воли»).

[2]) Другая копия, снятая с первой, имеется в дознании о Кр. Кресте Нар. Воли (т. 25), наход. при делах ос. прис. сената.

[3]) См. предисловие к № 1.

[4]) «Кащеи» — народовольцы.

[5]) Стефанович носил кличку «Дмитра».

[6]) Вероятно, не буква «О», как приняли в департаменте полиции, а цифра нуль, обозначающая в других местах в слове «Лейб» букву «Л».

кащеев? Решительно понять мы здесь не можем. Наоборот, если бы Павел захотел отомстить им, то стоило бы ему только перевести статью *Лейб.* без всяких от себя прибавлений и тогда вот увидели бы, как вы то сами себя умаливаете. Боже, до чего можно дойти, видя некоторый успех, удачу! Вы думаете, что постоянными самовозвеличениями добьетесь симпатии Европы? Заявлениями, что никогда не ошибались? Никогда не меняли программ, в противность очевидности, действительности?! Ведь, иностранцы — не русские, они, ведь, читают газеты — брошюры и на слово не верят. Вы то сами себе вредите, и это-то и больно. Несмотря на всю симпатию к вам многих за ваши поступки, факты, вам угрожает опасность сделаться посмешищем Европы из-за ваших писаний. Посмотрите, что стало с Гартманом. Ведь его теперь к себе в дом не пустит ни один порядочный человек (Чайковский не иначе называет его, как революционный Хлестаков), а он ли не расхваливал Народовольцев? Как тяжело видеть, что люди сами себе вредят, сами копают себе могилу! О, если бы вы могли лучше писать или, по крайней мере, не извращать фактов, не говорить о вещах, совершенно незнакомых вам! Чтобы подробно ответить по поводу передовой статьи № 7, нужно бы написать целую статью. Я ограничусь только указанием двух мест: 1. Откуда «Русский Гость» взял, что мы прежде отрицали деятельность в народе. Он, вероятно, введен в заблуждение тем, что на Западе—раз занимаются политикой, так не занимаются с рабочими, а так как мы занимаемся политикой, следовательно, не занимаемся рабочими (не ручаюсь, точно ли я привел эту выдержку, так как у меня нет под рукой № 7) [1]). Какое незнание Европы! Здесь-то именно всякая политическая партия старается привлечь на свою сторону рабочих. Как же бы западно-европейская буржуазия могла бы завоевать себе политическую свободу, если бы она, сперва искренно (во время большой Французской революции), а потом ложью и подлостью не вовлекла рабочих в политические революции. А затем, разве в № 1 «Народной Воли» не говорилось, что действовать в народе— это то же, что биться как рыба об лед, — вот откуда Павел взял, что они прежде находили бесполезным этого рода деятельность. 2-ой пункт: в № 7 говорится: «Основной пункт наших воззрений — это как можно более производительно употреблять свои силы» [2]). Это так же может считаться основным пунктом, как если бы кто сказал, что его основной

---

[1]) Вот это место статьи: «Русский Гость» говорит, что мы сначала игнорировали народные массы, а потом убедились в невозможности даже временно делать это. Когда же это мы игнорировали народные массы? Нам кажется, что мнение «Русского Гостя» происходит просто от привычки прикидывать к России европейскую мерку. В Европе люди, действующие среди народных масс, мало занимаются политикой. Народовольцы занимаются политикой очень много. Отсюда вывод: значит народовольцы игнорируют народные массы».

[2]) Л. Г. Дейч имеет в виду мысль автора статьи, выраженную последним в такой форме: «Наиболее экономная и целесообразная трата силы с целью произведения переворота... — вот наш принцип...» Та же мысль выражена и в другом месте статьи: «... Надеемся, что он («Русский Гость», *Л.*) никогда впредь до достижения цели не увидит уклонения нашей партии от нашего основного принципа: делать лишь то, что наискорее и наилучше ведет к перевороту, низвергающему правительство и передающему государственную власть в руки народа или, на худой конец, его революционных представителей».

пункт: есть, спать и проч., потому что это уже закон природы, закон борьбы за существование, чтобы как можно более производительно каждое животное употребляло свои силы, иначе оно будет уничтожено другими, более сильными. Я не говорю уже о таких образчиках невежества, как: «Странно к нам применять клички: социалисты, демократы и пр.» [1]). Что же вы? «Мы всегда уважали народ» — Боже, Боже! Если бы все это перевести на иностранные языки, как бы разводили руками европейцы! Как бы возмутились Реклю и . . . [2]) и т. п. искренние и честные люди, мнением которых мы дорожим.

Печатается по копии, в архиве департ. полиции, — в папке бумаг о Я. В. Стефановиче [3]).

3.

Письмо В. И. Засулич Центральному Управлению Красного Креста Народной Воли от марта 1882 года.

Печатаемые два письма Веры Ивановны Засулич в Центральное Управление Красного Креста Народной Воли (как известно, Центр. Управлением было поручено Вере Ивановне, совместно с Петром Лавровичем Лавровым, организовать Заграничный Отдел Кр. Креста Н. Воли: см., м. пр., материалы, опубликованные Л. Г. Дейчем в № 4—16 «Прол. Револ.», 1923 г.) написаны: первое — в марте, второе — в апреле 1882 г. Отобраны они 7 июня того же года у арестованной в Москве Любови Дмитр. Макаренко и дошли до нас только в копиях.

Цент[ральное] Управление Кр[асного] Кр[еста] Н[ародной] В[оли].

Дорогие товарищи, я получила Ваше письмо чрез нарочного и те рукописи, о которых в нем упоминается, и сегодня получила письмо на адрес итальянки (на этот адрес писать более нельзя, также как и на Beldinsky).

В начале своего письма чрез нарочного Вы выражаете надежду, [что] агитация Кр[асного] Кр[еста] будет иметь здесь блистательный конец [4]). Очень желала бы я разделять эту надежду, но, к сожалению, не могу. Наше обращение к широкой Европейской публике чрез газеты окончилось в сущности неудачей. Подписка чрез газеты не идет вовсе, да и шуму газетного б[ыло] сравнительно немного. Европа, кроме крайних (социал[истических] и близких к ним) партий, ведь, в сущности не столько сочувствует нам, сколько любопытствует. Уже год, к[а]к ее любопытство не

---

[1]) Л. Дейч имеет в виду следующее место статьи: «. . . Едва ли основательно прилагать к Народной Воле слишком буквально европейские клички «политических радикалов», «социалистов» и т. п. В задачах народовольства есть элементы и политического радикализма и социализма, но они совершенно неразрывно слиты в одну цель и в одно дело... Никакие экономические реформы, никакая организация труда не может помочь русскому народу, если не будет изменена существующая государственная система; точно так же как наоборот—политическое самодержавие народа не может быть достигнуто без экономического его освобождения. Русский социальный переворот заключает в себе... оба элемента — политический и экономический».

[2]) Вторая фамилия искажена переписчиком.

[3]) Другая копия, снятая с первой, имеется в дознании о Кр. Кресте Нар. Воли (т. 25), находящемся при делах ос. прис. сената.

[4]) По смыслу фразы должно бы быть не «конец», а «успех».

б[ыло] подстрекаемо никакими громкими событиями, и она начала уже забывать о нас, а Кр[асный] Кр[ест] не мог расшевелить ее, ибо не сообщал в газеты никаких сведений. С меня со всех сторон требовали корреспонденций, справедливо уверяя, ч[то] без этого подписка немыслима, но до сих пор мне приходилось отделываться одними обещаниями, т[ак] к[ак] до присылки чрез нарочного я получила только статью Щедрина, да и той не могла воспользоваться, т[ак] к[ак] уже раньше она б[ыла] здесь напечатана Общ[им] [Делом] [1]). Из присланного теперь материала мы постараемся извлечь к[а]к можно больше пользы. Биографии, кроме русского языка, будут также напечатаны по-французски и, м[ожет] б[ыть], по-немецки и по-английски. Жаль только, что у биогр[афии] Перовск[ой] не достает в средине 2-х листов [2]) и биогр[афия] Соловьева не окончена. Постарайтесь прислать конец (она обрывается на отказе от места кузнеца в Павловске), она написана прелестно, гораздо лучше всех остальных, и ужасно досадно, если нельзя будет издать ее [3]). Биограф[ии] Пер[овской] и Солов[ьева] мы думаем издать с их портретами, и очень жаль, что нет также портретов Желябова и Киб[альчича], если достанете их, непременно пришлите [4]). Для продолжения существования Кр[асного] Кр[еста] необходимы частные [5]) сообщения из России, иначе не стоит ему и считаться существующим. Мы до сих пор еще не получили 8-го № Н[ародной] В[оли], и большие консервативные газеты постоянно гораздо раньше нас узнают о содержании выходящих у Вас произведений от своих корреспондентов. Как вы видите из посылаемого списка пожертвований, гораздо более половины собрано с русских, они все наперечет, и их уже другой раз не оберешь. Подписка между иностранцами ведется почти всюду по личным частным просьбам, и всюду, кроме Италии, исключительно социалистами. Только в Италии за это дело взялись некоторые из Мадзиньянцев и главных . . . [6]). Круг таких лиц,

---

[1]) Речь идет о «Письмах к тетеньке» М. Е. Салтыкова (Щедрина), появившихся в «Общем Деле», № 46, за ноябрь — декабрь 1881 г. Название этого журнала в копии написано неправильно: вместо Общ. Дела — Общ. Др.

[2]) Биография Перовской появилась в печати без этих листов, при чем образовавшийся, вследствие того, пробел был восполнен на основании воспоминаний другого лица. См.: София Львовна Перовская. Лондон [вымышлено, вместо: Женева]. Заграничная Типография «Народной Воли». 1882, 24 страницы.

[3]) Биография Соловьева появилась в печати именно в таком, неоконченном виде, но не в отдельном издании, как биографии Перовской, А. И. Желябова и Н. И. Кибальчича, а в сборнике «На Родине». См.: Воспоминания об А. К. Соловьеве (Посвящается всем казненным),—«На Родине», № 2, Лондон [вымышлено, вм.: Женева]. Заграничная Типография «Народной Воли», 1882, стр. 3 — 29. Издатели сборника сопроводили «Воспоминания» следующим пояснением: «К крайнему нашему сожалению, мы на полуслове должны закончить печатание этих чрезвычайно интересных «Воспоминаний»: продолжение их, очевидно, затерялось при пересылке из России, и нет почти надежды, чтобы оно вторично было написано, так как автор «Воспоминаний» арестован» (как с полной несомненностью вытекает из содержания «Воспоминаний», автором этим был Юрий Николаевич Богданович).

Позднее воспоминания Ю. Н. Богдановича вышли отдельным литографированным изданием в России под тем же заглавием «Воспоминания об А. К. Соловьеве» и также без подписи автора. На издании этом — печать книжной агентуры «Народной Воли».

[4]) Все биографии вышли без портретов.

[5]) Так в копии; скорее, следует: частые.

[6]) Слово не разобрано переписчиком.

на к[ото]рых можно было рассчитывать, как на сборщиков, тоже почти исчерпан. Начатая подписка будет вестись еще несколько месяцев, но расширить, оживить ее я почти не вижу возможности. Особенно неудачно вышло наше дело в Англии. Там нет ни социалистической, ни какой другой партии, которая бы постоянно нам сочувствовала, зато по временам там является сильное стремление насолить русскому правительству из за разных восточных вопросов, и в такой момент там можно и денег больше собрать и больше нашуметь, чем где бы то ни было. Начались там митинги в пользу евреев [1]). До этих евреев дела Англии, конечно, немного (и вспомнили то их когда!), но желание навредить правительству было очевидно, и нам показалось очень удобным именно в этот момент подсунуть им Кр[асный] Кр[ест]. Мы напечатали по анг[лийски] подписные листы и воззвания (обозначив делегатом для Англии Чайковского, так как вашего ответа не приходило, а мы спешили) и разослали их в газеты. Член парламента Коуен согласился стать во главе Комитета для сбора пожертвований, что в Англии много значит, так что дело обещало пойти хорошо, но в тот именно день, когда газеты напечатали наше воззвание, случился выстрел в королеву и, к[а]к пишет мне Чайк[овский] «наповал убил Кр[асный Кр[ест] в Англии». Теперь там на несколько месяцев пойдет озлобление на цареубийц и все имеющее с ними какую либо связь. Теперь вся деятельность здешнего Кр[асного] Кр[еста], по моему мнению, должна почти исключительно свестись на печатание и распродажу брошюр. Много ли будет их и насколько интересны и поучительны будут они для иностранцев, главным образом зависит от вас. Брошюры эти, по моему мнению, должны быть исключительно повествовательного характера. Знакомить иностранцев чрез Кр[асный] Кр[ест] с народовольством к[а]к «доктриной» б[ыло] бы, я убеждена, даже вредно. Буржуазные газеты, положим, часто перепечатывают передовые статьи Н[ародной] В[оли], сопровождая их примечаниями, в роде сделанного Jour[nal] de Genève по поводу 6 №, ч[т]о очевидно Н[ародная] В[оля] кого-то обмануть хочет. Социалисты не верят этим переводам больших газет и желают считать их клеветами. Кр[асному] Кр[е]сту они, конечно, поверили бы, но положительно огорчились бы и сбились с толку. Им очень хочется считать русских героев своими братьями, такими же социалистами к[а]к и они, лишь временно вынужденными сосредоточить все силы на свержении деспотизма, чтобы иметь потом возможность продолжать свою социалистическую работу. Только такую постановку, по моему, и следовало бы подтвердить и развивать им. Но после происшествия с Павлом (хурская речь) трудно решиться говорить от К[расного] Кр[еста] об народовольцах «своими словами», а слова Н[ародной] В[оли] так чужды и непонятны здешней публике, ч[то] внушили бы ей совершенно ложное представление о Народной Воле как партии. Совсем другое дело всякие повествования о русских героях и их делах. Они познакомят Европейцев с личностями, которые так пленяют их, едва мелькая в телеграммах газет о взрывах, казнях, судах. Они будут питать и поддерживать ту атмосферу сочувственного удивления, которая создается здесь после каждого громкого дела, а затем охладевает и исчезает понемногу. Если Вы, действительно,

---

[1]) По поводу погромов в России.

признаете полезность этого сочувствия, так постарайтесь же не оставлять его без пищи, наше же дело будет переводить и распространять доставленные Вами материалы. Типография уже передана нам и устроена, и в ней уже началась работа. Рабочим при ней назначена постоянная плата из денег Кр[асного] Кр[еста] как предлагали через Яросл[авль?], так что издержки будут почти одинаковы, много или мало будет работы. Подробности о типограф[ии] пишет Виктор [1]). Лавров просил меня написать Вам, ч[то] продолжать действовать для Кр[асного] Кр[еста], переселившись в Англию, по незнанию языка и неимению знакомств, он не может; если это будет найдено нужным, продолжит [2]) подписываться в качестве упол[номоченного] агент[а]. Мне кажется, ч[то] назначать кого нибудь на его место нет надобности. Во-первых, новому агенту, к[а]к таковому, делать будет нечего; публично через газеты нам нет резона повторять свои воззвания к пожертвованиям, а если бы и пришлось, то на них удобнее повторить подпись Лаврова, сделавшегося известностью после своего изгнания, а для того, чтобы действовать частно, лично, нет надобности быть упол[номоченным] агентом. В конце месяца в Париж поедет Лефрансе (старый коммунар), большой друг русских. Он обещает мне деятельно повести подписку между французами; до сих пор между ними почти вовсе не делали сборов. Приглашать Гюго в члены Кр[асного] Кр[еста] не следует. Он стоит так враждебно к весьма крайним партиям во Франции, ч[то] его имя, к[а]к члена Кр[асного] Кр[еста], если [3]) бы даже он и согласился сделаться им, популярности нашей не увеличивало бы, а вызвало бы только удивление. Он окружен консерваторами. Гюго пишет против казни 10 приговоренных, писал и против выдачи Гартмана, но начинает в таком роде: «В России зло борется со злом. Два чудовища (monstre) борятся между собою» и т. д. Вот к Гарибальди я писала, да он промолчал в ответ. Посылаемый Вам отчет я прошу Вас непременно отпечатать в ближайшем № Н[ародной] В[оли], хотя бы только цыфры и имена или буквы жертвователей. №, в котором будет отчет, непременно постарайтесь прислать сюда в возможно большем количестве экземпляров. Мне нужно будет разослать их для прочтения во многие места. Это будет для меня т[ак] с[казать] ваша росписка в получении сборов, которую я и представлю сборщикам (а листов у меня розданы целые сотни). Наши отчеты в иностранных газетах не могут заменить отчета в Н[ародной] В[оле]. Не забудьте же непременно прислать, иначе я попаду в очень неловкое положение. В добавление к отчету подтвердите от себя, ч[то] собранные деньги действительно пойдут на помощь заключенным и ссыльным и, если это удобно, то прибавьте еще «на помощь семействам заключенных социалистов рабочих». Переговоры с *Россел* [4]) уже велись по поручению, переданному

---

[1]) Л. Г. Дейч.

[2]) В копии сказано: продолжать.

[3]) В копии сказано: а если.

[4]) Николай Константинович Судзиловский, он же доктор Руссель или Россель. Известный участник революционного движения начала семидесятых годов, бежавший во время погрома 1874 года заграницу, где он навсегда и остался (о деятельности Судзиловского заграницей см., м. пр., статьи Е. Е. Лазарева, «Былое» 1907, № 6, и М. Кудржинского, там же, и воспоминания П. Б. Аксельрода, стр. 270 и сл.). — Имеются в виду переговоры с Судзиловским относительно его возвращения в Россию.

через Яросл[авль?], но он отказывается, пока не будет в состоянии оставить своей семье, по крайней мере, 5.000 франков. Такой суммы в Кр[асном] Кр[есте] нет и едва ли скоро будет. Он надеется заработать сам 5.000 франков в течение года и тогда, говорит, что *поедет*, но это, конечно, еще сомнительно. Месяца через $1^1/_2$ здесь *окончит* другой *доктор*, который, очень вероятно, ч[то] согласится на ваше предложение [1]). Т[а]к к[а]к из содержания полученного на адрес итальянки письма я вижу, ч[то] телеграмма б[ыла] нужна по поводу присылки адреса *Росселю* и он не согласен, то я и не послала телеграммы. Тем не менее я думаю, ч[то] нам следовало бы всегда иметь здесь *адрес для явок*, и вы хорошо сделаете, если его пришлете. Никаких других писем, кроме к[а]к через нарочного и на адрес итальянки, я не получала. Вот адрес для писем: 1) Fr. Petter bei Fr. Severin, Botanischer Garten, Bern, Schweiz [2]), 2) H-rrn Paul bei H-rrn Kaufmann II St. Obere Klus, Neumünster Zürich. Это два адреса для писем, следующие для всякой литературы: 3) H-rrn Albert Mohr, Myrtenstrasse 4, Hottingen Zürich; 4) Hans Arnold, Kaufmann bei Wolffers u. Ullmann, Konstanz in Baden, Германия (внутри д[олжно] б[ыть] Biederm[ann]), 5) H-rn Iohann Köblein, Gasmonteur, Konstanz am Bodensee, Германия (внутри Biedermann). Последние три адреса я просила бы Вас раздать возможно большему числу лиц (если они и попадутся, то повредить не могут), хотя бы посторонних, но у которых найдется охота писать сюда о всяких типичных бедствиях и злоупотреблениях по отношению крестьян и рабочих, о всяких русских неурядицах и безобразиях. Если бы [мы?] могли наводнять иностранную прессу всякими сведениями о России, то, быть может, еще и можно бы поднять Кр[асный] Кр[ест] и придать ему должное значение, а иначе нечего от него ждать. Не забудьте об окончании к биографии Соловьева и о присылке Н[ародной] В[оли]... Писать буду по большей части в книгах, т[ак] к[ак] иначе можно писать только краткие письма. Если затянете известия о последнем суде, то они не пойдут [3]). Новости тут требуются свежие. Пишите же, жму ваши руки.

Вера Засулич.

Печатается по копии, в деле департ. полиции, 3 делопр., 1883 г., № 1364 [4]).

4.

Письмо В. И. Засулич Центральному Управлению Красного Креста Народной Воли от апреля 1882 года [5]).

Ц[ентральное] У[правление] Красного Креста.

Дорогие товарищи, посылаю вам экземпляр отчета, напечатанного здесь для заграничной публики. Если отчет за 2 месяца — январь и февраль, который я послала вам, еще не напечатан, то лучше замените его этим,

[1]) М. б., Александр Абрамович Хотинский?

[2]) Это, кажется, адрес Елиз. Абрам. Хотинской (Мощенко).

[3]) В. И. Засулич имеет в виду сведения о процессе 20-ти. В № 2 сборника «На Родине» были перепечатаны данные об этом деле из прибавления к № 8 — 9 «Народной Воли» (прибавление помечено 9-м марта 1882 г.; № 2 сб. «На Родине» вышел не раньше августа того же года).

[4]) Другая копия, снятая с первой, наход. в еженедельных всеподданнейших записках дир. деп. полиции, 1882 г., т. I.

[5]) См. предисл. к № 3.

так как этот и подробнее (что жертвователям всегда приятно) и за 3 месяца — январь, февраль и март. В посылаемом мною теперь отчете помещено только 3.236 ф[ранков] 37 с[антимов], но, кроме этих денег, имеется еще франков 400, не вошедших в отчет, потому что об них не доставлено еще списка жертвователей. Как видите, за последний месяц прибавилось всего 1.000 франков. О выдачах и расходах я писала в прошлый раз, но повторяю, с прибавлением расходов за последнее время. На типографию выдано 1.300 фр[анков], на дела агитации Кр[асного] Кр[еста] потрачено 436 фр[анков], 100 ф[ранков] послано *Зун* [1]) и 100 *Клеменсу* по адресу, полученному специально для посылки ему денег *Епштейн* [2]). За вычетом всего этого в кассе загр[аничного] Отд[ела] остается, следовательно, 1.700 ф[ранков]. Но вы непременно должны напечатать всю сумму сполна, т.-е. 3.636 ф[ранков] или, пожалуй, 3.200 ф[ранков], но прибавите, что остальные деньги истрачены на агитацию. Это необходимо, а то про нас начнут распускать вредные для дела клеветы: ведь, у нас врагов видимо—невидимо: реакционные журналы и еще «Вол[ьное] Сл[ово]» вдобавок. Сборы, как видите, идут очень плохо, но могу на этот раз сообщить вам и хорошее известие. Начиная агитацию в Англии, мы возлагали надежды на радикальную буржуазию, но она осталась вполне индифферентна и даже не без враждебности, но зато английские рабочие начинают все более и более интересоваться нами и даже сочувствовать. Приведу выписки из последнего письма Крапоткина: «У [3]) рабочих мы встречаем полную симпатию. Клубы решили поддерживать нас. Чтение Чайков[ского] в воскресенье и мое вчера имели успех». Рабочие выходят на трибуну и доказывают справедливость убиения царя. Это в Лондоне-то!! Зеленая молодежь просто глазами ест, когда говорим, — особенно о рабочем движении, о страданиях народа, об эпопее 1874 года. Коуен (член парламента), к которому ходила депутация клубов просить его председательствовать на большом митинге по поводу Кр[асного] Кр[еста], согласился; словом, идет. Денег пока мало. Но будут» [4]).

---

[1]) Арон Исаакович Зунделевич.

[2]) Анна Михайловна Эпштейн (ум. в 1895 г.), врач, известная деятельница 70-х годов, была близка к Дм. Александр. Клеменцу и Серг. Мих. Кравчинскому.

[3]) В копии ошибочно сказано: за.

[4]) Кавычки расставлены здесь не вполне исправно. Но мы не располагаем достаточными данными для того, чтобы расставить их так, как они стояли в подлинном письме В. И. Засулич.

Аналогичную цитату из письма П. А. Крапоткина приводит Л. Г. Дейч в письме к Я. В. Стефановичу, от 4 мая (нов. ст.) 1882 г. (Стефанович находился в то время под стражей, но начальство дозволило ему переписываться с Дейчем.) Вот эта цитата: «У рабочих мы встречаем полную симпатию. Клубы их решили поддерживать нас. Чтения рефератов мною и Чайков[ским] имели огромный успех. Рабочие выходят на трибуну и с большим сочувствием говорят в пользу рус[ских] революционеров. Зеленая молодежь просто ест глазами, когда говорим, особенно о страданиях рус[ского] народа, об эпопее 1874 г. и пр. Коуен (член парламента), к к[о]т[о]рому ходила депутация клубов просить его председательствовать на большом митинге по поводу Крас[ного] Кр[еста], согласился. Словом, дело заварилось. Денег хотя пока немного, но будут» (приводится по подлиннику письма Дейча, находящемуся в архиве департамента полиции, в папке бумаг о Стефановиче). Хотя смысл всей цитаты и отдельных фраз у Засулич и Дейча тождественен, но выражения не везде совпадают; повидимому, ни в том, ни в другом письме слова Крапоткина не воспроизводятся с полной, абсолютной точностью.

И из газет (демократических, большие еще молчат или ругают) видно, что интерес растет, а если бы иметь возможность поддерживать его, то он мог бы [1]) и очень разростись. Но «Radical», наиболее занимающаяся нами газета, горько жалуется (what a pity), что русские борцы не подражают борцам других стран — Итальянцам, Ирландцам, и совсем не стараются познакомить Европу с собою и рассеять предубеждение против них, сложившееся по невежеству. Я получила карточки Тригони и Суханова; последняя особенно пригодится нам. Сведения, сообщенные при этом в письме (судился тогда-то, казнен тогда-то), мы знали, вероятно, не позже вас, такие краткие известия передаются по телеграфу во все большие газеты. А вот речь Суханова, к нашему стыду, давно появилась в «Вол[ьном] Слове» [2]), а мы ее не имели. Типография наша работает, теперь печатаются: биография Желябова, присланная вами [3]), и сборник «На родине», в нем помещены 2 ст[атьи] из 8 — 9 № Нар[одной] Воли — тюрьма и ссылка и «хроника», биография Гриневицкого и стихи Саблина «Новь» [4]). Биографии Кибальчича и Перовской переведены по-французски. Если эти издания хорошо пойдут, будем продолжать, конечно, если вы будете помогать материалами, на что, впрочем, теряю надежду. А нельзя ждать конца биографии Соловьева? Очень жаль, если так. Лаврову, кажется,

[1]) В тексте (не только в копии, но и в подлиннике, судя по сделанному в департ. полиции примечанию): мог бы мог.

[2]) «Последнее слово» Ник. Евг. Суханова было напечатано в № 34 «Вольного Слова», и отчасти именно по поводу него М. П. Драгоманов поместил, в том же номере «Вольного Слова», свою известную статью — «Обаятельность энергии».

[3]) Биография Желябова (составлена Л. А. Тихомировым) вышла после сборника «На Родине», № 1, и до биографий Перовской и Кибальчича. См.: Андрей Иванович Желябов. Лондон [вымышл., вместо: Женева]. Вольная Русская Типография. 1882, 47 стр.

[4]) В упомянутом нами выше письме своем к Стефановичу, от 4 мая (н. ст.) 1882 г., Дейч говорил о выходе № 1 «На Родине», как о факте уже совершившемся («Недавно вышла небольшая книжка, сборник «На Родине» . . .). № 2 «На Родине» вышел в конце лета или в начале осени того же 1882 г., а № 3 (последний) вышел в начале 1883 г.

Инициатива издания сборника принадлежала, судя по всему, Дейчу (или Дейчу и Засулич). Еще за несколько месяцев перед тем Дейч, в одном из своих писем к Стефановичу, поднял вопрос об издании заграницей «Бюллетеня» на французском языке, который появлялся бы раз в две недели и знакомил европейскую публику с русским движением, давал газетам, открывшим подписку на «Красный Крест», необходимый им материал, наконец, помещал бы подробные отчеты «Красного Креста». Из России получился ответ, что там решили приступить к изданию заграницей журнала, при котором может существовать и «Бюллетень». Организовать журнал поручалось Лаврову и Кравчинскому. Г. В. Плеханов, без сомнения, в числе учредителей в письме Стефановича к Дейчу не фигурировал. Дейч решительно запротестовал. «. . . Лавр[о]ва,—писал он Стефановичу, — по моему и Вериному мнению, не следовало бы избрать учредителем и организатором не только журнала — предприятия столь серьезного и сложного, но даже «Bulletin»'я — вещи сравнительно ничтожной. Уже с «Красным Крестом» вы сделали большую ошибку тем, что не поручили этого дела одной Вере, которая бы могла уже избрать и Лаврова (для французского) и Чайковского (для английского), из чего вышли страшные проволочки, длиннейшая переписка с Лавровым, который, надо тебе заметить, очень туго согласился взяться за дело «Красного Креста» за то, что оно так называется. А тем более с ним вышла бы для всякого возня в деле литературном, так как он мне в каждом письме пишет, что никак не может согласиться с направлением «Народной Воли». И если бы он взялся за ваше предложение насчет журнала, то Сер[ге]й бы или бросил, или журнал вышел бы такой, от которого вы от-

скоро позволят вернуться в Париж. Он надеется быть там недели через 2 [1]). Агитация в Англии принесла пока франков 600 — 700 (это кроме тех 3.636, о которых я говорю в начале письма), но там она требует расходов, и эти деньги, вероятно, все уйдут на агитацию же. Мы получили 5 или 6 №№ 8 — 9 № Нар[одной Воли]. Не забудьте прислать побольше тех нумеров, где будет наш отчет. Крепко желаю вам всего хорошего.

Вера Засулич.

Прилагаемые письма передайте Исп[олнительному] Ком[итету]. Из Вены пишут, что там жена повешенного Витенберга с двумя детьми, голодает; просят ей выдавать из Загр[аничного] Отд[ела] Кр[асного] Кр[еста] ежемесячную помощь. Ответьте, можно ли напр[имер] по 75 fr. (30 рубл.). Не забудьте об этом.

Печатается по копии, в деле департ. полиции, 3 делопр., 1883 г., № 1364 [2]).

5.

Письмо Голдовского (В. И. Иохельсона) к неизвестному деятелю партии «Народной Воли».

Настоящее письмо писано из Швейцарии Владимиром Ильичем Иохельсоном и обращено к кому-то из действовавших в то время в России народовольцев. Мы помещаем его здесь потому, что оно, главным образом, касается вопроса о сближении чернопередельцев с народовольцами и является показательным для того

крещивались бы. Лаврова, по моему, можно пригласить в число руководителей этого журнала, но с предложением об организации его нужно было бы, по моему, обратиться совсем не к нему, ибо он менее, чем кто другой из заграничных, согласен с программой «Народной Воли» и способен пойти на компромиссы. . . Одному же С[ерге]ю предоставить организовать это дело было бы крайне неразумно, почему [потому что] он хотя и очень талантлив, но, во-первых, человек абсолютно беспринципный и, во-вторых, он за эти годы полного игнорирования науки стал крайне невежественен, он может написать корреспонденцию, перевести то—другое, написать об итальянской и др. литературе, но и только. Можно ли ему одному предоставить такое серьезное дело организовать? . . . Не считаю себя в праве указывать вам, кого бы, кроме С[ерге]я, следовало бы пригласить для организации этого дела, так как думаю, во 1-х, что моего мнения вы не послушаетесь, а, во 2-х, мое дело тут сторона». И, затем, Л. Дейч снова возвращался к своей мысли о «Бюллетене» и настаивал на том, что он полезен и осуществим, если он будет соответственно обставлен (Дейч считал необходимым присылку из России человека или двух, способных вести «административную» часть дела, и регулярную доставку материала для издания) и если дело это будет возложено на Засулич, без Лаврова. Все это писалось в том большом письме Дейча к Стефановичу, о котором мы упоминали выше, в предисловии к № 1 настоящих материалов, и которое было захвачено у Стефановича при аресте его. Как известно, осуществление мысли о серьезном революционном журнале заграницей затянулось на очень долгое время и появился он, в конце концов, при изменившихся уже меж-фракционных отношениях; не было приступлено также и к изданию французского «Бюллетеня», и дело тогда ограничилось выпуском небольшого непериодического сборника «На Родине».

[1]) Лавров вернулся в Париж в мае 1882 года.

[2]) Другая копия, снятая с первой, наход. в еженед. всеподд. записках дир. деп. пол., 1882 г., т. I.

отношения, которое переговоры между ними вызывали среди некоторой части народовольцев [1]).

Письмо Иохельсона было послано в Вильно, на адрес некоего Иоффе (человека, как видно, абсолютно непричастного к движению), который должен был передать его дальше [2]). Одновременно с письмом Иохельсона на тот же адрес были присланы из заграницы письма Дейча, Елиз. Петр. Дурново и еще одного неизвестного. Все это было захвачено на почте в первых числах марта 1882 г.

Письмо Иохельсона известно нам только в копии, с которой и печатается.

Кларан 2—3 1882 г.

Дорогой друг! Приложенное письмо (зашифрованное) [3]) было мною написано недели 3 — 4 тому назад, но у меня адреса нет, а Евг[ений] [4]) не согласился взять у меня для доставления, потому что он не знает содержания письма. Теперь же я пользуюсь случаем. Из этого письма ты видишь, как меня обрадовало получение от тебя письма, но ни что-либо писать, ни ответить не мог за неимением адреса. Прежде всего я теперь хочу тебе сообщить некоторые свои соображения по поводу присоединения черно-передельцев к Народной Воле. Высказываю я их лично тебе и как свои личные соображения, с тем, чтобы, в случае их некоторой неосновательности, это не могло иметь влияния на известные отношения. Известие о присоединении поразило всех эмигрантов, зная недавние интриги и ругательства этих же самых лиц не только по отношению к некоторым лицам, но и направлению «Народной Воли». Кроме того, почти все эмигранты в ссоре с Евг. (прежде и с Дмит. [5]) и содействие в деле «Красного Креста» им, как лицам, которым поручен заграничный отдел, оказано было не должным образом. Это, конечно, касается только «Красного Креста». На дело же соединения ни эмигрантские мнения и отношения, ни заграничные дела вообще никакого влияния иметь не могли. Вы могли тут весьма основательно руководствоваться желанием приобрести новых членов в лице, напр., Д[мит]ра, потому что нельзя допустить, чтобы их соединение — соединение людей, не имевших уже почти связей с Россиею — могло повлиять хоть на некоторое изменение программы. Может быть, что тут руководствовались и другими соображениями, — но для меня непонятно, почему пребывающие за границею имеют право говорить: «Мы соединяемся»? Что они могут принести своим пребыванием здесь? Опять таки, виноват, может быть—собираются . . . [6]) но, извини, друг, мне вот что кажется: присоединение их

---

[1]) То обстоятельство, что Иохельсон тогда стоял далеко от революционной работы и был, как показывает его письмо, не особенно хорошо осведомлен относительно действительного положения вещей, не лишает письмо значения источника для уяснения психологии и настроений некоторых народовольцев.

[2]) Именно — Михалевичу, сей последний — Хургину и т. д.

[3]) Как видно из сделанного департаментом полиции примечания, зашифрованного письма не оказалось, а в отдельном конверте было вложено письмо Гартмана к Голдовскому, в подлиннике отправленное последним в Вильно.

[4]) Дейч.

[5]) «Дмитро» — Стефанович.

[6]) Ехать в Россию имел в виду Л. Дейч, но после ареста Стефановича, вследствие настояний последнего (как упомянуто, Стефановичу была предоставлена возможность сноситься с Дейчем), Л. Г. согласился остаться заграницей.

и, следовательно, признание ими программы — не совсем искреннее. У них знамени нет, и план таков, чтобы войдя в состав «Народной Воли» — со знаменем заслуженным, почетным, составившим себе громкую известность, коренным образом изменить программу и образ действия. Д[мит]ра очень хитер. Относительно же «Красного Креста» могу сказать, что это не совсем удачная мысль — насколько мне, конечно, кажется — ни своим названием, не имеющим смысла для Европы, ни протягиванием руки за подачками, умаляющим значение «Народной Воли» и специально «Исполнительного Комитета». Многого оно не может дать *), в то время когда добывать средства в Европе, и громадные средства, можно было бы совершенно другим образом. Никакая подпись и никакое знамя не имеет столько обаяния для Европейских радикалов, как имя «Исполнительного Комитета». Может быть, за границею нет человека, который был бы способен, к которому можно было бы отнестись с полным доверием, как к оффициальному агенту Исполнительного Комитета, но, ведь, можно было бы по временам посылать из России подходящего и верного человека, как уполномоченного Исп[олнительного] Ком[итета]! Что для меня непонятно, может быть или бессомненно для Вас вполне понятно, но для меня все таки остается непонятным, почему уполномоченный «Красного Креста» — Вера (что означает — Евгений) — так старается не выдвигать и не упоминать «Исп[олнительный] Ком[итет]» как название неудобное, а между тем только эта организация и доставила партии известность и уважение. За неимением адреса я раз попросил В[еру] написать в Россию от моего имени предложение: прислать некоторые вещи для перевода на иностранные языки с тем, чтобы было напечатано, что это издание «Испол[нительного] Ком[итета]». Есть издатель, ручающийся за 30.000 фр. по меньшей мере. Не знаю, исполнила ли она мою просьбу, но спросила и убеждала меня в том, что можно было бы обойтись без «Испол[нительного] Ком[итета]», что это неудобно и т. д. Между тем только эта подпись и могла бы гарантировать успех. Например, теперь в России отпечатали биографию Желябова и Перовской [1]); если бы «Испол[нительный] Комит[ет]» уполномочил бы письменно кого-нибудь (конечно, формально) издать от его имени эти биографии на французском, немецком и английском языках [2]), то можно было бы выручить гораздо больше, чем «Красный Крест» когда-либо принесет, а между тем это не было бы протягивание руки за милостыней.

О себе я теперь лично особенного писать не имею, кроме того, что все болею, а состояние духа такое скверное, что некоторое время думал, что с ума сойду или лишу себя жизни. Еслиб я был здоров, я бы не мог в эмигрантской среде провести ни одного дня. В будущем году я все-таки постараюсь (что будет зависеть от моего здоровья и устройства семейных дел)

---

*) Не более 3.000—4.000 франков в первое время, конечно, а потом ничего не будет.

---

[1]) Это неверно; биографии вышли в свет несколько позже и притом за границей. До автора письма, очевидно, дошли слухи об этих биографиях, но слухи не вполне правильные.

[2]) Предположение об издании биографий на иностранных языках было у заграничного отдела Красного Креста (см. выше, в письмах Засулич).

поехать в Россию и даже если б почему-либо не пришлось принимать участие и то нравственно как то будет спокойнее.

От себя я теперь ничего предлагать не буду, потому что все, что я ни писал за весь этот год и прошлый, осталось без всякого ответа, даже с моей женою боялись видеться, несмотря на то, что я предупреждал об ее приезде. Прилагаю только теперь копию с предполагаемого договора Гарт[мана] с Herold'ом и его письмо ко мне, может быть, это будет для Вас интересно [1]).

Еще вот что хотел сообщить: В[ера] и Евг[ений] обратились с просьбою к типографии «Народника» [2]) уступить им, как союзникам «Народной Воли», часть типографии тогда, когда понадобится, а Евгений, которого, между прочим, никто из эмигрантов не долюбливает за важничанье и мелочность, все, что ни делает, — делает от имени «Народной Воли».

Если же что либо от меня потребуют, я всегда с величайшим наслаждением сделаю. Прошу очень об адресе, чтобы я мог, когда очень понадобится, писать. Я опять теперь повторяю, что на это письмо я прошу смотреть, как на личное, и повторяю, что никак не могу понять отношения здешних черно-передельцев к «Народной Воле».

Еще вот одно меня удивляет, почему «Народная Воля» никогда не дает никакого отзыва о Драгоманове и его писаниях. Еще ни один порядочный либерал не писал столько пакостей в Европе о русских революционерах, как он, между тем здесь на него смотрят, как на главу нигилистов, а молодежь в России, как на революционера. Еще для меня непонятна тактика Евг[ения] и по отношению к органу «Вольное Слово» [3]). Отчего

---

[1]) Л. Н. Гартман передоверял Голдовскому (Иохельсону) или лицу, которое последний уполномочит, права и обязанности свои по званию корреспондента газеты «New-Iork Herold».

[2]) Ошибка автора или переписчика; следует: «Работника».

[3]) Отношения Дейча с Драгомановым уже и до «Вольного Слова» и независимо от него были испорчены. Тем не менее он порядочное время относился к «Вольному Слову» весьма терпимо. В статье «Украинская и общерусская эмиграция», напечатанной в 1914 г. в «Вестнике Европы», он пишет по поводу работы Драгоманова в «Вольном Слове»: «Несмотря на неприязненные отношения Драгоманова со всей почти эмиграцией, факт его участия в «Вольном Слове», насколько могу припомнить, не только никем решительно в течение очень долгого времени не ставился ему в вину, но, наоборот, именно это обстоятельство для большинства из нас служило гарантией добропорядочности нового литературного предприятия, как в моральном, так и в политическом отношениях» («В. Евр.», 1914, № 8, стр. 225). Что память не изменила тут автору и что отношение его к «Вольному Слову», действительно, было таким, видно из упоминавшегося уже нами письма его к Стефановичу от 2 и 3 февраля (н. ст.) 82 г. Дейч говорит там о «Вольном Слове»: «Положительно нет никаких оснований верить распускаемым слухам, что это — орган Лиги или чего подобного; С[ерге]й глубоко убежден, что это неверно, мы также. Очень может быть, что правительство само распускает этот слух, чтобы отвратить всех от него, так как это первая серьезная попытка либералов, земцев издавать заграницею антиправительственную газету. Было бы очень грустно, если бы сами радикалы оплевали и (невольно) оклеветали затею людей честных и, во всяком случае, возмущающихся прот[ив] правительства, это ему — правительству — вполне на руку, по пословице: divide et impera, в чем оно, может быть, уже и успевает. Основания, которые рассказывал мне мальч[ик] [Владимир Дегаев], очень шатки и сомнительны. Наоборот, мне кажется, что вам бы следовало, разузнав хорошенько, в чем тут дело, напечатать, что слухи, распускаемые про «Вольное Слово», не верны. Редактором этой газеты некий Мальчевский [Аркадий Павл. Мальшинский], а Божидарович только сотрудник». Следует подчеркнуть, что эти слова Дейч писал много времени спустя после появления уже

Вы ничего не сообщаете об этом крайне сомнительном органе. Крепко — крепко жму руку. Ты пишешь: до свиданья, а как бы я действительно хотел с тобою увидеться. Кроме тебя, знакомых уж теперь, вероятно, очень мало. Писать как-то у меня нет никакого желания, зная, что все останется без ответа и что твои письма никому не нужны и не стоют ничьего внимания.

Пиши же когда-нибудь по адресу, который пишу химией.

Вот еще что, если во мне может быть какая-нибудь временная надобность я готов ехать во всякое время.

Отчего не было в самом деле никакого ответа на мои и Гартмана письма.

До свиданья желаю сохраниться.

Владимир.

Печатается по копии, в еженедельных всеподданнейших записках директора департамента полиции, 1882 г., т. I.

6.

Из показания Я. В. Стефановича на дознании.

Печатая настоящее показание, записанное Стефановичем собственноручно и в подлиннике дошедшее до нас, мы опускаем то, что не относится к нашей теме, а именно: начальные строки, в которых Стефанович дает сведения о звании, образовательном цензе и т. д., и, затем, те строки, где он показывает (при этом уклончиво) о своих встречах в СПБ. с народовольцами, об обстоятельствах, в силу коих в момент его задержания при нем оказался тюк с прокламациями, и о том, как он получил паспорт на имя Огрызко. Пропуск везде обозначен многоточием.

Содержание показаний Стефановича, в частности и этого, подробно (местами даже текстуально) передано в обвинительном акте по делу 17-ти («Былое», 1906 г., № 10, стр. 214—15 и 235—38).

в «Вольном Слове» статьи Мальшинского, в которой затрагивался вопрос об эмигрантах, совершивших на родине преступление, носящее уголовный характер, той именно статьи, о которой Дейч говорит в № 8—20 «Пролетарской Революции» и с которой он там ошибочно связывает протест поляков и чернопередельцев.

Но зато в письме своем к Стефановичу от 4 мая (н. ст.) 82 г. Дейч пишет о «Вольном Слове» в ином уже тоне. Рассказывая об Аксельроде, он замечает: «Вол. Слово» он бросил, после одной статьи Драгоманова, ничем не отличающейся от цинических произведений Цитовича. Здесь теперь все (кроме Сергея только!!) перестали вовсе знаться с Драг., даже Эльсниц и Жеманов не раскланиваются с ним более. Многие предсказывают, что он скоро и вовсе сделается Цитовичем, хотя я не думаю. Сергеевский мир с ним, как всегда, а теперь в особенности, мне не нравится». Статья, о которой писал Дейч, появилась в № 34 «Вольного Слова». Она называлась «Обаятельность энергии» и была написана в связи с последним словом на суде Суханова и с убийством Стрельникова. Автор, одобрительно отзываясь о содержании речи Суханова, принимая даже и факт убийства Стрельникова, предостерегал в то же время читателей от увлечения теориями той партии, от имени которой действовали убийцы Стрельникова и к которой принадлежал Суханов. Но для того, чтобы другие общественные силы, более, по его мнению, здоровые, могли успешно конкурировать с террористами, он считал необходимым, чтобы эти силы энергически стали проявлять себя. Энергия — вот чем, по его словам, сильны террористы и вот чего недостает всем прочим анти-правительственным элементам. При этом, защищая свои положения, Драгоманов подвергал резкой критике революционную среду, имея в виду, прежде всего народовольцев, но задевая также сильно основателей и вождей чернопередельческой фракции. Статья вызвала среди эмигрантов всеобщее почти негодование, а Аксельрод, Бохановский, Дейч, Засулич и Плеханов обнародовали известное обращение к Драгоманову.

. . . После своего побега из Киевского тюремного замка в 1878 г. в мае месяце[1]) я, вместе с Дейчем и Бохановским, отправился заграницу, откуда возвратился обратно в Россию в июне или июле 79 г.[2]) Я прибыл прямо в Петербург и примкнул здесь к революционному кружку «Земля и Воля». В то время в кружке этом происходило сильное движение, вызванное разногласием мнений по вопросам программы и тактики действия революционной партии. Одни выдвигали целью борьбы политическую свободу, в форме западно-европейского парламентаризма, оставляя заботу о решении вопросов экономических будущим поколениям при изменившемся уже государственном строе России. Зная индифферентизм народа к политической стороне своего быта и не видя никаких других путей для деятельности в смысле своей программы при существующих полицейских условиях, они остановились на терроре, как на наиболее целесообразном средстве для достижения своей задачи. Другие в водворении у нас парламентарного образа правления, при крайней экономической необеспеченности народа, видели только еще большее закрепление этого бедствия, так как в этом случае политическая власть в государстве неминуемо сосредоточится в руках классов не заинтересованных в народном благосостоянии. Люди этого мнения считали наиболее согласующимся с благом народа пропагаторскую и агитаторскую деятельность в его среде с целью вызвать, если не революцию, то по крайней мере на столько сознательные и решительные заявления о своих нуждах, что правительство должно было бы принять серьезные меры к их удовлетворению; а возвышающееся таким образом экономическое благосостояние народа развивало бы сознание потребности и в расширении своих политических прав. Противоположность этих двух направлений привела организацию «Земля и Воля» к распадению на две фракции: «Народной Воли» и «Черного Передела». Я был в рядах последней. Моими товарищами были: Дейч, Плеханов, Засулич[3]), Аксельрод, Георгий Преображенский[4]),

---

[1]) С 26-го на 27-ое число (после того Стефанович и его товарищи некоторое время проживали в Петербурге).

[2]) По словам О. Любатович, в конце июня («Былое», 1906, № 6, с. 108).

[3]) Стефанович здесь и ниже пишет Засулич через два «с».

[4]) Преображенский, Георгий Николаевич. Родился в 1854 г., сын священника Курской губ. Окончив в 1873 году Харьковскую духовную семинарию, поступил в университет, в Харькове же. В 1874 году Преображенский перешел в Петербургский университет. В Петербурге в конце 1874 г. был впервые обыскан и спрошен по полит. делу, но доказательств его виновности добыто не было. Преображенский был деятельным членом «Земли и Воли», а после ее разделения примкнул к «Черному Переделу» и собирал народнические (чернопередельческие) силы в Москве. Арестован 9 февраля 1880 г. во время повального обыска у студентов Петровско-Разумовской Академии, имея документ на имя Петермана. Летом того же года переведен из Москвы в Петербург, в Петропавловскую крепость. На основании высочайшего повеления, состоявшегося в июле 1881 г. по делу о 58 лицах, в числе коих был и Преображенский (следствие члена СПБ. суд. палаты Шуйского; среди привлеченных: Д. А. Клеменц, Бор. Ненсберг и т. д.), Георгий Николаевич был отдан под гласный надзор полиции, причем министр внутр. дел назначил ему местом надзора Томскую губернию. Вскоре после того он умер, но мы, к сожалению, не знаем более точно — когда и где именно. Больше всего сведений о революционной деятельности Г. Н. Преображенского дает О. В. Аптекман в своей «Земле и Воле»; см. также полубеллетристическую книжку В. А. Анзимирова (участника черноперед. организации в Москве) «Крамольники» (Москва, 1907).

Пьянков [1]), Тесленко-Приходько [2]), Крылова, Попов, Николаев [3]), Аптекман, Козлов [4]) и другие, имен которых не считаю удобным называть. Осенью члены как той, так и другой организации разъехались из Петербурга по провинциальным городам с тем, чтобы проводить свои тенденции и приобретать сторонников в других революционных кружках, не принимавших участия в разделе. Преображенский отправился в Москву, Дейч — в Харьков, Попов — в Киев, я — в Одессу, где вместе с Аксельродом (которого я застал здесь и пригласил в «Черный Передел») занимался с рабочими. Я жил в это время в Hôtel de France по мещанскому паспорту, фамилии которого не помню. После покушения 19 ноября мое пребывание в Одессе

---

[1]) Пьянков, Иннокентий Павлинович, род. в 1855 г., сын сибирского купца, учился в томской гимназии и в медико-хирургической академии в СПБ. В 1874 г. привлекался по обвинению в произнесении «дерзких слов» против особы царя, но, за недостатком данных, освобожден под надзор; в связи с отдачей под надзор исключен из академии. В 1875 г. арестован по обвинению в пропаганде в Тульской губернии. Судился в процессе 193-х и приговорен к 3-х мес. заключению, но, по ходатайству суда, освобожден от наказания. Тем не менее, в числе ряда других освобожденных, намечен к административной высылке. Вскоре, 31 марта 78 г., вновь обратил на себя внимание властей деятельным участием в «беспорядках», имевших место около здания суда, после оправдания В. И. Засулич. 3 апреля 78 г. выслан в г. Пинегу, Арханг. губернии. 30 мая того же года бежал. Был в «Черном Переделе» и работал в типографии чернопередельцев; арестован, под именем Ник. Карышева, во время разгрома типографии, в ночь на 28 января 1880 г. Приговорен судом в сентябре 1881 г. к ссылке на житье в Иркутскую губернию. Водворен в с. Жигаловском, Верхоленского округа. В 1888 г. переведен в с. Харатское, Иркутской губ. В 1889 г. Пьянкову разрешен переезд в Хабаровск, где жил брат его—состоятельный купец. Пьянков и сам потом был крупным торговцем на Амуре и, по словам В. Г. Короленко («История моего современника», т. II, ч.ч. 3 — 5, стр. 124), «издавал во время русско-японской войны патриотическую и даже ультра-шовинистическую газетку».

[2]) Тесленко-Приходько, Петр Васильевич, из дворян Полтавской губ. Образование получил в полтавской гимназии. Позже жил в Харькове и в Одессе (в последнем городе отбывал военную службу). Со второй половины 1879 г. жил в Петербурге. Связи с революционной средой завязались у него еще в Харькове. В Петербурге Тесленко-Приходько вошел в «Черный Передел» и работал в чернопередельческой типографии. Арестован вместе с типографией в ночь на 28 января 1880 г. (под именем Петра Непытайло). Приговорен судом к ссылке на житье в Тобольскую губернию.

В показании Стефановича фамилия Тесленки написана неверно, именно: Тессенко.

[3]) Николаев, Осип Егорович («Егорыч»), сын чиновника, родился в 1853 г. в Пинском уезде, Минской губ. Учился в пинском реальном училище и в СПБ. технологическом институте. Член общества «Земля и Воля», а после его разделения — участник «Черного Передела». Арестован в ночь на 25 ноября 1879 г. в Петербурге. На основании высочайшего повеления, состоявшегося 1 июля 1881 г., выслан под гласный надзор полиции на 4 г. в Зап. Сибирь и поселен в г. Таре, Тобольской губернии. Кончив в 1885 г. срок надзора, Николаев поселился в Тюменском округе и служил там в конторе сибирского фабричного торгового товарищества Щербакова и К°. Последние наши сведения о нем относятся к 1891 г., когда он хлопотал безуспешно о разрешении ему жительства в столицах и столичных губерниях.

О «Егорыче» часто упоминает в своей книге «Земля и Воля» О. В. Аптекман.

[4]) Козлов, Евгений Иванович, из духовного звания, родился в 1856 (или 58) г. Был студентом харьковского университета — до весны 1879 г. В Харькове должен был быть привлечен к политическому делу, но не был розыскан. Жил с 1879 г. нелегально в Петербурге. 6 июля 1880 г. арестован; содержался год в Петропавловской крепости. В 1881 г. выслан в Енисейскую губернию, жил в Красноярске и Енисейске. Вернулся в Европейскую Россию в 1884 г.

почему то сделалось известным полиции и вообще я и Дейч стали усиленно разыскиваться, по всей вероятности, в силу господствовавшего о нас двух представления, которое всякое крупное преступление непременно соединяло с нашими именами. Поэтому, вызвав Дейча из Харькова в Одессу, я поехал с ним [1]) в Петербург. Деятельность обеих фракций в эти 3 — 4 месяца показала много неудобств раздельного существования. Народники (чернопередельцы) призывали молодежь в народ, к занятиям среди рабочих, старались вызвать интерес к пришедшей в упадок социалистической литературе, доказывали несостоятельность политической программы Нар. Воли, и в красном терроре, вызывавшем в свою очередь террор белый, видели сильную помеху своей деятельности. Народовольцы, напротив, убеждали революционные элементы группироваться в городах и главным образом в столицах; они указывали на массу жертв, какой обходится деятельность в народе при настоящих политических условиях России и приводили статистические доказательства, что факты террора, направленного против правительства, повлекли за собой гораздо меньше арестов, чем пропаганда и распространение книжек в 1874—76 годах. Эти два противоположных взгляда, часто сталкиваясь друг с другом, нередко в некоторых городах обостряли взаимные отношения обеих фракций, что являлось немалым тормазом для успеха деятельности как той, так и другой. Подобные обстоятельства заставили обе стороны искать опять воссоединения друг с другом. Переговоры об этом начались с моим возвращением в Петербург, но ни та, ни другая сторона не оказалась достаточно уступчивой, и соглашение не состоялось [2]). В конце декабря я и Дейч уехали заграницу

---

[1]) Об отъезде из Одессы Дейча и Стефановича см. в ст. Л. Дейча «О воспоминаниях П. Б. Аксельрода»: «Я первый уехал из Одессы в Петербург . . . А в следующее утро туда же отправился и Стефанович». («Пролет. Революция», № 10—22, 1923, стр. 197).

[2]) М. Р. Попов в своих воспоминаниях сообщает о переговорах, которые он имел в Киеве и в Одессе со Стефановичем по вопросу об объединении с народовольцами. При этом он, однако, в разных местах говорит о настроении Стефановича разно. Так, в одном месте читаем: «При последнем моем свидании в Одессе (в конце ноября или в нач. дек. 79 г.—*Л.*) со Стефановичем и Дейчем, я предлагал им начать переговоры о соединении расколовшейся З. и В., и мне казалось, что Стефанович тоже сознавал необходимость соединения революционных сил в одну организацию, хотя, правда, он молча выслушивал наши споры с Дейчем. . . » А в другом—иначе: «. . . Стефанович с Дейчем решительно высказались в том смысле, что такие переговоры могут иметь место лишь тогда, когда народовольцы откажутся от той деятельности, которую они ставят во главу угла. . . » («Былое», 1907, № 7, стр. 271, «Мин. Годы», 1908, № 2, стр. 186). Но как бы то ни было, попытка примирения была сделана вскоре, и об этом, помимо настоящего показания, которому в этом случае нет оснований не верить, мы имеем еще и свидетельство П. Б. Аксельрода в его воспоминаниях.

П. Б. сообщает там: «. . . По приезде Стефановича и Дейча из Одессы в Петербург сделана была попытка снова примириться. Если память меня не обманывает, предпринята она была именно по инициативе народовольцев. Помню, что с этой целью Стефанович и я, со стороны чернопередельцев, и Л. Тихомиров, со стороны народовольцев, пару раз собирались в модном тогда ресторане Палкина. Кроме нас троих, никто, кажется, в этих совещаниях не участвовал. Ни к какому положительному результату наши переговоры не привели . . .» («Пережитое и передуманное», кн. первая, стр. 357).

Между прочим, из этого сообщения, если принять, что автор его хорошо запомнил участников переговоров, вытекает, что Аксельрод приехал из Одессы в Петер-

(1879 г.)[1]). Вслед за арестом типографии «Чер. Пер.» первоначальный кружок был почти совершенно разрушен, остались только его отпрыски в Москве, Киеве и Харькове. Благодаря усилиям Аксельрода, весной в Петербурге был создан новый кружок того же направления, который однакоже не имел ни руководящего влияния на провинциальные, ни тесной связи с ними. Оставаясь в общем верными тенденции Чер. Передела, провинциальные кружки выпускали каждый свою программу, присваивали разные клички (южно-рус. рабоч. союз, Земля и Воля, Народная Партия), [2]) но в чем заключалась их практическая деятельность — мне неизвестно. Находясь заграницей, я поддерживал сношения лишь с петербургским кружком, услуги мои которому состояли в напечатании 2-го № «Чер. Пер.» [3]) и в доставлении рус. заграничных изданий («Коммуна» — Лаврова, «Община», Хитрая Механика и проч.). Меня несколько раз просили приехать в Россию, но я не возвращался. Мне казалось совершенно невозможным сплотить в серьезную организацию молодые, неопытные чернопередельческие силы и вести работу, соответствующую этому направлению, рядом с сильной, окрепшей в борьбе и богатой традициями организацией Нар. Воли. В настоящее время эта организация (собственно центр ее — «Ис. Комитет») является на столько популярною и авторитетною, что лишь ее инициатива может обеспечить ход тому или другому практическому начинанию, той или другой тактике партии. Поэтому вопрос существования Черн. Пер. — не как фирмы, а как практического направления — тесно связывался с вопросом соглашения с этой организацией. Весной [4]) прошлого года я и мои товарищи имели [5]) основание думать, что почва для такого соглашения существует более, чем когда либо. Вот почему, летом получив новое приглашение приехать, я отвечал просьбой выслать мне паспорт и в сентябре, перешедши границу, прямо направился

бург до отъезда из него, по крайней мере, Стефановича. Мы потому это отмечаем, что редакция одного места в статье Дейча, посвященной именно воспоминаниям Аксельрода, может подать повод к заключению, будто не только сам он и Засулич, согласно его утверждению — уехавшие заграницу первыми, но и Плеханов и даже уехавший последним Стефанович — будто они все четверо покинули Россию до приезда Аксельрода с юга (вот это место: «. . . Товарищи настоятельно требовали, чтобы мы четверо отправились за границу, что мы и сделали до прибытия в Петербург Аксельрода . . .» «Прол. Revол.», № 10—22, 1923 г., стр. 198).

[1]) Дейч указывает январь 1880 г., напр.: «В январе мы четверо вновь отправились за границу, в Швейцарию» («Как Г. В. Плеханов стал марксистом», «Пролет. Револ.», № 7, 1922 г., или брошюра «Г. В. Плеханов», 1922 г.). В свою очередь, и Г. В. Плеханов говорит о приезде своем и своих друзей заграницу в начале 1880 г. (см. изв. фельетон в № 54 «Искры»), и, судя по всему, отъезд состоялся, действительно, в январе.

[2]) Если названием «Земля и Воля», в самом деле пользовались, наряду со столичными народниками, и провинциальные (намерение киевлян—М. Р. Попова и др. — поставить эту марку на прокламации, изготовленной на случай удачи покушения на царя, осенью 1879 г. еще; прокламация на укр. яз. после 1 марта и т. д.), то едва ли можно это же сказать и о названии «Нар. Партия», так как в единственном, известном нам, случае, когда название это было выставлено формально (на программе «Нар. Партии», изданной в апр. 81 г. и перепечатанной затем в «Вольн. Слове»), дело шло, как нам кажется, о документе столичного происхождения.

[3]) Заграницей отпечатан и 1-й № «Ч. П.».

[4]) Первоначально было написано: летом, а потом исправлено: весной.

[5]) Первоначально было написано: получили, а потом исправлено: имели.

в Москву по адресу, данному мне Мокриевичем [1]). Здесь я виделся с некоторыми из чернопередельцев, фамилии которых я позволю себе не называть, а также с народовольцами, из которых назову Тихомирова, Баранникову, фамилии других мне неизвестны. То, что мне удалось узнать о положении организации Нар. Воли и о ее намерениях относительно дальнейшего образа действий, намерениях, впрочем, еще не вполне определившихся, побудило меня согласиться на сделанное мне предложение вступить в ее ряды. В октябре я поехал в Петербург, чтобы переговорить на этот счет с тамошним кружком ч.-передельцев. Я виделся тут с Булановым и другими, фамилий которых не назову. Большинство кружка выразило готовность присоединиться к Нар. Воле в той уверенности, что найдет в ее среде и работу, не противоречащую с его убеждениями, и некоторую возможность влиять на направление дальнейшего хода дел организации. Однако же другие не считали для этого достаточной гарантией те соображения, которыми руководилось большинство, а потому оставили для себя вопрос о присоединении на некоторое время открытым. Таким образом в числе вошедших в организацию Нар. Воли были я и Буланов. В продолжение зимы произошло еще несколько присоединений со стороны народников и в других городах. — В Петербурге я пробыл около трех недель, но во все это время виделся с очень немногими, так как не желал популяризировать своего приезда в Россию . . . По возвращении своем в Москву, я вошел в состав той группы организации, которая должна была заняться пропагандой среди народа и постановкой литературного дела заграницей. Лично я, кроме того, благодаря своим знакомствам с эмиграцией, содействовал учреждению так наз. заграничного отдела Красного Креста Нар. Воли. Личностей, с которыми я был связан по первому делу, назвать никого не могу, кроме Буланова . . . По делу основания заграницей журнала и вообще по изданию книг, не допускаемых цензурными условиями в России, я вел переписку с Лавровым, Плехановым, Дейчем и другими эмигрантами, с которыми уславливался об этом предмете еще до отъезда на родину. С тем большей охотой я взялся за такое дело, что серьезная, так называемая революционная литература в последние годы была совершенно заброшена. Организация приняла на себя расходы по этому предприятию, и я являлся как бы посредствующим звеном между нею и той частью эмиграции, которая сочувствовала и готова была помочь такому начинанию. Как журнал, так и другие издания, по договору обеих сторон, не должны были носить партионного характера. Это условие и привлекло к делу таких людей, как Плеханов, Лавров, Засулич и других, не разделяющих программы Нар. Воли. — Что касается «Красного Креста», то я не принадлежу к этой группе, но очень хорошо знаю, что она есть учреждение совершенно независимое от «Исп. Комитета». Она имеет свою администрацию, которая самостоятельно ведет дела кружка и распоряжается его средствами. Название же Красного Креста Народ. Воли принято потому, что необходимо было заручиться покровительством и материальной поддержкой популярной организации, взамен чего последняя

---

[1]) Вл. Карп. Дебогорий-Мокриевич бежал зимою 80—81 г. из Сибири и, прожив несколько месяцев в Европейской России, приехал заграницу.

приобрела некоторое право контроля над деятельностью «Креста», контроля, не нарушающего, однако, автономности этого учреждения. Цели, преследуемые Кр. Крестом, известны. Вполне им сочувствуя, я и взялся письменно переговорить с Лавровым и Засулич об основании заграничного его отдела. При этом имелись в виду главным образом не денежные сборы, которые заграницей не могли быть особенно значительны; количество откликнувшихся на воззвание Кр. Креста давало возможность измерить степень сочувствия, питаемого иностранцами к русским политическим ссыльным и заключенным, а тем самым и сочувствие стремлениям выйти из того положения, которое порождает такую массу этих ссыльных и заключенных. — Вот все, что я имею сказать о своей деятельности, как революционера, после своего побега из Киевской тюрьмы.

Яков Стефанович. 1882 г. 3-го апреля . . .

Печатается по подлиннику, в деле особого присутствия сената о 17-ти лицах — т. VI дознания, произведенного генерал-майором Федоровым.

Сообщ. *Ш. Л—н.*

„Русские социал-демократы" в 1879 году.

Поставленная историками веха, отмечающая дату 1883 г.— момент основания группы «Освобождение труда», не теряет своего значения, если при исследовании генезиса русской социал-демократии и при детальном изучении революционного движения 70-х и 80-х годов, не одна, быть может, нить поведет нас к более ранним истокам марксистской мысли.

К концу 70-х годов, в аморфном хаосе народнических устремлений, как известно, выкристаллизовались две основные группировки — «Народная Воля» и «Черный Передел», от которого ведет свою генеалогию группа «Освобождение труда». Но программы их не покрывали собою всех мнений и направлений, господствовавших в то время среди революционной интеллигенции и передовой части рабочего класса. Наряду с землевольцами существовали и вели свою работу северный и южный рабочие союзы и лавристы, наряду с народовольцами и чернопередельцами—мятущиеся остатки землевольческих кружков разной окраски и, в конце 1879 г., даже «русские социал-демократы», как свидетельствует помещенный ниже документ, очень неясный, к сожалению, след, оставленный ими в 3-м отделении с. е. и. в. канцелярии.

Это отрывок из перлюстрации, — хранящийся под № 594 во II секретном архиве 3-го отделения, копия неподписанного письма из Петербурга, от 20 октября 1879 г., адресованного в Москву некоему Ивану Ивановичу Круглякову, студенту юридического факультета московского университета, бывшему, возможно, лишь передаточной инстанцией. Копия письма была представлена одновременно и московскому генерал-губернатору, который распорядился отправить письмо по адресу. На запрос управляющего 3-м отделением Н. К. Шмита, направленный начальнику московского губернского жандармского управления о лицах, состоявших в переписке с Кругляковым, в архиве ответа не сохранилось, имя Круглякова больше нигде не упоминается. Письмо, очевидно, не вызвало в 3-м отделении особого интереса. На нем имеется карандашная пометка, сделанная, судя по почерку, начальником 3-го отделения Дрентельном: «Не думаю, чтобы автор стоял у самого издания, но ему известно многое и Круглякову тоже. Нельзя не сказать, что автор должно быть неофит.», Дрентельн обратил внимание только на связь с «Черным Переделом», а теоретические рассуждения о судьбах капитализма в России счел безвредными, и за перепиской перестали следить.

Вглядываясь в содержание письма, отметим следующее:

Автор сам отмежевывается от двух фракций «деятельных протестантов», говоря: «под недеятельными я понимаю нас». Но в то же время несомненна связь и его и адресата с активной группой лавристов, преимущественно студентов медико-хирургической академии, которая с 1876 г. или даже с 1875 г. вела планомерную пропаганду среди фабричных и заводских рабочих гор. Петербурга и вместе с землевольцами подготовила стачку на Новой Бумагопрядильне и фабрике Шоу в январе 1879 г. В письме упоминается несколько имен, в том числе Густава Вилленца, бывшего по словам Н. С. Тютчева [1])

---

[1]) Ссылаясь на воспоминания Н. С. Тютчева, а ниже Н. Кулябко-Корецкого, мы имеем в виду устную беседу с ними.

активным членом лавристского кружка [1]). И автор и адресат состояли с ним, видимо, в оживленной переписке.

Далее: автор видит в программе «Народной Воли» — требования нарождающейся буржуазии, «Черный же Передел» предлагает приветствовать, так как «он стоит на народной почве и ставит более или менее социалистические цели». В этом пункте «русские социал-демократы» (автор предлагает послать письмо в редакцию «Черного Передела» с выражением сочувствия за подписью русских социал-демократов), — повидимому, остаются верными неизжитой народнической традиции. Но автор письма все же далек от того, чтобы принять полностью весь комплекс чернопередельческих верований. Он, к сожалению, очень глухо упоминает о «таких-то и таких-то» пунктах разногласия с программой «Черного Передела», и мы можем только догадываться, в чем эти пункты состоят. Упоминание о том, что «один приятель, работающий специально над вопросом о капитализме в России, набрел на очень оригинальную мысль по поводу кулацкого капитала, как личиночной формы капитала буржуазного» — дает некоторое указание на то, в каком направлении следует искать основные пункты их расхождения. Это—чисто марксистская мысль, и, притом, облеченная в марксистскую терминологию. Очевидно, уже в то время шла пытливая работа, применявшая к России учение Маркса, разлагавшая крестьянство — носителя социализма, подкапывавшаяся под этот кит народничества, и именно в том месте, вокруг которого завязался жестокий бой между народниками и ранними марксистами в 80-х и 90-х годах.

Можно предположить, что именно в вопросе о неизбежности для России фазы капиталистического развития и состояло основное расхождение «русских социал-демократов» с чернопередельцами, а как говорит Плеханов в предисловии к Туну: «отличие «русского марксизма» от «русского социализма» всевозможных оттенков состоит в том убеждении, что Россия не может перескочить через капитализм, который уже сделался в ней господствующим способом производства» [2]).

В противоположность мнению шефа жандармов, следует отметить, что автор, повидимому, не неофит, что письмо написано свободно, легко и четко, как пишут о хорошо знакомых, продуманных вещах. Пункты разногласия обсуждались не раз, — «такие-то и такие то», следовательно, известные адресату. Сколько соберется подписей социал-демократов под приветствием редакции «Черного Передела» автор не знает, — (« сколько будет»), но в то же время в письме не раз говорит: «мы, нас». Повидимому, или в его тесном кружке не было полного единомыслия, или же он расчитывал на сочувствие вне кружка.

Письмо «русских социал-демократов» в «Черном Переделе» не появилось.

Резюмируем наши предположения, — в прилагаемом документе имеется слишком мало материала для каких-либо утверждений. В конце 1879 г. в Петербурге существовала группа лиц, называвших себя «русскими социал-демократами» и работавших над вопросами капитализма в России. Расходясь в некоторых пунктах своей программы с чернопередельцами, повидимому, в вопросе о неизбежности для России прохождения через фазы капиталистического развития, — в отношении к «Народной Воле» и к борьбе за политическую свободу они стояли на старой народнической позиции. Это противоречие очень напоминает непоследовательность лавристов, о которой Плеханов писал, что она имеет счастливую особенность: «отрицая политику, лавристы с величайшим сочувствием относились к немецкой социальной демократии» [3]).

Само собою напрашивается предположение, что группа «русских социал-демократов» выросла из среды лавристов, «лавристов времен упадка», как называет их Плеханов, и ведет свое происхождение именно от них, унаследовав и их противоречия. Предположение это подтверждается еще и связью, которая, несомненно, существовала между автором письма и активным кружком лавристов, зимою 1878 — 1879 г. бывшим в центре рабочего движения Петербурга. К концу же 1879 г., по авторитетному свидетельству Н. Кулябко-Корецкого (известного лавриста, одного из редакторов «Вперед'а»), — лавристских

---

[1]) Во главе кружка стоял и Таксис, Антон Феликсович, видный пропагандист, усиленно разыскивавшийся 3-м отделением и скрывавшийся под именем Гадалова, Иннокентия Александровича и, по воспоминаниям Н. Русанова, д-р Гинзбург.

[2]) Стр. 26, Птгр. 1920 г.

[3]) «Русский рабочий в революционном движении», изд. «Пролетариат», стр. 19.

кружков, как таковых, в Петербурге уже не оставалось. Очень возможно, что, исчезнув и распылившись к концу 1879 г., — лавристы «времен упадка», оставили в наследство небольшой группе кое-что из своей идеологии и своих противоречий. Группа эта не сумела возвысить голос, и своеобразный оттенок мысли, вступавшей на верную дорогу, остался незапечатленным.

Высказывая лишь предположения и оставляя вопрос о происхождении и судьбе группы «русских социал-демократов» открытым, мы публикуем документ в надежде, что живущие среди нас семидесятники, быть может, откликнутся и поднимут завесу над интересующим нас моментом истории нашего революционного движения [1]).

Письмо без подписи, из С-Петербурга, от 20 октября 1879 г., к Ивану Ивановичу Круглякову, в Москву.

Написал немного, да з д о р о в о. [2]).

Вы, вероятно, получили мое письмо, товарищ, и теперь не сетуете на мое непостоянство, зная причину оного. В том письме я описал, кажется, подробно свое житье-бытье и личные планы. В этом коснусь общих вопросов, о которых хочется с вами потолковать. Начать разве с того, что неопределенной окраски масса современных деятельных [3]) протестантов распалась на 2 фракции, из которых каждая, — будем надеяться, — обрисуется ярче и точнее. 2 составные части — отличающиеся больше количеством,

---

[1]) Наше предположение, что группа «русских социал-демократов» выросла из лавристских кружков «времен упадка», находит подтверждение в воспоминаниях Н. С. Русанова. («Из моих воспоминаний», изд. Гржебина, Берлин, 1923 г., стр. 150—152), которые попали к нам в руки после того, как настоящее сообщение было уже сдано в печать.

Русанов пишет, имея в виду зиму 1877 — 1878 г.г.: «. . . Я очень боюсь приписать Мурашкинцеву (Александру Андреевичу, видному лавристу, работавшему с Вилленцом, упоминающимся в письме. К.) уже в то время, что было ясно сформулировано лишь гораздо позже: Через неизбежный капитализм к неизбежному социализму. Но кое-что из таких взглядов, характеризующих русский марксизм в его развитом виде, имелось у Мурашкинцева, как имелось оно, и, пожалуй, в еще усугубленном виде у его товарищей».

«. . . Сами члены этой группы не называли себя официально марксистами, хотя и более других течений занимались Марксом и почти перестали называть себя лавристами . . . а предпочитали название социалистов-федералистов».

«. . . Несомненно у тогдашних марксистов были недурные связи в петербургской рабочей среде, где они встречались и конкурировали с бунтарями и (в скором времени) землевольцами».

«. . . Прислушиваясь к разговорам между Халтуриным и Мурашкинцевым, я приходил, однако, к заключению, что лавристы пользовались большим успехом между рабочими» . . .

Воспоминания Н. С. Русанова в последнем пункте идут вразрез с воспоминаниями (М. Р. Попова и Г. В. Плеханова), но в то же время совершенно соответствуют имеющемуся документальному материалу (еще не опубликованному).

Из дела 3-го отд. с. е. и. в. канцелярии, 3 эксп. 1879 г., № 73, «О стачке на Новой Бумагопрядильне и ф. Шоу», видно, что лавристы принимали активное участие в проведении этой стачки и были единственными интеллигентами, пострадавшими за нее.

Близость к рабочей массе не осталась, конечно, без влияния на самую идеологию лавристов, которая в своей эволюции была, быть может, одним из корней, питавших русскую социал-демократию при ее возникновении.

[2]) Очевидно, при снятии копии с подлинника, приписка, сделанная наверху страницы, была принята за первую фразу письма.

[3]) Под «недеятельными» я понимаю нас; как хотите понимайте этот невольный каламбур (Прим. автора).

чем пониманием сути дела толпы [1]), выделились в осадке и каждая подняла (вторая — в обещании) свое знамя — орган. «Народная Воля», переставшая быть теперь уже интересом дня, выставила необходимость достижения сносных политических условий, оставив пока еще открытым вопрос о том, послужат ли практическим способом для этого — якобинская революция, coup d'état и воздействие сверху вниз; или общая организация революционных сил, наподобие французской до-революционной, давление, стало быть, снизу вверх, — давление идущего за вожаками народа. Вопрос очень интересный, и поживя, мы увидим на него ответ. Этот орган большинства располагает наибольшим количеством сил и денег (говорят). Другой орган в обещании — «Черный Передел», орган отделившихся в незначительном меньшинстве по преимуществу старых представителей фракции «народной программы». Вот положение дел! Что касается до нас, то здесь тишь и гладь и божья благодать. Алекс[андр] Александрович в К.; ему, говорят, запрещен въезд в Петербург, Корм. [2]) и Пустынник [3]) на-днях опять арестованы ни за что, ни про что, как и в первый раз; их, вероятно, вышлют. Был обыск у Анненского [4]) (второй, кажется) и у Засодимского — это знаю по слуху. Арестованы: Шиловцев [5]), Потулов [6]) и еще несколько человек — тоже чорт знает почему. Вообще теперь, машина пошла в ход: проглатывает и не выплевывает никого и ни под каким видом. Что вам пишет Густ.? [7]). Посетуйте на него от моего лица в своем письме. Я ему не буду писать до ответа от него: я послал два письма.

Как вы думаете насчет такого моего предложения: дождаться выхода «Черного Передела» и послать в него письмо, что, мол, так и так, сохраняя за собою такие-то и такие-то пункты разногласия с программою «Черного передела», мы считаем обязанностью заявить свое сочувствие почтенной редакции, — товарищам, по поводу их желания стоять на народной почве и ставить все-таки более или менее социалистические цели, — в противоположность «Народной Воле», в требованиях которой мы видим требования нарождающейся буржуазии; затем следует, мол, столько-то (сколько будет) подписей русских социал-демократов. Если согласны, — напишите. Один мой приятель, работающий специально над вопросом о капитализме в России, набрел на очень оригинальную мысль по поводу «кулацкого» капитала, как личиночной формы капитала буржуазного. В следующем письме я изложу эти мысли.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1) Разделение общества «Земля и Воля» осенью 1879 г. после воронежского съезда, на «Народную Волю» и «Черный Передел».

2) Возможно, что при снятии копии с письма, переписчик сделал ошибку, написав Корм. вместо Корш.

Корш. — вероятно, Александр Коршунов, бывший студент горного института, арестованный в ночь с 13 на 14 октября 1879 г. по обвинению в неблагонадежности вместе с упомянутыми в письме Потуловым и Шиловцевым. За недостатком улик он был через несколько дней освобожден, несмотря на то, что был известен 3-му отделению еще с 1877 г., как деятельный пропагандист среди рабочих. По агентурным сведениям, он летом 1877 г., работал в качестве ткача на Новой Бумагопрядильне, а потом на заводах и на Балтийской железной дороге; читал рабочим лекции, распространял среди них книги из нелегальной библиотеки. Принадлежал по воспоминаниям Н. С. Русанова (см. выше)

к активному кружку лавристов (Д. № 603, 1879 г., 3-й Эксп. 3-го отд. с. е. и. в. канц., № 234, 1879 г. II отд. канц. СПБ. ген.-губ., агентурные сведения (33 1878 г., II секретный архив).

3) «Пустынник»— возможно — Пустынников, Александр Степанович, бывший студент московского университета, был арестован осенью 1879 г. из-за переписки о студенческой кассе со студентом киевского университета Цепляевым. (Д. № 636, 1879 г. 3-ей Эксп., 3-го отд. с. е. и. в. канц.).

4) Анненский, Николай Федорович, публицист и статистик, известен, как один из основателей партии народных социалистов (в 1906 г.). В 1879 г. был близок к революционной среде и, между прочим, как неоднократно отмечается в делах 3-го отделения находился в деятельных сношениях с Густавом Вилленцом, упомянутым в письме. Многократно подвергался обыскам и находился под секретным наблюдением полиции еще и потому, что был женат на сестре Ткачева. В феврале 1880 г. был арестован и, по постановлению Верховной Распорядительной Комиссии, выслан административным порядком как политически-неблагонадежный, в г. Тару, Тобольской губ., где пробыл до марта 1881 г. Умер в 1912 г.

(Д. № 347, 1880 г., 3-й Эксп. 3-го отд. с. е. и. в. канц.)

5) Шиловцев, Дмитрий, бывший студент медико-хирургической академии. Был арестован в ночь на 14 октября 1879 г. по обвинению в неблагонадежности, 20 октября освобожден за отсутствием улик. В апреле 1880 г., по распоряжению главного начальника Верховной Распорядительной Комиссии, гр. Лорис-Меликова, выслан в Архангельскую губ. Был в сношениях с членами кружка лавристов, А. Таксисом и А. Мурашкинцевым.

(Д. № 204, 1879 г., 2-го отд. канц. СПБ. врем. ген.-губ,. д. № 603, 1879 № 169, 1877 г., 3-й Эксп., 3-го отд. с. е. и. в. канц.)

6) Потулов, Никандр Николаевич, бывший студент медико-хирургической академии. Был арестован в ночь на 14 октября 1879 г. При обыске были найдены выписки из журнала «Вперед». После двухмесячного тюремного заключения был подчинен особому надзору полиции. По агентурным сведениям — «занимал не последнее место в революционной среде», был в сношениях с членами польского революционного кружка.

(Д. № 234, 1879 г., 2-го отд. канц. СПБ. врем. ген.-губ., № 603, 1879 г., 3-й Эксп. 3-го отд. с. е. и. в. канц.)

7) На полях копии в 3-м отделении сделана надпись карандашом: Вилленц.

Густав Германович Вилленц, по кличке «Густав-сапожник», родился в 1857 г в 1878 г. был вольнослушателем ветеринарного отделения Медико-Хирургической Академии, откуда был исключен после ареста, окончил курс в Дерптском (Юрьевском) ветеринарном институте, впоследствии магистр ветеринарии, в 1913 г. редактор журнала «Ветеринарный Врач».

Был известен 3-му отделению еще с 1876 г., когда принимал участие в казанской демонстрации. По воспоминаниям Н. С. Тютчева, принадлежал к кружку лавристов, который вел пропаганду среди рабочих с 1876 г. или даже с 1875 г. В 1877 г. Вилленц устроил сапожную мастерскую (отсюда его кличка «Густав-сапожник»), в 1878 г как отмечается в агентурных сведениях, у Вилленца была большая библиотека «тенденциозного направления», обслуживавшая рабочих, которым он читал у себя на квартире лекции по политической экономии. Вместе с Н. Ю. Босяцким, студентом московского университета, В. доставал и распространял заграничные издания.

3 ноября 1878 г. у него был произведен обыск, не давший результатов, так как он был заранее предупрежден. Одновременно с этим были арестованы другие лавристы (брат и сестра Мурашкинцевы и др.). 3-ье отделение отмечает, что Вилленц, руководя действиями других, сам оставался всегда в стороне «как человек замечательной осторожности и вполне опытный в делах пропаганды». За первым обыском последовало еще несколько.

Зимой 1878 — 1879 г. Вилленц вместе с другими членами кружка вел деятельную пропаганду на заводе Голубева, на Путиловском заводе и на ткацких фабриках Шо и Новой Бумагопрядильне; принимал участие в подготовке январской стачки 1879 г. на двух последних фабриках, за что был арестован, по соглашению министра внутренних дел с 3-м отделением с. е. и. в. канцелярии, в феврале 1879 г. выслан в административно

порядке в Архангельскую губ. и поселен в Шенкурске. В августе 1880 г. состоялось постановление Верховной Распорядительной Комиссии об освобождении Вилленца из ссылки с оставлением его на два года под надзором полиции в избранном месте жительства. Вилленц поселился на родине, в Житомирской губ., затем переехал в Харьков, позже в Юрьев. В 1900 г. служил в московском земстве. В 1905 г. его имя фигурировало в списках членов союза союзов Московской губернии.

(Д. 3-го отд. с. е. и. в. канц.: №.№№ 214 и 442 за 1878 г., 3-ей Эксп.; № 73, ч. 1, 2 и 3 за 1879 г., 3-й Эксп.; Д. б. департамента полиции, № 829, 1900 г., 3 делопр.).

Сообщила Э. *Корольчук*.

УКАЗАТЕЛЬ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ.

Страница 128, последняя строка.
Напечатано: приложение № 17; следует: приложение № 16.

Страница 196, восьмая строка сверху.
Пункт 4-ый в копии брошюры, находящейся в д. 3 делопр. 1887 г. № 495 и снят... с гектографированного ее издания, читается следующим образом: На какие си... думают они опираться при проведении социалистических реформ?

Страница 346.
Письмо В. И. Засулич к М. К. Крыловой ошибочно набрано, вместо обыкновенно... шрифта петитом.

Цена 2 р. 75 к.

